БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

МИР КОЛЬЦО

Мир-Кольцо

Ларри Нивен, Брайан Олдисс

Аннотация
МИР-КОЛЬЦО
Ларри Нивен. МИР-КОЛЬЦО
Глава 1. ЛУИС ВУ...
Глава 2. ...И ЕГО ПЕСТРАЯ КОМАНДА
Глава 3. ТИЛА БРАУН
Глава 4. ГОВОРЯЩИЙ С ЖИВОТНЫМИ
Глава 5. РОЗЕТТА
Глава 6. ГОЛУБАЯ ЛЕНТА
Глава 7. ТРАНСФЕРНЫЕ ДИСКИ
Глава 8. КОЛЬЦО
Глава 9. ЧЕРНЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ
Глава 10. ПОВЕРХНОСТЬ КОЛЬЦА
Глава 11. НЕБЕСНАЯ ДУГА
Глава 12. КУЛАК БОГА
Глава 13. ЗВЕЗДНЫЕ СЕМЕНА
Глава 14. ИНТЕРЛЮДИЯ С СОЛНЕЧНИКАМИ
Глава 15. ЗАМОК ИЗ СНОВИДЕНИЙ
Глава 16. КОМНАТА КАРТ
Глава 17. ГЛАЗ ЦИКЛОНА
Глава 18. СЛУЧАЙНОСТИ ТИЛЫ БРАУН
Глава 19. В ЛОВУШКЕ

Глава 20. МЯСО
Глава 21. ДЕВУШКА ИЗ-ЗА КРАЯ
Глава 22. ИСКАТЕЛЬ
Глава 23. ГАМБИТ БОГА
Брайан Олдисс. БЕЗ ОСТАНОВКИ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАБИНЫ
1
2
3
4
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БЕЗДОРОЖЬЯ
1
2
3
4
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НОС
1
2
3
4
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ
1
2
3
4
5

Аннотация

В книгу вошли романы известных зарубежных фантастов. Роман “Мир-Кольцо” был удостоен авторитетнейшей литературной премии “Хьюго”, роман “Без остановки” вошел в число лучших произведений английской фантастики.

На русском языке публикуются впервые.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ларри Нивен — МИР-КОЛЬЦО
Брайан Олдисс — БЕЗ ОСТАНОВКИ

Художник: В.Ан

На обложке использованы работы художника: Бориса Вальехо

МИР-КОЛЬЦО

Larry Niven

Ringworld

Brian W Aldiss

Non-stop

Ларри Найвен

МИР

КОЛЬЦО

Брайан Олдисс

БЕЗ

ОСТАНОВКИ

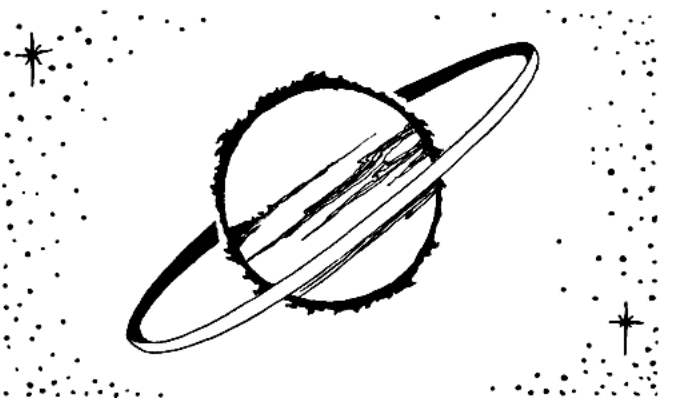
Ларри Нивен

МИР-КОЛЬЦО

Ларри Найвен

МИР КОЛЬЦО

роман



Глава 1. ЛУИС ВУ…

Луис Ву материализовался в центре погруженного в темноту Бейрута, в одной из ряда трансферных кабин.

Его тридцатисантиметровая косичка сверкала идеальной белизной искусственного снега, кожа на бритой голове была желтая, зрачки золотые.

Одет он был в голубой халат с вышитым золотым трехмерным драконом. В момент материализации на его лице была широкая улыбка, открывающая великолепные жемчужные идеально ровные зубы. Он улыбался и махал рукой. Однако улыбка тут же исчезла, и лицо Луиса Ву стало похоже на обвисшую резиновую маску. Ему было уже немало лет.

Какое-то время он смотрел на кипевшую вокруг жизнь Бейрута, на людей, появляющихся в кабинах из неведомо каких мест, на толпы пешеходов, бродящих по выключенным на ночь тротуарам. Часы начали бить одиннадцать ночи. Луис Ву выпрямился и вышел в ожидающий его мир.

В Реште, где еще продолжался устроенный им прием, уже наступил следующий день, а здесь, в Бейруте, он наступит через час. В ресторане под открытым небом он поставил всем по нескольку порций ракии, спел за компанию несколько песен по-арабски и на интерволде, а около полуночи — перенесся в Будапешт.

Интересно, заметили ли, что он ушел со своего приема? Вероятно, все решат, что он исчез с какой-нибудь женщиной и снова появится через несколько часов.

Но Луис Ву ушел один, убегая от настигающей полуночи, от нового дня. Двадцати четырех часов было решительно мало, чтобы отметить двухсотый день рождения.

Они справятся и без него. Друзья Луиса сами о себе позаботятся. В этом смысле его принципы были непоколебимы.

В Будапеште ждало вино, танцы, местные жители, принявшие его за богатого туриста, и туристы, решившие, что он богатый туземец. Он танцевал, пил вино и исчез перед полуночью.

В Мюнхене он вышел на прогулку.

Воздух был теплый и чистый, от этого в голове немного прояснилось. Он бодро шел по ярко освещенным движущимся тротуарам, добавляя к их

десятимильной скорости скорость своего марша. Неожиданно мелькнула мысль, что в любом месте на Земле есть тротуары, и все они движутся со скоростью десяти миль в час.

Эта мысль была невыносима — не нова, а просто невыносима. Насколько же похож Бейрут на Мюнхен, на Решт… и на Сан-Франциско… и на Топику, Лондон, Амстердам… В магазинах, мимо которых двигались тротуары, везде можно было получить одно и то же. Все люди, мимо которых он ехал, выглядели одинаково и одинаково одевались. Не американцы, не немцы, не египтяне — просто люди. Это обезличивание вместо неисчерпаемой, казалось бы, оригинальности было заслугой действующих уже три с половиной столетия трансферных кабин, которые покрывали мир густой сетью. Расстояние между Москвой и Сиднеем сократилось до доли секунды и десятистаровой монеты. За прошедшие столетия города так перемешались между собой, что их названия стали всего лишь реликтами далекого прошлого.

Сан-Франциско и Сан-Диего стали северным и южным концами одного огромного, вытянутого вдоль побережья города. Однако много ли людей знало, где кончается один и начинается другой? Почти никто.

Такие пессимистические мысли мало подходили для двухсотого дня рождения.

Но соединение и перемешивание городов было чем-то вполне реальным. Все это происходило на памяти Луиса. Национальные, временные и исторические иррациональности соединялись в одну большую, монотонную рациональность огромного Города.

Кто сегодня говорит по-немецки, английски, французски или испански? Все пользуются интерволдом. Мода менялась разом по всему миру, единым конвульсивным чудовищным спазмом.

Неужели пришло время уйти в очередной Отрыв?

В одиночку, в маленьком корабле, в неизвестность… Пусть кожа, глаза и волосы обретут естественный цвет, а борода растет как и сколько ей влезет…

— Глупости, — сказал сам себе Луис Ву. — Ведь я вернулся совсем недавно.

Двадцать лет назад.

Приближалась полночь. Луис Ву нашел свободную трансферную кабину, вложил в прорезь считывающего устройства ридера свою кредитную карту и набрал код Севильи.

Материализовался он в комнате, залитой солн-

цем.

— Что такое? — удивился он, щуря привыкшие к темноте глаза. Должно быть, что-то испортилось в кабине. В Севилье в это время не должно быть солнца.

Луис Ву поднял руку, чтобы попробовать еще раз, потом машинально вгляделся и замер. Он был в абсолютно стандартном, скучном и прозаичном гостиничном номере, поэтому вид его постояльца шокировал вдвойне.

С центра комнаты на Луиса смотрело нечто не только не человеческое, но даже не гуманоидное. Оно стояло на трех ногах и разглядывало Луиса глазами, помещенными на двух плоских головах, которые покачивались на тонких гибких шеях. Кожа создания была белой и на взгляд — необычно нежной, а между шеями вдоль позвоночника и на бедре задней ноги росла густая длинная грива. Две передние ноги были широко расставлены, так что маленькие копытца находились в вершинах почти идеального равностороннего треугольника.

Луис сразу догадался, что создание было каким-то животным с чужой планеты. В этих плоских головках не нашлось бы места для мозга достаточного размера. Потом его внимание привлекла

поросшая густой гривой выпуклость между шеями… и вдруг вернулось с глубины в сто восемьдесят лет, всплыло воспоминание.

Это был кукольник, точнее, кукольник Пирсона. Его череп и мозг были именно под этим горбом, и он ни в коем случае не был животным, но обладал разумом, по меньшей мере, сравнимым с человеческим. Его глубоко посаженные глаза, по одному на каждой голове, неподвижно вглядывались в Луиса Ву.

Луис попытался открыть дверь кабины. Бесполезно.

Но он был закрыт в кабине, а не ВНЕ ее. В любую минуту он мог набрать какой-нибудь код и исчезнуть, но такая мысль просто не пришла ему в голову. Не каждый день встречаешь кукольника. Они исчезли из известного людям космоса задолго до рождения Луиса.

— Чем могу служить? — спросил Луис.

— Да, можешь, — ответил чужак голосом, взятым из роскошнейшего сна подростка. Женщина, обладающая таким голосом, должна быть Клеопатрой, Еленой, Мерилин Монро и Лорелеей Хантц одновременно.

— Ненис!

Проклятие было как нельзя более к месту. Нет

в мире справедливости! Чтобы таким голосом говорило двухголовое существо непонятного пола!

— Не бойся, — сказал кукольник. — Ты знаешь, что можешь уйти, если захочешь.

— В школе нам показывали снимки таких, как ты. Вы исчезли совсем… Во веком случае, так казалось нам.

— Когда мой вид покинул известный вам космос, меня с ними не было, — ответил чужак. — Я остался в известном космосе, ибо был нужен моему виду здесь.

— А где ты прятался? И где, черт побери, мы находимся?

— Это не должно тебя беспокоить. Ты Луис Ву ММГРЕПЛН?

— Откуда ты знаешь мой код? Ты следил за мной?

— Да. Мы можем контролировать сеть трансферных кабин вашего мира.

Луис осознал, что это действительно возможно. Потребуется целое состояние на взятки, но это не проблема. Вот только…

— А зачем?

— Долго объяснять…

— Ты не выпустишь меня отсюда?

Кукольник на секунду задумался.

— Полагаю, что придется. Но сначала убедись, что я не безоружен. Я смогу тебя остановить, если ты нападешь на меня.

Луис Ву фыркнул и пожал плечами.

— А зачем мне это? Кукольник не ответил.

— Ах, да, теперь я вспомнил. Вы просто трусы. Вся ваша этика основана на трусости.

— Хоть и неточная, пусть эта оценка останется.

— Вообще-то могло быть и хуже, — буркнул Луис.

У каждой разумной расы были свои чудачества. Все-таки легче было договориться с кукольником, чем с генетически параноидальным триноком, кзином с его неудержимыми рефлексами хищника или с медлительным грогсом с его шокирующим заменителем хватательных органов.

Вид стоящего перед ним кукольника вызвал у Луиса целую лавину хаотических воспоминаний.

С научными данными о кукольниках, об их торговой империи, о контактах с людьми и, наконец, о неожиданном исчезновении были перемешаны воспоминания о вкусе первой в жизни сигареты, об ударах неловкими пальцами в клавиатуру пишущей машинки; всплыли списки слов интерволда, которые нужно было

заучить наизусть, звучание и вкус английского языка, неуверенность и разочарования молодости. Впервые он узнал о кукольниках на лекции по истории, а потом забыл о них на целые сто восемьдесят лет. Просто невероятно, сколько всего может вместить человеческий мозг!

— Я останусь здесь, если хочешь, — сказал он.

— Нет. Мы должны встретиться ближе.

Под гладкой кожей кукольника нервно перекатились мышцы. Дверь открылась, и Луис Ву вошел в комнату.

Кукольник отступил на несколько шагов.

Луис сел в кресло, заботясь скорее о психическом комфорте кукольника, чем о своем удобстве. Сидя, он выглядел менее опасным. Кресло было такое же, как и везде, с массажем, подстраивающееся под фигуру, но только под человеческую. В воздухе чувствовался слабый, почти приятный запах — что-то среднее между аптекой и лавкой пряностей.

Чужак присел на подогнутую заднюю ногу.

— Ты удивлен, зачем я затащил тебя сюда. Потребуется долгое объяснение. Что ты знаешь о моем виде?

— С тех пор, как я учился в школе, прошло много лет… Когда-то у вас была настоящая торговая

империя, правда? То, что мы называем “известным космосом”, составляло только малую ее часть. Известно, что вы торговали с триноками, а мы сами столкнулись с ними только двадцать лет назад.

— Да, мы имели с ними дела. В основном, через роботов, насколько я помню.

— У вас была империя, существовавшая непрерывно по крайней мере несколько тысяч лет и протянувшаяся на сотни световых лет. А потом вы исчезли, оставили все, что имели. Почему?

— Разве об этом уже забыли? Мы бежали от взрыва ядра Галактики!

— Да, я знаю. — Луис вспомнил даже, что цепная реакция Новых была открыта именно кукольниками. — Но почему теперь! Звезды ядра превратились в Новые десять тысяч лет назад. Их свет доберется сюда не раньше, чем через двадцать тысяч лет.

— У людей не должно быть столько свободы, — ответил кукольник. — Вы обязательно сделаете себе плохо. Вы не видите опасности? Идущее со светом излучение превратит эту часть Галактики в пустыню!

— Двадцать тысяч лет — это прорва времени.

— Гибель и через двадцать тысяч лет оста-

нется гибелью. Мой вид бежал в направлении Магеллановых Облаков. Часть из нас осталась на тот случай, если миграции кукольников будет угрожать какая-нибудь опасность. Теперь это случилось.

— Да? А что это за опасность?

— Пока я не могу ответить на этот вопрос. Но взгляни вот сюда, — кукольник взял лежащий на столе предмет, и Луис, который все время гадал, где у кукольника руки, увидел, что вместо рук он использует губы.

“И очень хорошо использует”, — подумал он, когда кукольник подал ему предмет, который оказался голограммой. Большие, словно резиновые, губы кукольника на несколько дюймов выступали за зубы. Они были сухими, как человеческие пальцы, и окружены маленькими выростами. За сточенными плоскими зубами травоядного Луис заметил подвижный язык.

Он взглянул на голограмму.

Поначалу он просто не понял, что это такое, но продолжал терпеливо всматриваться, ожидая, пока образ сложится в осмысленное целое. Небольшой ярко-белый диск, похожий на солнце класса C0, K9 или K8, перечеркнутый ровной черной полосой. Но это не могло быть солнцем.

Частично скрытая за ним, четко отделяясь от черного фона, виднелась полоса необычайно чистой голубизны. Полоса была идеально ровной, с острыми краями из твердого материала, явно искусственной и более широкой, чем белый кружок.

— Похоже на звезду, окруженную обручем, — сказал Луис. — Что это, собственно, такое?

— Можешь оставить это себе, если хочешь. Теперь я могу открыть тебе причину, по которой затащил тебя сюда. Я предлагаю создать исследовательский отряд, состоящий из четырех членов, включая тебя и меня.

— И что мы будем исследовать?

— Этого я пока сказать не могу.

— Не шути. Нужно быть идиотом, чтобы решиться на то, о чем ничего не знаешь.

— Всего наилучшего по случаю двухсотого дня рождения, — сказал кукольник.

— Спасибо, — ответил несколько удивленный Луис.

— Почему ты ушел со своего приема?

— Это не твое дело.

— Мое. Прости меня, Луис Ву. Почему ты ушел со своего приема?

— Я просто подумал, что двадцать четыре часа

— маловато, чтобы как следует отметить двухсотый день рождения. Вот я и продлил себе этот день, убегая от полуночи. Как чужак, ты не в состоянии это понять.

— Ты был упоен радостью этого дня?

— Ну, не совсем. Пожалуй, нет… Даже наверняка. Хотя сам прием был очень хорош.

Начался он вчера, сразу после полуночи. Почему бы и нет? Его друзья были раскиданы по всем часовым поясам, и не было никаких причин терять хотя бы одну-единственную минуту. По всему дому были расставлены миниспальни для короткого, но глубокого сна. Тех, кто не хотел терять время на сон, ждали возбуждающие средства, одни — с интересным побочным действием, другие — без.

На прием явились и те, кого Луис не видел самое малое сто лет, и те, с кем он виделся ежедневно. Некоторые из них когда-то, очень давно, были его смертельными врагами. Были женщины, которых он никак не мог вспомнить и удивлялся теперь, сколько раз за эти годы у него менялся вкус.

Как и следовало ожидать, одно представление гостей заняло несколько часов. Ох, уж этот список фамилий, и все нужно было запомнить! Слишком

много друзей стали совершенно чужими.

За несколько минут до новой полуночи Луис Ву вошел в трансферную кабину, набрал код и исчез.

— Мне стало смертельно скучно, — признался он. — "…Луис, расскажи нам о своем последнем Отрыве!", "Как ты можешь быть так одинок, Луис?", "Как хорошо, что ты пригласил тринокского посла", "Мы так долго тебя не видели, Луис!", "Эй, Луис, знаешь сколько нужно джинксов, чтобы покрасить небоскреб?", "Ну, сколько?", "Что сколько?", "Этих джинксов", "А-а… Трое поливают краской, а двое двигают небоскреб". Я слышал эту шутку еще в детском саду. Все то, что было в моей жизни, все старые шутки, все одновременно — в одном, большом доме… Я не мог это выдержать.

— Ты беспокойный человек, Луис Ву. Ведь это ты придумал Отрывы, правда?

— Не помню. Знаю только, что они быстро распространились. Теперь так делает большинство моих знакомых.

— Но не так часто, как ты. Примерно через каждые сорок лет тебе надоедает общество людей. Тогда ты покидаешь их мир и мчишься к границе известного космоса. Ты летишь один, в маленьком корабле, до тех пор, пока не почув-

ствуешь потребности в чьем-нибудь обществе. Из последнего, четвертого Отрыва ты вернулся двадцать лет назад. Ты беспокоен, Луис Ву. На каждой из планет обжитого людьми космоса ты жил достаточно долго, чтобы тебя принимали за туземца. Сегодня ты ушел со своего приема. Тебя снова мучает беспокойство?

— Это мое личное дело, не так ли?

— Да. А мое дело — вербовка. Ты подходишь для моего исследовательского отряда. Ты можешь рисковать, но сначала все детально рассчитываешь. Не боишься оставаться один на один с собой. Ты достаточно рассудителен и хитер, чтобы жить и после двухсот лет. Поскольку ты всегда заботился о своем теле, в физическом смысле тебе не больше двадцати лет.

И наконец — это, пожалуй, самое главное — ты любишь общество чужаков.

— Это правда, — признал Луис. Он знал нескольких ксенофобов и считал их полными идиотами. Жизнь была бы скучна, если бы вокруг были одни люди.

— Но ты не хочешь принимать решение втемную. Луис, разве тебе мало того, что я, кукольник, буду с тобой? Всего, чего ты мог бы опасаться, я буду опасаться с удвоенной силой и гораздо рань-

ше… Разумная осторожность моей расы стала поговоркой во всей галактике.

— Верно, — согласился Луис. Честно говоря, он уже проглотил приманку. Соединенные вместе ксенофилия, внутреннее беспокойство и любопытство победили: куда бы ни отправлялся кукольник, Луис решил быть с ним. Но он хотел знать больше.

Его позиция в этом торге была великолепна. Сам чужак наверняка не выбрал бы такой комнаты. Это совершенно обычное с человеческой точки зрения помещение явно специально подготовили для вербовки.

— Ты не хочешь говорить, что собираешься исследовать, — сказал Луис. — Может, по крайней мере, скажешь, где это находится?

— В двухстах световых годах отсюда, в направлении Малого Магелланова Облака.

— Путешествие с гиперпространственным двигателем займет два года.

— Нет. У нас есть корабль, который полетит быстрее. Он преодолевает световой год за минуту с четвертью.

Луис открыл рот, но не сумел издать ни звука. Минута и пятнадцать секунд?

— Это не должно удивлять тебя, Луис Ву. Как бы

иначе мы могли послать в ядро Галактики разведчика, который доложил о цепной реакции? Ты должен был догадаться о таком корабле. Если моя миссия закончится успехом, я отдам этот корабль экипажу, отдам вместе с планами, которые позволят построить много таких кораблей. Этот корабль будет твоей… платой, вознаграждением — назови это как хочешь… Ты увидишь его, когда мы догоним миграцию кукольников. Там же ты узнаешь, что является целью нашей экспедиции.

“Когда догоним миграцию кукольников…”

— Хорошо, я готов, — сказал Луис Ву. Увидеть миграцию целой расы! Огромные корабли, несущие на своих палубах сотни миллионов кукольников, целые экологические системы…

— Хорошо. — Кукольник встал. — Наш экипаж будет состоять из четырех членов. Сейчас мы идем за третьим, — и он направился в трансферную кабину.

Луис спрятал таинственную голограмму в карман и пошел за ним. В кабине он попытался прочесть код, который набрал кукольник, но тот сделал это так быстро, что человек ничего не заметил.

Луис Ву вышел из кабины вслед за кукольником и оказался в полумраке роскошного рестора-

на. Он узнал его по черно-золотому декору и совершенно неэкономичной, если говорить об использовании площади, расстановке столиков. “Малютка” в Нью-Йорке.

Появление кукольника было встречено недоверчивым шепотом. Робот-метрдотель, которого ничем нельзя было пронять, пригласил их к столу. Вместо одного из стульев принесли большую прямоугольную подушку, и на нее уселся кукольник.

— Тебя здесь ждали, — скорее констатировал, чем спросил Луис Ву.

— Да, я заказал столик заранее. Они хорошо умеют обслуживать чужаков.

Только теперь Луис заметил, что кукольник был не единственным представителем чужой расы: за соседним столиком сидели четверо кзинов, а в другом конце зала сидел кдалтино. В этом не было ничего удивительного, если принять во внимание близость здания Объединенных Наций. Луис заказал себе кислую текилью и, как только ее принесли, занялся ею.

— Это была хорошая мысль, — сказал он. — Я умираю от голода.

— Мы здесь не для того, чтобы есть. Нам нужно найти третьего члена экипажа.

— Здесь? В ресторане?

Кукольник повысил голос, чтобы ответить, но то, что он сказал, вовсе не было ответом.

— Ты никогда не видел моего кзина? Его зовут Кхула-Ррит. Я держу его дома. Очень забавная зверушка.

Луис едва не захлебнулся текильей. За столиком позади кукольника каждая из четырех гор оранжевого меха была огромным живым кзином. Теперь все четверо обнажили свои острые, как стилеты, зубы и смотрели в их сторону. Выглядело это так, будто они смеются, но у кзина такая гримаса означает отнюдь не смех: фамилию Ррит носили члены семьи Патриарха Кзинов.

“Впрочем, — подумал Луис, которому удалось, наконец, справиться с несчастной текильей, — оскорбление и так было смертельным, а съеденным можно быть только один раз”.

Ближайший к ним кзин поднялся. Густой оранжевый мех — только вокруг глаз были черные пятна — покрывал существо, которое можно было принять за толстого кота, если бы оно не было восьми футов роста. Вместо жира везде бугрились мышцы, странно расположенные вокруг не менее странного скелета.

Похожие на черные перчатки ладони перехо-

дили в мощные когти. Пятьсот фунтов разумной хищной плоти нависли над кукольником и спросили:

— Скажи, почему ты решил, что можно оскорбить Патриарха Кзинов и жить дальше?

Кукольник ответил сразу, и в голосе его не было заметно ни малейшей дрожи.

— Это именно я на планете Беты Лиры пнул кзина по имени Хафт-Капитан в живот и сломал ему три слоя внутреннего скелета. Мне нужен храбрый кзин.

— Говори дальше, — сказал черноглазый кзин. Несмотря на строение губ, его интерволд был безупречен. В голосе не было слышно ярости, которую он, несомненно, испытывал.

Для постороннего наблюдателя кзин и кукольник могли разговаривать, например, о погоде.

Однако еда, от которой оторвался кзин, состояла из одного красного, дымящегося мяса, подогретого перед подачей до температуры тела. Остальные кзины все это время широко улыбались.

— Этот человек и я, — продолжал кукольник, — будем изучать место, какое не снилось еще ни одному кзину. Для этого нам потребуется кзин. Осмелится ли кзин пойти туда, куда поведет

кукольник?

— Говорят, что кукольники травоядные и всегда скорее бегут от борьбы, чем принимают ее.

— Ты можешь судить об этом сам. Твоей платой, если останешься в живых, будут планы космического корабля плюс сам корабль. Плюс премия за риск.

Кукольник делал все, чтобы еще больше осложнить положение. Кзину не предлагают премию за риск. Кзин ничего не боится, он просто не замечает опасности.

Однако кзин сказал только одно слово:

— Согласен.

Трое его соотечественников что-то фыркнули ему, и кзин фыркнул им в ответ.

Когда говорит один кзин на своем родном языке, это звучит так, словно дерется стая котов. Четверо кзинов, ведущие оживленную дискуссию, напоминали целую кошачью войну с использованием ядерного оружия.

В ресторане немедленно включили глушители, но все равно спор чужаков был слышен.

Луис заказал очередную порцию. Судя по тому, что он знал о кзинах, эти четверо прошли специальную психологическую подготовку, поскольку кукольник был еще жив.

Наконец, спор окончился, и кзины повернулись к ним. Тот, с черными пятнами вокруг глаз, спросил:

— Как тебя зовут?

— Здесь я ношу человеческое имя Несс, — ответил кукольник. — На самом же деле меня зовут… — и тут из обоих ртов кукольника полились музыкальные звуки.

— Хорошо, Несс. Знай же, что мы вчетвером представляем кзинов на Земле. Это Харш, это Фтансс, а тот, с желтыми кольцами — Хррот. Я, как их помощник и кзин низкого рода, не имею имени. По моему занятию меня называют Говорящий с Животными.

Луис скрипнул зубами от ярости.

— Проблема заключается в том, что мы нужны здесь.

Сложные переговоры… впрочем, вас это не касается. Было решено, что без меня здесь вполне обойдутся. Если этот твой корабль действительно окажется стоящей штукой, я присоединюсь к вам. Если же нет — докажу свою храбрость другим способом.

— Хорошо, — сказал кукольник и встал со своей подушки.

Луис не шевельнулся, только спросил:

— А как называют тебя другие кзины?

— На Языке Героев это звучит так… — кзин что-то проскрипел на очень низких нотах.

— Тогда почему ты этого не сказал? Ты хотел нас оскорбить?

— Да, — ответил Говорящий с Животными. — Я был зол на вас. Луис привык к людскому двуличию и ждал, что кзин солжет.

Тогда Луис мог бы сделать вид, что верит этому, и кзин в будущем был бы вежливее… но теперь было слишком поздно. Луис поколебался долю секунды, затем спросил:

— А чего в таком случае требует обычай?

— Мы должны померяться силами врукопашную, как только ты вызовешь меня на поединок, или же один из нас должен извиниться.

Луис встал. Он отлично понимал, что совершает самоубийство, но не менее отлично понимал, что иначе просто нельзя.

— Я вызываю тебя, — сказал он. — Клыки против зубов, когти против ногтей, поскольку для нас двоих нет места во Вселенной.

— Прошу прощения от имени моего товарища Говорящего с Животными, — сказал вдруг, не поднимая головы, кзин по имени Хррот.

— Что? — выдавил Луис.

— Именно в этом заключается моя роль, — пояснил кзин. — Быть под рукой во всех ситуациях, из которых натура кзинов видит только два выхода: сражаться или извиниться. Мы знаем, что происходит, когда мы сражаемся. Сегодня кзинов в восемь раз меньше, чем тогда, когда мы впервые столкнулись с людьми.

Наши колонии стали вашими колониями, наши невольники освободились и учатся человеческой технологии и человеческой этике. В ситуации, когда нужно извиняться или сражаться, моя роль заключается в том, чтобы извиниться.

Луис сел. Похоже, он еще поживет.

— Я бы так не сумел, — сказал он.

— Конечно, нет, раз ты осмелился вызвать кзина на поединок. Но наш Патриарх считает, что я не гожусь ни для чего другого. Я не слишком умен, слаб здоровьем, меня подводит координация движений. Как еще я мог бы заслужить себе имя?

Луис хлебнул из своего стакана, моля в душе, чтобы кто-нибудь сменил тему разговора. Вежливый кзин смущал его.

— Давайте кончим ужин, — предложил Говорящий с Животными. — Или наша миссия начинается прямо сейчас?

— Вовсе нет, — ответил Несс. — У нас еще не

до конца набран экипаж. Меня известят, если мои агенты локализуют четвертого члена. А пока поедим.

Прежде чем вернуться к своему столику, кзин заметил:

— Луис Ву, твой вызов был слишком длинным. Вполне хватило бы обычного вопля ярости. Попросту верещишь и скачешь.

— Верещишь и скачешь, — повторил Луис. — Спасибо, буду знать.

Глава 2. ...И ЕГО ПЕСТРАЯ КОМАНДА

Луис Ву знавал людей, которые, пользуясь трансферной кабиной, закрывали глаза, чтобы побороть головокружение. По его мнению, это была сущая чепуха, но у его друзей бывали заскоки и похлеще.

Он тщательно набрал код. Чужаки исчезли, и кто-то неподалеку воскликнул:

— Смотрите! Луис уже вернулся!

У кабины собралась целая толпа, мешая открыть дверь.

— А, чтоб вас! Что, никто не ушел домой? — Он широко раскинул руки, сгреб их. — Дайте пройти, недоумки. Я жду новых гостей.

— Чудесно! — крикнул кто-то прямо в ухо. Его крепко схватили за руку, всучили полный бокал. Луис обнял семь или восемь гостей разом и улыбнулся, радуясь приему, который ему устроили.

Луис Ву. Его, с бледно-желтой кожей, издали можно было принять за восточного человека. Богатая голубая ткань была наброшена так небрежно, что должна была мешать ему двигаться, но все же не мешала.

Вблизи все оказывалось иначе. Кожа была не бледно-желтой, а с коричневым оттенком, хотя и гладкой, как у героя комиксов. Косичка была слишком толстой и поседела тоже не естественным способом. Она была чисто белого цвета с легким оттенком синевы, словно свет белых карликов. Как и все люди, Луис Ву был окрашен в цвета искусственных красителей.

Житель равнин… Это было видно с первого взгляда. Черты его лица не были ни кавказскими, ни монголоидными, ни негроидными, хотя можно было найти следы каждой из этих рас. Это была идеальная смесь, для которой требовались долгие столетия. Он поднял бокал и улыбнулся своим гостям.

Так получилось, что улыбнулся он паре серебристых глаз, которые были от него в каком-ни-

будь дюйме.

В общей толкотне и суматохе Тила Браун оказалась в конце концов лицом к лицу и грудью к груди с Луисом. Ее голубая кожа была покрыта сетью тоненьких серебряных ниточек, прическа пылала ярко-оранжевым огнем, а глаза отражали все окружающее, как два серебряных зеркальца. Ей было двадцать лет, и Луис уже успел с нею поговорить. То, что она говорила, было банально, полно штампов и легкого энтузиазма, но зато она была очень красива.

— Я обязательно должна спросить, — задыхаясь, сказала она. — Как тебе удалось пригласить сюда тринока?

— Только не говори, что и он еще здесь!

— О нет. Кончился воздух, и он вынужден был пойти домой.

— Неправда, — информировал ее Луис. — У него был запас на несколько недель. Если это тебя действительно интересует, то именно этот тринок был когда-то моим гостем и пленником одновременно. Его корабль со всем экипажем погиб на окраине известного космоса; мне пришлось доставить его на Марграв, чтобы создать ему привычные условия.

Глаза девушки светились восхищением и изум-

лением. Луиса приятно удивило, что они были на уровне его собственных. Из-за хрупкого сложения Тила Браун казалась меньше ростом. Потом она увидела что-то за спиной Луиса, и глаза расширились еще больше.

Из трансферной кабины вышел кукольник Несс.

Покидая “Малютку”, Луис попытался разговорить Несса, чтобы тот подробнее рассказал о цели путешествия, но кукольник боялся следящих лучей.

— Тогда загляни ко мне, — предложил Луис.

— Но твои гости…

— Мой кабинет абсолютно безопасен, и гостей там нет. Кроме того, подумай, какой фурор ты произведешь на приеме! Конечно, при условии, что кто-то там еще остался.

Впечатление было именно таким, какого Луис и ждал. Внезапно единственным звуком, нарушающим тишину, стал перестук кукольниковых копыт. Тем временем из трансферной кабины вышел Говорящий с Животными; он оглядел море окружающих его человеческих лиц и неторопливо обнажил зубы.

Кто-то пролил вино из бокала, стоящие в углу говорящие орхидеи что-то нервно зашелестели.

Люди отшатнулись от кабины. Слышно было, как они тихо шушукаются.

— Ничего с тобой не случится. Я их тоже вижу.

— Отрезвляющие таблетки? Сейчас, где-то они у меня были…

— Ну и придумал, верно?..

— Старый добрый Луис…

— Простите, а как оно называется?

Они понятия не имели, как реагировать на Несса; кукольника почти все проигнорировали, опасаясь ляпнуть какую-нибудь глупость. Еще удивительнее отнеслись они к Говорящему с Животными — кзина, когда-то злейшего врага человечества, приняли с уважением, словно героя.

— Иди за мной, — обратился Луис к кукольнику, надеясь, что кзин пойдет с ними. — Прошу прощения! Прошу прощения! — крикнул он и стал пробиваться сквозь толпу. В ответ на возбужденные и удивленные вопросы он только таинственно улыбался.

Добравшись, наконец, до кабинета, Луис старательно закрыл двери и включил защиту от подслушивания.

— Порядок. Кто хочет выпить?

— Если сможешь подогреть немного бурбона, я охотно выпью, — сказал кзин. — Если не смо-

жешь, я все равно выпью.

— Несс?

— Какого-нибудь растительного сока будет вполне достаточно. Может, у тебя есть теплый морковный сок?

— Брр! — содрогнулся Луис, но передал заказ в бар, и тот секунду спустя выдал бокал теплого морковного сока.

Несс присел на подогнутую заднюю ногу, а кзин тяжело опустился в надувное кресло, которое под его тяжестью чуть не лопнуло, как тоненький шарик. Один из самых давних врагов человека выглядел грозно и одновременно забавно, балансируя на слишком маленьком для него пневматическом сиденье.

Войны между людьми и кзинами были многочисленны и страшны. Если бы кзинам удалось выиграть первую войну, они бы обратили людей в невольников и рабочий скот. Однако этого не произошло, а в войнах, что были потом, значительно большие потери понесли кзины. Обычно они атаковали слишком рано, без подготовки.

Среди неведомых им понятий были такие, как терпение, жалость и ограниченная война. Каждая война стоила им потери изрядной части своей популяции и нескольких, некогда покорен-

ных ими, планет.

Вот уже двести пятьдесят лет кзины не атаковали заселенные человечеством колонии в известном космосе: им просто было нечем и некем атаковать. Двести пятьдесят лет люди не атаковали населенные кзинами планеты, чего ни один из кзинов понять не мог. Кзины вообще не могли понять людей.

Они были прямолинейны и грубы, а Несс, представитель расы, чья трусость вошла в поговорку, смертельно оскорбил в общественном месте четверых взрослых кзинов.

— Расскажи мне еще раз, — попросил Луис, — о врожденной осторожности кукольников. То, что я сегодня видел, не очень-то с этим вяжется.

— Может, это было нечестно с моей стороны, но я не сказал тебе, что соотечественники считают меня безумцем.

— Великолепно, — процедил Луис и глотнул из врученного бокала. В нем оказалась смесь водки, фруктового сока и дробленого льда.

Кзин беспокойно махал хвостом из стороны в сторону.

— Значит, мы должны лететь с психом? Должно быть, ты действительно безумен, если хочешь взять с собой кзина, — сказал Луис.

— Вы слишком легко возбуждаетесь, — сказал Несс своим мягким, нежным, невыносимо чувственным голосом. — Все кукольники, с которыми столкнулись люди, по нашим меркам более или менее безумны. Ни один чужак не видел еще родной планеты кукольников, и ни один нормальный кукольник не доверил бы свою жизнь хрупкой скорлупе космического корабля, который унесет его к чужим мирам, полным смертельных опасностей.

— Безумный кукольник, кзин и я. Четвертый член нашей команды должен, наверное, быть психиатром.

— Нет, Луис. Ни один из кандидатов не является психиатром.

— А почему бы и нет?

— Я действовал не вслепую. — Несс говорил одной парой губ, а другой потягивал из своего бокала. — Сначала был я. Наша экспедиция имела целью принести выгоду моей расе, значит, нужен наш представитель. Он должен быть достаточно безумен, чтобы отправиться в неизвестность, и одновременно — настолько нормален, чтобы воспользоваться своим разумом и выжить. Получилось так, что я отвечаю этим условиям. У нас были важные причины, чтобы включить в ко-

манду кзина. То, что я сейчас скажу, Говорящий с Животными, — большая тайна. Мы уже давно следим за вашим видом. Мы знали о вас еще до того, как вы в первый раз атаковали людей…

— Ваше счастье, что вы тогда не попались нам под руку, — рявкнул кзин.

— Я тоже так считаю. Поначалу мы считали, что кзины грозны, но ни для чего не пригодны. Начались исследования, нельзя ли вас безопасно и безболезненно уничтожить.

— Я тебе шеи узлом завяжу!

— Ничего подобного ты не сделаешь.

Кзин поднялся.

— Он прав, — сказал Луис. — Садись, Говорящий. Убив кукольника, ты не заработаешь себе громкой славы. — Кзин снова сел. Кресло и на этот раз не лопнуло.

— Мы отказались от этой идеи, — продолжал Несс. — Войн с людьми оказалось достаточно для ограничения экспансии кзинов. Вы становились все менее опасными, а мы продолжали наблюдения.

На протяжении нескольких столетий вы шесть раз атаковали населенные людьми планеты. Шесть раз вы были побеждены, каждый раз теряя по две трети мужского населения. Нужно ли гово-

рить, как это характеризовало вашу разумность? Во всяком случае, вам никогда не грозило полное уничтожение. Война не убивала ваших самок, и вид достаточно быстро восстанавливался. Вы просто шаг за шагом теряли огромную империю, чье создание заняло у вас несколько тысяч лет. В конце концов мы поняли, что вы развиваетесь с устрашающей скоростью.

— Развиваемся?

Несс фыркнул что-то на Языке Героев. Луис даже подскочил от удивления: он не предполагал, что гортани кукольника могут и это.

— Да, ты сказал именно так, — согласился Говорящий с Животными. — Не знаю только, как я должен это понимать.

— Эволюция зависит от выживания наиболее приспособленных. Много ваших столетий наиболее приспособленными среди вас были те, кому удавалось избежать столкновений с людьми. Результаты очевидны. Уже почти двести ваших лет между вами и людьми царит мир.

— Эта война не имела бы смысла! Мы не смогли бы ее выиграть!

— Однако это не удержало ваших предков.

Говорящий с Животными глотнул горячего бурбона. Его хвост, голый и розовый, как у крысы,

нервно колотил по полу.

— Вы были разбиты, — продолжал кукольник. — Все живущие сейчас кзины являются потомками тех, кто сумел избежать участия в войне. Некоторые среди вас считают даже, что теперь кзины обладают достаточно большим запасом разумности, выдержки и хороших манер, чтобы мирно сосуществовать с другими расами.

— И потому ты ставишь на кон свою жизнь и рискуешь отправиться в путешествие в обществе кзина.

— Именно, — подтвердил Несс и затрясся всем телом. — Но есть и другие причины. Если моя храбрость окажется полезной, а путешествие принесет выгоду моему виду, я смогу получить разрешение иметь потомство.

— Трудно поставить это в ряд других причин, — заметил Луис.

— Есть еще одна причина взять с собой кзина. Мы окажемся в чуждом окружении, полном неизвестных опасностей. Кто защитит меня? Кто подходит для этого лучше кзина?

— Защищать кукольника?

— Это звучит странно?

— Еще как, — сказал Говорящий с Животными. — Кроме того, это соответствует моему

чувству юмора. Ну, а он? Луис Ву?

— Сотрудничество с людьми для нас оказалось очень выгодным, поэтому вполне понятно, что мы решились по крайней мере на одного человека. Луис Гридли Ву с его беззаботным и сумасшедшим образом жизни — особь с огромным потенциалом выживания.

— Именно — беззаботный и сумасшедший. Он вызвал меня на поединок.

— Если бы не вмешательство Хррота, ты принял бы этот вызов? Нанес бы ему вред?

— Чтобы сразу же отправиться домой за провоцирование серьезного дипломатического инцидента? Но дело ведь не в этом, правда?

— Может, именно в этом. Луис жив, а ты убедился, что не можешь запугать его. Надеюсь, ты понимаешь, что из этого следует?

Луис хранил вежливое молчание: если кукольник хочет представить его хладнокровным игроком, он не имеет ничего против.

— Ты объяснил свои мотивы, — сказал Говорящий с Животными. — Теперь поговорим о моих. Что ты можешь предложить мне за участие в твоей экспедиции?

И начался торг.

Для кукольников гиперпространственный

привод типа квантум II представлял огромную ценность. Благодаря ему космический корабль мог преодолевать световой год за минуту и пятнадцать секунд, тогда как обычно на это уходило три дня. Но обычный корабль мог брать на борт какой-нибудь груз.

— Мы установили двигатель в корпусе “Дженерал Продактс” номер четыре, самом большом, какой вообще производится. Когда наши ученые и инженеры закончили работу, оказалось, что почти весь корпус забит машинами, поэтому нам будет немного тесно.

— Экспериментальная модель, — буркнул кзин. — А как ее испытывали?

— Корабль совершил путешествие до ядра Галактики и обратно.

Это был единственный в своем роде полет. Кукольники не могли детально изучить корабль сами и не могли найти никого, кто сделал бы это, поскольку находились в миграции.

Корабль не нес на борту практически никакого груза, хотя корпус его был более мили в диаметре. Более того, уменьшение скорости кончалось немедленным возвращением в нормальное космическое пространство.

— Нам он уже не нужен, — говорил Несс, — зато

вам может пригодиться. Мы отдадим его экипажу вместе со всеми необходимыми планами. Вы, несомненно, сможете внести в него множество усовершенствований.

— За такое я наверняка получил бы имя, — заметил кзин. — Собственное имя. Я должен посмотреть этот корабль в деле.

— Ты можешь сам полететь на нем.

— За такой корабль сам Патриарх дал бы мне имя. В этом я уверен. Какое бы я выбрал? Может… — Кзин что-то очень громко фыркнул.

Кукольник ответил ему на том же языке.

Луис нетерпеливо дернулся. Он не мог принять участие в разговоре на Языке Героев и уже хотел оставить их одних, но тут вспомнил о таинственной голографии. Он вынул ее из кармана и бросил кзину.

Говорящий с Животными подхватил ее, осторожно взял двумя пальцами и рассмотрел против света.

— Похоже на звезду, окруженную каким-то кольцом, — сказал он после паузы. — А что это на самом деле?

— Это связано с целью нашего путешествия, — ответил кукольник. — Ничего больше я пока сказать не могу.

— Какой скрытный! Когда мы отправимся?

— Думаю, что это вопрос считанных дней. Мои агенты непрерывно ищут четвертого члена экипажа.

— Значит, нам остается только ждать. Луис, можем мы присоединиться к твоим гостям?

Луис встал и потянулся.

— Разумеется. Пусть немного подрожат. Говорящий, прежде чем мы туда пойдем, я хочу кое-что предложить. Не принимай это за попытку оскорбить тебя. Но…

Прием разделился на несколько групп: одни смотрели стереовизор, другие играли в бридж и покер, третьи занимались любовью парами или большими группами, четвертые рассказывали истории, а пятые пали жертвами питья и закусок. Довольно много этих “пятых” лежало на газоне, нежась в рассветных лучах. Неподалеку от них расположились Несс, Говорящий с Животными, Луис Ву, Тила Браун и работающий на максимальной скорости самодвижущийся бар…

Сам газон был ухожен в лучших британских традициях: его подсеивали и подстригали по крайней мере пятьсот лет кряду. В конце этого пятисотлетия разразился биржевой крах; в результате Луис Ву стал обладателем солид-

ной суммы, а некая аристократическая семья — наоборот, разорилась. Трава была зеленая и блестящая; настоящая, разумеется. Никто и никогда не рылся в ее генах в поисках сомнительных соединений. У подножия травянистого склона был теннисный корт, по нему взад-вперед бегали маленькие фигурки, энергично размахивая ракетками.

— Спорт — это великолепно, — лениво заметил Луис Ву. — Я мог бы сидеть и смотреть на них хоть целый день.

Смех Тилы немного удивил его. Он подумал о миллионах шуток, которые она никогда не слышала и не услышит, ибо их уже все позабыли, а из тех, что помнил Луис, по крайней мере 99 % были с длинной бородой. Прошлое и современность стыкуются редко.

Луис лежал на траве, положив голову на колени Тилы. Бар наклонился над ними, чтобы он мог дотянуться до клавиатуры, не поднимаясь; он заказал две порции моха, схватил бокалы и вручил один из них Тиле.

— Ты напоминаешь мне девушку, которую я когда-то знал, — сказал он. — Ты слышала о Пауле Черенков?

— Это художница? Из Бостона?

— Да. Теперь она уже отошла от дел.

— Это моя пра-пра-прабабка. Когда-то я даже была у нее.

— Когда-то из-за неё мое сердце бесилось. Ты могла бы быть ее сестрой.

Смех Тилы приятной дрожью отозвался в позвоночнике Луиса.

— Обещаю, что с моей стороны тебе ничего такого не грозит, конечно, если ты объяснишь, что это такое.

Луис задумался. Выражение было его собственным, придуманным для того, чтобы выразить неописуемое состояние, в котором он тогда находился. Он не часто пользовался им, и ему никогда не приходилось его объяснять. Люди, как правило, понимали, что это значит.

Было спокойное, нежное утро. Если бы он теперь лег, то спал бы часов двадцать: усталость давала себя знать. В объятиях Тилы ему было хорошо и удобно. Половину гостей Луиса составляли женщины, большинство из них когда-то были его женами или любовницами. В начале приема он отмечал свой юбилей, уединяясь по очереди с тремя женщинами, которые когда-то были для него очень важны, а он для них.

С тремя или четырьмя? Нет, с тремя. Все указы-

вало на то, что он стал неподвластен бешенству сердца. Двести лет оставили на нем слишком много шрамов. А теперь он лежал головой на коленях у женщины, до боли похожей на Паулу Черенков.

— Я любил ее, — сказал он. — Мы были знакомы много лет, часто встречались, а потом однажды вечером начали о чем-то говорить, и я вдруг влюбился. Я думал, что она тоже меня любит. В ту ночь мы не легли в постель. Я спросил ее, не хочет ли она выйти за меня замуж. Она ответила, что нет. Тогда ее занимала карьера. “На такие вещи у меня просто нет времени”, — сказала она. И все же мы решили вместе поехать в Амазонский Народный Парк, — устроить что-то вроде медового месяца. Следующая неделя была настоящими качелями настроений. Я купил билеты и забронировал номера в отелях. Ты когда-нибудь любила человека, точно зная, что недостойна его?

— Нет.

— Я был тогда молод. Два дня я убеждал себя, что все-таки достоин Паулы Черенков. Наконец, мне это удалось, а она вдруг объявила, что не поедет. Не помню уже, почему. Во всяком случае, причина была. В ту же неделю мы еще несколько раз обедали вместе. Ничего не происходило. Я

старался не быть навязчивым, и думаю, она даже не догадывалась, чего мне это стоило. Я все время то взмывал вверх, то летел вниз. А потом все стало ясно. Она сказала, что не любит меня, что нам было хорошо вместе и что мы должны остаться хорошими друзьями. Я был не в ее вкусе. Я думал, что мы любим друг друга. Может, и она так думала; по крайней мере, с неделю. Нет, она не была жестокой — просто она понятия не имела, что происходит.

— А как же с этим бешенством?

Луис поднял взгляд на Тилу Браун. Серебряные глаза ответили ему зеркальным взглядом, и Луис понял, что она ничего не поняла.

Ему часто приходилось иметь дело с чужаками. Интуитивно, а может быть, благодаря большому опыту, он чувствовал, когда то или иное понятие было слишком чужим, чтобы его можно было уразуметь. Здесь он имел дело с такой же непреодолимой пропастью.

Какая же бездна отделяла Луиса Ву от двадцатилетней девушки! Неужели он действительно так постарел? А если так оно и есть, то остался ли он еще человеком?

Тила все смотрела на него, ожидая, когда ее просветят.

— Ненис! — выругался Луис и вскочил на ноги. Комочки земли скатились по его одежде и упали на траву.

Несс разглагольствовал об этике. Он на мгновение прервался (на мгновение в буквальном смысле, так как тут же заговорил другой головой к восторгу слушателей), чтобы ответить на вопрос Луиса. Нет, о результатах поисков четвертого члена экипажа не было никаких донесений.

Говорящий с Животными, окруженный толпой поклонников, разлегся на траве, как оранжевая гора. Две женщины осторожно чесали ему за ушами. Это были особые уши, их можно было развернуть как китайские зонтики или плотно прижать к голове. Сейчас они стояли торчком, и Луис отчетливо видел вытатуированный на каждом из них рисунок.

— Вот видишь! — воскликнул Луис. — Хорошая была мысль.

— Великолепная, — ответил кзин, не меняя позы.

Луис мысленно рассмеялся. Грозная бестия кзин, правда? Но кто испугается кзина, которого чешут за ушами? И гости Луиса и сам кзин благодаря этому чувствовали себя гораздо свободнее. Любое создание размером больше полевой мыши

любит, когда ему чешут за ушами.

— Они все время меняются, — сонно пробормотал кзин. — Подошел какой-то мужчина, сказал женщине, которая меня чесала, что он тоже это любит, и они тут же ушли. Должно быть, это очень интересно — принадлежать к виду с двумя разумными полами.

— Порой это бывает даже слишком интересно.

— В самом деле?

Девушка, чесавшая кзина за левым ухом — ее кожа напоминала черную бездну космоса со сверкающими звездами и галактиками, а волосы развевались, как хвост кометы — оторвалась от своего занятия.

— Тила, теперь твоя очередь, — весело сказала она. — Я хочу есть.

Тила послушно села к большой оранжевой голове.

— Тила Браун, познакомься — это Говорящий с Животными. Чтобы вы с ним…

Рядом с ними вдруг зазвучала странная, путаная музыка.

— …жили долго и счастливо. Что это такое? А-а, это ты Несс. Что-то случилось?

Источником музыки были две чудесные гортани кукольника, он бесцеремонно втиснулся

между Луисом и девушкой и спросил:

— Ты Тила Джендрова Браун, идентификационный код ИКЛУГГТИН?

Девушка удивилась, но не испугалась.

— Да, меня зовут именно так, а свой код я просто не помню. А в чем дело?

— Уже неделю мы прочесываем всю Землю, ищем тебя, а я встречаю тебя на вечеринке совершенно случайно! Мои агенты не дождутся награды.

— Нет, только не это… — тихо простонал Луис. Тила встала, не зная, как себя вести.

— Я вовсе не пряталась ни от тебя, ни от кого другого. В чем, собственно, дело?

— Подожди! — Луис встал между кукольником и девушкой. — Несс, Тила не годится в открыватели. Выбери кого-нибудь другого.

— Но, Луис…

— Минуточку, — вставил кзин, садясь. — Позволь кукольнику самому подбирать членов экипажа.

— Но ты посмотри на нее!

— А ты посмотри на себя. Неполные два метра роста, худой даже для человека. Похож ли ты сам на открывателя? Правда, Несс?

— В чем, собственно, дело? — повторила Тила,

повышая голос.

— Луис, пройдем в твой кабинет, — сказал кукольник. — Тила Браун, у нас есть к тебе предложение. Ты не обязана принимать его, не обязана даже выслушивать, но уверяю, оно покажется тебе интересным.

Спор продолжался уже в кабинете Луиса.

— Она отвечает всем моим требованиям, — упирался Несс, — и потому мы должны взять ее с собой.

— Не может быть, чтобы она была единственной на Земле!

— Нет, Луис, конечно же, нет. Просто мы не в состоянии добраться до остальных.

— А для чего это я могу вам понадобиться?

Кукольник начал ей объяснять. Тут же выяснилось, что Тила Браун совершенно не интересуется астрономией, никогда не была даже на Луне и не испытывала никакого желания пересечь границы известного космоса. Гиперпространственный привод типа квантум II нисколько ее не заинтересовал. Когда на ее лице появилось выражение беспокойства и смущения, в разговор вмешался Луис.

— Несс, а почему ты решил, что Тила должна участвовать в путешествии?

— Мои агенты искали потомков тех, кто выигрывал в Лотерею Жизни.

— Сдаюсь. Ты действительно безумен.

— Вовсе нет. Именно такое поручение я получил от Идеально Укрытого, который ведет нас всех. Его разумность не подлежит сомнению. Вы позволите мне объяснить?

Для людей контроль за рождением уже давно не составлял никакой проблемы. Достаточно было поместить под кожу пациента — чаще всего на предплечье — небольшой кристалл, который растворялся в течение года, и все это время пациент не мог зачать ребенка. Когда-то для этой цели использовали гораздо менее элегантные и надежные методы.

Около середины двадцать первого столетия население Земли стабилизировалось на уровне восемнадцати миллиардов. Совет Людей, орган, созданный по решению Организации Объединенных Наций, принял и провел в жизнь законы, касающиеся контроля за рождением, и более пятисот лет законы эти оставались неизменными: двое детей на семью, если Совет не решит иначе. От постановления Совета зависело, кто и сколько раз мог стать родителем. Совет мог дать дополнительное решение или отобрать одно или

даже два — в зависимости от уровня пригодности данных генотипов.

— Невероятно, — буркнул кзин.

— Почему? Это не шутки — восемнадцать миллиардов людей в тисках примитивной технологии.

— Если бы Патриарх захотел ввести такой закон у кзинов, он умер бы за свое чванство.

— Но люди — не кзины. Пятьсот лет закон действовал, и никто не протестовал против него, пока около двухсот лет назад не пошли сплетни о махинациях Совета. Скандал, который тогда разразился, привел к изменению закона.

Каждый человек, невзирая на состояние и ценность его генов, получал право иметь одного ребенка. Право на второго ребенка и всех последующих автоматически давалось в том случае, если у родителя был необычайно высокий уровень интеллекта, доказанные парапсихические способности, если он был телепатом, происходил из семьи долгожителей или обладал непортящимися зубами.

Право на очередного ребенка можно было купить. За миллион. А почему бы и нет? Умение зарабатывать деньги тоже было весьма ценно и часто определяло способность данной особи к

выживанию. Кроме того, это в зародыше ликвидировало любые попытки перепродажи.

Если кто-то не использовал Первого Права, он мог сражаться на арене. Победитель получал сразу Второе и Третье Право, побежденный терял Первое и свою жизнь. Тем самым счет сходился.

— Я видел эти бои в ваших развлекательных программах, — сказал кзин. — Я думал, это в шутку.

— Нет. Все это было всерьез, — ответил Луис. Тила захохотала.

— А лотерея?

— Сейчас скажу и об этом. При всей гамме средств, замедляющих процесс старения, каждый год умирает людей больше, чем рождается…

Каждый год Совет Людей суммировал количество смертей и эмигрантов, с одной стороны, и количество рождений и иммигрантов, с другой — отнимал один результат от другого и получал, тем самым, количество свободных рождений, которые становились предметом и главным призом Новогодней Лотереи Жизни.

Принять в ней участие мог каждый. При удачном раскладе можно было получить право на десять или даже на двадцать детей — конечно, если это можно назвать удачей. Из участия в

Лотерее не исключали даже отсиживающих свои сроки преступников.

— У меня было четверо детей, — сказал Луис, — из них один — благодаря Лотерее. Вы встретили бы троих из них, если бы явились на двенадцать часов раньше.

— Это очень странно и сложно, — заметил кзин. — Когда наша популяция становится слишком велика…

— …вы атакуете ближайшую людскую планету.

— Вовсе нет, Луис. Мы сражаемся между собой. Чем больше вокруг народу, тем легче кого-то оскорбить или быть оскорбленным самому. Проблема решается сама собой. Мы никогда даже близко не подходили к такой перенаселенности, как на вашей планете!

— Кажется, я начинаю понимать, — сказала Тила Браун. — Мои родители выиграли в Лотерею. — Она нервно рассмеялась. — Если бы не это, меня бы не было на свете. Когда я думаю об этом, то мне кажется, что мой дед…

— Все твои предки до шестого колена рождались благодаря выигрышам в Лотерею.

— Правда? А я и не знала!

— В этом нет ни малейшего сомнения, — заве-

рил ее Несс.

— Я не получил ответа на свой вопрос, — напомнил Луис. — Что это значит для нас.

— Те-Которые-Правят в нашем флоте решили, что люди размножаются для того, чтобы наследовать счастье.

— Что?

Тила Браун заинтересованно подалась вперед. Несомненно, она впервые видела перед собой безумного кукольника.

— Подумай о Лотерее, Луис. Подумай об эволюции. Семьсот лет люди размножаются по простому арифметическому закону: два Права на человека, двое детей на пару. Тот и другой могут получить Третье Право или потерять даже Первое, но подавляющее большинство людей все же имеет двух детей. А потом Право меняется. Уже двести лет от десяти до тринадцати процентов людей рождается на основании разрешения, полученного по Лотерее. Что решает, кто выживет и произведет потомство? Только счастливый случай. А Тила Браун — наследница поколений счастливчиков…

Глава 3. ТИЛА БРАУН

Тила изнемогала от хохота.

— Успокойся, — сказал Луис Ву. — Можно унаследовать густые брови, но не счастье!

— Но можно ведь унаследовать способности к телепатии.

— Это не одно и то же. Телепатия — это реальная психическая сила. Центр ее расположен в правом полушарии мозга, и точно известно, как он работает. Правда, у большинства людей он еще не действует.

— Когда-то и телепатию считали сверхъестественной. А теперь ты утверждаешь, что счастье сверхъестественно.

— Счастье — это счастье. — Положение было действительно смешным, именно таким, как его воспринимала Тила. Однако Луис знал такое, о чем она даже не подозревала: кукольник говорил правду. — Все это вопрос случая. Изменяется какой-то микроскопический фактор и — бах! — ты выходишь из игры, как динозавры когда-то. Или десять раз подряд выбрасываешь шестерку и…

— Есть люди, которые могут воздействовать на это.

— Согласен, это неудачный пример. Речь идет о…

— Именно, — прогудел кзин. При желании он мог голосом потрясать стены. — Дело в том, что мы согласимся на любого, кого выберет кукольник. Это твой корабль, Несс. Так где же четвертый член экипажа?

— Минутку! — Тила вскочила с места. Серебряная сеть сверкала на ее голубой коже, а огненные волосы развевались в струе воздуха из кондиционера. — Все это просто смешно. Я никуда не полечу. Зачем мне вообще куда-то лететь?

— Выбери кого-нибудь другого, Несс. Наверняка у тебя множество подходящих кандидатов.

— Вовсе не множество, Луис. В нашем списке несколько тысяч фамилий, большинство с точными адресами или кодами частных трансферных кабин. Предки каждого из этих людей по крайней мере пять поколений подряд рождаются благодаря выигрышам в Лотерею.

— Так в чем же дело?

Несс начал прохаживаться по комнате.

— Многих дисквалифицировали последующие неудачи, а из остальных нам ни до одного не удалось добраться. Когда мы им звоним, их нет дома. Когда звоним второй раз, компьютер

неправильно соединяет. Когда хотим поговорить с кем-нибудь из семьи Брандтов, звонят все видеофоны в Южной Америке. Были уже жалобы, а это очень неприятно.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

— Ты даже не сказал мне, куда вы летите, — пожаловалась Тила.

— Еще слишком рано. Зато ты можешь…

— Красные когти финагла! Ты даже этого нам не скажешь?

— Ты можешь взглянуть на голографию, она у Луиса. Это единственная информация, которую я пока могу вам дать.

Луис вручил ей голографию с ослепительно белым диском, окруженным голубой лентой. Тила долго смотрела на нее, и только Луис заметил, что от ярости кровь бросилась ей в лицо.

Когда она заговорила, то выплевывала каждое слово, словно косточки от мандарина.

— Это самая сумасшедшая история, о которой я слышала. Ты хочешь, чтобы мы с Луисом полетели куда-то за пределы известного космоса в обществе кзина и кукольника, получив вместо информации о цели путешествия только голографию со светлым пятном, опоясанным голубой лентой? Это… это же смешно!

— Видимо, надо понимать, что ты отказываешься? Брови девушки поднялись.

— Я должен получить ясный ответ. В любой момент мои агенты могут локализовать другого кандидата.

— Именно, — сказала Тила Браун. — Я отказываюсь.

— В таком случае помни, что, согласно вашим законам, ты должна хранить в тайне все, что здесь услышала. Ты получишь гонорар, как консультант.

— А кому я могла бы сказать? — рассмеялась Тила. — Кто бы мне поверил? Луис, неужели ты хочешь отправиться в это неслыханное…

— Да. — Луис уже думал о других делах, а среди прочего — о том, как поделикатнее выставить ее из кабинета. — Но еще не сейчас. Прием продолжается. Кстати, ты не могла бы кое-что сделать для меня? Переключи воспроизведение с четвертой ленты на пятую. И скажи тем, кто будет спрашивать, что я через минуту приду.

Когда дверь за ней закрылась, Луис сказал:

— У меня к тебе просьба, Несс. Для твоего собственного блага. Позволь мне оценивать, годится ли выбранный человек, чтобы лететь в Неизвестное.

— Ты знаешь, какие качества меня интересуют, — ответил Несс. — Знаешь и то, что нам не из кого выбирать.

— Ты сам говорил, что вы нашли несколько тысяч…

— Многие не годятся, а других мы не можем локализовать. Может, ты все-таки скажешь, почему, по-твоему, Тила не годится для наших целей?

— Она слишком молода.

— Любой другой кандидат будет ее ровесником.

— Наследники счастья! Ну, хорошо, не будем об этом дискутировать. Я знаю людей, у которых найдутся и гораздо более серьезные бзики. Некоторые из них еще здесь… Кроме того, ты сам видел, что она не ксенофил.

— Но и не ксенофоб. Она не боится никого из нас.

— У нее нет искры. Нет… нет…

— В ней нет беспокойства, — подсказал Несс. — Она счастлива там, где находится. Это, действительно, минус. Она ничего не хочет. Хотя, откуда мы можем знать? Мы же не спросили ее.

— Ладно, ищи дальше, — буркнул Луис и открыл дверь кабинета.

— Луис! Говорящий! — почти пропел кукольн-

ник. — Пришел сигнал! Один из моих агентов нашел очередного кандидата!

Луис медленно просыпался. Он помнил, что вошел в спальню, надел на голову ленту и запрограммировал сон на час. Вероятно, это и было час назад. Устройство выключилось, а его разбудило давление ленты… Однако на голове ее не было.

Луис резко сел.

— Я сняла ее, — сказала Тила Браун. — Тебе нужен был сон покрепче.

— О, боже, сколько времени?

— Пять минут шестого.

— Хороший же из меня хозяин. Как там прием?

— Сократился до двадцати человек. Не беспокойся, я сказала им, что делаю. Все решили, что это хорошая мысль.

— Ну, ладно. — Луис скатился с кровати. — Спасибо. Может, почтим своим присутствием самых выносливых?

— Сначала я хотела бы с тобой поговорить. Он снова сел. Сонливость медленно проходила.

— О чем? — спросил он.

— Ты действительно летишь в это безумное путешествие?

— Действительно.

— Я не понимаю, почему.

— Я в десять раз старше тебя. Мне не нужно зарабатывать на жизнь и не хватает терпения, чтобы стать ученым. Когда-то я немного писал, но оказалось, что это тяжкий труд, я не ожидал такого. Что мне еще остается? Вот я и развлекаюсь.

Она покачала головой, и по стенам заплясали огненные тени.

— Это вовсе не похоже на забаву.

Луис пожал плечами.

— Мой главный враг — скука. Она убила многих моих друзей, но я ей не дамся. Когда мне скучно, я рискую.

— А не лучше ли сначала узнать, в чем заключается этот риск?

— Я получу много денег.

— Они тебе не нужны.

— Зато человечеству нужно то, что предлагают кукольники. Ты же сама слышала о корабле с гиперпрестранственным двигателем. В известном космосе это единственный корабль, который может преодолеть световой год быстрее, чем за три дня. Ровно в четыреста раз быстрее!

— А зачем летать так быстро?

Луису не хотелось начинать лекцию о взрыве в ядре Галактики.

— Вернемся на прием.

— Нет! Подожди.

— Хорошо.

У нее были длинные ладони с тонкими пальцами, которые сверкали отраженным светом, когда она нервно расчесывала свои пылающие волосы.

— Ненис, не знаю, как это сказать. Луис, сейчас в твоей жизни есть кто-то, кого ты любишь?

Он не ждал такого вопроса.

— Пожалуй, нет.

— Я действительно похожа на Паулу Черенков?

В полумраке спальни она выглядела, скорее, как пылающая жирафа с картины Дали. Ее волосы светились собственным светом, словно яркие оранжевые языки пламени. В этом свете все остальное тело Тилы Браун было только тенью, обозначенной кое-где случайным отблеском. Все недостающие детали были в памяти Луиса: длинные, стройные ноги, округлые груди, нежная красота небольшого лица. Впервые он увидел ее четыре дня назад, она висела на плече Тедрона Догени, который прилетел на Землю лишь затем, чтобы поздравить Луиса.

— Я думал, что это она, — сказал он. — Она живет теперь на Нашем Деле, где я и познакомился

с Догени. Когда я вас увидел, то подумал, что Тед и Паула прилетели одним кораблем. Только подойдя поближе, я заметил разницу. У тебя ноги лучше, но у Паулы красивее походка. Ее лицо было… пожалуй, холоднее. А может, мне только кажется.

За дверью каскадом звуков взорвалась компьютерная музыка, дикая, чистая и какая-то неполная без огней, составляющих с ней единое целое. Тила беспокойно шевельнулась.

— О чем ты думаешь? — спросил Луис. — Помни, что кукольник может выбирать среди тысяч кандидатов. Он может найти четвертого члена экипажа в любой день, в любую минуту. Ну что, идем?

— Идем.

— Останешься со мной, пока мы не отправимся?

Тила кивнула своей огненной головой.

Кукольник появился два дня спустя.

Луис и Тила сидели на газоне? занятые смертельно серьезной игрой в магические шахматы. Луис только что сбил ее коня и начинал уже жалеть об этом. Тила играла по наитию, и ее очередной ход невозможно было предсказать. К тому же она сражалась не на жизнь, а на смерть.

Она думала над ходом, когда к ним подъехал робот, обратив на себя внимание громким писком. Луис взглянул на его экран и увидел на нем двух одноглазых питонов.

— Давайте его сюда, — лениво сказал он.

Тила грациозно встала.

— Вы, наверное, будете говорить о каких-нибудь секретах.

— Возможно. Что ты будешь делать?

— Я давно не читала. — Она погрозила ему пальцем. — Не трогай доску!

В дверях они разминулись с кукольником: она махнула ему рукой, а он прыгнул футов на шесть в сторону.

— Прошу прощения, — сказал он своим чувственным голосом. — Ты меня напугала.

Тила удивленно подняла брови и исчезла в доме, не сказав ни слова.

Кукольник присел возле Луиса, подогнув под себя все три ноги. Один его глаз смотрел на Луиса, тогда как другая голова нервно двигалась, оглядываясь по сторонам.

— Эта женщина может за нами следить?

— Разумеется, — удивленно ответил Луис. — Ты же знаешь, что на открытом пространстве нет защиты от следящих лучей.

— Каждый может шпионить за нами. Луис, пойдем в твой кабинет.

— Ненис! — Луису было очень хорошо там, где он сейчас был. — Ты не мог бы прекратить махать головой? Ведешь себя, как будто смертельно напуган.

— Я боюсь, хотя и знаю, что моя смерть не много бы значила. Сколько метеоритов падает в год на Землю?

— Понятия не имею.

— Мы находимся опасно близко от пояса астероидов^прочем, это не имеет значения, поскольку мы не смогли найти четвертого участника нашей экспедиции.

— Это плохо, — сказал Луис. Поведение кукольника весьма удивило его. Если бы Несс был человеком… Но он был кукольником. — Надеюсь, ты не сдаешься?

— Нет, хотя нас и преследуют неудачи. Последние дни мы ищем некоего Нормана Хэйвуда КДЖММСВТАД, великолепного кандидата.

— …?

— Он абсолютно здоров, ему двадцать четыре и одна треть земного года, его предки шесть поколений подряд рождались благодаря выигрышам в Лотерею. Самое главное, что он любит путе-

шествовать. В нем есть беспокойство, которое нам нужно.

Разумеется, мы пытались с ним связаться. Три дня мои агенты шли за ним по пятам, всегда будучи на один трансфер сзади, тогда как Норман Хейвуд ездил на лыжах в Швейцарии, занимался серфингом на Цейлоне, делал покупки в Нью-Йорке, навещал друзей в Скалистых Горах и Гималаях. Вчера вечером мой агент настиг его в момент, когда он садился в корабль, летящий на Джинкс. Корабль улетел прежде, чем агент переборол естественный страх перед творениями вашей техники.

— Понимаю. У меня тоже бывают дни, когда ничего не получается. А вы не могли отправить ему сообщение на сверхпространственных волнах?

— Луис, эта экспедиция должна остаться в тайне.

— Ах, да…

Сидящая на змеиной шее голова непрерывно вращалась в поисках опасностей.

— В конце концов нам должно повезти, — сказал Несс. — Тысячи потенциальных кандидатов не могут бесконечно прятаться от нас, верно, Луис? Ведь они даже не знают, что мы их ищем!

— Ну, разумеется, ты кого-нибудь найдешь.

Просто должен.

— Чего бы я только ни отдал, чтобы так и было! Луис, как мне это сделать? Как мне лететь в неизвестность с тремя чужаками и в экспериментальном корабле, предназначенном поначалу только для одного пилота? Ведь это же безумие!

— Несс, что тебя мучает? Ведь эта экспедиция — твоя идея.

— Вовсе дет. Я получил приказ от Тех-Которые-Правят, удаленных от меня на двести световых лет.

— Что-то тебя испугало, и я должен знать — что. О чем ты узнал? Ты знаешь, куда и зачем мы летим. Что изменилось? Ведь еще недавно ты был достаточно отважен, чтобы публично оскорбить четырех кзинов. Эй, спокойно, спокойно!

Кукольник спрятал обе головы между передними ногами и свернулся в клубок.

— Ну, ладно, вылезай. — Луис погладил кукольника по обоим затылкам. Несс задрожал. Его кожа была мягкой, как бархат, и очень приятной на ощупь.

— Вылезай, говорю. Ничего с тобой не случится. Я еще могу обеспечить безопасность своим гостям.

— Это было безумие! Безумие! — заплакал

кукольник, откуда-то из-под своего живота. — Неужели я действительно оскорбил четырех кзинов?

— Ну, выходи, выходи. Ничего тебе не грозит! Вот видишь? Плоская голова выскользнула из укрытия и тревожно посмотрела по сторонам.

Бояться нечего.

— Четырех кзинов? А не трех?

— Действительно, я ошибся. Их было только три.

— Прости меня, — появилась и вторая голова. — Период паники прошел. Я в депрессивной фазе цикла.

— Ты можешь с этим как-то справляться? — Луис представил себе невеселые последствия, если в критический момент окажется, что кукольник находится не в той фазе.

— Я могу ждать, пока это не пройдет. Могу спрятаться, если это возможно. Могу постараться, чтобы это не влияло на мою оценку ситуации.

— Бедный Несс. Ты уверен, что не узнал ничего нового?

— А разве того, что я знаю, не достаточно, чтобы испугать любое разумное существо? — Кукольник неуверенно поднялся на ноги. — Откуда здесь взялась Тила Браун? Я думал, ее уже давно

нет здесь.

— Она останется со мной, пока ты комплектуешь экипаж.

— Зачем?

Луис и сам задумывался над этим.

Это имело мало общего с Паулой Черенков. С тех пор Луис слишком изменился. Кроме того, он не имел обыкновения подбирать себе женщин, похожих друг на друга.

Это правда, что спальни были предназначены для двоих, а не для одного… но ведь на приеме были и другие девушки. Правда, не такие красивые, как Тила. Неужели старый мудрый Луис попался на одну красоту?

В этих неглубоких серебряных глазах было что-то большее, чем просто красота. Что-то гораздо более сложное.

— Чтобы не совершить акта чужеложества, — сказал Луис Ву. Он помнил, что говорит с чужаком, который не в состоянии понять подобные сложные, исключительно человеческие проблемы. Только теперь он заметил, что кукольник еще дрожит всем телом. — Пойдем в кабинет, — добавил он. — Он под землей, и можно не бояться метеоритов.

Когда кукольник ушел, Луис отправился искать

Тилу. Он нашел ее в библиотеке, она сидела перед читником и меняла страницы в темпе, голово-кружительном даже для владеющих искусством быстрого чтения.

— Привет, — сказала она. — Как чувствует себя наш двухголовый друг?

— Испуган до потери сознания. А я страшно устал. Нелегко давать психиатрические советы кукольнику Пирсона.

Тила явно повеселела.

— Расскажи мне о сексуальной жизни кукольников! — попросила она.

— Я знаю только, что у Несса нет разрешения на потомство, и это здорово мучает его. Можно подумать, что отсутствие такого разрешения — единственная помеха. Ничего больше мне не удалось у него узнать. Мне очень жаль.

— В таком случае, о чем вы разговаривали?

Луис махнул рукой.

— Триста лет страха — столько времени Несс находится в нашей части Космоса. Он почти не помнит планету кукольников. Мне кажется, за эти триста лет он ни на секунду не переставал бояться.

Луис тяжело опустился в массирующее кресло. Попытки понять совершенно чужие проблемы

утомили его и исчерпали все резервы воображения.

— А что делала ты? Что ты читаешь?

— О взрыве ядра Галактики, — ответила Тила, указывая на экран читника.

На нем виднелись звезды, мириады звезд, сгруппированных в облака, полосы и туманности. Их было так много, что нигде не было видно черноты космоса.

Именно так выглядело ядро Галактики диаметром в пять тысяч световых лет, шаровое скопление звезд на самой оси галактического водоворота. Туда добралось только одно живое существо двести лет назад на борту экспериментального корабля кукольников. Звезды были красные, голубые и зеленые, самые крупные и яркие — красные. В самом центре снимка было ослепительно белое пятно: на нем можно было различить области тени и блеска, но даже эти тени светили во много раз ярче, чем самые яркие из окружающих их звезд.

— Именно для этого вам нужен корабль кукольников, правда?

— Да.

— Как это случилось?

— Звезды находятся слишком близко друг к

другу, — ответил Луис. — В среднем в половине светового года. Чем ближе к центру, тем плотнее. В ядре они уже так близко, что греют друг друга, а разогретые — ярче светят и быстрее стареют. Десять тысяч лет назад все звезды ядра оказались на грани превращения в Новые, и одна из них взорвалась. Выделилось огромное количество тепла и излучения, окружающие звезды все это поглотили, и некоторые из них взорвались. Скажем, три. Выделившееся тепло разогрело следующие, и началась цепная реакция, которую уже ничто не могло остановить. Это белое пятно — Сверхновая. Если хочешь, немного дальше можно найти описывающую все это математику.

— Нет, спасибо. — Как он и ожидал, она отказалась.

— Теперь уже, наверное, все кончилось?

— Да. Свет, запечатленный на снимке, очень стар, хотя еще не добрался до этой части галактики. Цепная реакция должна была закончиться около десяти тысяч лет назад.

— Так в чем же дело?

— В излучении. Быстрые частицы, любые, какие хочешь.

Расслабляющий массаж постепенно начинал действовать. Луис втиснулся поглубже в бесфор-

менную глыбу кресла:

— Известный Космос — это маленький шарик, полный звезд, удаленный от оси Галактики на тридцать три тысячи световых лет. Реакция началась более десяти тысяч лет назад, а это значит, что волна дойдет до нас примерно через двадцать тысяч лет. Верно?

— Да.

— А волна эта не что иное, как всевозможные виды излучения.

— Ох…

— Через двадцать тысяч лет нам придется эвакуировать каждую планету, о которой ты когда-нибудь слышала, а может, и еще больше.

— Двадцать тысяч лет — это прорва времени. Если бы мы начали уже сейчас, то наверняка справились бы, даже с теми кораблями, которые имеем.

— Ты не хочешь думать. При скорости в один световой год за три дня первые наши корабли добрались бы до Магеллановых Облаков не раньше, чем через шестьсот лет.

— Они могли бы останавливаться, чтобы пополнить запасы воздуха и провизии…

— Не знаю, удалось бы кого-нибудь на это подбить или нет, — рассмеялся Луис. — Знаешь, как

это будет выглядеть? Паника начнется, когда люди собственными глазами увидят первые признаки, взрыва. И тогда у них останется не боле ста лет.

Кукольники хорошо придумали. Они отправили разведчика к ядру Галактики, устроив вокруг этого большой шум — им требовались средства на дальнейшие исследования. Разведчик прислал снимки, вроде того, который ты видела. Прежде, чем он успел вернуться, кукольники уже смылись. Мы будем ждать и ждать, а когда наконец решим действовать — окажемся перед трудной проблемой: транспортировать через всю Галактику много триллионов существ. Нам понадобятся самые большие и самые быстрые корабли, какие только существуют, причем в огромном количестве. Уже сейчас нам нужен новый привод, чтобы помаленьку совершенствовать его. Кроме того…

— Ладно, я лечу с вами.

— Что? — Луиса словно по голове стукнули.

— Я лечу с вами, — повторила Тила Браун.

— Ты с ума сошла.

— Но ведь ты летишь, правда?

Луис стиснул зубы, чтобы сдержать гнев. Он заговорил снова, гораздо спокойнее, чем сам мог

ожидать.

— Действительно, лечу. Но у меня есть причины, которых нет у тебя. Кроме того, я лучше знаю, как выжить, ибо занимаюсь этим дольше тебя.

— А мне везет.

Луис презрительно фыркнул.

— У меня тоже есть причины. Может и не такие, как твои, но тоже достаточно важные! — Она повысила голос, в нем отчетливо послышались нотки гнева.

— Да, конечно, я их уже вижу!

Тила постучала пальцем по белому пятну на экране.

— А это? Может, плохая причина?

— Мы получим корабль кукольников независимо от того, полетишь ты или нет. Ты слышала, что говорил Несс. У него есть тысячи таких, как ты.

— Но я одна из них!

— Да, действительно. И что с того?

— Почему ты так заботишься обо мне? Я же не просила тебя опекать меня, правда?

— Извини. Я не имею права ничего запрещать тебе. Ты уже взрослый человек.

— Спасибо, что ты это заметил. Я хочу присоединиться к вашему экипажу, — официальным тоном заявила Тила.

Она действительно была уже взрослой. Ее ни к чему нельзя было принудить: такая попытка не только обличала бы плохое воспитание, но и ничего бы не дала. Но можно ведь попробовать и уговорить..

— Ты вот над чем подумай, — сказал Луис Ву. — Несс делает все, чтобы сохранить экспедицию в тайне. Зачем? Что ему скрывать?

— Это уже его дело, правда? Может, там, куда мы летим, есть что-то ценное? Что-то, что можно захватить?

— А если и так, то что с того? Ведь это за двести световых лет отсюда. Только мы можем туда добраться.

— В таком случае, речь может идти о самом корабле.

Что ни говори, а глупой Тилу нельзя было назвать. Не исключено, что она была права.

— Возьми наш экипаж, — не сдавался Луис. — Двое людей, кукольник и кзин. Ни одного профессионального ученого или астронавта.

— Я знаю, к чему ты клонишь, Луис, можешь не терять времени. Я лечу с вами и очень сомневаюсь, что тебе удастся удержать меня.

— Ты должна, по крайней мере, знать, во что суешься. Откуда такой странный выбор экипажа?

— Это проблема Несса.

— Боюсь, что и наша. Несс получает распоряжения непосредственно от Тех-Которые-Правят. Похоже, он только несколько часов назад понял, что именно означают эти распоряжения. Он испуган. Эти… эти жрецы выживания играют на четырех столиках одновременно, не говоря уже о самой цели путешествия. — В глазах Тилы появился интерес, и Луис с удвоенной энергией продолжал: — Во-первых, Несс. Если он достаточно безумен, чтобы высадиться на неизвестной планете, то хватит ли ему здравого смысла, чтобы выжить? Те-Которые-Правят должны это знать. Добравшись до Магеллановых Облаков, они начнут восстанавливать свою торговую империю, и ее основой будут именно такие безумные кукольники.

Во-вторых, наш мохнатый приятель. Как посол своего вида на чужой планете, он должен быть одним из терпимейших кзинов, каких вообще можно встретить. Настолько ли, чтобы жить вместе с нами двумя? Может, он убьет нас ради жизненного пространства и свежего мяса? В-третьих, ты и твое якобы везение. Именно его нужно исследовать. В-четвертых, я — вероятно, контрольный объект. Знаешь, что я думаю?

Уже довольно давно Луис стоял, извергая из себя поток слов и сдерживая себя тем способом, из-за которого сто тридцать лет назад проиграл на выборах в Генеральные Секретари ООН. Он не собирался ни к чему принуждать Тилу, но очень, очень хотел убедить ее:

— Я думаю, что кукольников нисколько не интересует та планета, на которую мы летим. Зачем она им, раз они покидают Галактику? Это будет просто тест. Прежде, чем мы погибнем, кукольники узнают о нас много интересных вещей.

— Это, пожалуй, не планета, — задумчиво сказала Тила.

— Ненис! Какое это имеет значение? — взорвался Луис.

— Если мы должны погибнуть, то хорошо бы знать, где и для чего. По-моему, это космический корабль.

— Что ты говоришь?

— Большой, в форме кольца, с силовым полем, чтобы захватывать атомы водорода. Водород сгорает, давая движущую силу и образуя маленькое солнце. Кольцо все время вращается, и на его поверхности создается центробежная сила.

— Гмм… — буркнул Луис, думая о странной голограмме. Пожалуй, он слишком мало думал

над ней. — Возможно. Большой, примитивный и неповоротливый. Но почему им интересуются Те-Которые-Правят?

— На этом корабле тоже могут быть беглецы. Существа, живущие возле ядра Галактики, узнали о взрыве гораздо раньше. Они могли даже предвидеть его тысячи лет назад, когда реакция только начиналась.

— Может, и так… А тебе ловко удалось сменить тему. Я уже сказал, во что, по моему мнению, играют кукольники. И все же я лечу, ибо это меня забавляет. А почему ТЕБЕ кажется, что ты тоже хочешь лететь? Альтруизм — прекрасная вещь, но не говори, будто тебя трогает то, что должно произойти через двадцать тысяч лет. Ну, я слушаю.

— Черт возьми, если ты можешь быть героем, то и я тоже! Кроме того, ты ошибаешься в том, что касается Несса. Он наверняка отказался бы, если бы речь шла о самоубийственной миссии. Кстати, зачем кукольникам какие-то данные о нас или о кзинах? С какой целью им нас тестировать? Ведь они покидают нашу Галактику и уже никогда не будут иметь с нами дела.

Нет, Тила решительно была умна. Но…

— Ты ошибаешься. У кукольников есть очень

серьезные причины, чтобы знать о нас как можно больше.

Взгляд Тилы ободрил его, и он продолжал:

— Мы знаем об их миграции только то, что каждый здоровый, нормальный кукольник участвует в ней. Знаем мы и то, что они движутся со скоростью на долю процента меньше скорости света. Кукольники боятся гиперпространства.

Теперь дальше: летя с такой скоростью, они доберутся до Магеллановых Облаков через восемьдесят пять тысяч лет. И кого они там застанут? — Он широко улыбнулся ей. — Конечно, нас. Наверняка, людей и кзинов. Может, еще кдалтино и перинов. Они знают, что мы будем тянуть до последней минуты, знают, что мы используем корабли, летящие быстрее света. Когда они доберутся до Облаков, то будут иметь дело с нами… или с тем, кто нас уничтожит. Зная нас, они будут знать и наших победителей. Да-да, у них есть причины детально изучать нас.

— О'кэй.

— Ты не передумала?

Тила покачала головой.

— Почему?

— Это мое дело.

Она была совершенно спокойна и уверена в

своей правоте. Что было с ней делать? Будь ей девятнадцать лет, он поговорил бы с ее родителями. Но ей было двадцать, и официально она была уже взрослой. Где-то ведь нужно было провести границу.

Как взрослый человек, она имела свободу выбора, имела право ожидать от Луиса Ву хороших манер, ее личные убеждения и решения были святы. Луис мог только убеждать, а ему это явно не удавалось.

Короче говоря, Тила вовсе не должна была делать того, что сделала. Неожиданно она взяла его руки в свои и мягко, с улыбкой, попросила:

— Возьми меня с собой, Луис. Я действительно приношу удачу. Если бы Несс не выбрал именно меня, ты спал бы один. Это было бы ужасно, ты сам знаешь.

Этим она его достала. Он не мог сделать ничего, чтобы остановить ее.

— Ну, хорошо, — вздохнул он. — Я дам тебе знать.

Одинокие ночи были бы воистину ужасны.

Глава 4. ГОВОРЯЩИЙ С ЖИВОТНЫМИ

— Я присоединяюсь к экспедиции, — сказала Тила экрану видеофона.

Кукольник протяжно засвистел на ноте “ми”.

— Что-что?

— Прошу прощения, — извинился Несс. — Завтра в 8.00 на Австралийском Стартовом Поле. Личные вещи — до двадцати пяти земных килограммов. Луис — то же самое. Ааа…

Кукольник поднял обе свои головы и душераздирающе застонал.

— Ты болен? — с беспокойством спросил Луис.

— Нет. Просто я увидел свою смерть. Я надеялся, что твоя аргументация не подействует. До свидания. Встретимся на Стартовом Поле.

Экран потемнел.

— Видишь, что ты получаешь в награду за то, что можешь так здорово убеждать?

— Что же делать, если я настолько красноречив, — буркнул Луис. — Во всяком случае, я делал, что мог. Не будь на меня в претензии, если погибнешь страшной смертью.

В ту ночь, когда Луис уже погружался в бездонную пропасть сна, он услышал ее слова:

— Я люблю тебя. Я лечу с тобой, потому что люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — механически пробормотал он в полусне, и только тогда до него дошло, что она сказала.

— Что? Ты летишь за двести световых лет потому, что не хочешь со мной расстаться?

— Угу…

— Спальня, мягкий свет! — возбужденно сказал Луис.

Засветились лампы.

Они лежали друг против друга между двумя параллельными плоскостями. Готовясь к космическому путешествию, оба убрали с кожи искусственные красители. Косичка Луиса была теперь прямой и черной, а затылок, обычно выбритый, покрывала седая короткая щетина; желто-коричневая кожа и карие, уже не раскосые, глаза совершенно изменили его внешность.

Тила тоже изменилась. Волосы, черные и мягкие, она завязала хвостом. Ее кожа приобрела бледный северный оттенок, а на овальном лице обращали на себя внимание большие карие глаза и маленькие, серьезные губы, нос был почти незаметен. В поле, излучаемом двумя плоскостями “кровати”, она плавала так же легко и спокойно,

как масло на воде.

— Ведь ты никогда не была даже на Луне.

Она кивнула.

— А я вовсе не самый лучший любовник в мире. Ты сама это сказала.

Еще один кивок. Тила Браун не признавала недомолвок. За эти два дня и две ночи она ни разу не солгала, не сказала полуправды, не попыталась уйти от ответа на какой-нибудь вопрос. Она рассказала Луису о своих двух любовниках: один из них перестал интересоваться ею через полгода, а второй был ее кузеном, он получил шанс эмигрировать на Маунт Лукиткет.

Луис был гораздо сдержаннее в высказываниях, и она, казалось, принимала эту сдержанность, хотя сама была совершенно открыта. И задавала дьявольские вопросы.

— Так почему именно я? — допытывался Луис.

— Понятия не имею, — призналась она. — Может, из-за твоих чар? Ты же герой.

В этот момент он был единственным живым человеком из тех, что впервые столкнулись с чужой цивилизацией. Неужели этот эпизод с триноками будет преследовать его до самого конца?

Он попытался еще раз.

— Знаешь, так получилось, что я знаю лучшего

любовника на Земле. Это его хобби. Он мой друг, и пишет об этом книги. У него докторская степень по физиологии и психологии.

— Перестань, — Тила зажала уши руками. — Перестань.

— Я просто не хочу, чтобы ты погибла. Ты слишком молода.

На ее лице появилось удивление, и он понял, что снова употребил слова интерволда в контексте, который лишал их всякого смысла. “Бешенство сердца”? “Погибла”? Луис вздохнул.

— Спальня, соединить поля, — сказал он.

Два независимых поля, удерживающих Луиса и Тилу между излучающими плоскостями, слились в одно. Мгновение казалось, что они куда-то падают, а потом они оказались рядом.

— Я действительно хотела спать, Луис… Но это ничего…

— Подумай еще вот о чем, прежде чем отправиться в страну мечты. В кабине будет довольно тесно.

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем любить друг друга? Черт возьми, Луис, меня не волнует, будут на нас смотреть или нет. Ведь это чужаки.

— А меня волнует.

Снова этот удивленный взгляд.

— А если бы они были людьми? Ты тоже переживал бы?

— Да. Разве что мы были бы очень хорошо с ними знакомы. Я очень старомоден?

— Немного.

— Помнишь того приятеля, о котором я говорил? Лучшего любовника? Так вот, у него была, гмм… знакомая, она научила меня тому, чему научилась от него. Но для этого нужно тяготение, — добавил он. — Спальня, выключить поле!

— Ты пробуешь сменить тему.

— Действительно. Сдаюсь.

— Подумай еще об одном. Твой знакомый кукольник мог бы пожелать себе представителей четырех, а не трех видов. Вместо меня ты с тем же успехом мог бы заниматься любовью с самкой тринока.

— Ужасная перспектива. Но вернемся к делу: целое состоит из трех фаз. Начнем с позы “на всаднике”…

— А что это за поза “на всаднике”?

— Сейчас покажу…

Утром Луис был счастлив, что они летят вместе. Когда сомнения вернулись, было уже слишком поздно. Впрочем, уже давно было слишком поздно.

Внешние торговали информацией. Они хорошо за нее платили и дорого продавали. Купленное один раз они продавали многократно, поскольку область их деятельности охватывала целую ветвь Галактики. Во всех банках заселенного людьми космоса Внешние имели неограниченный кредит.

Скорее всего, их раса возникла на небольшом холодном спутнике какого-нибудь газового гиганта, таком, как, например, Нереида — крупнейший спутник Нептуна. Сейчас они обживали межзвездное пространство в огромных кораблях с движителями от фотонных парусов до таких, чье существование, а тем более — действие, было абсолютно невозможно с точки зрения человеческой науки. Если какую-нибудь планетарную систему населяли потенциальные клиенты, если в ней находилась подходящая планета или спутник, Внешние основывали там огромный торгово-развлекательный центр. Пятьсот лет назад они получили Нереиду.

— Пожалуй, именно здесь у них что-то вроде центральной базы, — сказал Луис, одной рукой указывая вниз, а другой — держась за рулевые рычаги транспортника.

Нереида была потрескавшейся ледяной рав-

нина, освещенной лишь ярким светом звезд. Солнце выглядело отсюда как большая жирная точка и давало примерно столько же света, как Луна в полнолуние. Именно оно освещало раскинувшийся внизу невысокий лабиринт. Тут и там стояли купола и орбитальные корабли с открытыми пассажирскими кабинами, но больше всего места занимал именно лабиринт.

— Интересно, зачем им это? — спросил Говорящий. — Для обороны?

— Это что-то вроде пляжа, — объяснил Луис. — Внешние живут благодаря термоэлектрической энергии. Они лежат головой на солнце, а хвостом в тени, и разница температур порождает ток. Благодаря этим стенам они имеют множество мест, в которых свет четко граничит с тенью.

За время десятичасового полета Несс почти успокоился. Он осмотрел системы безопасности, заглядывая то туда, то сюда, засовывая то одну, то другую голову в различные углы. Его скафандр с утолщением на горбе, прикрывающем мозг, производил впечатление легкого и удобного. Системы, регенерирующие воздух и продукты, были неправдоподобно малы.

Он немного удивил всех перед стартом. В кабине раздалась странная музыка, тоскливая, как

завывания компьютера, страдающего сексуальной манией. Это был Несс. Две глотки делали его ходячим оркестром.

Кукольник настоял, чтобы за управление сел Луис: его доверие к землянину было так велико, что он даже не застегнул ремней. Луис подозревал, что на корабле кукольников должны стоять какие-то исключительные системы безопасности.

Говорящий явился на борт с небольшим багажом, который, как выяснилось, состоял из микроволновой плиты для разогревания мяса и огромного куска самого мяса, явно неземного происхождения и, разумеется, сырого. Неизвестно почему Луис ожидал, что скафандр кзина будет напоминать средневековые доспехи, но все оказалось совсем иначе. Это был, скорее, составной баллон, совершенно прозрачный, с огромным рюкзаком и похожим на мыльный пузырь шлемом, переключатели передвигались языком. Хотя при кзине не было никакого оружия, рюкзак походил на военное снаряжение, и Несс потребовал положить его в багажное отделение.

Большую часть пути кзин просто проспал. Теперь все стояли за спиной Луиса, глядя на пейзаж, расстилавшийся под ними.

— Я сяду у корабля Внешних, — сказал — Луис.

— Нет. Лети дальше на восток. “Счастливый Случай” спрятан там.

— Почему? Вы боитесь, что Внешние будут за вами шпионить?

— Нет. Им могла бы повредить температура плазменных двигателей.

— А почему “Счастливый Случай”?

— Так назвал его Беовульф Шэфер, единственный, кто летал на нем. Я имею в виду путешествие к центру Галактики. Разве “Счастливый Случай” не имеет ничего общего с азартом?

— Имеет. Наверное, этот Шэфер не ожидал, что ему удастся вернуться. Пожалуй, будет лучше, если я скажу тебе сразу: я никогда не пилотировал корабли с плазменными двигателями. У моего были обычные, как у этого, например.

— Тебе придется научиться, — сказал Несс.

— Минутку, — вставил Говорящий. — Я уже летал на корабле с плазменными двигателями. Значит, я и поведу “Счастливый Случай”.

— Это невозможно. Кресло пилота, все указатели и приборы управления приспособлены для человека.

Из горла кзина вырвалось зловещее рычание.

— Здесь, Луис, прямо перед нами.

“Счастливый Случай” оказался прозрачным пузырем около трехсот метров в диаметре. Описывая круги вокруг гиганта, Луис не мог найти свободного места. Все было занято зелено-коричневой машинерией гиперпространственного двигателя. Сам корпус был стандартным “Дженерал Продактс” № 4, таким большим, что обыч- но его использовали только для транспорта новых колоний. “Счастливый Случай” совсем не походил на космический корабль. Скорее, на огромный примитивный спутник, созданный расой с такими ограниченными технологией и минеральными ресурсами, что приходилось экономить даже на объеме.

— А где будем сидеть мы? — заинтересовался Луис. — Верхом?

— Кабина расположена внизу. Садись возле корпуса.

Луис осторожно посадил корабль на темный лед, после чего подвел его под огромный шар.

Система жизнеобеспечения сверкала разноцветными огоньками. В кабине экипажа были два маленьких помещения: в нижнем с трудом размещались противоперегрузочное кресло, детектор массы и пульт управления, похожий на подкову. Верхнее было такое же тесное. Кзин

шевельнулся в своем скафандре-пузыре.

— Интересно, — сказал он. — Полагаю, Луис будет путешествовать в нижней кабине, а мы — в верхней?

— Да. Нам удалось втиснуть туда три койки. Каждая снабжена статическим полем. Теснота не имеет значения, мы будем путешествовать со включенным полем.

Кзин только фыркнул в ответ. Луис подождал, пока корабль продвинется еще на несколько дюймов, и выключил маневровые двигатели.

— У меня к тебе дело, — сказал он Нессу. — Мы с Тилой вдвоем получаем столько же, сколько один Говорящий с Животными.

— Ты хочешь дополнительной оплаты? Я обдумаю твое предложение.

— Я хочу того, — ответил Луис, — что вам уже никогда не понадобится. — Это был подходящий момент. Он не надеялся, но попробовать стоило. — Я хочу знать координаты планеты кукольников.

Головы Несса закачались на змеиных шеях, после чего повернулись и уставились друг на друга.

— Зачем тебе это? — спросил кукольник после долгой паузы.

— Когда-то положение планеты кукольников было самым ценным секретом во всем известном космосе. Вы сами отдали бы состояние, чтобы заткнуть рот тому, кто бы его узнал. Именно в этом заключалась его ценность. Искатели счастья проверяли одну за другой все звезды типа Ж и К. Даже теперь за эту информацию заплатили бы немалую сумму.

— А если наша планета находится вне известного космоса?

— Гмм… — буркнул Луис. — Именно такую теорию выдвинул мой учитель истории. Несмотря ни на что, даже сама такая информация стоила бы кучу денег.

— Прежде, чем мы отправимся в путешествие, — медленно сказал Несс, — ты узнаешь координаты планеты кукольников. Думаю, эта информация будет для тебя скорее удивительной, чем полезной.

Головы кукольника еще раз переглянулись.

— Обрати внимание на четыре конические…

— Да, да. — Луис еще раньше заметил четыре конических отверстия, видневшихся недалеко от кабины. — Это дюзы двигателей?

— Верно. Ты убедишься, что корабль ведет себя так, как будто снабжен классическим дви-

гателем, с той лишь разницей, что на нем нет искусственного тяготения. Просто не хватило места для машин. Что же касается самог гиперпространственного двигателя квантум II, то хочу обратить твое внимание на…

— У меня меч, — сказал вдруг Говорящий с Животными. — Сидите спокойно.

Луис не сразу понял, о чем речь. Он повернулся, стараясь не делать резких движений.

Кзин стоял у противоположной стены, держа в ладони с высунутыми на всю длину когтями что-то похожее на слишком большую рукоять рулевого рычага. В трех метрах от рукояти, точно на уровне глаз кзина, висел в воздухе маленький, светящийся красным, шарик. Провод, соединявший его с рукоятью, был слишком тонок, чтобы его можно было заметить, но Луис не сомневался, что он там есть. Поддерживаемый полем Славера, он мог с легкостью разрезать почти любой металл, в том числе и тот, из которого была сделана спинка кресла Луиса. Кзин стоял так, что вся кабина была у него на виду.

На полу лежал тот самый кусок мяса, только теперь он был разорван, а внутри виднелось специальное углубление.

— Я бы, конечно, предпочел более гуманное

оружие, — сказал Говорящий, — но другого у меня с собой нет. Луис, убери руки с приборов и положи на подлокотники.

Луис повиновался. У него мелькнула было мысль, не попробовать ли фокус со сменой тяготения, но кзин разрезал бы его пополам, прежде чем он успел бы дотянуться до переключателя.

— А теперь, если будете вести себя спокойно, я поделюсь с вами своими планами.

— Скажи сначала, зачем, — ответил Луис. Он пытался как можно быстрее оценить свои шансы. Красный шарик показывал кзину, где находится конец невидимого острия. Если бы Луису удалось схватить этот конец и не потерять при этом пальцев…

Нет, ничего не выйдет. Шарик слишком мал.

— Полагаю, это очевидно, — сказал Говорящий с Животными. Черные пятна вокруг глаз делали его похожим на бандита из комикса. Кзин не был ни особо напряжен, ни слишком расслаблен, и стоял там, где его нельзя было ничем достать. — Я собираюсь захватить “Счастливый Случай”… Используя его как образец, мы построим множество таких кораблей и получим в будущей войне подавляющее превосходство над людьми. Конечно, в случае, если они их иметь не будут.

Полагаю, это ясно?

— Надеюсь, ты не испугался нашей экспедиции? — саркастически спросил Луис.

— Нет. — Кзин не обратил внимания на оскорбление. Сарказма он просто не заметил. — Сейчас вы все разденетесь: я хочу быть уверен, что вы безоружны. Потом кукольник наденет свой скафандр, и мы вместе пройдем на “Счастливый Случай”. Вы останетесь здесь, но без одежды, без скафандров и с испорченным кораблем. Несомненно, Внешние заинтересуются, почему вы не возвращаетесь на Землю, и появятся прежде, чем у вас кончится кислород. Все поняли?

Луис Ву максимально расслабился, но следил за каждым движением кзина и готов был использовать малейшую его ошибку… Краем глаза он посмотрел на Тилу Браун и окаменел.

Тила готовилась прыгнуть.

Кзину было достаточно одного движения руки, чтобы перерезать ее пополам.

Нужно было действовать. И быстро.

— Только без глупостей, Луис. Медленно встань и иди к стене. Ты первый сними…

Остальное перешло в протяжный стон.

Луис замер в недоумении. Говорящий откинул назад свою оранжевую голову и стонал, точнее,

почти пищал душераздирающим высоким голосом. Он широко раскинул руки, будто хотел обнять всю Вселенную. Невидимое острие меча рассекло резервуар с водой, и она вытекала обильной струей, но кзин ничего не слышал и не видел.

— Заберите у него оружие, — приказал Несс.

Луис очнулся. Он осторожно подошел, готовый отскочить, если острие повернется в его сторону. Кзин слегка шевелил им, словно дирижировал невидимым оркестром. Луис вынул меч из ослабевшей ладони, коснулся нужного места, и красный шарик приблизился и исчез в рукояти.

— Не убирай эту штуку, — сказал Несс. Он осторожно сжал челюсти на плече кзина и подвел того к койке. Говорящий не сопротивлялся. Он перестал стонать, а только смотрел куда-то перед собой, и все его большое, поросшее шерстью лицо, излучало необыкновенный покой.

— Что случилось? Что ты с ним сделал?

Кзин начал потихоньку урчать.

— Смотрите, — сказал Несс и осторожно отодвинулся от койки одурманенного кзина. Все это время шеи его были напряжены, головы направлены прямо на Говорящего.

Глаза кзина прояснились. Он быстро окинул

взглядом Луиса, Тилу и Несса, что-то проскрежетал на Языке Героев, после чего сел и сказал, уже на интерволде:

— Это было очень приятно. Жаль, что…

Он замолчал, а потом обратился уже к одному кукольнику:

— Никогда больше этого не делай.

— Я выбрал тебя, как одного из самых развитых и умелых кзинов, — сказал Несс. — И я не ошибся. Только у такого, как ты, тасп может вызывать опасения.

— Ох! — вздохнула Тила.

— Тасп? — спросил Луис. — А что это такое?

Кукольник продолжал, обращаясь к кзину:

— Надеюсь, ты понимаешь, что я буду пользоваться им всегда, когда ты меня к этому принудишь. Если ты будешь слишком часто использовать насилие или запугивать меня каким-либо другим способом, то очень быстро попадешь в зависимость от него. Поскольку он хирургически вживлен в мое тело, тебе придется убить меня, чтобы до него добраться. Но это нисколько не уменьшит твоей зависимости.

— Очень хитро, — сказал кзин. — Необычная тактика. Больше я не причиню тебе неприятностей.

— Ненис! Кто-нибудь объяснит мне, что такое тасп?

Казалось, невежество Луиса всех удивило.

— Тасп возбуждает центры наслаждения в мозгу, — сказала Тила.

— На расстоянии? — Луису и в голову не приходило, что подобное возможно хотя бы теоретически.

— Конечно. Это так, будто у тебя в мозгу электрод, и кто-то пропускает через него ток. Правда, с таспом не нужно такой возни. Обычно он так мал, что им можно управлять одной рукой.

— Ты уже пробовала его? Я знаю, что это не мое дело, но… Тила улыбнулась, развеселенная его деликатностью.

— Да, я знаю, что это за впечатление. Так, будто… Нет, я не смогу описать. Тасп не применяют к самому себе, а только к тем, кто этого не ожидает Именно в этом и заключается вся штука. Полиция постоянно ловит тасперов в парках.

— Ваши таспы действуют максимум секунду, — вставил Несс. — Мой работает дольше.

Видимо, действие в самом деле было мощным, если произвело такое впечатление на Говорящего. Луису вдруг пришла в голову идея.

— Что ж, это великолепно. Кто, кроме куколь-

ника, может использовать оружие, которое доставляет врагу наслаждение?

— И кто, кроме гордого и высокоразвитого существа может его бояться? — спросил кзин. — Кукольник прав: я больше не рискну. Я могу и в самом деле стать его невольником. Я, кзин!..

— Перейдем на борт “Счастливого Случая”, — прервал дискуссию Несс. — Мы и так потеряли слишком много времени.

Луис вышел первым.

Почти полное отсутствие тяжести на поверхности Нереиды не удивило его. Он знал, как следует двигаться в таких условиях. Входя на борт корабля, он подсознательно ждал, что тяготение в нем будет нормальным, и чуть не упал.

— Хорошенькое дело, — бормотал он, карабкаясь в кабину. — Могли бы по крайней мере… Ой…

Кабина была проста, даже примитивна и полна острых углов и граней, отлично подходящих для разбивания локтей и коленей. Все было какое-то неуклюжее, приборы размещены не так…

Кабина была еще и мала. Даже в корабле таких размеров не хватило места для всех машин. Еще чуть-чуть, и не хватило бы места для пилота.

Пульт управления, детектор массы, кухонька,

кресло-кровать и еще ровно столько места, чтобы один человек встал за креслом, согнувшись в три погибели. Луис повернулся и выдвинул меч кзина.

Говорящий медленно протиснулся мимо Луиса и сразу направился к верхнему помещению.

Там было что-то вроде комнаты развлечений для пилота, но теперь оттуда убрали спортивный инвентарь и читники, а на их место поставили три койки. В одну из них и забрался Говорящий с Животными.

За ним вошел Луис, все время держа готовым меч. Опустив крышку над койкой кзина, он повернул рычаг.

Койка превратилась в огромное, непрозрачное яйцо. Время внутри него остановилось и должно было стоять, пока действует статическое поле. Если бы корабль столкнулся с зарядом антиматерии, даже корпус “Дженерал Продактс” превратился бы в ионизированное облако, но укрытый в статическом поле кзин перенес бы взрыв без малейшего вреда.

Луис перевел дух.

Все это походило на какой-то магический, ритуальный танец, но у кзина действительно была причина завладеть кораблем. Тасп ничего

не изменил. Нужно было позаботиться, чтобы Говорящему не представилось другого случая.

Луис вернулся в кабину пилота.

— Поднимайтесь на борт, — позвал он Несса и Тилу.

Через сто часов Луис Ву был уже за пределами Солнечной систем.

Глава 5. РОЗЕТТА

Математика гиперпространства полна всевозможных аномалий; одна из них появляется вокруг каждой достаточно большой массы в эйнштейновской Вселенной. За пределами аномалий корабли могут двигаться со сверхсветовой скоростью, но если стартуют в их пределах — исчезают бесследно.

“Счастливый Случай” удалился на восемь световых часов от Солнца и вышел за пределы аномалии.

А Луис Ву сражался с невесомостью.

Все его мышцы были напряжены, диафрагма дергалась сама по себе, и ему казалось, что желудок с минуты на минуту вывернется наизнанку. Все это, к счастью, должно было скоро пройти. Кроме того, ему ужасно хотелось летать…

Он летал уже много раз, хотя бы в лишенном тяготения Внешнем Отеле — огромном, прозрачном шаре, что кружился на окололунной орбите. Здесь же нельзя было махнуть рукой, чтобы не повредить что-нибудь весьма важное.

Он покидал Солнечную систему с ускорением в 2 “же”. Более пяти дней он работал, ел и спал, не покидая своего кресла-кровати. Несмотря на великолепное оборудование, он был грязен и нечесан; несмотря на пятьдесят часов сна — совершенно истощен.

Будущее рисовалось ему во все более темных тонах. Для него путешествие будет связано главным образом с неудобствами.

Небо глубокого космоса не слишком отличалось от того, что видно с Луны; планеты Солнечной системы не очень-то бросаются в глаза, и на них можно просто не обратить внимания. В направлении юга Галактики светила яркая звезда — Солнце.

Луис коснулся рулей: “Счастливый Случай” повернулся, и звезды вокруг него сдвинулись.

“Двадцать семь, триста двенадцать, тысяча”, — такие координаты сообщил Несс, прежде чем Луис закрыл крышку его койки. Это были координаты, описывающие нынешнее положение

миграционного флота кукольников. Только теперь Луис понял, что указанная точка находилась вдали от пути к Магеллановым Облакам. Кукольник солгал.

“Однако, — подумал Луис, — все-таки и это около двухсот световых лет отсюда. И вдоль оси Галактики. Может, кукольники решили бежать кратчайшей дорогой, чтобы потом, уже за плоскостью Галактики, направиться к Облакам? Так они избегают опасности столкнуться с космическим мусором: облаками пыли, скоплениями водорода, остатками комет”.

Впрочем, это не имело особого значения. Словно пианист перед началом концерта, Луис занес пальцы над пультом управления, опустил их и…

“Счастливый Случай” исчез.

Луис старался не смотреть через прозрачный пол. Он уже перестал гадать, почему вся кабина совершенно прозрачна. Некоторых такое зрелище доводило до безумия, другие переносили его легко. Первый пилот “Счастливого Случая” явно относился ко второй категории.

Взгляд Луиса был прикован к детектору массы — прозрачному шару, что висел над таблицей указателей. Из его центра расходился пучок голубых линий. Детектор, несмотря на тесноту, был

больше, чем обычно. Луис опустился в кресло, следя за голубыми линиями.

Они заметно перемещались. Это было необычно и тревожно. Во время полета с обычным гиперпространственным двигателем линии стояли неподвижно целыми часами.

Палец Луиса лег на кнопку аварийного выключения двигателя.

Миниатюрная кухонька угостила его порцией странного на вкус кофе и холодной закуской, которая рассыпалась у него в руке, обнажив чередование слоев мяса, сыра, хлеба и каких-то таинственных листьев. Кухню нужно было отправить на свалку уже добрых сто лет назад. Линии на детекторе массы стали толще, быстрее поползли к верхнему полюсу шара и исчезли. Снизу всплыла одна, очень толстая черта, с размытыми границами.

Луис нажал кнопку, и под его ногами появился незнакомый красный гигант.

— Слишком быстро! — раздраженно фыркнул Луис. — Слишком быстро, черт побери! На нормальном корабле хватило бы одной проверки детектора каждые шесть часов, здесь же не успеваешь даже моргнуть.

Луис перевел взгляд на яркий красный диск.

— Ненис! Я уже за пределами известного Космоса!

Он повернул корабль, чтобы рассмотреть звезды. Под ногами поплыли чужие созвездия.

— Это мое, все мое! — захохотал он, радостно потирая руки. Во время Отрывов Луису Ву приходилось самому себя развлекать.

Снова появилась красная звезда, Луис позволил ей повернуться еще на девяносто градусов, он слишком приблизился к ней, и теперь приходилось огибать ее.

Все это происходило на девяностой минуте полета. На сто восьмидесятой он снова вышел из гиперпространства.

Чужие звезды не пугали его. На Земле огни городов затмевали их слабое мерцание, и первую звезду он увидел в двадцать шесть лет. Убедившись, что находится в открытом Космосе, он заблокировал рули и, наконец, позволил себе потянуться.

— Ух-х! Глаза у меня, как вареные луковицы.

Он отстегнул ремни и повис, разминая левую ладонь. Три часа эта ладонь сжимала рычаг торможения и совершенно окаменела.

Под потолком висели устройства для изометрических упражнений. Вскоре ему удалось

разработать мышцы, но усталость не прошла.

“Гмм… Разбудить Тилу? Сейчас было бы приятно с ней поговорить. Да, это хорошая мысль. В следующий Отрыв возьму с собой женщину. Разумеется, в статическом поле. Нужно брать все самое лучшее”.

Однако пока он чувствовал себя, словно труп, сто лет пролежавший в неудобной позе. Пожалуй, его общество не доставит ей удовольствия. Эх…

Он не должен был пускать ее на борт “Счастливого Случая”, и вовсе не из-за себя самого. Он был очень доволен, что она осталась с ним на эти два дня. Это было так, словно к истории Луиса Ву и Паулы Черенков дописали счастливый конец.

Однако, Тила была пустовата. И дело даже не в ее молодости. У Луиса были друзья разного возраста, и некоторые из самых молодых были действительно глубокими личностями. Они же, наверняка, больше всего страдали, словно страдание составляло неотъемлемую часть познания. Впрочем, так оно и было на самом деле.

Тила не могла сочувствовать, не могла отождествить себя с чужой болью.

Зато она могла остро почувствовать чужое наслаждение, могла ответить на него, могла стать его причиной…

Она была великолепной любовницей: болезненно красивая, свежая, чувственная, как кошка, открытая…

Однако ни одно из этих качеств не было нужно в путешествии.

Жизнь Тилы была счастливой и бесцветной. Она дважды полюбила, и дважды первой пришла к выводу, что это не то. Она никогда не оказывалась в настоящей стрессовой ситуации, никогда ее всерьез не обижали. Если она окажется перед настоящей опасностью, то наверняка впадет в панику.

— Но я выбрал ее в любовницы! — сказал сам себе Луис. — И пусть черти возьмут этого Несса!

Если бы Тила хоть раз в жизни имела дело с опасностью или с какой-нибудь грозной ситуацией, Несс наверняка отбросил бы ее кандидатуру.

Он сделал ошибку, забрав ее с собой. Она будет балластом: ее придется защищать, пренебрегая для этого своей безопасностью.

Но какая опасность может им грозить? Кукольники были хорошими торговцами — они никогда не переплачивали.

“Счастливый Случай” был совершенно бесценной наградой, и Луис интуитивно чувствовал, что у него еще будет возможность заслужить ее.

А может, и еще кое-что.

Он вернулся к койке, поспал часок, после чего повернул корабль и еще раз нырнул в гиперпространство.

Спустя пять с половиной часов он снова затормозил.

Сообщенные кукольником координаты указывали небольшой сектор видимого из окрестностей Солнца космоса, а также расстояние до этого места от точки наблюдения. Этот “небольшой сектор” был в действительности кубом с гранью в половину светового года. Именно здесь должен был находиться огромный флот кукольников. Если верить приборам, именно в этом секторе находились Луис Ву и “Счастливый Случай”.

За своей спиной он оставил полный звезд шар диаметром в семьдесят световых лет. Известный космос был очень мал и очень далек отсюда.

Поиски флота не имели ни малейшего смысла. Луис не знал даже, как выглядят корабли. Вместо этого он пошел и разбудил Несса.

Кукольник, ухватившись зубами за гимнастический поручень, заглянул Луису через плечо.

— Я должен найти несколько навигационных звезд. Дай-ка на центр тот зелено-белый гигант…

В кабине пилота стало вдруг тесно. Луис почти

лежал на пульте, защищая приборы от копыт кукольника, которыми тот беззаботно размахивал.

— Анализ спектра… Ага… Теперь ту двойную, голубовато-желтую…

— Что мы, собственно, ищем? Плазменные струи? Нет, скорее вы воспользовались бы…

— Включи телескоп. Поймешь, когда увидишь.

Множество чужих звезд. Луис постепенно усиливал увеличение, пока наконец…

— Пять точек, сгруппированных в правильный пятиугольник, верно?

— Это и есть наша цель.

— Сейчас, я только проверю расстояние… Ненис!

— Что-то не так, Несс. Они слишком далеко.

Кукольник не отозвался.

— Впрочем, это все равно не могут быть корабли, даже если сломался дальномер. Ведь ваш флот движется почти со скоростью света. Это было бы видно.

Пять тусклых пятен, обозначающих вершины равностороннего пятиугольника лежали в одной пятой светового года от них и были незаметны невооруженным глазом.

Они были, принимая во внимание увеличение, размером с большие планеты. На экране теле-

скопа одна из них была менее голубой и более тусклой, чем остальные.

Розетта Кемплерера. Очень странно.

Берутся три или больше предмета с одинаковой массой, помещаются в вершинах равностороннего многоугольника и разгоняются до одинаковой угловой скорости относительно центра их общей массы.

При этом фигура находится в состоянии идеального равновесия. Орбиты отдельных ее составляющих могут иметь форму эллипса или круга, в центре фигуры может находиться какое-нибудь тело, но не обязательно. Это не имеет никакого значения. Фигура стабильна, как пара троянских точек.

Конечно, любое тело могло быть очень легко перехвачено троянской точкой, взять хотя бы астероиды на орбите Юпитера, но было почти невозможно, чтобы сразу пять объектов случайно образовали розетту Кемплерера.

— Странно, — пробормотал Луис. — Необычно. Никто еще не видел такой розетты… — Он вдруг замолчал.

Они находились в межзвездном пространстве. Что же тогда освещало эти объекты?

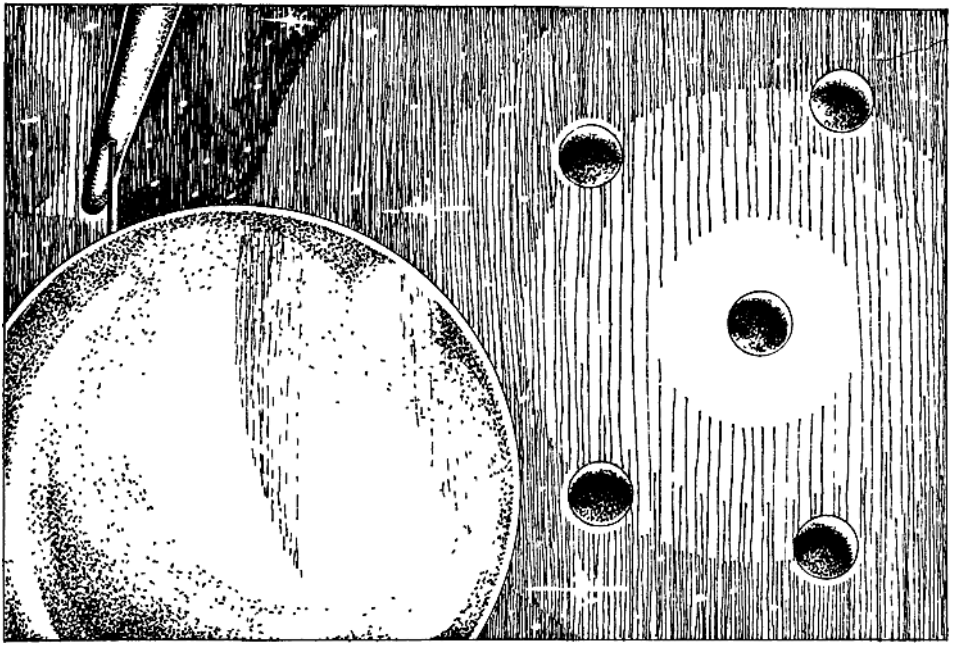
— Нет, — медленно сказал Луис Ву. — Я ни-

когда в это не поверю. Ты что, считаешь меня идиотом?

— Во что ты так не хочешь поверить?

— Ты отлично знаешь, во что!

— Ну, раз ты так считаешь… Это и есть цель нашего путешествия, Луис. Приблизимся к ней, и нам навстречу вышлют корабль.



У обещанного корабля был корпус ДП № 3, с закругленными концами и уплощенным центром. Он был покрашен в шокирующе оранжевый цвет и не имел никаких окон. Не было у него и никаких видимых двигателей. Вероятно, на нем использовали классический, применяемый людьми привод, или какую-нибудь его производную.

Повинуясь Нессу, Луис даже не коснулся рулей, позволяя другому кораблю выполнять все маневры на плазменном двигателе. “Счастливый Случай” догнал бы флот кукольников не раньше, чем через несколько месяцев, у чужого же корабля на это ушел неполный час. Вскоре он оказался возле “Счастливого Случая” с выдвинутой стыковочной трубой.

Похоже было, что пересадка окажется на таким уж простым делом. На их корабле было слишком мало места, чтобы весь экипаж мог одновременно подняться с коек. Кроме того, это был последний шанс для Говорящего, если он еще хотел завладеть кораблем.

— Наверняка попробует, — сказал Луис. — Знаешь, что мы сделаем?

Они отключили рули и пульт от главного привода. Разумеется, в этом не было ничего сложного, и кзин, имей он немного времени, мог бы все

исправить. Вот только времени у него не было…

Луис наблюдал, как Несс проходит по стыковочной трубе. Кукольник нес скафандр кзина и шел наощупь, с закрытыми глазами. А жаль — зрелище было великолепное.

— Несовместимость, — сказала Тила, когда поднялась крышка ее койки. — Я чувствую себя не очень хорошо, помоги мне. Что случилось? Мы уже на месте?

По дороге к шлюзу Луис вкратце обрисовал ей ситуацию. Она слушала внимательно, но ему показалось, что больше всего ее заботит, как совладать с бунтующим желудком. Она казалась очень несчастной.

— На том корабле будет тяготение, — утешил он, и указал на пятистороннюю розетту: ее уже было отлично видно невооруженным глазом. Удивленная Тила резко повернулась к нему, внезапное движение нарушило ее чувство равновесия и, прежде чем за ней закрылась дверь шлюза, Луис успел увидеть, как моментально позеленело ее лицо.

Розетта Кемплерера — это одно, а невесомость — совсем другое.

Когда отошла крышка последней койки, Луис сказал:

— Не дергайся. Я вооружен.

Оранжевое лицо кзина не изменило выражения.

— Добрались?

— Да. Я отключил плазменный привод, и быстро ты его не исправишь. Мы на прицеле у лазерной пушки.

— А если бы я удрал в гиперпространство? Впрочем, нет, ошибка. Мы наверняка в пределах аномалии.

— Мы в пределах ПЯТИ аномалий.

— Пяти? В самом деле? Но насчет пушки ты соврал. Стыдись, Луис…

Кзин спокойно встал с койки. Луис шел за ним с изготовленным мечом. В шлюзе кзин замер, пораженный видом пяти светящихся точек.

Вид и вправду был великолепен.

“Счастливый Случай” вышел из гиперпространства в половине светового часа от флота кукольников — примерно столько от Земли до Юпитера. Однако “флот” двигался с огромной скоростью, несся за светом, который излучал. Когда “Счастливый Случай” остановился, розетту нельзя было заметить невооруженным глазом. Когда проснулась Тила, ее уже было слегка видно, теперь же ее невозможно было не заметить, и

она росла буквально на глазах.

Пять бледно-голубых пятнышек приближались и росли с огромной скоростью…

Спустя мгновение “Счастливый Случай” был окружен пятью планетами, а мгновением позже планеты исчезли. Они не удалились, не потемнели, просто исчезли. Отраженный ими свет перешел в инфракрасную область.

Теперь уже Говорящий с Животными держал в руке меч.

— Глаза финагла! — взорвался Луис. — У тебя что, вообще нет любопытства?

Кзин на мгновение задумался.

— Мне интересно, но гораздо выше я ценю гордость. — Он убрал лезвие и вручил меч Луису. — Каждая угроза — это вызов. Идем.

На корабле кукольников не было никакого экипажа. Всю его внутренность занимало одно большое помещение, в центре которого, вокруг консоли с напитками, стояли четыре койки, формой соответствующие тем существам, для которых были здесь размещены.

Окон на корабле не было.

Зато, к удивлению Луиса, была гравитация. Однако не земная, да и воздух был не совсем земным. Воздух пахнул — нельзя сказать, чтобы неприят-

но, скорее — странно. Луис отчетливо чувствовал озон, какие-то углеводороды, запах целой толпы кукольников и еще несколько дюжин других, которые даже не надеялся определить.

Внутри каюты не было ни острых углов, ни граней. Изогнутая стена плавно переходила в потолок и пол, койки и консоль казались как бы слегка расплывшимися. В мире кукольников все острое или твердое, все, обо что можно удариться и покалечиться, было вне закона.

Несс, вытянувшись, лежал на своей койке и казался вполне довольным жизнью.

— Не хочет говорить! — шутливо пожаловалась Тила.

— По-моему, это очевидно, — ответил кукольник. — Итак, мне придется начинать сначала. Вас, конечно, удивили…

— …летающие планеты, — закончил за него кзин.

— …и розетта Кемплерера, — дополнил Луис.

Едва слышный шум сказал ему, что корабль начал движение. Одновременно с Говорящим они заняли места на койках. Тила вручил Луису ярко-красный напиток в прозрачном тюбике.

— Сколько у нас времени? — спросил он кукольника.

— Приземление через час. Тогда вы и узнаете конечную цель нашего путешествия.

— Должно хватить. А теперь просвети нас: почему летающие планеты? Наверное, это довольно опасно — двигаться по Вселенной на целых планетах?

— Это самый безопасный способ! — серьезно ответил кукольник. — Гораздо безопаснее, чем, к примеру, путешествовать на этом корабле. А он — гораздо безопаснее большинства ваших машин. Впрочем, у нас большой опыт в передвижении планет.

— Опыт? Что ты имеешь в виду?

— Чтобы объяснить это, мне придется рассказать вам о тепле… и о контроле над рождаемостью. Вы не будете чувствовать себя оскорбленными?

Они покачали головами, причем Луис сдержал смех, а Тила не выдержала и прыснула.

— Вы должны знать, что для нас такой контроль — дело очень трудное. Есть только два способа, чтобы избежать появления потомства. Первый — это серьезная хирургическая операция, второй — полное сексуальное воздержание.

— Это… это… УЖАСНО! — прошептала потрясенная Тила.

— Скорее — неудобно. Пойми меня правильно:

операция не является заменой воздержанию. Она должна вынудить к нему. Еще недавно нельзя было устранить ее последствий; сегодня это можно делать, но все же решаются на нее немногие.

Луис протяжно свистнул.

— Я думаю. Значит, основой вашей системы контроля является сила воли?

— Да. Сексуальное воздержание вызывает неприятное побочное действие, как у нас, так и у других видов. Результат очевиден: чрезмерное размножение. Полмиллиона лет назад нас было полмиллиарда. В системе счисления кзинов это будет…

— Я достаточно хорошо знаю математику, — прервал его кзин. — То, что ты говоришь, не имеет никакой связи с необычностью вашего флота. — Кзин не возмущался, просто констатировал факт. Потянувшись к консоли, он снял с нее сосуд с двумя ручками, емкостью не менее половины галлона.

— Уверяю тебя, имеет. Побочным продуктом цивилизации, состоящей из полумиллиарда особей, является масса тепла.

— Вы были цивилизованы в таком далеком прошлом?

— Конечно. Разве примитивная культура смог-

ла бы прокормить такую огромную популяцию? Мы давно израсходовали всю пригодную для посевов землю и были вынуждены переделать две планеты нашей системы так, чтобы на них можно было производить продукты. Чтобы этого добиться, нам, среди прочего, пришлось передвинуть их поближе к солнцу. Понимаете?

— Так вы начали приобретать опыт в передвижении планет. Полагаю, вы пользовались беспилотными кораблями…

— Конечно. После этой операции продовольствие перестало быть проблемой, а пространства нам всегда хватало. Уже тогда мы воздвигали очень высокие здания. Лучше всего мы чувствуем себя в большой группе.

— Кажется, это называется “стадный инстинкт”. Скажи, именно поэтому корабль пахнет, как стадо кукольников?

— Да. Мы чувствуем себя в безопасности, если ощущаем присутствие других. Единственной проблемой осталось тепло.

— Тепло?

— Тепло — неизбежный побочный продукт цивилизации.

— Не понимаю, — сказал кзин.

Луис, который понимал это отлично, удержался

от комментариев. Земля была заселена гораздо плотнее, чем планета Кзин.

— Вот тебе пример. Ты хотел бы иметь ночью источник света, правда? Без света ты должен спать, невзирая на то, есть у тебя дела или нет.

— Это очевидно.

— Допустим, твой источник света совершенен, то есть излучает только в пределах спектра, видимого для кзинов. Но даже при этом та часть тепла, которая не уйдет через окно наружу, будет поглощена стенами и предметами, находящимися внутри. Свет превратится в тепло. Другой пример. На Земле нет достаточного количества естественной свежей воды для восемнадцати миллиардов жителей. Воду нужно создавать. Но при этом выделяется тепло. На наших планетах, заселенных гораздо плотнее, мы не можем прервать этого процесса ни на секунду.

Третий пример. Средства транспорта всегда были мощными источниками тепла. Нагруженный урожаем корабль, летящий с одной из наших планет, при входе в атмосферу производит огромное количество тепла, и еще больше — когда стартует.

— Но охлаждающие системы…

— Большинство охлаждающих систем просто

перемещает тепло с одного места в другое, при этом добавляя к нему собственное.

— Гммм… Начинаю понимать. Чем больше кукольников, тем больше образуется тепла.

— Значит, ты понимаешь, что тепло, составляющее побочный продукт нашей цивилизации, постепенно делало наш мир непригодным для жизни?

“Смог, — подумал Луис Ву, — выхлопные газы. В атмосфере — термоядерные бомбы и ракетные двигатели. Промышленные отходы в океанах и озерах. Порой не хватает малости, чтобы мы задохнулись в наших собственных отходах. Если бы не Совет Людей, разве Земля не сварилась бы в собственном тепле?”

— Неправдоподобно, — сказал Говорящий с Животными. — А почему вы не перебрались на другую планету?

— Кто станет подвергать свою жизнь тысячам опасностей Космоса? Только кто-нибудь вроде меня. Так что же, посылать на новые миры безумцев?

— Вы могли бы посылать корабли с замороженными эмбрионами. Пилотами были бы как раз эти “безумцы”.

— У меня всегда возникают сложности, когда

приходится объяснять вопросы, связанные с полом. Наша биология не позволила бы использовать такой метод, но мы несомненно придумали бы что-нибудь подобное… Вот только зачем? Наша численность не изменилась бы, и мы продолжали бы умирать, удушаемые собственным теплом!

— Жаль, что мы не можем выглянуть наружу, — ни с того, ни с сего сказала Тила.

Кукольник на мгновенье замолчал от удивления.

— Ты уверена? — спросил он наконец. — Ты не испугалась бы?

— Пугаться? На корабле кукольников?

— Ах, да… В общем-то, сам вид нисколько не увеличит опасность. Прошу. — Он что-то мелодично свистнул, и корабль исчез.

Они видели друг друга, койки, на которых лежали, и консоль с напитками, но вокруг была только пустота Космоса. И пять планет, горящих белым огнем в черных волосах Тилы. Все они были одинаковой величины — примерно в два раза больше видимой с Земли Луны — и образовывали правильный пятиугольник. Четыре из них были окружены, как нитками, маленькими, сверкающими огнями искусственных солнц, дающих

желто-белый свет. Эти четыре были совершенно одинаковы и по яркости, и по внешнему виду: слегка туманные, голубые шары. Зато пятая…

Вокруг пятой планеты не было никаких огней. Она светилась собственным светом, а континенты разделялись темнотой почти такой же глубокой, как мрак Космоса. Этот мрак тоже был заполнен блеском звезд. Казалось, космос охватывал освещенные солнечными лучами континенты.

— В жизни не видела ничего прекраснее, — сказала Тила таким голосом, будто с трудом сдерживала слезы. Луис, видевший в жизни гораздо больше ее, вынужден был согласиться.

— Невероятно, — пробормотал кзин. — Никак не могу в это поверить. Вы забрали с собой свои планеты.

— Кукольники не доверяют космическим кораблям, — заметил Луис, и подумал со смесью удивления и страха, что мог бы этого не увидеть, что кукольник мог выбрать кого-нибудь другого. Он умер бы, так и не увидев розетты кукольников…

— Но как…?

— Я уже объяснял вам, — сказал Несс, — что наша цивилизация задыхалась в собственном

тепле. Нам удалось избавиться от всех побочных продуктов цивилизации за исключением тепла. У нас был один выход — отодвинуть планету от солнца…

— Разве это не было опасно?

— И даже очень. В тот год множество кукольников сошло с ума, и потому он памятен. Мы купили у Внешних специальный инерционный привод. Можете себе представить, какую они затребовали цену — мы выплачиваем им до сих пор. Сначала мы передвинули две сельскохозяйственные планеты, провели эксперименты с другими, незаселенными планетами.

В конце концов нам удалось передвинуть и нашу.

За следующие тысячелетия наша численность достигла миллиарда. Недостаток солнечного света заставил нас освещать улицы и днем, отчего эмиссия тепла только увеличилась.

Через некоторое время мы пришли к выводу, что солнце — скорее помеха, чем благо, и отодвинулись от него на расстояние одной, десятой светового года, используя его только в качестве якоря. Нам требовались новые сельскохозяйственные планеты, и было неразумно бродить по космосу наугад. Если бы не это, мы вообще

отказались бы от солнца.

— Понятно, — сказал Луис Ву. — Теперь я знаю, почему никому так и не удалось найти планету кукольников.

— И поэтому тоже.

— Мы обыскали все желтые карлики в известном Космосе, и множество — за его пределами. Минутку, Несс! Кто-то ведь должен был наткнуться на сельскохозяйственные планеты, собранные в розетту Кемплерера.

— Вы искали не там.

— Как так? Ведь вашей родной звездой, вне всяких сомнений, был желтый карлик!

— Действительно, мы пришли из района желтого карлика, очень похожего на Процион. Как ты знаешь, примерно через полмиллиона лет Процион превратится в красного гиганта.

— О, тяжелые лапы финагла! Это случилось с вашей звездой?

— Да. Сразу после того, как мы управились с перемещением нашей планеты, началась экспансия солнца. В это время твои предки еще разбивали друг другу головы берцовыми костями антилоп. Когда вы начали задумываться, где находится наша планета, то обыскивали не те орбиты вокруг не тех солнц.

Мы перетащили подходящие планеты из ближайших систем, увеличив число сельскохозяйственных планет до четырех и собрав их в розетту Кемплерера. Было очень важно в момент отправления сдвинуть их одновременно и дать каждой достаточное количество ультрафиолета. Теперь вы понимаете, что когда подошло время покинуть Галактику, мы были к этому готовы. Мы уже знали, как двигать планеты.

Розетта все увеличивалась. Теперь планета кукольников сверкала под ногами, при этом продолжая расти. Звезды, мерцающие в черных океанах, оказались архипелагами неисчислимых островов. Континенты пылали искусственным светом.

Когда-то давно Луис Ву стоял на вершине Маунт Лукиткет. Великая Река, текущая у подножия горы, кончалась самым грандиозным в известном космосе водопадом.

Луис смотрел вниз, так далеко, насколько его взгляд мог проникнуть в водяную пыль облака. Бесформенная белизна бездонной пропасти совершенно ошеломила его, и Луис, наполовину загипнотизированный, поклялся жить вечно. А как иначе можно увидеть все то, что стоит повидать?

Теперь он повторил эту клятву. Планета кукольников была совсем близко.

— Мы проиграли, — сказал кзин. Его розовый голый хвост нервно двигался из стороны в сторону, но лицо и голос не выражали никаких чувств. — Ваша трусость заслуживала нашего презрения, и это презрение ослепило нас. Вы очень опасны. Если бы вы сочли нас врагами, то уничтожили бы нас. Вы располагаете страшной силой, и мы ничего не смогли бы сделать.

— Думаю, невозможно, чтобы кзин боялся обычного травоядного. — Несс сказал это безо всякой насмешки, но Говорящий взорвался:

— Какое мыслящее существо не испугается такой мощи!

— Ты беспокоишь меня. Страх идет вместе с ненавистью. Скорее следовало бы ожидать, что кзин атакует то, чего боится.

Дискуссия вступала на скользкую почву. “Счастливый Случай” был в самом начале своего пути, но уже в сотнях световых лет от известного Космоса. Они зависели от благорасположения кукольников. Если те решат, что чужаки представляют для них реальную угрозу…

Нужно было менять тему. И быстро. Луис открыл рот…

— Эй! — воскликнула Тила. — Вы все время говорите о розетте Кемплерера. А что это, собственно, такое?

Кзин и кукольник взялись объяснять ей, а Луис с удивлением подумал, что еще недавно считал Тилу не слишком интеллигентным созданием и неглубокой личностью.

Глава 6. ГОЛУБАЯ ЛЕНТА

— Ты обвел меня вокруг пальца, — сказал Луис Ву. — Теперь я действительно знаю, где находится планета кукольников. Большое спасибо, Несс. Ты сдержал слово.

— Я же предупреждал, что это удивит тебя, но пользы не принесет.

— Это хорошая шутка, — вставил Говорящий. — Я не ожидал, что у тебя есть чувство юмора.

Они снижались над небольшим островом вытянутой формы. Остров рос, как огненная саламандра, и Луису не мгновение показалось, что он видит высокие, стройные здания. Остров… Что ж, вряд ли им можно доверять настолько, чтобы пустить на континент.

— Мы не шутим, — ответил Несс. — У кукольников нет чувства юмора.

— Странно. Я всегда считал, что чувство юмора — одна из составляющих разумности.

— Нет. Юмор связан с ослаблением защитных реакций.

— И все же…

— Ни одно разумное существо не ослабляет своих защитных механизмов.

Корабль опускался все ниже, и пятна света начали обретать определенные формы: освещение улиц, окна в зданиях, светильники на больших, похожих на парки, площадях. В последний момент перед Луисом мелькнули здания, тянущиеся вверх на целые мили, потом город поглотил их корабль. Они были в парке, полном разноцветных незнакомых растений.

Никто не шевельнулся.

Из всех видов, которые населяли известный космос, кукольники выглядели самыми беззащитными. Они были слишком трусливыми, слишком маленькими и странными, чтобы кто-либо мог их бояться. Они были просто забавными.

И вдруг Несс перестал быть только маленьким смешным кукольником, он стал представителем расы, гораздо более могущественной, чем кто-либо мог представить. Безумный кукольник сидел

неподвижно, разглядывая своих подчиненных, ибо все прочие ощущали себя именно так. В этот момент он вовсе не был смешон. Его раса умела двигать планеты. Пять планет одновременно.

Внезапно Тила захохотала.

— Я подумала, — объяснила она, когда успокоилась, — что единственным способом ограничения численности кукольников является полная сексуальная абстиненция. Правда, Несс?

— Да.

Она снова захохотала.

— Тогда ничего удивительного, что у вас нет чувства юмора. Они шли через парк — слишком симметричный, слишком правильный и упорядоченный — следом за голубым огоньком.

Воздух был насыщен запахом кукольников. Он заполнял все закоулки корабля, и не исчез, когда открылись двери шлюза. Планета пахла миллиардом кукольников и должна была пахнуть так до последнего своего дня.

Несс танцевал: его маленькие, острые копытца, казалось, вообще не касаются мягкого тротуара. Кзин двигался пружинистым кошачьим шагом, размеренно ударяя оранжевым хвостом. Кукольник выбивал чечетку на три четверти, кзина вообще не было слышно.

Тила шла почти так же тихо. Ее движения всегда производили впечатление несколько неловких, но это было далеко не так. Она не спотыкалась и ни за что не цеплялась. Самым неловким из всей четверки оказался Луис Ву. Хотя, почему, собственно, Луис Ву должен был оказаться ловким? Обычная старая обезьяна, которую эволюция и не думала приспосабливать для хождения по земле. Миллионы лет его предки ходили на четвереньках и при первом удобном случае забирались на деревья.

Плейстоцен со своими миллионами лет засухи положил этому конец. Леса исчезли, оставив предков Луиса голодных и без защиты. В отчаянии они начали есть мясо. Дела пошли лучше только тогда, когда они нашли применение берцовой кости антилопы, разбив с ее помощью не один череп.

И вот теперь — ступни, еще снабженные рудиментарными пальцами. Луис Ву и Тила Браун шли с двумя чужаками через город кукольников.

Все они были здесь чужими, в том числе безумный Несс с растрепанной гривой и головами, беспокойно оглядывающимися по сторонам. Кзин тоже чувствовал себя не слишком свободно. Его глаза, окруженные черными ободками, непре-

рывно прочесывали незнакомую растительность в поисках затаившихся тварей с отравленными жалами или острыми, как бритва, зубами. Это работали инстинкты. Кукольники никогда не допустили бы, чтобы по их паркам бродили такие опасные создания.

Наконец, они добрались до блестящего купола, похожего на жемчужину, до половины закопанную в землю. Путеводный огонек разделился на два.

— Я должен вас покинуть, — сказал Несс, и Луис заметил, что кукольник смертельно испуган.

— Я иду на встречу с Теми-Которые-Правят. — Несс говорил быстро и тихо. — Говорящий, скажи мне: если бы я не вернулся, стал бы ты меня искать, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное в “Малютке”?

— А разве есть опасность, что ты не вернешься?

— Да. Тем-Которые-Правят может не понравиться то, что я им скажу. Как ты будешь искать меня?

— Здесь? На чужой планете, населенной могучими существами, сомневающимися в мирных намерениях кзинов? — Хвост кзина с силой хлестнул по земле. — Нет. Но я тут же откажусь

от участия в экспедиции.

— Этого должно хватить. — И Несс, дрожа всем телом, отправился за своим огоньком.

— Чего он так боится? — удивилась Тила. — Ведь он сделал то, что ему велели. Какие могут быть к нему претензии?

— Я думаю, он что-то затевает, — сказал Луис. — Что-то дьявольское. Только что?

Голубой огонек двинулся снова, и следом за ним они вошли в матовый купол…

Купол исчез. Двое людей и кзин со своих подвесных коек следили сквозь чащу великолепных растений за приближающимся чужим кукольником. Или купол был изнутри настолько прозрачен, или то, что они видели, было проекцией. Воздух благоухал кукольниками.

Чужой кукольник был уже почти рядом. (В этот момент Луис вдруг понял, что думает о Нессе, как о “нем”, а не о “том”. Когда произошла эта перемена? В то же время, кзин был “им” с самого начала). Он остановился в месте, где должна была проходить граница жемчужного купола. Его серебристая грива была заплетена в искусные косички, а голос был таким же, как у Несса — дрожащее, вибрирующее, чувственное контральто.

— Простите, что не приветствую вас лично.

Можете называть меня Хирон.

Значит, все-таки проекция. Луис и Тила что-то буркнули в ответ, Говорящий оскалил зубы.

— Тот, кого вы зовете Нессом, знает все, что должны знать и вы. Его присутствие необходимо сейчас в другом месте. Однако он упомянул о впечатлении, которое произвели на вас наши инженерные способности.

Луис слегка скривился, а кукольник продолжал.

— Это может оказаться весьма полезно. Вы лучше поймете нашу реакцию на творение, многократно превосходящее все, что удалось достичь нам.

Половина купола погасла.

К сожалению, это была половина, противоположная той, на которой находилось изображение кукольника. Луис, правда, нашел рычаги устройства, управляющего положением койки, но все равно, чтобы смотреть одновременно в обе стороны, одной головы было мало. Темная сторона купола осветилась многочисленными звездами, на их фоне сиял небольшой ярко-белый диск.

Он был окружен кольцом. Луис Ву разглядывал увеличенную голограмму, копию той, что была у него в кармане.

Сам диск весьма походил на Солнце, как оно выглядит с орбиты Юпитера. Кольцо было большого диаметра, но узкое, немногим шире, чем находящийся в центре яркий источник света. Его ближняя часть была черной и имела острые края, зато дальняя напоминала растянутую в космосе бледно-голубую ленту.

Луис, правда, потихоньку привыкал к чудесам, но еще не настолько спятил, чтобы провозглашать какие-нибудь идиотские теории. Вместо этого он сказал:

— Это похоже на звезду, окруженную кольцом. А что это на самом деле?

— Это и есть звезда, окруженная кольцом. Постоянным и искусственным.

Тила хлопнула в ладоши и радостно рассмеялась. Через некоторое время она справилась с собой и на мгновение стала очаровательно серьезной, только глаза сверкали, как два огонька. Луис отлично понимал ее, он и сам испытал такую же радость. Окруженное кольцом солнце стало его личной игрушкой, совершенно новой штучкой в старой доброй Вселенной.

(Берется пятьдесят футов светло-голубой ленты, шириной в дюйм, лучше всего той, какой обвязывают подарки под елкой. В центре пустого стола

ставится горящая свеча, после чего ее окружают поставленной на ребро лентой так, чтобы ее внутренняя сторона отражала свет пламени).

Хвост кзина размеренно колотил по полу.

(Но это была не свеча, а настоящее большое солнце).

— Вы уже знаете, что двести четыре земных года мы летим на север Галактики, точно вдоль ее оси. По вашей системе времени это будет…

— Знаю, двести семнадцать лет, — прервал его кзин.

— Верно. Все это время мы, разумеется, наблюдали за расстилающимся перед нами космосом в поисках возможных опасностей. Мы еще раньше знали, что звезда ЕС-1752 окружена необычно плотным кольцом материи, и подозревали, что оно состоит из камня или замерзших газов. Нас только удивляла его необыкновенная правильность.

Примерно девяносто дней назад флот наших планет занял положение, из которого было четко видно, что это кольцо имеет совершенно ровные острые края. Дальнейшее изучение позволило со всей определенностью установить, что состоит оно не из газов и не из остатков астероидов: это монолитная плотная конструкция огромной

прочности. Вполне естественно, что мы испугались.

— На основании чего вы оценили его прочность? — спросил Говорящий.

— Анализ спектра и другие точные измерения позволили нам установить разницу относительных скоростей. Кольцо вращается вокруг своего солнца со скоростью 770 миль в секунду, благодаря чему создает силу, противодействующую притяжению звезды, а также дополнительное ускорение порядка 9,94 метра в секунду. Думаю, очевидно, что конструкция, выдерживающая такие огромные напряжения должна иметь просто невероятную прочность!

— Сила тяжести… — задумчиво сказал Луис. — Она должна быть там немного меньше, чем на Земле. Там на внутренней поверхности кто-то живет. Да-а-а… — Он замолчал, чувствуя, как его волосы поднимаются дыбом. Воцарилась тишина, в которой слышался только свист рассекающего воздух хвоста кзина.

Не первый раз люди встречали лучших, чем они. Но до сих пор им везло…

Неожиданно Луис встал и подошел к проекции. Это ничего не дало: кольцо удалялось от него, пока Луис не коснулся гладкой стены. Однако, он

сумел разглядеть одну деталь, на которую прежде не обратил внимания: голубая лента была равномерно усеяна прямоугольными пятнами тени.

— Вы можете дать лучшее изображение?

— Мы можем его увеличить.

Звезда двинулась прямо на Луиса, прошла где-то справа и исчезла. Теперь он видел только освещенную внутреннюю поверхность кольца. Хотя картина была нечеткой, можно было догадаться, что светлые, почти белые пятна — это блики, темно-голубые — суша, а светло-голубые — океаны.

И тени: широкая полоса голубизны, узкая тень, широкая полоса голубизны… и все сначала. Точки и тире.

— Эти тени берутся ниоткуда, — буркнул он. — Что-то на орбите?

— Верно. Двадцать объектов в форме прямоугольников, размещенных на ближней орбите розеттой Кемплерера. Мы еще не выяснили их назначение.

— И не выясните. Вы слишком долго обходились без своего солнца. Благодаря этим прямоугольникам на кольце происходит смена дня и ночи. Иначе там всегда был бы полдень.

— Сам видишь, почему нам необходима ва-

ша помощь. Вы на все смотрите с другой точки зрения.

— Угу. А насколько велико кольцо? Вы детально изучили его? Посылали какие-нибудь зонды?

— Мы изучили его настолько детально, насколько это было возможно без уменьшения нашей скорости и привлечения к себе внимания. Конечно, мы не посылали никаких зондов. Ими пришлось бы управлять на гиперволнах, а это выдало бы наше положение.

— Но ведь обнаружение источника гиперпространственной волны даже теоретически невозможно!

— У тех, кто построил кольцо, могут быть и не такие возможности.

— Гмм…

— Мы изучали кольцо с помощью всех доступных нам инструментов. — Картина начала изменяться, расцвечиваясь разными красками. — Мы делали снимки и голограммы во всех диапазонах электромагнитных волн. Если это тебя интересует…

— На них видно не так уж много.

— Действительно. Слишком велико искажение света гравитационными полями, а кроме того, солнечный ветер и облака пыли… Наши телеско-

пы не смогли подметить ничего другого.

— Значит, в сумме вам удалось увидеть очень мало.

— Я бы все же сказал, что много. И еще кое-что, очень странное: кольцо задерживает почти сорок процентов нейтрино.

Лицо Тилы выражало обычное удивление, но сейчас Говорящий фыркнул от удивления, а Луис протяжно свистнул.

Это действительно было КОЕ-ЧТО.

Обычная материя, даже чудовищно сжатая в ядре звезды, не в состоянии задержать ни одного нейтрино. Слой свинца толщиной в несколько световых лет задержал бы, пожалуй, одно.

Любой предмет, находящийся в статическом поле Славера, отражал все нейтрино. Точно так же действовали и корпуса “Дженерал Продактс”.

Однако ничто не задерживало сорок процентов нейтрино, пропуская остальные шестьдесят.

— Это необычно, — признал Луис. — Насколько велико это кольцо? Сколько оно весит?

— В граммах его масса составляет 2(1030, радиус в милях — 0,95(108, а ширина — неполные 106.

Луис не очень хорошо представлял абстрактные величины, поэтому решил перевести их в более представимые числа.

Его сравнение с поставленной на ребро цветной лентой оказалось совершенно верным. Диаметр кольца составлял более девяноста миллионов миль, длина — шестьсот миллионов, быстро сосчитал он в уме, а ширина от края до края — неполный миллион миль.

— Это не так много, — заметил он вслух. — Такая огромная штука должна, пожалуй, иметь массу крупного солнца.

— Это то же самое, что заставить миллиарды существ жить на тверди не толще алюминиевой фольги, — добавил кзин.

— Все не совсем так, как вы говорите, — ответил кукольник. — Если бы конструкция кольца была сделана из того же металла, из которого собраны корпуса наших кораблей, оно имело бы толщину в пятьдесят футов.

Тила, глядя в потолок, быстро зашевелила губами.

— Точно, — сказала она наконец. — Только… зачем все это? Для чего и кому это нужно?

— Для пространства.

— Пространства?

— Для жизненного пространства, — с нажимом повторил Луис. — Только ради этого и ни для чего другого. Шестьсот миллиардов квадратных миль

— это в три миллиона раз больше Земли. Это примерно то же, что сделать карты трех миллионов планет в масштабе один к одному и соединить их края. Три миллиона планет, до которых можно дойти пешком! Это должно исключить проблему перенаселенности.

А у хозяев кольца она действительно была! Такие вещи не делают от скуки или ради развлечения.

— Кстати, — вставил кзин. — Хирон, вы обыскали ближайшие системы? Там нет колец?

— Да, но…

— …не нашли ни одного. Так я и думал. Если бы у них был гиперпространственный привод, они заселили бы другие системы. Им бы не нужно было кольцо. Именно поэтому оно в единственном экземпляре.

— Верно.

— Что ж, это уже лучше. Значит, по крайней мере в одном мы имеем над ними преимущество. — Кзин вскочил со своего места. — Мы должны изучить поверхность кольца?

— Посадка — это большой риск…

— Ерунда. Должны же мы опробовать корабль, который вы для нас приготовили. Его посадочные системы достаточно универсальны? Когда мы

сможем отправиться?

Из обоих гортаней Хирона вырвался удивленный диссонирующий свист.

— Да ты просто безумец! Подумай, какой мощью должны обладать те, на чье творение ты смотришь! Рядом с ними даже моя раса выглядела бы, как сборище варваров!

— Или трусов.

— Как хочешь. Осмотрите ваш корабль, когда вернется тот, кого вы называете Несс. Но до этого вам предстоит узнать еще много вещей.

— Ты испытываешь мое терпение, — сказал кзин, но все же сел на свое место.

“Ну и лгун, — подумал Луис — Ты прекрасно сыграл свою роль, и я горжусь тобою”. Он сам чувствовал неприятную тяжесть в желудке. Голубая лента висела между звездами, а человек в очередной раз встретил лучших, чем он сам.

Первыми были кзины.

Когда люди впервые использовали в своих кораблях термоядерных привод, военный флот кзинов уже давно пользовался поляризаторами гравитации. Поэтому их корабли были гораздо быстрее и маневреннее. Сопротивление земного флота было бы чисто символическим, если бы не УРОК КЗИНОВ: любой привод является оружием

с эффективностью прямо пропорциональной его исправности.

Первое нападение кзинов на заселенный людьми космос потрясло человечество. Люди уже несколько столетий жили в мире и почти забыли, что такое война. Но на земных кораблях стояли фотонные термоядерные двигатели, а для пуска применялись огромные, смонтированные на астероидах лазерные пушки. Поэтому, когда телепаты кзинов в очередной раз подтвердили, что у людей нет никакого оружия, в их корабли внезапно ударил шквал огня.

Военные действия замедлялись сопротивлением людей и непреодолимым барьером скорости света. Они длились десятилетиями, однако рано или поздно кзины выиграли бы эту войну, если бы на маленькой земной колонии, называемой Наше Дело, не приземлился корабль Внешних. Губернатор купил у них, разумеется, в кредит, чертежи гиперпространственного привода. В то время колонисты ничего не знали о войне, и узнали, только построив первые сверхсветовые корабли.

После этого у кзинов не осталось никаких шансов.

Потом появились кукольники и включили

известный космос в свою торговую империю.

Правда, человечеству повезло. Трижды встречало оно расы с превосходящим технологическим развитием. Кзины уничтожили бы людей, если бы не гиперпространственный привод Внешних. В свою очередь, Внешние не хотели ничего, кроме информации и места для баз, да и то покупали, а не захватывали. Впрочем, Внешние с их метаболизмом, основанным на гелии-II, слишком плохо переносили тепло и тяготение, чтобы вести войну. Кукольники же, могучие сверх всякой меры, были слишком трусливы.

Кто же сделал Кольцо? Может быть, раса… воинов?

Спустя несколько месяцев Луис понял, что это был переломный момент в его жизни. До этого момента он еще мог отступить — разумеется, из-за Тилы. Даже в цифровом выражении Кольцо было достаточно пугающим. Приблизиться же к нему и приземлиться…

Луис заметил, насколько испугали кзина летающие планеты кукольников. Ложь Говорящего была настоящим подвигом. Неужели он, Луис, мог теперь показать себя трусом?

Он взглянул на картину, занимающую половину купола.

По дороге его взгляд зацепился за Тилу, и Луис мысленно выругался. Ее лицо выражало только восторг и удивление. Ее энтузиазм был столь же искренен, сколь лжива была отвага кзина. Неужели она была слишком глупой, чтобы бояться?

Над внутренней поверхностью кольца была атмосфера. Анализ спектра показал, что ее плотность и состав близки к земной: ею могли дышать и человек, и кзин, и кукольник. Откуда она там взялась, и как удерживалась, оставалось тайной. Нужно было просто полететь и проверить.

Вокруг звезды типа С2 не было ничего, кроме Кольца — никаких планет, астероидов или комет.

— Хорошо подчистили, — заметил Луис. — Не хотели, чтобы Кольцу что-то угрожало.

— Конечно, — согласился кукольник. — Если бы что-то столкнулось с Кольцом, это произошло бы на скорости минимум 770 миль в секунду. Какой бы ни была твердость и — прочность материала, всегда есть опасность повреждения внутренней, населенной стороны.

Сама звезда была немного меньше и чуть холоднее Солнца.

— Пожалуй, нам понадобятся термические скафандры, — сказал Говорящий с Животными.

— Нет, — ответил Хирон. — Температура на внутренней поверхности терпима для всех трех наших видов.

— Откуда ты это знаешь?

— Инфракрасное излучение внешней…

— Это был глупый вопрос.

— Вовсе нет. Мы уже какое-то время изучаем Кольцо, а ты узнал о нем всего несколько минут назад. На основании инфракрасного излучения можно предположить, что температура внутренней стороны составляет около 290 градусов по абсолютной шкале. Для Луиса и Тилы это оптимум, для тебя же на десять градусов больше.

— Пусть вас не тревожит и не вводит в заблуждение наша забота о мелочах, — добавил Хирон. — Мы не согласимся на посадку, если против нее будут сами строители Кольца. Мы просто хотим, чтобы вы были готовы к любой возможности.

— Вы не знаете ничего о форме поверхности?

— К сожалению, нет. Разрешающая способность наших инструментов слишком мала.

— О многом можно догадаться, — вставила Тила. — Например, о том, что в сутках у них тридцать часов. Видимо, именно так было на их родной планете. Как по-вашему, они из этой

системы?

— Мы полагаем, что да, поскольку у них нет гиперпространственного привода, — ответил Хирон. — Но, конечно, они могли перевести свою планету в другую систему, используя ту же технику, что и мы.

— Скорее всего так они и сделали, — сказал кзин, — ведь иначе при строительстве Кольца им пришлось бы уничтожить всю свою систему. Думаю, их родную систему можно найти неподалеку, точно так же освобожденную от планет, как и эта. Сначала они, конечно, заселили все подходящие для этого планеты, и только потом решились на такой отчаянный шаг.

— Отчаянный? — повторила Тила.

— Закончив строительство Кольца, они просто перевели на него все населенные планеты.

— А может и нет, — заметил Луис. — Для перевозки людей хватило бы больших кораблей.

— Почему отчаянный? — не унималась Тила. Все посмотрели на нее.

— Я думала, они построили его потому… потому… — она заколебалась. — Потому, что хотели.

— Ради развлечения? Ради красивых пейзажей? Подумай, сколько для этого требуется энергии и материалов. И одновременно на них постоянно

давила проблема перенаселенности. Когда, наконец, единственным решением стало Кольцо, они наверняка не могли себе этого позволить. И все-таки построили, потому что крайне нуждались в нем.

Тила задумчиво хмыкнула.

— Возвращается Несс, — объявил Хирон, повернулся и исчез в кустах.

Глава 7. ТРАНСФЕРНЫЕ ДИСКИ

— Да, учтивым его не назовешь, — заметила Тила.

— Он явно не хотел встречаться с Нессом. Разве я не говорил? Кукольники считают его безумным.

— Они все изрядно повернутые.

— Ну, они думают иначе, но это вовсе не значит, что ты неправа. Ты все еще хочешь лететь?

Тила ответила ему таким же взглядом, каким одарила, когда он пытался объяснить, что такое “бешенство сердца”.

— Значит, хочешь, — печально констатировал Луис.

— Конечно. Да и кто бы не хотел? Почему только кукольники так боятся?

— Я их понимаю, — сказал кзин. — Они трусы. Но почему тогда им приспичило узнать о Кольце что-то новое? Они уже миновали его со скоростью чуть меньше скорости света, а его строители наверняка не знают гиперпространственного привода и, значит, никогда не будут представлять для кукольников никакой опасности. Я не вполне понимаю, какую роль во всем этом должны сыграть мы.

— Ничего удивительного.

— Это оскорбление?

— Что? Нет, конечно, нет. Я только хотел сказать, что это у нас проблема с перенаселенностью, а не у вас. Откуда же вам это понимать?

— Пожалуй, верно. Тогда объясни, если можешь. Луис огляделся по сторонам в поисках Несса.

— Несс объяснил бы это лучше меня. Ну что ж, делать нечего. Представь себе миллиард кукольников, живущих на этой планете. Сможешь?

— Я могу почувствовать каждого из них. При одной мысли о них у меня все начинает чесаться.

— А теперь представь их себе на Кольце. Что, уже лучше?

— Гмм… Да. Имея в распоряжении столько места… Но это не имеет смысла. Неужели ты

думаешь, что кукольники планируют вооруженное нападение? Да и как им потом перебраться на Кольцо? Ты же знаешь, что они не доверяют космическим кораблям.

— Это, действительно, проблема. Кроме того, они же не сражаются. Но дело тут не в этом. Вопрос звучит так: опасно ли Кольцо?

— Ррр…

— Понимаешь? Может, они хотят построить свои собственные Кольца? А может, надеются, что там, в Магеллановых Облаках найдут пустые Кольца, ждущие заселения? Это вовсе не обязательно, но вполне возможно, и прежде, чем решиться на что-то, они должны знать, что это безопасно.

— Идет Несс. — Тила встала с места и подошла к невидимой стене. — Он выглядит, словно пьяный. Интересно, кукольники пьют?

Несс не рысил, как обычно, а двигался шаг за шагом на кончиках своих копыт, с преувеличенной осторожностью огибая каждую преграду. Его головы вертелись во все стороны, окидывая, местность испуганным взглядом. Он был всего в нескольких шагах от купола, когда что-то похожее на большую черную бабочку село ему на спину. Несс заорал, как перепуганная женщина,

и сделал рекордный прыжок с места вверх. Упав, он прокатился несколько футов и замер, свернувшись в клубок.

Луис уже мчался к нему.

— Депрессивная фаза цикла! — крикнул он через плечо. Благодаря хорошей памяти и капле везения он попал на выход из купола с первого раза и через секунду был уже снаружи. Все цветы пахли, как кукольники. (Если вся жизнь на планете основывалась на одних и тех же составляющих элементах, то каким же образом Несс усваивал теплый морковный сок?) Луис миновал ярко-оранжевый куст и присел около кукольника.

— Это я, Луис, — сказал он. — Ты в безопасности.

Он вытянул руку и стал осторожно гладить спутанную гриву кукольника. Несс дернулся, потом вернулся в прежнее положение. Что ж, пока не было необходимости ставить кукольника лицом к лицу с враждебным миром.

— Это было что-то опасное? То, что село на тебя?

— Нет. — Чарующее контральто звучало немного приглушенно, но все равно прекрасно. — Это был просто… опылитель цветов.

— Как прошло с Теми-Которые-Правят?

Несс нервно вздрогнул.

— Я выиграл.

— Отлично. А что ты выиграл?

— Право на размножение и партнеров.

— И потому ты так боишься?

“Это не так уж невозможно, — подумал Луис. — Несс вполне может быть чем-то вроде самца черной вдовы, для которого любовь равнялась смертному приговору… или же нервной девицы. Любого пола.”

— Я мог проиграть, Луис, — сказал кукольник. — Я возражал и угрожал им.

К ним подошли Тила и кзин. Луис все это время гладил растрепанную гриву, но кукольник не шевелился.

— Те-Которые-Правят, — наконец заговорил он, — обещали дать мне право на потомство, конечно, если я вернусь из экспедиции. Но этого еще слишком мало. Чтобы иметь потомство, нужно найти партнеров. А кто по собственной воле соединится с безумным кукольником? Мне пришлось блефовать. “Найдите мне партнера, — сказал я, — или я откажусь участвовать в экспедиции. А если откажусь я, то же самое сделает кзин”. Это привело их в ярость.

— Представляю! Ты, наверное, был в маниа-

кальном состоянии.

— Я специально довел себя до него и угрожал разрушить все их планы. Они уступили. “Должен найтись доброволец, — сказал я, — который решится стать моим партнером”.

— Отлично. Ты здорово их разыграл. И что, нашлись добровольцы?

— Один из наших полов является… имуществом, собственностью. Его представители не имеют разума, поэтому требовался только один доброволец. Те-Которые-Правят…

— Почему ты не скажешь просто “предводители” или “правители”? — прервала его Тила.

— Я стараюсь как можно точнее перевести наши термины, — ответил кукольник. — Вообще-то это нужно переводить так: “Те-Которые-Правят-Сзади”. Среди них избирается один предводитель или Говорящий-За-Всех… В точном переводе его титул “Лучше-Всех-Спрятанный”. Так вот, именно Лучше-Всех-Спрятанный согласился стать моим партнером. Он сказал, что не может требовать такой жертвы ни от кого другого.

Луис протяжно свистнул.

— Да, это действительно кое-что. Действительно… Лучше, чтобы ты дрожал сейчас, когда все позади.

Несс как будто немного расслабился.

— Только вот это местоимение, — продолжал Луис. — Теперь либо о тебе, либо о Лучше-Всех-Спрятанном я должен начать думать как о НЕЙ, а не о НЕМ.

— Это крайне неделикатно с твоей стороны, Луис. С представителем чужой расы не говорят о вопросах пола. — Одна питонья голова неодобрительно уставилась на Луиса. — Например, вы с Тилой не стали бы спариваться в моем присутствии, правда?

— Интересно, что однажды мы обсуждали эту тему…

— Я оскорблен, — заявил кукольник.

— Но чем же? — воскликнула Тила. Голова мгновенно нырнула в безопасное укрытие. — Ну, успокойся же! Ведь я тебе ничего не сделаю.

— Правдиво?

— Правди… то есть, правда. Я считаю, что ты большой хитрец.

Кукольник распрямился.

— Мне показалось, или ты действительно назвала меня хитрецом?

— Ага. — Она посмотрела вверх на оранжевое тело кзина и великодушно добавила: — И ты тоже.

— Я бы не хотел, чтобы ты обиделась, — сказал кзин, — но никогда больше так не говори. Никогда.

На лице Тилы появилось выражение искреннего удивления.

Парк окружала оранжевая изгородь высотой футов десять с безвольно свисающими щупальцами. Судя по их виду, когда-то изгородь была плотоядной. Несс решительно направился к ней.

Луис ожидал, что в изгороди вот-вот появится какой-то проход, поэтому буквально окаменел, заметив, что Несс идет прямо на оранжевую стену. Стена расступилась, пропустив кукольника, и тут же сомкнулась снова.

Они не колеблясь последовали за ним.

Мгновенье назад небо над их головой было светло-голубым, но едва они оказались по другую сторону, оно стало черно-белым. На черном фоне вечной ночи сверкали, подсвеченные огнями города, белые облака. Итак, они были в городе.

На первый взгляд единственным, что отличало его от земных городов, были размеры. Здания были больше и однообразнее; прежде всего, они были выше, и почти доставали до неба, и казалось, что освещенные окна и балконы поднимаются бесконечно, чтобы где-то на страшной

высоте закончиться линией того, что было здесь горизонтом, а находилось почти в зените. Здесь, может быть, уже были прямые углы, которые было бы бесполезно искать внутри зданий. Но углы эти были слишком большими, чтобы разбить о них колено.

Однако, как получалось, что город не занял кусочек неба над парком? На Земле было немного зданий высотой более мили, здесь же не было ни одного меньше. Луис сообразил, что парк окружает целая система полей, искривляющих свет, однако спрашивать не стал — это было самое маленькое из чудес планеты кукольников.

— Наш корабль находится на другой стороне острова, — сказал Несс. — С помощью трансферных дисков мы можем добраться туда за минуту. Я покажу вам.

— Ты уже пришел в себя?

— Все в порядке, Тила. Как сказал Луис, худшее уже позади. — Кукольник слегка подпрыгивал в нескольких метрах от них. — Я буду заниматься любовью с Лучше-Всех-Спрятанным. Вот только вернусь с Кольца…

Тропа была мягкой и удобной. Она походила на бетонную, но пружинила под ногами, словно влажная земля. Наконец, они добрались до конца

необычайно длинной стены и оказались на чем-то вроде перекрестка.

— Идем туда, — сказал Несс, указывая перед собой. — Не становитесь на первый диск, а идите за мной.

Посреди перекрестка находился большой голубой четырехугольник. На каждой из его сторон, прямо напротив выходов улиц, виднелся голубой диск.

— Если хотите, можете встать на четырехугольник, — сказал Несс, — но смотрите, не станьте не на тот диск.

Он обошел ближайший диск, пересек по диагонали четырехугольник, взошел на диск по другую сторону и исчез.

Мгновенье никто не шевелился, потом Тила испустила дикий крик торжествующего вампира, вбежала на тот же диск и тоже исчезла.

Говорящий фыркнул что-то на Языке Героев и прыгнул. Ни один тигр не сумел бы прицелиться лучше. Луис остался один.

— О, демоны Страны Туманов, — удивленно буркнул он. — У них открытые трансферные кабины.

Он двинулся вперед и оказался в голубом квадрате на следующем перекрестке, между ку-

кольником и кзином.

— Твоя партнерша вырвалась вперед, — сказал Несс. — Надеюсь, она подождет нас.

Кукольник сошел с квадрата и через три шага оказался на другом диске. И снова исчез.

— Что за мысль! — восхищенно воскликнул Луис, но его уже никто не слушал, поскольку кзин последовал за Нессом. — Просто идешь — и все. Три шага и прыжок. И можно прыгать так далеко, как захочешь. Чудеса!

И он сделал три шага.

Это было так, будто на ногах у него семимильные сапоги. Он неторопливо бежал вперед, и через каждые три шага пейзаж вокруг менялся. Круглые знаки на углах зданий оказались адресными кодами, и каждый путешественник легко мог сориентироваться, где он находится.

Вдоль улиц тянулись шеренги витрин, которые Луис был бы не прочь осмотреть. А может, это были вовсе не витрины, а что-то другое? Однако, все остальные значительно опередили его, и он ускорил шаги, пытаясь их догнать.

Через некоторое время он оказался лицом к лицу со своими чужаками.

— Я боялся, ведь ты не знаешь, где свернуть, — сказал Несс и вскочил на диск слева.

— Подождите… — но кзин тоже исчез. Где, черт побери, была Тила?

Наверняка, где-то впереди. Луис сделал шаг влево…

Семимильные сапоги… Город проплывал мимо, словно во сне. Луис бежал, а в голове у него прыгали дикие мысли. Разноцветные трансферные диски действовали на разные расстояния. Одни дальние, на сто миль, каждый в центре города, другие ближние, на каждом перекрестке. С перекрестка на перекресток, из города в город, с острова на остров, с континента на континент…

Открытые трансферные кабины… Кукольники достигли поразительно высокого уровня развития… Каждый диск был диаметром в ярд и срабатывал, как только на него становились. Один шаг, и ты приземляешься в совершенно другом месте. Какими смешными выглядели в сравнении с этим движущиеся тротуары!

В воображении Луиса возник образ гигантского кукольника, высотой в несколько сотен миль, осторожно и грациозно перескакивающего с острова на остров. Даже очень осторожно, ибо промахнувшись, он мог бы замочить свои копытца… Чудовищный кукольник рос и рос… Теперь он перескакивал уже с планеты на планету…

Кукольники ДЕЙСТВИТЕЛЬНО достигли поразительно высокого уровня развития.

Наконец, диски кончились. Луис стоял на берегу спокойного черного океана, а над горизонтом поднимались четыре огромные луны. На полпути к горизонту миллиардами огней сверкал очередной- остров. Чужаки ждали его.

— Где Тила?

— Понятия не имею, — ответил Несс.

— О, толстые лапы финагла! Несс, как ее теперь искать?

— Это она должна нас найти. Беспокоиться не о чем. Когда…

— Она потерялась на совершенно чужой планете! Все может случиться!

— Только не здесь, Луис. Во всей Вселенной нет места более безопасного, чем это. Когда Тила доберется до берега острова, она убедится, что диски, которые должны перенести ее на следующий, не действуют. Тогда она пойдет вдоль берега, пока не попадет на нужный, который будет действовать!

— Ты думаешь, речь идет о компьютере! Это двадцатилетняя девушка!

Рядом с ним появилась Тила.

— Привет! Я немного заблудилась. Что-то случилось?

Говорящий одарил его насмешливой ухмылкой. Луис, стараясь избежать вопросительно-любопытного взгляда Тилы, почувствовал, что краснеет, но Несс сказал только:

— Идите за мной.

И они пошли. У самого берега находился коричневый пятиугольник. Они взошли на него…

Теперь они стояли на голой, ярко освещенной скале. Точнее, это был островок размером с частный космодром. Посередине поднималось высокое здание, а рядом стоял одинокий корабль.

— Вот он, — объявил Несс.

Тила и Говорящий с Животными были явно разочарованы: уши кзина почти целиком исчезли в оранжевом мехе, а Тила обернулась и взглянула на остров, с которого они только что прибыли. Зато Луис наконец-то расслабился. Ему уже надоели чудеса. Трансферные диски, огромный город, четыре планеты, висящие над горизонтом… все это подавляло. Зато корабль — нет. Это был корпус “Дженерал Продактс” № 2, посаженный на треугольное крыло, из которого торчали знакомые дюзы двигателей. Наконец, хоть что-то привычное.

Кзин позаботился о том, чтобы благое чувство

привычности исчезло так же быстро, как и появилось.

— Если взглянуть на него с точки зрения кукольников, то это довольно странная конструкция. Разве ты не чувствовал бы себя безопаснее, если бы все агрегаты корабля находились под прикрытием корпуса?

— Нет. Этот корабль — нечто совершенно новое. Идемте, я вам покажу.

Замечание кзина было не лишено смысла.

“Дженерал Продактс”, корпорация, целиком принадлежащая кукольникам, торговала самыми разными вещами, но главным товаром с незапамятных времен были корпуса космических кораблей. Имелись четыре разновидности: от шара размером с баскетбольный мяч до шара с диаметром больше тысячи футов. Именно таким корпусом был снабжен “Счастливый Случай”. Корпус № 3 — цилиндр со скругленными торцами — отлично подходил для универсальных пассажирских кораблей. Именно такой корабль несколько часов назад высадил их на планету кукольников. Корпус № 2 напоминал узкую, заостренную на концах сигару, как правило, он был одноместным.

Корпуса “Дженерал Продактс” свободно пропус-

кали видимый свет, но были непреодолимы для электромагнитной энергии любого другого вида, а также для всех видов материи. Корпорация ручалась за это своей репутацией, а репутация эта пережила уже сотни лет и миллионы кораблей. Корпус “Дженерал Продактс” сам по себе являлся крепчайшей гарантией безопасности.

У корабля, стоящего перед ними, был корпус “Дженерал Продактс” № 2, однако, насколько видел Луис, внутри у него были только системы жизнеобеспечения и комплекс машин гиперпространственного привода. Все остальное — малые и большие плазменные двигатели, навигационная аппаратура, излучатели тяги и тормозные двигатели — размещалось на большом треугольном крыле.

Более половины систем, жизненно необходимых для корабля, располагались вне корпуса. Почему бы не использовать более крупный корпус и не разместить все внутри?

Кукольник подвел их к свисающей корме.

— Нам не хотелось нарушать корпус, — сказал он.

Сквозь прозрачную оболочку Луис заметил толстый пучок кабелей: они выходили наружу и расползались по всему крылу, и выглядело все

это достаточно сложно. Только потом он заметил двигатель, который мог втянуть всю эту путаницу внутрь, и люк, готовый в любую секунду закрыть отверстие.

— Корпус обычного корабля пришлось бы дырявить во многих местах, — продолжал кукольник. — А в этом — всего два отверстия: входной люк и тот, который вы видите. Через первый входят и выходят пассажиры, а через второй — информация. Оба могут быть в случае необходимости плотно закрыты.

Наши инженеры покрыли внутреннюю поверхность корпуса слоем прозрачного проводника и, когда закрыты оба выхода, создается единая проводящая поверхность.

— Статическое поле, — догадался Луис.

— Вот именно. В случае опасности вся внутренность корпуса на несколько десятков секунд подвергается действию статического поля Славера, благодаря чему с пассажирами ничего плохого не случается. Мы не настолько глупы, чтобы доверять устойчивости самого корпуса. Луч лазера, работающего в области видимого света, может без труда пройти сквозь оболочку, убивая пассажиров и не причиняя ни малейшего вреда самому кораблю. То же самое с антимате-

рией — один корпус тут не поможет.

— Я и понятия не имел об этом.

— Потому, что никто об этом особо не говорит.

Луис присоединился к кзину, который все это время осматривал направленные вниз трубы дюз:

— Зачем столько двигателей?

— Разве люди забыли Урок Кзинов? — фыркнул Говорящий с Животными.

— Гмм… Каждый кукольник, знакомый с историей людей и кзинов, должен об этом знать. Любой привод одновременно является средством уничтожения, с эффективностью, прямо пропорциональной его исправности, — ответил кукольник. Эти дюзы могли служить для самых мирных целей, но в них дремала грозная сила.

— Теперь я знаю, где ты научился пилотировать корабль с плазменным двигателем.

— Полагаю, нет ничего странного, что я прошел обычное военное обучение, — заметил кзин.

— На случай очередной войны с людьми.

— Может, показать, ЧЕМУ меня научили?

— У тебя еще будет возможность, — прервал его Несс. — Наши инженеры приспособили систему управления к требованиям кзинов. Хочешь взглянуть?

— Пожалуй, да. Кроме того, мне нужны все данные о пробных полетах, записи приборов и так далее. Вы поставили стандартный гиперпространственный привод?

— Да. И никаких пробных полетов не было.

“Это типично, — подумал Луис, когда они подходили к люку. — Они построили корабль и поставили его здесь, чтобы мы прилетели и забрали его. Ни один кукольник не осмелился бы испытать его”.

Но куда подевалась Тила?

Он уже открыл рот, чтобы спросить об этом вслух, когда девушка появилась из ниоткуда на трансферном диске. Все это время она где-то прыгала, совершенно не интересуясь кораблем. Она поднялась с ними на борт, но все поглядывала через плечо на сверкающий на горизонте город кукольников.

Луис ждал ее у шлюза, собираясь устроить нагоняй. Она уже потерялась один раз, и этого должно было хватить.

Дверь открылась и вошла сияющая Тила.

— Ох, Луис, я так рада, что прилетела сюда! Этот город… он… чудесный! — Она схватила его руки и изо всех сил сжала их. Улыбка ее была, как луч солнца.

— Я тоже рад, — ответил Луис и крепко поцеловал ее, не в силах начать выговор. Они обнялись и подошли к пульту управления.

Теперь он был совершенно уверен: Тилу Браун никто и никогда не обижал. Она просто не знала, что иногда можно и нужно бояться. Первая боль, которую она испытает, будет для нее шокирующим и непонятным переживанием. А может и просто уничтожить ее.

Луис Ву решил сделать все, чтобы такое никогда не произошло.

Бог не опекает глупцов. Глупцов опекают еще большие глупцы.

Корпус “Дженерал Продактс” № 2 был двадцати футов в ширину, ста футов в длину и сужался к концам.

Большинство агрегатов корабля были вне корпуса, на тонком и слишком большом крыле. Сам корпус был достаточно велик, чтобы вместить три кабины, длинный, расширяющийся в одном месте коридор, рулевую рубку, кухню и множество ящичков, батарей, — вспомогательных устройств и так далее, и тому подобное. Пульт управления был сделан с расчетом, что пилотом корабля будет кзин. Правда, Луису показалось, что в случае опасности он тоже справился бы, но

эта опасность должна была быть действительно большой.

В ящичках находилось великое множество различных исследовательских инструментов, но не было ничего такого, про что можно было бы сказать: “Это оружие”. Правда, многие вещи вполне могли бы служить оружием. Кроме того, Луис заметил четыре воздушных скутера, четыре реактивных ранца, приборы для анализа продуктов и проб воздуха, медицинские приборы, фильтры… Кто-то был дьявольски уверен, что этот корабль все-таки где-то приземлится.

А почему бы и нет? Существа настолько могучие, что построили Кольцо, и одновременно запертые как в тюрьме из-за отсутствия гиперпространственного привода, могли и пригласить их к себе. Может, именно этого и ждали кукольники.

На борту не было ничего, на что Луис мог бы показать пальцем и уверенно сказать: “Это не оружие”.

Экипаж корабля состоял из представителей трех видов; точнее, четырех, если мужчину и женщину относить к разным видам, а именно так могли воспринимать это и кзин, и кукольник… (Допустим, что Несс и Лучше-Всех-Спрятанный

были одного пола. Разве не могло быть так, что для оплодотворения нужны два самца и одна не имеющая разума самка?) Благодаря этому строители Кольца могли с первой же минуты понять, что разные расы вполне могут мирно сосуществовать.

Однако слишком уж много инструментов из снаряжения корабля можно было использовать как оружие.

Они стартовали на инерционном приводе, чтобы случайно не уничтожить островка, и спустя полчаса были уже за пределами притяжения розетты кукольников. Только тогда Луис осознал, что кроме Несса и переданного в купол изображения Хирона, они не видели ни одного кукольника.

После перехода в гиперпространство Луис провел более полутора часов, внимательно разглядывая содержимое ящиков. Лучше удивиться сейчас, чем потом, сказал он себе. Однако весь этот арсенал и прочее снаряжение вызвали у него сначала неудовольствие, а потом и дурные предчувствия.

Слишком много оружия, и в то же время каждую вещь можно было использовать для чего-то другого. Легкие лазеры… Плазменные двигатели…

Когда в первый день полета в гиперпространстве они крестили свой корабль, Луис предложил назвать его “Отчаянный Лгун”. Тила и Говорящий по каким-то своим причинам поддержали его, а Несс по каким-то своим не воспротивился.

Они провели в гиперпространстве целую неделю, преодолели расстояние в два с половиной световых года, а когда вернулись в обычное пространство, оказались возле желтой звезды типа С2, окруженной голубым кольцом. Дурные предчувствия ни на секунду не покидали Луиса.

Кто-то был дьявольски уверен, что они все-таки высадятся на Кольцо.

Глава 8. КОЛЬЦО

Планеты кукольников мчались на север Галактики со скоростью, близкой к световой. Говорящий с Животными, введя корабль в гиперпространство, повернул на юг, и когда “Лгун” вернулся в эйнштейновское пространство, то он с огромной скоростью мчался прямо на звезду, опоясанную таинственной конструкцией.

Она светила ослепительным белым светом, весьма напоминая Солнце, видимое с орбиты Плутона. Однако у этой звезды было еще едва

заметное гало. Луис подумал, что никогда не забудет этого зрелища — именно так выглядело Кольцо, наблюдаемое невооруженным глазом.

Кзин тормозил всеми дюзами, используя кроме главных двигателей малые вспомогательные. “Лгун” мчался вперед, словно комета, теряя скорость с перегрузкой в 200 “же”.

Тила понятия не имела об этом, поскольку Луис ничего ей не сказал, не желая беспокоить. Если бы вдруг исчезла искусственная гравитация, их просто раздавило бы, как тараканов.

Однако, искусственная гравитация действовала отлично, имитируя небольшое тяготение, такое же, как на планете кукольников. Под ногами они чувствовали едва заметную приглушенную дрожь, а до ушей доносилось низкое гудение. Звуки работы двигателей попадали внутрь корабля через единственное отверстие, в которое выходил пучок кабелей, и были слышны везде.

Даже во время полета в гиперпространстве кзин не включал поляризацию корпуса. Он любил видеть все вокруг себя, и то, что он видел, явно не производило на него особого впечатления. Поэтому-то корабль все время был прозрачен — кроме кабин — отчего представлял собой зрелище достаточно удивительное.

Постепенно переходящие друг в друга стены, полы, и потолки коридора и рулевой рубки были даже не прозрачны, а попросту невидимы. В чем-то, что казалось абсолютной пустотой, находились твердыни телесности — кзин в своем кресле-кровати, окруженный подковой зеленых и оранжевых приборов, горящие неоновым светом края дверей, койки в коридоре, выполнявшем одновременно роль кают-компании, на корме — матовые стены кабины и, разумеется, большой треугольник крыла. Вселенная казалась очень близкой… и в то же время статичной, поскольку окруженное кольцом солнце светило прямо перед кормой, скрытое за непроницаемыми стенами кабин, и они не могли видеть, как оно растет с каждой минутой.

Воздух пахнул озоном и кукольниками.

Несс, который должен был корчиться от страха, представляя себе двухсоткратные перегрузки, спокойно сидел вместе со всеми за столом, поставленном в расширении коридора.

— Они наверняка не знают гиперпространственных волн, — рассуждал он. — Это гарантирует математика, на которую опирается их система. Кроме того, гиперпространственная волна является обобщением математики гипер-

пространственного привода, а они его тоже не знают.

— Но они могли открыть его случайно.

— Нет, Тила. Впрочем, мы можем что-нибудь послушать, поскольку все равно заняться нечем. Но…

— Только ждать и ждать! — Тила вскочила с места и выбежала из помещения.

В ответ на вопросительный взгляд кукольника Луис только пожал плечами.

Тила была в отвратительном настроении. Неделя, проведенная в гиперпространстве, довела ее почти до истерики, а перспектива еще полутора дней полного бездействия — сводила с ума. Однако чего она хотела от Луиса? Разве он мог изменить ради нее законы физики?

— Мы должны ждать, — подтвердил со своего места за пультом Говорящий. Скорее всего он не обратил внимания на тон, которым Тила произнесла свои последние слова. — Никаких гиперволновых передач. Я гарантирую, что обитатели Кольца даже не пытаются связаться с нами. Во всяком случае, не таким способом.

Вопрос установления контакта вырос до ранга главной проблемы. Пока им не удастся договориться со строителями Кольца, их присутствие

в обитаемой звездной системе будет похоже на шпионаж. Однако до сих пор ничто не указывало на то, что их заметили.

— Я слушаю непрерывно, — сказал кзин. — Если они захотят связаться с нами с помощью электромагнитных волн, я их наверняка услышу.

— Если только они попробуют что-то знакомое.

— Верно. Многие расы пользовались длиной волны холодного водорода.

— Как, скажем, кдалтино. Они очень элегантно обнаружили нас.

— А мы очень элегантно их завоевали.

В Космосе радио звучит голосами звезд: тишина царит только на волне двадцать один сантиметр, очищенной неисчислимыми кубическими световыми годами холодного межзвездного водорода. Каждая мыслящая раса, желающая связаться с другими существами, воспользовалась бы именно этой волной. К сожалению, выбрасываемый дюзами “Лгуна” водород с температурой Новой глушил именно эту волну.

— Помните, — сказал Несс, — что наша орбита не должна проходить сквозь Кольцо.

— Ты повторял это много раз. У меня хорошая память.

— Мы не можем позволить, чтобы жители Кольца сочли нас угрозой для своего существования. Надеюсь, ты об этом не забудешь.

— Ты кукольник, и потому не веришь никому и ничему.

— Спокойно, спокойно, — утомленно прервал их Луис. Эти придирки были развлечениями, без которых отлично можно обойтись. Он направился в свою кабину, чтобы поспать.

Шли часы. "Лгун", перед которым бушевало плазменное пламя, все медленнее падал к таинственной звезде.

Во внимательные глаза инструментов не попадал ни один модулированный луч света. Жители Кольца либо до сих пор не заметили "Лгуна", либо не пользовались лазерами в качестве наблюдательных приемопередающих устройств.

Эту неделю Говорящий часто проводил свободное время с людьми. Луис и Тила полюбили его кабину. В ней царила несколько большая гравитация, стены украшали голограммы, изображающие желто-оранжевые джунгли и старинные таинственные крепости, а в воздухе плавали острые непривычные запахи чужого мира. В своей собственной кабине они могли видеть сельские пейзажи и океанские поля, наполовину

покрытые генетически укороченными водорослями. Кзину это нравилось гораздо больше, чем им самим.

Как-то они попытались даже поесть вместе, но кзин ел как оголодавший волк, а кроме того, жаловался, что их пища пахнет подгоревшим мусором, и затею пришлось бросить.

Сейчас Тила и кзин разговаривали вполголоса за одним концом стола, а за другим Луис вслушивался в тишину и приглушенный звук работающих двигателей.

Он уже привык к тому, что его жизнь зависит от четкой работы системы искусственного тяготения. Его собственная яхта могла выдержать перегрузки порядка 30 “же”, правда на ней не было слышно работы двигателей.

— Несс… — прервал он мурлыканье рукотворных солнц, пылающих за стеной корабля.

— Да, Луис?

— Скажи, что ты знаешь о гиперпространстве такого, о чем мы не имеем понятия?

— Не понимаю.

— Гиперпространство пугает тебя. Зато полет на колонне солнечного огня — нет. Вы построили “Счастливый Случай” и, значит, должны знать о гиперпространстве такое, чего не знаем мы.

— Возможно, все именно так, как ты говоришь.

— Тогда скажи, что это? Если, конечно, это не тайна.

Тила и Говорящий прервали беседу. Уши кзина, обычно почти невидимые, развернулись двумя прозрачными оранжевыми зонтиками.

— Мы знаем, что в нас нет ничего бессмертного, — сказал Несс. — Я не говорю о твоей расе — не имею права. В нас же нет никакой бессмертной частицы. Наши ученые доказали это уже давно. Мы боимся смерти, потому что знаем — это конец.

— И...?

— Корабли уходили в гиперпространство и исчезали. Ни один кукольник никогда не приблизился бы к области действия аномалии, и все же корабли не возвращались. По крайней мере тогда, когда на борту были экипажи. Я верю инженерам, которые построили "Лгуна", значит, верю и генераторам искусственной гравитации. Они нас не подведут. Но даже наши инженеры боятся гиперпространства.

Потом пришла "ночь", которую Луис кое-как проспал, а за ней "день", во время которого Луис и Тила пришли к выводу, что не могут больше смотреть друг на друга. Тила не боялась, и Луис

подозревал, что никогда не заметит у нее ни малейших признаков страха. Ей было просто ужасно скучно.

В тот вечер “Лгун” повернулся на 180 градусов. Звезда, цель их путешествия, величественно выползла из-за кормы: белая, менее яркая, чем Солнце, окруженная узкой, местами голубой, ленточкой.

Все столпились за спиной Говорящего, следя, как кзин включает экран телескопа. Он нашел голубую ленту внутренней поверхности Кольца, коснулся выключателя…

…и почти сразу разрешилась одна из мучивших их загадок.

— Там что-то на краю! — сказал Луис.

— Держи это на экране, — приказал кукольник.

Грань Кольца увеличивалась все сильнее, вдоль края виднелась стена, тянувшаяся перпендикулярно к его поверхности, в сторону Солнца. Они видели ее наружную, темную поверхность на фоне голубого пейзажа. Низкий барьер, но низкий только в сравнении с размерами Кольца.

— Если его ширина составляет миллион миль, — вслух считал Луис, — то стена должна быть, по крайней мере, тысячу миль высоты.

Что ж, теперь мы знаем, как там удерживается атмосфера.

— А этого хватит?

— Должно хватить. Центробежная сила создает тяготение порядка 1 “же”. Немного воздуха, наверняка, уходит, но потерю можно восполнить. Тем более, что для строительства стены они должны были овладеть какой-то невероятно дешевой технологией превращения материи. Это помимо всего прочего.

— Интересно, как это выглядит изнутри.

Говорящий коснулся другой кнопки, и картина начала перемещаться. Увеличение было слишком мало, чтобы разглядеть детали — по экрану замелькали всевозможные оттенки голубого и синего…

Затем появился другой край. На этот раз они смотрели на внутреннюю сторону стены.

Несс сунул обе головы под лапы кзина и потребовал:

— Дай максимальное увеличение. Изображение рванулось к ним.

— Горы! — воскликнула Тила. — Как здорово!

Стена была неправильной, изъеденной, как эрозированная скала, а цветом напоминала Луну.

— Горы высотой в тысячу миль…

— Больше мы ничего не разглядим. Нужно приближаться.

— Сначала попробуем поговорить, — сказал кукольник. — Мы уже затормозились?

Кзин проверил данные компьютера.

— Мы сближаемся со звездой со скоростью около тридцати миль в секунду. Это достаточно медленно?

— Да. Начни передачу.

На “Лгуна” по-прежнему не упал еще ни один лазерный луч.

Труднее оказалось с другими диапазонами. Радиоволны, ультрафиолетовое, инфракрасное, рентгеновское излучение — все нужно было проверить, весь спектр, начиная с температуры внешней поверхности Кольца и кончая теплом, излучаемым звездой. Волна 21 сантиметр была пуста, так же как и частоты кратные ей, которые могли быть использованы именно потому, что волна холодного водорода была НАСТОЛЬКО очевидна. Проверив все это, оставалось рассчитывать только на удачу.

Из крыла “Лгуна” выдвинулись антенны и излучатели, и началась бомбардировка внутренней поверхности Кольца всевозможными радио-

волнами, слабыми лучами лазера, и даже плазменные двигатели передавали пульсирующими точками и тире информацию, закодированную азбукой Морзе.

— Наш компьютер рано или поздно справится с переводом любого сигнала, — сказал Несс. — Можно предположить, что их устройства по крайней мере настолько же хороши.

— А может твой дебильный компьютер перевести полное молчание? — язвительно спросил Говорящий с Животными.

— Передавай в сторону края. Если у них вообще есть космопорты, они должны быть именно там. Посадка в любом другом месте была бы связана с огромной опасностью.

Кзин фыркнул что-то оскорбительное на Языке Героев, и на этом обмен мнениями закончился. Однако, кукольник остался на месте, крутя во все стороны своими головами.

Голубая лента бесшумно неслась под кораблем.

— Ты хотел рассказать мне о сфере Дайсона, — напомнила Тила.

— А ты посоветовала мне заняться ловлей блох. — Луис нашел описание сферы Дайсона в библиотеке корабля. Это так его взволновало,

что он совершил непростительную ошибку и нарушил задумчивость Тилы, чтобы рассказать об этом.

— Расскажи сейчас.

— Займись лучше ловлей блох.

Она терпеливо ждала.

— Ну, ладно, — сдался он наконец. Уже полчаса он тупо смотрел на величественно движущееся Кольцо, и это наскучило ему не меньше, чем ей.

— Я просто хотел сказать тебе, что Кольцо является конструктивным компромиссом между сферой Дайсона и обычной планетой.

Дайсон был одним из старых философов, кажется, еще предатомных. Он выдвинул гипотезу, что развитие цивилизации лимитировано энергией, которой она может располагать. Если человечество хочет использовать всю возможную энергию, оно должно построить вокруг Солнца огромную сферу, не выпускающую наружу ни одного кванта света.

Если бы хоть на секунду ты перестала хохотать, то поняла бы, в чем дело. На Землю попадает всего около одной миллиардной части энергии, излучаемой Солнцем. Если бы можно было использовать ее целиком…

Тогда эта мысль не казалась безумной. Не было

даже теоретических разработок гиперпространственного привода. Впрочем, если помнишь, их не было НИКОГДА, поскольку не мы его изобрели. И никогда не сделали бы этого — кому пришло бы в голову ставить эксперименты за пределами нашей местной аномалии?

Что бы произошло, если бы корабль Внешних не приземлился на Нашем Деле? Что бы случилось, если бы не был создан Совет Человечества или если бы не удалось провести в жизнь его постановления? Как думаешь, сколько бы мы выдержали, имея на Земле миллиарды людей, а как средство коммуникации — корабли с термоядерными двигателями? Всего водорода земных океанов нам хватило бы не более, чем на сто лет.

Но сфера Дайсона — это не только способ перехватывать всю солнечную энергию.

Допустим, что ее диаметр составляет одну астрономическую единицу. Как строительный материал мы используем все планеты, поскольку все равно нужно будет очистить всю систему. Получим скорлупу из, скажем, хромистой стали, толщиной в несколько ярдов. Теперь на ее внутренней поверхности расставим генераторы тяготения. Получим поверхность в миллиард раз больше поверхности Земли. Миллиарды людей

могли бы бродить по ней всю жизнь и не встретить ни одной живой души.

— Генераторы гравитации нужны для того, чтобы все стояло на земле?

— Да. Внутреннюю поверхность покрывали бы слои почвы.

— А если бы такой генератор вдруг перестал действовать?

— Если бы у тетки были усы… Что ж, тогда миллиарды людей полетели бы прямо на Солнце. Вместе с воздухом, почвой и всем прочим. Возник бы гигантский вихрь, способный поглотить целую планету. Шансов на спасение не было бы.

— Это мне вовсе не нравится, — убежденно заявила Тила.

— Только спокойно. Есть способы уменьшить вероятность такой аварии почти до нуля.

— Дело не в этом. Мы бы не видели звезд. Об этом Луис не подумал.

— Неважно. Самое главное в сфере Дайсона то, что рано или поздно каждая развивающаяся цивилизация приходит к моменту, когда начинает нуждаться в ней. Технические цивилизации с течением времени используют все больше энергии. Кольцо вроде этого является компромиссом между сферой Дайсона и нормальной планетой:

приобретается только часть дополнительной площади, и перехватывается только часть энергии, зато можно видеть звезды и не беспокоиться о генераторах гравитации.

Из рубки доносилось гневное фырканье кзина, достаточно громкое, чтобы выдавить через шлюз весь воздух с корабля. Тила захохотала.

— Если кукольники рассуждают так же, как Дайсон, — продолжал Луис, — они могут ожидать, что в Магеллановом Облаке встретят сотни или даже тысячи таких колец.

— И поэтому им потребовались мы.

— Я боюсь держать пари, в котором речь идет о мыслях кукольника, но на этот раз, пожалуй, рискнул бы.

— Теперь меня не удивляет, что ты все время сидел, уткнувшись в читник.

— Это наглость! — вдруг закричал кзин. — Оскорбление! Нас сознательно игнорируют! Провоцируют на атаку!

— Невозможно, — запротестовал Несс. — Если ты не можешь обнаружить радиоизлучение, значит, они не пользуются радио. То же самое касается лазеров.

— Не имеют радио, не имеют лазеров, не имеют гиперпространственных волн! Как же тогда они

общаются? Телепатией? Гонцами? Зеркалами?

— У них есть попугаи, — подсказал Луис. — Огромные попугаи, разводимые специально. Они слишком велики, чтобы летать, сидят на вершинах гор и кричат друг другу.

Кзин повернулся и посмотрел Луису прямо в глаза.

— Четыре часа я пытаюсь установить какой-либо контакт. Четыре часа меня совершенно игнорируют. Мне не ответили ни одним словом, ни одним сигналом. У меня дрожат все мускулы, мех растрепался и поблек, глаза слезятся, мне мало места, а моя микроволновая кухня подогревает все до одной и той же температуры, и я не знаю, как ее исправить. Если бы не твоя помощь, я наверняка впал бы в отчаяние.

— Неужели они растеряли все достижения своей цивилизации? — задумчиво сказал Несс. — Это было бы довольно глупо, принимая во внимание все остальное.

— Может, они просто вымерли, — с ненавистью сказал кзин. — Это тоже было бы глупо. Но самая большая глупость, что они не хотят с нами контактировать. Мы сядем и выясним, в чем тут дело.

— Садиться? В месте, которое, возможно, убило

тех, кто там жил? — в ужасе пропел кукольник. — Ты сошел с ума!

— А как еще можно что-нибудь узнать?

— Вот именно! — поддержала кзина Тила. — Не затем мы тащились в такую даль, чтобы теперь летать по кругу.

— Я не согласен. Говорящий, продолжай попытки установить контакт.

— Я уже их закончил.

— Значит, начни сначала.

— Нет.

Было самое время, чтобы в разговор включился Луис Ву, дипломат-доброволец.

— Только спокойно, меховушка. Несс, он прав. Обитателям Кольца нечего сказать нам. Если бы было, они сумели бы найти способ, чтобы передать это.

— Но что нам остается, кроме дальнейших попыток?

— Нужно заняться своими собственными делами. Дадим им еще время подумать.

Кукольник неохотно кивнул головами.

Они продолжали полет с черепашьей скоростью.

Говорящий направил нос “Лгуна” так, чтобы корабль прошел мимо края Кольца — это была

уступка Нессу. Кукольник опасался, что гипотетические жители Кольца могли бы воспринять полет над его внутренней поверхностью как угрозу. Настоял он и на том, чтобы не пользоваться большими плазменными двигателями, поскольку они выглядели опасным оружием.

Трудно было оценить масштаб того, что они видели. За эти несколько часов Кольцо изменило положение, но это происходило слишком медленно, а в искусственной гравитации корабля, нивелирующей все изменения ускорения, внутреннее ухо не информировало организм о каком-либо движении. Время текло капля за каплей, и Луис Ву впервые после отлета с Земли готов был грызть ногти.

Наконец, Кольцо повернулось к “Лгуну” краем. Говорящий вышел на круговую орбиту вокруг солнца, после чего слегка подтолкнул корабль к Кольцу.

Вскоре край Кольца вырос из тонкой линии в огромную черную стену высотой в тысячу миль, лишенную каких-либо деталей, хотя они все равно прошли бы мимо их внимания, размазанные огромной скоростью. В полутысяче миль от них, заслоняя собой четверть неба, чудовищная стена мчалась со скоростью 770 миль в секунду.

Спереди и сзади она исчезала, истончаясь до бесконечности, чтобы где-то высоко расшириться до голубой нереальной ленты.

Глядя на это чудовищное творение технологии Луис попадал в другую вселенную. Вселенную идеально параллельных линий, прямых углов и других геометрических абстракций. Он, словно загипнотизированный, смотрел в точку, где стена истончалась так, что становилась практически не видна, а пройдя ее — растекалась ошеломляющей голубизной.

Было это началом или концом? Исчезала ли черная стена в этом месте, или же появлялась?

…что-то мчалось на них именно из этой точки, из бесконечности.

Это была острая грань, вырастающая из стены, как очередная абстракция, а на ней — ряд черных отверстий, одно возле другого. Они мчались прямо на “Лгуна”, прямо на Луиса. Он закрыл глаза и прикрыл лицо ладонями. Кто-то тихо, испуганно застонал.

Вот-вот должна была прийти смерть, а когда она так и не пришла, он открыл глаза. Отверстия проплывали под ним; каждое из них имело в диаметре не менее пятидесяти миль.

Несс лежал, свернувшись в плотный шар. Тила,

упершись руками в прозрачную стену, остолбенело смотрела вперед, а Говорящий как ни в чем не бывало сидел за пультом. Вероятно, он единственный из них правильно оценил расстояние.

А может, он просто делал вид. Этот стон мог вырваться именно из его горла.

Несс развернулся, посмотрел на исчезающие вдали отверстия и сказал:

— Говорящий, уравняй скорость с Кольцом. Мы должны изучить это подробнее.

Центробежная сила — это всего лишь видимость, доказательство существования закона инерции. Реальностью является центростремительная сила, векторы которой складываются под прямым углом с вектором скорости данной массы. Масса же сопротивляется, стремясь двигаться по прямой линии.

Именно из-за этой скорости и закона инерции Кольцо проявляло тенденцию к распаду, чему противостояла только его могучая конструкция. “Лгуну”, чтобы зависнуть над выбранной точкой, требовалось достичь скорости почти 770 миль в секунду.

Вскоре так оно и случилось. Корабль, ускоряемый тягой в 0,992 “же”, неподвижно висел возле стены Кольца, а экипаж занялся наблюдением за

космическим портом.

Сам порт находился в узкой щели, такой узкой, что при первом взгляде ее нелегко было заметить. Только когда кзин направил “Лгуна” вниз, оказалось, что в ней свободно могли разместиться рядом два огромных корабля. Это были цилиндры с несколько сплюснутыми носами — совершенно чужая конструкция, но можно было догадаться, что двигатели у них термоядерные. Они могли пополнять топливо во время полета, захватывая в космическом пространстве атомы рассеянного водорода. Один из них был частично демонтирован, и его внутренности выставлены под любопытные взгляды пришельцев.

В корпусе второго, нетронутого корабля отраженным светом звезд сверкали окна. Тысячи окон. Этот корабль был по-настоящему большим.

И совершенно темным. Впрочем, темнота царила во всем порту. Быть может, существам, которые им пользовались, не требовался свет, но Луису Ву показалось, что порт уже давно покинут.

— А зачем эти отверстия? — спросила Тила.

— Электромагнитные пушки, — машинально ответил Луис. — Для стартов.

— Нет, — отрезал Несс.

— Что?

— Скорее, для посадок. Я даже могу сказать, как это выглядело. Корабль выходил на орбиту прямо над стеной, скажем, в двадцати пяти милях от ее поверхности, после чего выключал двигатели. Линии электромагнитных волн, излучаемые вращающимися вместе с Кольцом пушками, вскоре сообщали ему скорость 770 миль в секунду. Только тогда корабль снижался и садился. Этот метод делает честь строителям Кольца. Благодаря ему опасность, которую несла с собой каждая посадка, была сведена до минимума.

— Но ведь пушки могли использовать и для стартов.

— Нет. Обрати внимание на конструкцию слева.

— Ненис.

“Конструкция” оказалась закрытым сейчас шлюзом, достаточно большим, чтобы в нем разместился любой из огромных кораблей. Ничего больше и не требовалось.

Каждая точка на внешней поверхности Кольца мчалась вперед со скоростью 770 миль в секунду, поэтому для старта достаточно было просто вытолкнуть корабль в пространство, а там пилот

мог сразу включать основные двигатели.

— Порт выглядит совершенно покинутым, — сказал кзин.

— А как с энергией?

— Приборы ничего не чувствуют. Никакой электромагнитной активности, никаких пятен тепла. Но, разумеется, могут действовать устройства, потребляющие так мало энергии, что наши приборы не могут их засечь.

— Выводы?

— Все устройства порта могут находиться в полной исправности. Мы можем проверить это, входя в сферу их действия и готовясь к посадке.

Несс мгновенно свернулся в клубок.

— Ничего не выйдет, — заметил Луис. — Вся машинерия включается по какому-то строго определенному сигналу, которого мы не знаем. Или реагирует исключительно на корпус из металла. Если бы она не перехватила нас в нужный момент, мы могли бы врезаться в порт и устроить немалый переполох.

— Я уже пилотировал корабль в подобных условиях во время боевых маневров.

— И давно?

— Может, слишком давно. Впрочем, неважно. Что ты предлагаешь?

— Заглянуть снизу, — сказал Луис.

Кукольник тут же выставил наружу обе головы.

С тягой в 1 “же” они висели над нижней стороной Кольца.

— Свет, — бросил Несс.

Мощные рефлекторы “Лгуна” светили на пятьсот миль, но даже если их свет доходил до цели, он уже не возвращался: они были сконструированы только для облегчения посадки.

— Ты все еще веришь в ваших инженеров, Несс?

— Я признаю, что они должны были предвидеть такую возможность.

— Я сделаю это за них. Я освещу Кольцо, если ты согласишься использовать для этого плазменные двигатели, — предложил кзин.

— Согласен.

Говорящий включил четыре двигателя — два больших, направленных назад, и два поменьше, тормозных. Именно в них он открыл дюзы на всю ширину. Водород проскакивал слишком быстро и, вылетая в пустоту, сгорал еще не до конца, благодаря чему выхлоп, обычно горячий, как ядро Новой, имел теперь температуру желтого карлика. Два потока света озарили черную из-

нанку Кольца.

Она не была гладкой: по всей поверхности виднелись впадины и возвышенности самых разных форм и размеров.

— Я думала, что будет идеально ровно, — сказала Тила.

— Ничего подобного, — ответил Луис. — Держу пари, что там, где мы видим углубление, на внутренней стороне поднимается гора, а где возвышенность — море или океан.

Подробности они увидели только когда Говорящий подвел “Лгуна” ближе. Теперь они медленно двигались над фантастическими выпуклостями и впадинами наружной поверхности Кольца, таинственными, но каким-то странным образом приятными для глаза…

Уже много столетий экскурсионные корабли и частные яхты точно так же двигались над поверхностью Луны. Зрелище было даже чем-то похоже: поднимающиеся в безвоздушную пустоту вершины, острые, четкие границы между светом и тенью. Единственное различие было в том, что на Луне всегда можно заметить изрезанный, выгнутый дугою горизонт.

Здесь горизонт не был ни изрезанным, ни выгнутым — он тянулся в невообразимой дали

идеально прямой, едва заметной на фоне черноты космоса, полосой. “Как выдерживает это Говорящий”, — подумал Луис. Час за часом у рулей корабля, рядом с невероятным колоссом…

Он содрогнулся. Постепенно до его сознания начали доходить истинные размеры, действительные масштабы Кольца. Это было не слишком приятное чувство.

С трудом он оторвал взгляд от этого невиданного горизонта и устремил его на освещенную поверхность над ними.

— Все моря, похоже, одинаковых размеров, — заметил Несс.

— Я видела несколько маленьких, — ответила Тила. А там… Кажется, это река. Да, наверняка. Зато я нигде не видела таких больших океанов.

Морей было много, если, конечно, все выпуклости были морями. Хотя их размеры, что бы ни говорил кукольник, довольно значительно отличались, размещены они были довольно регулярно, так что ни одна область не располагалась слишком далеко от воды. Кроме того…

— Они плоские. У всех морей совершенно плоское дно.

— Действительно, — согласился Несс.

— Значит, мы уже кое-что знаем. Все моря

слишком мелкие, следовательно, обитатели Кольца живут на суше, как и мы.

— У всех морей очень сложная форма, — думала вслух Тила. — И развитая береговая линия. Знаешь, что это означает?

— Бухты. Целая масса бухт, которыми можно пользоваться.

— Значит, обитатели Кольца, хоть и живут на суше, воды не боятся, — констатировал Несс. — Будь иначе, им не требовалось бы столько бухт. Луис, они должны быть очень похожи на человека. Кзины не выносят даже вида воды, а мы очень боимся утонуть.

“Как много можно узнать о мире, разглядывая его с изнанки”, — подумал Луис. Пожалуй, нужно написать на эту тему какую-нибудь работу…

— Это должно быть приятно — вырезать себе мир, какой хочется, — заметила Тила.

— А твой тебе уже не нравится?

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Мощь? — Луис любил неожиданности. Мощь, сила — это его не интересовало. Он не был созидателем и предпочитал находить вещи такими, как они есть, чем творить их.

Далеко перед ними что-то появилось. Очень большая выпуклость… даже огромная: свет плаз-

менного огня не мог осветить ее границ.

Если предыдущие были морями, то теперь они видели перед собой океан — короля всех океанов Вселенной. Он тянулся без конца. Дно его уже не было плоским, скорее, напоминало топографическую карту Тихого океана с его многочисленными долинами, уступами и возвышенностями, некоторые из них были настолько высоки, что наверняка возвышались над поверхностью воды.

— Чтобы сохранить морскую флору и фауну, им требовался по крайней мере один настоящий океан, — догадалась Тила.

Океан, может не слишком глубокий, зато достаточно широкий, чтобы в нем поместилась вся Земля.

— Довольно, — неожиданно сказал кзин. — Теперь нужно взглянуть на внутреннюю сторону.

— Сначала нужно провести необходимые замеры. Идеально ли кругло Кольцо? Достаточно малейшего отклонения, чтобы вся атмосфера улетучилась в космос.

— Но мы же знаем, что она не улетучивается. А о том, есть ли какие-нибудь отклонения, можно узнать, изучая размещение воды на внутренней поверхности.

— Ну ладно, сдался Несс. — Но сначала долетим до другого края.

Тут и там виднелись метеоритные кратеры. Луис подумал, что строители Кольца недостаточно чисто прибрали свою солнечную систему. Впрочем, нет, это невозможно — метеориты наверняка пришли из-за пределов системы, из межзвездного пространства. Один из кратеров, исключительно глубокий, как раз проплывал над ними, и на его дне Луис заметил что-то блестящее.

Это наверняка была "основа" Кольца, сделанная из вещества настолько плотного, что оно задерживало 40 % нейтрино. И, конечно, необычайно прочного. Над ним находился слой почвы, моря, города и, наконец, воздух. Под ним был слой губчатого материала, в задачу которого входила защита от прямых ударов метеоритов. Большинство из них не могли серьезно разрушить его, но некоторые имели достаточно силы, чтобы образовать крупные кратеры.

Далеко в стороне, глядя вдоль едва заметной кривизны Кольца, Луис заметил какое-то углубление. Оно было большим, даже огромным, если его можно было разглядеть даже в слабом свете звезд.

Вероятно, туда тоже ударил метеорит, подумал

он, не удостоив углубление особым вниманием. Его разум, еще не привыкший к масштабам Кольца, не мог оценить, каким большим был этот метеорит.

Глава 9. ЧЕРНЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ

Из-за черного края Кольца вынырнуло ослепительно белое солнце. Только когда кзин включил поляризацию кабины, Луис смог без прищура взглянуть прямо на диск звезды. Часть ее была закрыта черным прямоугольником.

— Нужно быть очень внимательными, — предупредил Несс. — Если мы надолго задержимся над внутренней поверхностью Кольца, то наверняка будем атакованы.

Говорящий прохрипел что-то в ответ. После многих часов за пультом управления, он уже изрядно устал.

— Атакованы! Может, скажешь, чем? Ведь у них нет даже порядочной передающей станции!

— Мы ничего не знаем о том, как они пересылают информацию. Может, используют телепатию, а может — вибрацию почвы, или пользуются проводной связью. Так же мало мы знаем об их вооружении. Приближаясь к заселенной поверх-

ности, мы будем представлять собой огромную опасность, и они используют против нас все, чем располагают.

Луис кивнул. По натуре он не был слишком осторожен, к тому же Кольцо пробудило его врожденное любопытство, но сейчас кукольник был прав.

Пролетая над внутренней поверхностью, “Лгун” становился просто опасным метеоритом. К тому же очень большим. Даже при орбитальной скорости он представлял бы огромную опасность: первое же касание верхних слоев атмосферы мгновенно потащило бы его вниз. Двигаясь быстрее, с включенными двигателями, он представлял опасность, возможно, не непосредственную, зато фатальную. Хватило бы малейшей аварии привода, чтобы мощная центробежная сила с огромной скоростью швырнула его на заселенные районы. Жители Кольца наверняка опасались метеоритов: хватило бы одного отверстия в его конструкции, чтобы вся атмосфера была высосана наружу.

Говорящий с Животными повернулся в их сторону, и его лицо оказалось прямо против голов кукольника.

— Тогда говори, что делать.

— Сначала притормози до орбитальной скорости.

— А потом?

— Ускоряйся в направлении Солнца. Так мы успеем осмотреть внутреннюю часть Кольца. Нашей целью будут черные прямоугольники.

— Излишняя осторожность не нужна и оскорбительна. Черные прямоугольники нас совершенно не интересуют.

Усталый и голодный, Луис не имел ни малейшего желания играть роль арбитра между двумя чужаками. Они слишком долго были на ногах. Если уж Луис чувствовал усталость, то кзин должен быть просто изнурен.

— Интересуют, и даже очень, — ответил Несс. — Их поверхность перехватывает больше солнечного света, чем само Кольцо. Не исключено, что в действительности это чрезвычайно эффективные термоэлектрические генераторы.

Кзин фыркнул что-то чудовищно оскорбительное на Языке Героев, однако его ответ на интерволде был удивительно спокоен.

— Я не понимаю тебя. Какое нам дело до источников энергии, которыми располагает Кольцо? И если даже так оно и есть, давай сядем, найдем какого-нибудь туземца и попросту спросим его

об этом!

— Я не согласен на посадку.

— Ты сомневаешься в моих способностях пилота?

— А ты сомневаешься в моих полномочиях командира?

— Раз уж ты сам затронул этот вопрос…

— Не забывай, что у меня по-прежнему есть тасп. Я распоряжаюсь “Счастливым Случаем” и гиперпространственным приводом квантум II, и я Лучше-Всех-Спрятанный на этом корабле. Помни, что…

— Хватит, — прервал его Луис. Оба посмотрели на него.

— Вы слишком рано начали ссориться. Почему бы не осмотреть прямоугольники в телескоп? Тогда вы оба будете знать больше фактов, которыми можно будет бросаться друг в друга. Это даст вам большее удовлетворение.

Головы Несса быстро переглянулись. Кзин выпускал и втягивал когти.

— А теперь поговорим о более приятных вещах, — продолжал Луис. — Все мы изнервничались, устали и голодны. Кому нравится ругаться с пустым желудком? Я лично собираюсь часок вздремнуть. Советую и вам сделать то же самое.

— Ты не будешь смотреть? — удивленно спросила Тила. — Но ведь мы будем пролетать над внутренней поверхностью Кольца!

— Расскажешь мне потом, что увидишь, — сказал он и отправился спать.

Проснувшись, он почувствовал сильный голод и головокружение. Голод был настолько силен, что сначала заставил его съесть огромный бутерброд и только потом разрешил пойти в рубку.

— Ну как?

— Все кончилось, — холодно ответила Тила. — Крейсера, черти, драконы, все одновременно. Говорящий дрался с ними голыми руками. Тебе это наверняка понравилось бы.

— А Несс?

— Мы с Говорящим решили, что летим к черным прямоугольникам. Говорящий лег спать.

— Есть что-то новое?

— Немного. Сейчас покажу.

Кукольник что-то сделал с экраном. Он умело управлялся на месте кзина.

Зрелище напоминало поверхность Земли с большой высоты: горы, реки, долины, озера, пустые пространства, которые могли быть пустынями.

— Пустыни?

— Похоже на то. Говорящий замерил температуру и влажность. Все указывает на то, что Кольцо, по крайней мере частично, вышло из-под контроля своих создателей. Зачем им могли понадобиться пустыни? По другую сторону мы открыли еще один океан, такой же большой, как и первый. Изучение спектра позволило сделать вывод, что вода соленая.

— Твое предложение оказалось весьма разумным, — продолжал Несс. — Хотя Говорящий и я — профессиональные дипломаты, ты, пожалуй, лучше нас обоих. Когда мы направили телескоп на прямоугольники, кзин тут же согласился лететь туда.

— Да? И почему же?

— Мы заметили кое-что странное. Эти прямоугольники движутся со скоростью гораздо больше орбитальной.

Луис едва не подавился.

— Это не так уж невозможно, — ответил самому себе кукольник. — Они могут кружить вокруг солнца по эллиптической орбите, а не по круговой. Им вовсе не обязательно выдерживать постоянное расстояние.

Луис наконец проглотил кусок, застрявший в горле.

— Но это же безумие! Постоянно менялась бы продолжительность дня и ночи!

— Поначалу мы решили, что речь идет о разделении зимы и лета, — вставила Тила, — но это тоже не имело смысла.

— Конечно, нет. Прямоугольники совершают один оборот за неполный месяц. Кому нужен год, который длится три недели?

— Значит, ты понимаешь, в чем заключается проблема, — сказал Несс. — Это аномалия была слишком мала, чтобы заметить ее из нашей системы. В чем же дело? Может, вблизи звезды резко возрастает гравитация и отсюда эта скорость? Как бы то ни было, черные прямоугольники заслуживают того, чтобы заняться ими вплотную.

Кзин выбрался из своей кабины, обменялся несколькими словами с людьми, после чего заменил Несса у пульта. Вскоре после этого он вышел из рубки. Он не сказал ни слова, но кукольник, дрожа всем телом, начал отступать перед яростным взглядом кзина, готового убивать.

— Ну, хорошо, — отрешенно вздохнул Луис. — В чем дело на этот раз?

— Это травоядное… — начал Говорящий, но слова застряли у него в горле. Он откашлялся и начал еще раз. — Этот шизофреник вывел нас на

траекторию, требующую минимального расхода топлива. Такими темпами мы доберемся до пояса прямоугольников через четыре месяца.

И кзин начал ругаться на Языке Героев.

— Ты сам выбрал эту траекторию, — слабо запротестовал Несс.

— Я хотел постепенно выйти из плоскости Кольца, чтобы присмотреться к его поверхности, — возбужденно ответил кзин. — Потом мы могли бы сразу двинуться к прямоугольникам и добрались бы до них за несколько часов вместо месяцев!

— Не кричи на меня, Говорящий. Если бы мы двинулись к прямоугольникам полной тягой, наша траектория уперлась бы прямо в Кольцо. Я хотел избежать этого.

— Но ведь мы можем нацелиться на солнце, — заметила Тила. Бее повернулись к ней.

— Если жители Кольца боятся, что мы на них свалимся, они, конечно, все время следят за нами, — спокойно объяснила она. — Когда расчетная трасса нашего полета будет направлена прямо на солнце, мы перестанем представлять для них опасность. Понимаете?

— Совсем не глупо, — буркнул кзин.

Кукольник сделал жест, заменявший у него

пожатие плечами.

— Пилот — ты. Делай, как знаешь, но не забывай…

— Не бойся, я не собираюсь пролетать сквозь солнце. В подходящий момент я перейду на орбиту, параллельную прямоугольникам.

Сказав это, кзин отправился в рубку. Отступление в нужный момент было искусством, которым владели немногие кзины.

Некоторое время корабль летел параллельно Кольцу; кзин, послушный приказам кукольника, не включал основных двигателей. Затем он погасил орбитальную скорость, так что “Лгун” начал падать к солнцу, а потом повернул его носом в направлении полета и начал ускорение.

Внутренняя поверхность Кольца выглядела теперь как широкая голубая лента, испещренная многочисленными синими и белыми пятнами. Даже быстрого взгляда хватало, чтобы заметить, как быстро она удаляется. Кзин не терял времени.

Луис заказал два стакана мохи и подал один из них Тиле.

Он понимал гнев кзина. Кольцо поражало его. Говорящий был уверен, что им придется садиться, поэтому старался довести до этого поскорее,

пока его не покинула отвага.

Кзин снова вышел из рубки.

— Через четырнадцать часов мы выйдем на орбиту черных прямоугольников. Я хочу сказать тебе кое-что, Несс. Мы, воины Патриарха, с детства обучаемся терпению, но у вас, кукольников, терпению покойников.

— Мы поворачиваем, — не своим голосом сказал Луис и поднялся с места. Нос корабля все больше отклонялся от выбранного курса.

Несс отчаянно крикнул и прыгнул вперед. Он был еще в воздухе, когда "Лгун" осветился чудовищной вспышкой, как будто огромная лампа, и закачался… как пьяный. Они почувствовали это, несмотря на искусственную гравитацию. В последнее мгновение Луис судорожно ухватился за спинку стула, Тила с невероятной точностью упала прямо на свою койку, а свернувшийся клубком кукольник сильно ударился о стену. Долю секунды царила полная темнота, а потом все осветилось призрачным фиолетовым светом, который окружил весь корпус.

"Видимо, Говорящий вывел "Лгуна" на курс, а потом включил автопилота", — подумал Луис. — "Автопилот проверил курс, счел сияющую неподалеку звезду огромным метеоритом, угро-

жающим кораблю, и постарался сделать все, чтобы обогнуть его”.

Гравитация вернулась к норме. Луис поднялся с пола. Судя по первым ощущениям, с ним ничего не случилось, так же как и с Тилой. Она стояла около стены, глядя наружу сквозь заслон из фиолетового света.

— Не действует половина приборов, — объявил кзин.

— Ничего удивительного, — сказала Тила. — Мы потеряли крыло.

— Что?

— Потеряли крыло.

Так оно и было. Вместе с крылом они потеряли все двигатели, приемо-передающую аппаратуру и посадочный комплекс. Остался только чистый, гладкий корпус “Дженерал Продактс”, и то, что в нем находилось.

— В нас стреляли, — сказал кзин. — И сейчас стреляют. Вероятно из лазеров-Х. Этот корабль находится в состоянии войны, и я принимаю командование.

Несс не протестовал, поскольку неподвижно лежал под стеной, свернувшись в клубок. Луис присел рядом с ним и начал осторожно его ощупывать.

— О, лапы финагла! Я не знаток физиологии кукольников, и понятия не имею, что с ним случилось.

— Он просто перепугался и пытается спрятаться в собственном животе. Привяжите его к койке.

Луис без особого удивления заметил, что с облегчением подчиняется приказам. Он пережил сильный шок. Еще минуту назад он был в космическом корабле, теперь же этот корабль стал просто стеклянной иглой, безвольно падающей на Солнце.

Вместе с Тилой они уложили кукольника на койку и закрепили ремнями.

— Мы имеем дело с воинственной цивилизацией, — сказал кзин. — Лазер-Х — оружие, безусловно, наступательное. Если бы не корпус, мы были бы уже мертвы.

— Кажется, включилось статическое поле, — заметил Луис. — Черт его знает, как долго оно действовало.

— Несколько секунд, — ответила Тила. — Фиолетовое сияние — это фосфоресцирующие остатки того, что было снаружи.

— Распыленные лучом лазера. Верно. Похоже, оно ослабевает. Действительно, сияние померкло.

— К сожалению, оружие, которым мы располагаем, исключительно оборонительное. Да и как может быть иначе, ведь это корабль кукольников! — фыркнул кзин. — Даже плазменные двигатели были на крыле. А мы все еще под обстрелом. Ничего, они еще узнают, что такое атаковать кзина!

— Ты хочешь преподать им урок? Кзин не почувствовал сарказма.

— Конечно.

— Чем? — взорвался Луис. — Ты знаешь, что у нас осталось? Гиперпространственный привод и система жизнеобеспечения — вот и все! У нас нет даже вспомогательных двигателей! У тебя мания величия, если ты думаешь, что с ЭТИМ можно вести войну!

— Именно так думает противник! Но он же знает, что…

— Какой противник?

— …вызывая на поединок кзина…

— Это автоматы, меховушка! Живой противник открыл бы огонь сразу, едва мы оказались в пределах выстрела!

— Меня тоже удивила их странная тактика.

— Говорю тебе, это автоматы! Управляемые компьютером лазеры противометеоритной

системы. Они запрограммированы так, чтобы уничтожать все, что могло бы ударить во внутреннюю поверхность Кольца. Когда они рассчитали, что наша траектория пересекается с его плоскостью — бах!

— Это… это возможно. — Кзин начал отключать энергию от бездействующих приборов. — Но я надеюсь, что ты ошибаешься.

— Разумеется. Всегда лучше, когда есть на кого все свалить.

— Было бы лучше, если бы траектория нашего полета не пересекалась с плоскостью Кольца. — Он говорил, опуская заслонки на мертвых окошках приборов. — Мы движемся с большой скоростью и вскоре выйдем за пределы системы и местной аномалии. Тогда можно будет включить гиперпространственный привод и догнать флот кукольников. Но сначала мы должны избежать столкновения с Кольцом.

Луис еще не заглядывал так далеко вперед.

— Зачем была эта спешка? — кисло спросил он.

— По крайней мере мы знаем, что не упадем на солнце. Если бы мы летели прямо на него, то не были бы обстреляны.

— Огонь продолжается, — доложила Тила. — Я

вижу звезды, но сияние не проходит. Это значит, что мы на курсе, ведущем к поверхности Кольца, правда?

— Если лазеры управляются автоматически, то да.

— Мы погибнем, если упадем на Кольцо?

— Спроси у Несса — это его соотечественники построили корабль. Только сначала попробуй его развернуть.

Кзин раздраженно фыркнул. Только несколько огоньков на пульте свидетельствовали о том, что небольшая часть того, что когда-то было “Лгуном”, еще функционирует.

Тила наклонилась над кукольником, который неподвижно лежал на койке, опутанный своей упряжью. Вопреки ожиданиям Луиса во время неожиданной атаки она не ударилась в панику, и сейчас осторожно массировала основания шей Несса, как когда-то это делал Луис.

— Ты глупая, трусливая зверушка, — ласково сказала она кукольнику. — Ну, давай, покажи свои головки. Выгляни, а то пропустишь самое интересное.

Двенадцать часов спустя Несс все так же был в глубокой кататонии.

— Я пытаюсь его расслабить, а он сжимается

еще сильнее! — пожаловалась Тила со слезами на глазах. Они пошли в кабину, чтобы поесть, но ей кусок не лез в горло. — Наверно, я делаю это плохо, Луис. Наверняка.

— Ты все время говоришь ему о том, что здесь происходит, — заметил Луис, — а это его вовсе не интересует. Оставь его на время в покое. Он не делает ничего плохого ни себе, ни нам. Когда будет необходимо, он наверняка очнется, хотя бы для того, чтобы спасаться. А пока пусть жмется к собственному животу.

Тила неуверенно ходила по маленькой кабине. Она еще не успела привыкнуть к разнице между земной гравитацией и той, что царила на корабле. Открыв рот для какой-то фразы она, казалось, передумала, но потом все-таки выдавила:

— Ты боишься?

— Конечно.

— Так я и думала, — кивнула она и продолжала ходить. Потом спросила снова: — А почему Говорящий не боится?

С момента атаки кзин постоянно был чем-то занят: осматривал вооружение, старался приблизительно рассчитать их курс, время от времени отдавал короткие, ясные распоряжения.

— Я думаю, что он вне себя от ужаса. Помнишь,

как он реагировал на розетту кукольников? Он смертельно испуган, но ни за что не позволит, чтобы Несс догадался об этом.

Тила покачала головой.

— Не понимаю, ничего не понимаю! Почему все боятся, а я — нет?

Любовь и жалость пронзили Луиса такой острой иглой, что он едва не застонал.

— Несс был в чем-то прав, — постарался он объяснить. — До сих пор с тобой не случалось ничего плохого, правда? Тебе слишком везет, чтобы такое случилось. Мы боимся боли, но ты этого не понимаешь, ибо никогда ее не испытывала.

— Это безумие! Действительно, я никогда не ломала ноги или чего-то в этом роде, но это же не какая-то парапсихическая сила!

— Нет, счастье — не парапсихическая сила. Счастье — это статистика, а ты — математическая абстракция. Было бы странно, если бы среди сорока трех миллиардов людей Несс не нашел бы никого вроде тебя. Знаешь, что он сделал? Выделил группу людей, потомков тех, кто выигрывал в Лотерею Жизни. Якобы их были тысячи, но держу пари, что если бы среди этих тысяч он не нашел того, кого искал, то начал бы поиски в гораздо большей группе, среди тех, которые

могли похвалиться меньшим количеством иредков-счастливцев. Думаю, их были бы десятки миллионов.

— Но что он искал?

— Скорее “кого”. Тебя. Он изучил эти несколько тысяч людей и начал постепенно их отбрасывать. Этот ребенком сломал себе палец. Этот часто ввязывается в драки и всегда бывает бит. У той — неприятности с психикой. Тот был испытателем новых моделей космических кораблей и отдавил себе ноготь. Понимаешь? С тобой никогда не случалось ничего подобного. Независимо от того, сколько раз ты роняла кусок хлеба, он всегда падал маслом вверх.

— Значит, все зависит от теории вероятности… — задумчиво сказала Тила. — Но, Луис, что-то тут не так. Например, я вовсе не всегда выигрывала в рулетку.

— Но никогда и не проигрывала помногу.

— Ну… Нет.

— Это и имел в виду Несс.

— Значит, по-твоему, я какой-то невероятный неудачник…

— Ненис! Как раз наоборот! Несс отбрасывал одного за другим тех кандидатов, которым что-то не удавалось, и, наконец, попал на тебя. Он ду-

мает, что нашел исключение, в соответствии с которым можно установить новые принципы, а я утверждаю, что он просто добрался до самой дальней точки совершенно обычной кривой. Теория вероятности утверждает, что ты существуешь. Утверждает она и то, что когда ты в очередной раз бросишь вверх монету, то, как все прочие, будешь иметь равные шансы на выигрыш и проигрыш. У счастья нет памяти.

Тила села с громким вздохом.

— Что ж, я действительно оказалась невероятной счастливицей. Бедный Несс, он обманулся во мне.

— Это пойдет ему на пользу.

Уголки ее губ подозрительно задрожали.

— Мы можем это проверить прямо сейчас.

— Что?

— Закажи бутерброд с маслом. Побросаем.

Черный прямоугольник был чернее самой черной темноты, с большим трудом получаемой во время лабораторных экспериментов. Один его угол слегка закрывал голубую ленту Кольца. Используя его как образец, можно было дорисовать остальное — чернота на фоне черноты Космоса, отличающаяся только тем, что в ней не мерцали звезды. Он заслонял уже изрядный кусок неба и

продолжал расти.

Глаза Луиса были закрыты очками из необычайно сильно поляризующего материала. В тех местах, где на них попадал самый яркий свет, появлялись черные пятна. Поляризации корпуса было уже недостаточно. Говорящий все время сидел в рубке и управлял тем, что осталось от корабля. Он тоже надел очки. Нашли они и два отдельных стекла, каждое с короткой резинкой, и совместными усилиями надели их на Несса.

Луис видел удаленную на двадцать миллионов миль звезду как черный диск, окруженный ярко-оранжевой короной. Внутри корабля все сильно нагрелось, хотя климатизатор работал в максимальном режиме.

Тила открыла дверь кабины, мгновенно захлопнула ее, и через минуту появилась с очками на глазах.

Прямоугольник был теперь просто чудовищной пустотой, будто кто-то протер тряпкой часть покрытой белыми точками доски.

Рев климатизатора делал невозможным какой-либо разговор.

Каким образом он избавлялся от тепла, если снаружи горячее, чем внутри? А он вовсе не избавлялся, сообразил Луис. Он его накапливал.

Где-то внутри климатизатора была маленькая точка с температурой звезды, растущая с каждой минутой.

Еще один повод для беспокойства.

Черная пустота увеличивалась непрерывно.

Это из-за ее размеров казалось, что они приближаются медленно. Прямоугольник имел ширину, по крайней мере равную диаметру звезды, то есть около миллиона миль. Длина его составляла, самое малое, два с половиной миллиона миль. Они вдруг увидели его истинные размеры. Край его вошел между ними и солнцем, и воцарилась темнота.

Черный прямоугольник закрывал половину вселенной. Его края, черные на черном фоне, простирались слишком далеко, чтобы их можно было увидеть.

Часть корабля, находившаяся за кабинами, была раскалена добела — это климатизатор избавлялся от накопленного тепла. Луис, как будто очнувшись от дурного сна, повернулся к чудовищному прямоугольнику.

Вой климатизатора внезапно смолк, оставив после себя звон в ушах.

— Но… — неуверенно сказала Тила.

В дверях рубки появился Говорящий с Живот-

ными.

— Жаль, что от телескопа остался только экран, — сказал он. — Он мог бы многое показать.

— Что, например? — крикнул Луис, забыв, что в корабле тихо.

— Например то, почему прямоугольники движутся со скоростью большей, чем орбитальная. Действительно ли это генераторы энергии? Что удерживает их в одинаковом положении? Если бы действовал телескоп, мы могли бы получить ответы на все вопросы, которые задал этот пожиратель листьев.

— Мы упадем на звезду.

— Разумеется, нет. Ведь я уже говорил. Полчаса мы будем лететь в тени этого прямоугольника, а потом пройдем между Солнцем и следующим прямоугольником. Если станет слишком жарко, можно будет выключить статическое поле.

Снова вернулась звенящая тишина. Прямоугольник был теперь бесформенным, безграничным полем идеальной полноты. Человеческий глаз был не в силах выделить из идеальной черноты никаких деталей.

Через некоторое время на них снова обрушился ливень солнечного света, и вскоре после этого

завыл климатизатор.

Луис напряженно вглядывался в небо — наконец-то он разглядел следующий прямоугольник. Он как раз следил, как приближаетея непроницаемо черная поверхность, когда ударила молния.

Во всяком случае, именно так это выглядело. Вспыхнуло, как молния, без предупреждения, взрываясь страшным блеском, словно они вдруг оказались в сердце Сверхновой. Корабль задрожал… и свет погас. Луис потянулся к очкам, чтобы протереть слезящиеся глаза.

— Что это было? — воскликнула Тила.

Способность видеть медленно возвращалась. Когда, наконец, исчезли разноцветные пятна, Луис увидел, что Несс выставил одну защищенную очками голову, что кзин ищет что-то в ящике, а Тила смотрит прямо на него.

Нет, не на него. На что-то прямо за его спиной. Он повернулся.

Солнце было черным кружком, меньшим, чем прежде, окруженным желто-белым сиянием. За то мгновение, что они были в статическом поле, оно сильно сжалось. Вероятно, это “мгновение” длилось несколько часов. Рев климатизатора перешел в негромкое, но раздражающее пофыркивание.

Снаружи что-то горело.

Это была черная тонкая нить, окруженная бледно-фиолетовым сиянием. Один ее конец исчезал в солнце, второй — где-то впереди, перед “Лгуном”, слишком далеко, чтобы его можно было заметить.

Она извивалась, как разрезанный пополам червяк.

— Кажется, мы обо что-то ударились, — спокойно сказал Несс. Можно было подумать, что все это время он контролировал ситуацию. — Говорящий, тебе придется выйти наружу. Надевай скафандр.

— Мы находимся в состоянии войны, — ответил кзин, — здесь командую я.

— Отлично. И что же ты собираешься делать?

Кзин был достаточно умен, чтобы ничего не ответить. Он как раз кончал вытаскивать свой скафандр — вероятно, сам он тоже решил пойти на разведку.

Он взял один из скутеров — экипажей, похожих формой на торпеду, с удобным, углубленным в корпусе креслом для пилота.

Они смотрели, как он маневрирует вокруг извивающейся черной нити. Она уже несколько остыла — цветной ореол вокруг нее потемнел и

светился теперь темно-оранжевым. Массивная фигура кзина вылезла из скутера и поплыла к нити. Они слышали его дыхание. Один раз он что-то удивленно фыркнул, но не сказал ни слова. Снаружи он был около получаса.

Когда он вернулся на борт “Лгуна”, они сосредоточенно ждали, что он скажет.

— Она действительно имеет толщину нити, — сказал он. — Как видите, у меня только половина грейфера.

Он показал им изувеченный инструмент. Рукоять была чисто обрезана. Металл на срезе был отполирован, как зеркало.

— Когда я приблизился, чтобы разглядеть ее толщину, то коснулся ее грейфером. Она прошла сквозь него, как сквозь воздух. Я почти не почувствовал сопротивления.

— То же самое сделал бы твой меч.

— Но меч сделан из провода, заключенного в поле Славера, и не может изгибаться. Эта же… нить извивается во все стороны.

— Значит, это что-то новое. Что-то, что может резать, как меч кзина, небывало легкое, тонкое и крепкое. Что-то, остающееся неизменным при температуре, которая любой естественный материал давно превратила бы в плазму. Что-то

действительно новое. Но откуда оно взялось?

— Подумай. Пролетая между двумя прямоугольниками, мы обо что-то ударились. Затем мы видим вокруг нас гигантской длины нить, разогретую до температуры звездных недр. Именно с ней мы и столкнулись, это ясно. Температура — это результат столкновения. По-моему, можно считать, что она была протянута между двумя прямоугольниками.

— Возможно. Но зачем?

— Мы можем только догадываться. Создатели Кольца разместили черные прямоугольники на околосолнечной орбите затем, чтобы на его внутренней поверхности получить цикл день-ночь. Прямоугольники, чтобы выполнять свою роль, должны находиться точно между Кольцом и звездой и не должны поворачиваться к нему ребром. Строители Кольца использовали нить для соединения прямоугольников в единую цепь и придали им скорость выше орбитальной, чтобы нить все время была натянута.

Луис мысленно представил странную картину: двадцать черных прямоугольников, размещенных как для игры в “зубчатое колесо” и соединенных кусками нити, каждый длиной в пять миллионов миль…

— Мы должны получить эту нить, — сказал Луис. — Трудно даже представить все области, в которых ее можно использовать.

— Я не мог принести ее на борт или хотя бы отрезать кусочек.

— Из-за столкновения наш курс мог серьезно измениться, — сказал кукольник. — Есть какой-нибудь способ проверить, столкнемся ли мы с Кольцом?

Никто не смог предложить такого способа.

— Мы могли бы его миновать, но столкновение отняло у нас значительную часть скорости. Возможно, мы навсегда останемся на эллиптической орбите вокруг этого солнца, — посетовал кукольник. — Тила, твое счастье обмануло нас.

Она пожала плечами.

— Я никогда не называла себя талисманом.

— Это вина Лучше-Всех-Спрятанного. Будь он здесь, я нашел бы резкие слова для своей партнерши.

В тот вечер ужин почти напоминал какой-то ритуал. Экипаж “Лгуна” ел последний ужин на борту своего корабля. Тила Браун, одетая в просторный черно-оранжевый наряд, который наверняка весил не более нескольких граммов, была просто болезненно красива. Кольцо за ее

спиной росло буквально на глазах, и время от времени Тила поворачивалась, чтобы на него посмотреть. Смотрели, конечно, все, но только догадываясь о чувствах кукольника и кзина, Луис не видел в Тиле ничего, кроме интереса и ожидания. Она чувствовала то же, что и он: им не миновать Кольца.

Той ночью он любил ее со страстью, которая сперва удивила ее, а потом восхитила.

— Так вот как действует на тебя страх! Нужно будет запомнить!

Он не мог ответить улыбкой на ее улыбку.

— Я все время думаю, что это, быть может, в последний раз.

Вообще последний, добавил он мысленно.

— Ох, Луис! Мы же все-таки в корпусе “Дженерал Продактс”!

— А если что-то случится и статическое поле подведет? Корпус, конечно, выдержит падение, но от нас останется только студень!

— О, глаза финагла, перестань паниковать! — Ее ладони поползли вниз по его телу, и он прижал ее покрепче, чтобы она случайно не увидела его лица…

Когда она заснула, сама похожая на чудесный сон, Луис вышел из кабины. Он принял горячую

ванну, потягивая из стакана холодный бурбон. Существовали наслаждения, от которых трудно было отказаться.

Ясная голубизна с белыми полосками, чистая синева, снова голубизна… Кольцо закрывало уже почти все небо. Сначала подробности можно было разглядеть только на участках, покрытых тучами: бури, атмосферные фронты, осадки. Потом появились контуры морей. Поверхность Кольца примерно наполовину была покрыта водой.

Все лежали в своих койках: кзин, Тила и Луис пристегнутые противоперегрузочными ремнями, Несс — еще и свернутый в клубок.

— Лучше бы немного посмотрел, — посоветовал ему Луис. — Знание топографии может нам пригодиться.

Несс послушался: высунулась одна голова, чтобы посмотреть на мчащийся на них пейзаж.

Океаны, изогнутые линии рек, горные цепи…

Никаких признаков жизни. Только с высоты менее тысячи миль можно заметить следы цивилизации. Поверхность Кольца проносилась под ними, быстро менялись детали, их едва успевали распознавать. Впрочем, это было не важно. Все равно они упадут в чужом, незнакомом районе.

Корабль мчался со скоростью около двухсот

миль в секунду — этого вполне хватило бы, чтобы вынести их за пределы системы, если бы на пути не было Кольца…

Оно приближалось. Сбоку выползло навстречу какое-то море, мелькнуло и исчезло. Внезапно ударила ослепительно фиолетовая молния.

Глава 10. ПОВЕРХНОСТЬ КОЛЬЦА

Ослепительная ярко-фиолетовая вспышка… Сто миль атмосферы, за долю секунды спрессованной в тонкий слой плазмы, ударили корабль прямо в лоб.

Луис машинально моргнул. Они были уже внизу.

— Ненис! — услышал он гневное восклицание Тилы. — Я ничего не видела!

— Наблюдение за титаническими событиями всегда опасно, иногда болезненно, и часто кончается фатально, — ответил кукольник. — Благодари статическое поле Славера или свое счастье.

Луис едва слушал его. Он чувствовал себя как-то странно. Глаза его пытались найти какой-нибудь горизонтальный или вертикальный ориентир.

Этот внезапный переход от страшного падения

к полной неподвижности уже сам по себе был бы достаточно ошеломляющим, а кроме того, “Лгуну” не хватало каких-то тридцати градусов, чтобы лежать точно кверху брюхом. Искусственная гравитация действовала безукоризненно, поэтому казалось, что не корабль встал на голову, а вся окружающая местность.

Небо напоминало умеренную климатическую зону Земли, но расстилающийся вокруг пейзаж был достаточно странным: идеально гладкая, блестящая поверхность с изъеденными темно-коричневыми краями. Что-то еще можно было сказать только выйдя наружу.

Луис расстегнул свою упряжь и встал.

Сделал он это довольно неуверенно, поскольку его глаза и внутреннее ухо спорили о том, где именно находится НИЗ. Только спокойно. Спешить некуда, опасность миновала.

Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть закрывающиеся за Тилой створки шлюза. Девушка была без скафандра.

— Тила, сумасшедшая, вернись! — рявкнул он.

Слишком поздно. Она уже не могла его слышать. Он бросился к люку.

Анализаторы воздуха, размещенные на крыле “Лгуна”, исчезли вместе с прочими внешни-

ми датчиками и приборами. Чтобы проверить пригодность атмосферы Кольца для дыхания, следовало выйти наружу в скафандре и воспользоваться переносным анализатором.

Правда, если Тила упадет мертвой в шлюзе, не нужны будут никакие тесты.

Внешние створки открылись.

Автоматически в шлюзе перестала действовать искусственная гравитация, и Тила полетела головой вниз. В последний момент ей удалось ухватиться вытянутой наугад рукой за край внешнего люка. Она повернулась на 180 градусов и вместо того, чтобы упасть на голову, приземлилась на прямо противоположную часть тела.

Луис запрыгнул в скафандр, застегнул его, захлопнул шлем. Снаружи, над его головой, Тила медленно встала на ноги, потирая болезненно ушибленное место. Она все еще дышала.

Луис вошел в шлюз. Он даже не проверил, надолго ли ему хватит воздуха, поскольку собирался оставаться в скафандре ровно столько, сколько потребуется для анализа атмосферы.

В последний момент он вспомнил, в каком необычном положении находится корабль, крепко ухватился за то, что еще недавно было порогом, а теперь оказалось верхней границей

выходного люка, повис на руках и прыгнул.

Ноги тут же вывернулись из-под него, и Луис приземлился на свои ягодицы.

Гладкая, сероватая, полупрозрачная поверхность была невероятно скользкой. Луис пару раз попытался встать, после чего сдался. Он читал показания анализатора сидя.

— Луис, ты слышишь меня? — спросил кзин.

— Ага.

— Воздух пригоден для дыхания?

— Да. Вот только немного разрежен. На Земле я бы сказал, что мы в миле над уровнем моря.

— Мы можем выйти?

— Конечно. Только возьмите с собой веревку и привяжите ее к чему-нибудь в шлюзе, иначе мы не сможем вернуться. Будьте осторожны при спуске — здесь почти нет трения.

Скользкая поверхность не представляла для Тилы почти никаких хлопот. Она стояла неподвижно, сложив руки на груди и ожидая, когда Луис перестанет валять дурака и снимет шлем.

— Я должен тебе кое-что сказать, — заявил он. И сказал, выбрав для этого наименее элегантный способ.

Он сказал о том, что спектральный анализ атмосферы, проведенный с расстояния в два

световых года, ни в коем случае не дает уверенности в ее истинном составе, сказал о трудно распознаваемых ядах, соединениях металлов, пыли, органических взвесях и микроорганизмах, которые даже в малых дозах могут отравить вроде бы пригодную для дыхания атмосферу и которые можно обнаружить только во взятой на месте пробе воздуха; сказал о заслуживающей наказания неосторожности и невероятной глупости; сказал о безответственности тех, чьим единственным притязанием является роль морской свинки. Все это он сказал до того, как двое чужаков покинули корабль.

Говорящий спустился по веревке и сделал несколько осторожных шагов, будто танцор, изучающий натертый паркет. Несс спустился тем же способом, пользуясь вместо рук двумя своими ртами, после чего встал в безопасной стойке на трех ногах.

Если кто-то из них и заметил подавленность Тилы, то не подал виду. Они стояли перед перекошенным корпусом “Лгуна” и оглядывались вокруг.

Они находились в широкой, но неглубокой борозде. Дно ее, идеально гладкое, было сероватого цвета. По обе стороны от корабля, на расстоянии

каких-нибудь ста ярдов, поднимались края, образованные грудами грязно-красной лавы. Луису казалось, что лава еще движется, стекая неисчислимыми ручейками на дно огромной колеи. Она наверняка еще не успела остыть, разогретая падением “Лгуна” до чудовищной температуры.

Борозда тянулась далеко, и конца ее не было видно.

Луис в очередной раз попробовал встать. Из всех четверых только у него были проблемы с сохранением равновесия. Он поджал ступни и поднялся с преувеличенной осторожностью; теперь он стоял, но не мог сделать ни одного шага.

Кзин вынул из кобуры свой лазер, прицелился в точку недалеко от своих ног и нажал на спуск. Все молча смотрели на луч зеленого света. При этом не раздалось ни единого щелчка растапливаемого или хотя бы лопающегося материала, не поднялась ни одна струйка дыма. Когда Говорящий ослабил нажим, на стеклянистой поверхности не было ни малейшего следа.

— Мы находимся в борозде, пропаханной при посадке корпусом “Лгуна”, — сделал вывод Говорящий с Животными. — Наше падение остановил слой материала, из которого сделана основная конструкция Кольца. Несс, что ты можешь нам

о нем сказать?

— Это нечто совершенно новое, — сказал кукольник. — Похоже, оно вообще не проводит тепла, но это наверняка не разновидность корпуса “Дженерал Продактс” или статического поля Славера.

— При подъеме на эти стены нам потребуется какая-то защита, — заметил Луис. В эту минуту рассуждения о конструкции Кольца мало его интересовали. — Вы подождите здесь, а я попытаюсь забраться наверх.

Он единственный был в термически изолированном скафандре.

— Я с тобой! — воскликнула Тила. Она безо всякого усилия подошла к нему, он тяжело оперся на нее, и они вместе двинулись в сторону пологого склона лавы.

Идти по лаве было очень хорошо, хотя и несколько круто.

— Спасибо, — сказал он и начал подъем. Только через минуту он заметил, что Тила идет следом. Луис промолчал: чем скорее она научится осторожности, тем дольше будет жить.

Они прошли ярдов двенадцать, когда Тила вдруг удивленно вскрикнула и начала дикий танец. Подскакивая так высоко, как только было

возможно, она повернула назад и побежала вниз, а добравшись до скользкой поверхности Кольца, поехала, как на лыжах. Уже у корабля она повернулась к Луису и, уперев руки в бедра, посмотрела на него удивленным, яростным и одновременно испуганным взглядом.

“Могло быть и хуже, — подумал Луис. — Она могла упасть и сильно обжечься”. Он продолжил подъем, глуша в себе неприятное чувство вины.

Стена лавы была около сорока футов высоты, а на вершине сменялась чистым, белым песком.

Они приземлились в пустыне. Оглядываясь по сторонам, Луис не заметил ни следа растительности или воды. Им повезло — с тем же успехом “Лгун” мог пропахать и целый город!

Или даже несколько городов. Борозда тянулась через белую пустыню на целые мили. Вдали виднелся ее конец, но сразу же за ним начиналась следующая. Садясь, “Лгун” несколько раз отскакивал от поверхности, оставляя за собой прерывистый след своего падения. Взгляд Луиса следовал за этой колеей все дальше и дальше… в бесконечность.

У Кольца не было горизонта. Не существовало линии, за которой кончалась бы земля и начиналось небо. Здесь земля и небо, казалось,

смешивались между собой на гаком расстоянии, что целые континенты казались там маленькими точками, а цвета теряли свою интенсивность, приобретая голубой оттенок неба. Зрелище это подействовало на него почти гипнотически.

Когда он наконец решил отвести взгляд, на это понадобилось немалое усилие.

Это было как туманные пропасти у подножия Маунт Лукиткет, виденные десятки лет назад в сотнях световых лет отсюда… Как незамутненные бездны Космоса, какими их видит одинокий пилот маленького одноместного кораблика… Этот необыкновенный горизонт Кольца мог поглотить душу человека быстрее, чем тот понял бы грозящую опасность.

— Мир плоский! — крикнул он вниз, в борозду. Они удивленно посмотрели на него.

— Мы пропахали приличную колею. Впрочем, нам повезло: похоже, вокруг нет ничего живого. Там, где мы ударились, все полетело вверх и попадало, как малые метеоры. Перед нами… — он повернулся и замер.

— Луис?

— Ненис! Это самая большая гора, какую я видел в своей жизни!

— Луис!

Он говорил слишком тихо.

— Гора! — рыкнул он. — Сами увидите! Видимо, они хотели иметь одну гору, настолько большую, чтобы от нее не было никакой пользы. Она слишком велика, чтобы чем-то на ней заниматься. Она слишком велика даже для лыж! Великолепна!

Действительно, она была великолепна. Одинокая, могучая гора — почти идеальный конус, чем-то напоминающая вулкан, точнее, псевдовулкан, поскольку под поверхностью Кольца не было магмы, которая искала бы себе выхода. Ее основание тонуло в густом тумане, склоны были видны отчетливо благодаря разреженному воздуху, а вершина сверкала снежной белизной. Даже, скорее, серостью: пожалуй, это был не снег, а вечная мерзлота.

Контуры вершины вырисовывались с невероятной отчетливостью. Неужели она торчала над атмосферой? Настоящая гора такой высоты тут же рухнула бы под своей тяжестью, но эта наверняка была лишь пустой внутри скорлупой, созданной из таинственного конструктивного материала Кольца.

— Я начинаю любить тех, кто это строил, — буркнул Луис себе под нос. Не было ни малейшей логической причины, по которой в мире, сделан-

ном “на заказ”, должна быть такая гора.

Но каждый мир должен иметь неприступную гору.

Оставшаяся троица ждала его под выпуклостью корпуса. Все их вопросы объединились в один:

— Ты видел какие-нибудь следы цивилизации?

— Нет.

Они заставили его описать все, что он увидел, для начала определив направления: “по вращению” было вдоль пропаханной “Лгуном” борозды, назад; “против вращения” было вперед, в направлении горы; левая и правая стороны отвечали рукам человека, стоящего лицом в направлении вращения.

— Ты заметил справа или слева какую-нибудь из стен?

— Нет, хотя не знаю, почему. Они должны там быть.

— Это плохо.

— Это невозможно. Там, наверху, можно видеть на тысячи миль.

— Это плохо, — повторил Несс. И снова: — Ты видел что-нибудь кроме пустыни?

— Нет. Далеко слева маячило что-то голубое. Может, океан, а может, просто дымка.

— И никаких зданий?

— Никаких.

— Инверсионные следы на небе? Какие-нибудь коммуникационные трассы?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Если бы я что-то увидел, то сказал бы вам. Судя по тому, что я успел увидеть, все десять миллиардов жителей Кольца в прошлом месяце перебрались в настоящую сферу Дайсона.

— Луис, мы должны найти эту цивилизацию.

— Это я знаю.

Это было даже слишком очевидно. Рано или поздно им нужно было покинуть Кольцо, а не было даже разговора о том, чтобы своими силами переместить корпус “Лгуна”. Дикари, даже самые многочисленные и дружески настроенные, не могли им в этом помочь.

— Во всем этом есть один позитивный аспект, — сказал Луис. — Нам не нужно ремонтировать корабль. Если только нам удастся доставить “Лгуна” на край Кольца, скорость вращения выбросит нас за пределы аномалии звезды, и мы сможем сразу уйти в гиперпространство.

— Но сначала мы должны получить помощь.

— Или заставить оказать ее, — добавил Гово-

рящий.

— Тогда чего вы все стоите и болтаете? — взорвалась Тила. До этой минуты она терпеливо ждала, не вступая в дискуссию. — Мы должны отсюда выбраться, правда? Тогда почему мы не достаем скутеры? Шевелитесь! Поговорить можно и потом.

— Я не уверен, что нужно покидать корабль, — сказал кукольник.

— Не уверен? Ты намерен ждать, пока придет помощь? Кто, по-твоему, нами заинтересуется? Разве кто-нибудь ответил на наши сигналы? Луис говорит, что мы в самом центре пустыни. Сколько мы еще будем здесь сидеть?

Она еще не понимала, что Нессу нужно какое-то время, чтобы собрать всю свою храбрость.

— Конечно, мы уйдем отсюда, — ответил кукольник. — Я просто выразил свои сомнения. Но сначала мы должны установить, куда идти. Иначе как решить, что взять, а что оставить?

— Нам нужно добраться до ближайшего края!

— Тила права, — поддержал ее Луис. — Если тут вообще еще осталась цивилизация, то наверняка — возле края. Вот только мы не знаем, с какой стороны. Я должен был что-то увидеть, когда был наверху.

— Вовсе нет, — сказал кукольник.

— Ненис! Это я там был, а не ты! Взгляд не встречает никаких преград, видно на тысячи миль! Сейчас, минутку…

— Ширина Кольца около миллиона миль.

— Именно это я и вспомнил, — вздохнул Луис. — Ох уж эти размеры! До меня никак не дойдет, что может существовать что-то такое большое.

— Наверняка дойдет, — утешил его кукольник.

— Возможно. Наверное, у меня слишком маленькая голова, чтобы в ней это поместилось. Издалека Кольцо выглядело, как узкая лента… Голубая лента…

Луис вздрогнул. Если боковая стена Кольца имела тысячу миль высоты, то как далеко от нее они приземлились, если он вообще не смог ее разглядеть?

Допустим, что в запыленном, влажном воздухе его взгляд проникал на тысячу миль. Если уже на высоте сорока миль атмосфера сменялась полным вакуумом… Это означало, что от ближайшего края их отделяло по крайней мере двадцать пять тысяч миль.

Если проделать такой путь на Земле, они вернулись бы в исходную точку. А ведь край мог быть дальше, гораздо дальше…

— Наши скутеры не смогут сдвинуть “Лгуна” с места, — рассуждал вслух Говорящий. — Впрочем, в случае атаки нам все равно пришлось бы его бросить. Лучше оставить его здесь: найти потом будет нетрудно.

— А разве кто-то предлагал его тащить?

— Хороший воин думает обо всем. Может дойти и до этого, если мы не получим помощи.

— Получим, — уверенно сказал Несс.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Луис. — На краю находятся космические порты. Даже если все Кольцо вернулось в каменный век, цивилизация начала бы возрождаться именно там.

— Это ни на чем не основанные домыслы, — упирался кзин.

— Возможно.

— И все же я согласен с тобой. Даже если здешняя цивилизация утеряла все свои секреты, в портах мы еще можем найти действующие машины. Действующие или хотя бы такие, которые можно исправить.

Вот только… к какому краю они ближе?

— Тила права, — опомнился наконец Луис. — Принимаемся за дело, а ночью оглядимся еще раз.

Следующие часы были заполнены тяжелой

работой. Они вытряхивали содержимое ящиков, сортировали, опускали на веревках тяжелые предметы и расставляли их под корпусом. Резкая смена направления гравитации доставляла немало хлопот, но, к счастью, ни один из грузов не оказался слишком хрупким.

Во время работы Луис поймал Тилу одну внутри корабля.

— Ты ведешь себя так, будто кто-то сорвал твою любимую орхидею. Хочешь поговорить?

Избегая его взгляда, она энергично покачала головой. Он только теперь заметил, что губы ее очень хороши, когда она дуется или плачет. Она была одной из немногих женщин, которых плач не уродует.

— Тогда я тебе скажу. Когда ты вышла наружу без скафандра, я устроил тебе порядочный разнос, а спустя пятнадцать минут ты попыталась почти босиком подняться по потоку горячей лавы.

— Ты хотел, чтобы я обожглась!

— Конечно. И не смотри так. Ты нам нужна, и мы не хотим, чтобы ты погибла. Я хочу, чтобы ты привыкла к осторожности. Ты не научилась этому раньше, значит, научишься сейчас. Этот ожог ты запомнишь гораздо лучше, чем мои лекции.

— Я им нужна! Ты отлично знаешь, почему

Несс взял меня. Я должна быть счастливым талисманом, а принесла неудачу.

— Согласен. Как талисман, ты оказалась никуда не годной. Ну, улыбнись! Ты нужна нам для того, чтобы по ночам заниматься со мной, чтобы мне не пришлось насиловать Несса. Ты нужна нам, чтобы надрываться как ишак, пока мы греемся на солнышке, нужна ради твоих разумных и продуманных замечаний.

На ее лице появилась вымученная улыбка, которая тут же исчезла. Тила расплакалась. Она всхлипывала, прижавшись к груди Луиса, крепко обняв его руками.

Не первый раз женщина плакала на груди Луиса Ву, но у Тилы было больше причин, чем у всех предыдущих вместе взятых.

Луис прижал ее к себе, осторожно гладя по затылку, и ждал, когда она успокоится.

— Откуда мне было знать, что это жжется! — пожаловалась она его скафандру.

— Вспомни Закон Финагла: извращенность Вселенной стремится к максимуму. Вселенная в принципе и всегда враждебна.

— Но это было больно!

— Лава атаковала тебя, хотела причинить вред. Послушай! — сказал он умоляюще. — Ты должна

научиться думать именно так. Как параноик. Как Несс.

— Я не смогу! Откуда мне знать, как он думает? Я его не понимаю! — Она подняла мокрое от слез лицо. — Тебя я тоже не понимаю.

Он провел ладонями по ее лопаткам и вниз, вдоль позвоночника.

— Послушай, — сказал он после паузы. — Если бы я сказал, что Вселенная ненавидит меня, ты решила бы, что я спятил, правда?

Она энергично кивнула.

— Так вот, я говорю, что Вселенная действительно меня ненавидит. Она против меня. Двухсотлетний человек не представляет для нее никакой ценности. Какая сила формирует вид? Эволюция, верно? Это она снабдила Говорящего отличным зрением и непоколебимым чувством равновесия. Это она привила Нессу рефлекс бегства от малейшей опасности. Это она ликвидирует у пятидесяти- или шестидесятилетнего человека сексуальное влечение, после чего перестает им интересоваться. Эволюция не занимается организмами, слишком старыми, чтобы размножаться. Понимаешь?

— Понимаю. Ты слишком стар, чтобы размножаться, — повторила она, передразнивая его тон.

— Вот именно. Несколько столетий назад какие-то биологи немного покопались в генах каких-то растений и дали миру то, что в обиходе называют “закрепителем”. Благодаря этому мне двести лет, а я все еще здоров. Но это вовсе не потому, что Вселенная за что-то любит меня. Вселенная меня ненавидит и много раз пыталась убить. Жаль, что я не могу показать тебе шрамов. И она будет пытаться, пока не добьется своего.

— Потому что ты слишком стар, чтобы размножаться!

— Женщина, ведь это ты не имеешь понятия, как позаботиться о себе! Мы оказались в чужом мире, не знаем правил игры и не знаем, что и с кем может случиться. Если ты и дальше будешь бегать босиком по горячей лаве, то в следующий раз это может кончиться гораздо хуже! Будь хоть немного осторожнее. Понимаешь?

— Нет, — ответила Тила. — Нет.

Когда она вымыла залитое слезами лицо, они общими усилиями вытащили последний, четвертый скутер. Целых полчаса они были совершенно одни. Неужели кзин и кукольник решили, что лучше не вмешиваться в чисто человеческие дела? Возможно, возможно…

Между двумя стенами застывшей лавы тяну-

лась полоса стеклянистой основы Кольца, такой же гладкой, как отполированная столешница. Около перекошенного прозрачного цилиндра стояло множество всевозможных предметов, и крутились четыре большие фигуры.

— Что с водой? — спросил Луис. — Я не видел никаких озер. Придется нам тащить с собой запас или нет?

— Это не обязательно, — ответил Несс. Он открыл люк в задней части своего скутера. Там были контейнер и система, конденсирующая воду из воздуха.

Скутеры были настоящим чудом функциональности и удобства. Они отличались только креслами пилотов, а в остальном выглядели одинаково: два четырехфутовых шара, соединенные конструкцией, поддерживающей кресло. Половина задней части предназначалась для багажа. Кроме того, там находились крепления дополнительных двигателей. Четыре телескопические ноги убирались во время полета.

Кресло кукольника напоминало маленькую лежанку с тремя отверстиями для ног. Во время полета Несс лежал неподвижно, трогая приборы управления своими двумя парами губ.

Кресла Луиса и Тилы имели удобные подголов-

ники, а приборы управления были от спинки на расстоянии вытянутой руки. Кресло кзина отличалось своими размерами, у него не было подголовника; кроме того, по обе стороны от него размещались какие-то кобуры. Неужели для оружия?

— Мы должны взять с собой все, что в той или иной мере может служить оружием, — в очередной раз повторил Говорящий, беспокойно прохаживаясь между расставленным снаряжением.

— У нас нет ничего подобного, — ответил Несс — Мы хотели показать, что явились с мирными намерениями, поэтому не взяли с собой оружия.

— А это, по-твоему, что? — спросил кзин, показывая большую коллекцию довольно грозно выглядевших предметов.

— Инструменты, только инструменты. Например, это, — он указал головой, — переносной лазер с регулируемой интенсивностью луча. Ночью может служить дальнобойным прожектором. Конечно, нужно быть очень внимательным, чтобы не причинить кому-нибудь вреда, ибо в крайнем положении луч света весьма плотен и имеет большую мощность. Парализующие пистолеты должны служить решению вопросов

среди нас. Заряд действует всего десять секунд, но нужно следить, чтобы случайно не сдвинуть вот этот предохранитель, ибо тогда…

— …заряд действует больше часа. Это оружие джинксов, правда?

— Да, Луис. А это слегка модифицированные инструменты для копания. Там, куда попадает узкий луч генерируемого ими поля, заряды электронов меняют знак с отрицательного на положительный. Материя, внезапно лишенная связующих сил, мгновенно рассыпается в атомную пыль.

— Как оружие не имеет никакой ценности, — пробормотал кзин. — Мы изучали это. Действует слишком медленно.

— Ну, разумеется. Просто безобидная игрушка. А вот этот предмет…

Предмет, который кукольник держал в губах, немного походил на какое-то двухствольное огнестрельное оружие, вот только имел характерную форму, которой отличались все вещи кукольников: как будто кто-то остановил в движении большую каплю ртути.

— …в действии похож на дезинтегратор Славера, правда, излучает два луча, второй из которых нейтрализует заряд протона. Нужно внимательно

но следить, чтобы не попасть во что-нибудь обоими лучами одновременно.

— Понимаю, — буркнул кзин. — Если оба луча попадут на какую-нибудь поверхность, возникнет разряд.

— Именно.

— Ты думаешь, этого хватит? Мы не знаем, с чем нам придется столкнуться.

— Все не так уж плохо, — вставил Луис. — Прежде всего, это не планета. Если создатели Кольца опасались каких-то животных, то наверняка оставили их там, откуда прибыли. Нам не придется иметь дело с какими-нибудь тиграми или москитами.

— Разве что создатели Кольца любили тигров, — как ни в чем не бывало добавила Тила.

Ее замечание, хотя и сделанное мимоходом, не было лишено смысла. Что они знали о физиологии строителей, а значит, и жителей Кольца? Только то, что они пришли, вероятно, с планеты, частично покрытой водой, кружащейся вокруг солнца типа К9 или близкого к нему. Исходя из этого, они могли выглядеть как люди, кукольники, кзины, дельфины, касатки или киты, но скорее всего выглядели совершенно ш5-своему.

— Пожалуй, нам следует больше опасаться

туземцев, чем их зверей, — сказал кзин. — Мы должны забрать все наше оружие. Предлагаю возложить командование на меня, вплоть до момента, когда мы сможем отсюда улететь.

— У меня есть тасп.

— Я не забыл о нем, Несс. Ты можешь считать его своим решающим аргументом. Однако, я бы советовал им не злоупотреблять. Вы только подумайте! — Кзин возвышался над ними, как настоящий гигант — двести пятьдесят килограммов клыков, когтей и оранжевого меха. — Мы же мыслящие существа, вот и задумайтесь над нашим положением. Нас коварно атаковали, наш корабль частично уничтожен. Нас ждет долгое путешествие через совершенно незнакомые земли, жители которых располагали когда-то чудовищной мощью. Мы не знаем, обладают ли они ею сейчас, или же самым изощренным оружием, которое им известно, является стрела с костяным наконечником.

С тем же успехом они могут располагать конвекционным излучением и техникой трансмутаций, которой воспользовались для строительства этого… этого… — кзин огляделся по сторонам, взглянул на стеклянистое основание и темные стены лавы и, похоже, внутренне содрогнулся, —

этого необычайного творения.

— У меня есть тасп, — повторил кукольник. — Это моя экспедиция.

— Ты доволен ее ходом? Я не хочу тебя оскорбить, просто спрашиваю. Это я должен быть командиром. Из всех нас только я прошел обучение военному искусству.

— Может, подождем еще немного? — предложила Тила. — Может, мы не встретим никого, с кем пришлось бы сражаться.

— Вот именно, — поддержал ее Луис. Ему вовсе не улыбалось попасть под команду кзина.

— Ладно. Но мы должны взять оружие.

Они принялись грузить снаряжение. Кроме оружия, в него входило множество других вещей: анализаторы и материализаторы, фильтры для воздуха и воды, оборудование для лагеря…

Среди снаряжения были также личные коммуникаторы, их носили на руке или, как в случае с кукольником, на затылке. Они были довольно велики, и вряд ли их можно было назвать удобными.

— Зачем нам это? — спросил Луис, поскольку кукольник еще раньше показал им, как пользоваться интеркомами скутеров.

— Вообще-то они служат для установления

контакта с автопилотом “Лгуна”. С их помощью можно вызвать корабль куда угодно.

— Тогда для чего о, ни могут нам пригодиться?

— Для перевода, Луис. Если мы наткнемся на мыслящих существ, нам придется пользоваться компьютером “Лгуна” как переводчиком.

Они закончили погрузку. Вокруг корпуса корабля оставалось еще множество снаряжения, но им просто негде было его использовать. Среди прочего там были вакуумные скафандры, запасные части для приборов, которых они лишились вместе с крылом, оборудование, необходимое только при полете в глубоком космосе. Они забрали все, что могло оказаться полезным — даже воздушные фильтры, скорее, из-за малых размеров и веса, чем потому, что собирались ими пользоваться.

Луис едва не падал от усталости. Он вскарабкался на кресло своего скутера и огляделся по сторонам, думая о том, что мог забыть. При этом он заметил, что Тила поглядывает вверх и даже сквозь застилающий глаза туман, разглядел выражение ужаса на ее лице.

— Ненис! — неуверенно выругалась она. — Все еще полдень!

— Только не паникуй. Просто…

— Луис, я отлично знаю, что мы работали не менее шести часов! Как может все еще быть полдень?

— Не волнуйся. Ты же знаешь, что солнце здесь не заходит.

— Не заходит? — Приступ истерики прошел так же быстро, как и начался. — Ну, конечно, не заходит.

— Мы должны к этому привыкнуть. Кстати, взгляни еще раз — видишь? Это край черного прямоугольника.

Висевшее в зените солнце начало вдруг гаснуть.

— Пора в дорогу, — поторопил их Говорящий с Животными. — Когда стемнеет, мы должны быть уже в воздухе.

Глава 11. НЕБЕСНАЯ ДУГА

В сгущающейся темноте четыре скутера одновременно поднялись в воздух, и вскоре обнаженная основа Кольца исчезла из виду.

Несс еще раньше проинструктировал их, как включать дистанционное управление, и теперь все скутеры послушно повторяли маневры Луиса. Удобно сидя в своем кресле, он уверенно вел

скутер, двигая двумя педалями и рычагом.

Над приборной доской реяли четыре миниатюрные полупрозрачные головки: одна из них принадлежала очаровательной черноволосой сирене, одна — грозному быстроглазому тигру, а две — не слишком умно выглядевшим одноглазым питонам. Интерком действовал безупречно, вызывая чувства, сродни белой горячке.

Когда скутеры пролетели над черными стенами лавы, Луис стал следить за своими спутниками.

Тила среагировала первой. Она окинула взглядом окрестности; потом ее глаза поднялись вверх и там, где обычно натыкались на границу, встретили бесконечность. Внезапно они округлились, а лицо вспыхнуло, как светящее сквозь тучи солнце.

— О, Луис!

— Какая огромная гора! — заметил кзин.

Несс ничего не сказал, его головы нервно поглядывали по сторонам.

Темнота опустилась очень быстро. Глубокая тень вдруг проглотила огромную гору, не оставив от нее даже следа. Солнце стало тоненькой чертой, граничащей с бездонной чернотой. А потом на темнеющем небе что-то появилось.

Огромная дуга… Она становилась все более

отчетливой, а когда и землю и небо поглотила темнота, показалась во всей красе.

Полосы испятнанной белым голубизны чередовались с участками черноты. У основания дуга была очень широкой, но по мере подъема быстро сужалась и в зените превращалась в тонкую черту. Там же ее пересекала невидимая днем линия прямоугольников.

Скутеры быстро поднимались в полной тишине. Звукопоглощающее поле не пропускало к Луису даже шума рассекаемого воздуха, поэтому он крайне удивился, когда его личная сфера тишины и покоя вдруг заполнилась звуками музыки.

Словно разом запели все трубы органа. Звук был болезненно громким, и Луис торопливо зажал уши. Ошеломленный, он не сразу понял, что, собственно, произошло. Только через некоторое время он ткнул пальцем кнопку интеркома, и обе головы кукольника исчезли, как привидение на рассвете. Чудовищная какофония, словно сжигали живьем весь соборный хор, стала гораздо тише, теперь она шла до него кружным путем, через интеркомы Тилы и кзина.

— Почему он это сделал? — удивленно спросила Тила.

— Он вне себя от страха. Пройдет немало времени, прежде чем он к этому привыкнет.

— К чему привыкнет?

— Я принимаю командование, — заявил Говорящий. — Кукольник не в состоянии принимать решения. Объявляю, что с этой минуты экспедиция носит военный характер, а я становлюсь командиром.

На мгновенье Луис задумался над единственной альтернативой: он мог объявить командиром себя. Однако ему вовсе не хотелось вступать в борьбу с Говорящим, да и, если говорить честно, кзин больше подходил для этой роли.

Скутеры шли на высоте полумили. Земля и небо были совершенно черными, но чернота земли была тут и там усеяна еще более темными пятнами, отчего приобретала не столько вид, сколько характер карты. Небо, подавляющее огромной дугой, сверкало многочисленными звездами.

Неожиданно Луис вспомнил “Божественную Комедию” Данте. Вселенная итальянского поэта была сложным творением, в котором души людей и ангелов играли строго определенные роли маленьких шестеренок невообразимо большой машины. Кольцо было творением назойливо искусственным, чем-то таким, что было СДЕЛАНО.

Нельзя было даже на секунду Забыть об этом: над головой поднималось совершенно определенное доказательство.

Ничего странного, что Несс не вынес этого. Он слишком боялся, а кроме того, был прирожденным реалистом. Может, он замечал красоту того, что видел, а может и нет. Однако он наверняка отдавал себе отчет в том, что они оказались на огромной искусственной конструкции, во много раз больше всех планет, образующих огромную империю кукольников.

— Кажется, я вижу боковые стены, — сказал кзин.

Луис с трудом оторвал взгляд от небесной дуги, посмотрел по сторонам и почувствовал ледяной пароксизм страха.

Слева край боковой стены Кольца виделся едва заметной черточкой на темно-синем фоне. Луис даже не пытался оценить ее высоту, поскольку понятия не имел, где может находиться ее основание. Он видел только верхнюю грань, а когда слишком долго вглядывался в нее, она исчезала. Она была там, где должен быть горизонт. С одинаковым успехом она могла быть и гранью и основанием чего-то.

Вторая стена, справа, выглядела почти так же.

Та же высота, та же тенденция к исчезновению.

Все указывало на то, что “Лгун” ударил в Кольцо недалеко от середины. Стены казались одинаково далекими, и это значило, что до каждой из них было около полумиллиона миль.

Луис с трудом откашлялся.

— Говорящий, что ты об этом думаешь?

— По-моему, та, что слева — чуточку выше.

— Отлично, — Луис повернул влево. Остальные экипажи послушно повторили маневр.

Он включил интерком, чтобы проверить, как там Несс. Кукольник, судорожно охватив кресло всеми тремя ногами, спрятал обе головы под себя и летел, не глядя куда.

— Говорящий, ты уверен? — спросила Тила.

— Конечно, — ответил кзин. — Эта стена явно выше.

Луис мысленно усмехнулся. Его никогда не учили боевым навыкам, но он кое-что знал о войне. На Вундерленде он неожиданно оказался в самом сердце революции и три месяца партизанил, прежде чем удалось попасть на случайный корабль.

Он отлично помнил, что одной из черт хорошего офицера было умение быстро принимать решение, и можно было только радоваться, если

решения эти, ко всему прочему, оказывались еще и верными…

Они летели над темной поверхностью Кольца. Голубая дуга светила гораздо ярче Луны, но даже полная Луна — не слишком хорошая помощь для пилота быстроходного воздушного корабля. Какое-то время за ними серебрилась борозда, пропаханная “Лгуном”, потом и она исчезла в темноте.

Скутеры непрерывно разгонялись. На подходе к скорости звука сквозь звукопоглощающее поле прорвался пронзительный монотонный вой. Он все усиливался, достигнув максимума при скорости 1 Маха, потом разом смолк. Звукопоглощающее поле изменилось, и снова воцарилась тишина.

Когда скутеры достигли максимальной скорости, Луис расслабился и сел поудобнее. У него мелькнула мысль, что в этом кресле ему придется провести больше месяца, поэтому лучше привыкнуть к нему поскорее. Сейчас же, поскольку он вел всю четверку, спать было нельзя, и он стал знакомиться со своей машиной.

Санитарные приспособления были простыми, удобными, но исключали всякую мысль о человеческом достоинстве или чем-то вроде этого.

Он попытался сунуть руку в звукопоглощающий барьер. Это была разновидность силового поля с векторами, направленными таким образом, чтобы потоки воздуха шли в обход места, занимаемого в данный момент скутером. На ощупь это нисколько не походило на стеклянную плиту. Луису показалось, что он подставил руку очень сильному ветру, дующему со всех сторон. Он находился в идеально спокойном глазе циклона.

Барьер казался непроницаемым.

Чтобы проверить это, Луис выбросил камешек, оказавшийся в кармане. Он упал вниз, под днище скутера, и повис в воздухе, вибрируя, как безумный. Луису очень хотелось верить, что то же самое произойдет и с ним, если он вдруг случайно выпадет из кресла. Это, впрочем, казалось непростым делом.

Наверняка будет именно так. Эти кукольники такие перестраховщики…

Он потянул из гофрированной трубки — дистиллированная вода. Открыл подаватель пищи — темно-коричневый кирпичик. Луис заказал шесть таких кирпичиков, каждый из них надкусил, а остальное бросил в предназначенное для этого отверстие. У каждого был свой вкус,

довольно приятный.

Похоже было, что еда ему долго не надоест. Во всяком случае, достаточно долго.

Однако, если они не найдут растения и воду, чтобы пополнить запасы “сырья” для пищевого регенератора, подаватель перестанет поставлять темно-коричневые кирпичики.

Луис заказал седьмой и съел его целиком.

Думая о расстоянии, отделявшем их от какой бы то ни было помощи, он чувствовал, что отвага покидает его. Земля была в двухстах световых годах, а удаленный на световые годы флот кукольников летел прочь почти со скоростью света. Даже корпус “Лгуна” исчез из вида через несколько минут после старта. Сейчас то же самое случилось с пропаханной им бороздой. Смогут ли они снова найти его?

Конечно, смогут, и без особых проблем. Рядом высилась самая большая гора из всех, что видели глаза человека… Трудно было предположить, что поверхность Кольца усеяна такими горами. Чтобы найти “Лгуна”, достаточно оказаться рядом с горой, а потом отыскать борозду, тянущуюся на тысячи миль.

Над головой все сверкала невероятная дуга. В три миллиона раз больше места, чем на Земле.

Достаточно, чтобы заблудиться.

Тело Несса слегка вздрогнуло, потом одна за другой появились головы. Кукольник включил языком звук и спросил:

— Луис, мы можем поговорить только вдвоем?

Миниатюрные лица Тилы и кзина, казалось, дремали. Луис заблокировал их интеркомы.

— Говори.

— Что произошло?

— Ты ничего не слышал?

— Мои органы слуха находятся возле губ, а поскольку головы были спрятаны, до меня ничего не доходило.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю, не впаду ли я снова в кататонию. Я чувствую себя совсем потерянным.

— Я тоже. За последние три часа мы преодолели две тысячи двести миль. Дело шло бы лучше с трансферными кабинами или хотя бы дисками.

— Наши инженеры не в состоянии перенести сюда трансферные диски. — Головы кукольника повернулись друг к другу, разглядывая себя. Луис уже несколько раз обращал внимание на этот жест, и сейчас у него мелькнула мысль, не эквивалентен ли он смеху. Неужели безумный кукольник обзавелся чувством юмора?

— Мы направились влево, — продолжал Луис. — Говорящий решил, что до этой стены ближе. По-моему, с тем же успехом мы могли бросить монету. Но Говорящий — наш начальник: он взял на себя руководство, когда ты впал в кататонию.

— Это плохо. Его скутер находится за пределами действия моего таспа. Я должен…

— Подожди немного. Почему бы не позволить ему побыть начальником?

— Но… но…

— Подумай, — не сдавался Луис. — В случае чего ты всегда можешь воспользоваться таспом. Если же не сделать его начальником, он раз за разом будет пытаться силой заставить тебя согласиться на это. Кроме того, он действительно подходит для этой роли.

— Пожалуй, это нам не повредит, — пропел после паузы кукольник. — Мое командование не увеличило бы наших шансов.

— В том-то и дело. Вызови Говорящего и скажи, что он Лучше-Всех-Спрятанный.

Луис подключился к интеркому кзина, чтобы не упустить ни слова, однако, его ждало разочарование: кзин и кукольник обменялись несколькими фразами на шипяще-фыркающем Языке Героев, после чего кзин отключился.

— Я должен перед вами извиниться, — сказал Несс. — Моя глупость поставила всех нас перед серьезной опасностью.

— Не бери в голову, — утешил его Луис. — Ты просто в депрессивной фазе цикла.

— Я мыслящее существо и могу смотреть правде в глаза. Я совершил страшную ошибку в том, что касается Тилы Браун.

— В самом деле. Но это не твоя вина.

— Моя, Луис. Я должен был понять, почему мне так не везет в поисках других кандидатов.

— Ну?..

— Просто им слишком везло.

Луис беззвучно свистнул. Кукольник родил новую теорию.

— Им слишком везло, чтобы они могли впутаться в такую опасную историю, как наше путешествие. Лотерея Жизни действительно привела к формированию новой, наследственной черты: счастья. Однако, это счастье не стало моим уделом. Пытаясь связаться с потомками тех, кто выигрывал в Лотерею, я попал на Тилу Браун.

— Послушай…

— Другим удалось избежать этого, поскольку счастье сопутствовало им, а Тилу я нашел потому, что она не получила этого гена. Луис, мне

действительно очень жаль.

— Иди-ка ты лучше спать, а?

— Я должен извиниться и перед Тилой.

— Нет. Это уже моя вина. Я мог ее удержать.

— Правда?

— Не знаю… Может быть. Иди спать.

— Не могу.

— В таком случае веди, а я посплю.

Так они и сделали. Перед тем, как заснуть, Луис еще успел удивиться, как гладко, без сотрясений летит его скутер. Кукольник был отличным пилотом.

Луис проснулся на рассвете.

За свою долгую жизнь ему никогда не приходилось проводить всю ночь сидя, поэтому, когда он, раздирая рот, зевнул и попытался потянуться, мышцы его затрещали так, будто вот-вот порвутся. Он громко охнул, протер заспанные глаза и осмотрелся.

Свет и тени были не такие, как должны бы быть. Он взглянул вверх, прямо на сверкающий диск стоящего в зените солнца, тут же отвел глаза и некоторое время ждал, пока они перестанут слезиться. Его рефлексы были быстрее его мыслей.

Слева еще царила темнота, углублявшаяся с расстоянием, а место, в котором должен был на-

ходиться горизонт, казалось смесью ночи и хаоса, из которой поднималась вверх невероятная дуга Кольца.

Справа был уже ясный день.

Все-таки рассвет на Кольце выглядел совершенно необычно. Пустыня постепенно кончалась. Ее граница, резкая, как ножевая рана, мягко изгибалась вправо и влево. Позади, за их спинами, светлел желто-белый разогретый песок. Огромная гора все еще закрывала значительную часть неба. Впереди сверкали реки и озера, разделенные коричневыми и зелеными кусками суши.

Скутеры мчались вперед, не нарушая строя, напоминая одинаковых серебристых жуков. Луис двигался впереди, память подсказала ему, что справа от него кзин, слева — кукольник, сзади — Тила.

Склон горы пересекала висящая в воздухе пыльная полоса, будто след от катящего по пустыне колесного экипажа.

— Ты уже проснулся, Луис?

— Добрый день, Несс. Ты ведешь до сих пор?

— Несколько часов назад управление взял на себя Говорящий с Животными. Может, ты заметил, что мы пролетели уже более семи тысяч миль.

— Да. — Однако, это была лишь малая часть

пути, который еще ждал их. Луис, всю жизнь пользовавшийся трансферными кабинами, совершенно потерял чувство расстояния.

— Оглянись, — сказал он. — Видишь этот след? Как, по-твоему, что это такое?

— Наверняка, это осталось после нашего пролета через атмосферу. Он еще не успел рассеяться.

— Ага… А я думал, это какая-то пыльная буря. Ненис! Что и говорить, мы неплохо падали! — Полоса была, по крайней мере, несколько тысяч миль в длину.

Небо и земля были двумя плоскостями, прижатыми одна к другой, а люди — микробами, ползающими в пространстве между ними.

— Атмосферное давление увеличилось.

Луис отвел взгляд от места, где должен был находиться горизонт.

— Что ты сказал?

— Посмотри на барометр. Мы сели мили на две выше, чем находимся сейчас.

Луис заказал себе на завтрак кирпичик.

— Это важно?

— В незнакомой обстановке нужно обращать внимание на все. Неизвестно, какая деталь вдруг окажется важной. Например, эта гора, которой мы пользуемся как ориентиром — она наверняка

более высока, чем нам кажется. Или эта серебряная точка перед нами.

— Какая точка? Где?

— Почти на линии горизонта, если бы он здесь был. Прямо перед нами.

Это напоминало попытку найти что-либо на карте, разглядываемой почти точно сбоку, однако Луису удалось его найти: яркий, зеркальный блик, а не отдельная точка.

— Отраженный солнечный свет. Что это может быть? Стеклянный город?

— Невозможно. Луис рассмеялся.

— Это еще мягко сказано. И все-таки оно размером с целый город. Или это огромное поле, покрытое зеркалами. Может, это большой зеркальный телескоп?.

— Если и так, то он давно бездействует.

— Откуда ты это знаешь?

— Мы же констатировали, что цивилизация Кольца в своем развитии вернулась в эпоху варварства. Будь иначе, они не позволили бы, чтобы такие огромные пространства превратились в пустыни.

Еще не так давно Луис согласился бы с этим аргументом, но теперь…

— Возможно, ты упрощаешь проблему. Кольцо

больше, чем нам казалось. По-моему, здесь достаточно места и для высокоразвитой цивилизации, и для варваров, и для множества переходных стадий.

— Любая развивающаяся цивилизация стремится к завоеванию новых территорий.

— Верно, но…

Впрочем, они все равно скоро увидят, что это такое. Сверкающая точка была точно впереди по курсу.

Конструкторы скутера не предвидели, что его пассажир может захотеть кофе.

Луис глотал последние кусочки своего кирпичика, когда заметил на пульте два зеленых огонька. Некоторое время он подозрительно разглядывал их, потом вспомнил, что еще вчера вечером отключил интеркомы Тилы и кзина. Он поспешно восстановил связь

— Добрый день, — сказал кзин. — Ты видел рассвет, Луис? Это необычайно стимулирующее зрелище.

— Да, я видел. Привет, Тила.

Девушка не ответила.

Луис внимательно вгляделся в ее лицо. Оно было благостно, как в нирване.

— Несс, ты не пробовал тасп на моей жен-

щине?

— Нет. Зачем мне это делать?

— Как давно она в таком состоянии?

— В каком состоянии? — заинтересовался Говорящий. Последнее время она не слишком разговорчива, если ты это имеешь в виду.

— Ненис! Я имею в виду выражение ее лица!

Маленькая прозрачная головка Тилы над пультом управления невидящими глазами смотрела в бесконечность. Тила была идеально счастлива.

— Она кажется расслабленной, — заметил кзин. — Пожалуй, ей удобно. Более тонкие детали человеческой…

— Это неважно. Посади нас на землю, хорошо? Она вошла в транс Маунт Лукиткета.

— Не понимаю.

— Достаточно будет, если ты сядешь.

Они начали снижаться. Желудок Луиса ощутил себя неважно в свободном падении, которым угостил их кзин, но, к счастью, сила тяжести вскоре вернулась. Луис разглядывал лицо Тилы: оно ни на секунду не изменило выражения. Она была идеально спокойна: уголки ее губ слегка поднимались вверх.

Мозг Луиса работал на максимальных оборотах. Он кое-что знал о гипнозе: двести лет смотря

стереовизию можно кое-что узнать. Если бы он еще мог это вспомнить…

— Хорошо, если бы удалось найти какую-нибудь долину, — обратился он к кзину. — Я хотел бы убрать с ее глаз этот чертов горизонт.

— Хорошо. Вы с Нессом переходите на ручное. Тилу посажу я.

Четырехугольный строй распался на три части. Говорящий повернул в направлении ручья, на который Луис уже обратил внимание. Луис с Нессом следовали за ним.

Теряя высоту, они пролетели над потоком. Говорящий повернул еще раз и летел теперь с минимальной скоростью вдоль течения, отыскивая какой-нибудь луг или участок берега, свободный от деревьев.

— Растения очень похожи на земные, — заметил Луис.

Кзин и кукольник согласились с ним. Они вновь повернули, следуя за руслом потока.

Поперек ручья, растягивая длинную сеть, стояли туземцы. Когда подлетела маленькая эскадра, все посмотрели вверх и довольно долго стояли неподвижно с открытыми ртами, предоставив сеть самой себе.

Луис, Говорящий и Несс отреагировали совер-

шенно одинаково: свечой взмыли вверх. Туземцы мгновенно уменьшились до едва заметных точек, ручей превратился в извилистую нитку. Буйный раскидистый лес поглотил все.

— Переключайтесь на автопилот, — распорядился кзин тоном, исключавшим возражения. — Садимся в другом месте.

“Он научился такому тону только потому, что жил среди людей, — подумал Луис. — Должность посла требует самых разных способностей”.

Тила ничего не заметила.

— И что? — спросил Луис.

— Это были люди, — ответил кукольник.

— Ты тоже видел это? Я думал, что у меня галлюцинация. Откуда здесь взяться людям?

Никто даже не попытался ответить на этот вопрос.

Глава 12. КУЛАК БОГА

Они приземлились в небольшой долине, окруженной низкими холмами, поросшими лесом. Псевдогоризонт исчез за склонами, дуга на небе была не видна в сиянии солнца — короче, они вполне могли находиться на какой-то из заселенных людьми планет. Правда, трава здесь не

слишком напоминала траву, но была зеленой и росла там, где должна расти трава. Под ногами были земля и камни, а вокруг — кусты с ветвями, изогнутыми почти знакомо.

Растительность, как еще раньше заметил Луис, была решительно земного типа. Кусты росли именно там, где и следовало ожидать, а голые каменистые участки находились в нужных местах. Анализаторы, которыми были снабжены скутеры, констатировали, что даже на молекулярном уровне местные растения родственны земным. Как Луис и кзин могли иметь когда-то общего предка, скорее всего, какой-нибудь вирус, так и эти деревья и кусты имели с земной растительностью общего предка.

Один из росших на краю поляны кустов прекрасно подходил для изгороди: он рос вверх под углом в сорок пять градусов, выпускал буйную крону, спускался вниз, снова выпускал крону вверх под тем же самым углом, и так далее. Луис уже видел нечто подобное на планете Джумминджи, однако эта угловатая изгородь была зеленовато-коричневой, как будто росла на Земле. Луис назвал его “локтевым деревом”.

Несс обошел поляну, собирая для анализа насекомых и пробы растений. Он был единственным,

кто взял с собой скафандр, и тому, кто решил бы его атаковать, пришлось бы сначала управиться с необычайно прочным материалом.

Тила неподвижно сидела в. своем скутере, ее мягкие ладони легко лежали на ручках приборов, уголки губ слегка поднимались вверх. Она сидела расслабленно и в то же время напряженно, будто позировала. Ее зеленые глаза смотрели сквозь Луиса и барьеры зеленых холмов- в бесконечность абстрактного горизонта Кольца.

— Не понимаю, — сказал кзин. — Что с ней, собственно, случилось? Она не спит и в то же время не реагирует ни на что.

— Гипноз автострады, — объяснил Луис. — Она сама выйдет из него.

— Значит, прямой опасности нет?

— Сейчас уже нет. Я боялся, что она может выпасть из скутера или начнет мудрить с управлением. На земле ей ничего не грозит.

— Но почему она не обращает на нас внимания?

Луис принялся объяснять.

В окружающем Солнце поясе астероидов люди проводят полжизни, водя между скал маленькие одноместные кораблики и определяя свое положение по звездам. Шахтер, работающий в Поясе,

много часов проводит глядя на звезды: фальшивые, являющиеся плазменными огоньками двигателей или ползущими поблизости астероидами, и настоящие, являющиеся отдельными звездами или целыми галактиками.

Человек может потерять среди звезд душу, и окружающие потом с удивлением обнаружат, что его тело совершало все необходимые действия, тогда как разум находился в местах, о которых ничего не помнит. Это называют “потерянным взглядом”, и это очень опасно. Иногда душа не хочет возвращаться в тело.

Стоя на вершине Маунт Лукиткет, человек смотрит в бесконечность. Правда, высота Горы всего сорок миль, но человеческий взгляд, теряясь в тумане, видит именно бесконечность.

Влажный туман бел и бесформен, он тянется от склона Горы до горизонта. Пустота хватает своими когтями разум человека и крепко держит его, а сам он неподвижно стоит на краю бесконечности, пока кто-нибудь не придет и не заберет его оттуда. Это называют “трансом Маунт Лукиткет”.

Кроме того, есть еще Кольцо, а на нем — несуществующий горизонт…

— Все это попросту самогипноз, — закончил Луис. Он заглянул в широко открытые зеленые

глаза, и девушка беспокойно задрожала. — Пожалуй, я мог бы вывести ее из этого состояния, но зачем рисковать? Пусть пока поспит. Она проснется сама.

— Я не понимаю, что такое гипноз, — сказал кзин. — Знаю, что это такое, но не понимаю.

Луис кивнул.

— Ничего удивительного. Едва ли кзины поддаются гипнозу. Да и кукольники, по-моему, тоже, — добавил он, поскольку Несс кончил собирать пробы чужой жизни и присоединился к ним.

— Мы можем изучать то, чего не понимаем, — сказал он. — Например, мы знаем, что в человеке есть нечто, позволяющее ему принимать решения извне. Какая-то его часть хочет, чтобы кто-то другой сказал ему, что нужно делать. Гипнозу поддаются верящие гипнотизеру люди с большой способностью к концентрации.

— Но что такое сам гипноз?

— Навязанное извне состояние мономании.

— А почему человек впадает в мономанию?

На это у Несса не нашлось ответа.

— Потому что верит гипнотизеру, — подсказал Луис.

Говорящий покачал своей большой головой и

обвернулся.

— Такая вера в кого-то другого есть нечто ненормальное. Признаться, я тоже не понимаю, что такое гипноз, — сказал кукольник. — А ты, Луис?

— Тоже не совсем.

— Это хорошо, — заметил Несс, и его головы посмотрели друг на друга. — Я не мог бы верить тому, кто понимает такое, что не имеет смысла.

— Ты узнал что-нибудь о здешних растениях?

— Как я уже сказал, они очень похожи на земные. Вот только некоторые из них гораздо сильнее специализированы, чем можно было ожидать.

— Ты хочешь сказать, что они старше?

— Возможно. А может это потому, что более специализированное растение легче может найти место и необходимые для жизни составляющие, особенно в ограниченной среде на искусственной планете, которой можно считать Кольцо. Самое же главное — то, что растения и насекомые достаточно похожи на нас, чтобы представлять для нас опасность.

— Но не только, я полагаю?

— О да. Некоторые растения съедобны для меня, некоторые — даже для тебя. Правда, тебе еще придется самому проверить их, сначала на

безвредность, а потом на вкус. Однако, есть очень много таких, которые можно переделать под привычные для нас в регенераторе пищи.

— Значит, мы не умрем с голоду.

— Этот единственный плюс не компенсирует различных неудобств и опасностей. Если бы наши инженеры догадались снабдить “Лгуна” звездным семенем!

— Звездным семенем?

— Это очень простое устройство, сконструированное тысячи лет назад по образцу настоящих звездных семян. Добравшись до звезды, они излучают очень характерное электромагнитное поле. Если бы у нас было такое, мы направили бы его на солнце и тем самым вызвали бы помощь.

— Но звездные семена передвигаются очень медленно! Мы могли бы ждать годами!

— Ты только подумай, Луис! Независимо от того, как долго пришлось бы ждать, нам не нужно было бы покидать безопасного корабля.

— И ты бы это выдержал? — презрительно фыркнул Луис, глядя на кзина. Взгляды их встретились.

Говорящий, сжавшись на земле — в нескольких ярдах от него, смотрел ему прямо в глаза и улыбался совсем как кот из “Алисы в Стране Чудес”.

Какое-то время они смотрели друг на друга, потом кзин с демонстративной развязностью встал, прыгнул, словно тигр, и исчез в зарослях.

Луис отвернулся. Он чувствовал, что произошло нечто важное, но что? И почему? Он пожал плечами.

Тила сидела в своем кресле в такой позе, словно все еще мчалась вперед. Луис вспомнил, как это бывало с ним, когда он подвергался гипнозу в лечебных целях. Тогда он чувствовал себя как актер, удобно развалившийся на мягких подушках, в которые впитывалось его чувство ответственности. Он прекрасно знал, что все это было только игрой между ним и гипнотизером, что в любой момент он, Луис Ву, может встать и выйти.

Правда, он ни разу не сделал этого.

В глазах Тилы вдруг вспыхнуло сознание. Она тряхнула головой и посмотрела в их сторону.

— Луис! Мы сели? Каким образом?

— Самым обычным.

— Помоги мне, — она протянула руку, совсем как ребенок, забравшийся на высокий забор и не знающий, как с него слезть. Луис обнял ее за талию и ссадил на землю. Прикосновение ее тела вызвало дрожь наслаждения: он почувствовал, как по телу разлилось приятное тепло, и оставил

свои ладони там, где они были.

— Я помню, что мы летели на высоте более мили, — сказала Тила.

— Больше не смотри так долго на горизонт.

— А что, я заснула за рулем? — засмеялась она, откидывая голову назад. Ее волосы рассыпались великолепным черным каскадом. — А вы испугались? Прости, Луис. Где Говорящий?

— Погнался за каким-то кроликом. Кстати, почему бы и нам не размяться, раз уж представился случай?

— Хорошая мысль.

Они посмотрели друг другу в глаза, читая скрытые мысли. Луис открыл багажник своего скутера и вытащил одеяло. — Готово.

— Вы меня удивляете, — сказал Несс. — Ни одна другая разумная раса не копулирует так часто, как вы. Ладно уж, идите. Только смотрите, на что садитесь. Не забывайте, что вокруг полно чужих форм жизни.

— А ты знаешь, — спросил Луис, — что “нагой” значило когда-то то же самое что “беззащитный”?

Ему самому казалось, что, снимая одежду, он лишается какой-то магической защиты. Кольцо обладало функционирующей биосферой,

наверняка полной всевозможных насекомых, бактерий и зубастых созданий, питающихся свежим мясом.

— Нет, — сказала Тила. Стоя нагишом на одеяле, она вытянула руки к висящему над головой солнцу. — Как хорошо! Ты знаешь, я впервые вижу тебя нагого днем.

— Взаимно. Признаться, ты выглядишь неплохо. Смотри, я тебе кое-что покажу. — он поднял руку к своей безволосой груди. — Ненис!

— Я ничего не вижу.

— Все исчезло. В том-то все и дело, что "закрепитель" не оставляет никаких следов. Шрамы исчезают, и потом... — он провел ладонью по коже, но не почувствовал ни малейшего следа.

— Это было на Джуммиджи. Акула содрала с меня целую полосу кожи шириной дюйма в четыре, от плеча до пупка. Если бы она повторила атаку сразу же, то перекусила бы меня пополам. К счастью, она решила сначала проглотить первый, небольшой кусок, и он оказался для нее смертельным ядом: она тут же сдохла в страшных судорогах. А теперь от шрама не осталось и следа.

— Бедный Луис. Но у меня тоже нигде нет никаких шрамов.

— Это потому, что ты — статистическая аномалия, к тому же всего лишь двадцати лет от роду.

— Ох!

— Гмм… Ты такая гладенькая…

— Еще какие-то воспоминания?

— Однажды я плохо справился с шахтерским лазером… — он повел ее руку…

Луис лег навзничь, а Тила села верхом на его бедра. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, потом Луис сделал первое движение.

Женщина, когда на нее смотришь сквозь густеющий туман приближающегося оргазма, излучает какое-то ангельское сияние…

Что-то размером с кролика выскочило из-за деревьев, промчалось по груди Луиса и исчезло на другой стороне поляны. Секундой позже из кустов появился Говорящий, крикнул: “Простите!” и помчался за добычей.

Когда все вновь собрались у, скутеров, мех вокруг губ Говорящего был забрызган свежей кровью.

— Впервые в жизни, — сказал он с нескрываемым удовлетворением, — я добывал пропитание только с помощью клыков и когтей.

Впрочем, он последовал совету Несса и проглотил тройную дозу противоаллергического

средства.

— Пожалуй, самое время поговорить о туземцах. — предложил Несс.

— О туземцах? — удивленно переспросила Тила.

Луис объяснил ей, в чем дело.

— Но почему мы удрали? Что они могли нам сделать? Это действительно были люди?

Луис ответил на последний вопрос, поскольку он и ему не давал покоя:

— Понятия не имею. Откуда здесь взяться людям?

— Нет никаких сомнений, — прервал его кзин. — Я верю своей интуиции, Луис. Может, они отличаются от тебя и Тилы, но это, несомненно, люди.

— Откуда эта уверенность?

— Я почувствовал их запах, как только мы выключили звукопоглощающие барьеры. Где-то далеко отсюда их целая масса. Поверь моему чутью, Луис.

И Луис поверил. В конце концов, это было чутье охотника-хищника.

— Параллельная эволюция, — неуверенно предположил он.

— Вздор, — возразил Несс.

— Верно. Форма и строение человеческого тела были очень удобны для наделенного разумом создателя инструментов, но не более, чем любые другие. Разум проявлялся в самых разных формах.

— Мы только теряем время, — вставил Говорящий. — Проблема заключается не в том, откуда здесь взялись люди, а в том, как установить первый контакт. Тем более, что для нас любой контакт будет первым.

Кзин был прав. Эскадра скутеров наверняка двигалась быстрее, чем известие о ее прибытии. Разве что туземцы располагали чем-то вроде семафоров…

— Мы должны как можно больше узнать о поведении и жизни людей на этом уровне развития. Луис? Тила?

— У меня есть некоторое понятие об антропологии, — признал Луис.

— Значит, говорить будешь ты. Будем надеяться, что автопилот справится с переводом. Попробуем установить контакт с первой же группой, на которую наткнемся.

Казалось, они едва поднялись в воздух, а густой лес уже сменился квадратами возделанных полей. А сразу после этого Тила заметила город.

Он немного напоминал прежние земные города и состоял, в основном, из огромного количества малоэтажных, стоящих рядами зданий. Над этой плотной массой поднимались единичные стройные башни, соединенные эстакадами коммуникационных трасс — на Земле в подобный период пользовались геликоптерами.

— Может, уже здесь мы найдем то, что ищем? — с надеждой в голосе спросил кзин.

— Держу пари, что он совершенно пуст, — ответил Луис. Это было только предположение, но, как выяснилось, верное.

Они убедились в этом сразу, как только оказались над городом.

В дни своего расцвета он был невообразимо прекрасен. Одна его черта вызвала бы особую зависть у любого другого города во Вселенной: значительная часть зданий не стояла на земле, а висела в воздухе, соединяясь с почвой и соседними зданиями паутиной рамп и стволов лифтов. Эти летающие замки, свободные от ограничений, налагаемых силой тяготения, ошеломляли разнообразием форм и размеров.

Теперь же под скутерами была картина разрушения. Падая, летающие конструкции давили стоявшие под ними здания, поэтому сейчас вся

площадь города была покрыта кучами битого кирпича, лопнувших бетонных плит и искореженных стальных конструкций.

Это дало Луису пищу для размышлений. Люди не строили летающих замков — для этого они были слишком осторожны.

— Вероятно, они упали все одновременно, — заметил Несс. — Нигде не видно ни следа ремонта. Несомненно, это была авария центральной энергетической станции. Говорящий, кзины так же строят свои города?

— Мы не любим высоты. Так могли бы строить люди, но они слишком ценят свою жизнь.

— Закрепитель! — воскликнул Луис. — Это наверняка из-за него. Они просто никогда не изобретали ничего вроде нашего закрепителя.

— Да, возможно. Они жили недолго, поэтому не очень-то заботились об этой жизни, — рассуждал вслух кукольник. — Это звучит достаточно зловеще. Раз они не ценили свои жизни, значит, не будут волноваться из-за наших.

— Ты слишком рано начал беспокоиться.

— Скоро мы в этом убедимся. Говорящий, видишь то высокое здание? Светло-кремовое, с выбитыми стеклами?

Они пролетели над ним всего минуту назад.

Луис, исполнявший обязанности пилота эскадры, широким виражом повернул к этому месту.

— Я был не прав. Видишь, Говорящий? Дым.

Здание оказалось башней, украшенной богатым орнаментом, с круглыми черными окнами. Большинство окон у самой земли были чем-то закрыты, а из немногих отверстий поднимался дым.

Башню когда-то окружали одно- и двухэтажные домики, которые теперь почти все были раздавлены огромным катящимся цилиндром, упавшим с неба; однако, не успев добраться до башни, он сам превратился в груду развалин.

Башня поднималась на краю города, и сразу же за ней стелились квадраты возделанных полей. Когда скутеры пошли на посадку, путешественники заметили многочисленные фигуры, бегущие к городу.

Здания, которые сверху казались почти нетронутыми, вблизи оказались руинами, стоящими только по привычке. Авария энергетической системы и связанная с ней катастрофа произошли много поколений назад. Разрушение завершили вандализм, дожди и коррозия, а также все, благодаря чему земные археологи могли так много узнать о прошлом своей планеты.

Жители не отстроили своего города заново и не решились покинуть его — они просто жили в руинах, на растущей от поколения к поколению груде мусора и отбросов.

Мусор и отбросы: пустые коробки, нанесенная ветром пыль, остатки продуктов, кости, несъедобные части растений, испорченные инструменты. Все это непрерывно грудилось, поскольку жители руин были слишком ленивы или заняты, чтобы привести все в порядок. Везде росли огромные кучи отходов, оседающие под собственным весом, трамбуемые тысячами ног.

Первоначальный вход в башню уже давно оказался под слоем мусора. Когда эскадра скутеров приземлилась на утоптанном слое отбросов, десятидюймовым ковром покрывающим бывшую стоянку для наземных экипажей, из окна первого этажа с достоинством вышли пять гуманоидов.

Окно было двойным, и небольшая процессия вышла без толчеи. Над проемом и по обеим его сторонам висело множество черепов, очень похожих на человеческие. Луис так и не понял системы, по которой их там размещали.

Пятеро туземцев направились к скутерам. Подойдя, они явно заколебались, не зная, кто из прибывших самый главный. Они очень походи-

ли на людей, но не до конца, и, безусловно, не принадлежали ни к одной из выделенных антропологами рас.

Каждый был на добрых шесть дюймов ниже Луиса. Кожа у них была очень светлой, а в сравнении с желто-коричневой кожей Луиса или светло-розовой Тилы казалась мертвенно-бледной. У всех были короткие туловища и очень длинные ноги, пальцы на руках были чрезвычайно длинны и тонки. В те времена, когда люди выполняли операции вручную, они могли бы быть отличными хирургами.

Однако, еще необычнее были их прически и бороды, они были старательно расчесаны, но наверняка ни одну из них никто и никогда не подстригал. Из-под густых волос видны были только глаза. Не нужно добавлять, что все они выглядели совершенно одинаково.

— Какие волосатые! — шепнула Тила.

— Оставайтесь на скутерах, — негромко приказал Говорящий с Животными. — Подождите, пока они подойдут, и только тогда спускайтесь. У всех есть коммуникаторы?

Луис спрятал свой в левой ладони. Коммуникаторы были связаны с автопилотом “Лгуна” и должны были действовать, несмотря на разделя-

ющее их расстояние. В свою очередь, автопилот должен был справиться с любым новым языком.

Однако так ли будет все на самом деле, им еще предстояло выяснить. Все было бы не так страшно, если бы не эти черепа…

На площадь сходились все новые туземцы, и вскоре собралась большая толпа. Обычно над такой толпой висит гул разговоров, шепот, здесь же царила полная тишина.

Возможно, присутствие стольких зрителей заставило пятерку сановников действовать. Они, наконец, выбрали Луиса Ву.

Вблизи они вовсе не казались такими уж одинаковыми. Прежде всего они различались по росту. Все были худыми, но если один напоминал скелет, то у другого было даже что-то вроде мышц. Четверо были одеты в бесформенные серо-бурые одежды, пятый носил наряд того же покроя, только бледно-оранжевого цвета.

Заговорил самый худой. Его ладони украшала татуировка в виде птицы.

Луис ответил.

Татуированный сановник произнес короткую речь. Им повезло. Прежде чем начинать перевод, нужно было собрать данные.

Луис снова ответил.

Худой туземец продолжал, а четверо его товарищей надменно молчали, молчала и толпа.

Автопилот анализировал чужую речь.

Луису казалось, что эта необычная тишина свалится ему на голову каким-нибудь материальным грузом. Густая толпа широким кольцом окружала их четверых и пятерых волосатых гуманоидов. Тот, с вытатуированной птицей, все еще говорил.

— Мы называем эту гору Кулаком Бога, — он указал направление, с которого они прибыли. — Почему? А почему бы и нет, Инженер? — он явно имел в виду огромную гору, которую они увидели из борозды, пропаханной “Лгуном”. Заметить ее отсюда было невозможно.

Луис слушал и учился. Автопилот отлично справлялся с переводом. Постепенно в мозгу Луиса создавался образ малой деревушки, обретающейся в руинах когда-то могучего города…

— Правда, Зигнамукликлик уже не так великолепен, как когда-то, но все же наши хозяйства гораздо лучше тех, которые мы могли бы построить себе там. Если начинает течь крыша, всегда можно спуститься этажом ниже и переждать непогоду. В зданиях легко удерживать тепло, а в случае войны в них легко защищаться, а напада-

ющим трудно их поджечь. Поэтому-то, Инженер, хотя утром мы выходим на поля, по вечерам мы возвращаемся в наши дома на краю Зигнамукликлика. Зачем нам мучиться, строя новые дома, если старые все равно лучше?

Туземцы видели перед собой двух удивительных чужаков и двух почти людей без бород и необычно высоких. Все четверо прибыли на бескрылых металлических птицах, все четверо сами лопотали какую-то ерунду, но с помощью маленьких, округлых предметов говорили вполне разумно… Ничего странного, что туземцы приняли их за строителей Кольца. Луис решил не протестовать: объяснения могут затянуться на несколько дней. Кроме того, они были здесь, чтобы учиться, а не поучать.

— В этой башне, Инженер, расположена резиденция наших властей. Нас здесь больше тысячи человек. Разве могли бы мы построить здание, более прекрасное, чем то, которые вы видите? Мы отгородили верхние помещения, так что стало легче удержать тепло в тех помещениях, которыми мы пользуемся. Когда-то мы защищали башню, сбрасывая сверху щебень и камень. Я помню, что нашей главной проблемой был страх высоты.

И все же мы тоскуем о тех великолепных днях, когда в нашем городе жили тысячи тысяч людей, а дома и дворцы поднимались в воздух. Мы надеемся, что ты вернешь эти дни. Говорят, что в те времена этому миру придали его нынешнюю форму. Может, ты ответишь, так ли это было?

— Это было так, — подтвердил Луис.

— И эти великолепные дни вернутся?

Луис ответил, надеясь, что это прозвучит уклончиво, и почувствовал, что разочаровал своего собеседника.

Разглядеть выражение заросшего лица было делом совершенно безнадежным, а жесты всегда были своего рода кодом, который нужно знать, если хочешь его понимать: жесты бородача были частью совершенно чужой, незнакомой культуры. Из-под пепельных волос смотрели карие глаза, но по ним, вопреки всеобщему мнению, многого не прочтешь.

Он говорил певучим, — мелодичным голосом, как будто читал стихи. Автопилот переводил слова Луиса таким же напевом, хотя тот обращался к нему совершенно нормальным тоном. Луис слышал, как коммуникатор Несса тихонько посвистывает на языке кукольников, а у Говорящего — фыркает на Языке Героев.

Луис тем временем задавал вопросы…

— Нет, Инженер, мы не жаждем крови. Черепа? Их полно во всем Зигнамукликлике. Они лежат здесь со времени падения города, и мы используем их для украшения.

Говоривший торжественно поднял руку, показывая Луису сделанную на ней татуировку.

— …! — закричала толпа, но автопилот не перевел этого слова. Впервые за все время заговорил кто-то другой, кроме оратора.

Луис явно что-то проглядел и отлично понимал это. К сожалению, времени задуматься над этим не было.

— Покажи нам чудо, — потребовал худой бородач. — Мы не сомневаемся в твоей мощи, но ты можешь уже никогда здесь не появиться. Мы хотим увидеть что-нибудь такое, о чем можно будет рассказывать нашим детям.

Луис задумался. Их уже видели летящими, подобно птицам, значит, этот номер отпадал. Может, в таком случае подойдет манна из пищевых регенераторов? Но даже рожденные на Земле люди отличались друг от друга, если говорить о терпимости к разного рода пище. Разница между вкусным блюдом и вызывающими отвращение отбросами чаще всего возникала из-за культур-

ных условий, а не из-за какого-то чувства вкуса. Некоторые ели саранчу с медом, другие — копченых змей; что для одного было отличным сыром, для другого имело ценность кислого молока. Лучше не рисковать. В таком случае, может, лазер?

Когда Луис полез в багажник своего скутера, край черного прямоугольника коснулся солнечного диска. Отлично. В наступающей темноте демонстрация должна произвести еще большее впечатление.

Он установил небольшую мощность и широкий угол рассеивания, после чего направил свет на татуированного сановника, потом на четырех его соседей и, наконец, на толпу. Если даже они были удивлены, то хорошо скрывали это. Луис тоже не ударил в грязь лицом: он скрыл разочарование такой слабой реакцией и направил лазер вверх.

Целью он выбрал маленькую резную фигурку, выступающую за край крыши башни. Луис передвинул регулятор, и фигурка осветилась белым светом. Луч сузился до тонкой зеленой линии, и на животе статуэтки появился огненный пупок.

Луис ждал восторженных возгласов.

— Ты сражаешься светом, — сказал мужчина с татуировкой на руке. — Это запрещено.

— …! — снова крикнула толпа.

— Мы не знали об этом и просим простить нас.

— Не знали? Как это не знали? Разве не вы построили Арку в знак Союза с Человеком?

— Какую Арку?

Хотя лицо туземца было скрыто под густой бородой, его удивление было видно совершенно ясно.

— Арку над Миром, о Инженер!

Только теперь Луис понял, в чем дело, и рассмеялся.

В ответ бородач размахнулся и неловко ударил его прямо в нос.

Удар оказался слабым, поскольку туземец был невысокого роста и не отличался силой. Слабым, но болезненным.

Луис не привык к боли. Большинство людей его времени не знали боли большей, чем от прищемленного пальца — слишком повсеместными были болеутоляющие средства, слишком легкодоступной медицинская помощь. Боль, испытываемая лыжником, который сломал ногу, длилась обычно не больше нескольких секунд, а воспоминание о ней хранилось в нижних слоях подсознания как нечто такое, чего здоровый разум не мог вынести. Все виды спортивной борьбы, вроде каратэ, дзюдо или бокса были запрещены

задолго до рождения Луиса. Луис Ву был очень плохим воином. Он наверняка мог бы стать лицом к лицу со смертью, но не с болью.

Луис Ву вскрикнул и выпустил лазер.

Толпа бросилась на них. Двести казалось бы спокойных людей превратились в тысячу разъяренных демонов. Ситуация резко осложнилась. Худой предводитель схватил Луиса своими костлявыми руками, с истерической силой прижимая его к земле. Луис освободился одним паническим рывком. В следующую секунду он уже сидел в скутере, и тут прозвучал голос его разума.

Органы управления остальных скутеров подчинялись его машине. Если бы он стартовал, они тоже взлетели бы, независимо от того, где в данный момент находились их пассажиры. Луис огляделся по сторонам.

Тила была уже в воздухе, наблюдая сверху за схваткой. Наверняка ей даже в голову не пришло помочь остальным. Кзин превратился в безумную, всеуничтожающую молнию. Он уже повалил полдюжины противников, а в тот момент, когда Луис на него взглянул, разбил прикладом лазера череп седьмого. Заросшие волосами туземцы неуверенно топтались на безопасном расстоянии от него.

Длинные тонкие пальцы пытались вытащить Луиса из кресла и были уже близки к успеху, хотя он упирался руками и ногами. Наконец ему пришло в голову, что нужно включить звукопоглощающий барьер, то есть силовое поле.

Когда невидимая сила отшвырнула нападающих от скутера, послышались испуганные крики. Однако один туземец по-прежнему сидел у Луиса на спине. Пришлось скинуть его, выключить на секунду поле и тут же снова включить его. Затем он огляделся в поисках Несса.

Кукольник пытался добраться до своего экипажа, и туземцы расступались в стороны, явно испуганные его необычным видом. Только один встал у него на пути, но в руке он держал длинный металлический прут.

Несс увернулся от удара и крутанулся на передних ногах, поворачиваясь спиной к опасности и к своему скутеру.

Кукольник погибнет, если подчинится закодированному в генах стремлению бежать. Разве что Говорящий или Луис вовремя успеют ему помочь. Луис уже открыл рот, чтобы окликнуть кзина, когда Несс закончил поворот.

Луис закрыл рот.

Кукольник направился к скутеру, и больше

никто не пытался его остановить. Копыто его задней ноги было в крови по самую бабку.

Группа поклонников воинских талантов кзина все еще держалась за пределами досягаемости его могучих рук. Говорящий презрительно сплюнул им под ноги — жест, перенятый у людей, — и сел в свой скутер. Туземец, который пытался остановить Несса, неподвижно лежал в луже крови.

Все были уже в воздухе. Луис стартовал последним. Еще издали он увидел, что хочет сделать Говорящий с Животными, и изо всех сил закричал:

— Подожди! Не надо!

Кзин уже вытащил “модифицированный инструмент для копания”.

— Почему? — спросил он, однако на спуск не нажал.

— Не надо! Это будет убийство! Что они могут сделать нам сейчас? Забросать камнями?

— Они могут использовать твой лазер.

— А вот и нет. Есть же запрещение.

— Так сказал тот худой. Ты ему веришь?

— Да.

Кзин отложил оружие, и Луис облегченно вздохнул: честно говоря, он ожидал, что Говорящий сравняет город с землей.

— Откуда взялось это запрещение? Может, была какая-то война?

— Или безумец с лазерным оружием. Жаль, что не у кого спросить.

— У тебя кровь идет из носа.

К тому же этот нос чертовски болел. Луис передал управление кзину, а сам занялся своими ранами. Под ними, в постепенно исчезающем из виду Зигнамукликлике, кружилась разъяренная, жаждущая мести толпа.

Глава 13. ЗВЕЗДНЫЕ СЕМЕНА

— Они должны были упасть на колени, — пожаловался Луис. — Это меня и сбило. Кроме того, автопилот везде говорил “инженер”, а нужно было говорить “бог”.

— Бог?

— Они сделали из строителей Кольца богов. Я должен был сразу обратить внимание на это молчание. Говорить можно было только жрецу. Они вели себя так, словно слушали старую, давно знакомую проповедь. Вот только я давал неправильные ответы.

— Значит, религия. Очень странно. Но, пожалуй, ты не должен был смеяться, — сказал

интерком голосом илы. — Никто не смеется в соборе, даже туристы.

Они летели в гаснущем свете солнца. Кольцо всходило в небе пятнистой голубой дугой.

Сквозь звукопоглощающее поле пробился резкий, нарастающий вой. Мгновение он сверлил им уши, потом стих — они преодолели звуковой барьер.

Зигнамукликлик исчез позади. Городу не удастся отомстить демонам: вероятно, он их больше никогда не увидит.

— Это действительно выглядит как арка, — сказала Тила.

— Ты права: я не должен был смеяться. Но нам все равно повезло: мы оставляем позади свои ошибки и не чувствуем на себе их последствий. Нужно только следить, чтобы мы могли взлететь в любую минуту. Тогда мы будем в безопасности.

— И все же, последствия некоторых наших ошибок останутся с нами. И надолго, — вставил кзин.

— Забавно, что это говоришь именно ты, — Луис осторожно потрогал нос, который сейчас больше напоминал торчащий на лице кусок бесчувственного дерева. Он успеет зажить, прежде чем кончится действие болеутолителя.

— Несс? — сказал он после небольшой паузы.

— Да, Луис?

— Мне кое-что пришло в голову. Ты говорил, что тебя считают безумцем, потому что ты отважен, верно?

— О, Луис, твой такт и твоя деликатность…

— Я говорю серьезно. Ты и все прочие кукольники смотрели на это не с той стороны. Кукольник инстинктивно бежит от опасности, верно?

— Да, Луис.

— В том-то и дело, это нет. Кукольник инстинктивно отворачивается от опасности, чтобы ввести в действие свою заднюю ногу. А это смертельно опасное оружие, Несс.

Луис отлично помнил, как все это произошло: кукольник плавным движением повернулся и со страшной силой ударил твердым, как сталь, копытом. Головы его при этом были расставлены максимально широко, чтобы точнее определить расстояние до цели. Собственно говоря, Несс пинком выбил у несчастного сердце из груди.

— Я не мог бежать, — сказал он, — потому что тогда удалился бы от скутера. Это могло оказаться опасным.

— Но тогда ты вовсе не думал об этом. Ты действовал инстинктивно. Автоматически повернулся спиной к противнику и пнул. Нор-

мальный кукольник поворачивается не для того, чтобы бежать, а “тобы сражаться. Вовсе ты не безумен, Несс.

— Ты ошибаешься, Луис. Большинство кукольников бегут от опасности.

— Но…

— А норма всегда определяется большинством.

— Стадное существо! — Луис сдался и поднял взгляд, чтобы увидеть последние лучи заходящего в зените солнца.

“Последствия некоторых ошибок останутся с нами…”

Что имел в виду Говорящий с Животными?

Над их головами появилось кольцо черных прямоугольников. Тот, который заслонил солнце, был окружен ярким ореолом. Параболическая дуга Кольца пересекала звездное небо.

Это походило на конструкцию, сложенную из трехмерного меккано маленьким ребенком; слишком маленьким, чтобы понимать, что он делает.

После бегства из Зигнамукликлика маленькой флотилией управлял Несс, затем он передал обязанности пилота Говорящему, и тот пилотировал всю ночь. Над их головами из-за края гигантского прямоугольника показалось слабое зарево — при-

ближался рассвет.

К этому времени Луис нашел, наконец, способ представить себе истинные размеры Кольца. Для Этого следовало представить себе карту Земли в проекции Меркатора — то есть нормальную стенную карту, какими пользовались когда-то в школах — но чтобы экватор на этой карте был изображен в масштабе один к одному. Сорок таких карт, уложенных от, на за другой, пресекли бы поперек голубую ленту Кольца.

Поверхность такой карты была бы гораздо больше поверхности Земли, но если бы положить ее где-нибудь на Кольце, взглянуть в другую сторону, а потом попытаться найти — этот фокус мог бы не удастся.

Раз разбуженное воображение могло прыгать дальше безо всяких преград. Например, одинаковые океаны Кольца: каждый из них был больше самой крупной из населенных человеком планет. Если оросить в один из них Землю, она спокойно будет в нем плавать.

“Действительно, я не должен был смеяться”, — мысленно согласился Луис. Прошло много времени, прежде чем ему удалось постигнуть величие всего этого. сооружения Почему же туземцы должны быть в этом лучше его?

Несс понял это раньше. В ту ночь, когда они впервые увидели Арку Неба, кукольник кричал от ужаса и пытался спрятаться под собственным животом.

Ненис, что за… Впрочем, неважно. По крайней мере, сейчас, когда все ошибки остаются позади со скоростью двух тысяч миль в час.

Говорящий с Животными вышел на связь, передал управление Луису и заснул.

Со скоростью семисот миль в секунду навстречу им мчался рассвет.

Линия, отделяющая день от ночи, называется терминатором. Земной терминатор отлично виден с Луны и с орбиты, но на самой Земле увидеть его невозможно.

Резкие прямые линии, отделяющие на дуге Кольца день от ночи, были именно терминаторами.

Одна из таких линий мчалась навстречу флотилии скутеров. Она протянулась от земли до неба, от одного невидимого края до другого, и приближалась, как материализованная судьба, как стена, слишком большая, чтобы обойти или перескочить ее.

И вот она пришла. Зарево вверху набрало силу,

чтобы вдруг вспыхнуть со всей яркостью, когда уходящий край черного прямоугольника открыл солнечный диск. Луис смотрел на уходящую влево ночь, приближающийся справа день и движущуюся через бескрайнюю равнину линию терминатора. Странный, необычный рассвет, демонстрируемый специально для Луиса Ву — туриста.

Далеко позади над размытой серостью сверкнула белая вершина.

— Кулак Бога, — вслух сказал Луис, смакуя необычное грозное название. Что за великолепное название для горы! Особенно, если принять во внимание, что это самая большая гора во Вселенной.

Луис Ву-человек испытывал сильную боль. Если его мышцы и суставы не начнут быстро приспосабливаться, он вскоре окостенеет в сидячем положении, и уже ничто не сможет поднять его с места. Еще хуже было то, что кирпичики, которые он получал для еды, постепенно приобретали вкус… кирпичей. Он до сих пор плохо чувствовал свой нос и, что самое плохое, не мог напиться кофе.

Однако Луис Ву-турист чувствовал себя вполне удовлетворенным.

Возьмем, к примеру, рефлекс бегства у кукольников. Никто даже не подозревал, что в принципе это рефлекс борьбы. Никто, кроме Луиса Ву.

А, скажем, звездные семена. Что за поэтическое название? Простое устройство, созданное тысячи лет назад, сказал Несс. И ни один кукольник никогда даже не заикнулся о нем. По крайней мере, до вчерашнего дня.

Но ведь кукольники были такими неромантичными.

Знали ли они, почему корабли Внешних летят в направлении сигналов, посылаемых звездными семенами? Наслаждались ли этим знанием, или просто сочли его ничего не стоящим и давно о нем забыли?

Несс выключил свой интерком и, скорее всего, спал. Луис вызвал его: когда кукольник проснется, он увидит на своем пульте зеленый мерцающий огонек.

Знали ли кукольники?

Настоящие звездные семена были существами, буквально кишевшими вблизи ядра Галактики. Они питались рассеянным в вакууме водородом и передвигались благодаря огромным фотонным парусам. Сезонные миграции вели их обычно от ядра Галактики на самый ее край, а затем

обратно, но уже без яйца. Новорожденное существо должно было само найти дорогу домой, летя вместе с фотонным парусом к теплому, изобилующему водородом ядру.

Следом за звездными семенами двигались Внешние.

Почему? Вопрос, может, и простой, но не лишенный некоторой тайны.

А может, и не такой простой. Примерно в середине первой войны между людьми и кзинами одно из семян случайно свернуло со своего курса, сметенное в сторону резким порывом фотонного ветра. Летящий следом за ним корабль Внешних оказался возле Проциона и оставался там ровно столько времени, чтобы продать губернатору Нашего Дела планы гиперпространственного привода.

С тем же успехом он мог сделать это на одной из планет кзинов.

Не в это ли самое время кукольники изучали расу, к которой относился Говорящий?

— Ненис! У меня слишком разыгралось воображение. Дисциплина — вот что мне нужно.

Но ведь изучали же? Конечно, изучали. Сам Несс сказал об этом. Кукольники внимательно разглядывали кзинов, решая, нельзя ли их как-то

безболезненно ликвидировать.

Война разрешила эту проблему. Корабль Внешних приземлился на Нашем Деле, а когда люди уже заполучили гиперпространственный привод, кзины перестали угрожать им и кукольникам.

— Они не решились бы, — испуганно прошептал Луис. — Если бы Говорящий… — даже думать об этом было страшно. — Этот их дьявольский животноводческий эксперимент! Они использовали нас! Использовали нас!

— Совершенно верно, — сказал Говорящий с Животными.

На мгновение Луису показалось, что он спит, потом над пультом управления он увидел маленькую прозрачную головку кзина — он забыл выключить интерком.

— Ненис! Ты слышал?

— Невольно, Луис. Просто я не выключил интерком.

— Ох! — только теперь, слишком поздно, Луис вспомнил оскаленную улыбку кзина, сжавшегося на лугу, на расстоянии, делающим невозможным подслушивание, когда Несс закончил описание действия искусственных звездных семян. Уши кзина были ушами хищника, а его улыбка — рефлексом, обнажающим клыки для схватки.

— Ты говорил что-то о животноводческом эксперименте, — сказал кзин.

— Я просто… так себе…

— Кукольники стравили наши расы, чтобы ограничить экспансию кзинов. Уже тогда они располагали искусственными звездными семенами и воспользовались одним из них, чтобы направить корабль Внешних в населенный людьми район космоса и обеспечить вашу победу. Ты назвал это животноводческим экспериментом.

— Слушай, это только тонкая нить домыслов и предположений. Успокойся и…

— Однако, и ты, и я сумели ее заметить.

— Э-э-э…

— Я думал, не спросить ли Несса прямо сейчас… или лучше тогда, когда нам удастся покинуть Кольцо. Однако теперь, когда ты знаешь все, у меня нет выбора.

— Но… — начал Луис, однако не кончил. Не было смысла… Говорящий включил сирену, означавшую опасность.

Сирена исходила пронзительным воем, уходящим в инфра — и ультразвук, выдерживать его долгое время было совершенно невозможно. Над пультом управления появилась миниатюрная головка Несса.

— Что случилось?

— Вы помогали в войне нашим врагам?! — рявкнул кзин. — Ваши действия равнозначны объявлению войны Патриарху Кзина!

Тила включилась с небольшим опозданием, поэтому услышала только последнюю фразу. Луис энергично покачал головой: не вмешивайся!

Головы кукольника удивленно закачались.

— О чем ты говоришь? — сказал он своим чувственным голосом.

— Первая Война с Людьми. Звездные семена. Гиперпространственный привод Внешних.

Головы исчезли, словно их сдул ураганный порыв ветра, и один из скутеров резко ушел в сторону, удаляясь от остальных.

Возникшее положение не беспокоило его. Остальные два скутера были так далеко, что походили на серебристых мушек. Если бы дело дошло до схватки на земле, могло быть хуже. Но что могло случиться здесь, в воздухе? Скутер кукольника наверняка был быстрее экипажа кзина: Несс не был бы собой, если бы не побеспокоился об этом. Ему нужна была уверенность, что в крайнем случае он сможет сбежать.

Вот только кукольник вовсе не удирал. Он описывал большую дугу, приближаясь к Говорящему

с Животными.

— Я не хочу тебя убивать, — сказал кзин. — Если ты хочешь атаковать в воздухе, не забывай, что радиус действия твоего таспа может оказаться меньше радиуса действия этого модифицированного устройства для копания. СНАРЛ!

Убийственное восклицание кзина заморозило кровь в жилах Луиса, и он едва заметил маленькую серебряную точку, что отделилась от скутера Говорящего и полетела вниз. Зато он заметил удивленно открытый рот Тилы.

— Я не собираюсь тебя убивать, — уже спокойнее повторил кзин. — Мне просто нужны ответы на несколько вопросов. Мы знаем, что вы умеете управлять звездными семенами.

— Да, — подтвердил Несс. Его скутер с огромной скоростью убегал вперед. Полное спокойствие кукольника и кзина было только иллюзией, вытекавшей из того, что Луис не видел выражения их лиц, а они не могли передавать своих чувств интонациями голоса.

Несс удирал, словно речь шла о его жизни, но кзин не покинул своего места в строю.

— Мне нужен ответ, Несс.

— Твои домыслы верны, — сказал кукольник. — Исследования, которые мы вели над хищными

дикими кзинами, привели нас к выводу, что в вас таятся большие возможности, которые мы могли бы использовать с выгодой для себя. Поэтому мы предприняли некоторые шаги, чтобы довести вас до такого состояния развития, когда бы вы могли мирно сосуществовать с другими разумными существами. Мы использовали методы косвенные, и потому весьма безопасные.

— Действительно. Несс, мне это вовсе не нравится.

— Мне тоже, — добавил Луис.

От его внимания не ускользнуло то, что оба чужака все время разговаривали на интерволде. Если бы они использовали Язык Героев, содержание разговора осталось бы между ними, однако они предпочли включить в спор людей — и сделали совершенно верно, поскольку это было делом и Луиса Ву.

— Вы использовали нас, — сказал он. — Использовали нас точно так же, как и кзинов.

— Только на нашу погибель, — вставил Говорящий.

— В войне погибло много людей.

— Луис, отстань от него! — вмешалась Тила. — Если бы не кукольники, мы все были бы невольниками кзинов! Их удержали от уничто-

жения нашей цивилизации!

— У нас ТОЖЕ была цивилизация, — заметил кзин со своей убийственной улыбкой.

Одноглазая голова кукольника напоминала выцветшего, но готового к атаке питона; вторая, скорее всего, управляла скутером.

— Кукольники использовали нас, — процедил Луис. — Использовали как инструмент для коррекции развития кзинов.

— И им это удалось!

Звук, вырвавшийся из- горла кзина, мог бы испугать самого смелого тигра; теперь уже никто не спутал бы его гримасы с улыбкой.

— Им это удалось, — повторила Тила. — Теперь вы живете в мире и можете сотрудничать с…

— Замолчи, человек!

— …с другими разумными существами, — великодушно закончила она. — Вы не атаковали ни одной…

Кзин вытащил “слегка модифицированное” устройство для копания и подержал его перед интеркомом. Тила мгновенно умолкла.

— Это могли быть и мы, — буркнул Луис. Прочие посмотрели на него с интересом. — Если бы кукольники захотели для каких-то своих целей разводить людей… — он вдруг замолчал. — О,

боже! Ясно: Тила.

Кукольник ни словом не отозвался.

Тила беспокойно зашевелилась под устремленным на нее взглядом Луиса.

— В чем дело, Луис? Луис!

— Прошу прощения. Мне тут кое-что пришло в голову… Несс, отзовись. Расскажи нам о Совете Человечества и Лотерее Жизни.

— Луис, ты сошел с ума?

— Ррр… — буркнул Говорящий. — Я сам должен был это понять. Ну так как, Несс?

— Слушаю, — сказал кукольник.

Его скутер был уже только серебристой точкой, уменьшающейся с каждой минутой. С большим трудом можно было заметить его на фоне такого же серебристого сверкающего пятна, все еще удаленного от них больше, чем могут быть удалены две любые точки на поверхности Земли. Прозрачная потешная одноглазая головка не могла принадлежать грозному существу. Ни в коем случае не могла.

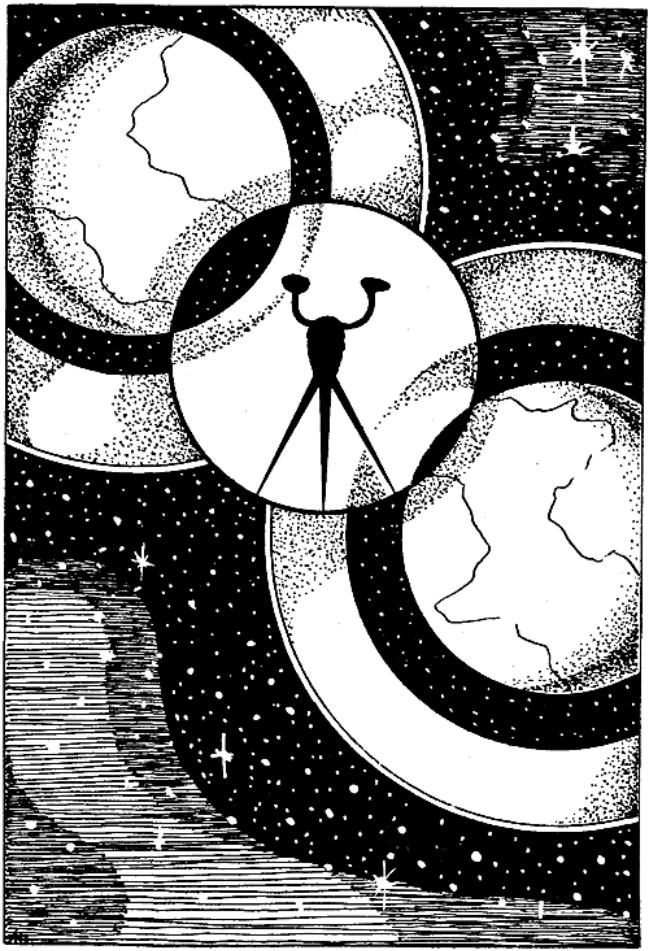
— Вы вмешались в демографические проблемы Земли.

— Да.

— Почему?

— Мы любим людей, доверяем им, поддержи-

ваем с ними выгодные торговые отношения. Помогая им, мы действуем в собственных интересах, ибо они наверняка раньше нас доберутся до Магеллановых Облаков.



— Любите нас? Очень мило. И что с того?

— Мы хотели немного улучшить вас генетически. Но что мы могли поправить? Наверняка не разум. Не на нем основывается ваша сила, так же как и не на прозорливости, долговечности и доблести.

— И тогда вы решили одарить нас счастьем, — сказал Луис и рассмеялся.

Только теперь Тила поняла. Глаза ее округлились от ужаса, она хотела что-то сказать, но смогла издать только нечленораздельный звук.

— Разумеется, — сказал Несс. — Не смейся, Луис. У твоего вида было невероятно много счастья. В вашей истории полно счастливых “случаев, предотвращенных катастроф, после которых от вас не осталось бы даже следа. Даже о взрыве ядра Галактики вы узнали совершенно случайно. Луис, почему ты все еще смеешься?

Луис смеялся, поскольку все это время смотрел на Тилу. Она покраснела до самых ушей. Ее глаза в панике бегали по сторонам, как будто ища место, где можно спрятаться. Не очень-то приятно узнать, что ты — лишь частица широкомасштабного генетического эксперимента.

— Мы изменили господствующие на Земле законы. Все вышло неожиданно просто и лег-

ко. Наше исчезновение из известного космоса вызвало крах на биржах, а благодаря небольшим финансовым манипуляциям многие члены Совета Человечества оказались на грани банкротства. Этих мы перекупили, других запугали, чтобы потом вскрыть степень их продажности и перетянуть на нашу сторону. Вся операция была невообразимо дорога, но зато совершенно безопасна. Все кончилось просто: была организована Лотерея Жизни. Мы надеялись получить постепенно растущую популяцию счастливцев.

— Чудовище! — выкрикнула, наконец, Тила. — Чудовище! Говорящий спрятал оружие.

— Тебя не очень-то задело, что кукольники управляли развитием моей расы, — сказал он. — Хотели вывести кроткого кзина и пользовались обычными, известными биологам-экспериментаторам методами: ликвидировали неудачные особи и разводили тех, которые сулили успех. Ты не видела в этом ничего плохого, твердя, что это совершалось ради блага людей. И вот теперь ты возмущена. Почему?

Тила расплакалась от бессильной ярости и выключила связь.

— Кроткий кзин, — повторил Говорящий с Животными. — Вы хотели вывести кроткого кзина.

Вернись к нам, Несс, если думаешь, что вам это удалось.

Кукольник не ответил. Его скутер исчез где-то вдали.

— Не хочешь присоединяться к нашей маленькой флотилии? Как же я буду защищать тебя от таящихся повсюду опасностей? Хотя… пожалуй, ты прав. Твои опасения не лишены оснований, — кзин лениво вытянул перед собой мощные ладони, вооруженные когтями. — Ваши попытки вывести людей, которым всегда везло бы, тоже кончились ничем.

— Неправда, — запротестовал Несс. — Такие есть. Это те, с которыми мне не удалось связаться. Им слишком везло.

— Вы пытались играть роль бога людей и кзинов. Не пытайтесь вернуться к нам.

— Я буду поддерживать контакт. Лицо кзина исчезло.

— Луис, Говорящий отключился, — сказал кукольник. — Если мне будет нужно что-то передать ему, я сделаю это через тебя,

— Конечно, — рявкнул Луис и тоже выключил интерком. Почти сразу же на пульте управления загорелся одинокий зеленый огонек. Кукольнику не терпелось с кем-то поговорить.

Ну и черт с ним!

После полудня они пролетели над морем размером со Средиземное. Луис снизился, чтобы рассмотреть его повнимательнее; остальные два скутера повторили маневр. Значит, он по-прежнему управлял эскадрой — вот только никто не хотел с ним говорить.

Вдоль всего берега тянулся огромный город, от которого остались одни руины. За исключением портовой части, город почти не отличался от Зигнамукликлика. Луис не стал садиться: наверняка они не узнали бы здесь ничего нового.

Вскоре после этого суша начала подниматься, давление упало, и Луис время от времени чувствовал как бы фырканье в ушах. Зелень лесов и полей уступила место коричневым карликовым кустам, потом пустой тундре, голым скалам и наконец…

Из-за действия ветров и дождей на, хребте, тянувшемся миль на пятьсот, не осталось ни кусочка почвы или скал: грозной серостью блестел конструктивный материал Кольца.

Наверняка, его строители не допустили бы такого. Упадок цивилизации Кольца явно начался очень давно, именно с таких явлений в местах, которых никто и никогда не посещал.

Далеко впереди перед скутерами ярко сверкало таинственное пятно. Оно могло быть в пятидесяти тысячах миль от них. Большое сверкающее пятно размером с Австралию.

Неужели снова открытый “пол” Кольца? Огромная территория, с которой исчезла почва, высохшая и развеянная ветрами из-за отсутствия воды? Гибель Зигнамукликлика и аварии энергетических систем должны были произойти в конечную фазу упадка.

Сколько времени это могло продолжаться? Десять тысяч лет? А может, дольше?

Ненис! Хорошо бы с кем-то поговорить об этом. “Это может быть очень важно”, — сказал Луис пульту управления.

Когда солнце неподвижно висит над головой, время ощущается совсем по-другому. Утро и полдень ничем не отличались друг от друга. Действительность казалась менее реальной, действия и решения как будто теряли всякое значение. Это было то же самое, что оказаться в растянутом по времени прыжке из одной трансферной кабины в другую.

Именно так! Они прыгали между двумя кабинами: одной на “Лгуне” и другой — на краю Кольца. Все их путешествие было только сном.

Они летели сквозь замороженное время.

Когда они в последний раз разговаривали друг с другом? Прошло уже несколько часов с той минуты., когда Луис вызвал Тилу, а сразу после этого — кзина. Оба игнорировали зеленые лампочки, мигавшие на пультах, так же как Луис не обращал внимания на ту, что горела у него.

— Хватит, — решил он наконец и включил интерком.

В уши ему ударила волна музыки. Только через минуту кукольник заметил, что связь восстановлена.

— Нужно сделать все, чтобы без кровопролития добиться прежней консолидации экспедиции, — сказал Несс. — У тебя есть какая-нибудь идея?

— Да. Однако не очень-то приятно начинать разговор с середины.

— Прошу прощения, Луис. Спасибо, что отозвался. Как ты себя чувствуешь?

— Одиноко и глупо. Это все из-за тебя. Никто не хочет со мной говорить.

— Я могу помочь?

— Возможно. Ты имел что-то общее с Советом Человечества и Лотереей Жизни?

— Я лично руководил этими проектами.

— Ненис! Это худший из возможных вариан-

тов. Чтоб ты стал первой жертвой контроля за рождением! Нет никаких шансов на то, что Тила когда-нибудь заговорит со мной.

— Ты не должен был смеяться над ней.

— Пожалуй. Знаешь, что во всем этом пугает меня больше всего? Вовсе не твоя невероятная дерзость, а то, что, принимая решение и начиная действия такого масштаба, ты можешь потом сделать нечто такое глупое, как…

— Тила нас слышит?

— Конечно, нет. Несс, ты вообще понимаешь, что сделал с ней?

— Если ты знал, что это ее ранит, зачем поднимал эту тему?

Луис застонал. Он решил некую проблему и пришел к определенным выводам. Ему и в голову не пришло, что и решение и выводы могут быть совершенно иными. Даже в голову не пришло.

— У тебя есть идея, как снова соединить нашу экспедицию? — спросил Несс.

— Да, — ответил Луис и выключил интерком. Пусть и кукольник познает сладкий вкус неуверенности.

Местность вновь понизилась и окрасилась зеленью.

Они пролетели над очередным морем и над

большой треугольной дельтой какой-то реки. Однако ее русло, как и дельта, было совершенно сухим. Из-за перемены направления ветров высох находившийся где-то в горах источник воды.

Луис снизился, и стало ясно, что неисчислимые каналы и канальчики дельты были не естественного происхождения, их старательно выкопали по заранее составленному плану. Строители Кольца не оставляли ничего на волю случая, и были правы: слой почвы был для этого слишком тонок. Требовалась рука инженера-художника.

Пустые, высохшие каналы выглядели просто отвратительно. Луис скорчил гримасу и увеличил скорость.

Глава 14. ИНТЕРЛЮДИЯ С СОЛНЕЧНИКАМИ

Вскоре перед ними появились горы.

Луис пилотировал всю ночь и еще довольно долго после восхода солнца. Впрочем, точно он не знал, сколько прошло времени. Неподвижно стоящее в зените солнце творило всевозможные чудеса со временем, сокращая его или растягивая.

Если же говорить о настроении, то Луис Ву

находился в своем очередном Отрыве. Он почти забыл о том, что рядом с ним летят другие скутеры. Этот бесконечный полет над бескрайней, все время меняющейся поверхностью суши и моря немногим отличался от одиноких скитаний в небольшом кораблике по неизвестным просторам Космоса. Луис Ву был один на один со Вселенной, а Вселенная на время забросила все свои дела, занимаясь только Луисом Ву. Важнейший и одновременно единственный вопрос звучал так: доволен ли Луис Ву?

Неожиданно над пультом управления появилось лицо, покрытое оранжевым мехом.

— Ты, наверное, устал, — сказал кзин. — Передашь управление мне?

— Я предпочел бы сесть. У меня все тело затекло.

— Ну так садись. Ты же управляешь.

— Я не хотел бы никому навязывать своего общества, — только когда он произнес это, до него дошло, что он действительно так думает. Настрой Отрыва еще не прошел.

— Думаешь, Тила будет тебя избегать? Может, ты и прав. Она не говорит даже со мной, хотя меня постигло то же, что и ее.

— Ты принял это слишком близко. Эй, подожди!

Не выключайся!

— Я хочу быть один, Луис. Это травоядное покрыло меня страшным позором.

— Но это было так давно! Не выключайся, сжалься над старым человеком. Ты следил за пейзажем?

— Да.

— Заметил эти голые пространства?

— Да. Местами эрозия дошла до самой конструкции. Видимо, система управления воздушными массами вышла из строя очень давно. Такие разрушения не происходят за день, даже на Кольце.

— Верно.

— Луис, как могло ничего не остаться от цивилизации, обладавшей такой мощью?

— Понятия не имею. Я уверен, что мы никогда этого не узнаем. Даже кукольникам не удалось достигнуть хотя бы сравнимого уровня развития. Откуда же нам знать, что вернуло их ко временам кулака и палицы?

— Нужно собрать больше информации о туземцах, — сказал кзин. — Те, которых мы встретили, ничем не помогут нам. Нужно искать других.

Именно этого Луис и ждал.

— У меня есть одна мысль. Мы сможем контактировать с туземцами так часто, как нам это

будет нужно.

— Говори.

— Сначала я предпочел бы сесть.

— Тогда садись.

Поперек траектории их полета высился горный барьер. Вершины и перевалы сверкали знакомой серостью. Безумные ветры сдули тонкий слой почвы и стерли плащ скал, оставив отполированную поверхность конструкции Кольца.

Луис повел маленькую флотилию вниз, направляясь к округлым холмам предгорий, а точнее — к месту, где из гор вытекал серебряный поток, почти тут же исчезающий в бесконечной чаще леса.

— Что ты делаешь? — неожиданно спросила Тила.

— Сажусь. Я очень устал. Однако, не выключайся, я хотел бы извиниться перед тобой.

Тила прервала связь.

— Это лучшее, чего я мог ожидать, — буркнул Луис без особой уверенности. Но теперь, когда она знала, что будет извинение, может, она охотнее согласится выслушать его.

— Эта идея осенила меня после разговора о богах, — сказал Луис. К сожалению, единственным

его слушателем был Говорящий с Животными. Тила вышла из своего скутера, испепелила Луиса взглядом и скрылась в лесу.

Говорящий кивнул головой; его уши дрожали, будто китайские опахала, которые держат нервные руки.

— Пока мы находимся в воздухе, нам ничего не грозит, — продолжал Луис. — Честно говоря, при необходимости мы могли бы добраться до края без посадок или садясь только там, где эрозия обнажила конструкцию Кольца. Таким способом мы наверняка не встретили бы ни одной живой души, но и ничего бы не узнали. Кроме того, нам не удастся выбраться отсюда без помощи местных жителей, ведь все указывает на то, что нужно будет как-то перетащить “Лгуна” почти на четыреста тысяч миль.

— Ближе к делу, Луис. Я хотел бы размять кости.

— Когда мы доберемся до края, нам нужно знать о туземцах гораздо больше, чем мы знаем сейчас.

— Несомненно.

— Тогда почему бы нам не изображать богов?

Говорящий заколебался.

— Это нужно понимать буквально?

— Да. Мы будем играть роль строителей Кольца. У нас нет такой мощи, как у них, но туземцам наши возможности все равно будут казаться неограниченными. Ты можешь быть богом…

— Спасибо.

— … а Тила и я — аколитами. Несс будет пойманным демоном.

Из мягких подушечек на ладонях кзина выглянули острые когти.

— Но Несса нет с нами. Он никогда не вернется.

— В том-то и дело. В…

— Этот вопрос не подлежит обсуждению, Луис.

— Очень жаль. Он нам нужен.

— Тогда придумай что-нибудь другое.

Луис не знал, что думать об этих когтях. Действительно ли они выглядывали помимо воли их хозяина? Но так или иначе, их все еще было видно. Если бы они говорили через интерком, Говорящий давно бы уже прервал связь. Именно поэтому Луис и предпочел говорить с ним лично.

— Взгляни, как это здорово задумано. Ты был бы великолепным богом. С точки зрения человека, ты производишь очень сильное впечатление… Хотя, полагаю, тебе придется поверить мне на

слово.

— А зачем нам нужен Несс?

— Для раздачи кар и милостей. Ты, как бог, разрываешь на куски усомнившихся и пожираешь их на глазах толпы: это кара. Тех же, кто тебе угоден, ты награждаешь с помощью таспа кукольника.

— А нельзя ли обойтись без него?

— А ты можешь представить себе более божественную награду? Удар чистого наслаждения, направленный прямо в мозг. Никаких побочных эффектов, никакого похмелья. Тасп — это получше, чем секс!

— Мне это не нравится. Правда, туземцы всего лишь люди, но я не хотел бы подчинять их себе. Уж лучше просто убить их. Впрочем, тасп кукольника действует только на кзинов, а не на людей.

— Думаю, ты ошибаешься.

— Луис, мы же оба знаем, что тасп сконструировали так, чтобы он действовал на структуру мозга кзинов, я сам почувствовал это на себе. В одном ты прав: это, действительно, почти религиозный экстаз, а если точнее — дьявольский.

— Но откуда ты знаешь, что тасп не действует на людей? Я думаю, что действует. Я знаю Несса. Либо этот тасп действует и на тебя и на нас, либо

у него есть еще один. Здесь не. было бы ни меня, ни Тилы, если бы Несс не имел для нас какого-нибудь крючка.

— Это только домыслы.

— Так, может, спросим его?

— Нет.

— Почему?

— Ни к чему.

— Да, я забыл, что ты не любопытен, — обезьянье любопытство было чертой, неизвестной большинству разумных рас.

— Ты хотел пробудить мое любопытство, да? Понимаю. Ты собираешься заставить меня действовать согласно своим ожиданиям. Ничего не выйдет. Пусть кукольник летит дальше. — И прежде чем Луис успел что-либо ответить, кзин повернулся и прыгнул в зеленые заросли. Это закончило дискуссию еще успешнее, чем выключение интеркома.

Весь мир ополчился против Тилы Браун, и она тихонько всхлипывала, оплакивая свою судьбу. Для этого ей удалось найти действительно прелестное местечко.

Основным мотивом здесь была темная зелень. Листва над ее головой образовывала плотный зонтик и не пропускала прямые лучи солнца,

однако ближе к земле она становилась реже, и там можно было ходить безо всяких трудностей. Это был истинный рай для любителя природы.

Высокие отвесные скалы окружали глубокое хрустально-чистое озерко, чья вода лишь в одном месте была вспучена падающей колонной водопада. Тила купалась в озерке. Шум водопада заглушил бы ее отчаянные рыдания, если бы не амфитеатр скал — он усиливал даже самые слабые звуки. Казалось, что сама Природа плачет вместе с ней.

Луиса она не заметила.

Даже Тила, выброшенная после аварии в чужой мир, не ушла бы никуда без своего набора первой помощи. Это была небольшая плоская коробочка; в ней был небольшой непрерывно действующий передатчик. Его сигнал и привел Луиса к одежде Тилы, сложенной на гранитной полке, что была почти вровень с водой.

Темно-зеленая иллюминация, шум водопада и усиленные скалами рыдания. Тила сидела на чем-то возле самого водопада, только плечи торчали над водой. Голова ее поникла, и черные волосы густой завесой закрывали лицо.

Не было смысла ждать, пока она сама придет к нему. Луис снял одежду и положил на гранитную

полку. Откуда-то пришел заблудившийся порыв ветра. Луис задрожал и прыгнул в воду.

В ту же секунду он понял, как здорово ошибся.

Во время своих Отрывов он не слишком часто натыкался на планеты, похожие на Землю, а те, на которые попадал, были, по крайней мере, так же освоены и цивилизованы, как сама Земля. Луис не был глупцом и, если бы подумал, какую температуру может иметь вода…

Но он не подумал.

Вода приходила с ледника, тающего где-то высоко в горах. Если бы его голова не была глубоко под водой, Луис истошно заорал бы от неожиданности. Впрочем, он сохранил достаточно рассудка, чтобы не открывать рот под водой.

Когда ему, наконец, удалось вынырнуть, он фыркал от холода и отчаянно хватал воздух.

А потом это начало ему нравиться.

Луис знал, как нужно вести себя в воде, хотя учился он этому не в полярных широтах. Он ритмично шевелил руками и ногами, держась на поверхности и чувствуя, как водопад омывает его кожу бодрящими подповерхностными потоками.

Тила не могла его не заметить. Она сидела неподвижно, ожидая его, и он поплыл к ней.

Ему пришлось бы кричать изо всех сил, чтобы она хоть что-то разобрала, а это не годится для слов извинений и любви. Однако он мог коснуться ее.

Тила не отодвинулась, только наклонила голову и вновь отгородилась от мира сплошной завесой волос. Она отталкивала его, и он чувствовал это каждой клеткой своего тела.

Он не стал настаивать.

Плавая вокруг, он разминал мышцы, одеревеневшие после восемнадцати часов, проведенных в кресле скутера. Вода была чудесной, однако, вскоре тело начало ныть от холода, и Луис решил, что не стоит напрашиваться на воспаление легких.

Он коснулся плеча Тилы и указал на берег. На этот раз она кивнула и поплыла за ним.

Они лежали на берегу, дрожа от холода и обхватив себя руками. Разложенные термические скафандры грели их озябшие тела.

— Прости, что я смеялся над тобой, — сказал Луис.

Она кивнула головой, принимая к сведению факт извинения, но в этом кивке не было прощения.

— Пойми, это действительно было смешно.

Кукольники, повсеместно считаемые самыми большими трусами Галактики, разводят людей и каинов, как две породы скота! Они превосходно понимали рискованность своих поступков, — он знал, что говорит слишком много, но испытывал непреодолимое желание объяснить свое поведение. — И смотри, до чего они дошли. Кроткий, рассудительный кзин — это вовсе не глупая мысль. Я знаю кое-что о войнах с кзинами: они были по-настоящему жестокими. Предки Говорящего сравняли бы Зигнамукликлик с землей, но сам он этого не сделал. Но разведение людей, с целью получения популяции счастливчиков…

— По-твоему, они ошиблись, делая меня такой, какая я есть?

— Ненис! Ты думаешь, я хочу тебя обидеть? Я только хотел сказать, что это забавная мысль. Особенно, если вспомнить, что она появилась у кукольников. Именно поэтому я и смеялся.

— И думаешь, что я тоже должна веселиться?

— Нет. Это был бы уже перебор.

— Это хорошо.

Она не чувствовала к нему ненависти. Она нуждалась в утешении и покое, а не в мести. Утешение и покой были в тепле, шедшем от скафандров и в прикосновении его тела.

Луис мягко гладил ее по спине, и Тила немного расслабилась.

— Мне хочется, чтобы все мы снова были вместе, — сказал он и сразу почувствовал, как напряглись ее мышцы. — Тебе не нравится эта идея?

— Нет.

— Несс?

— Я его ненавижу. Ненавижу! Он разводил нас, как… как зверей! — она вдруг успокоилась. — Но Говорящий застрелит его сразу, как только он появится, значит, не о чем говорить.

— А если бы мне удалось убедить Говорящего, чтобы он позволил кукольнику присоединиться к нам?

— Интересно, как бы ты это сделал?

— И все-таки?

— Но зачем?

— “Счастливый Случай” по-прежнему принадлежит Нессу. Такой корабль — единственный шанс для человечества добраться до Магеллановых Облаков быстрее, чем за несколько сотен лет. Если мы покинем Кольцо без Несса, нам никогда больше не видать корабля.

— Это отвратительно, Луис.

— Подожди. Ты сама говорила, что если бы не

то, что кукольники сделали с кзинами, мы были бы сегодня невольниками Говорящего. И это правда. Но если бы кукольники не вмешались в наши земные дела, ты вообще бы не родилась!

Она замерла. Ее чувства отражались на лице, а лицо было совершенно закрыто волосами. Луис не сдавался.

— То, что сделали кукольники, они сделали очень давно. Неужели ты не можешь простить и забыть?

— Нет! — она откатилась в сторону, прямо в ледяную воду. Луис после секундного колебания последовал за ней. Когда он вынырнул, Тила сидела на прежнем месте у подножия водопада.

При этом она соблазнительно улыбалась. Как может настроение меняться так быстро?

Луис подплыл к ней.

— Прелестный способ велеть собеседнику заткнуться! — рассмеялся он, однако она вряд ли услышала его. Он сам себя не слышал, оглушенный грохотом падающей воды. Но Тила радостно засмеялась и протянула к нему руки.

— Все равно это были глупые аргументы! — крикнул он.

Вода была холодной, очень холодной, и тепло шло только от Тилы. Они стояли друг перед дру-

гом на коленях на узкой подводной скале.

Любовь была чудесной смесью холода и тепла. Занимаясь любовью, они не решали никаких проблем, зато могли хотя бы ненадолго уйти от них.

Возвращаясь к скутерам, они все еще дрожали в своих скафандрах. Луис молчал. Он только что узнал кое-что о Тиле Браун.

Она не могла от него отвернуться, не могла сказать “нет” и настоять на своем, не могла никого прогнать, используя умело дозированную неприязнь. У нее еще не было случая научиться всему этому.

Луис мог бы оскорблять ее ежедневно до скончания мира, а она не смогла бы его остановить… Зато она смогла бы возненавидеть. Поэтому он молчал. Поэтому и потому, что просто НЕ ХОТЕЛ ее оскорблять.

— Ну, ладно, — сказала она, наконец. — Если тебе удастся убедить кзина, можешь вызывать Несса.

— Спасибо, — ответил он, не скрывая удивления.

— Это только из-за “Счастливого Случая”, — объяснила она — Впрочем, тебе все равно не удастся.

У Говорящего с Животными было, наконец, вре-

мя, чтобы как следует подкрепиться и заняться традиционными физическими упражнениями, то есть приседаниями. Было у него время и на менее традиционные упражнения — лазание по деревьям. Наконец он вернулся к своему скутеру; мех на его лице был идеально чист. Не теряя времени, он вынул из питателя два парных кирпичика субстанции, напоминающей свежие внутренности. “Великий охотник вернулся домой”, — подумал Луис, делая вид, будто разглядывает небо.

Когда они садились, оно было покрыто тучами и теперь нисколько не прояснилось. Они взлетели.

Луис включил интерком и вернулся к разговору о Нессе.

— Ведь это было так давно!

— Чувство достоинства не слабеет со временем, но ты, конечно, не можешь об этом знать. Больше того, на нас до сих пор сказываются последствия их эксперимента. Почему Несс решил выбрать для этого путешествия именно кзина?

— Он уже объяснил это.

— А зачем ему Тила Браун? Он получил от Лучше-Всех-Спрятанного задание проверить, унаследовала ли она этот “счастливый” ген. Он

хотел также убедиться, что кзины стали более кроткими. Он выбрал именно меня, поскольку посол на планете, жители которой известны своей дерзостью, должен обладать той кротостью, которая его интересовала.

— Я тоже думал об этом, — признал Луис. Он пошел дальше. — Может, Нессу поручили упомянуть о звездных семенах именно для того, чтобы проверить реакцию кзина?

— Это не имеет значения. Я утверждаю, что не стал более кротким.

— Тебе не надоело без конца повторять это слово?

— Почему ты так защищаешь кукольника, Луис? Зачем он тебе нужен?

“Хороший вопрос, — подумал Луис. — Нессу полезно немного поволноваться”.

Или дело было только в том, что Луис Ву любил чужаков? А может, истина гораздо сложнее? Кукольник был ИНЫМ, и его отличие имело свое немалое значение. Человеку в возрасте Луиса Ву вполне могла наскучить жизнь, и общество чужих было для него просто необходимо.

Скутеры набрали высоту, следуя за рельефом местности.

— Меня интересует его точка зрения, — сказал

Луис. — Мы находимся в чужом, необычном месте и чтобы понять, что здесь вообще происходит, нужно как можно больше различных мнений.

Тила согласно кивнула: хорошо сказано! Луис подмигнул ей в ответ. Говорящий наверняка не заметил обмена этими знаками, свойственными только людям.

— Мне не нужен кукольник, чтобы объяснить то, что происходит вокруг. Мои глаза, мой нос и мои уши вполне меня устраивают.

— Возможно. Но тебе нужен “Счастливый Случай”. Он всем нам нужен.

— Это — выгода, а честь главнее выгоды.

— Ненис! Но ведь “Счастливый Случай” нужен не тебе или мне, он нужен всем людям и кзинам.

— Даже если прибыль принадлежит не только тебе, ее нельзя ставить выше чести.

— Моей чести ничто не грозит.

— Я в этом не уверен, — сказал кзин и выключил интерком.

— Очень полезная вещь этот выключатель, — язвительно заметила Тила. — Я так и знала, — что он отключится.

— Я тоже. Трудно же его убедить!

За горами расстилалось бескрайнее море туч. Скутеры летели над матово-серой поверхностью,

а над ними на светло-голубом небе чуть вырисовывалась дуга Кольца.

Горы остались позади, а вместе с ними — окруженное лесом озерко с водопадом. Больше они его никогда не увидят.

Внизу, на клубящемся ковре туч, было хорошо видно, как вслед за ними движется ударная волна. Впереди только одна деталь нарушала бесконечную, спокойную серость. Луис решил, что это либо гора, либо огромная, невероятно удаленная от них воздушная аномалия. Это “что-то” было размером с булавочную головку, если держать ее в вытянутой руке.

— Луис, справа перед нами просвет среди туч, — сказал кзин.

— Я вижу.

— Он очень светлый, как будто солнечный свет отражается от земли.

— Действительно, — края просвета сияли ярким блеском. — Гмм… Может, мы снова летим над обнаженной конструкцией Кольца? Если так, то это самая большая плешь.

— Я хотел бы взглянуть на это поближе.

— Хорошо, — согласился Луис. Серебристая точка резко повернула и помчалась вперед и вправо, по направлению вращения Кольца. При

скорости, в два раза превосходящей скорость звука, Говорящий едва успел кинуть взгляд на открытый участок.

Перед Луисом встала непростая проблема: на что, собственно, смотреть? На серебряную точку или на маленькую оранжевую головку над пультом управления? Если первое было реальным, то второе — более четким. Из обоих источников можно было получить информацию, правда, несколько различную.

Кончилось тем, что Луис стал смотреть и на то, и на другое.

Серебряное пятнышко влетело в просвет… и в интеркоме раздался испуганный рык кзина. Скутер Говорящего засветился интенсивными вспышками, похожими по цвету на его оранжевое лицо. Он отчаянно зажмурил глаза, широко открыл рот и кричал, кричал…

Затем образ обрел прежнюю четкость — скутер кзина вновь оказался над слоем туч. Говорящий закрывал лицо руками, а мех, когда-то оранжевый, был опален до самой кожи.

Внизу, на серо-бурой поверхности виднелся яркий круг, словно следом за скутером перемещался сноп света от огромного прожектора.

— Говорящий! — крикнула Тила. — Ты ви-

дишь?

Кзин открыл лицо. Единственным местом, где мех остался нетронутым, были широкие круги вокруг глаз. От всего остального меха осталось только воспоминание и обугленные остатки. Кзин открыл глаза, закрыл, снова открыл.

— Я ослеп, — сказал он.

— Да, но хоть что-то ты видишь?

Потрясенный и испуганный, Луис не заметил ничего странного в этом настойчивом вопросе. Однако какая-то часть его мозга отметила тон Тилы: беспокойство, а кроме того — убежденность, что Говорящий ответил как-то не так, и что нужно спросить еще раз.

Сейчас на это не было времени.

— Говорящий, переключи управление на мой скутер! Нам нужно где-то укрыться.

— Сделано, — отозвался кзин через минуту. По его голосу было ясно, что он испытывает страшную боль. — О каком укрытии ты говоришь?

— В горах.

— Нет, так мы потеряем слишком много времени. Я знаю, что меня атаковало. Если я прав, то мы в безопасности до тех пор, пока находимся над тучами.

— Да?

— Ты сам убедился в этом.

— Тебя нужно полечить.

— Верно, но сначала нужно найти безопасное место, где можно приземлиться. Опускайся там, где облака погуще.

Под толстым слоем туч было довольно темно, однако немного света доходило даже сюда.

Они летели над бесконечной равниной, поросшей редкими растениями. Одиночными растениями, расположенными на равных расстояниях друг от друга. У каждого из них был один цветок, и каждый цветок поворачивался следом за Луисом Ву. Необычайно молчаливая и внимательная публика.

Луис приземлился возле одного из растений и вылез из скутера. Цветок был величиной с человеческое лицо, с наружной стороны он имел целую массу жилистых выпуклостей, похожих на сухожилия или мышцы, а внутренняя поверхность была гладкая и полированная — являя слегка вогнутое зеркало. В центре был короткий столбик с зеленым наростом на конце.

Все цветы смотрели прямо на Луиса, купая его в своем блеске. Он знал, что они пытаются его убить и беспокойно взглянул вверх: к счастью, тучи были на своем месте.

— Ты был прав, — сказал он в свой коммуникатор. — Это солнечники Славера. Если бы не тучи, мы были бы мертвы в тот момент, когда оказались над этой низменностью.

— Не думаю. Местность здесь ровная, солнечники не могут как следует сконцентрировать свои лучи, но все равно, светят убийственно.

— О, лапы финагла, что с вами? — забеспокоилась Тила. — Луис, нужно быстрее садиться! Говорящий ранен и страдает.

— Это. правда, Луис.

— Значит, придется рискнуть. Ладно, вылазьте. Будем надеяться, что ветер не разгонит тучи.

С минуту Луис прохаживался между цветами. Все было так, как он и предполагал: в королевстве солнечников не было никого, кроме них. Ничто не росло, ничто не летало, ничто не рылось в испепеленной почве. На самих солнечниках не было паразитов и болезней: если один из них заболевал, остальные тут же его сжигали.

Зеркальный цветок был оружием страшной силы. Его основной задачей была концентрация солнечных лучей на том самом нарасте в центре, где шел процесс фотосинтеза. Однако он мог концентрировать эти лучи и на животном или насекомом, мгновенно сжигая их. Все живое

было врагом растения, существующего благодаря фотосинтезу, и потому все живое превращалось в удобрения для солнечников.

“Но откуда они взялись здесь, — задумался Луис. — Они же не могут сосуществовать с какой-либо другой формой жизни — для этого они слишком мощны. Следовательно, они происходили не с родной планеты строителей Кольца”.

Мифические Инженеры наверняка посещали разные планеты в поисках полезных и декоративных растений. Возможно, они добрались и до Серебряноглазой, которая была сейчас уже в пределах известного Космоса. И, возможно, решили, что солнечники весьма красивы.

Но они должны были отгородить их какой-нибудь изгородью — любой дурень сделал бы именно так. Высокая изгородь и пояс обнаженной конструкции Кольца — это бы их удержало.

Только вот не удержало. Хватило одного зерна. Трудно сказать, насколько большую площадь они сейчас занимают. Это должно было быть именно то “серебряное пятно”, которое они заметили вместе с Нессом.

Луис содрогнулся. Насколько хватало глаз, единственными живыми существами были солнечники. Кто знает, не покроют ли они

когда-нибудь все Кольцо. Впрочем, на это им понадобится много времени. Кольцо огромно. Достаточно огромно, чтобы на нем разместились самые разные вещи.

Глава 15. ЗАМОК ИЗ СНОВИДЕНИЙ

— Луис! — вырвал его из задумчивости голос Говорящего с Животными. — Возьми из моего скутера устройство для копания и сделай укрытие для нас. Тила, займись моими ожогами.

— Укрытие?

— Да. Мы должны закопаться, как звери, и дождаться ночи.

— Ну конечно, — Луис взял себя в руки. Об этом должен был подумать он сам, а не тяжело обожженный кзин. Малейшая дыра в тучах, и им конец. Солнечникам хватит секунды солнечного света. А вот ночью…

Осматривая скутер Говорящего, Луис старался как можно меньше смотреть на кзина. Ему вполне хватило первого взгляда. Почти все тело кзина покрывала обугленная шерсть. Там, где кожа потрескалась, виднелось живое красное мясо. Невыносимый запах паленой шерсти лез в ноздри.

Наконец Луис нашел “слегка усовершенствованный” дезинтегратор Славера — двуствольное ружье с овальным прикладом. Рядом лежал лазер, при виде которого Луис кисло улыбнулся. Хорошо, что кзин не приказал стрелять в солнечники из лазера. Потрясенный Луис наверняка послушался бы, и тогда…

Он взял оружие и быстро отошел в сторону, устыдившись своей слабости. Раны Говорящего жгли его огнем. Тила, которая ничего не знала о боли, могла помочь кзину гораздо лучше.

Он надел респиратор и направил ствол на землю под углом в тридцать градусов. Время не слишком торопило, поэтому он нажал только один спусковой крючок.

Отверстие росло быстро, хотя Луис не мог видеть, насколько, потому что оказался в центре густого облака пыли. С места, на которое падал луч, дул маленький ураган, и Луису, чтобы устоять, пришлось широко расставить ноги.

Земля и скалы, вдруг лишенные связующих их сил, окружали его туманом моноатомной пыли. Луис мысленно благословил маску.

Наконец он выключил дезинтегратор. Зияющая в земле яма выглядела достаточно большой, чтобы поместить всех троих и скутеры.

“Так быстро! — удивленно подумал он. — Интересно, сколько бы это заняло времени, если воспользоваться обеими лучами”. Но тогда началось бы внезапное движение электрического тока, если воспользоваться эвфемизмом Говорящего, а в данный момент Луис не стремился к развлечениям.

Тила и кзин уже спустились со своих скутеров. Кожа кзина была теперь совершенно голой, красно-фиолетовой, в трещинах, за исключением большого куска на седалище и узких полос вокруг глаз. Тила брызгала на Говорящего чем-то пенящимся и белым.

Смрад паленой шерсти и горелого мяса не позволил Луису подойти ближе.

— Готово, — сказала Тила.

Кзин посмотрел на Луиса.

— Я снова вижу, Луис.

— Это хорошо, — он боялся, что окажется иначе.

— Это военные лекарства, они гораздо сильнее, чем обычные, — забормотал Говорящий с Животными. — Откуда это у него? Ведь кукольники не имеют дела с военным снаряжением, — в голосе кзина слышался гнев, вероятно, он подозревал какой-то подвох. И возможно, был прав.

— Я соединюсь с Нессом, — сказал Луис, осторожно огибая Тилу и кзина. Говорящий был с ног до головы покрыт белой пеной. Неприятный запах исчез.

— Я знаю, где ты, Несс.

— Отлично. И где же?

— За нами. Исчезнув из виду, ты описал дугу и оказался за нашими спинами. Тила и Говорящий ничего об этом не знают.

— Но, надеюсь, они не думают, что кукольник будет прокладывать им дорогу?

— Полагаю, лучше, чтобы они думали именно так.

— Они согласятся, чтобы я снова присоединился к вам?

— Не сейчас. Может, попозже. Послушай, что произошло… — и Луис рассказал кукольнику о поле солнечников. Он со всеми подробностями описывал ожоги кзина, когда плоская голова кукольника исчезла из поля зрения камеры интеркома.

Луис подождал некоторое время, после чего выключил интерком. Несс наверняка скоро очнется от кататонии. Для него слишком важна его собственная жизнь.

До конца дня оставалось десять часов, и все это время они просидели в яме.

Кзин, по большей части, спал. Они помогли ему спуститься в укрытие и дали снотворное. Белая пена, покрывающая его тело, загустела, и теперь кзин напоминал мягкую резиновую подушку.

— Единственный резиновый кзин в мире, — сказала Тила.

Луис пытался уснуть, и несколько раз это ему почти удавалось, но потом он просыпался от того, что ему снилось, будто среди солнечного дня на него наползает черная тень огромного прямоугольника.

Проснулся он весь в холодном поту. Если бы он встал спросонья, чтобы осмотреться, солнечники сожгли бы его на месте! Однако тучи висели на своих местах, мешая грозным цветам явить свою мощь.

Наконец начало темнеть, и Луис принялся будить своих товарищей.

Они летели ниже облаков: нужно было все время следить за солнечниками. Если бы к рассвету оказалось, что цветы еще под ними, пришлось бы быстро приземляться и готовить себе новое укрытие.

Время от времени Луис опускался еще ниже,

чтобы разглядеть местность получше.

Час спустя солнечники начали редеть, потом появилась широкая полоса, на которой цветы только что взошли среди головешек недавно сожженных деревьев; сами они не могли справиться даже с буйной, рвущейся к свету, травой. А потом они исчезли совсем, и Луис наконец-то смог поспать.

Спал он так крепко, словно кто-то подсыпал в его пищу наркотики, а когда проснулся, была еще ночь. Он огляделся по сторонам и немного вправо по курсу заметил мерцающий огонек.

Еще не придя в себя после глубокого сна, он подумал, что это, наверное, светлячок, сидящий на невидимой поверхности звукопоглощающего барьера, или что-нибудь в этом роде. Он протер глаза.

Тогда он вызвал Говорящего.

Огонек рос на глазах. На фоне погруженной в темноту поверхности Кольца он казался ярким, как луч солнечного света. Наверняка это были не солнечники. Ночью их не видно.

“Может быть, дом, — подумал Луис. — Только откуда такая иллюминация?” Кроме того, если бы это был только дом, он бы мелькнул перед ними и исчез. При такой скорости пересечение Северной

Америки заняло бы у них два с половиной часа.

Огонек, теперь уже точно справа, медленно перемещался назад. Говорящий по-прежнему не отвечал.

Луис усмехнулся и покинул строй. Флотилия, ведомая теперь кзином, состояла уже только из двух скутеров. Луис повернул в сторону экипажа Говорящего.

Ударные волны рисовали причудливые узоры на облаках. Скутер кзина и его серая фигура, похожая на духа, казались пойманными в сеть неэвклидовых линий.

Оказавшись совсем рядом с ним, Луис посветил прожектором, и дух ожил. Луис осторожно ввел свой скутер между кзином и таинственным огоньком и снова посветил.

— Да, Луис, — сказал голос кзина. — Я вижу какой-то свет справа — и сзади.

— Взглянем на него?

— Охотно, — и кзин вошел в широкий вираж.

Они кружили в темноте, словно любопытные маленькие рыбки, трогающие носами тонущую бутылку. Таинственный огонек оказался замком десятиэтажной высоты, висевшим в тысяче футов над землей и освещенным, как пульт управления какой-нибудь древней ракеты.

За огромным панорамным окном, которое одновременно было стеной, частью пола и потолка, находилось помещение размером с концертный зал. В центре приподнятый участок пола окружал лабиринт столов и стульев. Пятидесятифутовое пространство между полом и потолком было, совершенно пустым, если не считать абстрактной скульптуры из проволоки.

Протяженность и доступность пространства на Кольце по-прежнему удивляла их. На Земле одним из самых страшных преступлений было управление скутером без включенного автопилота. Падающий экипаж попросту ДОЛЖЕН БЫЛ кого-нибудь убить, независимо от того, где он упал. Здесь же они имели дело с тысячами миль полной пустоты, зданиями, летающими над городами, и залами, достаточно высокими, чтобы не пришлось пригибаться даже гостям с ростом в пятьдесят футов.

Под замком лежал город. Темный, без единого огонька. Говорящий промчался над ним, как охотящийся ястреб, осматриваясь в бледном полусвете Арки Неба. Вернулся он с сообщением, что город весьма похож на Зигнамукликлик.

— Нужно осмотреть его днем, — сказал он. — Думаю, что этот замок весьма важен. Он мог

простоять, не изменяясь с момента упадка цивилизации.

— У него должен быть собственный источник энергии, — думал вслух Луис. — Интересно, почему? В Зигнамукликлике мы не видели ничего подобного.

Тила направила свой скутер прямо под летающее здание. Глаза ее расширились от восхищения.

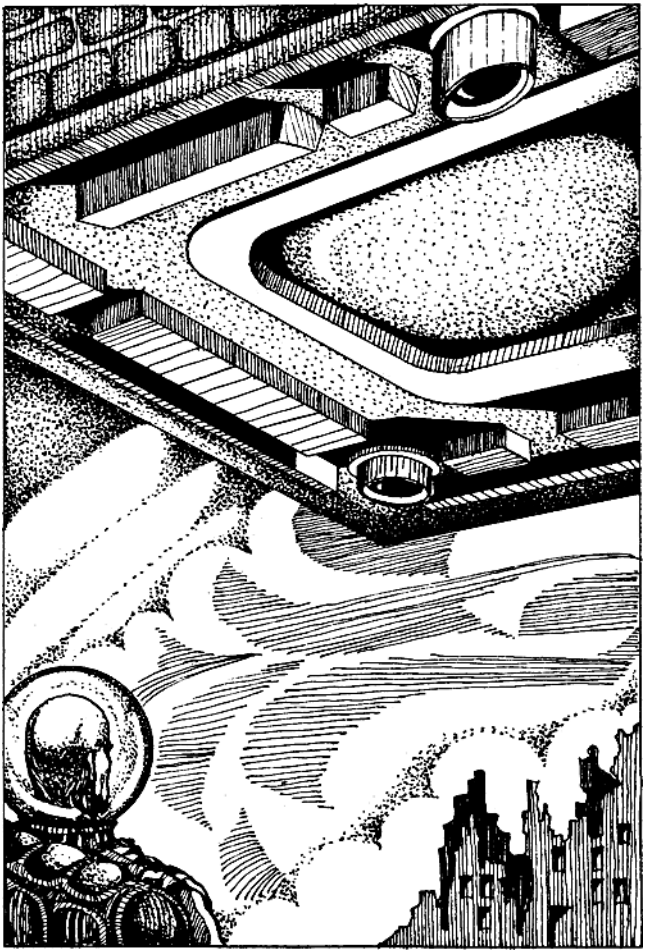
— Луис, Говорящий! — позвала она. — Смотрите!

Они не задумываясь полетели за ней. Когда Луис приблизился к ее скутеру, то почти физически ощутил тяжесть, висящую над головой.

Вся нижняя сторона замка была покрыта окнами и состояла из стыкующихся между собой под самыми разными углами стен, выступов, углов. Не могло быть и речи о посадке этой мощной конструкции. Кто ее построил? И почему именно таким способом? Бетон и сталь, сплетенные между собой самым причудливым образом… Как то, ненис, не рассыпалось на части? Желудок Луиса предостерегающе сжался, но он стиснул зубы и вместе с Тилой медленно пролетел под зданием, превосходящим своей массой большой пассажирский лайнер.

Тила обнаружила удивительную вещь: большой, ярко освещенный бассейн в форме ванны. Его прозрачное дно и стены граничили только с открытым воздухом, за исключением одной, которая соединялась с чем-то вроде бара… а может, салона… Трудно было что-то утверждать, глядя сквозь две искажающие свет стены. Бассейн был сухим, а на дне его лежал огромный скелет, слегка напоминающий скелет бандерснача.

— Они держали в домах довольно больших зверей, — заметил Луис.



— Это бандерснач джинксов? — спросила Тила. — Мой дядя много охотился и сделал комнату трофеев внутри скелета бандерснача.

— Они встречаются на многих планетах. Некоторые даже их едят. Я бы вовсе не удивился, если бы оказалось, что они населяют всю Галактику. Не знаю только, почему их привезли СЮДА?

— Для развлечения, — просто сказала Тила.

— Думаю, это шутка, — бандерснач напоминал гибрид Моби Дика с гусеничным бульдозером.

“Хотя, — подумал Луис, — почему бы и нет? Строители Кольца наверняка посетили много планет, чтобы выбрать формы жизни, которые хотели бы видеть на своем детище.

Впрочем, неважно. Лучше всего направиться прямо к краю. Никаких исследований, никаких открытий. Они уже преодолели расстояние, которое позволило бы им обогнуть Землю раз шесть или семь. Красные глаза финагла, как много здесь можно было открыть!

Чужие формы жизни. (Пока неопасные).

Солнечники. (Освещенный ими кзин, и рык боли в интеркоме).

Бандерсначи. (Разумные и опасные. Наверняка здесь были такие же. Бандерсначи везде одинаковы).

А смерть? Смерть тоже везде одинакова”.

Они еще раз облетели замок, отыскивая вход. Да, окон было много — четырехугольники, восьмиугольники, круги, эллипсы и просто большие бесформенные плоскости — но все они были закрыты. Они нашли док для летающих экипажей с чем-то вроде разводного моста, на котором можно было сесть, но мост, как это обычно бывает с разводными мостами, был поднят. Они нашли спиральную лестницу в несколько сотен футов, свешивающуюся вниз, как оборванная пружина кровати, и заканчивающуюся в воздухе. Какая то могучая сила оборвала ее, оставив скрученные стальные балки и выщербленный бетонный край. На другом конце их ждали наглухо закрытые двери.

— Клянусь финаглом, я разобью какое-нибудь окно! — воскликнула разозленная Тила.

— Стой! — крикнул Луис, уверенный, что она так и сделает. — Говорящий, сделай это дезинтегратором. Нам нужно войти внутрь.

В свете, льющемся из большого панорамного окна, кзин вынул дезинтегратор Славера.

Луис, пользуясь этим инструментом на поле солнечников, включил только один луч, нейтрализующий отрицательный заряд электронов.

Здесь этого тоже вполне бы хватило. Однако, можно было догадаться, что Говорящий все равно использует оба.

Две удаленные друг от друга на несколько дюймов точки внезапно приобрели противоположные заряды: возникла разница потенциалов.

Вспышка была ослепительной. Луис сжал веки, пытаясь сдержать слезы и прогнать боль. Одновременно со светом ударил оглушительный даже сквозь звукопоглощающий барьер раскат грома. В тишине, наступившей после этого, Луис почувствовал, как на его затылке, плечах и верхней стороне ладоней оседают мелкие, едкие частицы. На всякий случай он все еще не открывал глаз.

— Ты должен был это проверить, — сказал он.

— Совсем неплохо действует. Это нам еще пригодится.

— Всего наилучшего, дружок. Только не целься из этого в папочку, а то папочка может рассердиться.

— Я не вижу поводов для шуток, Луис.

Наконец, глаза Луиса снова обрели способность видеть. Он сам и его скутер были покрыты слоем стеклянной пыли. Силовое поле задержало разлетевшиеся частицы, чтобы потом позволить им постепенно упасть и остаться на всех хотя бы

слегка горизонтальных плоскостях.

Тем временем Тила уже входила в огромное помещение. Не колеблясь, они последовали за ней.

Луис просыпался постепенно, испытывая почти уже забытое чувство комфорта. Он лежал на чудесной мягкой поверхности, положив голову на руку, которая совершенно одеревенела.

Повернувшись навзничь, он открыл глаза.

Он лежал в постели, глядя на высокий белый потолок. Твердый предмет, упиравшийся ему в ребра, оказался ступней Тилы.

Все верно. Ночью они нашли эту кровать, огромную, как аэродром, в необъятной спальне, занимающей то, что в любом здании, стоящем на земле, можно было бы назвать подвалом.

Прежде чем попасть туда, они повидали множество чудес.

Замок действительно был замком, а не просто стилизованным отелем. Банкетный зал с пятидесятифутовым окном уже сам по себе был чем-то необычайным. Расставленные в нем столы окружали центральный, округлый подиум, на котором стояло одинокое богато украшенное кресло с высокой спинкой. Вскоре Тиле удалось найти способ, позволявший подниматься вместе с креслом в воздух, и привести в действие устрой-

ство, усиливающее голос того, кто его занимал, почти до ураганного рева. Кресло могло еще и вращаться — при этом вращалась и висевшая над ним скульптура.

Сделана она была из проволоки и состояла в основном из воздуха. Все это казалось великолепной абстракцией, пока Тила не поставила ее под определенным углом. Тогда оказалось, что она изображает голову совершенно лысого мужчины.

Был ли он туземцем, членом общества, в обычаях которого было бритье лиц и голов? А может, представителем иной расы, живущей на противоположной стороне Кольца? Ничто не указывало на то, что они когда-нибудь узнают это. Одно было ясно — правильное симпатичное лицо принадлежало человеку, причем человеку, привыкшему приказывать.

Луис смотрел вверх и старался запомнить это лицо. Тяжесть ответственности покрыла его многочисленными морщинами и отягчила глаза отвисшими мешками. Художнику каким-то необычным способом удалось передать эти детали в почти невесомой, обозначенной лишь несколькими линиями скульптуре.

Вероятно, замок был резиденцией правитель-

ства. Все указывало на это — трон, банкетный зал, необычные окна и, наконец, сам замок, снабженный независимым источником энергии. Но для Луиса самым важным было это лицо.

Они начали осмотр. Этажи соединялись дивно украшенными лестничными маршами, однако лестницы не двигались, поэтому небольшая экспедиция отправилась вниз, чтобы не утомлять себя подъемом. В самом низу они нашли спальню.

Бесконечные дни и ночи, проведенные в креслах скутеров, поспешная любовь, когда они позволяли себе роскошь приземлиться — все это привело к тому, что вид кровати подействовал на Луиса и Тилу почти гипнотически. Они остались в спальне, а кзин пошел дальше один.

Трудно было сказать, много ли еще удалось ему обнаружить.

Луис приподнялся на локте. В онемевшую руку медленно возвращалась жизнь, но он старался пока не шевелить ею. В антигравитационной кровати это совершенно невозможно, подумал он Впрочем, хорошо, что есть хотя бы такая…

За одной из стеклянных стен спальни был высохший бассейн и белый скелет огромного бандерснача смотрел на Луиса пустым! — черными

глазницами. Через такую же прозрачную стену по другую сторону спальни был виден город, раскинувшийся в тысяче футов под ними.

Луис прополз по кровати и упал на пол, устланный мягким ковром, цвет которого довольно неприятным образом напомнил ему бороды туземцев. Добравшись до окна, Луис выглянул наружу.

(Что-то нарушало остроту видения, будто слабое мерцание стереовизионного изображения. Он не осознал этого до конца, и все же это раздражало).

Под белым бесформенным небом город переливался всеми оттенками серости. Большинство зданий были достаточно высоки, но несколько из них затмевали своими размерами все остальные: их крыши поднимались выше основания летающего замка. Когда-то это было не единственное летающее здание — тут и там виднелись руины конструкций, весивших тысячи тонн.

Однако этот нереальный, как будто перенесенный из сна, замок имел свой собственный источник энергии. И в нем была спальня, достаточно большая, чтобы устроить в ней приличную оргию, с окном, через которое хозяин мог видеть своих подданных, как маленьких мошек, каковы-

ми они и были в действительности.

Что-то едва заметное мелькнуло по ту сторону стекла.

Нить. Она зацепилась за торчащий карниз, но все еще падала с неба. Вероятно, она падала все время, пока он смотрел на город, вызывая то самое слабое мерцание.

Понятия не имея, что бы это могло быть, Луис просто отметил необычное явление, как очередную загадку. Он лежал нагишом на мохнатом ковре и разглядывал бесконечно падающую нить. Он чувствовал себя в безопасности и хорошо отдохнул, пожалуй, впервые с тех пор, как на “Лгуна” обрушился ливень лазерного огня.

Черная нить падала на город огромными петлями. Она была довольно тонка, и разглядеть ее можно было с трудом. Как оценить ее длину? А как сосчитать хлопья снега в бушующей метели?

И в этот момент Луис понял, что это такое.

— Рад снова видеть тебя, — сказал он, чувствуя, что внутри у него все холодеет.

Это была нить, соединяющая черные прямоугольники. Та, которую они порвали.

В поисках завтрака Луис прошел пять этажей.

Разумеется, он не надеялся, что кухня будет работать. Он хотел попасть в банкетный зал, но

ненароком зашел на кухню.

Это подтвердило его раннее предположение. Владыка является настоящим владыкой только тогда, когда имеет слуг — здесь их когда-то было без счета. Кухня была просто чудовищных размеров. Требовалась целая армия поваров, поварят, лакеев и мойщиков посуды, чтобы приготовить обед, подать его в банкетный зал, убрать посуду, вымыть ее, высушить…

Он нашел корзины для овощей, а в них — пыль и какие-то почерневшие, засохшие остатки. Нашел морозильную камеру, где когда-то висели туши мяса и которая сейчас была пустой и теплой. Нашел большой холодильник, все еще действующий. Возможно, часть продуктов, стоявших на его полках, все еще годилась в пищу, но Луис предпочел не рисковать.

Однако он нигде не нашел воды. Краны были сухими.

Кроме холодильника, он не заметил ни единой машины или устройства, более сложного, чем автомат у дверей. В кухне не было ни регуляторов, ни термометров, нигде он не видел ничего похожего на жаровни и духовки. С потолка свисали связки высохших клубней, похожих на луковицы — приправы? Может, их использовали целиком?

Он уже хотел выйти, но напоследок еще раз окинул взглядом все помещение, и это позволило ему сделать важнейшее открытие.

Когда-то это была вовсе не кухня.

Но что же тогда? Склад? Стереозал? Вполне возможно. Одна из стен была совершенно гладкой, покрашенной более свежей, чем остальные, краской, на полу можно было заметить следы от кресел или диванов, когда-то стоявших там.

Когда-то здесь мог быть роскошный проекционный зал. Потом аппаратура испортилась и не было уже никого, кто знал бы, как ее исправить. Потом то же самое случилось с автоматической кухней.

Тогда зал переделали в обычную кухню, обслуживаемую людьми. Наверняка их становилось все больше и больше, по мере того, как портились сложные автоматические устройства. Продукты доставляли наверх летающие грузовики..

А что произошло, когда и они один за другим вышли из строя?

Луис вышел.

Наконец, ему удалось попасть в банкетный зал, и вместе с тем — к единственному источнику пищи. Там он и съел завтрак, состоявший из обычного кирпичика.

Он уже заканчивал, когда в зал вошел Говорящий с Животными.

Кзин, должно быть, умирал от голода. Он молча направился к своему скутеру, проглотил три кровавых кирпичика и только тогда обратился к Луису.

Он уже не был “резиновым кзином”. За ночь белая пенорезина закончила свое лечебное действие и отвалилась, обнажив здоровую розовую кожу, конечно, если считать, что кожа здорового кзина должна быть именно розовой. Только местами виднелись серые утолщения свежих шрамов и фиолетовая сетка жил.

— Иди за мной, — приказал кзин. — Я нашел комнату карт.

Глава 16. КОМНАТА КАРТ

О важности этого помещения говорило уже то, что оно располагалось на самом верху замка. Луис тяжело дышал, утомленный подъемом — ему приходилось здорово напрягаться, чтобы не остаться позади. Правда, кзин не бежал, но шел гораздо быстрее, чем обычно ходит человек.

Когда Луис поднялся на последнюю ступеньку, Говорящий как раз открывал большую двойную

дверь у вершины лестницы.

Через проем Луис заметил горизонтальный чернильно-черный пояс шириной около восьми дюймов, находившийся в трех футах от пола. Машинально он поднял взгляд в поисках такого же пояса, только светло-голубого цвета с прямоугольными черными тенями, и нашел его.

Стоя в дверях, он осмотрелся по сторонам. Миниатюрное Кольцо занимало почти все помещение диаметром около ста двадцати футов. Внутри макета был большой прямоугольный экран, установленный на вращающейся оси. В данный момент он был повернут к двери обратной стороной.

Вдоль стены размещались десять вращающихся шаров, отличавшихся друг от друга размерами и скоростью вращения. Все они имели одинаковый голубовато-зеленовато-белый цвет, характерный для планет земного типа. Под каждым из шаров находилась карта его поверхности в конической проекции.

— Я провел здесь всю ночь, — сказал кзин. — Мне нужно многое показать тебе. Иди сюда.

Луис хотел уже проползти на четвереньках под миниатюрным Кольцом, но в последний момент остановился, осененный неожиданной мыслью.

Тот человек с гордым лицом, чье изображение украшало банкетный зал, наверняка не сделал бы этого, даже если бы находился в этом святом месте совершенно один. Луис двинулся прямо на Кольцо и прошел сквозь него, не чувствуя ни малейшего сопротивления: это была только проекция.

Он занял место рядом с кзином.

Прямоугольный экран окружали управляющие механизмы. Все ручки — большие, массивные — были сделаны из серебра, и все изображали головы животных. Все стенки и плоскости проникали друг в друга богато украшенными арками. Слишком красиво, подумал Луис. Неужели декаданс?

Экран действовал. Изображение напоминало вид на Кольцо из района черных прямоугольников.

— Я уже пользовался этим раньше, — сказал кзин. — Если не ошибаюсь… — он коснулся одной из ручек, и изображение метнулось им навстречу так быстро, что рука Луиса рефлекторно потянулась к несуществующей рукояти управления кораблем. — Я хочу показать тебе край Кольца. Ррр… чуть в сторону… — он коснулся другой резной головки, и изображение переместилось.

Перед ними был край огромной конструкции.

Где-то должны были стоять телескопы, благодаря которым они могли наблюдать за этим зрелищем. Но где? Неужели на черных прямоугольниках?

Они смотрели сверху вниз на стены тысячемильной высоты. Изображение все время увеличивалось, не теряя при этом четкости. Сразу за горами открывалась черная пропасть Космоса.

Наконец Луис заметил линию серебряных точек, тянущуюся вдоль исполинского хребта. Этого ему хватило.

— Линейный ускоритель.

— Точно, — сказал Говорящий с Животными. — При отсутствии трансферных кабин это единственный способ перемещаться на такие расстояния. Наверняка именно на этом основывалась их система коммуникаций.

— Но он на высоте в тысячу миль. Лифты?

— Да. Шахты вдоль всего края. Например, вон там.

Тем временем линия точек увеличилась до размеров маленьких колец, размещенных через равные промежутки и наверняка невидимых снизу, поскольку их заслоняли колоссальные вершины. У одного из колечек можно было заметить

тоненькую ниточку шахты лифта, исчезавшую в раскинувшемся ниже вершины слое облаков.

— Кольца явно гуще в районе лифтов, — сказал кзин. — Очевидно, они были нужны только для старта, приземления и сообщения направления. Происходило это, видимо, так: экипажу придается скорость свободного падения, затем он выбрасывается за край Кольца с относительной скоростью семьсот семьдесят миль в секунду, после чего тормозит у очередного кольца.

— Таким способом дальние путешествия могли длиться дней десять, не считая разгона и торможения.

— И что с того? Чтобы добраться до Серебряноглазой — вашей самой удаленной от Земли планеты — тебе нужно шестьдесят дней, а пересечение всего известного космоса заняло бы в четыре раза больше времени.

— Это правда. А здесь места больше, чем во всем известном космосе. Они построили это для того, чтобы иметь как можно больше пространства. Ты заметил какие-нибудь следы активности? Они еще пользуются этим ускорителем?

— Это не имеет значения. Смотри внимательно.

Изображение дрогнуло, резко двинулось, потом

начало увеличиваться. Была ночь. Темные облака плыли над погруженной в темноту землей, а потом…

— Огни! Огни города… — Луис громко проглотил слюну. Честно говоря, такого он не ожидал. — Значит, не все погибло, и мы сможем получить помощь.

— Я бы не очень надеялся на это. Их будет нелегко найти, а кроме того…

— Что это? О, черные мысли финагла!

Замок, явно ИХ замок, величественно плывущий над морем огней. Окна, рекламы, мчащиеся во все стороны разноцветные огоньки летающих машин… Странные, великолепные здания…

— Ненис! Это же записи, старые записи. А я — то подумал, что это прямая передача, — всего несколько успокоительных секунд казалось, что их поиски увенчались успехом. Освещенные города, кипящие жизнью… картины, которые они видели, были наверное, очень старыми. Может, даже такими же старыми, как не существующая уже цивилизация…

— Я тоже так решил прошлой ночью, и начал подозревать правду только тогда, когда мне не удалось найти борозды, пропаханной “Лгуном”. А ведь она длиной в несколько тысяч миль. Я

должен был найти ее даже здесь.

Луис молча потрепал Говорящего по голому розовому плечу. При всем желании он не смог бы достать ни на сантиметр выше.

— Когда мне удалось локализовать наш замок, остальное уже не составило труда. Смотри, — пейзаж начал двигаться с огромной скоростью, не позволяя разглядеть какие-либо детали. Когда он остановился, на экране был огромный черный океан.

Увеличение немного уменьшилось.

— Видишь? На нашем пути находится залив одного из океанов. Сам океан гораздо больше, чем самые крупные на Кзине или Земле. Один его залив сравним с ними по размерам.

— Снова задержка! Мы не сможем над ним пролететь?

— Может, и сможем. Но и там нас ждет преграда не меньше этой, — он снова потянулся к ручке.

— Подожди. Я хотел бы рассмотреть эти острова.

— Зачем? Думаешь, мы могли бы остановиться там для пополнения запасов?

— Нет… Ты заметил, что они собраны в маленькие архипелаги, отделенные друг от друга океаном? Вот здесь… — палец Луиса обвел на

экране небольшое кольцо. — А теперь взгляни на эти карты.

— Не понимаю.

— Ну… эти острова в заливе, и эта карта позади на стене. В конической проекции контуры континентов немного искажены, но… видишь? Десять планет, десять архипелагов. Наверняка масштаб не один к одному, но держу пари, что этот остров не меньше Австралии. А судя по карте, в действительности этот континент был не больше Евразии.

— Что за чудовищная шутка! Луис, это типично для человеческого чувства юмора?

— Нет, нет. Это сантименты. Воспоминания. Вот только…

— Да?

— Я не подумал об этом, а ведь это очевидно. Первое поколение покинуло свои родные планеты, но хотело иметь что-нибудь, напоминающее о них. Спустя три поколения это было уже просто смешно. Так бывает всегда.

Воцарилась тишина. Когда Говорящий убедился, что Луис закончил, он спросил без своей обычной уверенности в голосе:

— Вам, людям, кажется, что вы понимаете кзинов?

Луис улыбнулся и покачал головой.

— Это хорошо, — сказал кзин и сменил тему. — Прошлой ночью я долго разглядывал ближайший космический порт.

Они стали в центре миниатюрного Кольца, заглядывая сквозь прямоугольное окно в далекое прошлое.

А прошлое это было действительно великолепным. Говорящий увеличил на экране изображение космического порта, этакого выступа, торчащего с наружной стороны конструкции. Мягко закругленный, освещенный тысячей окон цилиндр как раз садился в своей электромагнитной колыбели. Поля сверкали пастельными цветами, вероятно, для того, чтобы облегчить операторам управление ими вручную.

— Эта лента идет вкруговую, — сказал кзин. — Я уже посмотрел ее несколько раз. Пассажиры просто входят в стену Кольца, как будто просачиваются через нее.

— Ага, — буркнул Луис без особого энтузиазма. Он вдруг почувствовал сильную усталость. Порт находился далеко перед ними, если смотреть в направлении вращения Кольца. Так далеко, что расстояние, до сих пор преодоленное ими, казалось просто смешным.

— Я видел и старт тоже. Они вовсе не пользуются ускорителем, просто выталкивают корабль в Космос. Точно так, как догадался пожиратель листьев. Помнишь тот закрытый люк? Луис, ты слышишь меня?

Луис очнулся.

— Прошу прощения. Я задумался о том, что наш путь увеличится, по крайней мере, на семьсот тысяч миль.

— Может, нам удастся воспользоваться этим ускорителем на вершине боковой стены?

— Сомневаюсь. Скорее всего, он давно не действует. Цивилизация распространяется только в том случае, если располагает каким-то видом транспорта, который может ей в этом помочь. Впрочем, даже если бы он действовал или нам удалось бы его починить, все равно рядом нет ни одной шахты лифта.

— Это правда, — признал кзин. — Я искал, но ничего не нашел.

На экране тем временем маленькие буксирные корабли подтащили к выходным шлюзам корабля длинные прозрачные туннели, которые вскоре заполнились выходящими пассажирами.

— Может, изменить направление полета?

— Нельзя. Порт по-прежнему остается нашим

основным шансом.

— Правда?

— Ненис, конечно, правда! Кольцо огромно, но это только колония, а на всех колониях центрами цивилизации становятся именно космические порты…

— Поскольку именно туда прибывают корабли с родной планеты. Но ведь строители Кольца либо уничтожили свою, либо покинули ее.

— Но корабли могут прибывать, — настаивал Луис. — Хотя бы с каких-нибудь дальних, забытых планет. Или из прошлого. При таких небольших скоростях наверняка должны возникать расхождения в субъективном времени.

— Ты надеешься найти там космонавтов из прошлого, учащих своих потомков тому, что те уже успели забыть, — буркнул кзин. — Может, ты и прав. Вот только я уже слишком устал, а до порта еще очень далеко. Что еще ты хочешь увидеть?

— Какое расстояние отделяет нас сейчас от “Лгуна”? — неожиданно спросил Луис.

— Я уже сказал тебе, что не смог найти места нашего падений. Так же, как и тебе, мне пришлось бы играть в угадайку. Но зато я знаю, сколько нам еще осталось преодолеть: от замка до края около двухсот тысяч миль.

— Это много… А гора? Ты должен был найти гору.

— Нет.

— Ту большую, Кулак Бога. Мы разбились как раз на ее склоне.

— Я ее не нашел.

— Это мне не нравится. Говорящий, могли мы каким-то чудом сойти с намеченного курса? Ты должен был найти ее, двигаясь от замка в сторону противоположного края.

— Но не нашел, — закончил дискуссию кзин. — Хочешь еще что-нибудь увидеть? На некоторых лентах есть пустые места. Либо они полностью пришли в негодность, либо там есть какие-то тайные области.

— Чтобы это проверить, нам нужно попасть туда.

Внезапно Говорящий с Животными развернул уши, как два оранжевых зонтика, повернулся к двери, припал к полу и прыгнул.

Луис удивленно заморгал. Что случилось? А потом услышал и он…

Принимая во внимание их возраст, машины в замке действовали удивительно тихо. Из-за двойных дверей доносилось приглушенное пофыркивание.

Луис вытащил свой лазер и осторожно вышел из комнаты карт.

Кзина он нашел на вершине лестницы, отложил оружие и вместе с Говорящим стал смотреть на поднимающуюся к ним Тилу Браун.

— Они едут только вверх, — сообщила ему девушка. — Вниз не хотят. А между пятым и шестым этажом вообще не действуют.

Луис выждал некоторое время, затем задал очевидный вопрос:

— Как ты включила их?

— Нужно взяться, за столбик баллюстрады и толкнуть его вперед. Они действуют, только когда ты этого хочешь. Это гораздо безопаснее. Я открыла это совершенно случайно.

— Я думаю. Утром я поднялся пешком на десять этажей. А ты?

— Ни на один. Я как раз шла на завтрак, споткнулась на первой ступеньке, схватилась за столбик и…

— Довольно. Все сходится.

Тила сделала обиженное лицо.

— Я не виновата, что ты…

— Прошу прощения. Ты что, уже позавтракала?

— Нет. Я наблюдала за людьми. Вы знаете, что

под этим замком есть что-то вроде рынка или главной площади?

Уши кзина стали торчком.

— Правда? И там кто-то есть?

— Да. С утра они собираются со всех сторон. Сейчас их уже несколько сотен, — лицо ее расплылось в улыбке. — И все поют.

Во всех коридорах замка были обширные ниши, точнее, альковы, выложенные мягкими коврами, с удобными диванами и столами, предлагая место для еды любому желающему. Одна из таких ниш на самом нижнем этаже замка имела выпуклое окно, занимающее не только стену, но и часть пола.

Луис слегка запыхался после второй за несколько часов прогулки по десяти этажам. Ему очень понравился стол, поверхность которого украшали вырезанные тарелки для супов, мисочки для салатов, бокалы для напитков. Десятки или даже сотни лет интенсивного использования оставили на твердой белой поверхности достаточно отчетливые следы.

— Вероятно, они не пользовались посудой, — вслух подумал Луис. — Клали пищу в эти углубления, а потом мыли весь стол. Это не слишком гигиенично, но… Они не забрали с собой ни

мух, ни москитов, ни волков. Так зачем им было забирать бактерии? Для пищеварения, — ответил он самому себе. — Они необходимы для пищеварения. Хватило бы, чтобы мутировала одна-единственная, и тогда… Тогда ни один организм не сумел бы защититься. Может, именно таким образом погибла цивилизация Кольца? Каждой цивилизации требуется для выживания некое минимальное количество живых представителей.

Тила и Говорящий не обращали на него никакого внимания. Согнувшись у изгиба окна, они смотрели вниз. Луис присоединился к ним.

— Они по-прежнему там, — сказала Тила.

Луис прикинул, что на него смотрит примерно тысяча человек. Они уже не пели.

— Они не могут знать, что мы здесь, — сказал он.

— Может, они поклоняются самому зданию? — предположил кзин.

— Если и так, вряд ли они делают это ежедневно. Мы слишком далеко от края города, и они не успели бы добраться до полей.

— Тогда, возможно, мы попали сюда на какой-то их праздник?

— Или что-то случилось ночью, — вставила

Тила. — Что-то необычное. Например, наше прибытие, если кто-то сумел его заметить. Или ЭТО, — она указала пальцем.

— Я думал над этим, — сказал кзин. — Как долго оно падает?

— По крайней мере, с утра. Совсем, как дождь или какой-то новый вид снега. Это нить, соединяющая черные прямоугольники. Но почему она падает именно здесь?

Луис подумал о шести миллионах миль, отделяющих друг от друга черные прямоугольники… о черной нити именно такой длины, разорванной "Лгуном" и падающей вместе с ним к поверхности Кольца… Ничего странного, что в конце концов они с ней встретились.

Однако сейчас у него не было настроения говорить.

— Случайность, — буркнул он.

— Так или иначе, она, видимо, начала падать прошлой ночью и сейчас ее все больше Что касается замка, то туземцы наверняка и раньше считали его святым местом, хотя бы потому, что он все еще летает.

— Подумайте, — неторопливо сказал кзин. — Если бы именно сегодня появились мифические Инженеры, это восприняли бы как логическое

следствие необыкновенных событий. Луис, может, попробуем разыграть гамбит бога?

Луис хотел ответить, но не мог. Стиснув зубы, он изо всех сил пытался сохранить неизменным выражение своего лица. Может, это ему и удалось бы, но кзин продолжал говорить Тиле:

— Луис считает, что в контактах с туземцами мы должны играть роль строителей Кольца. Ты и Луис были бы аколитами, а Несс — пойманным демоном… впрочем, справимся и без него. Я был бы скорее богом, чем строителем, грозным богом воины, который.

Тила расхохоталась, Луис не выдержал и последовал ее примеру.

Высотой в восемь футов, необычайно широкий в плечах и бедрах, кзин был созданием слишком большим и слишком зубастым, чтобы испугать кого угодно. Пожалуй, наименее импонирующим элементом его внешности был голый крысиный хвост. Сейчас вся его кожа была того же самого цвета — детски-розовой с молочными, толстыми гусеницами подживающих шрамов. Уши на его лишенной шерсти голове торчали, как два зонтика. Сохранившийся оранжевый мех на глазах ассоциировался l маской грабителя, а ниже спины — с носимой для удобства большой волосатой

подушкой.

То, что насмехаться над кзином было так же опасно, как и расхаживать по канату, делало ситуацию еще более забавной. Луис, согнувшись пополам, держался за живот и беззвучно хохотал, не в силах вздохнуть. Он на ощупь пятился назад, надеясь наткнуться на стул.

Нечеловечески большая ладонь сжала его плечо и подняла вверх. Слезящиеся от смеха глаза Луиса впервые в жизни оказались на одном уровне с глазами кзина.

— Луис, ты должен объяснить свое поведение. — услышал он.

Сверхъестественным усилием воли ему удалось на мгновение взять себя в руки.

— Г… г… гро… грозный бог вой… войны… — выдавил он, после чего снова залился смехом. Тила издавала слабые, писклявые звуки.

Кзин поставил его на пол и спокойно ждал, пока оба человека придут в себя.

— В тебе сейчас слишком мало величия, чтобы играть роль бога, — объяснил Луис спустя несколько минут. — Без меха ничего не выйдет.

— Может, они зауважают меня, если я разорву нескольких на куски?

— Тогда они будут поклоняться тебе издалека и

из укрытий, а это нам ничего не даст. Нет, нужно подождать, пока у тебя вырастет новый мех. И даже тогда нам пригодился бы тасп Несса.

— Кукольник недосягаем.

— Но…

— Я сказал, что он недосягаем. Каким образом мы установим контакт с туземцами?

— Тебе придется остаться здесь. За это время осмотри еще раз комнату карт. Тила и я… — Луис посмотрел на нее, как будто увидел впервые в жизни. — Тила, ведь ты еще не была в комнате карт!

— А что это такое?

— В таком случае, ты останешься с Говорящим. Я полечу один. Вы будете слышать меня через коммуникаторы и в случае чего придете на помощь. Говорящий, отдай мне свой лазер.

Кзин пробормотал что-то себе под нос, но спорить не стал. У него еще оставался “незначительно усовершенствованный” дезинтегратор Славера.

На высоте тысячи футов над головами толпы, он услышал, как набожная тишина уступает место удивленному ропоту. Они увидели его — блестящую точку, которая отделилась от одного из окон и начала падать к ним.

Ропот не исчез, только стал немного тише. Луис все время хорошо слышал его.

А потом они начали петь.

— Они страшно фальшивят, — предупредила его перед отправлением Тила. — Голосят каждый по-своему.

Ничего особенного, если после такого предупреждения он был удивлен — они пели гораздо лучше, чем он ожидал.

Их звукоряд явно имел двенадцать ступеней. “Октавный” диапазон, используемый на большинстве населенных людьми планет, тоже был, в принципе, двенадцатизвуковым, но никто его так не воспринимал. Ничего удивительного, что Тиле показалось, будто они фальшивят.

А вот с тем, что они голосили, приходилось мириться. Это была церковная музыка — медленная, величественная, с рефренами, дисгармоничная. Но величественная.

Площадь была огромной, а тысяча людей после трех недель одиночества казалась невероятной толпой, но здесь их могло поместиться раз в десять больше. Благодаря репродукторам они пели бы одним хором, но здесь не было репродукторов. Одинокий мужчина размахивал руками с возвышения посредине, но никто не смотрел на него.

Все смотрели на Луиса Ву.

Если принять все это во внимание, музыка была просто чудесной.

Тила не могла ее оценить. Музыка, которую она знала, звучала в записях стереовизии и проходила через целую систему микрофонов, микшеров, записывающих или усиливающих устройств. С нею можно было сделать все, что угодно — изменить голос, отсечь фальшивые звуки, добавить другие. Тила никогда в жизни не слышала “живой” музыки.

Совсем другое дело — Луис Ву. Он притормозил, чтобы дать необычным тонам добраться до самых удаленных уголков его души. Он отлично помнил большие спевки на обрывах, вздымающихся над Разбитым Городом, в которых пели гораздо более многочисленные хоры, и которые звучали совершенно иначе, прежде всего потому, что в них участвовал он сам. Сейчас он впитывал в себя чужие звуки, находя удовольствие в неровном ритме, в постоянных рефренах, в медленном достоинстве гимна.

Он едва не присоединился к хору. “Не самая удачная мысль”, — буркнул он себе под нос и пошел на посадку.

Возвышение в центральной части площади

играло когда-то роль цоколя. Сверху Луис заметил два следа длиной по четыре фута — все, что осталось от статуи, стоявшей здесь когда-то. Сейчас на возвышении находилось что-то вроде треугольного алтаря; размахивающий руками человек стоял спиной к небрежно собранной конструкции.

Что-то розовое блеснуло над бурыми одеждами… Видимо, он носил какой-то головной убор, может, из розового шелка.

Луис решил приземлиться на самом цоколе, и уже почти касался его поверхности, когда дирижер повернулся к нему лицом. В результате Луис едва не разбил свой скутер.

Это розовое, мелькнувшее у него перед глазами, оказалось голым лысым черепом. Единственная в заросшей и кудлатой толпе лысая голова.

Вытянув перед собой руки, мужчина держал последний звук гимна… держал несколько секунд… после чего дал знак, и пение стихло, еще мгновение доносясь из отдаленных частей площади. В полной тишине мужчина повернулся к Луису.

Он был ростом с Луиса, то есть слишком высок для туземца. Кожа его лица и головы была светлой, почти белой, как у альбиноса с Нашего Дела. Брился он довольно давно и не слишком

острой бритвой: свежая щетина добавляла к этой бледности отчетливую серую тень. В его голосе, когда он заговорил, прозвучала нота укоризны.

— Наконец-то вы прибыли, — перевел автопилот “Лгуна”.

— Мы не знали, что вы нас ждете, — совершенно правдиво ответил Луис. Он не чувствовал себя готовым самостоятельно разыграть гамбит бога. За свою долгую жизнь он уже много раз успел убедиться, что придумать правдоподобную историю, связать друг с другом небылицы дьявольски сложно.

— У тебя волосы на голове, — сказал жрец. — Можно подумать, о Инженер, что твоя кровь не совсем чиста!

Так вот как обстоят дела! Все Инженеры должны быть совершенно лысы, поэтому-то жрец и подражал им, скобля свою нежную кожу тупой бритвой. А может, Инженеры пользовались депиляторами или какими-то другими несложными средствами, ведомые исключительно модой или- чувством эстетики? Лицо жреца не слишком отличалось от скульптуры в банкетном зале.

— Моя кровь тебя не касается, — сказал Луис, отметая эту тему. — Мы направляемся к краю мира. Что ты можешь сказать о нашем пути?

Лицо жреца выразило серо-белое удивление.

— Ты требуешь от меня информации? Ты, Инженер?

— Я не Инженер, — Луис все время держал руку на выключателе силового поля.

Однако жрец удивился еще больше — если это было возможно.

— Тогда почему у тебя почти нет волос? Как ты летаешь? Может, ты выкрал секреты на Небе? Чего ты хочешь от нас? Ты прибыл, чтобы забрать мою паству?

Самым важным казался последний вопрос.

— Мы направляемся к краю. Нам нужна только информация.

— Вы можете найти ее на Небе.

— Не шути так, — посоветовал Луис.

— Но ведь ты сам прибыл с Неба! Я видел своими глазами.

— А, замок! Мы обыскали его, но нашли немногое. Скажи-ка, у Инженеров действительно не было волос?

— Иногда я подозреваю, что они просто брились, как и я. Но твоя кожа кажется естественно безволосой.

— Я пользуюсь депилятором, — Луис посмотрел по сторонам, на море волосатых лиц, полных

обожания. — А что думают они?

— Они видят, что мы разговариваем как равный с равным на языке Инженеров. Я хотел бы, чтобы так было и дальше, если ты не против, — поведение жреца из почти враждебного стало, пожалуй, дружеским.

— Благодаря этому ты укрепишь свое положение? Да, пожалуй, так, — жрец явно боялся, что потеряет свою паству. Любой жрец, чей бог сошел на землю и пытается лично говорить с народом, боялся бы так же. — Они нас понимают?

— Одно слово из десяти.

Автопилот оказался хорошим переводчиком. Луис понятия не имел, говорит ли жрец на том самом языке, на котором говорили в Зигнамукликлике. Если бы он знал это, если бы он знал, чем и насколько отличаются эти языки, то мог хотя бы приближенно определить, когда начался упадок цивилизации Кольца.

— Почему этот замок называется Небом? — спросил он. — Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Легенды говорят о Зриллире, — ответил жрец, — и о том, как он правил землями, лежащими под Небом. На этом цоколе стоял когда-то памятник ему в натуральную величину. Земля давала Небу деликатесы, которые я могу перечис-

лить, поскольку их названия сохранились до сих пор в ритуальных текстах, но их самих ты уже не попробуешь. Нужно ли…

— Нет, спасибо. И что дальше?

В голосе жреца появилась напевность. Наверняка он уже много раз слышал эту историю и много раз ее рассказывал.

— Небо возникло тогда, когда Инженеры создали весь мир и Арку Неба. Тот, кто правит в Небе, правит землей от края до края. Зриллир правил много поколений, швыряя в минуты гнева огненные стрелы. Но однажды пошел слух, что он уже не может их швырять. Народ перестал его слушать, перестал давать продукты, разбил памятник. Когда ангелы Зриллира стали бросать сверху камни, люди только смеялись и прятались.

И вот пришел день, когда народ решил подняться на Небо. Однако Зриллир уничтожил движущиеся лестницы, а его ангелы покинули Небо на летающих машинах.

Потом стали жалеть, что Зриллира больше нет. Небо было вечно затянуто тучами, всходы уничтожал непрерывно падавший дождь. Мы молились о возвращении Зриллира…

— Как по-твоему, сколько в этом рассказе прав-

ды?

— Я считал, что все это неправда, пока не увидел тебя, прибывшего с Неба на летающей машине. Я очень испугался, о Инженер. Быть может, Зриллир решил вернуться и послал вперед своего внебрачного сына, чтобы тот убрал с дороги фальшивых жрецов…

— Я мог побрить себе голову. Это что-то изменило бы?

— Нет. Впрочем, неважно. У тебя были какие-то вопросы?

— Что ты можешь сказать об упадке цивилизации Кольца?

— А разве цивилизация должна пасть?

Луис тяжело вздохнул и отвернулся, чтобы взглянуть на алтарь.

Он занимал центральную часть могучего цоколя и был сделан из темного дерева. На прямоугольной поверхности со слегка загнутыми вверх краями были вырезаны горы, реки и большое озеро. На эти приподнятые края опиралась золотая параболическая арка. Золото местами вытерлось, но шарик, висящий на тонкой нити, был отполирован до блеска.

— Разве цивилизация в опасности? Так много случилось: солнечная проволока, твое прибы-

тие… Это действительно солнечная проволока? Может, солнце тоже собирается упасть на нас?

— Не думаю. Ты говоришь о той проволоке, что падает с утра?

— Да. Наша религия учит, что солнце привязано к Арке необычайно прочной проволокой. Эта проволока прочна — мы знаем об этом. Одна девочка пробовала ее поднять и лишилась пальцев.

Луис кивнул головой.

— Ничего на вас не упадет, — сказал он. “Даже черные прямоугольники, — добавил он мысленно. — Даже если перерезать все нити, и тогда они не столкнутся с Кольцом, а просто удалятся от солнца, остановившись на орбите, соответствующей их скорости. Строители Кольца наверняка сделали так, чтобы эта орбита оказалась внутри их драгоценной конструкции.”

— А может, ты что-то знаешь о транспортной системе на краю? — спросил он без особой надежды и тут же почувствовал — что-то пошло не так. Это было как сигнал, знак приближающейся катастрофы — вот только что?

— Ты не мог бы повторить? — спросил жрец. Луис повторил.

— Эта вещь, которая говорит за тебя, — сказал жрец, — в первый раз сказала… что-то другое.

Что-то о запрещенном…

— Забавно, — буркнул Луис. На этот раз он тоже услышал. Коммуникатор заговорил на совершенно чужом языке, причем гораздо громче, чем раньше.

— Ты пользуешься запрещенной частотой, нарушая… дальше я не помню, — сказал жрец. — Лучше нам закончить разговор. Ты разбудил что-то старое и злое… — жрец замолчал, вслушиваясь в слова, идущие из коммуникатора, который снова заговорил на местном языке.

— …нарушая параграф двенадцатый, касающийся…

То, что сказал после этого жрец, никогда не было переведено.

Коммуникатор вдруг разогрелся докрасна, и Луис мгновенно отшвырнул его в сторону. Маленький огненно-белый диск упал на землю, не причинив никому вреда. Только тогда Луис почувствовал боль, и глаза его наполнились слезами.

С трудом он заметил, что жрец величественно кивнул ему головой. Он ответил тем же жестом, потом — поскольку все время разговора сидел в кресле скутера — слегка коснулся управления и взмыл к Небу.

Оказавшись один, он сморщился в пароксизме боли и произнес слово, которое впервые услышал на Вундерланде из уст человека, только что уронившего кристалл Стейбена тысячелетней древности.

Глава 17. ГЛАЗ ЦИКЛОНА

Скутеры покинули Небо. Они летели чуть ниже серо-стального клубящегося слоя облаков. Он спас им жизнь над полем солнечников, но теперь эти облака действовали на всех угнетающе.

Луис установил на пульте постоянную высоту. Делал он это очень осторожно, поскольку его правая ладонь, покрытая толстым слоем целебной мази, а перед этим, разумеется, обезболенная, весьма напоминала кусок дерева. Некоторое время он разглядывал ее, думая, насколько хуже могло все кончиться, если бы…

Над пультом появилась оранжевая голова Говорящего.

— Луис, разве мы не поднимемся над облаками?

— Мы можем что-нибудь проглядеть. Оттуда ничего не видно.

— Но у нас есть карты.

— А на них обозначены поля солнечников?

— Ты прав, — согласился кзин и выключил свой интерком.

Пока Луис беседовал с бритым жрецом, Говорящий и Тила не теряли времени в комнате карт. Они сделали контурные карты трассы их полета, нанеся на них города, когда-то кипевшие жизнью, которые видели на большом экране.

Значит, кому-то (или чему-то) не понравилось, что они пользуются запрещенной частотой. Кем запрещенной? Когда? Почему? Почему об этом было сказано только теперь? Луис подозревал, что речь могла идти о какой-либо машине вроде лазерного охотника, сбившего “Лгуна”. Возможно, она действовала с перерывами.

Коммуникатор кзина тоже разогрелся докрасна в его ладони. Пройдет несколько дней, прежде чем он сможет снова владеть ею, даже при использовании лучших лекарств из “военного” ассортимента. Сожженной ткани нужно время для регенерации.

Сейчас, когда у них были карты, они летели уже не вслепую. Если цивилизация могла где-то возродиться, то наиболее вероятным местом были крупные метрополии. Зная где их искать, они внимательно изучали бы их с воздуха, выискивая

огни или клубы дыма.

На пульте управления вспыхнул еще один огонек: Несс хотел поговорить. Луис включил интерком и увидел спутанную гриву кукольника и его покрытый нежной кожей хребет, поднимавшийся и опускавшийся в ровном ритме дыхания. На мгновение ему показалось, что кукольник еще не вышел из кататонии или же снова впал в нее, но в этот момент показалась треугольная одноглазая голова.

— Привет, Луис! — пропел Несс. — Что нового?

— Мы нашли летающее здание, — ответил Луис, — с комнатой карт, — и он рассказал кукольнику о замке, названном Небом, о комнате карт, об экране, картах и глобусах, о жреце и его рассказе, и о модели вселенной. Отвечая на очередной вопрос, он подумал, что пора бы задать и свой.

— Кстати, твой коммуникатор действует?

— Нет, Луис. Он разогрелся до белого каления и очень меня испугал. Если бы я так сильно не боялся, наверняка бы на минуту ушел.

— Понятно. Другие тоже не действуют. Мы с Говорящим сожгли ладони, а у Тилы — дыра в багажнике. Знаешь что? Нам нужно изучить местный язык.

— Разумеется.

— Жаль, что этот жрец не знал ничего об упадке древней цивилизации Кольца. У меня была одна идея… — и он познакомил кукольника со своей теорией мутировавших пищеварительных бактерий.

— Это вполне возможно, — сказал Несс. — Если они утратили навыки превращения элементов, им уже никогда не подняться.

— Это почему?

— Посмотри по сторонам, Луис. Что ты видишь?

Луис осмотрелся. Он видел формирующийся перед ним грозовой фронт, холмы, долины, далекий город, двойную вершину, блестящую полупрозрачной серостью конструктивного материала Кольца…

— Сядь в любом месте и начни копать. Что ты найдешь?

— Почву, — сказал Луис. — И что с того?

— А глубже?

— Тоже почву. Скалы. Конструкцию… — и в ту же секунду пейзаж резко переменился. Грозовые тучи, горы, города — один справа, другой сзади, таинственный блеск за несуществующим горизонтом, который мог оказаться морем или

очередным полем солнечников — все вдруг стало искусственным и плоским. Разница между ЭТИМ и настоящей планетой была так же велика, как между резиновой маской и человеческим лицом.

— Если бы ты начал копать на какой-нибудь настоящей планете, — продолжал кукольник, — то рано или поздно наткнулся бы на руду какого-нибудь металла. Здесь, прокопав сорок футов земли, уткнешься в основание Кольца. И это все. Пробиться сквозь него нельзя, а по ту сторону ты нашел бы только пустоту.

Если цивилизация, которая построила Кольцо, хочет на нем жить и развиваться, ей необходима дешевая технология превращения элементов. Если она ее утратит — что ей останется? На Кольце нет никаких минеральных богатств. Ищи хоть миллион лет — ничего не найдешь. Цивилизация должна пасть. И навсегда.

— Когда ты пришел к такому выводу? — спросил Луис.

— Достаточно давно. Это не относилось к тому, что непосредственно влияло на нашу безопасность.

— Значит, ты просто молчал. Ясно. — Сколько же времени Луис ломал над этим голову! А сейчас

все оказалось ясным и простым. Что за ловушка, что за невероятная ловушка для мыслящих существ!

Луис посмотрел вперед, заметив краем глаза, что голова кукольника исчезла с пульта управления. Гроза была все ближе. Звукопоглощающие барьеры, наверняка, справятся с ней, но…

Лучше ее обогнуть, поднявшись повыше. Луис потянул на себя рычаг, и скутеры начали подниматься к непроницаемому слою серых облаков, которые висели над ними с той минуты, как они добрались до замка, называемого Небом.

Луис лениво думал. Овладение местным языком займет у них какое-то время. Изучение нового языка после каждого приземления просто невозможно. В данный момент именно этот вопрос вырастал до ранга важнейшей проблемы. Как давно обитатели Кольца живут в дикости? Как давно в едином языке начали возникать наречия и диалекты? Как сильно отличаются они от праязыка?

Раскинувшийся вокруг пейзаж потемнел, потом совсем исчез — они вошли в облака. Щупальца серого липкого тумана гладили невидимую оболочку, окружавшую скутер Луиса. Наконец, они оказались над серым покровом.

С уходящего в бесконечность горизонта смотрел на Луиса Ву огромный небесный глаз. Если бы у Бога была голова размером с Луну, то глаз был бы именно такого размера.

Осознание того, что он видит, заняло у Луиса несколько секунд. Следующие несколько секунд его разум категорически отказывался принять это. Невероятное зрелище поблекло, как плохо освещенная голограмма.

Сквозь слабый звон в ушах он услышал чей-то крик.

“Может, я уже умер? — подумал он. — Может, это Несс? Но ведь кукольник прервал связь…”

Это была Тила. Тила, которая еще никогда в жизни ничего не пугалась. Сейчас она закрыла лицо руками, прячась от этого чудовищного голубого взгляда.

Глаз был прямо перед ними. Казалось, он притягивает их с какой-то невероятной силой.

“Может, я умер, и это Творец, который должен меня судить?”

Пришло время, когда Луис Ву должен был решить, в какого Творца он верит, если верит вообще.

Глаз был голубовато-белым: белая бровь и темный зрачок. Белый благодаря облакам, голубой

— благодаря расстоянию. Так, будто он был частью неба.

“Это не может быть правдой, — мысленно повторял Луис — Вселенная велика, но некоторые вещи попросту невозможны.”

— Луис!

Луис вновь обрел голос.

— Это ты, Говорящий? Что ты видишь?

Кзин на мгновение замолчал, а когда заговорил снова, его голос был удивительно бесцветным.

— Прямо перед нами я вижу огромный человеческий глаз.

— Человеческий?

— Ты тоже его видишь?

Одно это слово, которого Луис никогда бы не произнес, меняло все. Человеческий. Человеческий глаз. Если бы это была галлюцинация или какое-то сверхъестественное явление, кзин должен был бы видеть глаз кзина или вовсе ничего.

— Значит, это что-то реальное, — сказал Луис. — Что-то действительно существующее.

Тила с надеждой вглядывалась в него.

Но почему он притягивает их к себе?

Луис потянул рычаг вправо. Скутеры послушно свернули в сторону.

— Ты сходишь с курса, — тут же сказал Гово-

рящий с Животными. — Вернись или передай управление мне.

— Надеюсь, ты не собираешься пролететь СКВОЗЬ это?

— Оно слишком велико, чтобы его огибать.

— Не больше, чем кратер Платона. Через час мы вновь ляжем на курс. Зачем же рисковать?

— Если боишься, лети один. Ты тоже, Тила. Встретимся на той стороне.

— Но почему? — хрипло спросил Луис. — Ты считаешь, что это… этот случайный узор облаков заключает в себе вызов твоему мужеству?

— Почему? Луис, здесь дело не в моих способностях к размножению, а в моей смелости.

Скутеры продолжали мчаться вперед со скоростью тысячи миль в час.

— Причем здесь твоя смелость? Ты должен мне рассказать…

— Нет, не должен. Если хотите, можете обогнуть Глаз.

— А как нам потом найти тебя?

— Это, действительно, проблема, — признался кзин. — Луис, ты слышал когда-нибудь о ереси Кдапта-проповедника?

— Нет.

— В мрачный период, наступивший после

Четвертого Перемирия с людьми, Кдапт-проповедник провозгласил новую религию. Он был разорван в поединке самим Патриархом, но его религия тайно существует до сих пор. Кдапт-проповедник считал, что Бог создал человека по своему образу и подобию.

— Человека? Но… ведь Кдапт был кзином?

— Да. Вы всегда выигрывали, Луис. В течение трехсот лет вы выиграли четыре войны. Последователи Кдапта во время служб носили маски, изображающие человеческие лица. Они надеялись обмануть Творца и победить в войне.

— Значит, когда ты увидел глаз, смотрящий на нас из-за горизонта…

— Именно.

— Понятно.

— Мне кажется, моя теория гораздо правдоподобнее твоей. Случайный узор облаков! Ну знаешь, Луис!..

Мозг Луиса медленно начинал работать.

— Вычеркни слово “случайный”. Может, строители Кольца поместили это здесь сознательно, например, для украшения или вроде какого-то указателя?

— И на что, по-твоему, это должно указывать?

— Не знаю. На что-нибудь большое. Луна-парк

или суперсобор. А может, на кабинет Главного Окулиста. Принимая во внимание технику и пространство, которыми они располагали, это может быть что угодно.

— Например, тюрьма для любителей подглядывать! — неожиданно пришла на помощь Луису Тила. — Университет для частных детективов! Контрольный экран самого крупного во Вселенной приемника стереовизии! Я боялась почти так же, как и ты, Говорящий, — сказала она уже нормальным тоном. — Думала, что это… Сама не знаю, что я думала. Но я не оставлю тебя. Мы пролетим сквозь это вместе.

— Отлично, Тила.

— Если в этот момент он мигнет, мы погибнем.

— Норму обычно устанавливает большинство, — сказал Луис. — Я вызову Несса.

— О финагл, конечно! Ведь он уже пролетел либо через это, либо вокруг него.

Луис рассмеялся громче, чем обычно. Он здорово трусил.

— Не думаешь ли ты, что Несс прокладывает нам дорогу?

— Что?

— Ведь это же кукольник. Он описал огромную дугу, зашел к нам в тыл, после чего наверняка

переключил управление на скутер Говорящего. Таким образом, Говорящий его наверняка не схватит, а со всеми опасностями, которые могли бы его ждать, сначала должны будем справиться МЫ!

— Меня удивляет твое умение думать, как. трус, — сказал кзин.

— Не следует недооценивать этого. Мы находимся на чужой территории, и неизвестно, кто в конечном итоге будет прав.

— Хорошо. Поговори с ним, раз уж вас объединяют такие родственные души. Что касается меня, то я лечу прямо в Глаз. Я должен знать, что за ним или в нем.

Луис вызвал кукольника.

Кукольник снова спал.

— Несс, — позвал Луис. — Несс! — повторил он громче.

Кожа на хребте кукольника нервно задрожала, появилась удивленная треугольная голова.

— Я уже думал, что придется включать сирену.

— Что-то случилось? — к первой голове присоединилась вторая, и обе беспокойно огляделись по сторонам.

Луис был не в состоянии смотреть в немигающий голубой глаз. Он отвернулся.

— Еще нет, но случится. Мои безумные приятели решили совершить самоубийство. Я не уверен, можно ли им это разрешить.

— Объясни, пожалуйста.

— Взгляни прямо перед собой и скажи, видишь ли ты скопление облаков в форме человеческого глаза?

— Вижу.

— Ты знаешь, что это может быть?

— Скорее всего, какая-нибудь буря. Что-то вроде циклона. Надеюсь, ты догадываешься, что на Кольце не может быть спиральных ветров?

— Что? — Луис даже не задумывался над этим.

— Спиральные ветры, (циклоны, например, возникают благодаря действию силы Кориолиса и разницам в скорости перемещения воздушных масс на разных высотах. Каждая планета является вращающимся сфероидом. Когда две массы воздуха движутся к месту, где возникла относительная пустота, молекулярные силы как бы натаскивают их друг на друга, и возникает явление вихря.

— Несс, я ЗНАЮ, как возникают циклоны.

— Значит, ты должен знать, что на Кольце все воздушные массы движутся с идеально равными скоростями. Никаких вихрей.

— Ну, а ветер? Таким образом не возникнет даже легчайшего дуновения. Не будет никакого движения воздушных масс.

— Неправда. Теплый воздух будет подниматься вверх, а холодный — опускаться вниз. Но такие явления не могут стать причиной того, что мы видим перед собой.

— Верно.

— Что собирается сделать Говорящий?

— Пролететь через самую середину. И Тила собралась последовать за ним.

Кукольник засвистел настолько чисто, насколько чист бывает свет рубинового лазера.

— Это может быть опасно. Силовые поля скутеров защитят их от любого обычного ветра, но этот ветер не обычный…

— Я думаю, не искусственно ли он создан.

— Да… Инженеры могли придумать какой-нибудь способ вызвать циркуляцию ветра. Но такая система остановилась бы, когда прекратилась подача энергии. Не понимаю… Ага! Ясно, Луис.

— Что такое?

— Представь себе место, находящееся где-то в центре бури, в котором воздух просто исчезает, оставляя после себя пустоту. Все остальное уже очевидно. Воздушные массы движутся к этому

месту спереди и сзади, если глядеть в направлении вращения Кольца, благодаря…

— И с боков тоже.

— Это неважно, — отмахнулся от его замечания кукольник. — Воздух, движущийся против “течения”, будет немного легче, а по “течению” — тяжелее.

Луис мобилизовал все свое воображение, но напрасно.

— Почему?

— Воздух, вращающийся вместе с Кольцом, движется чуть быстрее, из-за чего подвергается действию минимальной центробежной силы. Он просто тяжелее и опускается вниз. Это нижнее веко глаза. Верхнее образует воздух, движущийся против “течения”. Разумеется, здесь тоже возникает явление вихря, но ось его горизонтальна, тогда как на любой другой планете она была бы вертикальной.

— Здесь это, собственно, побочный эффект.

— Побочный и одновременно единственный. Нет ничего, что могло бы его остановить. Явление, которое ты видишь перед собой, может оставаться неизменным хоть тысячу лет.

— Может, и так, — сейчас Глаз казался не таким ужасающим. Кукольник прав: это было нечто

вроде циклона. “Веки” были облаками, освещенными солнцем, а “зрачок” — его центром.

— Единственная проблема — то таинственное место, где исчезает воздух. Почему это происходит?

— Может, там работает какая-нибудь помпа?

— Сомневаюсь, Луис. Будь это так, циркуляции воздуха в этом районе были бы старательно запланированы.

— Значит?

— Ты обратил внимание на места, в которых конструктивный материал Кольца вышел из-под слоя земли и скал? Наверняка такая страшная эрозия не была запланирована сознательно. Ты заметил, что такие места мы встречаем все чаще? Действие Глаза нарушило распределение воздушных масс на многие тысячи миль, на площади большей, чем поверхность моей или твоей планеты. Теперь уже Луис протяжно свистнул.

— Ненис! Понимаю! В центре этого циклона должен быть метеоритный кратер.

— Именно. Понимаешь, какое это имеет значение? Конструктивный материал Кольца все-таки можно уничтожить.

— Для нас он вечен, принимая во внимание то, чем мы располагаем.

— Согласен. Но так или иначе, нужно проверить, действительно ли там есть отверстие, пробитое метеоритом.

Недавняя паника казалась Луису полузабытым сном. Аналитический холод вывода кукольника успокаивающе подействовал на него. Луис Ву отважно взглянул в огромный глаз и сказал:

— В этой частичной пустоте должен быть просто чистый и спокойный воздух. Хорошо, я передам им добрую весть. Мы все пролетим сквозь глаз циклона.

Когда они были уже возле зрачка, небо над ними потемнело. Неужели приближалась ночь? Установить это было трудно. Толстый слой облаков делал темным и мрачным даже ясный солнечный день.

От края до края Глаз был, по крайней мере, ста миль длиной, а его высота составляла около сорока миль. Сейчас его контуры казались скорее голубыми, чем белыми. Они видели полосы и утолщения развеваемых облаков. Зрачок оказался туннелем, образованным клубящимися ветрами, однако целое все еще выглядело как гигантский глаз.

Они летели прямо в глаз Бога. Зрелище было потрясающее, ужасающее и почти карикатурное.

Луис готов был одновременно смеяться и кричать от ужаса. Или повернуть. Вполне хватило бы и одного разведчика, чтобы проверить, действительно ли в основании Кольца есть отверстие. Луис мог бы обогнуть Глаз по кругу и…

Однако они были уже в центре.

Они влетели в черный коридор, освещенный непрерывно вспыхивающими молниями. Воздух вокруг них был идеально спокоен, тогда как за пределами зрачка клубились облака, вспененные, словно волны. Они двигались быстрее самого мощного циклона.

— Пожиратель листьев был прав, — рявкнул Говорящий. — Это просто буря.

— Самое забавное, что он единственный не впал в панику, увидев это! — крикнул в ответ Луис. — Видимо, кукольники не суеверны.

— Я вижу что-то! Вон, впереди! — крикнула Тила.

Дыра в конце туннеля. Луис оскалил зубы в нервной усмешке и осторожно положил руки на рычаги управления. Над дырой могло сильно болтать.

Сейчас он был явно менее напряжен и взволнован, чем когда они влетели в Глаз. Что могло грозить ему в месте, которого не боялся даже

кукольник?

Облака и молнии окружали их все более тесными кольцами.

Они притормозили и зависли над отверстием, уравновесив силу всасывания тягой двигателей. Приглушенный барьером рев циклона обручем сдавливал головы.

Это было так, словно они заглядывали в трубу. Разумеется, в ней исчезал воздух, но просто ли его выкачивало или, может, высасывало и отбрасывало в притаившуюся по ту сторону тонкой ленты Кольца пустоту?

Луис не заметил, когда Тила направила свой скутер вниз. Она была слишком далеко от него, мерцающий призрачный свет был слишком необычен, а он смотрел прямо в черное отверстие трубы. Правда, он заметил исчезающую в ней серебристую искорку, но не придал этому никакого значения. Только потом он услышал сдавленный испуганный крик Тилы.

Изображение ее лица на интеркоме было отчетливым. Тила смотрела вниз и была в ужасе.

— Что случилось? — крикнул Луис.

— …поймал меня! — с трудом донесся до него ответ.

Он снова посмотрел вниз.

В заполняющей отверстие трубы пустоте царило полное спокойствие, яростно вихрились только ее края. Их освещало странное зарево, основанное не на электрических разрядах, а на катодных эффектах, возникающих благодаря разнице потенциалов в почти полной пустоте. На самом дне что-то мерцало… будто искра. Это мог быть скутер, если бы нашелся кто-нибудь настолько глупый, чтобы нырнуть в ревущий Мальстрем только затем, чтобы взглянуть вблизи на дыру, за которой могла быть только пустота.

Луис почувствовал какую-то невероятную слабость. Ничего уже нельзя было сделать. Ничего. Он отвернулся.

Над пультом управления он увидел лицо Тилы. Широко открытые глаза вглядывались во что-то ужасное. Из носа текла кровь.

Ужас медленно исчезал с лица девушки, оставляя после себя трупно-бледное спокойствие. В любой момент она могла потерять сознание. Аноксия? Звукопоглощающий барьер не выпустил бы воздуха из своего внутреннего пространства, но для начала его нужно было включить.

Полубессознательные глаза Тилы смотрели прямо на Луиса Ву. “Сделай что-нибудь, — молили они. — Сделай что-нибудь!”

Ее голова безвольно опустилась на пульт управления.

Луис чувствовал во рту вкус крови, он даже не заметил, что почти откусил себе нижнюю губу. Он взглянул вниз, в освещенную неоновым светом трубу. Она напоминала увеличенный до чудовищных размеров водоворот, образующийся в ванне, когда выпускают воду, и заметил серебряную искорку, которая наверняка была скутером Тилы… внезапно свернувшую в сторону и с огромной силой врезавшуюся в боковую стену трубы.

Спустя несколько секунд далеко перед ними, уже за пределами Глаза, появился инверсионный след. Луис ни на секунду не сомневался, что это скутер Тилы.

— Что случилось? — донесся до него вопрос кзина.

Луис только покачал головой. Он был буквально оглушен. Ему казалось, что в его контурах логического мышления вдруг произошло короткое замыкание, сделавшее невозможным даже простейшее умозаключение.

Изображение над пультом управления показывало только опущенную голову и черные волосы Тилы. Она была без сознания в скутере, мчавшем-

ся вслепую с двойной скоростью звука. Что-то нужно было делать. Но что?

— Она должна была умереть, Луис. Неужели Несс привел в действие какое-то скрытое управляющее устройство?

— Нет. Я бы хотел, чтобы было так, но… Нет.

— А я считаю, что именно это и случилось, — заявил Говорящий с Животными.

— Ты же видел, что произошло! Она потеряла сознание, ударилась головой о пульт управления, и ее скутер рванулся в сторону, как будто за ним гналась тысяча чертей. Просто она разблокировала своим лбом рули, а ее тело толкнуло рычаг в нужную сторону.

— Ерунда.

— Ага… — Луис мечтал только о том, чтобы уснуть и перестать думать.

— Задумайся над вероятностью, Луис, — кзин только теперь до конца все понял, и челюсть его от удивления отвисла. Только после долгой паузы он сумел выдавить: — Нет, это невозможно.

— Ага… — повторил Луис.

— Она не была бы здесь с нами. Нессу никогда не удалось бы ее найти. Она осталась бы на Земле.

Ударила очередная молния, освещая длинный крутящийся туннель. Тонкая прямая линия ука-

зывала след скутера Тилы, а сам скутер уже исчез вдали.

— И прежде всего, мы никогда не попали бы в катастрофу!

— Именно над этим я сейчас и думаю.

— Может, лучше подумать, как спасти ей жизнь?

Луис кивнул головой. Без лишней спешки он нажал кнопку вызова Несса — кзин никогда бы этого не сделал.

Кукольник ответил почти сразу, как будто все время ждал сигнала. Луис с удивлением заметил, что кзин не выключил свой интерком. Он коротко рассказал Нессу, что произошло.

— Похоже, мы оба были неправы в отношении Тилы, — констатировал кукольник.

— Вот именно.

— Она летит на форсаже, а его невозможно включить ударом головы. Собственно, его вообще невозможно включить случайно.

— А как это делается? — спросил Луис. Когда кукольник показал ему, он буркнул: — Она могла сунуть туда палец просто из любопытства.

— В самом деле?

— Что мы теперь можем сделать? — вмешался Говорящий.

— Дайте мне знать, когда она придет в себя, — сказал Несс. — Я покажу ей, как уменьшить скорость, и она вернется к нам.

— А пока?

— Пока мы можем только ждать. Существует опасность перегрузки двигателя, однако, пока она летит, скутер сам будет огибать препятствия и наверняка нигде не разобьется. Она удаляется от нас со скоростью четыре Маха. Единственное, чего следует опасаться — это аноксия, но я уверен, что ей ничего не грозит.

— Почему? Ведь аноксия может привести к повреждению мозга.

— Для этого Тила слишком удачлива, — ответил кукольник.

Глава 18. СЛУЧАЙНОСТИ ТИЛЫ БРАУН

Была глубокая ночь, когда они, наконец, оказались по другую сторону Глаза. Они не видели ни одной звезды, но сквозь немногочисленные просветы в облаках время от времени до них доходил голубой отблеск Арки Неба.

— Я передумал, — сказал Говорящий с Животными. — Если хочешь, Несс, можешь к нам вернуться.

— Хочу, — сказал кукольник.

— Нам нужен твой образ мыслей. Однако знай: я никогда не забуду, что твоя раса сделала с моей.

— Я вовсе не собираюсь вмешиваться в твою память.

Луис едва обратил внимание на эту победу практичности над гордостью, разума над ксенофобией. Он смотрел по сторонам, выискивая инверсионный след, оставленный скутером Тилы, но нигде не мог его найти.

Тила по-прежнему была без сознания. Один раз ее голова слегка шевельнулась, но Луису, несмотря на многочисленные попытки, не удалось добиться ничего большего.

— Мы ошибались относительно нее, — сказал Несс. — Не пойму только, почему? Почему наша экспедиция закончилась катастрофой, если ее везение так велико?

— То же самое я говорил Луису!

— Однако, если ее счастье не имеет никакой силы, — продолжал кукольник, — то как объяснить включение форсажа? Я считаю, что был прав с самого начала: у Тилы Браун есть везение, которое нужно рассматривать в категориях наследственных психических способностей.

— В таком случае, почему тебе удалось ее за-

вербовать? Почему “Лгун” потерпел катастрофу? Ответь-ка!

— Успокойтесь, — попробовал остановить их Луис, но они не обратили на него внимания.

— Вероятно, ее счастье действует не всегда, — сказал Несс.

— Если бы оно подвело хоть раз, она была бы мертва.

— Если бы она была мертва или ранена, я не взял бы ее в путешествие. Нужно оставить немного места и случайности. Не забывай, Говорящий, что теория вероятности признает существование случая.

— Но не колдовства. Я никогда не поверю в наследственное счастье.

— Придется, — просто сказал Луис, и на этот раз его услышали. Он мог говорить дальше. — Я должен был понять это гораздо раньше. Не потому, что ее обходили все несчастья. Я имею в виду разные мелочи, некоторые свойства ее личности. Ей действительно везет, Говорящий, можешь поверить.

— Луис, как ты можешь говорить такой вздор?

— С ней никогда не случалось ничего плохого. Никогда.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Она знала все о наслаждении, но ничего о боли. Помнишь, что она сказала, когда тебя атаковали солнечники? Спросила, видишь ли ты. “Я ослеп”, — ответил ты, а она на это: “Но ты ВИДИШЬ?” Она не поверила тебе. Или сразу после катастрофы: она пыталась босиком пройти по дымящейся лаве.

— Просто она не слишком умна, Луис.

— Ненис, совсем наоборот! Просто она не знает, что такое боль! Когда она обожгла себе подошвы, то сбежала вниз по поверхности в тысячу раз более скользкой, чем лед, и не упала! Впрочем, эти подробности ни к чему. Достаточно увидеть, как она ходит. Такое впечатление, что она в любую минуту может упасть. Но не падает, не разбивает себе локтей, ничего не роняет и не разливает. Она никогда этого не делала, просто не знала, что это возможно, понимаешь? Ей вовсе не нужно быть ловкой и аккуратной.

— У созданий, отличных от людей, то, о чем ты говоришь, вовсе не было бы таким очевидным, — с сомнением сказал кзин. — Я верю тебе на слово, Луис. Но как мне поверить в наследственное счастье?

— А я верю. Вынужден верить.

— Если бы ее счастье было постоянным, —

вставил Несс, — она, прежде всего, никогда не пробовала бы ходить по горячей лаве. Однако время от времени это счастье берет нас под свои крылья. Утешающе, правда? Мы бы уже давно были мертвы, если бы именно над полем солнечников не было плотного слоя облаков.

— Вот именно, — подтвердил Луис. Однако облака расступились настолько, чтобы солнечники могли ощутимо поразить кзина. В Небе Тила ехала по движущимся лестницам, тогда как Луису пришлось идти пешком. Его ладонь, как и ладонь кзина, была в повязке, а Тила отделалась дырой в багажнике скутера. — Однако ее счастье лучше защищает ее самое, чем нас, — сказал он.

— Это очевидно. Ты чем-то озабочен, Луис?

— Может, и да… — Приятели Тилы давно уже перестали рассказывать ей о своих хлопотах. Тила просто не понимала, что это такое. Объяснить ей, что такое боль, было также трудно, как объяснить слепому, что такое цвет.

Бешенство сердца? Тила никогда не переживала страданий любви. Мужчина, которого она хотела, приходил к ней и был, пока не надоедал, а потом уходил.

Время от времени, благодаря своим особым свойствам, Тила становилась… слегка отличной

от остальных людей. Конечно, она по-прежнему оставалась женщиной, но наделенной необычайной силой, иными способностями и слабостями… И именно такую женщину Луис полюбил. Странно…

— Она тоже меня любила, — буркнул Луис. — Очень странно. Я ведь не в ее вкусе. А если она меня не любила, то…

— Луис, ты говоришь со мной?

— Нет, Несс, я говорю сам с собой… — Почему все-таки она решила присоединиться к Луису Ву и его пестрой команде? Загадка все более усложнялась. Неужели ее счастье велело ей влюбиться в неподходящего мужчину, принять участие в утомительной и опасной экспедиции, где ей в любую секунду грозила смерть? Это не имело никакого смысла.

Он заметил какое-то движение над пультом управления. Тила пришла в себя и подняла голову. Она взглянула, ничего не понимая… и глаза ее наполнились ужасом. Она смотрела вниз. По ее прелестному лицу пробежала тень безумия.

— Спокойно, — мягко сказал Луис. — Только спокойно. Расслабься. Все в порядке.

— Но… — произнесла она каким-то чужим, высоким голосом.

— Мы уже вышли из смерча. Он далеко позади. Посмотри по сторонам.

Она повернула голову, и довольно долго Луис видел лишь спутанные черные волосы. Когда она подняла голову, лицо ее было почти спокойным.

— Несс, скажи ей.

— Более получаса ты летишь с четырехкратной скоростью звука, — заговорил кукольник своим нежным голосом. — Тебе необходимо затормозить. Вложи указательный палец в отверстие, обозначенное зеленым- цветом…

Все еще испуганная, она выполнила распоряжение.

— Теперь ты должна вернуться к нам. Ты удалилась по огромной дуге, а поскольку у тебя нет нужных приборов, придется все время следовать моим указаниям. Для начала поверни в направлении, обратном вращению Кольца.

— Это куда?

— Поворачивай влево до тех пор, пока не увидишь перед собой основание Арки.

— Я не вижу его. Нужно подняться над облаками. Казалось, она вполне пришла в себя, но все еще здорово боялась.

Луис никогда в жизни не видел настолько перепуганного человека. И уж тем более Тилу.

А видел ли он когда-нибудь испуганную Тилу?

Он коротко глянул через плечо. Земля была невидима в темноте, но Глаз, голубой в голубом зареве Арки Неба, смотрел на них сосредоточенно и безжалостно.

Луис глубоко задумался, и тут его кто-то позвал.

— Да? — пришел он в себя.

— Ты не злишься?

— Злюсь? — задумчиво повторил он. Собственно, ее поступок следовало назвать безумством и чудовищной глупостью. Он попытался вызвать в себе гнев, как пытаются вызвать старую забытую зубную боль. Бесполезно.

Поведение Тилы Браун нельзя было оценивать с позиций здравого смысла.

— Пожалуй, нет. А, собственно, что ты там увидела?

— Я могла погибнуть, — сказала Тила с нарастающим гневом. — Не качай головой, Луис, я могла погибнуть! А тебя это ничуть не волнует!

— А тебя?

Она откинула голову, будто он дал ей пощечину. Он еще заметил движение ладони, затем она исчезла. Однако спустя секунду появилась снова.

— Там была дыра! — с яростью фыркнула она. —

Дыра и туман.

— Большая?

— Откуда мне знать? — она снова исчезла.

Верно. Как она могла оценить ее размеры, не имея ничего для сравнения?

“Рискует жизнью, — подумал Луис, — а потом злится на меня за то, что я не злюсь на нее. Может, она просто пыталась привлечь к себе внимание? И как давно она это делает?

Если бы на ее месте оказался кто-нибудь другой, он давно бы уже был мертв”.

— Но не она, — сказал он в полный голос. — Не она… “Боюсь ли я за Тилу Браун? А может, я просто спятил?”

В его возрасте все могло случиться. Такой старый человек, как Луис Ву, часто видел, как происходят невозможные вещи. Для него граница между фантазией и действительностью могла стереться или даже полностью исчезнуть. Он мог впасть в ультраконсерватизм, отбрасывая невозможное, даже когда оно становилось реальностью. Как Краген Перел, который не хотел поверить в существование безынерционного привода, поскольку это противоречило второму закону термодинамики. С другой стороны, он мог верить во все, что ему скажут, как Зеро Хале,

который бродил по известному Космосу, скупая мнимые реликвии Славера.

Везде поджидало безумие.

Нет! Если Тила Браун избегает верной смерти только потому, что ударяется головой о пульт управления, это нечто большее, чем случайность.

Почему же произошла катастрофа со “Лгуном”?

Между Луисом и скутером кзина появился новый объект.

— Привет, — сказал Луис.

— Спасибо, — ответил Несс. Судя по тому, как быстро он явился, он тоже воспользовался форсажем. Говорящий пригласил его не более десяти минут назад.

Поверх пульта управления на Луиса смотрели две треугольные полупрозрачные головы.

— Сейчас я чувствую себя в безопасности. Через полчаса, когда к нам присоединится Тила, это чувство станет еще сильнее.

— Почему?

— Счастье Тилы Браун защищает и нас, Луис.

— Не думаю, — Луис с сомнением покачал головой.

Кзин молча прислушивался к разговору. Только

Тилы не было на связи.

— Меня беспокоит твое нахальство, — сказал Луис. — Разведение людей и кзинов свидетельствует о дьявольском нахальстве. Ты слышал когда-нибудь о Дьяволе?

— Я читал о нем в книгах.

— Сноб. Но твоя глупость еще больше нахальства. Ты беззаботно признаешь очевидным, что хорошее для тебя хорошо и для Тилы. Почему ты так считаешь?

— Ну... — Несс помолчал. — Это, пожалуй, естественно. Если мы закрыты в одной кабине, то удар метеорита так же опасен для нее, как и для меня.

— Верно. Однако допустим, что вы пролетаете над местом, где Тила хочет приземлиться, а ты — нет. Если именно в этот момент произойдет авария двигателя, это будет выгодно только для Тилы.

— Что за ерунда! Зачем Тиле приземляться на Кольце? Она ведь даже не знала о его существовании, пока я ей об этом не сказал!

— Ей просто везет. Если она должна была прибыть сюда, не зная о его существовании, то наверняка и прибыла. Такое счастье трудно назвать спорадичным, правда, Несс? Оно действовало бы

все время. Это вопрос счастья, что ты ее все-таки нашел. Это вопрос счастья, что тебе не удалось связаться ни с одним другим кандидатом. Помнишь эти постоянные ошибочные соединения?

Это вопрос счастья, что мы разбились. Помнишь, как ты ругался с Говорящим, кто должен руководить экспедицией? Ну вот, теперь ты знаешь.

— Но ПОЧЕМУ?

— Понятия не имею, — Луис провел ладонью по отрастающим волосам.

— Тебя беспокоит этот вопрос, Луис? Меня — очень. Что на Кольце могло оказаться для нее привлекательным? Ведь здесь… здесь опасно. Странные бури, плохо запрограммированные автоматы, поля солнечников, непредсказуемые туземцы — все это составляет угрозу для наших жизней.

— Ха! — триумфально воскликнул Луис. — Верно. Это часть ответа. Просто для Тилы не существует опасности, понимаешь? Прежде, чем мы начнем действовать, нужно принять это к сведению.

Кукольник несколько раз открыл и закрыл свои одинаковые рты.

— Это слегка усложняет ситуацию, правда? —

захохотал Луис. Разрешение проблем представляло для него интерес само по себе. — Но это только часть ответа. Если мы примем, что…

Вдруг кукольник пронзительно закричал.

Луис был потрясен. Он никак не предполагал, что это так подействует на Несса. Кукольник кричал еще какое-то время, а потом спрятал обе головы под живот. Интерком показывал теперь только густую спутанную гриву. Рядом с ней появилось лицо Тилы.

— Вы говорили обо мне, — сказала она почти бесстрастно. (Она не сумела скрыть обиду. Может, умение скрывать обиды составляло один из факторов, определяющих способность к выживанию?) — Я пыталась что-нибудь понять из этого, но не смогла. Что с ним случилось?

— Это все мой болтливый язык. Я испугал его. Не знаю, как мы теперь тебя найдем.

— Ты не можешь сказать мне, где я нахожусь?

— Локатор есть только на скутере кукольника. Вероятно, по той же причине, по которой он позаботился о том, чтобы мы не могли включить форсаж.

— Мне тоже так кажется.

— Он хотел быть уверенным, что ему удастся удрать от разъяренного кзина. Впрочем, неваж-

но. Как много ты поняла?

— Немного. Вы спрашивали друг друга, почему я хотела сюда прилететь. Так вот, я не хотела, Луис. Я прилетела сюда с тобой, потому что люблю тебя.

Луис кивнул головой. Ясно. Если Тила прибыла сюда, у нее должен быть какой-то мотив. В этом не было ничего странного.

Она любила его потому, что так ей велело ее счастье. А ему на мгновение показалось, что она любит его ради него самого…

— Я пролетаю над городом, — сказала вдруг Тила. — Вижу несколько огней. Когда-то здесь жила масса людей. Город наверняка есть на карте Говорящего.

— Стоит рассмотреть его повнимательнее?

— Я же говорю, что здесь ОГНИ. Может… — изображение и звук внезапно исчезли, словно отрезанные ножом.

Довольно долго Луис вглядывался в пустоту над пультом.

— Несс? — неуверенно выдавил он.

Тишина.

Он включил сирену.

Танцующие на длинных шеях головы кукольника напоминали семейство змей, бегущих из

горящего зоопарка. В других обстоятельствах это могло показаться смешным: извивающиеся шеи, изогнутые в два вопросительных знака.

— Что случилось, Луис?

Появилось и лицо кзина. Он сидел в полной готовности, ожидая информации и объяснений.

— Что-то произошло с Тилой.

— Это хорошо, — сказал кукольник и спрятал головы под живот.

Луис выключил сирену, подождал немного, после чего включил ее снова. Кукольник среагировал так же, как и в первый раз. Теперь Луис заговорил первым.

— Если мы не проверим, что с ней случилось, я тебя убью, — спокойно сказал он.

— У меня есть тасп, — ответил Несс. — Мы сделали его так, чтобы он действовал и на людей, и на кзинов.

— Думаешь, это меня удержит?

— Да, Луис, я думаю именно так.

— На что спорим? — медленно спросил Луис.

Кукольник на секунду задумался.

— Попытка спасения Тилы наверняка будет безопаснее такого пари. Я забыл, что она твоя самка, — одна из его голов взглянула на приборы. — Она исчезла с локатора, и я не знаю, где

она сейчас.

— Значит ли это, что ее скутер поврежден?

— Да. Передатчик размещен возле двигателя. Вероятно, она оказалась в пределах действия какого-то автомата, вроде того, который уничтожил наши коммуникаторы.

— Гммм… Не знаешь, где она была, когда прервала контакт?

— Я знаю направление, но не расстояние. Мы можем только догадываться о нем на основании не очень точных расчетов.

Они повернули в направлении, которое указал кукольник. Спустя два часа никаких огней по-прежнему не было видно, и Луис начал подумывать, не потерял ли он след.

В трех с половиной тысячах миль от Глаза должен был находиться порт, а за ним — залив размером с Атлантический океан. Тила наверняка не улетела дальше него. Порт был их последним шансом…

Неожиданно на склоне горы появились огни.

— Стоп! — прошептал Луис сквозь стиснутые зубы, сам не зная, почему, но кзин уже успел остановить их в воздухе.

Они висели неподвижно, разглядывая окрестности.

Город, повсюду город. Внизу, в голубом зареве Арки Неба, они видели дома с круглыми окнами, отделенные друг от друга переулками, слишком узкими, чтобы их можно было назвать улицами. Впереди дома поднимались все выше и выше, пока не вырастали на несколько десятков этажей. Некоторые все еще висели в воздухе.

— Здесь строили иначе, — прошептал Луис. — Не так, как в Зигнамукликлике. Разные стили…

— Небоскребы, — сказал Говорящий с Животными. — Зачем их ставить, когда имеешь в своем распоряжении столько места?

— Чтобы доказать, что можешь. Хотя нет, это бессмысленно. После постройки Кольца им ничего не нужно было доказывать.

— Может, эти высокие дома строили уже позднее, в период упадка цивилизации?

Огней было много: ослепительно-белые ряды окон, несколько огромных башен, освещенных от подножия до крыши. Все они находились в пределах того, что некогда было центром города, поскольку именно там группировались все летающие здания. Их было шесть.

И было еще кое-что: яркое оранжевое пятно вдали от центра.

Они сидели вокруг карты кзина на третьем

этаже одного из домов, похожих на ульи.

Говорящий настоял, чтобы ввести скутеры внутрь — забота о безопасности. Свет шел от фар его машины, направленных на изогнутую стену. Стол со столешницей, украшенной тарелками и мисками, рассыпался в прах, когда Луис коснулся его. Пол был покрыт толстым слоем пыли. Украшавшая некогда стену картина осыпалась разноцветным порошком.

Луис чувствовал, что возраст города каменной тяжестью ложится ему на плечи.

— Когда делались записи, которые мы нашли в Небе, это был один из крупнейших городов Кольца, — сказал кзин и провел кривым когтем по карте. — Поначалу город строился по старательно обдуманному плану, в виде полукольца, опирающегося на берег моря. Небо, вероятно, построили гораздо позже, когда этот город разросся далеко за первоначальные границы.

— Жаль, что ты не сделал его плана, — заметил Луис. На карте кзина виднелось только смазанное полукольцо.

Говорящий сложил карту.

— Такая огромная метрополия наверняка скрывает множество тайн. Мы должны быть очень осторожны, Если цивилизации Кольца суждено

возродиться когда-нибудь, то именно здесь нужно искать тайники утраченных технологий.

— А как быть с металлами и другим сырьем? — спросил Несс. — Эта цивилизация уже никогда не достигнет былых высот. Здесь нет руды, нет жидкого топлива. Единственными доступными материалами остаются дерево и кость.

— Но мы же видели огни…

— Разбросанные безо всякого порядка. Просто они светят там, где еще действуют источники энергии. Впрочем, может вы и правы. Если здесь живут те, кто начал снова создавать сложные инструменты, мы должны с ними связаться. Но ставить условия будем мы.

— С чего ты взял, что они еще не запеленговали наши интеркомы?

— С того, что они действуют в закрытом контуре.

Луис слушал этот разговор одним ухом. В его голове бродили беспокойные мысли. “Может, она ранена. Может, лежит где-то, ожидая помощи”.

И все-таки он не мог в это поверить.

Все указывало на то, что Тила наткнулась на какой-то старый автомат или оружие, которое вывело из строя передатчик и двигатель. А может, и еще кое-что…

Тогда почему он не мог заставить себя действовать быстро? Луис Ву, как бесчувственный компьютер, взвешивает все “за” и “против”, в то время как его женщине грозит опасность…

Его женщине… Но здесь было и кое-что другое.

Как глупо со стороны Несса было считать, что человек, на чьей стороне счастье, будет думать точно так, как другие люди! Если бы на месте Тилы оказался какой-нибудь кукольник, неужели он думал бы так же, как, скажем, Хирон?

Разве что страх был уже закодирован в его генах.

Но каждый человек должен научиться бояться.

— Можно предположить, что счастье Тилы Браун покинуло ее на время, — говорил тем временем кукольник. — Из этого следует, что с ней ничего не случилось.

— Что? — удивился Луис. Это было так, словно Несс подслушал его мысли.

— Авария скутера должна была бы повлечь ее смерть. Если она выжила, то была спасена сразу же, как только ее счастье вернулось к ней.

— Это смешно! Не думаешь ли ты, что психическая сила подчиняется каким-то законам!

— Логика неумолима, Луис. Я утверждаю, что Тиле не грозит никакая реальная опасность. Если

она жива, то может подождать. А мы подождем до утра, чтобы осмотреть местность.

— А что потом? Как мы ее найдем?

— Если ей повезло, и она попала в хорошие руки, нам придется их найти. Если это не удастся, не останется иного выхода, как ждать какого-нибудь сигнала. Она может использовать много способов.

— Они пользуются светом, — вставил Говорящий.

— Верно. И что с того?

— Возможно, фары ее скутера еще действуют. Если так, она наверняка оставит их включенными. Ты же утверждаешь, что она умна.

— Так оно и есть!

— И не может представить себе опасности. Она захочет, чтобы ее нашли, и ей даже в голову не придет мысль, что ее может найти кто-нибудь другой. Если фары не действуют, есть еще лазер.

— Ты хочешь сказать, что мы не сможем найти ее днем? Ты прав, — признал Луис.

— Прежде всего, нам нужно осмотреть город при свете дня, — повторил Несс — Если мы найдем каких-нибудь жителей, прекрасно. Если нет, то завтра вечером начнем поиски Тилы.

— Ты хочешь позволить ей лежать где-то трид-

цать часов! Ты, хладнокровный… Ненис! Это оранжевое пятно… Это может быть именно она! Горящие здания!

— Верно! — Говорящий вскочил с места. — Мы должны это исследовать.

— Я Лучше-Всех-Спрятанный этого флота. Повторяю, что ценность Тилы Браун не оправдывает риска ночного полета над чужим городом.

Кзин уже сидел в своем скутере.

— Мы находимся на потенциально враждебной территории, поэтому я беру командование на себя. Мы отправляемся на поиски пропавшего члена экспедиции.

Кзин стартовал, осторожно проведя скутер через овальное окно. Снаружи ждал безымянный город.

Остальные скутеры стояли на первом этаже. Луис спускался по лестнице как мог быстро, и в то же время осторожно, поскольку многие ступени рассыпались при малейшем давлении.

Несс посмотрел вниз.

— Я остаюсь здесь, Луис. Считаю это бунтом.

Луис не ответил. Его скутер поднялся вверх и присоединился к экипажу кзина.

Ночь была холодной. Свет Арки Неба разукрасил город синими тенями. Два скутера помчались

в направлении ярко-оранжевого пятна, в сторону от ярко освещенного центра города.

Город, город, город… нигде даже кусочка парка или сквера. Зачем строить так тесно, когда вокруг так много свободного места? Даже на перенаселенной Земле люди не любили толкать друг друга локтями и предпочитали простор.

— Летим невысоко, — донесся голос кзина. — Если окажется, что это, например, уличное освещение, возвратимся к Нессу. Однако нельзя исключать, что Тила была сбита.

— Хорошо, — сказал Луис, однако подумал: “Смотрите, какой он осторожный- перед лицом чисто гипотетического противника!” Известный своей отвагой кзин в сравнении с бравадой Тилы казался трусливым, как кукольник.

Где она сейчас? Раненая, мертвая или только испуганная?

Искать цивилизованных жителей Кольца они начали еще до вынужденной посадки “Лгуна”. Неужели сейчас их ждет удача? Пожалуй, только эта возможность удерживала Несса от того, чтобы предоставить Тилу самой себе. Угрозы Луиса ничего не значили, и кукольник прекрасно понимал это.

Если эти цивилизованные жители Кольца ока-

жутся их врагами… Что ж, это вполне возможно.

Скутер начал слегка забирать влево, и Луис поправил курс.

— Луис… — неуверенно сказал Говорящий. — Похоже, здесь какие-то помехи… — потом резким, привыкшим отдавать приказы, голосом он крикнул: — Возвращайся! Немедленно возвращайся!

Казалось, голос кзина ввинчивался прямо в мозг. Луис мгновенно выполнил приказ.

Скутер по-прежнему летел вперед.

Луис всем телом налег на рычаг управления. Безрезультатно. Скутер мчался в направлении освещенного центра города.

— Что-то схватило нас! — крикнул Луис, и в ту же секунду его обуял ужас. Они были марионетками! Великий и всезнающий Повелитель марионеток двигал ими по известному только ему сценарию, и Луис Ву знал его имя.

СЧАСТЬЕ ТИЛЫ БРАУН.

Глава 19. В ЛОВУШКЕ

Практичный и трезво мыслящий кзин включил сирену. Она выла и выла, и Луис уже начал думать, что кукольник вообще не отзовется. Ему вспомнилась история о мальчике, который

крикнул “Волк!” на один раз больше, чем требовалось… Однако в ту же секунду в интеркоме ожил взволнованный голос Несса:

— Слушаю! Что случилось?

Ну, разумеется, ему же нужно было сначала спуститься вниз!

— На нас напали, — сказал кзин с удивительным спокойствием. — Контроль над скутерами утрачен. Сейчас мы летим неизвестно куда. Что ты предлагаешь?

Невозможно было угадать, о чем думает кукольник. Его широкие губы непрерывно двигались, но из этого было трудно сделать какой-нибудь вывод. Сможет ли он помочь? А может, снова впадет в панику?

— Поверните интеркомы так, чтобы я мог видеть, куда вы летите. Вы ранены?

— Нет, — ответил Луис. — Но мы ничего не можем сделать. Даже выскочить. Летим слишком высоко и слишком быстро. Направление — прямо на центр города.

— Куда?

— На ту группу ярко освещенных зданий. Помнишь?

— Да. — Кукольник задумался. — Какой-то сильный сигнал заглушает вас. Говорящий, сооб-

щи мне показания приборов.

Пока кзин передавал цифры, их подтянуло совсем близка к освещенной части города.

— Пролетаем над теми оранжевыми огнями, — прервал кзина Луис.

— Это действительно уличное освещение?

— И да, и нет. Свет идет из всех дверных проемов. Он какой-то странный. Думаю, когда-то это действительно было освещением.

— Я тоже так думаю, — заметил кзин.

— Мне не хотелось бы тебя подгонять, Несс, но мы все ближе. Похоже, нас ведут к самому большому зданию в центре.

— Я его вижу. Двойной конус с освещенной верхней половиной.

— Точно.

— Я попробую вас вырвать. Луис, переключи управление на меня.

Луис сделал это.

Скутер под ним рванулся, словно огромная ступня пнула его в самый нос, двигатель взревел в агонии и стих.

Перед Луисом и за его спиной надулись амортизационные баллоны, сдавливая его, как пара заботливо сложенных ладоней. Луис едва мог двинуть головой.

Он падал.

— Я падаю, — сообщил он. Его ладонь, прижатая к пульту управления пневматической оболочкой, по-прежнему касалась выключателя управления. Он подождал немного, надеясь, что скутер все же подчинится приказу кукольника. Однако дома внизу росли слишком быстро, и Луис снова включил управление.

Никаких перемен. Он продолжал падать.

— Говорящий, не включай управление, — сказал он со спокойствием, удивившим его самого. — Это бесполезно.

Поскольку они видели его лицо, он старался выглядеть достойно. Он ждал последней встречи с Кольцом.

Вдруг их резко затормозили. Скутер перевернулся вверх дном, благодаря чему Луис Ву встретил ускорение в пять “же”, вися головой вниз, и потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что находится в том же положении, и не упал только благодаря сжимающим его баллонам. У него было чувство, что через секунду его голова лопнет, а в мозгу появилось размазанное изображение озлобленного Повелителя марионеток, пытающегося распутать веревочки, тогда как марионетка Луис Ву подра-

гивал на сцене головой вниз.

Висящее в воздухе здание было низким, широким и богато украшенным. Когда скутеры приблизились к нему, в стене открылись широкие ворота и поглотили их.

Они медленно двигались по темному помещению, когда скутер, кзина безо всякого предупреждения перевернулся вверх дном. Мгновенно выстрелили баллоны, спасая Говорящего от гибельного падения. Луис кисло улыбнулся. Он уже достаточно долго был в этом невеселом положении, чтобы оценить ценность чьего-либо общества.

— Ваше положение указывает на то, что в воздухе вас держит электромагнитное поле, — говорил Несс. — Такое поле может поддерживать металлы, но не органику, поэтому…

Луис осторожно шевельнулся. Если бы он выскользнул из баллонов, его ждала бы верная смерть. Двери за ними захлопнулись слишком быстро, и Луис не успел адаптироваться к темноте. Он не видел абсолютно ничего, и понятия не имел, как высоко висит. Потом до него донесся вопрос Несса.

— Можешь дотянуться туда рукой? — и ответ кзина:

— Да, если протиснусь… Уррр! Ты был прав: обшивка горячая.

— В таком случае, двигатель сгорел. Скутеры больше никуда не годятся.

— Хорошо, что кресло не проводит тепла.

— Трудно удивляться, что Инженеры в совершенстве овладели электромагнитными полями. В конце концов, они не знали многого другого: гиперпространственного привода, искусственной гравитации, поля Славера…

Луис изо всех сил старался что-нибудь увидеть. Он кое-как повернул голову, чувствуя, как жесткая обшивка баллона царапает щеку. Впрочем, это не помогло — вокруг царила непроницаемая темнота.

Дюйм за дюймом передвигая ладонь, он наконец почувствовал под пальцами выключатель главных фар. Луис почти не надеялся, что они еще действуют, но все-таки на всякий случай нажал его.

Снопы белого света прорезали тьму, — достав до изогнутой дальней стены.

Вокруг на той же высоте висели другие экипажи, примерно дюжина. Одни были малюсенькие, немногим больше реактивного ранца, другие — размером со скутер, было даже что-то вроде

грузовика с застекленной кабиной.

Среди этого летающего хлама находился тоже перевернутый вверх дном скутер Говорящего. Из-под вздутых баллонов выглядывала голая голова и вытянутая рука кзина.

— Свет, — сказал Несс. — Отлично. Я как раз собирался предложить вам попробовать. Вы понимаете, что это значит? Все электрические и электромагнитные цепи ваших скутеров перегорели в момент атаки. Повторная атака на Говорящего, а может, и на тебя, произошла, когда вы оказались внутри здания…

— Которое, вероятно, просто тюрьма, — простонал Луис. Ему казалось, что вместо головы у него баллон, в который налили в два раза больше воды, чем он способен вместить. Говорить было все труднее. Однако он не мог позволить, чтобы за него все делали другие, даже если это “все” заключалось только в предположениях.

— А если это действительно тюрьма, — продолжал он, — откуда нам знать, нет ли здесь хитроумного устройства, поставленного на случай, если кто-то из пленников окажется здесь вместе со своим оружием? Как мы, например.

— Наверняка есть что-нибудь такое, — сказал кукольник. — Однако свет твоих фар доказывает,

что оно не действует. Это должен быть автомат, иначе вас охранял бы какой-нибудь стражник. Я думаю, Говорящий может спокойно воспользоваться дезинтегратором Славера.

— Отлично, — выразил свое мнение Луис. — Вот только я смотрю по сторонам и…

Он и Говорящий с Животными плавали вверх ногами в воздушном — Саргассовом море. У одного из трех архаичных реактивных ранцев по-прежнему был хозяин — скелет был небольшой, но наверняка принадлежал человеку. На белых костях не осталось ни клочка кожи, только цветные остатки одежды, сделанной из какого-то необычайно прочного материала.

Два других ранца были пусты, но не растворились же кости в воздухе… Луис отклонил голову назад… еще немного…

Пол напоминал огромную воронку, вокруг стен которой находились камеры. На дно, усеянное белеющими костями, вела спиральная лестница.

Ничего удивительного, что владелец ранца не решился расстегнуть ремни. Правда, другие, захваченные так же, как и он, предпочли короткий полет к смерти медленному умиранию от голода и жажды.

— Я не представляю, для чего здесь можно ис-

пользовать дезинтегратор, — сказал Луис.

— Я тоже думаю над этим.

— Если сделать дыру в стене, это нам ничего не даст. То же самое с потолком, до которого мы, впрочем, и не дотянемся. Если же повредить генератор электромагнитного поля, нас будет ждать падение с высоты девяноста футов. Однако, если не делать ничего, мы скоро начнем умирать. Тогда единственной альтернативой будет падение.

— Согласен.

— "Согласен"? И это все?

— Мне нужно больше данных. Мог бы кто-то из вас подробно описать то, что видит вокруг себя? В интерком я вижу только кусок изогнутой стены.

Они говорили по очереди. Кзин включил фары своего скутера, и в тюрьме стало почти совсем светло.

Однако, когда Луис замолчал, рассказав все, что мог, он по-прежнему висел вниз головой над грозной пропастью.

Он чувствовал крик, нарастающий где-то глубоко в горле, пока еще скрытый под многими слоями спокойствия, но вскоре эти слои начнут один за другим лопаться, и крик будет подниматься все выше…

Неужели Несс предоставит их самим себе?

Ответ на этот вопрос был почти очевиден. Все говорило за то, что он сделает именно так, и ничто не подтверждало обратного. Вот разве что кукольник до сих пор лелеял надежду найти здесь развитую цивилизацию.

— Вид этих экипажей и возраст скелетов свидетельствуют о том, что сюда очень долго никто не заглядывал, — сказал кзин. — После ухода людей из города сюда еще попала пара машин, а затем уже некому было попадать. Потому эти устройства еще действуют — все это время ими просто не пользовались.

— Возможно, — сказал Несс. — Кто-то нас подслушивает. Луис навострил уши, заметив, что Говорящий сделал это в буквальном смысле слова.

— Нужна необычайно тонкая техника, чтобы перехватить направленный сигнал в замкнутом контуре. Интересно, понимает ли подслушивающий, о чем мы говорим9

— Что ты знаешь о его положении?

— Я знаю только направление. Источник помех расположен недалеко от вас. Не исключено, что прямо над вами.

Луис попытался взглянуть вверх. Напрасно. Между ним и потолком были два надутых балло-

на и шасси скутера.

— Значит, мы все-таки нашли цивилизацию Кольца, — громко сказал он.

— Цивилизованное существо исправило бы третий автомат… тот, в вашем помещении. Мне нужно подумать.

И кукольник запел Бетховена, а может, “Битлз” — во всяком случае, что-то классическое. Насколько Луис понял, вскоре начались его собственные вариации.

Когда Несс сказал: “Мне нужно подумать”, он понимал это совершенно буквально. Музыка звучала, казалось, без конца. Луису хотелось пить. И есть. У него болела голова.

Он успел уже несколько раз потерять всякую надежду, когда кукольник, наконец, заговорил:

— Я предпочел бы воспользоваться дезинтегратором Славера, но что делать… Луис, это будет задание для тебя. Ты лучше кзина справишься с подъемом…

— С подъемом?

— Если будешь задавать вопросы, я замолчу. Возьми лазер и проткни его лучом баллон перед собой. Когда почувствуешь, что падаешь, ухватись покрепче за его поверхность и поднимись по ней на верх скутера. Потом…

— Ты сошел с ума, Несс.

— Дай мне закончить. Речь идет о выводе из строя всех автоматических устройств, которые могли бы среагировать на использование оружия. Вероятнее всего, их одно-два над или под дверями, другое где-то еще. Единственное, что можно сказать о нем — оно наверняка ничем не отличается от первого.

— А если и отличается — не бери в голову. Может, объяснишь мне, как, по-твоему, я ухвачусь за оболочку взрывающегося баллона, чтобы… Нет, это невозможно.

— А как я могу добраться до вас, зная, что окажусь в пределах действия устройства, которое уничтожит мой скутер так же, как и ваши?

— Не знаю.

— Может, ты думаешь, что Говорящий сделает это за тебя?

— А разве коты не умеют лазить?

— Я происхожу от низинных котов, Луис, — вставил кзин. — У меня еще не зажила ладонь, и я не могу взбираться быстро. Впрочем, все равно предложение травоядного остается чистым безумием. Неужели ты не понимаешь, что он просто ищет повод нас покинуть?

Луис отлично понимал это. Похоже, на его лице

отразилась по крайней мере часть страха, который он испытывал, потому что Несс сказал:

— Пока что я не покину вас. Подожду. Может, вы придумаете лучший план. А может, появится тот, кто подслушивает. Я подожду.

Ничего странного, что висящий головой вниз между двумя баллонами Луис потерял чувство времени. Вокруг ничего не менялось, ничего не двигалось. Он слышал в интеркоме посвистывание кукольника, и это было все.

Наконец, он начал считать удары своего сердца. Семьдесят два в минуту… примерно.

Ровно через десять минут он сказал:

— Семдесят два. Минута. Что я делаю?

— Ты что-то сказал, Луис?

— Ненис! Говорящий, с меня довольно. Лучше умереть, чем сойти с ума. — И он начал высвобождать руки.

— Луис, мы находимся в боевой обстановке. Я приказываю тебе сохранять спокойствие и ничего не делать!

— Мне очень жаль. — Рывок, отдых. Рывок, отдых. Еще немного…

— Предложение кукольника — это верная смерть.

— Возможно. — Наконец, лазер был у него в ру-

ках. Он направил его вперед — попутно, видимо, он уничтожит пульт управления, но это уже не имело особого значения.

Он нажал на спуск.

Продырявленный баллон начал медленно опадать, тот же, что находился за спиной Луиса, толкал его вперед, занимая освобождающееся пространство. Луис торопливо спрятал лазер за пояс и крепко ухватился за опадающую оболочку.

Он почувствовал, что выскальзывает из кресла… судорожно сжал пальцы… и спустя секунду уже висел на руках под скутером.

— Говорящий!

— Да, Луис. У меня дезинтегратор. Проткнуть второй баллон?

— Да!

Баллон не опадал, как первый, он просто превратился в облачко невесомой пыли. Кзин не пожалел заряда.

— Лапы финагла! — буркнул Луис. — Хорошо еще, что ты прицелился. — И он начал подниматься.

По оболочке баллона лезть было нетрудно. Проблемы начались, когда он добрался до самого скутера. Взобраться на него было не так-то про-

сто, тем более, что машина явно накренилась в его сторону.

Прижавшись к скутеру как можно теснее, обняв конструкцию руками и ногами, Луис начал его раскачивать.

Говорящий с Животными издавал какие-то странные звуки.

Скутер заходил взад и вперед, все больше и больше раскачиваясь. Луис исходил из того, что большинство металлических частей расположены в нижней части экипажа. Будь это иначе, скутер переваливался бы с боку на бок, не занимая никакого стабильного положения. Тогда Несс, пожалуй, не предложил бы свой рискованный план…

Скутер раскачивался теперь, как морская яхта во время шторма. Луис чувствовал подступающую тошноту. Если бы он сейчас начал блевать и подавился, с ним бы было все кончено.

Еще одно качание, и машина, сделав полный оборот, накренилась набок, еще раз, снова оборот, еще один… Луис, распластавшись, как жаба, открыл рот и выметнул — что? Вчерашний завтрак? Неважно. Он * блевал, прижимаясь лицом к гладкой металлической поверхности, и не сдвинулся при этом ни на дюйм.

Скутер еще немного покачивался, но уже висел в нормальном положении. Луис отважился взглянуть вверх — и увидел, что за ними следит женщина.

Она казалась совершенно лысой. Черты ее лица напомнили Луису проволочную скульптуру, висящую в банкетном зале Неба. Черты лица и его выражение. Она была спокойна, как богиня или покойник. А он мечтал только о том, чтобы где-нибудь спрятаться.

— Говорящий, за нами следят, — сказал он вместо этого. — Передай Нессу.

— Минутку, Луис, я должен прийти в себя. Я наблюдал за твоим подъемом. Этого не стоило делать.

— Хорошо. Она… Я думал, она совершенно лысая, но нет: у нее узкая полоса длинных волос, почти до плеч. — Он не сказал, что волосы эти густы и черны, и падают ей на одно плечо, когда она наклоняет голову, с интересом разглядывая его. Не сказал он и того, что у нее прекрасно сформированная челюсть, а взгляд прошивает его, как маслину, брошенную в мартини.

— Думаю, она Инженер. Или принадлежит к этой расе, или воспитана в их традициях. Ты все понял?

— Да. Где ты научился так подниматься? Кто ты, Луис?

Луис громко рассмеялся, судорожно прижимаясь к останкам своего скутера. Это отняло у него последние силы.

— Признайся, что ты приверженец религии Кдапта-проповедника, — сказал он.

— Меня воспитали в этой вере, но науки не пошли мне на пользу.

— Ясно. Есть связь с Нессом?

— Да. Я включил сирену.

— Тогда передай ему: она футах в двадцати надо мной. Смотрит на меня, будто я змея. Я не говорю, что она мной интересуется, скорее, ее не интересует ничего, кроме меня. Она моргает, но ни на секунду не отводит взгляда. Сидит в чем-то вроде застекленной будки. То есть когда-то застекленной. Сейчас это просто огороженная платформа. Сидит на полу со свешенными вниз ногами. Вероятно, оттуда и раньше разглядывали узников. На ней… Не скажу, чтобы мне это нравилось. Что-то пузыристое… Внизу до колен, вверху до локтей. Впрочем, это неинтересно кзину и кукольнику. Материал наверняка искусственный. Или новый, или необычайно прочный и долговечный… — Луис замолчал, поскольку девушка что-то сказала.

Он ждал, и она повторила — что бы это ни было — не слишком длинную фразу.

После чего грациозно встала и вышла.

— Она ушла. Вероятно, я ей надоел.

— Или вернулась к своим подслушивающим устройствам.

— Возможно. — Если слушающий находился в этом здании, то Принцип Оккама требовал признать, что это была именно она.

— Несс говорит, чтобы ты поставил лазер на малую мощность и широкий радиус и воспользовался им как прожектором, когда эта женщина вернется. Я не должен показывать дезинтегратора. Вероятно, женщина может убить нас одним движением пальца. Она не должна видеть у нас никакого оружия.

— Тогда как избавиться от этих автоматических датчиков? Ответ кзина пришел с секундным опозданием.

— Мы не будем от них избавляться. Несс говорит, что мы попробуем кое-что другое. Он собирается сам сюда явиться.

Луис позволил своей голове свободно упасть на холодную металлическую поверхность. Облегчение, которое он почувствовал, было так велико, что он не мог ее поднять, пока снова не

услышал кзина1

— Мы все трое окажемся в одной ловушке. Луис, как отговорить его от этого?

— Скажи ему это. Или нет, не надо. Если бы он не был уверен, что это абсолютно безопасно, он никогда бы так не поступил.

— Но как это может быть безопасно?

— Не знаю. Дай мне отдохнуть.

Кукольник наверняка знает, что делает. Им не оставалось ничего, кроме как верить его трусости. Луис прижался щекой к гладкому металлу…

Постепенно он погрузился в дрему.

Его подсознание все время помнило, где он и в каком положении, поэтому при малейшем движении скутера он тут же открывал глаза. Его сон более походил на какой-то невероятный кошмар.

Когда вспыхнул свет, он сразу проснулся.

Свет лился через широкое горизонтальное отверстие, служившее здесь дверями. В слепящем свете внутрь величественно вплыл перевернутый вверх ногами скутер кукольника. Его хозяин висел головами вниз, удерживаясь в кресле больше специальными ремнями, чем баллонами.

Двери закрылись.

— Добро пожаловать, — процедил Говоря-

щий. — Можешь повернуть меня вверх головой?

— Пока нет. Девушка появлялась во второй раз?

— Нет.

— Придет. Люди очень любопытны, Говорящий. Наверняка она никогда прежде не видела ни тебя, ни меня.

— И что с того? Мне уже надоело это висение! — простонал кзин.

Кукольник коснулся какой-то кнопки на пульте управления, и произошло чудо: машина стала в нормальное положение.

— Как? — только и сумел сказать Луис.

— Когда они захватили контроль над скутером, я выключил все, что можно было выключить. Даже если бы электромагнитное поле не схватило меня, я всегда успел бы в последнюю минуту включить двигатели. Сейчас все должно получиться. Когда девушка снова сюда придет, ведите себя дружески. Луис, можешь вступить с нею в сексуальную связь, если считаешь, что это нам чем-то поможет. Говорящий, Луис — наш господин, а мы — его слуги: женщина может страдать ксенофобией. Если она увидит, что кошмарные существа слушаются приказов человека, она может стать более благосклонной.

Луис совершенно искренне расхохотался. Кошмарный полусон все же освежил его.

— Не думаю, чтобы она оказалась благосклонной, не говоря уже о чем-то большем. Ты ее не видел. Она была холодна, как ледяные пещеры Плутона. По крайней мере, в отношении меня. Честно говоря, я нисколько не удивлен. Ведь она видела, как я извергаю свой последний обед. Такое зрелище трудно назвать романтичным.

— Она будет счастлива каждый раз, как взглянет на нас, — сказал Несс, — и находясь в другом месте будет чувствовать, что ей чего-то не хватает. Если же она приблизится к кому-нибудь из нас, ее счастье возрастет…

— Ненис! — воскликнул Луис. — Ну, конечно!

— Понимаете? Это хорошо. Кстати, я понемногу учил местный язык и, похоже, мое произношение, и грамматика безукоризненны. Если бы еще знать, что значат слова, которыми я пользуюсь…

Говорящий перестал даже жаловаться. Какое-то время он ругал Луиса и Несса за то, что они не могут ему помочь, но потом затих.

Луис снова задремал, но, услышав сквозь сон какое-то звяканье, мгновенно проснулся.

Она сходила по лестнице, бренча колокольчиками, висящими на сандалиях. На этот раз на ней

было длинное платье с большими, оттопыривающимися карманами. Длинные черные волосы свешивались на одно плечо.

И только спокойное достоинство ее лица ничуть не переменилось.

Она села на платформу, свесив ноги над пропастью, и посмотрела на Луиса Ву. Она не двигалась. Луис тоже. Несколько бесконечных минут они смотрели друг на друга, прямо в глаза.

Потом она потянулась к одному из карманов, вынула что-то размером со сжатый кулак, а цветом похожее на апельсин, и бросила это в направлении Луиса, так, чтобы оно пролетело в нескольких дюймах от его вытянутой руки.

Луис узнал, что это: сочный плод, точно такой же, какие он нашел несколько дней назад на одном кусте. Он загрузил их в контейнер пищевого регенератора, даже не проверив, какой у них вкус.

Плод оставил красное пятно на крыше одной из камер. В ту же секунду Луис едва не захлебнулся собственной слюной и почувствовал невероятную, животную жажду.

Она бросила ему следующий. На этот раз он пролетел ближе, так, — что он мог бы его достать, но при этом перевернул бы скутер. И она отлично

знала об этом.

Третий плод ударил его прямо в спину. Он плотнее прижался к скутеру, мрачно гадая, что еще его ждет.

И тут в поле ее зрения появился скутер кукольника. Девушка улыбнулась.

До сих пор Несс скрывался за мощными останками воздушного грузовика. Сейчас, снова перевернувшись вверх ногами, он подплыл к Луису, как будто принесенный случайным сквозняком.

— Можешь ее соблазнить? — шепотом спросил он.

Луис фыркнул от ярости, но вовремя понял, что кукольник не смеется, а спрашивает совершенно серьезно.

— Нечего и пытаться, — ответил он. — Она думает, что я — какое-то животное.

— В таком случае можно попробовать иную тактику.

Луис прижался лбом к холодному металлу. Пожалуй, еще никогда в жизни он не чувствовал себя так плохо.

— Попробуй ты, — сказал он. — Меня она наверняка не сочтет равным себе, а с тобой, может, будет иначе. Она не будет сравнивать себя с тобой, ты слишком отличаешься от нее.

Скутер кукольника был уже в нескольких футах от него. Несс громко сказал что-то на том языке, на котором говорил лысый дирижер хора: на святом языке Инженеров.

Девушка не ответила, но… Что ж, это трудно было назвать улыбкой, но все же уголки ее губ слегка поднялись вверх, а в глазах появилась искорка оживления.

Несс начал с малой мощности. С очень малой мощности.

Он произнес новую фразу, и на этот раз получил ответ. Ее голос был холоден и мелодичен, но это не удивило Луиса, поскольку он ожидал чего-то подобного.

Голос кукольника мгновенно стал похож на голос девушки.

А потом начался урок языка.

Для Луиса, неуверенно балансирующего над кошмарной пропастью, этот урок был просто скучным. Время от времени он выхватывал какое-то слово, разумеется, понятия не имея, что оно означает. Через некоторое время девушка бросила Нессу оранжевый плод — они уже установили, что он называется “трумб”. Несс поймал его.

Внезапно его собеседница встала и вышла.

— И что? — спросил Луис.

— Наверное, ей надоело, — сказал Несс. — Во всяком случае, она ничего не сказала.

— Я умираю от жажды. Нельзя ли попробовать этот “трумб”?

— “Трумб” означает только цвет его кожицы, Луис.

Кукольник направил свой экипаж к Луису и вручил ему плод.

Луис отважился освободить только одну руку. Это означало, что грубую шкуру ему придется срывать почти исключительно зубами. Он так и сделал, а потом вгрызся в сочную мякоть. Это была самая вкусная вещь, которую он пробовал на последние двести лет.

— Вернется? — спросил он, почти покончив с плодом.

— Будем надеяться. Я работал таспом очень осторожно, на уровне подсознания. Ей будет не хватать этого. Зависимость с каждым разом будет все глубже. Луис, а может, направить ее чувства на тебя?

— Нечего и думать. Она считает меня туземцем, дикарем. Кстати, кто она?

— Не знаю. Она не пыталась это скрыть, просто не говорила на эту тему. Впрочем, я еще слишком слабо знаю язык. По крайней мере, пока.

Глава 20. МЯСО

Несс приземлился, чтобы осмотреть нижнюю часть помещения. Отрезанный от интеркома Луис попытался разглядеть, что там делает кукольник, но через некоторое время отказался от своих попыток.

Через какое-то время он услышал шаги. На этот раз без колокольчиков.

— Несс, — крикнул он, приложив ладонь ко рту.

Звук несколько раз отразился от стен и сконцентрировался на дне воронки. Кукольник подскочил, одним прыжком занял место в своем скутере и стартовал, точнее полетел вверх как мыльный пузырь. Видимо, он включал двигатель, чтобы противостоять действию поля, а теперь просто выключил его.

Когда шаги остановились над ними, он уже как ни в чем не бывало плавал среди металлического лома.

— Ненис! — прошептал Луис. — Что она делает?

— Терпение. Не жди, что она попадет в полную зависимость с первого раза.

— Так пусть наконец до твоих пустых безмозглых голов дойдет, что я не могу балансировать бесконечно!

— Но так нужно. Чем я могу тебе помочь?

— Воды… — Луис не был уверен, язык ли у него во рту или же двухъярдовый свернутый рулон фланели.

— Ты хочешь пить? Но как я могу подать тебе воду? Если ты повернешь голову, то потеряешь равновесие.

— Знаю, не нужно мне напоминать. — Тело Луиса содрогнулось. Это просто смешно — чтобы старый космический волк так сильно боялся высоты! — Что с Говорящим?

— Я беспокоюсь за него. Он уже давно без сознания.

— Ненис…

Шаги.

Пожалуй, у нее мания переодеваться, подумал Луис. На этот раз на ней было что-то волнистое в зеленых и оранжевых пятнах. Как и предыдущие наряды, этот не позволял представить формы ее тела.

Она присела на край наблюдательной платформы, с холодным вниманием разглядывая их. Луис, не шевелясь, ждал развития событий.

Лицо ее смягчилось, глаза расширились, уголки губ поползли вверх.

Несс заговорил первым.

Она, казалось, задумалась, потом сказала что-то похожее на ответ. А затем вышла.

— Ну и что?

— Нужно ждать.

— Меня уже тошнит от ожидания!

Неожиданно скутер кукольника двинулся вперед и вверх, чтобы через секунду стукнуться о край наблюдательной платформы, совсем как пристающая к набережной лодка.

Несс ловко выскочил на “берег”.

Девушка вышла ему навстречу. То, что она держала в левой ладони, походило на оружие, но вторая рука коснулась одной из голов и, после мгновенного колебания, погладила.

Несс издал возглас удовольствия и восторга.

Она повернулась и, не оглядываясь, начала подниматься по лестнице. Вероятно, она считала, что Несс пойдет за ней покорно, как собака. Что он и сделал.

“Хорошо, — подумал Луис. — Будь милым, будь вежливым, заслужи ее доверие”.

Когда звуки их шагов стихли вдали, в тюремной камере стало тихо, как в опустевшей гробнице.

Скутер Говорящего висел в каких-нибудь тридцати футах от Луиса. Из-под зеленых баллонов выглядывала забинтованная ладонь и оранжевое лицо с закрытыми глазами. Приблизиться к нему не было никакой возможности. Кзин мог уже давно умереть.

Среди покрывающих пол костей была почти дюжина черепов. Кости, почти ощутимая древность, ржавый металл и тишина. Луис судорожно цеплялся за свой скутер, ожидая, когда его покинут силы.

Он снова погрузился в дрему, когда вдруг почувствовал — что-то происходит. Скутер заколыхался…

Жизнь Луиса зависела от того, сумеет ли он сохранить равновесие. Мгновенное колебание вызвало у него панику, и он торопливо осмотрелся, двигая только глазами.

Неподвижные останки машин по-прежнему окружали его со всех сторон. Однако ЧТО-ТО двигалось…

Какой-то экипаж закачался и вдруг полетел вниз.

Нет, он приземлился на крыше одной из камер. Один за другим то же повторяли остальные экипажи.

Скутер Луиса перевернулся в каком-то водовороте электромагнитного поля и тяжело ударился боком о твердую поверхность. Луис мгновенно ослабил хватку и откатился на несколько футов.

Он попытался встать на ноги, но не смог — он был не в силах удерживать равновесие. Его руки стали бесполезными крючьями, сведенными болью. Тяжело дыша, он лежал на боку, думая, что для кзина, наверное, уже поздно. Скутер Говорящего должен был при приземлении раздавить висящего под ним кзина.

Он лежал совсем недалеко, перевернувшись на бок, однако, чтобы доползти до него, Луису потребовалось немало времени. Кзин дышал, но был без сознания. Тяжесть скутера не сломала ему шею, вероятно, потому, что у Говорящего шеи не было. Луис с трудом вытащил из-за пояса лазер и проколол держащие кзина баллоны.

И что теперь? Он вдруг вспомнил, что умирает от жажды. Зато голова перестала кружиться. Он встал и на глиняных ногах отправился на поиски воды, ни о чем другом он просто не мог думать.

Оказалось, что воронка пола образована концентрическими кругами камер. Говорящий и Луис приземлились на четвертом круге, считая от центра. Два остальных скутера лежали ступе-

нью ниже.

Чувствуя, что при каждом шаге у него подгибаются ноги, Луис спускался по лестнице, соединяющей соседние уровни. Его мускулам было еще далеко до прежней эластичности.

При виде пульта управления он покачал головой. Надписи и вообще весь его вид были так таинственны, что наверняка никто не рискнул бы украсть у кукольника его скутер. Единственной очевидной вещью была прозрачная гибкая трубка.

Вода была дистиллированная, теплая и имела какой-то странный вкус. Но прежде всего — она была чудесна.

Когда Луис утолил жажду, он попробовал кирпичик из питателя. Его вкус был СЛИШКОМ странным, и Луис на всякий случай решил его не есть. Он мог содержать составляющие, убийственные для человеческого организма. Лучше спросить Несса.

Говорящему он принес воды в ботинке — первом резервуаре, который попался ему на глаза — и осторожно влил в полуоткрытый рот кзина. Говорящий проглотил ее и улыбнулся, не приходя в сознание. Луис отправился за следующей порцией, но прежде, чем он сумел добраться до

скутера кукольника, его оставили силы; он и так держался чересчур долго.

Он свернулся в клубок на крыше какой-то камеры и закрыл глаза.

Безопасность. Наконец-то, безопасность…

Он должен был сразу уснуть каменным сном, но что-то не давало ему покоя.

Ноющие мышцы, синяки на ладонях и внутренней поверхности бедер, страх перед падением, который не покидал его даже сейчас… И что-то еще.

— Ненис… — пробормотал он, садясь и скрещивая ноги. Говорящий?

Кзин спал, свернувшись клубком возле дезинтегратора Славера. Он дышал быстро и неглубоко. Хорошо это или плохо? Несс должен знать это. А пока пусть спит.

— Ненис, — повторил Луис себе под нос.

Он был один, но это одиночество не имело ничего общего с радостным одиночеством Отрыва. На нем лежала ответственность за жизнь других. В то же время его жизнь зависела от того, удастся ли Нессу заморочить безумную женщину, которая их захватила. Ничего странного, что Луис не мог уснуть.

И все-таки…

Взгляд Луиса остановился на скутере.

Его скутер с продырявленными, опавшими баллонами. Рядом — скутер кзина и сам кзин. Ниже — скутер кукольника… и четвертый, без баллонов. ЧЕТЫРЕ скутера.

В первый раз, горячечно ища воду, он не обратил на это внимания. Скутер Тилы. Вероятно, до этого он прятался за одним из крупных экипажей. Без баллонов. Без баллонов…

Она должна была выпасть, когда скутер перевернулся вверх дном. Или же ее выбросило напором воздуха, когда при скорости в 2 Маха перестал действовать барьер.

Как это сказал Несс? “Вероятно, ее счастье действует не всегда”. А Говорящий: “Если бы ее счастье подвело хотя бы раз, она уже была бы мертва”.

Она умерла. Наверняка умерла.

“Я прилетела сюда с тобой, потому что люблю тебя”.

— Тебе не повезло, — сказал Луис. — Не повезло, что ты вообще встретила меня.

После этого он свернулся клубком и заснул. Открыв глаза, он увидел склоненное над собой лицо Говорящего. Дикий, голодный взгляд…

— Ты можешь есть пищу пожирателя ли-

стьев? — спросил кзин. — Похоже, только я не имею никаких источников питания.

ГОЛОДНЫЙ взгляд… У Луиса зашевелились волосы на затылке.

— Ты отлично знаешь, что имеешь, — сказал он так спокойно, как только смог. — Вопрос только в том, воспользуешься ли ты им.

— Конечно, нет. Если честь будет требовать, чтобы я умер с голоду, я так и сделаю.

— Это хорошо. — Луис повернулся на другой бок и сделал вид, что засыпает.

Через несколько часов он проснулся, зная, что на самом деле крепко спал. Видимо, его подсознание полностью доверяло кзину. Раз он сказал, что умрет от голода, то и вправду умрет.

Луис чувствовал давление на мочевой пузырь, чувствовал невыносимый смрад и боль перенапряженных мышц. Воронкообразный колодец помог разрешить первый вопрос, затем водой из скутера кукольника он смыл с комбинезона засохшую рвоту и заковылял к своему экипажу за аптечкой первой помощи.

Это не было коробкой с лекарствами. Аптечка могла сама приготовить некоторые лекарства и даже диагностировать болезни, но сейчас от нее осталась только почерневшая, никуда не годная

упаковка.

Свет все больше меркнул.

В крышах камер были люки с прозрачными глазками. Луис лег на живот и заглянул в один из них: кровать, довольно необычный туалет и… солнечный свет, льющийся через окно.

— Говорящий! — позвал Луис.

Воспользовавшись дезинтегратором, они через боковую стену попали внутрь. Большое прямоугольное окно было роскошным и совершенно неожиданным элементом обстановки камеры. Стекла были выбиты, осталось только несколько острых осколков.

Может, оно было для того, чтобы узник мучился, вспоминая утраченную свободу?

Снаружи царил полумрак, словно занавес, приближалась линия терминатора. Перед ними открывался вид на порт: кубы, которые когда-то были складами, разваливающиеся доки, элегантные краны… Все это почти насквозь проржавело.

Вправо и влево тянулся изогнутый берег. Кусочек пляжа, доки, снова кусочек пляжа… Видимо, так и проектировали береговую линию: маленький пляж, как на Вайкики, потом сразу — бездна, отлично подходящая для устройства порта — и так далее, по очереди.

А дальше тянулся океан. Бескрайний, исчезающий за несуществующим горизонтом. Совсем, как если бы они смотрели через Атлантику.

Справа надвинулся черный занавес ночи. Вспыхнули, еще действующие огни, освещая башни центра. Остальной город и порт скрыла темнота. Далеко слева еще светлел удаляющийся день.

Говорящий лежал на овальной постели.

Луис улыбнулся. Воинственный кзин выглядел самым невинным существом на свете. Сон лучше всего лечит раны, а они, должно быть, порядком измотали его. А может, он спал, чтобы не чувствовать голода?

Луис тихо вышел из камеры.

В царящей внутри тюрьмы темноте он отыскал скутер Несса. К этому времени он уже так оголодал, что проглотил предназначенный для Несса кирпичик, не обращая внимания на его странный вкус. В темноте он чувствовал себя неуверенно, поэтому включил фары нессова скутера, а потом сделал то же самое со всеми остальными машинами. Когда он закончил, огромное помещение было уже хорошо освещено, а тени стали совсем не страшными.

Что же задержало Несса?

В прежней, воздушной тюрьме было не так уж

много возможностей для развлечений. Спать можно было только урывками, но Луис уже с избытком израсходовал свою порцию. Правда, можно было думать о том, что — о, красные лапы финагла! — так долго делает Несс, но вскоре появилась мысль, что тот просто решил спасать свою шкуру.

Несс не был каким-то там простым чужаком. Это был кукольник Пирсона, с прошлым, состоящим в основном из более-менее удачных опытов в манипулировании людьми. Если бы возник шанс договориться с Инженером, он наверняка не колеблясь оставил бы на произвол судьбы и Луиса, и Говорящего с Животными. Не было бы никаких причин поступить иначе.

Зато имелись по крайней мере две причины поступить именно так.

Говорящий почти наверняка предпримет еще одну попытку завладеть “Счастливым случаем”, чтобы не дать людям гиперпространственный привод квантум II. Во время этой попытки кукольник может быть ранен, если не хуже. Лучше разрешить эту проблему уже сейчас, оставив кзина на Кольце. А при случае — и Луиса вместе с ним.

Кроме того, оба они слишком много знали.

Сейчас, когда Тила была мертва, только Луис и Говорящий знали факты, касающиеся вмешательства кукольников в развитие обеих рас. Звездные семена, Лотерея Жизни — если Несс получил приказ изучить реакцию своих спутников на эти откровения, то ему наверняка поручили избавиться от них сразу после эксперимента.

Это были вовсе не новые мысли. Луис ожидал чего-нибудь подобного с момента, когда Несс признался в сознательном заманивании корабля Внешних в район Проциона. Хуже всего было, что он мог только сидеть и ждать.

Желая хоть чем-то занять галопирующие мысли, Луис вломился в очередную камеру. Он установил луч своего лазера на минимальное рассеивание и максимальную мощность, и вскоре был внутри.

После первого же вдоха он почувствовал страшную вонь. Пользуясь лазером, он осветил помещение — здесь кто-то умер, причем уже после того, как перестала действовать вентиляция. Мертвец опирался на окно, сжимая в ладони черепок разбитого кувшина.

Очередная камера оказалась пустой, и Луис занял ее.

Потом он обошел колодец, чтобы добраться

до камер по другую сторону здания. Из ее окна виднелся абсолютно неподвижный циклон, вглядывающийся в него. Принимая во внимание то, что их разделяли две с половиной тысячи миль, размеры его вызывали уважение. Огромное, совершенно спокойное око.

Слева поднималось длинное узкое здание, немного похожее формой на пассажирский космический корабль. Луис на секунду дал волю фантазии: представил, что это действительно ловко укрытый корабль и достаточно только…

Это было плохое развлечение, и оно быстро наскучило ему.

Он постарался запомнить топографию города — это могло им пригодиться. Это было первое место за все их путешествие, где они встретили рудименты цивилизации.

Спустя час он сидел на овальной кровати, смотря на спокойно разглядывающий его Глаз, когда рядом с ним в какой-то невообразимой дали заметил небольшой зеленовато-коричневый треугольник.

— Мммм… — задумчиво произнес он. Треугольник имел минимальные размеры, однако можно было определить его форму. Он торчал из серо-белого хаоса бесконечного горизонта, а это

означало, что там был еще день.

Луис отправился за биноклем.

Глядя в него, он увидел все детали так же отчетливо, как кратеры на Луне. Неправильный треугольник, зеленовато-коричневый у основания, грязно-белый у вершины… Кулак Бога. Гораздо больший, чем он мог предполагать. Факт, что он видел его с такого расстояния, указывал на то, что значительная часть горы выступала за атмосферу.

С момента вынужденной посадки на Кольце скутеры пролетели более ста пятидесяти тысяч миль. Кулак Бога должен был иметь по крайней мере тысячу миль высоты.

Луис протяжно свистнул и вновь приложил бинокль к глазам.

Сидя в полумраке, он услышал шедшие сверху звуки и высунул голову из камеры.

— Привет, Луис! — рявкнул Говорящий, махая ему окровавленной полусъеденной тушей чего-то, похожего размерами на крупную козу. Он откусил кусок размером с человеческую голову, потом еще один и еще. Его зубы были созданы, чтобы резать, а не жевать.

Говорящий указал Луису на оторванную заднюю ногу жертвы, еще с кожей и копытом.

— Это для тебя, Луис. Не слишком свеже, но это не имеет значения. Нужно торопиться. Пожиратель листьев предпочел не смотреть, как мы едим. Он наслаждается видом из моей камеры.

— Он очень удивится, если заглянет в мою, — сказал Луис. — Мы ошибались относительно Кулака Бога. В ней по крайней мере тысяча миль высоты. То, что у нее не вершине — это не снег, а…

— Луис, ешь!

Рот Луиса наполнился слюной.

— Надеюсь, это можно как-нибудь поджарить…

Действительно, можно было. Говорящий содрал за него шкуру с окорока, после чего Луис положил мясо на ступеньку и поджарил рассеянным лучом лазера.

— Мясо и вправду несвежее, — сказал подозрительно смотревший на него кзин, — но разве следует сразу же жечь его?

— Что с Нессом? Он узник или хозяин?

— Я бы сказал — частично хозяин. Посмотри вверх.

Маленькая фигурка девушки сидела на краю наблюдательной платформы.

— Видишь? Она боится потерять его из виду.

Наконец, Луис решил, что мясо готово. Поедая его, он чувствовал на себе нетерпеливый взгляд кзина, следившего, как человек бесконечно долго жует каждый кусок. Самому же Луису казалось, что он ест, как хищный зверь. Он был ГОЛОДЕН.

Щадя чувства кукольника, они выбросили объедки через разбитое окно, после чего все собрались у его скутера.

— Она уже частично попала в зависимость, — сказал Несс. Он как-то странно дышал… может, от запахов сырого и горелого мяса. — Мне удалось многое узнать от нее.

— Ты знаешь, почему она нас схватила?

— Да. Я знаю и кое-что еще. Нам повезло — она принадлежала к команде космического корабля.

— Большой шлем на руках,[1] — сказал Луис Ву.

Глава 21. ДЕВУШКА ИЗ-ЗА КРАЯ

Ее звали Халрлоприллалар Хотруфан, и на протяжении двухсот лет она входила в состав экипажа корабля “Пионер”, как после недолгого колебания перевел Несс его название.

---

[1] notes: 1

Самое выгодное расположение карт для играющего в бридж, позволяющее взять все взятки.

“Пионер” обслуживал круговую линию, включающую четыре солнечные системы: пять планет с кислородной атмосферой и Кольцо. Один полный рейс длился двадцать четыре года, причем “год” не имел ничего общего с Кольцом. Это была традиционная мера времени, перенесенная с одной из покинутых планет.

Перед возникновением Кольца два из посещаемых “Пионером” мира были очень густо населены, но сейчас на них никто не жил, так же, как и на остальных. Там были только руины городов, частично скрытые дикой растительностью.

Халрлоприллалар имела за плечами восемь рейсов. На покинутых планетах росли растения и жили звери, которые не могли приспособиться к условиям Кольца из-за отсутствия цикла зима-лето. Некоторые из этих растений использовались как приправы, некоторые из зверей были источником мяса. Что касается остальных, Халрлоприллалар ничего не знала о них, и это ее не волновало.

Она не имела ничего общего с обработкой грузов.

— Точно так же она не занималась ни управлением, ни консервацией приборов и машин. Понятия не имею, что она там вообще делала, —

признался Несс. — Экипаж “Пионера” состоял из тридцати шести человек. Наверняка, их было слишком много. Скорее всего, она не имела ничего общего ни с чем, что могло повлиять на судьбу команды и корабля. Для этого она слишком глупа.

— Ты спросил, каково было соотношение полов?

— На тридцать шесть членов экипажа были три женщины.

— Значит, можешь больше не гадать, что она делала. Двести лет путешествий и приключений… Вдруг, под конец восьмого рейса, Кольцо не ответило на вызов “Пионера”.

Ускоритель не действовал; им не удалось заметить активности НИ В ОДНОМ из портов.

Пять планет, которые корабль посещал во время каждого рейса, не имели электромагнитных пушек, служащих для торможения корабля. Для этого “Пионер” располагал запасом топлива. Корабль мог садиться, оставался только вопрос: где?

Наверняка, не на поверхность Кольца. Управляемые автоматами лазерные орудия разнесли бы их в пыль.

Они не получили разрешения на посадку ни

в одном из портов, кроме того, что-то там было не в порядке.

Возвращаться на одну из покинутых планет? Это равнялось бы основанию новой колонии из тридцати трех мужчин и трех женщин.

— Они были невольниками обычая, и не способны были принять такое решение. Началась паника, — продолжал Несс. — Вспыхнул бунт. Пилот сумел забаррикадироваться в рубке и с помощью двигателей посадить корабль в одном из портов. За то, что он подверг корабль и экипаж опасности, его убили, хотя мне кажется, это произошло из-за того, что он нарушил традицию и самовольно приземлился на двигателях, а не в безопасной электромагнитной колыбели.

Луис почувствовал на себе чей-то взгляд и посмотрел вверх.

Девушка все время следила за ними. Одна из голов Несса, левая, тоже ни на мгновенье не спускала с нее пристального взгляда.

Значит, в ней и находился тасп. Именно поэтому Несс постоянно смотрел вверх. Девушка не хотела ни на секунду, потерять его из виду, а он боялся отпустить ее за пределы действия своих чар.

— После убийства пилота они покинули ко-

рабль, — продолжал Несс, — и только тогда поняли, какой вред он им нанес. ЧИЛТАНГ БРОНЕ была испорчена, а они оказались по другую сторону стены высотой в тысячу миль.

Я не нашел никакого эквивалента для этого названия ни в интерволде, ни в Языке Героев, знаю только, как это действует. Это имеет для нас огромное значение.

— Тогда рассказывай дальше, — поторопил его Луис.

Строители Кольца снабдили его соответствующими предохранителями. Может показаться, что они предвидели упадок цивилизации, как будто следующие друг за другом периоды расцвета и варварства навсегда вписаны в прошлую и будущую историю человека. Сложная конструкция Кольца не могла быть повреждена. Потомки Инженеров могли забыть, как обслуживать воздушные шлюзы и электромагнитные пушки, как передвигать планеты и строить летающие экипажи. Цивилизация могла перестать существовать, Кольцо — нет.

Например, лазерные орудия, служащие для защиты от метеоритов, были настолько надежны, что Халрлоприллалар…

— Называй ее Прилл, — предложил Луис.

— …что Прилл и весь экипаж ни на секунду не подумали, что они могут испортиться.

Но что же с космическим портом? На что бы годилась его надежность, если бы какой-нибудь идиот открыл одновременно все двери шлюзов?

Ответ был прост: никаких шлюзов! Вместо них была именно ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Машина эта создавала поле, в котором конструктивный материал Кольца, а значит и его основание, и боковые стены, пропускал все твердые тела, оказывая только слабое сопротивление. Когда ЧИЛТАНГ БРОНЕ действовала…

— Осмотический генератор, — подсказал Луис.

— Возможно. Мне кажется, что “БРОНЕ” это какое-то непристойное определение.

Когда генератор действовал, воздух постепенно уходил на ту сторону, а люди в скафандрах шли как бы против сильного, дующего с постоянной скоростью ветра. Более крупные объекты можно было перевозить тягачами.

— А контейнеры со сжатым воздухом для дыхания? — спросил кзин.

— Необходимый воздух они получали на месте, снаружи.

Да, Кольцо располагало дешевой технологией превращения элементов, причем дешевой она

была только в том случае, если использовалась в больших масштабах. Имелись и другие ограничения. Например, само устройство — оно было просто гигантским. В порту их было два, превращавших свинец в кислород и азот.

Осмотические генераторы были весьма безопасными устройствами. В случае аварии шлюза им грозила потеря большого количества воздуха, мчащегося со скоростью урагана, если же выходила из строя ЧИЛТАНГ БРОНЕ, это значило только, что проход закрыт.

В том числе и для вернувшихся космонавтов.

— И для нас, — добавил Говорящий.

— Не так быстро, — успокоил его Несс. — Похоже, что осмотический генератор — именно то, что нам нужно. Нам вообще не понадобится двигать "Лгуна" с места. Достаточно направить ЧИЛТАНГ БРОНЕ… — он произнес это название так, словно оно начиналось с чиха, — в основание Кольца непосредственно под "Лгуном". Корабль попросту провалится на другую сторону.

— И застрянет в противометеоритной губке, — закончил кзин, а через секунду добавил: — Поправка. Там мы могли бы использовать дезинтегратор.

— Вот именно. К сожалению, у нас нет доступа

ни к одной ЧИЛТАНГ БРОНЕ.

— Но она же здесь! Значит, она как-то сюда проникла.

— Да…

Имевшиеся среди экипажа специалисты по магнитогидродинамике были вынуждены практически изучить новую специальность, прежде чем приступить к ремонту ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Это заняло у них несколько лет. Авария произошла во время работы, поэтому устройство частично оплавилось, частично рассыпалось. Им пришлось сделать совершенно новые части, такие, о которых было известно, что они все равно испортятся, но можно было надеяться, что они проработают достаточно долго, чтобы…

Во время работы произошел несчастный случай. Неточно направленный осмотический луч прошел через корпус “Пионера”. Два члена экипажа погибли, вплавленные в металлические переборки, семнадцать других получили неизлечимые повреждения мозга.

Остальным шестнадцати удалось пройти. Они забрали с собой семнадцать кретинов и саму ЧИЛТАНГ БРОНЕ, на случай, если новое Кольцо окажется менее благосклонным, чем было когда-то.

Они оказались в диком, примитивном мире, и спустя несколько лет часть из них решила вернуться на “Пионер”.

ЧИЛТАНГ БРОНЕ снова сломалась, замуровав четырех из них в наружной стене. Это был конец. Они уже знали, что нигде на Кольце не найдут нужных запасных частей.

— Не понимаю, почему упадок произошел ТАК быстро, — сказал Луис. — Один рейс “Пионера” продолжался двадцать четыре года, верно?

— Двадцать четыре года бортового времени.

— А-а… Ну, разве что так.

— Именно. Для корабля, движущегося с ускорением, которое имеет Кольцо, звезды находятся на расстоянии от трех до шести лет друг от друга. На самом же деле расстояния эти огромны. Прилл упоминала о покинутом районе в каких-нибудь двухстах световых годах отсюда, почти в плоскости Галактики, в котором три солнца находятся на расстоянии десяти световых лет друг от друга.

— Двести лет… Это близко от известного космоса.

— Подозреваю, что уже в нем. Кроме ближайших окрестностей вашего Солнца, не встречено такого скопления планет с кислородными атмосферами. Халрлоприллалар упоминала о спо-

собах делать планеты пригодными для жизни, применявшихся перед строительством Кольца. Однако, они были слишком медленны, и от них отказались.

— Это могло бы многое объяснить. Вот только… Впрочем, неважно.

— Ты имеешь в виду приматов, Луис? Есть достаточно много доказательств того, что твой вид возник и развивался на Земле. Вот только именно Земля могла оказаться очень удобной базой для изменения окружающих планет. Инженеры могли привезти с собой самых разных зверей…

— …например, обезьян и неандертальцев? — Луис нетерпеливо пожал плечами. — Это только домыслы. Кроме того, это сейчас не имеет значения.

— Разумеется. — Кукольник продолжал, одновременно пережевывая свой вегетарианский кирпичик. — Трасса кругового полета “Пионера” насчитывала более трехсот световых лет. За это время могли произойти существенные перемены, хотя обычно ничего подобного не было. Общество, в котором жила Прилл, было весьма стабильно.

— Откуда она знала, что все Кольцо охватила волна варварства? Как долго они искали остатки

цивилизации?

— Не слишком долго, но этого явно хватило. Она была права. Нет ни малейшей надежды исправить ЧИЛТАНГ БРОНЕ.

— Откуда ты знаешь?

— Прилл пыталась объяснить мне, что здесь произошло, со слов одного из членов экипажа. Разумеется, он сделал это настолько просто, чтобы она смогла понять. Не исключено, что весь процесс начался задолго до последнего полета “Пионера”… Когда-то существовало десять обитаемых планет. Когда закончили строительство Кольца, их предоставили самим себе — они больше не были нужны. Представьте себе такую планету. Континенты, покрытые огромными городами на разных стадиях развития. Трущоб немного, но где-то их наверняка оставили, хотя бы как исторический памятник. Всюду полно разнообразнейшего мусора: использованных упаковок, испорченных машин, разодранных книг и микрофильмов, одним словом всего, что нельзя переработать, а также множество такого, что все-таки можно. К океанам столетиями относились, как к огромным свалкам, в том числе и для радиоактивных материалов. Что же странного в том, что живущие в них существа приспособились к

новым условиям? Что странного в том, что они научились жить благодаря мусору?

— Нечто похожее произошло когда-то на Земле, — сказал Луис. — Дрожжи, кормящиеся полиэтиленом, съедали пластиковые сумки для покупок. Сейчас они уже вымерли, поскольку полиэтилен больше не производят.

— Представьте себе десять таких планет. Бактерии изменились, чтобы иметь возможность питаться соединениями свинца и цинка, пластиком, красками, изоляцией, отбросами свежими и теми, что насчитывали уже сотни лет. Это не имело бы значения, если бы не космические корабли. Они регулярно посещали покинутые планеты в поисках форм жизни, о которых забыли, или которые не могли приспособиться к царящим на Кольце условиям. Кроме того, они забирали с собой и другие предметы: сувениры и произведения искусства, забытые или просто оставленные для позднейшей транспортировки. Наиболее ценные коллекции перевозили по одному экземпляру, чтобы не потерять в катастрофе большого их числа. Вместе с одним из транспортов прибыла плесень, способная пожрать внутреннюю структуру действующего при комнатной температуре сверхпроводника,

используемого почти во всех сколько-нибудь сложных приборах. Плесень действовала медленно. Она была молода, примитивна и, по крайней мере сначала, легко уничтожалась. Однако с очередными транспортами на Кольцо прибывали все новые ее разновидности, пока, наконец, одна не оказалась достаточно сильна. Поскольку она действовала медленно, аварии на кораблях происходили через много времени после прибытия в порт, а ЧИЛТАНГ БРОНЕ отказывалась повиноваться после того, как плесень проносили сквозь внешнюю стену Кольца. Приемники энергетических потоков взрывались непонятно почему спустя много времени после разнесения ее по всей конструкции паромами, поддерживающими сообщение между портами.

— Приемники энергетических потоков?

— Энергия вырабатывалась на черных прямоугольниках термоэлектрическими цепями, а потом направлялась узким лучом на Кольцо. Похоже, это тоже было надежное и абсолютно безопасное устройство. Поток энергии автоматически прервался, когда вышли из строя приемники.

— Но ведь можно было создать новый сверхпроводник, — сказал кзин. — Нам известны две

основные молекулярные структуры, каждая из которых имеет разновидности.

— Этих структур по крайней мере четыре, — поправил его Несс. — Ты прав, Кольцо должно было пережить Упадок Городов. Молодое, более гибкое общество, наверняка выжило бы. Однако, представь себе ситуацию, в которой они оказались. Значительная часть правивших погибла в останках падающих на землю зданий. Без энергии не могло быть и речи о проведении экспериментов, имеющих целью создание нового сверхпроводника. Собранные заблаговременно запасы энергии были либо конфискованы властями, либо служили небольшим энклавам цивилизации, жители которых надеялись, что кто-то другой одолеет возникшую проблему. Был отрезан доступ к космическим кораблям, поскольку не действовала ни одна ЧИЛТАНГ БРОНЕ. Те, кто мог бы что-то сделать, были не в состоянии добраться друг до друга. Компьютер, управляющий электромагнитным ускорителем, был просто грудой металлолома, а до самого ускорителя не доходил ни один эрг энергии.

— Королевство погибло, “потому что в кузнице не было гвоздя”, — буркнул Луис.

— Я знаю эту историю, но это не совсем то, —

сказал кукольник. — Здесь, несмотря ни на что, можно было кое-что сделать. Собранной энергии вполне хватило бы для сжижения гелия. Ремонт приемников энергетических потоков не имел никакого смысла, но можно было запустить ЧИЛТАНГ БРОНЕ, используя в качестве сверхпроводника охлажденный гелием металл. Благодаря этому открылся бы доступ к портам, корабли полетели бы к черным прямоугольникам, чтобы возобновить поставки энергии, благодаря которым можно было снова сжижать гелий и, используя очередные сверхпроводники, привести в действие очередные приемники… Однако, чтобы начать, нужна была собранная энергия, а ее израсходовали на освещение улиц, поддержание в воздухе немногочисленных летающих зданий и для приготовления пищи. Вот так и погибла цивилизация Кольца.

— А при случае — и мы, — добавил Луис.

— Именно. Нам повезло, что мы встретили Халрлоприллалар. Она избавила нас от совершенно ненужного путешествия. Нет смысла лететь к краю.

Луис почувствовал пульсацию крови в висках. Похоже, что у него разболится голова.

— Повезло… — повторил за кукольником Гово-

рящий. — Действительно. Если нам повезло, то почему мне не весело? Мы утратили нашу цель, последнюю ничтожную возможность спасения. Наши экипажи ни на что не годятся, а один из членов экспедиции пропал.

— Она умерла, — глухо сказал Луис, а когда они удивленно посмотрели на него, показал им скутер Тилы. — Сейчас мы можем рассчитывать только на свое собственное везение, — добавил он.

— Да. Ее счастье действовало спорадически. Будь это иначе, она никогда не попала бы на борт "Лгуна", и мы никогда не разбились бы на Кольце. — Кукольник помолчал, потом добавил: — Я сочувствую тебе, Луис.

— Нам будет не хватать ее, — пробормотал кзин.

Луис кивнул головой. Он должен был чувствовать что-то большее, но то, что произошло в Глазе, значительно изменило его отношение к Тиле. С тех пор она казалась ему менее человечной, чем Несс или Говорящий с Животными. Она была мифом, а они — настоящими.

— Мы должны найти новую цель, — сказал Говорящий. — Нужно найти какой-то способ вытолкнуть "Лгуна" в космическое пространство. Признаться, у меня нет никаких идей.

— А у меня есть, — заявил Луис.

— Уже? — удивленно спросил кзин.

— Это еще нужно обдумать. Я не уверен, имеет ли это вообще какой-то смысл и выйдет ли. Так или иначе, нам потребуется какой-нибудь экипаж. Подумаем…

— Может, сани? Большие сани, например, из целой стены какого-нибудь здания. Может, скутер кукольника смог бы их потянуть.

— Мы можем получить кое-что получше. Я уверен, что смогу убедить Халрлоприллалар показать мне машины этого здания. Может, мы сумеем использовать его как средство передвижения.

— Попробуй, — кивнул головой Луис.

— А ты?

— Мне нужно время.

Внутренность здания почти целиком заполняли машины. Часть их поддерживала здание в воздухе, часть приводила в движение вентиляторы, холодильники и водяные конденсаторы. Отдельный блок управлял генераторами электромагнитного поля, которое втащило их в ловушку. Несс работал, Луис и Прилл стояли рядом, старательно делая вид, что не обращают друг на друга внимания.

Говорящий по-прежнему находился в тюрьме — Прилл решительно отказалась выпускать его на свободу.

— Она тебя боится, — сказал Несс — Конечно, я мог бы это исправить, велев ей поднять вверх скутер, в котором сидел бы ты, и подвести его к платформе.

— А она на полпути выключила бы поле. Нет уж, спасибо.

Зато она не имела ничего против Луиса.

Он посматривал на нее, делая вид, что вообще ее не замечает. У нее был узкий, почти безгубый рот, маленький прямой нос и ни следа бровей.

Ничего странного, что ее лицо не имело определенного выражения. Оно походило на незаконченную маску бездушной куклы.

После двух часов непрерывной работы Несс, наконец, поднял головку.

— Я не смогу переделать двигатель так, чтобы он действовал по горизонтали, но мне удалось ликвидировать устройство, удерживающее нас на одном месте. Сейчас здание подвержено действию ветров.

Луис улыбнулся.

— Или буксирного троса. Мы привяжем канат к твоему скутеру, и ты потащишь нас за собой.

— В этом нет необходимости. Скутер снабжен двигателем, действующим без реактивной струи, поэтому может оставаться внутри.

— Ты уже все обдумал, верно? Но это огромная сила… Если бы ему удалось освободиться…

— Да… — процедил кукольник и сказал что-то Прилл на святом языке Инженеров, после чего обратился к Луису. — У них здесь есть запас ультратвердого пластика. Мы обложим им скутер, оставив снаружи только управление и пульт.

— Мне кажется, это лишнее.

— Луис, если скутер вырвется, мне будет плохо!

— Гммм… Возможно. В случае чего, ты сможешь приземлиться?

— Да.

— Тогда хорошо. Беремся за дело.

Луис отдыхал без сна. Он лежал навзничь на огромном ложе, широко открытыми глазами вглядываясь в занимающее весь потолок и часть стены выпуклое окно.

Из-за края черного прямоугольника шел отчетливый свет. Рассвет был уже близко, но Арка Неба все еще светила мягкой голубизной.

— Я, пожалуй, спятил, — сказал Луис Ву.

Но был ли у них выбор?

Спальня, вероятно, входила в состав апартаментов губернатора. Сейчас здесь была рубка управления. Вместе с Нессом они поместили в одном из шкафов скутер кукольника, после чего облили его быстро твердеющим пластиком. Шкаф был как раз нужных размеров.

Кровать пахла стариной и скрипела.

— Кулак Бога, — сказал в темноте Луис. — Я видел ее. Тысяча миль высоты. Нет смысла строить такую гору, когда… — он не закончил.

Вдруг он сел на кровати, как будто его кольнула пружина.

— Нить из черных прямоугольников! — воскликнул он.

В комнату вошла какая-то тень. Луис неподвижно замер. Вход был совершенно черным, но в этой черноте он заметил плавные движения и мягкие формы идущей в его сторону обнаженной женщины.

Галлюцинация? Дух Тилы Браун? Она дошла до него, прежде чем он успел что-либо решить. Сев перед ним на кровать, она вытянутой рукой коснулась его лица, потом погладила по щеке.

Она была почти лысой. Густые, волнистые волосы росли узкой полоской рядом с макушкой. В темноте черты ее лица расплывались, но тело у

нее было чудесное. Он видел ее впервые: тоненькая, с мышцами профессиональной танцовщицы, с высокими, тяжелыми грудями.

Если бы ее лицо было так же прекрасно, как ее фигура…

— Уйди, — мягко сказал Луис и взял ее за запястья, прерывая то, что ее ладони делали с его лицом. Это напоминало успокаивающий, расслабляющий массаж. Он встал, заставляя ее сделать то же самое, и взял ее за плечи. Что бы она сказала, если бы сейчас он повернул ее к себе спиной и шлепнул по заду?

Она погладила его по затылку самыми кончиками пальцев. Теперь она делала это уже обеими руками. Потом коснулась какого-то места на его груди, потом еще здесь… и здесь… И внезапно Луиса Ву охватило безумное, неудержимое вожделение. Он сжал руками ее плечи.

Она стояла неподвижно, ожидая, пока он снимет блузу и брюки, а когда он разделся, коснулась еще здесь… и здесь… и каждый раз это было так, словно она прикасалась к центру наслаждений в его мозгу.

Он дрожал, как в лихорадке. Если бы она теперь его оттолкнула, он применил бы силу. Он должен был обладать ею…

Однако какая-то часть его сознания все время отдавала себе отчет, что она может остудить его так же быстро, как и возбудила. Луис чувствовал себя молодым сатиром, хотя одновременно его не покидало неясное ощущение, что он безвольная марионетка.

Однако в тот момент это мало его волновало.

А лицо Прилл вообще не имело никакого выражения.

Она довела его до грани оргазма и держала на нейл. держала… так что, когда, наконец, эта минута пришла, она была, как удар бесконечно длящейся, дрожащей в экстазе молнии.

Когда все кончилось, он даже не заметил, как она ушла. Видимо, она отлично понимала, насколько он выработался. Луис заснул прежде, чем она успела дойти до двери.

Проснулся он с мыслью: “Почему она это сделала?”

“Не будь таким аналитиком, — ответил он сам себе. — Она одинока и была одинока уже долгое время. У нее давно не было случая попробовать свое умение…”.

Умение. Вероятно, она знала анатомию лучше многих профессоров. Докторантура по проституции? Это было вовсе не смешно. Луис Ву мог

узнать специалиста независимо от области, в которой тот специализировался. Эта женщина была специалистом высшего класса.

Нужно коснуться в определенной последовательности следующих нервных окончаний, чтобы получить определенную реакцию… Такое знание может сделать из человека марионетку…

…скачущую на шнурочках счастья Тилы Браун…

И тут он понял. Он так близко подошел к ответу, что когда, наконец, увидел его, даже не особенно удивился.

Несс и Халрлоприллалар появились в дверях холодильника, таща за собой одетое в какие-то немыслимые одежды тело нелетающей птицы, превосходящей размерами взрослого человека. Одежда была идеей Несса: так ему не нужно было касаться губами мертвой туши.

Луис заменил его, став рядом с Прилл. Как и ей, ему пришлось схватить птицу обеими руками. Он ответил на ее приветственный кивок, после чего спросил:

— Сколько ей лет?

— Не знаю, — без тени удивления ответил кукольник.

— Она приходила ко мне ночью. — Этого было

мало, поскольку для Несса это ничего не значило. — Ты ведь знаешь, то, что мы делаем для размножения, порой делается только для удовольствия?

— Знаю.

— Так вот, мы делали именно это. Она молодец. Она настолько хороша, что должна иметь по крайней мере тысячелетнюю практику.

— Это вовсе не невозможно, Луис. Ее цивилизация знала средство гораздо более действенное, чем ваш "закрепитель". Сегодня даже малейшее его количество стоит ровно столько, сколько потребует его хозяин. Одна полная доза равняется пятидесяти годам молодости.

— Может, ты знаешь, сколько доз она приняла?

— Нет, Луис. Но я знаю, что она дошла сюда пешком.

Они подошли к лестнице, ведущей вниз, к тюремным камерам.

— Дошла… откуда?

— С края.

— ДВЕСТИ ТЫСЯЧ МИЛЬ?!

— Почти.

— Ты должен рассказать мне об этом. Что с ними случилось, когда они перебрались на эту

сторону стены?

И кукольник принялся рассказывать эту историю. Она сводилась примерно к следующему.

Первая группа варваров, на которую они наткнулись, сочла их богами. Так должно было продолжаться всегда, с одним исключением.

Божественность позволила им разрешить одну проблему — несчастные, которым неправильно нацеленный осмотический луч повредил мозг, могли остаться под опекой жителей отдельных деревень. Как боги, они пользовались уважением и почетом, а поскольку были не вполне разумны, не могли использовать свою божественность для низких целей.

Оставшаяся живой и разумной часть экипажа “Пионера” разделилась на две группы: семеро двинулись в направлении вращения Кольца, а остальные, в том числе и Прилл — в обратную сторону. Каждая группа собиралась двигаться вдоль края, ища следы цивилизации. Каждая поклялась прислать помощь, если возникнет такая необходимость.

Все принимали их за богов. Все, за исключением других богов. Упадок Городов оставил после себя некоторое число уцелевших: некоторые из них были безумны, но все принимали продлева-

ющее жизнь средство, если могли его найти. Все искали анклав цивилизации, и никто не думал о том, чтобы основать собственный.

По мере течения времени к ним присоединялось все больше богов, так что скоро они образовали уже целый пантеон.

Во всех встреченных по дороге городах они находили обломки разбитых воздушных башен. Башни эти строились в первой фазе заселения Кольца, за тысячи лет до появления эликсира молодости. Поколения, которые уже пользовались им, стали более осторожными. Те, которые могли позволить себе пользоваться им, держались вдали от летающих зданий, разве что их выбирали на какие-нибудь официальные должности. Тогда они ставили многочисленные предохраняющие устройства или же независимые генераторы энергии.

Часть летающих зданий еще висела в воздухе, но большинство рухнуло на кишевшие жизнью города в ту самую секунду, когда прекратилась поставка энергии с термоэлектрических цепей черных прямоугольников.

Однажды кочующий пантеон наткнулся на заселенный по окраинам город, в котором еще тлели искорки былой цивилизации. Здесь им

не удалось разыграть гамбита бога. В обмен на неправдоподобное количество эликсира они получили большую исправную машину. Через некоторое время машина отказалась повиноваться. Они уже выбились из сил, а может, не видели смысла в дальнейшем путешествии. Паломничество богов закончилось в одном из разрушенных, покинутых городов.

Но у Прилл была карта. Ее родной город находился уже недалеко. Она убедила одного из мужчин сопровождать ее и отправилась в путь.

Повсюду они изображали из себя богов. Через некоторое время Прилл надоело общество мужчины, и дальше она пошла сама. Где не хватало ее божественности, она продавала небольшие количества эликсира. Где и этого оказывалось мало…

— Есть еще один способ, с помощью которого она подчиняла себе людей. Она пыталась мне объяснить, но не думаю, чтобы я понял.

— Я понимаю, — успокоил его Луис. — Это что-то вроде таспа.

Когда, наконец, она добралась до города, то была уже почти безумна. Поселилась она в полицейском управлении, которое без особых повреждений приземлилось на одной из площадей, и после многочасовых проб ей удалось поднять

здание в воздух. Несколько раз она едва не теряла контроль над сложной системой управления.

— Действовали еще генераторы электромагнитного поля, служащие для захвата экипажей, нарушающих правила движения, — закончил Несс. — Она включила их, надеясь таким образом найти кого-нибудь, кто подобно ей пережил Упадок Городов. Если он пользуется летающей машиной, значит не является варваром.

— Тогда почему она закрывает всех в этой свалке?

— На всякий случай. Это знак того, что она приходит в себя.

Луис нахмурился. Туша птицы уже съехала вниз на одном из разбитых экипажей, и Говорящий занялся ею.

— Мы могли бы осветить это здание, — сказал Луис. — И уменьшить его вес почти вполовину.

— Как?

— Достаточно отрезать всю нижнюю часть. Но сначала нужно вызволить оттуда Говорящего. Как думаешь, удастся тебе это?

— Попробую.

Глава 22. ИСКАТЕЛЬ

Поскольку Халрлоприллалар по-прежнему панически боялась Говорящего с Животными, Несс старался уменьшить ее страх, усиливая действие таспа, как только могучая оранжевая фигура появлялась в поле зрения девушки. Он утверждал, что со временем вид кзина станет для Прилл таким же приятным, как и его, но пока и он, и девушка избегали общества Говорящего.

Именно поэтому на наблюдательной платформе, глядя в мрачную бездну тюремной камеры, находились теперь только Луис и Говорящий.

— Начинай, — сказал Луис.

Кзин нажал оба спуска.

Раздался раскат грома, повторенный многократным эхом, и на стене, сразу под потолком, появилась ослепительно белая точка. Она двигалась по часовой стрелке, оставляя после себя кроваво-красный след.

— Режь по частям, — посоветовал Луис. — Если все это упадет разом, мы почувствуем себя, как блохи на спине у бешеной собаки.

Говорящий послушно изменил направление разреза.

И все же, когда отпал первый кусок конструкции, здание закачалось, как пьяное. Луис отчаянно вцепился в уходящий из-под него пол. Сквозь вырезанный кусок виднелось солнце, город и люди.

Прямо вниз он смог взглянуть только несколько минут спустя, когда перестали существовать еще несколько сегментов здания.

Он увидел деревянный алтарь, а на нем — блестящую модель в форме плоского прямоугольника, накрытого параболической дугой. Мгновением позже рядом рухнула часть отрезанной стены, погребая алтарь под развалинами. Люди разбежались гораздо раньше.

— Люди! — пожаловался Луис Нессу позднее. — В центре покинутого города, по крайней мере в дне пути от полей! Откуда они здесь взялись?

— Они воздают честь своей богине, Халрлоприллалар. Благодаря им у нее есть пища.

— А-а, жертвы и тому подобное…

— Именно. Почему это тебя беспокоит?

— Они могли погибнуть.

— Может, с некоторыми так и случилось.

— На мгновенье мне показалось, что там, внизу, я вижу Тилу.

— Нонсенс, Луис. Можем ли мы проверить на-

ши горизонтальные двигатели?

Скутер кукольника был почти полностью погружен в оболочку сверхтвердого пластика. Несс занял место у открытого пульта управления. Через панорамное окно открывался великолепный вид на весь город: порт, стройные башни центра, буйные джунгли, которые когда-то явно были парком. Все это было в нескольких тысячах футов под ними.

Луис прикрыл глаза…

ЧУВСТВУЯ НА СЕБЕ ВЗГЛЯДЫ ВСЕГО ЭКИПАЖА, ГЕРОИЧЕСКИЙ КОМАНДИР СТОЯЛ НА МОСТИКЕ. ПОВРЕЖДЕННЫЕ ДВИГАТЕЛИ МОГУТ В ЛЮБОЙ МОМЕНТ ВЗОРВАТЬСЯ, НО ЭТО НЕВАЖНО! НУЖНО ОСТАНОВИТЬ ВОЕННЫЕ КОРАБЛИ КЗИНОВ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ОНИ УДАРЯТ ПО ЗЕМЛЕ, СЕЯ СМЕРТЬ И РАЗРУШЕНИЕ!

— Это не имеет смысла, — сказал Луис Ву.

— Почему? Напряжения материала не должны…

— Летающий замок! О, красные лапы фи нагла! Я только теперь понял, что это безумие! Мы как будто лишились разума: тащиться домой в верхней половине небоскреба…

Здание закачалось, и Луис оперся о стену — кукольник включил двигатель скутера.

Город все быстрее двигался за окном. Через некоторое время Несс выключил ускорение, которое и так не превышало каких-то тридцати сантиметров в секунду за секунду. Они летели со скоростью около ста миль в час и не чувствовали даже малейшей качки.

— Нам удалось хорошо закрепить скутер, — сказал Несс. — Как видите, пол горизонтален, а само здание не собирается опрокидываться.

— Все равно, это бессмысленно.

— Черт побери, ничто не бывает без смысла! Куда мы летим? Луис не ответил.

— Куда мы летим, Луис? Ни у Говорящего, ни у меня нет никаких планов. Давай направление, Луис.

— Обратно.

— Отлично. Точно тем же курсом?

— Да, пока, не окажемся за Глазом. Там поверни на сорок пять градусов в направлении, обратном движению Кольца.

— Ты хочешь найти город с башней, которую назвали Небо?

— Да. Найдешь?

— Нет проблем. Мы летели оттуда три часа, значит, должны вернуться за тридцать. А что потом?

Образ был таким отчетливым… Правда, это была чистая теория, смешанная с еще более чистой фантазией, но… Луис Ву спал наяву.

Такой отчетливый — но реальный ли?

Его самого поразила легкость, с которой он усомнился в возможностях летающей башни. А ведь она летала. И для этого вовсе не требовался Луис Ву.

— Похоже, пожиратель листьев не противясь повинуется твоим приказам, — заметил Говорящий.

В нескольких футах от них тихо урчал скутер кукольника. За окном непрерывно двигался пейзаж. Глаз равнодушно разглядывал их издалека, незаметно приближаясь к ним с каждой минутой.

— Пожиратель листьев спятил, — ответил Луис. — Надеюсь, что хотя бы ты остался в своем уме.

— Скажешь тоже. Если у тебя есть какая-то цель, я охотно помогу тебе, но если нам придется с кем-то сражаться, я хотел бы знать об этом заранее.

— Угу.

— Я хотел бы знать что-либо, независимо от того, будем мы сражаться или нет.

— Хорошо сказано.

Говорящий ждал.

— Мы возвращаемся за нитью, соединяющей черные прямоугольники, — сказал, наконец, Луис. с — За той, которую разорвал “Лгун”. Она падала на город петля за петлей, без конца. Сейчас там наверное, несколько сотен тысяч миль, больше, чем может нам потребоваться.

— А зачем она нам нужна, Луис?

— Сначала нужно ее получить. Думаю, если Прилл как следует попросит, а Несс воспользуется своим таспом, у нас не будет с этим особых проблем.

— А потом?

— Потом мы убедимся, действительно ли я спятил.

Летающее здание мчалось вперед, как мощный аэростат. Ни в. одном космическом корабле они не могли бы иметь так много места. Точно так же не выдерживал сравнения ни один из кораблей, движущихся в пределах атмосферы: шесть палуб, по которым можно лазить! Роскошь!

Зато других удобств не хватало. Запасы продуктов ограничивались мороженым мясом, овощами из холодильника и кирпичиками из скутера кукольника. По мнению Несса, его пища

не содержала никаких питательных веществ, усваиваемых людьми или кзинами, поэтому каждый прием пищи Луисом выглядел одинаково: кусок мяса, поджаренного лучом лазера, и оранжевый плод.

Кроме того, у них не было воды.

И кофе.

Они убедили Прилл принести несколько бутылок местного алкоголя и в импровизированной рубке устроили крестины корабля. Кзин тактично удалился в дальний угол, а Прилл все время крутилась возле двери. Никто не хотел принять предложение Луиса и дать новому кораблю название “Невозможный”, поэтому совершились четыре крещения, каждое на другом языке.

Алкоголь был… ну, в лучшем случае, кислым. Говорящий не мог его проглотить, а Несс даже не пробовал. Зато Прилл одна опорожнила целую бутылку, после чего старательно спрятала остальные.

Церемония крещения превратилась в урок языка, во время которого Луис усвоил несколько основных понятий языка Инженеров. Говорящий делал успехи гораздо быстрее, чем он, и в этом не было ничего удивительного, поскольку и кзин, и кукольник уже знали несколько земных языков,

а значит, были знакомы с бытующими в них способами формулирования и выражения мыслей. Здесь они имели дело почти с тем же.

Потом они сделали перерыв на обед. Несс ел один, пользуясь пищевым регенератором своего скутера, чтобы не видеть, как Луис и Прилл поедают печеное, а Говорящий — сырое мясо.

После еды лекция продолжалась. Луису это постепенно надоедало. Другие уже настолько вошли в курс дела, что рядом с ними он чувствовал себя кретином.

— Но, Луис, должен же ты научиться! Мы движемся очень медленно, и нам не раз придется контактировать с туземцами, чтобы добывать продукты.

— Знаю, знаю. Но у меня никогда не было способностей к языкам.

Стало темно. Хотя они находились еще далеко от Глаза, небо было полностью закрыто тучами, а ночь была черна, как желудок огромного дракона. Луис потребовал перерыва. Он устал, был раздражен, и часто вообще не знал, о чем идет речь. Остальные трое вышли, позволив ему лечь спать.

Примерно через десять часов они должны были достигнуть Глаза.

Он был уже на грани сна, когда вернулась Прилл. Луис почувствовал гладящие его ладони и потянулся к ним. Она отступила на шаг.

— Ты вождь? — спросила она на своем языке, максимально упрощенном для понимания Луиса.

Он на минуту задумался.

— Да, — сказал он, наконец, поскольку действительная ситуация была слишком сложна, чтобы он смог ее объяснить.

— Вели двухголовому отдать мне его машину.

— Его что?

— Его машину, которая делает мне счастье. Я хочу ее. Забери у него.

Луис рассмеялся.

— Ты хочешь меня? Забери ее, — нетерпеливо повторила Прилл.

У кукольника было что-то, что она хотела иметь. Поскольку он не был человеком, она не имела на него влияния. Единственным человеком рядом, которого она могла заставить делать все, что хотела, был Луис Ву, до сих пор всегда было так. Разве она не была богиней?

Возможно, ее сбили с толку волосы Луиса. Вероятно, она считала его членом варварского низшего класса, ну, может, полу-Инженером,

поскольку у него не было бороды, но не выше. Это означало, что он родился уже после Упадка Городов, а значит, не принимал эликсира и был действительно молод.

— Ты совершенно права, — сказал Луис на интерволде. Ее кулаки сжались от ярости, поскольку не нужно было особо напрягаться, чтобы услышать насмешку в его голосе. — В твоих руках любой тридцатилетний размяк бы, как воск. Но я немного старше. — И он снова рассмеялся.

— Машина. Где она? — Она наклонилась над ним. Голая кожа черепа слабо поблескивала, черные волосы падали на одно плечо. Луис почувствовал тепло ее дыхания.

Он с трудом нашел подходящие слова.

— Что-то внутри, на кости. Голова.

Прилл яростно фыркнула. Она наверняка поняла: тасп вживлен хирургически. Повернувшись, она молча вышла.

У Луиса мелькнула мысль: не пойти ли за ней? Он желал ее больше, чем сам осмеливался себе признаться. Однако, она могла полностью овладеть им, а цели, к которым они стремились, вовсе не были одинаковы.

Свист ветра постепенно усиливался. Луис закрыл глаза… и попал в объятия неглубокого

эротического сна.

Вскоре он проснулся.

Прилл лежала на нем, как демон в женском обличьи, неторопливо водя пальцами по коже его груди и живота. Потом она пару раз шевельнула бедрами, и Луис не смог удержаться, чтобы не ответить ей тем же. Она играла на нем, как на каком-то инструменте.

— Когда я кончу, ты будешь мой, — прошептала она. Ее голос дрожал от наслаждения, но это не было наслаждение женщины, занимающейся любовью с мужчиной. Это было наслаждение от неограниченной власти.

Прикосновение ее тела было сладким и тяжелым, как сироп. Она уже давно познала один из самых старых секретов мира: в каждой женщине от рождения есть мощный тасп и, если она научится им пользоваться, для нее не будет ничего невозможного. Она могла действовать им до тех пор, пока Луис на коленях не стал бы просить ее принять его службу…

Внезапно в ней что-то изменилось. Этого нельзя было заметить по лицу, но Луис услышал мягкий стон наслаждения и почувствовал перемену в ее движениях, все более быстрых и стремительных, пока, наконец, они не слились в одновременном

финале. Сдавленный далекий звук, похожий на гром, показался Луису продуктом его воображения.

Она оставалась с ним всю ночь. Время от времени они просыпались, любили друг друга и снова засыпали. Если Прилл и ощущала какую-то неудовлетворенность, то не давала этого почувствовать, а заметить это сам он тоже не мог. Он знал только, что уже не был безвольным инструментом — теперь они играли дуэтом.

Что-то с ней случилось, и, кажется, Луис знал, что именно.

Утреннее небо было серым и облачным. Ветер свистел в изгибах старого здания, а дождь потоками заливал панорамное окно, затекая внутрь сквозь выбитые стекла на других этажах. “Невозможный” был совсем близко от Глаза.

Луис оделся и вышел из рубки.

Внизу он увидел идущего куда-то Несса.

— Эй! — крикнул он.

— Да, Луис?

— Что ты сделал с Прилл?

— Ты должен быть мне благодарен, Луис. Она хотела подчинить тебя себе, заставить повиноваться. Я все слышал.

— Ты воспользовался таспом!

— Когда вы были заняты воспроизводительной деятельностью, я дал на три секунды малую мощность. Сейчас она подчинена, а не ты.

— Ты чудовище! Эгоистичное чудовище!

— Не подходи, Луис.

— Прилл человек, как и я, и тоже имеет право на свободу воли!

— А что с твоей волей?

— Не бойся, ей ничего не грозило. Прилл не сумела бы меня окрутить.

— Тебя еще что-то беспокоит? Луис, вы были не первой парой людей, за которыми мы наблюдали во время воспроизводительной деятельности — мы должны были знать о вас все… Повторяю, не подходи ближе.

— Ты не имел права! — Разумеется, Луис не собирался нападать на кукольника. Правда, от ярости он сжал кулаки, но ни в коем случае не воспользовался бы ими. Он сделал шаг вперед…

…и почувствовал неописуемый экстаз.

В центре чистейшего наслаждения, какого не испытывал еще никогда в жизни, он отлично понимал, что Несс воспользовался своим таспом. Не задумываясь о возможных последствиях своих действий, он изо всех сил замахнулся ногой.

Обезволенный чудесным чувством, силы этой

он имел не так уж и много, но ее вполне хватило, чтобы пнуть Несса в гортань, прямо под левую челюсть.

Последствия этого поступка были удивительны. Несс сказал: “Глуп!”, подался назад и выключил тасп.

В ту же секунду на плечи Луиса Ву свалились все заботы и горести мира. Он повернулся и пошел, не глядя даже, куда идет. Ему хотелось плакать, но еще больше он хотел скрыть от кукольника выражение своего лица.

Он шел наугад, видя перед собой только царившую в его душе темноту, и случайно наткнулся на лестничную клетку.

Он отлично понимал, что случилось с Прилл. Даже балансируя над девяностофутовой пропастью он испытывал смешанные чувства, когда Несс использовал против нее тасп. Когда-то он видел, как выглядят те, кто долго оставался под его воздействием.

Подчиненная! Как подопытное животное! К тому же, она понимала это! В эту ночь она предприняла последнюю, неудачную попытку вырваться из-под ужасающего очарования таспа.

Теперь Луис почувствовал на себе то, с чем она боролась.

— Я не должен был этого делать, — вслух сказал он. — Пусть все будет по-прежнему.

Это было глупо даже в черном отчаянии, в котором он сейчас находился. Ничего нельзя было исправить.

Случайно он направился по лестнице вниз, а не вверх. Случайно, а может, его подсознание все-таки зарегистрировало тот глухой гром несколько часов назад.

Когда он встал на платформе, на него, заливая косыми струями дождя, накинулся безумный ветер. Неприятное чувство заставило его уделить часть внимания тому, что творилось вокруг. Он медленно приходил в себя после черного отчаяния, которое испытал, выйдя из-под действия таспа.

Когда-то Луис Ву поклялся себе, что будет жить вечно. Сейчас он знал, что выполнение этого обещания потребует многих жертв.

“Я должен ее спасти, — решил он. — Но как? Пока она не выказывала никаких признаков депрессии… Но это не значило, что в любой момент она не может выйти через разбитое окно. А как мне спасти СЕБЯ? Где-то в глубине его души по-прежнему раздавался отчаянный крик и никак не хотел стихать.

Подчинение было ни чем иным, как подпороговой памятью. Если дать ей большую дозу эликсира, эта память должна стереться…”

— Ненис! Она нужна нам.

Она слишком много знала о машинах “Невозможного”, и никто не мог ее заменить.

Не оставалось ничего другого, как заставить Несса не пользоваться больше таспом. Какое-то время нужно будет внимательно наблюдать за ней. Сначала она будет крайне подавлена…

В этот момент до Луиса дошло то, что уже довольно долго стояло перед глазами.

Экипаж, похожий по форме на небольшую стрелу с узкими поясами окон, находился футах в двадцати ниже платформы, поднимаясь в безумствующем ветре, схваченный путами электромагнитного поля, которое никто не выключил.

Луис внимательно присмотрелся, чтобы убедиться, что за передним стеклом действительно маячит чье-то лицо, потом помчался по лестнице вверх, окликая Прилл.

Он не знал подходящих слов, поэтому просто схватил ее за локоть и повел вниз. Увидев в чем дело, она кивнула и вернулась в машинное отделение.

Через минуту стрела подошла к краю платформы. Первый пассажир выбрался на четвереньках, поскольку ветер дул уже, как безумный.

Это была Тила Браун. Луис даже не особенно удивился.

Второй пассажир выглядел так, словно только что сошел со страниц комиксов. Луис не выдержал и расхохотался.

На лице Тилы появилось выражение удивления и. обиды.

Они пролетали мимо Глаза. Через открытую лестничную клетку ветер проникал на первый этаж и гулял по коридорам. Выше, сквозь выбитые окна, лил дождь.

Тила, ее спутник и экипаж “Невозможного” собрались в рубке или спальне Луиса. Спутник Тилы разговаривал в углу с Прилл, которая старалась при этом не спускать глаз с кзина и панорамного окна. Остальные собрались вокруг Тилы, слушая ее рассказ.

Когда скутер Тилы оказался в полицейском поле, в нем перестало действовать почти все: локатор, интерком, звукопоглощающий барьер и пищевой регенератор.

Она выжила только благодаря тому, что устройство, генерирующее силовое поле, имело неболь-

шой запас энергии, позволяющей поддерживать его еще несколько десятков секунд. За это время скорость скутера упала с 2 Маха до разрешенной в пределах города. Электромагнитное поле намедленно выпустило ее, оставив двигатель неповрежденным.

Но для Тилы этого было достаточно. Еще совсем недавно она едва не погибла в Глазе, и очередная атака произошла слишком быстро. Она направила скутер вниз, стараясь найти в темноте какое-нибудь место для посадки.

Она увидела что-то вроде улицы, ярко освещенной оранжевым светом, идущим из овальных входных отверстий. Скутер приземлился достаточно жестко, но ей было уже все равно: важно, что она оказалась на земле.

Она едва успела вылезть из машины, как та сама поднялась в воздух. Тила полетела кувырком, а когда пришла в себя настолько, чтобы взглянуть вверх, скутера уже не было.

Она расплакалась.

— Видимо, ты приземлилась там, где стоянка была запрещена, — сказал Луис.

— Мне было неважно, почему так произошло. Я чувствовала… — она не могла найти подходящих слов. — Я хотела сказать кому-нибудь, что поте-

рялась, но никого не было. Тогда я села на одну из каменных лавок и начала плакать. Не знаю, как долго это продолжалось. Я боялась уходить оттуда, потому что знала — вы будете меня искать. А потом… пришел ОН, — она кивнула на своего спутника. — Он очень удивился, когда увидел меня, и о чем-то спросил, но я не поняла. Тогда он попытался меня утешить. Я была счастлива, что он есть, хотя он ничем не мог мне помочь.

Луис кивнул. Тила доверилась бы кому угодно. Она ждала бы помощи и опеки от каждого, на кого бы ни наткнулась. И ничего бы ей не грозило.

Нужно признать, что ее опекун производил впечатление.

Он был героем: хватало одного взгляда, чтобы понять это. Даже не нужно было видеть, как он сражается с драконами, достаточно было взглянуть на его мышцы, фигуру, черный короткий меч и острые, сильные черты лица, похожего на проволочную скульптуру из банкетного зала Неба. К этому добавлялась галантность, с какой он относился к Прилл, вовсе не акцентируя того факта, что его собеседница — женщина. Может, потому, что она была женщиной другого мужчины?

Он был чисто выбрит. Хотя нет, пожалуй, это

было невозможным. Уж скорее в его жилах текла кровь Инженеров. У него были длинные, светло-пепельные волосы — кстати, не слишком чистые — и благородный контур бровей. Вся его одежда состояла из короткой юбки, сделанной из шкуры какого-то животного.

— Он накормил меня, — продолжала Тила, — и опекал. Вчера на нас напали четверо мужчин, а он расправился с ними этим своим мечом! И выучил много слов интерволда!

— Правда?

— Он очень легко изучает языки.

— Это уже удар ниже пояса.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Он уже стар, Луис. Когда-то давно он принял большую дозу чего-то вроде нашего закрепителя. Говорит, что получил ее от злого колдуна. Он так стар, что помнит, как его деды рассказывали об Упадке Городов. Знаешь, чем он занимается? — игриво улыбнулась она. — Совершает великое путешествие. Когда-то он дал обет дойти до основания Арки и с тех пор идет туда. Идет уже несколько сотен лет.

— До основания Арки?

Тила кивнула. Она все время улыбалась, явно

развлекаясь тем, что сказала. Но в глазах ее было нечто большее.

Луис уже видел любовь в глазах Тилы Браун, но никогда еще не видел нежности.

— Похоже, ты гордишься им! Идиотка, разве ты не знаешь, что нет никакой Арки?

— Знаю, Луис.

— Тогда почему не скажешь ему?

— Если ТЫ скажешь ему, я навсегда возненавижу тебя. Ведь он идет почти всю жизнь! Другим от этого тоже немалая польза: он многое умеет и учит тех, кого встречает на пути.

— Что он может знать? Он не кажется особо разумным.

— Так оно и есть. — Судя по тону, каким это было сказано, это обстоятельство не имело для нее никакого значения. — Но если бы я шла вместе с ним, то могла бы научить многих людей многим полезным вещам.

— Я знал, что произойдет нечто подобное, — сказал Луис Ву. Все-таки ему было больно.

Понимала ли это Тила? Она старательно смотрела в сторону.

— Мы сидели на этой улочке весь день, пока я не поняла, что вы будете искать мой скутер, а не меня. Он рассказал мне о Хал… Хал… о богине и

летающей башне, которая притягивала все, что движется. Мы пошли туда и добрались до самого алтаря, разыскивая наши скутеры, но башня вдруг начала распадаться. Потом Искатель…

— Искатель?

— Так его зовут. Когда кто-нибудь спрашивает, почему он рассказывает о своем паломничестве к основанию Арки и приключениях, которые пережил по дороге… Понимаешь?

— Ага.

— Он начал запускать двигатели в старых экипажах, сказал, что когда они попадали в полицейское поле, водители выключали двигатели, чтобы их не уничтожили.

Луис, Говорящий и Несс переглянулись. Половина мнимых обломков могла быть еще на ходу!

— Мы нашли один, который действовал, — продолжала Тила, — и отправились в погоню, но, вероятно, разминулись с вами ночью. К счастью, мы превысили допустимую скорость, и поле захватило нас.

— Действительно. Ночью мне казалось, будто я что-то слышу, но я не был уверен.

Искатель закончил разговор с Прилл и небрежно оперся о стену спальни, с легкой улыбкой разглядывая Говорящего. Кзин ответил ему та-

ким же взглядом. Луису показалось, что эти двое прикидывают, что произошло бы, сойдись они в поединке.

Прилл выглянула в окно, а когда повернулась, на лице ее был ужас. Она задрожала, когда одновременно с сильным порывом раздался вой ветра.

Наверняка она не раз видела подобные явления, возникающие над небольшими кратерами от метеоритов, но эти кратеры молниеносно заделывали, и всегда это происходило где-то далеко, так далеко, что она узнавала об этом из передач стерео визии, или чего-то в этом роде. Тем не менее, это всегда вызывало содрогание — ревущая, ураганная утечка воздуха в бездонную пустоту на той стороне.

Ветер снова усилился.

— Надеюсь, это здание достаточно прочно, — сказала Тила Браун.

Луис онемел от удивления: как она изменилась! Хотя, она же на себе испытала опасности, поджидавшие в Глазе.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она. — Я хочу быть с Искателем.

— Ага.

— Он тоже хочет быть со мной, но у него какое-

то совершенно повернутое чувство достоинства. Я пробовала рассказать ему о тебе, а он стал каким-то странным и перестал со мной спать. Считает, что я твоя собственность.

— Рабство?

— Мне кажется, только для женщин. Ты скажешь ему, что это не так?

Луис почувствовал, что у него перехватило дыхание.

— Пожалуй, будет проще, если я продам тебя ему. Конечно, если ты этого хочешь.

— Я хочу, Луис, путешествовать с ним по Кольцу. Я люблю его.

— Разумеется. Вы же созданы друг для друга и должны были встретиться. А те несколько сотен миллиардов других пар…

Она неуверенно смотрела на него.

— Ты стараешься говорить саркастически?

— Еще месяц назад ты не отличила бы сарказма от транзистора. Нет, самое смешное здесь то, что я говорю это безо всякого сарказма. Несколько сотен миллиардов других пар не имеют никакого значения, поскольку не были частью проклятого эксперимента кукольников.

Воцарилась полная тишина. Все смотрели прямо на него. Даже Искатель взглянул в их

сторону, желая знать, что привлекло внимание остальных.

Однако Луис видел только Тилу Браун.

— Мы разбились на Кольце, — мягко сказал он, — поскольку местные условия как будто специально созданы для тебя. Ты научилась вещам, которым не могла бы научиться ни на Земле, ни где-либо в известном Космосе. Наверняка были и другие причины, например, этот их эликсир молодости или гигантское пространство, но важнейшей причиной твоего появления здесь было знание.

— Знание? Чего?

— Боли. Страха. Неуверенности. Ты сейчас совершенно другая женщина, нежели в тот момент, когда оказалась здесь. До этого ты была… абстракцией. Тебе когда-нибудь прежде случалось ушибить палец?

— Не знаю… Наверное, нет.

— А обжечь ноги?

Она взглянула на него. Все-таки, она поняла.

— “Лгун” разбился для того, чтобы ты могла оказаться на поверхности Кольца. Потом мы проделали несколько сотен тысяч миль исключительно для того, чтобы ты могла встретить Искателя. Твой скутер доставил тебя к нему, а

электромагнитное поле перехватило в единственно подходящий момент, поскольку он — именно тот человек, которого ты должна была полюбить.

Тила улыбнулась. Луис — нет.

— Тебе требовалось время, чтобы получше узнать его, поэтому мы с Говорящим более двадцати часов висели головами вниз…

— Луис!

— …над девяностофутовой пропастью. Но это еще не самое худшее.

— Это зависит от точки зрения, — буркнул кзин.

Луис не обратил на него внимания.

— Ты полюбила меня, потому что благодаря этому нашла повод присоединиться к экспедиции. Сейчас ты меня уже не любишь, поскольку тебе это не нужно. Ты уже здесь. И я любил тебя по той же самой причине, поскольку счастье Тилы Браун сделало из меня безвольную марионетку… Но настоящей марионеткой являешься ты. До конца жизни ты будешь танцевать на веревочках своего собственного счастья. Сомневаюсь, что когда-нибудь ты получишь свободу, и даже если это произойдет, ты не будешь знать, что с ней делать.

Тила с побледневшим лицом неподвижно стояла почти по стойке “смирно”. Еще недавно она наверняка не смогла бы этого сделать.

Что же касается Искателя, то он скорчился под стеной, глядя то на одного, то на другого и водя пальцем по острию своего меча. Он не мог не заметить, что Тилу обижают, но по-прежнему думал, что девушка принадлежит Луису Ву.

Луис повернулся к кукольнику и не очень удивился, увидев, что Несс спрятал под себя обе головы и свернулся в плотный шар, прервав тем самым на неопределенное время свое существование во Вселенной.

Луис взял его за колено задней ноги и обнаружил, что может без особого усилия перевернуть кукольника на спину. Он весил не больше, чем сам Луис.

И явно очень боялся. Колено дрожало в руке Луиса.

— Все это произошло из-за твоего чудовищного эгоизма, — сказал он. — Этот эгоизм поражает меня почти так же, как ошибки, которые ты совершил. Я не могу понять, как можно одновременно быть таким могучим, готовым на все, и таким глупым. Понимаешь ты, наконец, что все постигшее нас — абсолютно ВСЕ! — является про-

сто-напросто побочным эффектом счастья Тилы?

Теплый, мягкий шар сжался еще сильнее. Искатель восторженно разглядывал его.

— Можешь вернуться на планеты кукольников и сказать им, что эксперименты по разведению людей могут плохо кончиться. Несколько таких Тил, и ничего не останется от теории вероятности. Даже основные законы физики — это не что иное, как действующая на атомном уровне теория вероятности. Скажи им, что Вселенная — слишком опасная игрушка для таких осторожных существ.

Скажи им это, когда мы вернемся домой. А пока разворачивайся, и живее! Мне нужна нить, соединяющая черные прямоугольники, и ты должен ее найти. Мы уже почти за Глазом. Ну, чего ты ждешь?

Кукольник распрямился и встал на свои три ноги.

— Мне очено стыдно, Луис… — начал он.

— И ты смеешь говорить это СЕЙЧАС?

Кукольник замолчал, повернулся к окну и с интересом стал смотреть на удаляющийся Глаз.

Глава 23. ГАМБИТ БОГА

Туземцы, поклоняющиеся Небу, оказались вдруг обладателями двух летающих башен.

Как и в первый раз, площадь с алтарем быстро заполнилась людьми. Луис попытался найти в толпе лысого жреца, но его нигде не было видно.

Несс тоскливо поглядывал на вздымающийся рядом с ним замок. Рубка “Невозможного” находилась на том же уровне, что и комната карт.

— В первый раз у меня не было случая осмотреть это место, — сказал он, — теперь же я не могу туда попасть.

— Мы можем сделать дезинтегратором дыру и спустить тебя на веревке, — предложил Говорящий с Животными.

— И все-таки я останусь здесь.

— Но ведь ты уже делал гораздо более опасные вещи.

— Да, стремясь к знаниям. Но теперь я знаю столько, сколько мне нужно. Если я и решусь на какой-нибудь риск, то только затем, чтобы вернуться с этим знанием к тем, кто меня послал. Луис, вот твоя нить.

Луис молча кивнул головой.

Над частью города словно поднимался густой, вытянутый в длинную полосу дым. Это и была нить, ее набралось уже очень много.

— Но как нам ее забрать?

— Понятия не имею, — признался Луис. — Нужно внимательнее осмотреть ее.

Они посадили “Невозможного” неподалеку от главной площади. Несс не выключал двигатели — если бы здание осело всем своим весом, оно раздавило бы наблюдательную площадку, служившую сейчас платформой.

— Нужно что-то придумать, — сказал Луис — Может, нужны какие-нибудь рукавицы? Или катушка из конструктивного материала Кольца?

— Ничего подобного у нас нет, — ответил Говорящий с Животными. — Придется договариваться с туземцами. У них могут быть какие-нибудь старые легенды, инструменты, или реликвии. Кроме того, у них было три дня, чтобы освоиться с этим явлением.

— В таком случае мне придется спуститься с вами, — с явной неохотой сказал кукольник. — Говорящий, ты слишком слабо владеешь их языком. Придется оставить Прилл, чтобы она в случае необходимости могла быстро стартовать. Разве что… Луис, местный любовник Тилы может

вести переговоры от нашего имени?

Луису было неприятно, что кукольник так говорит об Искателе.

— Даже Тила не считает его гением, — резко ответил он. — Пожалуй, я не доверял бы ему до такой степени.

— Я тоже. Луис, нам действительно нужна эта нить?

— Не знаю. Если я не сошел с ума, то да. В противном случае…

— Понятно, Луис. Я пойду…

— Ты вовсе не обязан верить мне на…

— Я пойду. — По бархатной коже кукольника пробежала волна дрожи. Самым удивительным в его голосе было то, что он мог быть таким чувственным и чистым и одновременно не выражать никаких чувств. — Я знаю, что она нам понадобится. Случай привел к тому, что она упала на нашем пути, а все случаи имеют какую-то связь с Тилой Браун. Если бы она нам не требовалась, она бы здесь не упала.

Луис расслабился, но не потому, что высказывание кукольника имело какой-то смысл. Просто слова Несса подтвердили верность выводов, к которым пришел Луис. Именно поэтому он принял их за чистую монету, и не говорил кукольнику,

что тот несет околесицу.

Они спускались вниз по лестнице, ведущей на платформу: Луис со своим лазером, Говорящий — с дезинтегратором Славера. Мышцы кзина двигались с пружинистой, мягкой грацией, отчетливо проступая под полудюймовым мехом. Несс не взял с собой никакого оружия. Он больше всего доверял таспу и своему инстинкту бегства.

Искатель держал наготове короткий острый меч. Вся его одежда состояла из завязанной вокруг бедер желтой шкуры какого-то животного. Мышцы перекатывались под его кожей так же, как у кзина.

Тила шла с пустыми руками.

Наверняка эти двое остались бы на борту "Невозможного", если бы не торговая сделка, проведенная утром. И все из-за Несса. Луис, используя его как переводчика, предложил Искателю купить Тилу Браун.

Искатель серьезно кивнул головой и предложил капсулу эликсира молодости, примерно на пятьдесят лет жизни.

— Хорошо, — согласился Луис. Он считал, что это было выгодное предложение, хотя не собирался даже пробовать это средство. Действие, которое он мог оказать на человека, сто семьдесят

лет принимавшего земной закрепитель, могло существенно отличаться от того, какое предвидели его создатели.

— Я не хотел его обидеть или допустить мысль, что ты продаешь Тилу за бесценок, — сказал ему позднее кукольник. — Поэтому я потребовал больше. Теперь он получил Тилу, а ты капсулку, содержимое которой можно будет подвергнуть на Земле детальному анализу. Кроме того, до тех пор, пока мы не получим достаточного количества нити от черных прямоугольников, Искатель будет исполнять роль нашей охраны.

— И чем же он будет нас защищать? Этим перочинным ножом?

— Я хотел только, чтобы он хорошо относился к нам.

Тила, разумеется, увязалась за ним, — ведь он был ее мужчиной и подвергался опасности. Сейчас Луис задумывался, не этого ли хотел добиться Несс? В конце концов, Тила была старательно выведенным кукольником ходячим счастьем…

Так близко от Глаза Небо должно было быть закрыто тучами. В сером свете висящего в зените солнца они двинулись к поднимающейся вверх полосе дыма.

— Не касайтесь ее, — предупредил Луис, вспом-

нив, что говорил жрец о девочке, которая хотела ее поднять.

Скопление черной нити даже вблизи выглядело, как полупрозрачный дым. Сквозь него было видно разрушенный город: местами поднимались лучше сохранившиеся большие здания с фасадами, сделанными из материала, напоминающего стекло. На Земле или какой-нибудь населенной людьми планете в них могли бы размещаться универсальные магазины.

Сама нить была настолько тонка, что ее можно было заметить на расстоянии не орлее дюйма. Луису пришло в голову сравнение с молекулярным волокном Синклера.

— Попробуй перерезать ее дезинтегратором, — сказал он Говорящему с Животными.

В туче серого дыма появилась ослепительно сверкающая точка.

Возможно, это было принято за кощунство — СРАЖАЕТЕСЬ СВЕТОМ? — однако, вероятнее всего, туземцы еще раньше решили расправиться с чужаками. Когда сверкнул свет, со всех сторон послышались яростные крики, и из окружающих зданий появились одетые в лохмотья фигуры, вооруженные… Чем? Мечами и палками?

Бедняги, подумал Луис, настраивая лазер на

большую мощность и малый радиус действия.

Световые мечи и переносные лазеры использовались почти на всех обитаемых планетах. Правда, Луис прошел обучение более ста лет назад, а война, к которой его готовили, так и не началась, но навыки были слишком простыми, чтобы их забыть.

ЧЕМ ДОЛЬШЕ ДЕЙСТВИЕ ЛУЧА, ТЕМ ГЛУБЖЕ РАЗРЕЗ.

Луис водил стволом вправо и влево быстрыми, мягкими движениями. Нападающие отступали, хватаясь за кровоточащие животы, но их заросшие лица не выражали ни следа боли.

В СЛУЧАЕ АТАКИ ПРЕВОСХОДЯЩИХ СИЛ ПРОТИВНИКА СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ БЫСТРЫЕ ДВИЖЕНИЯ, РАССЕКАЯ ПЛОТЬ НЕГЛУБОКО, ЧТОБЫ СДЕРЖАТЬ НАПОР АТАКУЮЩИХ.

Луис чувствовал сожаление и отвращение. Несчастные фанатики были вооружены только мечами и палками. У них не было ни малейших шансов…

Однако, один из них дотянулся своим мечом до вооруженной дезинтегратором руки кзина. Говорящий выронил оружие. Его тут же схватил другой нападающий, но в ту же секунду умер, поскольку здоровая рука Говорящего буквально

вырвала у него из спины позвоночник. Третий мужчина схватил дезинтегратор и бросился наутек. Он даже не пытался воспользоваться им, просто удирал. Луис не мог достать его лучом своего лазера, поскольку именно теперь до него начало доходить, что он сражается за свою жизнь.

ВСЕГДА ЦЕЛЬСЯ В ТУЛОВИЩЕ.

До сих пор он еще никого не убил, но теперь, пользуясь перерывом в атаке, расправился с двумя ближайшими противниками.

НЕ ДОПУСКАЙ СЛИШКОМ БЛИЗКОГО КОНТАКТА С НЕПРИЯТЕЛЕМ.

Говорящий убивал голыми руками: здоровой он раздирал, а раненой пользовался как палкой. Каким-то образом он сумел избежать удара мечом, схватив его владельца. Он был окружен со всех сторон, но туземцы никак не могли решиться на массированную атаку; в их глазах кзин был огромной оранжевой смертью с оскаленными зубами.

Искатель с окровавленным мечом стоял, прижавшись спиной к стене. Перед ним лежали три неподвижных тела. Сжавшаяся рядом с ним Тила выглядела, как типичная героиня фантастических комиксов.

Несс, низко наклонив одну и высоко подняв другую голову, мчался к “Невозможному”. Нижняя голова внимательно посматривала по сторонам, верхняя служила для панорамного охвата ситуации.

До сих пор Луис не получил даже царапины. Он очищал район вокруг себя, по мере возможности помогая своим товарищам. Лазер быстро двигался в его руке, сея вокруг зеленую смерть.

НИКОГДА НЕ ЦЕЛЬСЯ В ЗЕРКАЛО.

Отражающая броня может преподнести вооруженному лазером воину весьма неприятный сюрприз. Однако здесь давно забыли об этом способе.

Прямо перед Луисом как из-под земли появился укутанный в зеленое одеяло человек с огромным молотом в руке. Размахивая своим грозным оружием, он двинулся на него. Луис провел лучом по его животу, но мужчина продолжал идти дальше.

ОДЕЖДА ТОГО ЖЕ ЦВЕТА, ЧТО И ЛУЧ ТВОЕГО ЛАЗЕРА, НЕ МЕНЕЕ ОПАСНА, ЧЕМ ОТРАЖАЮЩИЕ ДОСПЕХИ.

Клянусь финаглом, хорошо, что он только один! Лис направил луч на волосатую шею.

Какой-то туземец стал на пути Несса. Он был

очень храбр, раз решился атаковать такого чудовищного противника. Луис не мог хорошо прицелиться в него, да это и не потребовалось, потому что туземец тут же погиб от удара задней ноги кукольника. Несс помчался дальше и тут…

Луис хорошо видел, как это произошло. Кукольник как раз повернул в узкий проход, когда его поднятая вверх голова внезапно отделилась от туловища и покатилась по земле. Несс застыл на месте.

Из перерезанной с хирургической точностью шеи пульсирующим фонтаном ударила красная кровь, ничем не отличающаяся от человеческой.

Вторая голова издала пронзительный, жалобный крик.

Туземцы загнали его в ловушку из нитей черных прямоугольников.

Луис прожил уже двести лет и не раз видел смерть своих друзей. Он продолжал сражаться, направляя луч лазера туда, куда падал его взгляд. “Бедный Несс. Но сейчас может быть и моя очередь…”.

Наконец, туземцы отступили с ужасающими потерями.

Тила широко открытыми глазами смотрела на умирающего кукольника, помимо своей воли

поднеся ко рту стиснутые кулаки. Говорящий и Искатель отступали в направлении “Невозможного”.

Минуточку! У него же есть еще одна!

Луис побежал к кукольнику и бросил ему свой лазер. Тила что-то вытянула в его сторону: шейный платок. Луис буквально вырвал тряпицу у нее из руки. Наклонившись, чтобы избежать натянутой между двумя стенами нити, он сильно ударил Несса в бок, повалил на землю. Казалось, еще секунда, и одноголовый кукольник бросится бежать.

Луис потянулся к поясу.

Его не было!

А ведь он должен быть!

Ничего, есть еще шейный платок Тилы…

Луис затянул его вокруг кровоточащего обрубка. Несс с ужасом вглядывался в то место, где еще минуту назад находилась его вторая голова. Потом единственный его глаз закрылся, и кукольник потерял сознание.

Луис затянул узел еще крепче, чтобы остановить кровотечение, а потом поднял кукольника на спину и тяжело побежал следом за Искателем, который был готов в случае повторной атаки проложить ему путь. Туземцы следили за ними,

но никто не пытался помешать.

Тила пришла в себя и двинулась следом за Луисом. Последним явился Говорящий с Животными. Он остановился у платформы, подождал, пока Тила исчезнет внутри “Невозможного”, после чего повернулся и помчался в ту сторону, откуда они пришли.

Времени обдумать этот вопрос не было, и Луис начал подниматься. Когда он добрался до рубки, ему показалось, что кукольник весит раз в пять больше, чем в начале подъема. Он положил Несса у залитого пластиком скутера, залез в машину, достал оттуда комплект первой помощи и приложил его к кровоточащей ране. Комплект этот, в отличие от того, который имел Луис, был соединен пучком проводов с пультом управления скутера. Несколько секунд спустя из пищевого регенератора выскочила длинная гибкая трубка и вонзилась в кожу на шее кукольника. Выглядело это довольно необычно. Луис содрогнулся… Внутривенное питание. Кукольник явно был еще жив.

“Невозможный” уже поднялся в воздух. Они были так смущены, что даже не заметили старта. Говорящий сидел на наблюдательной площадке, осторожно держа что-то в ладонях.

— Кукольник умер? — спросил он.

— Нет, но потерял много крови. — Луис тяжело опустился возле кзина. Он чувствовал, что крайне устал. — Может ли кукольник впасть в шок?

— Откуда мне знать? Сам механизм шока еще недостаточно изучен. Нам потребовалось несколько столетий исследований, чтобы понять, почему люди, если их пытать, умирают так быстро. — Кзин явно думал о чем-то другом. — Это тоже часть счастья Тилы Браун? — спросил он, наконец.

— По-моему, да.

— Но почему? Что она может получить от беды, постигшей пожирателя листьев?

— Чтобы понять, ты должен взглянуть на это моими глазами, — сказал Луис. — Когда я познакомился с ней, она была… словом, односторонне. Как в одной истории…

В ней действовали девушка и рыцарь. Он был полным циником и отправился искать девушку только потому, что ее окружала Легенда.

Найдя ее, он никак не мог поверить, что Легенда является правдой — до тех пор, пока она не повернулась к нему спиной. Тогда он увидел, что сзади она совершенно пуста. Она была только маской, необыкновенно точной, изображающей

всю фигуру, а не только лицо. Никоим образом ее нельзя было ни обидеть, ни задеть. Именно это и нужно было рыцарю. Все женщины, с которыми он имел дело прежде, рано или поздно чувствовали себя обиженными, и он думал, что это его вина. Это ему изрядно надоело.

— Я ничего не понимаю, Луис.

— Когда Тила появилась здесь, она была только маской. Она не знала, что такое боль. Ее личность не была человеческой личностью.

— Это плохо?

— Да, поскольку она должна была стать человеком, если бы Несс не сделал из нее нечто другое. Ненис! Понимаешь, что он сделал? Он хотел создать бога по своему образу и подобию, а получил Тилу Браун. — Она стала тем, чем хотел бы быть каждый кукольник. С ней не может случиться ничего плохого. Ей не может быть неудобно, разве что она сама захочет этого. Именно поэтому она и оказалась здесь. На Кольце она может пережить все, что сделает ее человеком. Сомневаюсь, что таких, как она, много. Они должны были тоже оказаться на борту “Лгуна”. Хотя… Может быть и так, что их тысячи. Начнут твориться странные вещи, когда они поймут, насколько могущественны. Нам придется по возможности

скорее убираться с их дороги.

— Что мы сделаем с головой пожирателя листьев? — спросил кзин.

— Она не могла никому сочувствовать, — продолжал Луис, — поэтому должна была увидеть, как ее товарища постигло несчастье. Неважно, что это могло стоить жизни Нессу. Знаешь, чем я остановил кровь? Ее шейным платком. Она дала мне его, догадываясь, что я хочу делать. Впервые перед лицом опасности она вела себя так, как должна.

— Зачем она сделала это? Ведь с ней все равно ничего бы не случилось.

— До сих пор она не знала, что способна на нечто такое. Она никогда не была вынуждена действовать.

— Я все-таки ничего не понимаю.

— Осознание собственных ограничений составляет часть процесса взросления. Тила не могла стать взрослой, пока не оказалась лицом к лицу с настоящей, физической опасностью.

— Наверное, это присуще только людям, — констатировал Говорящий, и Луис понял, что это утверждение равносильно признанию абсолютной невозможности понять людей.

— Я думаю сейчас, правильно ли мы сделали,

остановив “Невозможного” выше замка, который туземцы называют Небом, — добавил кзин. — Возможно, они атаковали нас потому, что сочли это святотатством. Хотя, это все равно не имеет значения, раз все происходит так, как того хочет счастье Тилы Браун…

Луис никак не мог разобрать, что это Говорящий так осторожно держит в ладонях.

— Ты возвращался за головой? Если да, то напрасно потерял время. Мы все равно не сможем ее сохранить.

— Нет, Луис. — И Говорящий показал, что он держит. — Не касайся этого — можешь потерять пальцы…

Это была как бы длинная рукоять, расширяющаяся на одном конце и сужающаеся на другом. Более узкий конец переходил в тонкую черную нить.

— Я знал, что туземцы могут как-то манипулировать ею, раз устроили засаду, и вернулся, чтобы увидеть, как они это делают.

Они просто нашли один конец. Видимо, это зацеп, соединяющий нить с черным прямоугольником. Нам повезло, что удалось его найти.

— Конечно! Теперь мы можем тащить ее за собой. Она не должна ни за что цепляться, она

все разрежет!

— Куда мы летим, Луис?

— Обратно. К “Лгуну”.

— Разумеется. Нужно спасать Несса. А потом?

— Посмотрим.

Он оставил Говорящего на платформе, а сам пошел наверх, чтобы проверить, осталось ли еще хоть немного сверхтвердого пластика. Осталось. С его помощью они прикрепили конец нити к стене. Пластик затвердел, и кзин смог наконец покинуть свой пост на свежем воздухе.

Тилу, Искателя и Прилл они нашли в машинном отделении.

— Мы отправляемся в другую сторону, — сразу сказала Тила. — Эта женщина говорит, что может приблизиться к летающему замку. Можно попробовать залезть туда через разбитое окно.

— И что дальше? Вы погибнете, если вам не удастся сдвинуть его с места.

— Искатель говорит, что знает какой-то способ. Я уверена, что он справится.

Луис даже не пытался убеждать ее, предпочитая уйти с ее пути, как уступил бы дорогу атакующему бандерснатчу.

— Если будут какие-то сложности с запуском двигателей, просто нажимай первую попавшую-

ся кнопку, — посоветовал он.

— Запомню, — улыбнулась она и добавила серьезней. — Позаботьтесь о Нессе.

Когда через двадцать минут Искатель и Тила покидали “Невозможного”, обошлись без прощаний. Луис, хотя и мог много сказать, не произнес ни слова. Зачем объяснять ей, какой мощью она обладает? Пусть учится сама методом проб и ошибок, а ее счастье позаботится о том, чтобы с Тилой не случилось ничего плохого.

В течение нескольких следующих часов тело кукольника остывало все больше, пока наконец не стало холодным, как труп. Огоньки на комплекте первой помощи таинственно мигали. Вероятно, все процессы, идущие в его теле, были замедлены до минимума.

“Невозможный” двинулся в путь, таща за собой то натягивающуюся, то безвольно провисающую нить. Десятки, а потом и сотни зданий превратились в развалины, словно рассеченные огромным ножом, а прикрепленный к стене зацеп даже не дрогнул.

Город не мог исчезнуть за горизонтом, поскольку того попросту не было. Они видели его еще несколько дней, все более уменьшающийся, потом контуры стерлись расстоянием.

Прилл сидела рядом с Нессом. Она не могла ему помочь, но и не желала отходить от него. Она явно очень страдала.

— Мы должны что-то сделать для нее, — сказал Луис. — Она была подчинена таспом, а сейчас, когда его нет, убьет либо себя, либо Несса, либо меня!

— Надеюсь, ты не ждешь совета от меня.

— Нет. Пожалуй, нет.

Желая помочь страдающему человеку, можно играть роль терпеливого, все понимающего слушателя. Луис попытался использовать этот метод, но, во-первых, слишком плохо знал язык, а, во-вторых, Прилл не хотела говорить. Оставшись один, он кусал губы от бессилия, но, приходя к Прилл, пробовал в очередной раз.

Она постоянно была у него перед глазами и рядом. Если бы он мог как-то от нее отделаться, его совесть, возможно, и успокоилась бы, однако, Прилл ни на секунду не покидала рубки.

Постепенно он изучал язык, и постепенно Прилл начала говорить. Он пробовал рассказать ей о Тиле, о Нессе, о гамбите бога…

— Я действительно думала, что он бог, — сказала она. — Действительно. Почему? Ведь это не я построила Кольцо.

Она тоже училась, используя простые фразы и еще более простые слова. Два времени, почти никаких прилагательных, излишне старательное произношение.

— Так тебе сказали.

— Но я чувствовала. Знала.

— Каждый хочет быть богом. — Каждый хотел бы иметь власть, и ни за что не отвечать.

— Потом появился он, Двухголовый. У него была машина?

— У него был тасп.

— Тасп, — старательно повторила она, — Я знала. Тасп сделал его богом. Он потерял тасп, и больше не является богом. Двухголовый умер?

Ответить было трудно.

— Для него глупо быть мертвым, — сказал Луис.

— Глупо дать отсечь себе голову. — Шутка. Она пыталась шутить.

Постепенно она начинала интересоваться другими вещами: сексом, уроками языка, тянущимся за окнами пейзажем. Они наткнулись на поля солнечников, котрых Прилл никогда прежде не видела. Ме обращая внимания на неуклюжие попытки молодых растений сжечь их слабым блеском своих еще не развитых до конца цветов,

они выкопали небольшой росток и посадили его в большом горшке на крыше “Невозможного”, после чего обогнули по широкой дуге территорию, занятую взрослыми растениями.

Когда у них кончились продукты, Прилл окончательно потеряла интерес к кукольнику, и Луис решил, что она вылечилась.

В ближайшей деревне Прилл и Говорящий разыграли гамбит бога. Луис беспокойно ждал, надеясь, что кзин сумеет удержать свои нервы в узде. Он хотел побрить себе голову и идти с ними, но его ценность, как аколита, была невелика — он слишком плохо знал язык.

Посланцы вернулись с дарами. Теперь у них была еда.

Дни объединялись в недели, а они повторяли все то же, достигнув настоящего совершенства. Мех кзина обрел прежнее великолепие, и теперь он снова походил на огромную оранжевую пантеру — настоящего бога войны. Луис только посоветовал ему, чтобы он не распускал своих веерообразных ушей.

Впрочем, гамбит бога подразумевал и кое-какие обязанности. Однажды вечером кзин пришел к Луису с проблемой.

— У меня нет сложностей с изображением

бога, — сказал он. — Но я хочу изображать его хорошо.

— Что ты имеешь в виду?

— Они задают вопросы, Луис. Женщины задают вопросы Прилл, и она на них отвечает, а я обычно не понимаю ни вопросов, ни ответов. Мужчины тоже должны спрашивать Прилл, потому что она человек, а я — нет. Однако они спрашивают именно меня. Меня! Почему от меня, чужака, они ждут решения их проблем?

— Ты бог, — сказал Луис. — Бог войны, даже если он абсолютно реален, прежде всего остается символом. Символом мужественности.

— Мужественности? Смешно. Ведь у меня даже нет внешних половых органов. А у тебя, полагаю, есть.

— Но ты большой и вызываешь страх. Это автоматически делает тебя символом мужественности. Она неразрывно связана с твоей божественностью.

— В таком случае нам нужна какая-то система связи, чтобы ты мог отвечать за меня на эти вопросы.

Прилл удивила их. Когда-то “Невозможный” был собственностью полицейских властей, и в одном из складов Прилл нашла комплект пе-

реносных интеркомов, питающихся энергией, передаваемой из главного энергетического центра здания без проводов. Правда, не все они были исправны, но после небольшого ремонта два действовали без замечаний.

— Ты хитрее, чем я думал, — сказал ей ночью Луис. Он недостаточно хорошо знал язык, чтобы сказать это более тактичным образом. — Хитрее, чем я ожидал от проститутки.

Прилл рассмеялась.

— Глупый ребенок! Ты сам говорил мне, что ваши корабли летают очень быстро, почти так же быстро, как наши.

— Гораздо быстрее. Быстрее света.

— Тебе нужно подправить этот рассказ, — снова рассмеялась она. — По нашей теории это невозможно.

Это заставило ее задуматься. Луис научился угадывать ее чувства скорее по напряжению мышц, чем по выражению обычно пустого лица.

— Во время долгих путешествий, когда корабль летит с планеты на планету, скука становится страшной, — сказала она. — Развлечения должны быть разными и легко доступными. Проститутка должна знать строение тела и души, должна уметь любить и разговаривать. Она должна

знать, как действует корабль, чтобы не стать причиной несчастного случая. Она должна быть здорова и играть на каком-нибудь инструменте.

Луис смотрел на нее, широко открыв рот. Прилл мелодично засмеялась, после чего коснулась его здесь… и здесь…

Интеркомы действовали отлично, несмотря на то, что их наушники были приспособлены для ушных раковин человека, а не кзина. Луис научился мыслить молниеносно и давал именно такие ответы, каких можно было ожидать от могучего бога войны. В этом ему помогало сознание, что даже в случае какой-то ошибки они могли перемещаться быстрее, чем разойдется весть о них. Каждая встреча была первой.

Проходили месяцы.

С некоторого времени район поднимался вверх, постепенно превращаясь с пустыню. Они уже отчетливо видели перед собой Кулак Бога; гора с каждым днем становилась все больше. Луис втянулся в повседневную рутину и не сразу понял, что это означает.

Однажды он подошел к Прилл.

— Ты слышала когда-нибудь об индукционном токе? — спросил он и объяснил, что имеет в виду. — Если действовать непосредственно на мозг

током небольшого напряжения, можно вызывать в нем чувства наслаждения или боли. Именно так действует тасп.

Он продолжал говорить, и речь его заняла не менее двадцати минут.

— Я знала, что у него есть машина, — наконец прервала его Прилл. — Зачем ты ее сейчас описываешь?

— Мы покидаем цивилизацию и больше не встретим никаких деревень. Ближайший источник пищи — на нашем корабле. Я хотел, чтобы ты все знала о таспе, прежде чем примешь решение.

— Какое решение?

— Может, ты хочешь сойти в ближайшем поселке? Или полетишь с нами к “Лгуну” и там примешь управление “Невозможным”?

— На “Лгуне” для меня есть место, — сказала она тоном, не терпящим возвращений.

— Да, но…

— С меня достаточно варваров. Я хочу вернуться в настоящую цивилизацию.

— Могут возникнуть сложности с адаптацией. Например, там почти все носят волосы, такие как у меня. — За время путешествия у Луиса выросла густая шевелюра. — Тебе придется носить парик.

Прилл скривилась.

— Как-нибудь справлюсь. — Потом неожиданно рассмеялась. — А ты хотел возвращаться один, без меня? Этот большой, оранжевый, не заменит женщины.

— Это единственный аргумент, который я всегда готов принять.

— Я помогу вам, Луис. Вы так мало знаете о сексе.

Земля становилась все суше, а воздух — разреженнее. Кулак Бога, казалось, убегал от них. Кончились запасы плодов, да и мяса оставалось не так уж много. Они летели над пустынным склоном, непрерывно поднимающимся вверх, чья поверхность, по оценке Луиса, была больше поверхности Земли.

Ветер немолчно свистел в закоулках “Невозможного”. Над ними на ночном небе резко и отчетливо сверкала голубизной Арка Неба, звезды светили ровным неизменным светом.

Говорящий глянул вверх через большое панорамное окно.

— Ты смог бы найти ядро Галактики? — спросил он Луиса.

— Зачем? Ведь мы и так знаем, где находимся.

— И все же попробуй.

Луис нашел несколько знакомых звезд и созвездий, к которым успел привыкнуть за долгие месяцы, проведенные под этим небом.

— Пожалуй, оно там. За Аркой.

— Именно. Ядро Галактики находится в плоскости Кольца.

— Я так и сказал.

— А материал, из которого сделано Кольцо, задерживает большую часть нейтрино. Скорее всего, он остановит и другие виды излучения. — Кзин явно пытался что-то ему втолковать.

— Ты прав! Кольцо защищено от последствий взрыва ядра! Когда ты это понял?

— Только что. Раньше я не был уверен, где находится ядро Галактики.

— Все же часть излучения пройдет, особенно вблизи края.

— Можешь не сомневаться — когда сюда придет ударная волна взрыва, счастье Тилы Браун поместит ее так далеко от края, как это будет возможно.

— Двадцать тысяч лет... — прошептал Луис. О, лапы финагла! Как можно думать в таком масштабе?

— Болезнь и смерть не относятся к самым счастливым событиям, Луис. Принимая это во

внимание, Тила должна жить вечно.

— Но… Ты прав. Так считает не она, а ее счастье. Великий, смотрящий на нас сверху вниз Повелитель марионеток.

Последние два месяца Несс провел в виде трупа, хранящегося при комнатной температуре, и все-таки не начал разлагаться. Огоньки на его комплекте первой помощи непрерывно мигали. Это бы единственный признак того, что кукольник еще жив.

Луис разглядывал Несса, когда ему пришла в голову некая мысль.

— Кукольники… — задумчиво сказал он.

— Что? — удивленно посмотрел на него кзин.

— Я вот думаю: не потому ли их так назвали, что они старались манипулировать всеми, кого встречали. Людей и кзинов они воспринимали именно как кукол, лишенных собственной воли.

— Но счастье Тилы Браун сделало такую же куклу из Несса.

— Каждый из нас когда-то играл роль бога. — Луис кивнул в сторону Прилл, которая прислушивалась к разговору, понимая из него лишь каждое третье слово. — Она, ты и я. Как ты себя чувствовал, Говорящий? Ты был добрым богом или злым?

— Не знаю. Я был богом для чужаков. Три недели назад я предотвратил войну. Помнишь, я доказал обеим сторонам, что и те и другие должны проиграть?

— Да. Только это была моя мысль…

— Разумеется.

— Тебе придется сыграть эту роль еще раз. На Кзине.

— Не понимаю.

— Кукольники разводили людей и кзинов для своих целей. Это привело к ситуации, в которой естественный отбор будет отдавать предпочтение мирно настроенным кзинам, верно?

— Да.

— Что бы случилось, узнай об этом Патриарх?

— Война, — коротко ответил Говорящий. — Немедленно стартовал бы мощный флот, чтобы после двухлетнего путешествия атаковать планеты кукольников. Возможно, к нам присоединились бы и люди. Кукольники оскорбили и нас, и вас.

— Ясно. А потом?

— Потом травоядные уничтожили бы нас до последнего котенка. Луис, я никогда и никому не скажу ни о звездных семенах, ни об экспериментах кукольников. Можно рассчитывать на то, что ты поступишь так же?

— Да.

— Ты имел в виду именно это, говоря, что мне придется еще раз сыграть роль бога, на этот раз на своей родной планете?

— Да. И еще одно: “Счастливый Случай”. Ты по-прежнему хочешь его захватить?

— Возможно.

— Тебе не удастся. Но, допустим, что это тебе удалось. Что тогда?

— Тогда у кзинов будет гиперпространственный привод кван-тум II.

— И...?

Прилл почувствовала, что внешне спокойный разговор касается необычайно важных вопросов, и встала, словно собираясь разнять их, если они сцепятся.

— Вскоре у нас был бы флот кораблей, способный преодолеть световой год за минуту и пятнадцать секунд. Мы покорили бы весь известный Космос, подчинив себе все населяющие его расы.

— А потом?

— Нет никакого “потом”, Луис. На этом кончаются наши амбиции.

— Неправда. Вы не остановились бы на этом. Имея такой привод, вы распространились бы во

всех направлениях, захватывая каждую планету, до которой сумели бы добраться. Вы захватили бы больше, чем можете удержать… и когда-нибудь, в этом огромном пространстве, наткнулись бы на что-то действительно грозное: например, флот кукольников, второе Кольцо, бандерснатчей с руками или кдалтино на мощных военных крейсерах.

— Маловероятно.

— Ты же видел Кольцо. И планеты кукольников. Откуда ты знаешь, что это предел?

Кзин ничего не ответил.

— Не спеши, — сказал Луис. — Подумай. Впрочем, все равно ты не сможешь украсть “Счастливый Случай”. Ты убил бы всех, включая и себя.

На следующий день “Невозможный” нашел отчетливую, тянущуюся, казалось бы, в бесконечность, борозду. Они повернули и двинулись вдоль нее, направляясь прямо на Кулак Бога.

Казалось, что гора выросла, совершенно не приближаясь к ним. Больше какого-нибудь астероида, почти идеально конусообразная, она напоминала обычную гору с покрытой снегом вершиной, правда, раздутую, словно в кошмарном сне. Сне, от которого невозможно было проснуться, потому что гора все росла и росла.

— Не понимаю, — сказала Прилл. Она была явно обеспокоена. — Я никогда такого не видела. Зачем это построили? Такие горы нужны только на краю, чтобы задерживать воздух.

— Так я и думал, — буркнул Луис и больше не сказал ни слова. В тот же день они увидели маленькую стеклянную бутылку, брошенную кем-то в месте, где кончалась борозда.

“Лгун” лежал так, как они его оставили: почти вверх дном на гладкой, почти лишенной трения поверхности. Луис подавил в себе чувство облегчения — они были еще не дома.

Прилл остановила “Невозможного” так низко над “Лгуном”, что они смогли перейти прямо на корабль. Луис без затруднений открыл внешние и внутренние люки шлюза, однако, не сумел выровнять давление в кабине и снаружи. Этим следовало бы заняться Нессу, но по всем внешним признакам кукольник был мертв.

Тем не менее они уложили его на койку автолекаря. Инженеры и техники кукольников наверняка спроектировали его так, чтобы он мог справиться даже с труднейшими случаями. Однако предвидели ли они обезглавливание?

Оказалось, что предвидели. В банке органов находились две запасные головы, а кроме то-

го, столько различнейших органов, что из них можно было сложить нескольких целых кукольников. Вероятно, все эти части получили способом клонирования из клеток Несса — черты обеих голов казались удивительно знакомыми.

Прилл спустилась на “Лгуна” и, конечно, приземлилась на голову. Пожалуй, еще никогда в жизни Луис не видел настолько удивленного человека. Он совершенно забыл ее предупредить.

Несколько минут царила тишина, потом ее прервал дикий крик Луиса.

— Кофе! Душ! — заорал он и помчался в каюту, которую занимал когда-то вместе с Тилой. Сразу после этого из нее донесся очередной крик: — Прилл!

И Прилл пришла.

Кофе ей не понравился. Она считала, что только сумасшедший может вливать в себя эту горячую, горькую жидкость, и не замедлила сказать об этом Луису.

Когда Луис объяснил ей, как нужно пользоваться душем, в ее памяти проснулось воспоминание об этом когда-то бывшем, а потом надолго утраченном удобстве.

Больше всего ей понравились антигравитационные постели.

Говорящий праздновал возвращение домой по-своему, и скоро Луис стал побаиваться, что кзин лопнет от обжорства.

— Мясо! — рычал Говорящий в перерывах между огромными кусками. — Наконец-то свежее мясо!

— То, что ты ешь, сделано из… — попытался осторожно напомнить ему Луис.

— Знаю. Но вкус, как у свежего!

Прилл провела ночь на кушетке в кают-компании. Она была в восторге от антигравитационных постелей, но считала, что они должны служить иным целям, нежели простому спанью. Луис не смог отказать себе провести ночь в состоянии невесомости.

Проснулся он через десять часов, голодный как волк. Под его ногами ярко горело солнце.

Он вернулся на “Невозможного” и лазером отрезал прикрепленный к стене конец черной нити. На ней осталось еще немного пластика, твердого, как скала.

Луис не решился просто так занести ее на борт корабля. Режущая все нить представляла собой слишком большую угрозу, а серая поверхность была слишком скользкой. Луис полз на четвереньках, таща за собой оклеенный пластиком

зацеп.

Говорящий молча смотрел на него из дверей шлюза.

Луис поднялся наверх по веревочной лестнице, протиснулся мимо оранжевого тела кзина и направился на корму корабля. В конце, в самой узкой ее части, было отверстие диаметром в фут, сквозь которое проходила связка кабелей, некогда соединявших рубку с крылом, приборами и двигателями. Сейчас, когда крыла не было, отверстие закрывала металлическая пломба. Луис вытолкнул ее и выбросил наружу конец нити.

Потом он направился на нос, время от времени проверяя положение нити. Делал он это, отрезая кусочки от предложенной ему автокухней палки колбасы и окрашивая почти невидимую нить желтой отражающей краской.

Когда нить натянется, она наверняка разрежет часть переборок и некоторые элементы оборудования. Главной заботой Луиса было не повредить какие-нибудь элементы системы жизнеобеспечения.

Луис вышел наружу, подождал, пока к нему присоединится Говорящий с Животными, после чего закрыл внешний люк шлюза.

— Именно для этого мы и вернулись? — спро-

сил кзин.

— Сейчас я тебе объясню, — ответил Луис. Он осторожно прошел вдоль корпуса, поднял облепленный пластиком зацеп и потянул. Нить не дрогнула. Он потянул сильнее. То же самое. Дверь шлюза держала ее крепко.

— Я не могу испытать это по-другому, — сказал он. — Я не был уверен, что давление двери окажется достаточно сильным, не был уверен, что нить не разрежет самого корпуса. Да я и сейчас не уверен. Но, ты прав, мы вернулись именно для этого.

— А что будем делать сейчас?

— Откроем дверь шлюза. — Через минуту она была уже открыта. — А теперь занесем зацеп обратно на "Невозможный" и прикрепим к стене.

Нить тянулась за летающим зданием на тысячи миль, возможно, доходя до города, над которым парил замок, называемый Небом.

Теперь она проходила также через внутренность корпуса "Лгуна", а конец ее был прикреплен пластиком к стене "Невозможного".

— Пока все в порядке, — сказал Луис — Теперь нам понадобится Прилл… Ненис! Я совсем забыл, что у нее нет скафандра!

— Скафандра?

— Мы летим на “Невозможном” на Кулак Бога, а ведь эта развалина не герметична. Нам придется ее здесь оставить.

— На Кулак Бога, — повторил Говорящий. — Луис, двигатель скутера слишком слаб, чтобы втащить туда “Лгуна”. Он может сломаться.

— А я и не собираюсь его тащить. Хочу только провести через “Лгуна” черную нить.

— Это должно получиться, — сказал, подумав, Говорящий. — Если не хватит мощности, можно отрезать еще несколько этажей. Но… зачем ты это делаешь? Что ты надеешься найти на вершине?

— Я мог бы тебе сказать — это всего одно слово — но тогда ты, наверное, рассмеешься мне в лицо. Если окажется, что я не прав, клянусь, ты никогда не узнаешь, что я планировал.

Мне придется объяснить Прилл, чего я от нее жду, подумал он. И закрыть пластиком отверстие в корме “Лгуна”.

“Невозможный” никоим образом нельзя было назвать космическим кораблем. Сила, поддерживающая его в воздухе, была электромагнитного происхождения и действовала, отталкивая его от поверхности Кольца. К счастью, поверхность эта постоянно поднималась вверх, поскольку гора Кулак Бога была полой внутри. Правда, летающее

строение то и дело пыталось соскользнуть вниз. Двигатель скутера должен был не только удерживать его от этого, но и толкать вперед.

Нужно было чем-то помочь ему.

Еще перед началом подъема они забрались в свои скафандры. Луис уныло посасывал из трубки питательное пюре и с тоской думал о бифштексе, поджаренном лучом лазера. Говорящий потягивал подогретую искусственную кровь, а о чем думал — неизвестно.

Им больше не нужна была кухня, поэтому они отрезали часть здания, в которой она размещалась. Точно так же отрезали этажи, на которых стояла вентиляционная аппаратура и различное полицейское оборудование вместе с генераторами электромагнитного поля, которые когда-то пленили их. Отрезали большую часть перекрытий и стен, оставив только те, что были необходимы для нормальной жизни.

С каждым днем они приближались к зияющему на вершине горы кратеру, в котором свободно поместился бы любой астероид из тех, которые Луису приходилось видеть. Край кратера выглядел довольно необычно: можно было подумать, что конструктивный материал Кольца был вытолкнут изнутри…

Вверх тянулись огромные расщелины и скалы. Между двумя из них показался вдруг довольно широкий проход.

— Ты хочешь добраться до кратера? — спросил кзин.

— Да.

— Тогда нужно идти в этот проход. Выше нам не подняться.

Говорящий управлял “Невозможным”, регулируя тягу двигателя скутера. Стремясь максимально облегчить здание, они обрезали даже механизмы, стабилизирующие его положение. Кзин демонстрировал чудеса ловкости, чтобы удержать неустойчивую конструкцию вертикально.

— Вызываю Прилл, — сказал Луис в интерком. — Вызываю Халрлоприллалар. Ты слишишь меня, Прилл?

— Слышу, Луис.

— Останься там, где находишься. Через двадцать минут мы будем на месте.

— Хорошо. Долго же это продолжалось.

Арка Неба горела над ними голубым огнем. С высоты тысячи миль над поверхностью Кольца они видели, как Арка соединяется со стенами края, постепенно переходя в равнину. Луис

чувствовал себя так же, как сотни лет назад чувствовали себя первые люди, поднявшиеся в космос и увидевшие, что Земля и в самом деле круглая.

— Мы не могли об этом знать, — тихо сказал Луис, однако Говорящий услышал и взглянул на него. Луис не обратил внимания на странный взгляд кзина. — Это избавило бы нас от многих неприятностей… Мы могли бы вернуться сразу, как только нашли нить. Ведь мы могли бы втащить “Лгуна” нашими скутерами. Но тогда Тила не встретила бы Искателя.

— Снова счастье Тилы Браун?

— Разумеется. — Луис опомнился. — Я говорил вслух?

— Да.

— Мы должны были догадаться, — продолжал Луис. Кратер был уже очень близко, и он чувствовал непреодолимое желание говорить. — Инженеры никогда не построили бы здесь ТАКОЙ высокой горы. Если считать оба края, у них есть горные цепи длиной более миллиарда миль.

— Но Кулак Бога существует, Луис.

— В том-то и дело, что нет. Это только скорлупа. Посмотри вниз. Что ты видишь?

— Конструктивный материал Кольца.

— Увидев это впервые, мы решили, что это грязный лед. Грязный лед в вакууме! Но неважно. Помнишь, как ты искал на карте Кулак Бога и не мог ее найти? Знаешь, почему?

Кзин молчал.

— Потому, что ее не было. Когда создавались те карты, горы просто не было. Прилл, ты там?

— Да. Где же мне еще быть?

— Хорошо. Закрой шлюз. Повторяю, закрой шлюз. Только смотри, чтобы нить не порезала тебя на кусочки.

— Это МЫ изобрели эту нить, Луис. — В интеркоме воцарилась тишина, прерываемая только треском помех. — Наружные и внутренние люки закрыты, — доложила, наконец, Прилл.

“Невозможный” проходил между двумя острыми вершинами.

— Луис, что ты, собственно, хочешь найти в этом кратере?

— Звезды.

— Не смейся надо мной. Мое чувство…

Они были уже в кратере. Кулак Бога действительно была только пустой скорлупой.

Они падали. И кратер был полон звезд.

У Луиса Ву было отличное воображение, и он легко представил себе, что здесь когда-то про-

изошло.

Он видел идеально чистую, прозрачную модель Кольца: никаких кораблей, паромов, спутников. Только солнце типа С2 и Кольцо.

Видел, как из межзвездного пространства прилетел астероид. Он летел очень быстро… пока не финишировал на внешней стороне Кольца.

В представлении Луиса астероид был размером с Луну.

За долю секунды он превратился в ионизированную плазму. Метеоры меньших размеров, летящие с небольшими скоростями, после входа в атмосферу планеты горят, как сухое дерево, исчезая еще до того, как долетят до поверхности. Однако здесь не было атмосферы, и плазме, вдавленной чудовищным ударом во внешнюю сторону конструкции, некуда было деваться. Она продолжала двигаться вперед, выдавливая перед собой материал Кольца, потом твердая поверхность лопнула, выпуская огненный шар на свободу.

Территория, превосходящая поверхность Земли, оказалась вдруг на десятки и сотни миль выше, чем была до сих пор. Нарушился детально разработанный механизм движения воздушных масс и расклад температур. Тысячемильной вы-

соты Кулак Бога…

— Кулак Бога? Ненис! Ну, конечно! Для наблюдателей, находящихся на Кольце, это должно было выглядеть так, словно какой-то чудовищный огненный кулак одним ударом пробил тонкую, как лист бумаги, конструкцию.

Они должны были быть довольны, что материал, из которого построено Кольцо, оказался таким ковким. Через кратер мог бы уйти весь воздух, которым они дышали. К счастью, кратер находился на тысячемильной высоте…

И был полон звезд. Внезапно выключилась искусственная гравитация. Этого Луис не предвидел.

— Держись за что-нибудь! — крикнул он. — Если выпадем — погибнем!

— Конечно, — согласился с ним Говорящий, крепко хватаясь за металлические поручни. Луис тоже вцепился в них.

— Ну что, кто был прав? Звезды!

— Действительно. Но откуда ты знал?

Вернулась тяжесть. “Невозможный” повернулся набок.

— Держит! — радостно крикнул Луис, стоя на том, что еще минуту назад было стеной рубки. — Надеюсь, Прилл чем-нибудь пристегнулась. У нее

будет не самая ровная дорога. На вершину Кулака Бога, потом через край кратера и…

Они посмотрели вниз, на внешнюю сторону Кольца — бесконечную, изрезанную поверхность. В центре ее было коническое углубление с блестящим дном. “Невозможный” закачался, как маятник, подвешенный на длинной нити, и кратер на мгновение осветился солнечным светом.

— …и вниз. Когда и она, и мы вылетим в пространство со скоростью 770 миль в секунду, мы сможем приблизиться к ней, пользуясь двигателем скутера. А откуда я знал? Да ведь я все время говорил об этом. Разве я не упоминал о пейзаже?

— Нет.

— Именно это подсказало разгадку. Эти нагие, эродированные пространства и упадок цивилизации, насчитывающей всего полтора тысячелетия! А все потому, что два метеоритных кратера совершенно изменили картину ветров. Знаешь ли ты, что вся трасса нашего путешествия пролегала от одного кратера к другому?

— Это малоубедительное рассуждение, Луис.

— Но оно оказалось верным.

— Да. И благодаря этому я еще увижу закат солнца, — тихо сказал кзин.

Луис удивленно взглянул на него.

— Ты?

— Да, иногда я люблю посмотреть на заходящее солнце. А теперь поговорим о “Счастливом Случае”.

— Давай.

— Если бы я завладел “Счастливым Случаем”, моя раса подчинила бы себе весь известный Космос, пока не наткнулась бы на еще более могучую цивилизацию. Мы забыли бы обо всем, чему с таким трудом научились, если говорить о мирном сосуществовании с другими видами.

— Это правда, — признал Луис. Тяготение не изменилось. “Лгун”, подвешенный на конце нити длиной в десять тысяч миль, взбирался следом за ними по склону горы.

— Правда, это могло бы оказаться не так легко, если бы счастье нескольких сотен Тил Браун сочло необходимым защищать Землю от нас. Однако честь требует, чтобы я хотя бы попробовал. — Кзин говорил совершенно спокойно, но Луис видел, что его товарищ испытывает противоречивые чувства. — Смог бы я увести своих братьев с дороги славы, ведущей к войне? Мои боги прокляли бы меня за это.

— Лучше не быть богом, Говорящий. Это тяжело и больно.

— К счастью, проблемы нет вообще. Ты сказал, что если бы я попытался, мы все могли бы погибнуть. И ты прав. Привод кукольников потребуется нам, чтобы уйти от взрыва ядра Галактики.

— Это правда.

— А если я лгу? — неожиданно спросил кзин.

— Против этого я бессилен. Мне не перехитрить существо твоего уровня разумности, — ответил Луис.

В кратере вновь на мгновение вспыхнуло солнце.

— Подумай, как мало мы все-таки увидели, — задумчиво сказал Луис. — Мы преодолели сто пятьдесят тысяч миль за пять дней, а потом проделали тот же путь за два месяца. Это только одна седьмая ширины Кольца. А Тила с Искателем хотят пройти его вдоль…

— Глупцы.

— Мы даже не увидели края. Они увидят его. Интересно, что еще прошло мимо нас? Их корабли могли добираться даже до Земли. Может, они забрали оттуда китов и кашалотов еще до того, как мы их уничтожили? Мы даже не добрались до океана.

А люди, которых они встретят на своем пути… А пространство… Ведь Кольцо так огромно…

— Мы не можем туда вернуться, Луис.

— Нет. Конечно, нет.

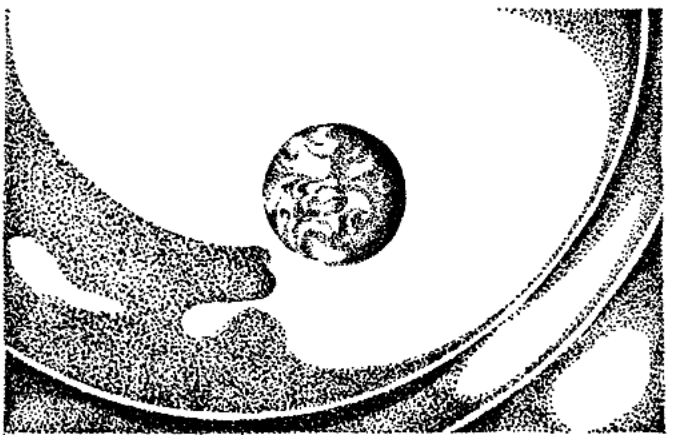
— По крайней мере, пока не побываем дома и не получим нашей награды.

Брайан Олдисс
БЕЗ ОСТАНОВКИ

Брайан Олдисс

БЕЗ ОСТАНОВКИ

роман



Тэду Корнуэллу, издателю "Нью Уолдз" и "Сайнс Фэнтези", подсказавшему мне идею написать "Без остановки", именно эту книгу и посвящаю.

"Для писателя наверняка безопаснее использовать в качестве темы то, что он сам чувствует, чем то, о чем он знает..."

Л.Р.Харли

Общество, которое не отдает или не хочет отдавать себе отчета о своем положении во Вселенной, не может считаться действительно цивилизованным. Можно сказать, что оно обладает какими-то, определенно-фантастическими в своих последствиях чертами, которые делают его обществом стабильным. Именно о таком обществе рассказывает эта книга.

Ни одна идея, являющаяся плодом человеческого разума, никогда не бывает, в отличие от миллиарда фактов, управляющих нашим миром, полностью

стабильной. Она неизбежно несет в себе все черты человеческой слабости и может быть либо скромной и убогой, либо великолепной и величественной. Эта книга рассказывает именно о такой величественной идее.

Для общества, о котором идет речь, идея эта была чем-то значительным: со временем она стала смыслом его бытия. Сама же она, как это порой случается, оказалась ошибочной и уничтожила это бытие.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КАБИНЫ
1

Как волна радара, отраженная от удаленного предмета, возвращается к своему источнику, так отзвук биения сердца Роя Комплейна заполнял в его восприятии все окружающее его пространство. Он стоял в дверях своей квартиры, слушая гневную пульсацию крови в висках.

— Так иди же, если ты вообще собираешься идти! Ты же сказал, что уходишь!

Язвительный голос за спиной, голос Гвенни,

ускорил его решение. Что-то яростно пробормотав, он, не оборачиваясь, захлопнул дверь и начал до боли тереть руки, чтобы успокоиться. Именно так выглядела жизнь с Гвенни: сначала ссоры без всякого повода, а потом эти безумные, утомительные, как болезнь, вспышки гнева. И что хуже всего: это не был обычный, чистый гнев, а только отвратительное липкое чувство, которое даже при максимальной интенсивности не в состоянии было заглушить сознание, так что вскоре он снова будет здесь, упрашивая ее и унижаясь. Ну что ж… Комплейн не мог без нее обойтись.

В эту раннюю пору в коридоре еще крутились несколько мужчин. Немного позднее им предстояло отправиться по своим делам. Группа, сидящая на палубе, играла в “Прыгай Вверх”. Комплейн подошел к ним и, не вынимая рук из карманов, хмуро следил за ходом игры, глядя поверх их растрепанных голов. Игровое поле было нарисовано на палубе и представляло собой квадрат со сторонами, равными длине двух мужских рук. На поле были в беспорядке разбросаны кости и фишки. Один из играющих наклонился и передвинул свои фигуры.

— Окрышение на позиции пять, — сказал он

с безжалостным триумфом, после чего поднял голову и заговорщически подмигнул Комплейну.

Комплейн равнодушно отвернулся. Когда-то эта игра его необычайно привлекала. Он играл в нее непрерывно, до тех пор, пока его ноги не переставали выдерживать постоянную позу сидения на корточках, а усталые глаза оказывались не в состоянии разглядеть серебряные фигуры. И на других, а точнее, почти на всех членов племени Грин эта игра действовала магическим образом, давая им ощущение пространства и силы, то есть чувства, которых была полностью лишена их нормальная жизнь. Сейчас чары рассеялись, и Комплейн был свободен от них, хотя, пожалуй, неплохо было бы иметь в запасе что-нибудь такое же увлекательное.

Задумавшись, он шел вперед, не обращая внимания на двери по обе стороны коридора, зато быстро осматривая прохожих, как будто в ожидании какого-то сигнала. Вдруг он заметил спешащего к баррикадам Вантаджа, который инстинктивно скрывал свою левую, изуродованную половину лица от людей. Вантадж никогда не принимал участия в играх. Он не терпел, когда его окружали люди. Почему Совет пощадил его, когда он был еще ребенком? В племени Грин

рождалось много уродливых детей, но всех их ожидал нож. Еще детьми они дразнили Вантаджа “Дырявой Мордой” и смеялись над ним, но теперь, когда он вырос в сильного и агрессивного мужчину, отношение к нему стало более снисходительным, а намеки более завуалированными.

Не сознавая, что его бесцельные скитания приобрели смысл, Комплейн тоже направился к баррикадам. В этом районе находились лучшие помещения, используемые Советом. Двери одного из них резко отворились, и показался сам лейтенант Грин в обществе двух офицеров. Правда, Грин был уже в преклонном возрасте, но его раздражительность и холодная нервозность еще носили печать юношеского темперамента. Рядом с ним гордо выступали офицеры Патч и Зиллиак с парализаторами за поясами.

К огромной радости Комплейна Вантадж, захваченный врасплох их внезапным появлением, впал в панику и отдал вождю честь. Это было такое зрелище — голова, приложенная к руке, вместо того, чтобы наоборот, и Зиллиак с усилием улыбнулся. Подобострастие было обязательно для всех, хотя гордость не позволяла в этом признаться.

Когда Комплейн проходил мимо них, он посту-

пил согласно с общепринятым обычаем — то есть отвернулся, глядя в другую сторону. Никто не имел права думать, что он, охотник, хуже какого-то стражника. Ибо сказано в Науке: “Ни один человек не хуже других, разве что сам чувствует потребность выказать другому уважение”.

В гораздо лучшем настроении он догнул Вантаджа и положил ему руку на левое плечо. Вантадж резко повернулся и приставил ему к животу короткую заостренную палку. Движения его как всегда были очень экономны — он вел себя, как человек, окруженный со всех сторон обнаженными остриями. Кончик палки был точно у пупка Комплейна.

— Спокойно, красавчик. Ты что, всегда так встречаешь друзей? — спросил Комплейн, отводя острие палки.

— Я думал… Пространства, охотник… Почему ты не на охоте? — спросил Вантадж, отворачиваясь.

— Потому что иду вместе с тобой к баррикадам. Кроме того, мой горшок полон, и налоги уплачены. Лично я не испытываю потребности в мясе.

Они шли молча. Комплейн всячески старался оказаться слева от Вантаджа, а тот ни за что не хотел этого допустить. Комплейн был осторожен, он

боялся чересчур провоцировать Вантаджа, чтобы тот на него не бросился. Насилие и смерть были обычным явлением в Кабинах — они служили противовесом высокого естественного прироста, однако никто охотно не умирает только для сохранения равновесия,

Чем ближе к баррикадам, тем больше было людей в коридоре, и Вантадж удалился, бормоча насчет того, что ему нужно сделать.

Главная баррикада была деревянной перегородкой, которая полностью блокировала коридор. Ее постоянно охраняли двое стражников. В этом месте Кабины кончались, и начинался лабиринт спутанных глонов. Сама баррикада была сооружением временным, поскольку место, в котором ее ставили, постоянно изменялось.

Племя Грин было кочевым: невозможность постоянно собирать достаточный урожай заставляла его часто менять место. Это заключалось в передвижении вперед передней баррикады и подтягивании задней. Что и происходило в настоящую минуту: путаница глонов, вырубаемая впереди, могла свободно расти сзади; таким способом племя медленно, вгрызалось в бесконечные коридоры, как червь в гнилое яблоко. За баррикадой работали мужчины, рубившие

длинные стебли с такой энергией, что съедобный сок брызгал из-под их ножей. Стебли эти сохраняли, чтобы сберечь как можно больше сока. Сухие стерли, разрезанные на равные части, использовали потом для самых разных целей. Впереди, перед сверкающими остриями, собирали другие части растений: листья для лечебных целей, молодые побеги в качестве деликатеса, семена — для еды; используемые также как пуговицы, сыпучий балласт для инструмента вроде тамбурина, фишек для игры в “Прыгай Вверх” и, наконец, как игрушки для детей.

Самым трудным заданием при очищении района от глонов являлось корчевание корней, которые, как стальная сетка, простирались под поверхностью, взгрызаясь отдельными ответвлениями глубоко в палубу. По извлечении корней другие люди собирали в мешки гумус. В этом месте перегной был исключительно глубок, он покрывал палубу высотой до двух футов, и это указывало на то, что районы эти были совершенно не исследованы, и другие племена здесь не встречались. Мешки, полные гумуса, доставляли в Кабины, где в свободных помещениях устраивали новые поля.

В работе перед баррикадой участвовала еще од-

на группа мужчин, и именно за ней с интересом следил Комплейн. Это были стражники. Более высокого ранга, чем все остальные, они набирались только лишь из охотников, и не исключена была возможность, что однажды Комплейн, если повезет, или за особые заслуги, войдет в этот класс.

Когда почти сплошная стена спутанных глонов была выкорчевана, глазам людей предстали темные провалы дверей. Комнаты, находящиеся за этими дверями, скрывали всевозможные загадки, тысячи странных предметов, иногда нужных, иногда совершенно бесполезных, которые были некогда собственностью исчезнувшей расы Гигантов. В обязанности стражников входило: выламывать двери, ведущие в эти древние гробницы, и решать, что из их содержимого может быть использовано для племени — разумеется, в первую очередь для них самих. Через некоторое время содержимое либо делили, либо уничтожали, в зависимости от каприза Совета. Многое из того, что попадало таким образом в Кабины, Совет признавал опасным и сжигал. Само открывание дверей было не лишено риска, хотя он и существовал больше в воображении, чем в действительности. В Кабинах ходили слухи, что некоторые небольшие племена, тоже боровшие-

ся за жизнь в густых джунглях, исчезали тихо и без следа, открыв именно такие двери.

Комплейн был сейчас не единственным, кого заинтересовала работа других. Множество женщин, каждая окруженная кольцом детей, стояли у баррикад, мешая тем, кто был занят переноской гумуса и глонов. Тихому жужжанию мух, которых Кабины никак не могли вывести, вторили детские голоса. Под аккомпанемент этих звуков стражники открыли очередную дверь. На мгновение воцарилась тишина, даже работающие в поле прервали свои занятия, со страхом глядя на открытую дверь.

Однако комната разочаровала всех. В ней не было даже пугающего скелета Гиганта. Это был небольшой склад, заставленный полками, на которых лежали маленькие мешочки с разноцветным порошком. Два из них — светло-желтый и пурпурный — упали и лопнули, образовав на полу два цветных пятна, а в воздухе два облачка. Послышались полные восторга возгласы детей, которые редко видели какие-либо цвета, а стражники, выкрикивая короткие, энергичные приказы, образовали живой конвейер и принялись переносить свою добычу в ожидавшую за баррикадой повозку.

Комплейн повернулся и пошел обратно. Может, он все-таки выберется на охоту…

— Но почему там, в чаще, есть свет, если нет никого, кому он был бы нужен?

Комплейн услышал этот вопрос, несмотря на общий шум. Он повернулся и увидел, что его задал один из маленьких мальчиков, собравшихся вокруг сидящего на корточках высокого мужчины. Рядом стояли несколько матерей, снисходительно улыбающихся и лениво отгоняющих мух.

— Свет нужен, чтобы глоны могли расти; ты тоже не смог бы жить в темноте.

Это сказал Боб Фермур, человек тяжелый и медлительный. Он был более жизнерадостен, чем это допускалось Наукой, и поэтому его очень любили дети. Комплейн вспомнил, что Фермур имел репутацию балагура, и почувствовал в себе пустоту.

— А что там было до того, как появились первые глоны? — спросила маленькая девочка.

Дети явно пытались несколько наивным способом склонить Фермура к рассказу.

— Расскажи им историю мира, Боб, — посоветовала одна из матерей.

Фермур с беспокойством взглянул на Комплей-

на.

— Не обращай на меня внимания, — сказал Комплейн, — теории значат для меня меньше, чем эти мухи.

Власти племени не одобряли теоретизирования и рассуждений, не имеющих практического значения, и это было причиной колебания Фермура.

— Ну что же, все это только домыслы, — сказал Фермур, — потому что нет никаких записей периода, предшествовавшего появлению племени Грин. — Потом, глядя на взрослых, он быстро добавил, — Кроме того, у нас есть более важные дела, чем обсуждение старых легенд.

— А какая она, история мира? — нетерпеливо спросил один из мальчиков. — Она интересна?

Фермур взъерошил мальчику волосы, спадающие на глаза, и сказал:

— Это самая увлекательная история, какую можно себе вообразить, ибо касается она всех нас и всей нашей жизни. Мир великолепен. Он построен из многочисленных палуб, таких, как эта. Это слои, которые не кончаются нигде, ибо образуют замкнутый круг. Поэтому вы могли бы идти без конца и никогда не добраться до края мира. Слои эти заполнены таинственными помещениями, одни из которых содержат предметы

хорошие, а другие плохие, а все коридоры без исключения заросли глонами.

— А как насчет людей с Носа? — спросил один из мальчиков.

— Это правда, что у них зеленые глаза?

— Дойдем и до них, — сказал Фермур, понижая голос так, чтобы его юные слушатели были вынуждены придвинуться поближе.

— Я говорил, что произойдет, если вы будете держаться боковых коридоров. Но если вы попадете в Главный Коридор, то окажетесь на автостраде, которая приведет вас прямо в удаленные части света. Так вы можете добраться и до территории Носовиков.

— А правда, что у них у всех по две головы? — спросила маленькая девочка.

— Конечно, нет, — ответил Фермур. — Они более цивилизованны, чем наше племя, — он снова внимательно посмотрел на взрослых слушателей, — но мы знаем о них немногое, поскольку их области отделяет от наших множество преград. Вашей обязанностью по мере того, как вы будете расти, станет углубление знаний о нашем мире. Помните, что мы очень многого не умеем, а за нашим миром могут быть еще и другие, о существовании которых мы можем только до-

гадываться.

Дети были потрясены, но одна из женщин рассмеялась и сказала:

— Много им будет пользы, если они начнут задумываться над тем, чего, наверное, вообще нет.

Комплейн подумал, что в глубине души согласен с нею. Ныне кружило множество теорий, туманных и весьма разнородных, но ни одна не получила одобрения властей. Он задумался, поправит ли его дела донос на Фермура, но, к несчастью, никто не принимал Фермура всерьез, потому что он был слишком медлителен. Не далее, как в прошлую явь, он был публично высечен за леность, проявленную во время полевых работ.

Комплейна мучила в эту минуту другая проблема — идти или не идти на охоту. Он вдруг представил себе, как бесцельно бегал до баррикады и обратно, и сжал кулаки… Время идет, обстоятельства меняются, а по-прежнему чего-нибудь нет и нет…

Он побежал. Длинные черные волосы падали ему на плечи. Его молодое лицо было сильным и привлекательным, несмотря на небольшую склонность к полноте. Линия челюсти говорила о характере, губы о смелости. Однако над всем

доминировала бесплодная горечь, присущая почти всем членам племени. Нужно признать, что Наука проявила огромную мудрость, советуя людям не смотреть друг другу в глаза.

Комплейн бежал почти вслепую: глаза ему заливал пот. Как во время сна, так и в яви в Кабинах было тепло, и люди легко потели. Никто не обратил на него внимания: бессмысленная беготня была в племени явлением повсеместным, многие пытались таким образом убежать от преследующих их видений. Комплейн знал только одно: он должен вернуться к Гвенни, поскольку только женщины обладали магическим даром дарить забытье.

Когда он ворвался в квартиру, она стояла неподвижно, держа в руке чашку чая. Она делала вид, что не видит его, но настроение ее изменилось, и худое лицо выражало напряжение. Она была крепко сложена, и ее массивное тело удивительно контрастировало с маленьким лицом. В эту минуту вся ее фигура выражала решительность, как будто она готовилась к атаке.

— Не смотри так, Гвенни. Я же смертный твой враг. — Он хотел сказать не совсем это, да и тон его не был достаточно примирительным, но при виде ее его гнев частично вернулся.

— Да, ты мой смертный враг, — с нажимом сказала она, не глядя на него. — Я ненавижу тебя больше всех людей.

— В таком случае дай мне глоток своего чая, может, он меня отравит.

— Это было бы здорово, — сказала она ядовито и подала ему чашку.

Он знал ее хорошо. Ее гнев не был похож на его гнев. У него он проходил медленно, у нее — молниеносно. Она могла ударить его в лицо, а через минуту отдаться ему. И тогда это получалось у нее лучше всего.

— Хватит дуться, — сказал он. — Ты же знаешь, что мы ругались из-за ерунды.

— Из-за ерунды? Значит, Лидия для тебя ерунда? Только потому, что умерла сразу после рождения… наш единственный ребенок, а ты говоришь, что это ерунда?

— Лучше называть ее ерундой, чем использовать как повод для ссоры. — Он воспользовался тем, что Гвенни протянула руку за чашкой и, проведя рукой по ее голому плечу, ловко сунул пальцы в вырез блузки.

— Перестань! — крикнула она, вырываясь. — Ты отвратителен! Не можешь думать ни о чем другом, даже когда я с тобой разговариваю! Пусти

меня, скотина!

Но он не пустил. Вместо этого он обнял ее и притянул к себе. Она попыталась было пнуть его, тогда он ловко подсек ей колени, и они вместе упали на пол. Когда он приблизил свое лицо к ее, она попыталась укусить его за нос.

— Руки прочь! — воскликнула она, тяжело переводя дыхание.

— Гвенни… Гвенни, дорогая… — прошептал он.

Ее поведение резко изменилось.

— А потом ты возьмешь меня на охоту?

— Конечно. Я сделаю все, что ты захочешь.

Однако то, чего Гвенни хотела или нет, не имело большого влияния на дальнейший ход событий, потому что в эту самую минуту в комнату ворвались две ее запыхавшиеся кузины и сообщили, что ее отец, Озберт Бергзс, почувствовал себя хуже и зовет ее к себе. Он заболел прогрессирующим гнильцом одну сон-явь назад, и Гвенни уже раз навестила его в его удаленной квартире. Все были уверены, что он не протянет долго. Таков был обычный финал болезней в Кабинах.

— Я должна идти к нему, — сказала Гвенни.

Отделение детей от родителей в критических ситуациях соблюдалось не так сурово, и закон позволял навещать тяжело больных.

— Это был неоценимый человек, — торжественно сказал Комплейн. Озберт Бергас был старшим проводником в течение многих снов-явей, и его смерть была бы ощутимой потерей для племени, и все же Комплейн не выразил желания навестить тестя: племя Грин старалось искоренить всякую сентиментальность. После ухода Гвенни он отправился на рынок, чтобы встретиться с оценщиком Эрни Роффери и узнать, сколько теперь стоит мясо. По дороге он миновал загоны для зверей. Они были обильнее, чем обычно, заполнены домашним скотом, мясо которого было сочнее и нежнее, чем мясо диких зверей, отлавливаемых охотниками. Рой Комплейн не был мыслителем и никак не мог объяснить такого парадокса: никогда прежде племя не жило так, как сейчас, никогда разведение скота не приносило столько приплода, чтобы даже простой работник мог есть мясо каждые четыре сна-яви, зато он, Комплейн, был теперь беднее, чем когда-либо. Он охотился больше, но ему все меньше удавалось добыть, и все меньше за это получать. Многие охотники, оказавшиеся перед этой же проблемой, бросили охоту и занялись чем-нибудь другим.

Не в состоянии связать низких цен, какие Роффери установил на дичь, с обилием пищи,

Комплейн винил во всем оценщика, недолюбливающего весь клан охотников.

Комплейн протиснулся сквозь толпу, заполняющую рынок, и не слишком вежливо обратился к оценщику:

— ...странства для твоего я.

— За твой счет, — оживленно ответил оценщик, поднимая голову от длинного списка. — Мясо сегодня упало, охотник. Нужно добыть большую тушу, чтобы заработать шесть штук.

— Кишки у меня переворачиваются! Когда я видел тебя в последний раз, путаник, ты говорил, что упала цена хлеба.

— Выражайся повежливее, Комплейн. Да, я говорил тебе, что цена хлеба упала, потому что это правда, но цена мяса упала еще больше.

Оценщик с удовольствием пошевелил своими пышными усами и рассмеялся. Несколько других мужчин, круживших поблизости, присоединились к общему веселью. Один из них, низкорослый вонючка по имени Чип, имел при себе груду круглых банок, которые собирался выгодно обменять на рынке. Резким пинком Комплейн расшвырял их. Яростно взревев, Чип бросился их собирать, одновременно борясь с теми, кто уже успел их подхватить. При виде

этого зрелища Роффери захохотал еще громче, но его насмешка поменяла своего адресата. Теперь она уже не относилась к Комплейну.

— Радуйся, что ты не живешь среди Носовиков, — сказал Роффери Комплейну в утешение. — Эти люди творят истинные чудеса. Они создают съедобных зверей из своего дыхания и не нуждаются в охотниках. — Он резко хлопнул себя по затылку, раздавив муху. — Им также удалось уничтожить этих проклятых насекомых.

— Вздор! — сказал старый человек, стоящий рядом.

— Не спорь со мной, Эфф, — сказал оценщик, — если не хочешь потерять своих доходов.

— Это вздор, — согласился Комплейн. — Нет такого идиота, который поверил бы в место без мух.

— Зато я отлично представляю себе место без Комплейна! — рявкнул Чип, который успел уже собрать свои банки и грозно встал перед Комплейном. Они смотрели теперь друг на друга, готовые к схватке.

— Ну, давай, бей его! — крикнул оценщик Чипу. — Покажи ему, что мне тут не нужны охотники, мешающие делам.

— С каких это пор мусорщик стал иметь в Ка-

бинах больше прав, чем охотник? — обратился ко всем старый человек по фамилии Эфф. — Предупреждаю вас, плохие времена наступают для племени. Я счастлив, что уже не увижу их.

Вокруг раздались насмешки над старческой чувствительностью.

Утомленный этими криками, Комплейн раздвинул толпу и ушел. Заметив, что старик идет за ним следом, он осторожно кивнул ему головой.

— Я вижу все, как на ладони, — сказал Эфф, продолжая свой грустный монолог. — Мы быстро устаем. Скоро никто не захочет покидать Кабины и вырубать глоны. Не будет никакого стимула. Не будет отважных мужчин, а только обжоры и щеголи. Потом к этому добавятся болезни, смерть и набеги других племен — я вижу это так же ясно, как и тебя — и там, где было племя Грин, вырастут джунгли.

— Я слышал, что Носовики порядочные люди, — прервал эту тираду Комплейн, — что они пользуются разумом, а не чарами.

— Ты, наверное, слушал Фермура или ему подобных, — резко сказал Эфф. — Некоторые люди хотят ослепить нас, чтобы мы не видели наших настоящих врагов. Я называю их людьми, но это не люди, это — Чужие. Чужие, охотник, — суще-

ства сверхъестественные. Если бы это зависело от меня, я приказал бы их убить. Хотел бы я снова пережить охоту на ведьму… да, хотел бы, но ныне уже не охотятся за ведьмами. Когда я был ребенком, у нас постоянно были такие охоты. Говорю тебе, пламя становится слишком расслабленным, слишком мягким. Если бы это зависело от меня…

Он засопел и замолчал, вспоминая, видимо, какую-то огромную резню. Увидев приближающуюся Гвенни, Комплейн незаметно покинул старика.

— Как отец? — спросил он.

Она махнула рукой.

— Ты же знаешь, что такое гнилец, — сказала она бесцветным голосом. — Он отправится в Долгое Путешествие прежде, чем пройдет следующая сон-явь.

— В расцвете сил мы встаем пред обличьем смерти, — торжественно сказал Комплейн. — Бергас был человеком достойным.

— А Долгое Путешествие всегда имеет свое начало, — закончила она цитату из Литании. — Ничего нельзя сделать. Ты не забыл свое обещание? Идем, Рой. Возьми меня в глоны, на охоту, прошу тебя…

— Мясо упало до шести штук за тушу, — сказал

он. — Не стоит идти, Гвенни.

— За штуку можно многое купить, например, сосуд для черепа моего отца.

— Это обязанность твоей мачехи.

— Я хочу пойти с тобой на охоту.

Он знал этот тон, а потому гневно повернулся и молча направился к передней баррикаде. Гвенни шла за ним по пятам.

2

Охота была великой страстью Гвенни. Она давала ей чувство освобождения от Кабин, где женщинам нельзя было в одиночку уходить с территории, занимаемой племенем, а кроме того, охота ее возбуждала. Она не участвовала в самом убийстве, а только кралась, как тень, за Комплейном, выслеживая зверей, населяющих чашу. Несмотря на развитое животноводство и, как следствие, падение цен на дичь, Кабины были не в состоянии удовлетворить все возрастающую потребность в мясе. Племя постоянно балансировало на грани кризиса. Оно возникло всегда два поколения назад, основанное Дедом Грином, и еще какое-то время не могло обеспечивать себя всем необходимым. В сущности, любое серьезное

потрясение или событие могло привести к распаду племени, члены которого стали бы искать счастья среди других племен.

Сначала Комплейн и Гвенни шли тропкой, бегущей сразу за передней баррикадой, потом свернули в чащу. Несколько охотников, которых они встретили по дороге, быстро исчезли, и они оказались в одиночестве — шелестящем одиночестве джунглей. Комплейн вел Гвенни вверх узкой тропкой, скорее протискиваясь между стеблями, чем вырубая их. Так они оставляли за собой менее заметный след. На вершине они остановились, и Гвенни начала беспокойно оглядываться.

Отдельные глоны тянулись к свету с огромной, хотя и непродолжительной энергией, образуя густые пучки над их головами. По этой причине освещение было довольно тусклое и скорее разжигало воображение, чем давало возможность что-нибудь разглядеть. К этому добавлялись еще мухи и тучи мелких насекомых, сновавших между листьями; видимость была весьма ограничена, обстановка попросту нереальна. Однако на этот раз не могло быть никаких сомнений: их разглядывал какой-то мужчина с маленькими глазками на бледном лице. Он находился в трех шагах перед ними, а вся его поза выражала внимание.

Крупный торс был обнажен, и всю его одежду составляли шорты. Он вглядывался в какую-то точку слева от них, но чем дольше они на него смотрели, тем все казалось им менее ясным, за исключением того, что мужчина на самом деле там находился. Вдруг он исчез.

— Может, это дух? — прошептала Гвенни.

Взяв в руку парализатор, Комплейн двинулся вперед. Он уже почти убедил себя, что это была игра света и тени — впечатление это вызвала быстрота, с которой наблюдатель исчез из виду. От него не осталось ни одного следа, за исключением примятых растений в том месте, где он стоял.

— Не пойдем дальше, — нервно прошептала Гвенни. — Это мог быть Носовик или Чужой.

— Не смеши меня, — ответил Комплейн. — Ты прекрасно знаешь, что существуют дикие люди, охваченные безумием, которые, однако, способны выжить. Он не причинят нам никакого вреда. Если бы он хотел стрелять, то сделал бы это раньше.

И все же у него мурашки побежали по спине при мысли, что бродяга может в эту минуту следить за ними, готовя им неизбежную и невидимую смерть.

— Но у него было такое белое лицо, — запротестовала Гвенни.

Он решительно взял ее под руку и двинулся вперед. Чем скорее они уйдут с этого места, тем лучше.

Они шли быстро, пересекши по дороге тропу диких свиней, потом вошли в боковой коридор. Здесь Комплейн привалился спиной к стене и заставил Гвенни сделать то же самое.

— Слушай внимательно и смотри, не идет ли кто за нами, — сказал он.

Глоны шумели и шелестели, а бесчисленные насекомые жужжали в листве и воздухе. Все вместе создавало такой шум, что у Комплейна разболелась голова. И все же в этой гамме звуков выделялся один, которого здесь не должно было быть.

Гвенни тоже услышала его.

— Мы приближаемся к другому племени, — прошептала она.

Звук, который они услышали, был плачем ребенка, выдающим присутствие племени задолго до появления баррикады, задолго до того, как они почувствовали запах. Еще несколько явей назад это место населяли только свиньи, и это доказывало, что какое-то племя с другого уровня

медленно приближалось к охотничьим угодьям Грин.

— Доложим об этом, когда вернемся, — сказал Комплейн, уводя Гвенни в противоположную сторону.

Они без труда двигались вперед, считая по дороге повороты, чтобы не заблудиться. Держась отчетливого следа свиньи, они вошли в аллейку по левой стороне. Район этот был известен как Кормовая Лестница, и здесь с высокого холма можно было спуститься на более низкие уровни. Из-за склона до них донесся треск ломаемых ветвей и тихое повизгивание. Это наверняка была свинья.

Приказав Гвенни оставаться на вершине холма, Комплейн снял с правого плеча лук, наложил стрелу и начал осторожно спускаться вниз. Кровь охотника бурлила в его жилах, он забыл обо всех неприятностях и двигался, как тень.

Имея, наконец, достаточно места, чтобы достичь своих настоящих размеров, глоны с нижних уровней вырастали в настоящие деревья, а их кроны образовывали вверху сплошное переплетение ветвей. Комплейн подкрался к самому краю и посмотрел вниз: между высокими глонами, хрюкая от удовольствия, ворочалась свинья.

Комплейн никак не мог разглядеть детенышей, хотя попискивание доказывало, что они есть.

Осторожно спускаясь вниз по склону и продираясь между вездесущими глонами, он вдруг почувствовал мгновенную жалость к жизни, которую должен был уничтожить. Жизнь свиньи! Он тут же подавил в себе это чувство: Наука не одобряла жалости.

Рядом с маткой кружились три поросенка, два черных и один коричневый. Это были кудлатые, длинноногие, похожие на волков создания, с длинными мордами. Матка повернулась, подставляя под выстрел широкий бок.

— Рой! Рой! На помощь! — донесся сверху отчаянный крик. Это был полный ужаса крик Гвенни.

Семейство свиней бросилось наутек; молодые отважно протискивались сквозь чащу за матерью. Шум, который они подняли, не заглушил звуков борьбы, доносившихся сверху.

Комплейн не колебался ни секунды. Застигнутый врасплох первым криком Гвенни, он уронил стрелу и, даже не пытаясь ее поднять, забросил лук за правое плечо, вытащил парализатор и помчался по Кормовой Лестнице вверх. Однако растительность затрудняла продвижение, поэто-

му, когда он выбрался на вершину, Гвенни там уже не было.

Слева донесся какой-то шум, и он бросился туда. Он бежал низко пригнувшись, чтобы представлять из себя как можно менее заметную мишень, и скоро увидел двух бородатых мужчин, несущих Гвенни. Она не сопротивлялась, похоже было, что ее оглушили.

Увлекшись погоней, он едва не пал жертвой третьего мужчины, которого сперва не заметил. Тот немного приотстал и, укрывшись в чаще, прикрывал отход своих товарищей, а теперь выпустил вдоль коридора стрелу, свистнувшую у самого уха Комплейна. Рой бросился на землю, избежав тем самым еще одной стрелы, и быстро пополз назад. Никто не выиграет, если он погибнет.

Воцарилась тишина, прерываемая только обычным треском растений. Никто не выиграет и в том случае, если он будет жить — эта мысль ударила его как обухом по голове. Он потерял добычу и Гвенни, и теперь ему предстояло держать ответ перед Советом, которому он должен будет объяснить, как случилось, что племя лишилось одной женщины. В первый момент шок заглушил в нем сознание того, что он потерял Гвенни. Ком-

плейн не любил ее, часто даже ненавидел, но она принадлежала ему, она была ему необходима…

К счастью, зародившийся в нем гнев заглушил все другие чувства. Гнев. Это было как раз то лекарство, которое предписывала Наука. Он схватил горсть земли и швырнул ее перед собой — его гнев все усиливался. Безумство, безумство, безумство… он бросился на землю, метался из стороны в сторону, проклинал — все в полной тишине.

Через некоторое время возбуждение начало исчезать, оставляя пустоту. Довольно долго он сидел, подперев голову руками. Не оставалось ничего другого, как только встать и вернуться в Кабины. Он должен доложить… Теперь голова его была полна мрачных мыслей.

Он встал. Если возвращение в Кабины не имело смысла, то сидение здесь — тем более. Но прежде всего его удерживала от возвращения мысль, какой будет реакция: старательное избегание взглядов, глупые шуточки о судьбе, постигшей Гвенни, и кара за ее потерю. Он медленно двинулся обратно, продираясь сквозь гущу глонов.

Прежде чем появиться на поляне перед баррикадой, он засвистал. Его узнали и впустили в Кабины. За время его недолгого отсутствия в Кабинах произошли большие изменения, которых

он не мог не заметить, несмотря на подавленное настроение.

Серьезную проблему для племени Грин представляла одежда, на что указывала ее разнородность. Не было двух одинаково одетых людей, и не из-за стремления выделиться, а по необходимости. Одежда не служила племени защитой от холода — с одной стороны она прикрывала наготу и успокаивала тщеславие, с другой являлась простейшим способом установить положение ее обладателя в обществе. Только элита, то есть стражники, охотники и должностные лица типа оценщика могли позволить себе иметь что-то вроде мундира, остальные одевались в различные ткани и шкуры.

В эту минуту старые и бесцветные одежды выглядели, как новые. Даже самые мелкие сошки разгуливали в прекрасных цветных тряпках.

— Что здесь, черт побери, происходит, Батч? — спросил Комплейн проходившего мимо мужчину.

— Пространства для твоего я, дружище, — ответил тот. — Стражники нашли сегодня утром склад с красками. Раскрасься и ты. Готовится большой праздник.

Недалеко собралась возбужденная толпа. Вдоль

палубы расставили жаровни, на которых — как будто котлы волшебниц — стояли заполненные кипящим содержимым всевозможные емкости. Желтый, пурпурный, красный, фиолетовый, черный, голубой, синий, зеленый, медно-рыжий — все эти цвета кипели и парили. Толпа то и дело погружала в краски какую-нибудь деталь гардероба.

Но краски нашли не только это применение. Едва Совет решил, что они ему не нужны, стражники разбросали цветные мешочки для всеобщего пользования. Многие из мешочков распоролись, и их содержимое высыпалось на стены и пол. Все селение было заляпано круглыми, вытянутыми и веерообразными цветными пятнами.

Начались танцы. Во влажной еще одежде, как будто движущиеся радуги, мужчины и женщины, собравшиеся на открытом пространстве, начали кружиться, держа друг друга за руки. Какой-то охотник вскочил на ящик и начал петь, за ним прыгнула женщина в желтом платье и начала ритмично хлопать в ладоши, кто-то еще ударил в тамбурины. Все больше людей пело и скакало вокруг котла на палубе…

Ремесленники и некоторые стражники, снача-

ла настороженные, потом захваченные общим настроением, начали постепенно присоединяться к танцующим. Из комнат, где велись полевые работы, с баррикад бежали мужчины, желая принять участие в этом празднике.

Комплейн окинул все это мрачным взглядом, повернулся и пошел к Штабу, чтобы доложить о происшедшем. Один из офицеров молча выслушал его рассказ и велел обратиться прямо к лейтенанту Грину. В подобной ситуации никого не удивляло, что схватки из-за женщин были причиной частых волнений в Кабинах.

Комплейна провели к лейтенанту. Окруженный стражниками, за столом, помнящим лучшие времена, сидел старый мужчина с нависающими над глазами седыми кустистыми бровями. Он сидел совершенно неподвижно, всей позой своей выражая неудовольствие.

— Пространства для вашего я, — покорно сказал Комплейн.

— За твой счет, — сухо ответил лейтенант, после чего буркнул: — Охотник Комплейн, каким образом ты потерял свою женщину?

Прерывающимся голосом Комплейн описал происшедшее на вершине Кормовой Лестницы.

— Это могла быть работа Носовиков, — предпо-

ложил он, закончив.

— Не говори глупостей! — рявкнул один из помощников Грина, Зиллиак. — Мы уже слышали эти истории о сверхлюдях, но не верим им. Племя Грин — хозяин всего по эту сторону Бездорожий.

По мере того, как Комплейн рассказывал, лейтенант все больше злился. Он начал дрожать, глаза его наполнились слезами, с искривленных губ на подбородок стекала слюна, а с носа капала слизь. По мере нарастания ярости стол начал ритмично покачиваться. Грин трясся, бормотал, а лицо его под гривой растрепанных волос посинело.

Несмотря на свой страх, Комплейн вынужден был признать, что это было неповторимое и ужасное зрелище.

И вдруг все кончилось: лейтенант, прямо кипевший от ярости, упал и замер. В ту же секунду Зиллиак и Патч встали над его телом с парализаторами в руках. Лица их дрожали от гнева.

Медленно, очень медленно, лейтенант встал и с трудом сел на стул. Исполнение ритуала очень его утомило.

Когда-нибудь его при этом непременно хватит удар, подумал Комплейн, и мысль эта придала ему отваги.

— Теперь нужно будет решить, как тебя по-

карать согласно с законом, — с усилием сказал старец. Он оглядел комнату.

— Гвенни не была полезна племени, хоть и была дочерью такого знаменитого отца, — сказал Комплейн, облизывая губы. — Она не могла иметь детей. У нас была только одна девочка, которая умерла во младенчестве. Гвенни не могла больше иметь детей, так говорил священник Мараппер.

— Мараппер — идиот! — воскликнул Зиллиак.

— Твоя Гвенни была очень стройна и отлично сложена, — сказал Патч. — Наверняка она была хороша в постели.

— Ты знаешь законы молодой человек, — сказал лейтенант. — Их установил мой дед, когда основал это племя. Наравне с Наукой они имеют огромное значение для нашей… для нашей жизни. Что это за шум снаружи? Да, мой дед был великим человеком. Я помню, как в день своей смерти он послал за мной…

Хотя страх не совсем еще покинул его, Комплейн увидел вдруг их всех четверых такими, какими они были на самом деле: занятые только собой, других они замечали, только если находили в них свои собственные страхи. Изолированные и одинокие, противостоящие всему вокруг.

— Каким будет приговор? — прервал воспоминания лейтенанта Зиллиак.

— Подожди, я подумаю… Ты, собственно, уже наказан потерей женщины, Комплейн. Пока что для тебя нет никакой другой. Что это за крики?

— Он должен быть наказан, иначе скажут, что вы теряете власть, — хитро сказал Патч.

— Ну, конечно, конечно, я и собираюсь его наказать. Твое замечание было совершенно излишним, Патч. Охотник… э… ага, Комплейн, в течение ближайших шести снов-явей ты будешь выпорот шесть раз. Сделает это капитан стражи, перед каждым сном, начиная прямо сейчас. Хорошо… Можешь идти. Зиллиак, ради бога, пойди посмотри, что там делается.

Комплейн оказался за дверями в самом сердце оргии цветов и звуков. Казалось, что здесь собрались все, что все участвуют в этом бессмысленном безумстве танца и радости. В другое время он бы присоединился к ним, ибо как и все жаждал сбросить хотя бы на мгновение тяжесть серой обыденности, но сейчас он старательно обходил толпу, стараясь не смотреть никому в глаза. И все же, несмотря ни на что, он оттягивал возвращение в свою квартиру (он знал, что у него ее отнимут, так как одинокие мужчины не имели

права занимать отдельную комнату).

Он бессмысленно бродил вокруг веселящейся толпы, и пока вокруг безумствовал танец, ожидание кары давило ему на желудок. Отдельные пары покидали общую массу и метались в такт музыке каких-то струнных инструментов. Оглушающий рев, стремительные движения голов и пальцев танцоров… глядя на это, сторонний наблюдатель мог найти много причин для беспокойства.

Несколько мужчин не участвовали в общем безумстве. Это были прежде всего высокий мрачный доктор Линдсей, Фермур, слишком неловкий, чтобы танцевать, Вантадж, скрывающий свое изуродованное лицо от глаз толпы, и, наконец, публичный бичеватель. У этого последнего просто-напросто имелись обязанности, в рамках которых он появился в окружении стражников и Комплейна. С приговоренного грубо сорвали одежду, после чего он получил первую порцию причитающейся ему кары. В другое время на наказание глазели бы толпы зевак, но сейчас более интересное зрелище отвлекло их внимание, и Комплейн страдал почти в одиночестве. На следующий день он мог ожидать большего интереса.

Прикрывая рубашкой раны, он с трудом пота-

щился в свою квартиру. Там его ждал священник Мараппер.

3

Священник Генри Мараппер был тучным массивным мужчиной. Терпеливо сидя на корточках, он оперся бедром о стену, а его большой отвисший живот размеренно колыхался. Поза, в которой он сидел, была для него обычной, зато необычным было время, в которое он появился. Комплейн встал перед скорчившимся священником, ожидая приветствия или объяснения, поскольку же ничего подобного не последовало, заговорил первым. Однако гордость позволила ему только неопределенно буркнуть. Мараппер поднял грязную лапу.

— Пространства для твоего я, сын мой.

— За твой счет, отец.

— И за счет беспокойства в моем я, — набожно произнес священник.

— Меня выпороли, отец, — сказал Комплейн, набирая в кубок желтоватой воды из бидона. Он выпил несколько глотков, а остальным смочил волосы.

— Да, я слышал, Рой, слышал. Надеюсь, это при-

несло тебе облегчение?

— Да, но за счет моей спины.

Он начал стаскивать рубашку, делая это медленно и то и дело вздрагивая. Боль от трения материи о раны была почти приятной. Конечно, в следующую сон-явь будет гораздо хуже… Он бросил окровавленную одежду на пол и плюнул на нее. Его злость еще более увеличило равнодушие, с которым священник следил за его действиями.

— А ты почему не на танцах, отец? — сухо спросил он.

— Мои обязанности связаны с духом, а не с чувствами, — ответил священник. — Кроме того, я знаю лучшие способы забыться.

— Как, например, похищение в чаще, правда?

— Я рад, что ты так серьезно относишься к своему делу, дружище. Это согласно с Наукой. Я боялся, что застану тебя в черном отчаянии, но, как вижу, мое утешение не очень-то нужно тебе.

Комплейн взглянул на лицо священника, избегая его мягкого взгляда. Это не было приятное лицо — в эту минуту оно напоминало скорее какого-то божка, вылепленного из жира; памятник достоинствам, благодаря которым человек выжил: хитрости, алчности, эгоизму. Не в силах совладать с самим собой, Комплейн почувство-

вал вдруг прилив доброжелательности к этому человеку — его он по крайней мере знает, с ним он справится.

— Не обижайся на мои нервы, отец, — сказал он. — Ты уже знаешь, что я потерял свою женщину, и жизнь моя в эту минуту немного стоит. Все, чего я достиг — а это не так уж мало — я потерял, а то, что осталось, отберут у меня силой. Придут стражники, выпоровшие меня сегодня, и выпорют завтра, а затем выбросят к одиноким мужчинам и маленьким мальчикам. Никаких наград за удачную охоту, никакого утешения в несчастье. Законы этого племени, священник, слишком суровы. Наука полна жестоких ритуалов; весь этот душащий нас мир — не что иное, как один источник несчастий. Почему так должно быть? Почему нет ни малейшей надежды на счастье? Впрочем, я все равно сойду С ума, как когда-то мой брат. Я прорвусь сквозь эту толпу дураков и на каждом из них оставлю знак своего несчастья.

— Избавь меня от обязанности выслушивать твои речи, — прервал его священник. — У меня большой приход, которым я должен заняться. Я могу принять твою исповедь, но гнев свой оставь при себе. — Он встал, потянулся и поправил гряз-

ный плащ.

— Но что мы получаем от такой жизни? — спросил Комплейн, подавляя в себе неистовое желание стиснуть руки на жирной шее священника. — Зачем мы здесь? В чем смысл существования нашего мира? Как священник, скажи мне это открыто…

Мараппер глубоко вздохнул и поднял обе руки в немом протесте.

— Дети мои, ваше невежество потрясающе, сколько же в вас злобы! Ты говоришь “мир”, а имеешь в виду смешное и незначительное племя. Мир — это нечто большее. Мы, глоны, Бездорожья, Носовики — словом, все, находимся в некоем контейнере, называемом кораблем, летящим из одной части мира в другую. Я говорил тебе это много раз, только ты не можешь этого понять.

— Опять теории, — хмуро заметил Комплейн. — Что из того, что мир ты называешь кораблем, или что корабль является миром, коль скоро это для нас не имеет большого значения?

Непонятно почему, теория эта, не принятая в Кабинах, беспокоила его и рождала страх. Он сжал губы и сказал:

— Я хотел бы сейчас заснуть, отец. Сон по крайней мере приносит покой, а ты рассказываешь

только загадки. Знаешь ли ты, что иногда снишься мне? Во сне ты всегда говоришь мне что-то, что я должен понять, но, не знаю почему, я никогда не могу услышать из этого ни слова.

— И не только во сне, — сказал священник, поворачиваясь. — Я хотел спросить тебя о чем-то важном, но с этим придется подождать. Я вернусь завтра и, надеюсь, застану тебя в лучшем настроении, — сказал он, выходя.

Комплейн долго смотрел на закрытую дверь, не слыша ни звука из коридора, потом утомленно вскарабкался на пустую кровать.

Сон не шел. Зато вернулись воспоминания о бесконечных ссорах с Гвенни в этой комнате — поисках более грубого или уничтожающего аргумента. Так длилось долго, но теперь эта глава была закрыта: в данную минуту Гвенни спала с кем-то другим. Комплейн заметил, что испытывает смешанные чувства: сожаление и удовлетворение одновременно. Анализируя все обстоятельства, сопутствовавшие похищению Гвенни, он вспомнил вдруг призрачную фигуру, которая при виде их растворилась в глонах. Он резко сел на постели, обеспокоенный чем-то, что показалось ему более грозным, чем обстоятельства, при которых исчезла таинственная фигура.

За дверями царила тишина. Бег его мыслей, должно быть, длился дольше, чем ему казалось: танцы кончились, и танцоров сморил сон. Только его сознание пробивалось сквозь смертельный саван тишины, окутавшей коридоры Кабин. Если бы в эту минуту он открыл дверь, то услышал бы непрерывный шелест — признак роста глонов… Из-за нервного напряжения сама мысль об открытии дверей показалась ему чудовищной… Вспомнились легенды, которые кружили в Кабинах — легенды о загадочных, удивительных существах…

Прежде всего это таинственные люди с Носа… Район этот находился очень далеко, а его жители отличались какими-то неизвестными способностями, таинственным оружием и совершенно непохожими обычаями. Они медленно приближались сквозь гущу глонов, и в будущем, во всяком случае так говорила легенда, должны были расправиться со всеми остальными племенами. Но хотя Носовики и были страшны, это все-таки были люди.

Мутанты же были полулюдьми. Изгнанные из своих племен, они жили одиноко или собирались в небольшие группы. У них было слишком много зубов или конечностей, иногда слишком мало

коры головного мозга, и вследствие различных пороков развития они едва могли спасаться бегством, ковыляя или даже ползая. Они были пугливы, и из-за этого им приписывалось множество дополнительных свойств.

И, наконец, Чужие. Это не были люди… В снах стариков, таких, как Эфф, они появлялись постоянно. Они возникали сверхъестественным способом из горячего чернозема джунглей, а их логова находились в местах, куда еще никто не добрался. У них не было сердца и легких, но внешне они напоминали людей, благодаря чему могли жить незамеченными среди обычных смертных, собирая силы, чтобы потом — как вампиры кровь — высосать у человека всю его мощь.

Время от времени племена устраивали на них облавы, после которых рассекали тела подозреваемых на части, но, как правило, находили и сердце, и легкие. Этот пример лучше всего показывал, насколько неуловимы Чужие, но в их существовании не сомневался никто, и лучшим доказательством тому был сам факт организации облав. Даже в эту минуту они могли таиться за дверями, представляя угрозу, вроде молчаливой фигуры, которая исчезла среди глонов.

Так выглядела примитивная мифология племе-

ни Грин, причем она не отличалась существенно от подобных же ужасов, в которое верили другие племена, медленно кочующие сквозь район, известный под названием Бездорожий.

В этой мифологии особое место занимали Гиганты. О Носовиках, мутантах и Чужих по крайней мере было известно, что они существуют: время от времени вытаскивали из зарослей живого мутанта и заставляли плясать перед тем как отправить его в Долгое Путешествие. Множество воинов клялись, что вступали в яростные поединки с Носовиками и Чужими. И все же все эти три вида имели в себе что-то неуловимое; во время яви, в обществе других людей, легко было не верить в их существование.

Иначе обстояло дело с Гигантами. Они были абсолютно реальны. Когда-то все принадлежало им, весь мир был их собственностью, некоторые даже утверждали, что люди произошли от Гигантов. Если бы они решили когда-нибудь вернуться, всякое сопротивление было бы бесполезным.

За всеми фантастическими фигурами вырисовывалась еще одна, скорее символ, чем реальное существо. Она называлась Бог. Никто не чувствовал перед ним страха, но имя его произносилось редко, и непонятно было, как оно просущество-

вало столько поколений. С ним было связано выражение “Ради бога”, что звучало очень возвышенно, но не означало ничего конкретного. Таким образом, понятие Бога было в конце концов низведено до простой божбы.

И все же то, что Комплейн увидел сегодня в зарослях, было более тревожащим, чем что-либо другое. Он вдруг вспомнил еще один факт: плач, который они с Гвенни слышали. Эти два отдельных факта слились вдруг в единое целое: неизвестный человек и приближающееся племя. Этот мужчина не был Чужим, это был обычный охотник из плоти и крови, только из другого племени. Объяснение оказалось таким простым…

Расслабившись, Комплейн лег. Простые логические выводы улучшили его настроение. Правда, осталась легкая досада, что он не догадался раньше.

Он слишком мало использовал разум. Все, что он делал, получалось совершенно автоматически: если не управлял закон, Наука или собственное настроение, нужно было это немедленно менять. С этой минуты он будет другим, таким, как, скажем, Мараппер. Он будет оценивать вещи, но разумеется, не так материально, как Роффери оценивал товар.

Для пробы нужно было собрать некоторые факты, которые сложатся в единую картину; при помощи этого метода и достаточного количества информации, может, удастся даже объяснить концепцию корабля.

Почти незаметно он погрузился в сон…

Проснувшись, он не почувствовал запаха готовящейся пищи. Он сел, застонал и, почесывая голову, вылез из кровати. Он собирался действовать, он чувствовал потребность в действии, а в чем оно будет состоять — покажет время.

Он натянул брюки, подошел к двери и открыл ее. Снаружи было до удивления тихо. Комплейн вышел.

Гулянье кончилось, а его участники, не потрудившись даже вернуться домой, лежали среди разноцветных обломков, там, где их сморил сон. Кабины напоминали поле бескровной битвы, для участников которой страдания еще не кончились.

Комплейн тихо ступал между спящими. Он надеялся чего-нибудь поесть в столовой, обслуживающей одиноких мужчин. На минуту он остановился у пары любовников, лежавшей на поле для игры в “Прыгай Вверх”. Мужчиной был Чип. Рука, которой он обнимал полную деви-

цу, терялась под ее подолом. Лицо его было на Орбите, а их ноги пересекали Млечный Путь. Маленькие мушки ползали по ногам девицы и исчезали под платьем.

Издалека приближалась какая-то фигура, в которой Комплейн узнал свою мать. В Кабинах существовал закон — впрочем, не очень-то выполнявшийся — по которому ребенок должен порвать отношения с братьями и сестрами, когда достигнет головой бедер взрослого человека, а с матерью — когда достанет ей до пояса. Однако Мира была женщиной сварливой и упрямой, ее язык не соблюдал никаких законов, и она разговаривала со своими многочисленными детьми как только представлялся случай.

— Привет, мать, — буркнул Комплейн. — Пространства для твоего я.

— За твой счет, Рой.

— И чтобы лоно твое по-прежнему было плодовито.

— Ты хорошо знаешь, что я уже стара для подобных пожеланий, — сказала она, рассерженная, что сын обратился к ней так официально.

— Я иду что-нибудь поесть, мать…

— Значит, Гвенни умерла. Я уже знаю об этом. Бели была свидетельницей твоей порки и слы-

шала объяснение. Это прикончит ее бедного старого отца. Жалею, что опоздала — на порку, разумеется, следующих постараюсь не пропустить, если мне это удастся. Я с трудом достала прекраснейший оттенок зелени и все себе покрасила. Тебе нравится моя блузка? Это фантастически красиво…

— Слушай, мать, у меня болит спина, и кроме того, нет желания разговаривать.

— Конечно, болит, Рой, нельзя, чтобы было иначе. Меня дрожь пробирает, когда я представляю, как она будет выглядеть под конец наказания. У меня есть жир, которым я могу тебя натереть — это уменьшит страдания. Потом тебя должен посмотреть доктор Линдсей, если у тебя есть чем заплатить за совет. А сейчас, когда Гвенни нет, ты должен кое-что иметь. Вообще-то я никогда ее не любила.

— Послушай, мать…

— Если ты идешь в столовую, я пойду с тобой. Я как раз шла без определенной цели. Мне сказала, конечно, по секрету, старая Тумер Мандей — хотя один бог знает, от кого она это услышала — что стражники нашли немного чая и кофе на складе красок. Ты заметил, что этого они не разбрасывали? У Гигантов был гораздо лучший

кофе, чем у нас.

Поток слов заливал его и тогда, когда он рассеянно завтракал. Потом он позволил ей отвести его в ее комнату, где она смазала ему спину жиром. При этом ему пришлось выслушать, бог весть в который раз, те же самые добрые советы.

— Помни, Рой, что не всегда будет так плохо. Не позволяй, чтобы тебя сломило.

— Дела всегда плохи, мать. Зачем же вообще жить?

— Ты не должен так говорить. Я знаю, что Наука осуждает отчаяние, а ты не видишь всего так, как я. Я всегда говорю, что жизнь — великая тайна. Уже то, что мы живем…

— Я все это знаю. Для меня жизнь напоминает наркотик.

Мира внимательно посмотрела на его гневное лицо и смягчилась.

— Когда я хочу утешиться, — сказала она, — я представляю себе огромную темноту, закрывающую все. И вдруг в этой темноте начинают мигать многочисленные огоньки. Эти огоньки — наши жизни, пылающие отважно и освещающие наше окружение. Но что значит это окружение, кто зажег эти огоньки и зачем… — Она вздохнула. — Когда мы начнем Долгое Путешествие, и наш

огонек погаснет, тогда мы узнаем больше.

— И ты утверждаешь, что тебя это радует, — презрительно сказал Комплейн. Уже давно он не слышал этой материнской метафоры и, хотя не хотел в этом признаться, ему показалось, что она смягчила его боль.

— Да. Конечно, это меня радует. Видишь, как наши огоньки горят в одном месте, рядом. — Говоря это, она коснулась пальцем точки на столе между ними. — Я рада, что мой не горит одиноко, где-то в неизвестном месте. — Она указала вытянутой рукой в пространство.

Покачав головой, Комплейн встал.

— Я не вижу его, — признал он. — Может, было бы лучше, свети он где-нибудь дальше.

— Но тогда он был бы другим. Именно этого я и боюсь — что он может быть другим.

— Думаю, ты права. Лично я предпочел бы, чтобы все здесь было другим. Но мой брат Грегг, который покинул племя и ушел в чашу…

— Ты все думаешь о нем? — оживилась старая женщина. — Грегг был очень удачлив. Если бы он остался, то был бы сейчас стражником.

— Думаешь, он еще жив?

Она решительно покачала головой.

— В чаще? Можешь быть уверен, что его схва-

тили Чужие. Очень, очень жаль… Грегг был бы хорошим стражником. Я всегда это говорила.

Комплейн хотел уже уйти, когда она резко сказала:

— Старый Озберт Бергас еще жив. Мне говорили, что он зовет свою дочь Гвенни. Ты обязан сходить к нему.

Это было правдой, и обязанность была приятной, потому что Бергас был героем племени.

По пути к нему он не встретил ни души, за исключением однорукого Олвелла, который нес несколько убитых уток — и приветствовал его. Комнаты, в которых жил Бергас, лежали далеко на задворках Кабин, хотя когда-то находились в районе передовой баррикады. По мере того, как племя медленно продвигалось вперед, комнаты эти оказывались сзади. Озберт Бергас был на вершине своей славы, когда жил в центре района, занимаемого племенем. Сейчас, в старости, его комнаты располагались дальше, чем чьи бы то ни было.

Последняя граница — баррикада, которая отделяла людей от Бездорожий — находилась сразу же за его дверями. Многочисленные пустые комнаты отделяли его от ближайшего соседа — его бывшие соседи трусливо сбежали, переселив-

шись в центр. Старик, однако, остался на месте и жил гордо, в грязи и нужде, окруженный толпой женщин.

До этого места гулянье не дошло. В отличие от радостного настроения, царившего в Кабинах, район жилища Бергаса выглядел мрачно и неприятно. Когда-то, вероятно, еще во времена Гигантов, здесь произошел взрыв. На довольно большом участке стены были опалены, а посреди палубы виднелось отверстие в рост человека. Вокруг двери старого проводника не было никакого света.

Постоянное перемещение племени тоже повлияло на заброшенность этого района, и глоны, которые разрослись перед задней баррикадой, создали на грязной палубе карликовые, доходящие до бедер, заросли.

Комплейн неуверенно постучал в дверь Бергаса. Она открылась, и шум голосов и клубы пара окутали его, как туча насекомых.

— Твоего я, мать, — вежливо обратился он к старой ведьме, стоящей на пороге.

— За твой счет, воин. Ах, это Рой Комплейн, правда? Чего ты хочешь? Я думала, что все молодые глупцы пьяны. Входи, только тихо.

Это была большая комната, полностью зава-

ленная сухими стеблями глонов. Они тянулись вдоль всех стен, что делало комнату похожей на засохшую пущу. У Бергаса была мания, что все опоры их мира, все стены и палубы будут уничтожены, и племя будет вынуждено жить в путанице глонов, в помещениях, построенных из этих стеблей. Он даже провел эксперимент, переселившись на некоторое время в глубь Бездорожий и, хотя выжил, никто не последовал его примеру. По комнате разносился запах бульона, идущий из большого парящего котла, стоявшего в углу. Молодая девушка мешала его содержимое, сквозь пар Комплейн разглядел множество других женщин, находившихся в комнате. Посредине сидел сам Озберт Бергас. Он произносил речь, которую никто не слушал, потому что все женщины одновременно разговаривали между собой. В комнате стоял такой шум, что Комплейн удивился, как они услышали его стук.

Он склонился перед стариком. Гнилец уже заметно развился: видно было, что начался он, как обычно, из области желудка, и теперь кратчайшим путем направляется к сердцу. Из мускулов больного вырастали мягкие коричневые отростки длиной в мужскую руку, а все увядающее тело выглядело, как труп, пробитый многочисленны-

ми трухлявыми ветвями.

— …Итак корабль был потерян, человек был потерян, потеряно все, даже сам смысл утраты, — говорил старец хриплым голосом, глядя невидящими глазами на Комплейна. — Я был среди этих руин и повторяю, что чем больше времени проходит, тем меньше у нас шансов найти самих себя. Вы, глупые женщины, этого не понимаете, но я много раз говорил Гвенни, что он вредит собственному племени. Ты делаешь плохо, говорил я ему, уничтожая все, на что наткнешься, только потому, что тебе это не нужно. Ты жжешь книги, говорил я, уничтожаешь фильмы, ибо боишься, что кто-нибудь использует их против тебя. Я говорил, что они содержат в себе секреты, которые мы должны знать, но ты глупец, и не понимаешь, что вместо того, чтобы уничтожать, надо все сложить в целое. Я говорю тебе, что я видел больше палуб, чем ты о них слышал, я говорю… Чего вы хотите?

Поскольку этот перерыв в бесконечном монологе был вызван, скорее всего, его присутствием, Комплейн спросил, не нужна ли его помощь.

— Помощь? — повторил Бергас. — Я всегда справлялся со всем сам, как и мой отец. Мой отец был выдающимся проводником. Хочешь знать,

как возникло это племя? Я расскажу тебе. Мой отец вместе со мной — а я был тогда очень молод — нашел то, что Гиганты называли арсеналом. Да, комнаты, полные парализаторов! Без этого открытия племя Грин не стало бы тем, чем оно является сегодня, оно давно бы погибло. Да, я мог бы сейчас забрать тебя в арсенал, если бы ты не боялся. Далеко в центре Бездорожий, там, где ноги превращаются в руки, пол уходит вниз, и ты начинаешь подниматься в воздух, как насекомое…

Бредит, подумал Комплейн. Нет смысла говорить ему о Гвенни, раз он бормочет о ногах, превращающихся в руки.

Вдруг старый проводник замолчал, а потом спросил:

— Как ты попал сюда, Рой Комплейн? Дай мне немного бульона, мой желудок сух, как щепка.

Велев одной из женщин подать ему тарелку, Комплейн сказал:

— Я пришел узнать, как вы себя чувствуете. Вы великий человек, и мне неприятно видеть вас в таком состоянии.

— Великий человек, — пробормотал старик, потом вдруг закричал: — Где мой бульон? Что там с ним делают эти девки?

Одна из молодых женщин быстро подала чашу,

бросив при этом взгляд на Комплейна. Бергас был слишком слаб, чтобы есть самому, поэтому Комплейн поспешил на помощь, вливая жирную жидкость ему в рот. При этом он заметил, что глаза старого проводника ищут его глаз, как бы желая передать ему какую-то тайну, но Комплейн по привычке не хотел допустить этого. Он повернулся и вдруг заметил царившую грязь. На палубе было столько земли, что там могли бы расти глоны и даже сухие стебли были вымазаны грязью.

— Почему здесь нет лейтенанта? Где доктор Линдсей? Разве вас не должен навестить священник Мараппер? — взорвался вдруг он. — Вам нужен лучший уход.

— Осторожнее с этой ложкой, парень. Сейчас, только высморкаюсь… ох, мой проклятый живот. Он так давит, так страшно давит… Доктор… я велел женщинам отослать доктора. Старый Грин не придет, потому что боится гнильца. Кроме того, он становится таким же старым, как и я. Однажды Зиллиак уберет его, и сам захватит власть… Это человек…

— Может, привести священника? — с отчаянием сказал Комплейн, видя, что Бергас снова начинает бредить.

— Священника? Кого, Генри Мараппера? По-

двинься поближе, я скажу тебе кое-что, о чем будем знать только мы вдвоем. Это тайна, я никогда и никому об этом не говорил. Генри Мараппер — мой сын. Да. Я не верю в эти его бредни, как не верю…

Он замолчал, кашляя и задыхаясь, что Комплейн сначала принял за стоны, вызванные болью, но потом понял, что Это смех, прерываемый выкриками: “Мой сын!”

Сидеть дальше было бессмысленно. Он встал, кивнул одной из женщин и вышел. Женщины, не выказывая ни малейшего интереса, стояли с руками на бедрах или отгоняли от себя мух.

Фрагменты их разговоров доносились до равнодушных ушей Комплейна, когда он шел к выходу.

— …и откуда он берет все эти одежды, хотела бы я знать. Говорю вам, он доносчик…

— Уж очень ты скора на поцелуи, Венда. Поверь мне, когда будешь в моем возрасте…

— …лучшая порция мозгов, какую я когда-либо получала…

— Мама Каллиндрем недавно родила семерых. Все родились мертвыми, кроме одного. Как вы помните, до этого было пятеро. Я сказала ей прямо в глаза: ты должна быть более решительна со

своим мужиком…

— Проиграл все…

— …никогда еще так не смеялась…

Снова оказавшись в темном коридоре, он оперся о стену и вздохнул с облегчением. Он, собственно, ничего не сделал, даже не передал известие о смерти Гвенни, хотя для этого сюда пришел, и все же как будто что-то изменилось в нем. Как будто какой-то огромный груз прокатился через его мозг, причинив боль, но позволив видеть все яснее.

В квартире Бергаса царила страшная жара, и Комплейн почувствовал, что пот течет у него по лбу. Даже сейчас, из коридора, можно было услышать женские голоса. Внезапно у него перед глазами предстали Кабины, какими они были на самом деле: огромная пещера, заполненная множеством голосов.

Нигде никакого движения, только голоса, замирающие голоса…

4

Явь медленно кончалась, близилось время сна, и Комплейн чувствовал, как по мере приближения очередной порции наказания желудок его

становится все более беспокойным. Одну сон-явь из каждых четырех в Кабинах и окружающих их пространствах царила темнота. Это была не полная тьма — тут и там в коридорах светились квадратные контрольные огни, похожие на месяц; только в комнатах их не было, и там было темно. Таков был закон природы. Правда, старики говорили, что при жизни их родителей темнота не длилась так долго, но у старых людей, как правило, плохая память.

В темноте глоны сморщивались и съеживались, как пустые мешки. Их гибкие стебли становились дряблыми, ломались, и все, за исключением самых молодых, чернели. Так выглядела их короткая зима. Когда появлялся свет, молодые побеги энергично тянулись вверх, покрывая мертвые растения волной новой зелени. Через следующие четыре сон-яви и они умирали; этот цикл переживали только самые сильные и самые приспособленные.

Всю эту сон-явь большинство из нескольких сотен жителей Кабин оставались в горизонтальном положении. После варварских взрывов радости всегда приходил период покоя и апатии. Все были расслаблены и не способны включиться в каждодневную рутину. Бездействие охватило все

племя. Подавленность окутала его, как епанча, за баррикадами расчищенные поляны зарастали глонами, но только голод мог поставить людей на ноги.

— Можно вырезать всех, и ни одна рука не поднимается для защиты, — сказал Вантадж, и на правой половине его лица появилось что-то похожее на вдохновение.

— Почему же ты этого не делаешь? — насмешливо спросил Комплейн. — Знаешь, что говорит Литания: сдерживаемые чувства нарастают и пожирают разум, в котором поселились. Берись за дело, Дырявая Морда.

В то же мгновение он был схвачен за руки, и острие ножа оказалось в миллиметре от его горла.

— Не вздумай еще когда-нибудь назвать меня так, ты, гниющая падаль! — рявкнул Вантадж, после чего отвернулся и опустил руку с ножом. Гнев исчез, и на его месте появилось что-то вроде покорности — он вспомнил о своем уродстве.

— Мне очень жаль. — Комплейн пожалел, что произнес эти слова, едва они сорвались у него с языка, но Вантадж уже не слушал его.

Медленно, еще не придя в себя, Комплейн двинулся дальше. Вантаджа он встретил, возвраща-

ясь из чащи, где наблюдал за приближающимся племенем. Если и должна была произойти встреча, что было не очень-то вероятно, то это случится не скоро. Сначала произошло бы столкновение между соперничающими охотниками, что могло означать смерть для многих из них, но наверняка означало бы и освобождение от монотонности жизни. Пока Комплейн оставил эту новость при себе. Пусть кто-нибудь другой, более преданный властям, донесет об этом лейтенанту.

Направляясь к квартирам стражников за очередной порцией розог, он не встретил никого, за исключением Вантаджа. По-прежнему никто ничего не делал, и даже публичный бичеватель отказался пороть его.

— У тебя впереди еще много снов-явей, — сказал он. — Куда ты так спешишь? Убирайся и дай мне спокойно полежать. Иди и поищи себе другую женщину.

Комплейн вернулся в свою квартиру, судороги в желудке исчезли. Где-то в боковом узком коридоре кто-то играл на струнном инструменте — он услышал фрагмент песни:

…в этом существовании
…слишком долго
…Глория.

Старая песня, почти забытая — он оборвал ее, закрыв двери. И снова его ждал Мараппер; грязное лицо он спрятал в ладонях, а на его жирных пальцах поблескивали перстни.

Комплейн почувствовал вдруг дрожь эмоции — ему показалось, что он знает, о чем духовник будет говорить, как будто он уже пережил эту сцену. Напрасно боролся он с этим чувством, оно опутало его, как паутина.

— Пространства, сынок, — священник лениво сделал знак гнева. — Ты выглядишь разочарованным.

— Я действительно разочарован, отец. Только убийство могло бы мне помочь.

Несмотря на эти неожиданные слова, чувство, что он уже переживал эту сцену, не исчезало.

— Есть дела поважнее убийства. Дела, которые тебе даже не снились.

— Не начинай снова рассказывать свои бредни, отец. Через минуту ты скажешь, что жизнь — это загадка, и начнешь болтать, как моя мать. Я чувствую, что должен кого-то убить.

— Ты сделаешь это, сделаешь, — успокоил его священник. — Хорошо, что ты так к этому относишься. Никогда не поддавайся отчаянию, сын мой, оно может уничтожить любого. Мы все за-

клеймены. Нас покарали за какие-то грехи наших предков. Мы все слепы и мечемся из стороны в сторону…

Комплейн утомленно взобрался на свое ложе. Чувство, что он уже переживал эту сцену, исчезло без следа. В этот момент он жаждал только сна. Завтра его вышвырнут из отдельной квартиры и выпорют, а сегодня он хотел только спать. Священник замолчал, Комплейн поднял голову и увидел, что Мараппер, опершись на его ложе, внимательно всматривается в него. Прежде чем Комплейн успел отвернуться, глаза их встретились.

Наисильнейшим табу в их обществе был закон, запрещающий мужчинам смотреть в глаза друг другу; порядочные люди, с открытыми намерениями, бросали друг на друга только беглые взгляды. Лицо Комплейна исказилось от бешенства.

— Чего ты хочешь от меня, Мараппер? — выкрикнул он. Ему очень хотелось сказать, что недавно он узнал о беззаконном происхождении священника.

— Ты еще не получил своих шести порок, правда, парень?

— Какое тебе дело, священник?

— Духовник не может быть эгоистом. Я спра-

шиваю для твоего же добра и, кроме того, твой ответ имеет для меня большое значение.

— Нет, не получил. Никто ни на что не годится, даже публичный бичеватель.

Глаза священника снова искали его глаза. Комплейн отвернулся и уставился на стену, но следующий вопрос духовника заставил его немедленно изменить позицию.

— Тебе никогда не хотелось обезуметь, Рой?

Помимо воли Комплейна перед его глазами возникла сцена: вот он бежит через Кабины с пылающим парализатором в руках, и все со страхом расступаются перед ним. Множество отважных мужчин, и среди них один из его братьев — Грегг, впали в свое время в безумие, прорвались через селение и убежали в неисследованные районы, густо поросшие глонами, где жили в одиночестве или соединяясь в отряды, опасаясь вернуться из-за ожидающей их кары. Он знал, что это мужественный и даже благородный поступок, но предложение не должно исходить от священника. Нечто подобное мог посоветовать смертельно больному врач, но священник, вместо того, чтобы подрывать племя изнутри, должен заботиться о его единстве. Впервые он вдруг понял, что Мараппер достиг какого-то переломного пункта своей

жизни, что он с чем-то борется, и задумался: как могла быть связана с этим его состоянием болезнь Бергаса.

— Посмотри на меня, Рой, и ответь.

— Почему ты говоришь мне это? — Комплейн сел на кровати.

— Я хочу знать, каков ты на самом деле.

— Ты же знаешь, что говорит Литания: “Мы дети трусов, и дни наши проходят в непрерывном страхе”.

— Ты в это веришь? — спросил священник.

— Конечно. Так написано в Науке.

— Мне нужна твоя помощь, Рой. Пошел бы ты за мной, если бы я вообще вывел тебя из Кабин в Бездорожья?

Это было сказано тихо и быстро. Так тихо и быстро, как билось полное неуверенности сердце Комплейна. Он даже не пытался прийти к какому-нибудь выводу, не пробовал принять сознательного решения, это нужно оставить инстинкту, разум слишком много знал.

— Это потребует отваги, — сказал он наконец.

Священник ударил по могучим ляжкам и нервно зевнул.

— Нет, Рой, ты лжешь так же, как и поколение лжецов, произведших тебя на свет. Если мы

отсюда уйдем, это будет означать бегство, бегство от ответственности, которую накладывает на человека современное общество. Мы уйдем тайком — это будет, мой мальчик, извечный акт возвращения к природе, бесплодная попытка вернуться на лоно предков. Наш уход на самом деле будет означать предел трусости. Так ты идешь со мной?

Какой-то скрытый смысл этих слов утвердил Комплейна в принятом уже решении. Он пойдет! Убежит от этой неуловимой завесы, сквозь которую никогда не мог проникнуть. Он соскользнул с кровати, стараясь скрыть свое решение от изучающих глаз Мараппера, пока не узнает о путешествии поподробнее.

— А что мы будем делать вдвоем в путанице глонов Бездорожий?

Священник сунул толстый палец в нос и, глядя на свою руку, сказал:

— Мы будем не одни. С нами пойдет еще несколько людей. Они готовы на все. Ты разочарован, женщину у тебя забрали, чего тебе терять?

— Кто они, Мараппер?

— Я скажу тебе, когда ты решишься идти с нами. Если нас предадут, стражники перережут

нам глотки — особенно мою, по крайней мере в двадцати местах.

— Что же мы будем там делать? Куда пойдем?

Мараппер медленно встал и потянулся. Длинными пальцами пригладил волосы и состроил самую язвительную гримасу, на какую был способен.

— Иди один, Рой, если не веришь в мое руководство. Ты похож на бабу — можешь только жаловаться и спрашивать. Я скажу тебе одно: мои планы так велики, что превышают возможности твоего понимания. Господство над кораблем, вот чего я хочу. Полное господство над кораблем — ты даже не понимаешь, что это значит.

— Я вовсе не собираюсь отказываться, — сказал Комплейн, удивленный воинственным видом духовника.

— То есть ты идешь с нами?

— Да.

Мараппер молча схватил его за руку, лицо его сияло.

— А теперь скажи мне, кто они, — сказал Комплейн, испуганный собственным решением.

Мараппер выпустил его руку.

— Ты знаешь старую поговорку, Рой: истина

еще никого не сделала свободным.[2] Скоро узнаешь. Для твоего же блага я пока не скажу тебе этого. Я планирую выход во время следующего сна. А теперь я оставляю тебя одного, ибо у меня есть еще дела. Никому ни слова.

В дверях он остановился, сунул руку за пазуху и вытащил что-то, триумфально замахав этим предметом. Комплейн узнал книгу, принадлежавшую вымершим Гигантам.

— Вот вам ключ к могуществу! — театрально воскликнул Мараппер, после чего спрятал книгу и закрыл за собой дверь.

Комплейн неподвижно, как статуя, стоял посреди комнаты. В голове у него клубились мысли, ни к чему не ведущие. Мараппер был священником, он обладал знанием, которого не имели другие, следовательно, Мараппер должен быть вождем…

Он медленно подошел к двери и открыл ее. Духовник уже исчез из виду, и поблизости не было видно никого, кроме бородатого маляра Меллера. Захваченный работой, он сосредоточенно рисовал яркую фреску на стене коридора, макая кисть в разные краски, которыми обзавелся во время последнего сна-яви. Под его руками на стене

---

[2] notes: 2

Парафраз евангельских слов: “Познайте истину, и истина сделает вас свободными”. (Еванг. от Иоанна, 8, ст. 32)

рождался большой кот. Меллер был так занят, что не заметил Комплейна. Было уже поздно, и Комплейн отправился на ужин в почти пустую столовую. Ел он, почти не понимая, что делает, а когда вернулся к себе, Меллер продолжал рисовать, как в трансе. Комплейн закрыл дверь и начал стелить постель. Серое платье Гвенни, по-прежнему висевшее на крючке, он грубо сорвал и швырнул за шкаф. Потом лег и лежал молча.

Внезапно в комнату ворвался запыхавшийся Мараппер. Он захлопнул за собой дверь и начал дергать плащ, защемившийся в ней.

— Спрячь меня, Рой, быстро! Да не глазей ты на меня, идиот! Вставай, вынимай нож. Сейчас здесь будут стражники, Зиллиак! Они гонятся за мной! Режут бедных старых духовников, как только их схватят.

С этими словами он подбежал к койке Комплейна, отодвинул ее от стены и полез под нее.

— Что ты такое сделал? — спросил Комплейн. — Почему за тобой гонятся? Почему ты хочешь спрятаться именно здесь? Зачем ты втягиваешь меня в это дело?

— Это не доказательство доверия, просто ты был ближе всех, а мои ноги не созданы для беготни. Моя жизнь в опасности.

Говоря это, Мараппер нервно осматривался, как бы в поисках лучшего укрытия, но в конце концов решил, что лучшего не найдет и что свесив одеяло до пола, он будет закрыт со стороны двери.

— Они наверняка видели, как я сюда входил, — сказал он. — Дело даже не в моей шкуре, а в плане, который я должен реализовать. Я рассказал о наших намерениях одному из стражников, а тот пошел прямо к Зиллиаку.

— Но почему я… — гневно начал Комплейн, но не закончил. Дверь распахнулась с такой силой, что едва не соскочила с петель, чуть-чуть не задев Комплейна, стоящего сразу за ней. Комплейна вдруг осенило. Он закрыл лицо руками, согнулся вдвое и застонал, делая вид, что дверь его ударила. Глядя меж пальцев, он заметил Зиллиака, правую руку лейтенанта и первого кандидата на будущего руководителя. Зиллиак ворвался в комнату, пинком захлопнул дверь и презрительно посмотрел на Комплейна.

— Перестань скулить! — крикнул он. — Где священник? Я видел, что он сюда входил.

Он повернулся, держа парализатор наготове, и в ту же секунду Комплейн схватил деревянный столик Гвенни, размахнулся и изо всей силы ударил Зиллиака в основание черепа. Раздался

ласкающий ухо треск дерева и кости, и Зиллиак рухнул на пол. Он еще не успел коснуться палубы, как Мараппер был уже на ногах. Собравшись с силами и оскалившись от усилия, он перевернул тяжелую кровать на лежавшего. Затем с удивительной для такого тучного мужчины быстротой поднял парализатор Зиллиака и повернулся к двери.

— Открывай, Рой! Там наверняка есть другие, а это наш единственный шанс выбраться отсюда с целым горлом.

В этот момент дверь отворилась, и на пороге появился Меллер. Лицо у него было белое-белое, и он как раз засовывал нож в ножны.

— Вот жертва для тебя, священник, — сказал он. — Будет лучше, если я затащу его вовнутрь, пока никто не появился.

Он схватил безвольно лежащего в коридоре стражника за ноги, затащил в комнату и закрыл дверь.

— Не знаю, в чем тут дело, священник, — сказал Меллер, вытирая пот со лба, — но когда этот тип услышал шум, он тут же бросился за своими дружками. Мне показалось, что лучше разделаться с ним до того, как он приведет сюда гостей.

— Пусть его Долгое Путешествие будет спокой-

ным, — слабым голосом сказал священник. — Это была хорошая работа, Меллер. Нужно признать, что для дилетантов мы справились отлично.

— Я хорошо бросаю нож, — объяснил Меллер, — и это к счастью, потому что я не выношу рукопашной схватки. Могу я сесть?

Комплейн, еще ошеломленный, присел между двумя телами, слушая биение сердца. Прежнего, обычного Комплейна заменил сейчас мужчина, действующий уверенно, как автомат, с быстрыми движениями и реакциями. Тот самый, который во время охоты принимал на себя инициативу. Сейчас его рука искала следы жизни у Зиллиака и стражника. Но ни у кого из них он уже не нашел пульса…

В небольших племенах смерть была явлением таким же привычным, как тараканы. “Смерть — самая старая спутница человека”, как говорили в народе. Наука тоже посвящала этому затягивающемуся спектаклю много места — существовали определенные каноны поступков при столкновении со смертью. Она пробуждала страх, а ведь страх не должен преследовать человека… На факт смерти Комплейн автоматически отреагировал стереотипным отчаянием — как его учили.

Видя это, Мараппер и Меллер присоединились

к нему; духовник даже всплакнул. Когда ритуал подошел к концу, они вернулись к прежнему состоянию.

Теперь они сидели над трупами, глядя друг на друга, испуганные и одновременно довольные собой. Снаружи царила тишина, и только всеобщей пассивности были они обязаны тем, что еще не собрались зеваки, которые наверняка выдали бы их.

Постепенно к Комплейну вернулась способность мыслить.

— А что со стражником, который выдал твои планы Зиллиаку? — спросил он. — Если мы останемся здесь, Мараппер, у нас будут из-за него неприятности.

— Он нам уже не навредит, даже если мы оставим его здесь навсегда, — сказал духовник. Потом, показывая на человека, которого приволок Меллер, добавил: — Похоже, мои планы не были переданы дальше, и по этой причине у нас немного времени, пока Зиллиака не принялись искать. Думаю, у него был какой-то собственный план, иначе он явился бы с охраной. Тем лучше для нас, Рой, придется выходить немедленно. Отныне Кабины для нас место опасное.

Он быстро встал, но не предвидел дрожи в ногах

и вынужден был сесть. Через минуту поднялся снова, на этот раз уже очень медленно.

— Для человека деликатного я неплохо управился с этой кроватью, — сказал он немного смущенно.

— Ты еще не объяснил мне, священник, почему тебя преследовали, — сказал Меллер.

— Тем более ценна твоя быстрая помощь, — сказал Мараппер, направляясь к двери. Меллер преградил ему путь рукой.

— Я хочу знать, во что вы замешаны, — сказал он, — потому что чувствую, что замешан в то же самое.

Мараппер выпрямился, но поскольку он молчал, Комплейн возбужденно спросил:

— А почему бы ему не пойти с нами?

— Так вот оно что… — медленно сказал художник. — Покидаете Кабины… Желаю вам счастья, друзья, и надеюсь, вы найдете то, что ищете. Лично я предпочитаю остаться на месте и продолжать рисовать, но за предложение спасибо.

— За исключением того, что не было никакого предложения, я с тобой полностью согласен, — сказал Мараппер. — Правда, ты показал, на что способен, но мне не нужна целая армия.

Меллер отодвинулся, а Мараппер, положив

руку на ручку двери, немного смягчился:

— Наша жизнь очень коротка, но на этот раз, приятель, мы обязаны ею тебе. Возвращайся к своим краскам, художник, и никому ни слова.

Он быстро пошел по коридору, а Комплейн поспешил за ним. Племя спало. Они миновали запоздалый патруль, идущий на одну из задних баррикад, и двух молодых людей с девушками, пытающихся вернуть настроение прошедшего праздника, а в остальном район был полностью пуст.

Мараппер круто свернул в боковой коридор и направился к своей квартире. Осмотревшись, он вынул магнитный ключ и, открыв дверь, втолкнул Комплейна в комнату. Это было большое помещение, заваленное предметами, собиравшимися на протяжении целой жизни, тысячами выпрошенных или полученных за взятку вещей, которые со времени Гибели Гигантов не имели уже никакого применения. Они были интересны только как тотемы, следы цивилизации более богатой и развитой, чем их собственная. Комплейн огляделся вокруг. Он смотрел на разные вещи, которые как будто не узнавал — на фотоаппараты, электрические вентиляторы, книги, выключатели, конденсаторы, огнетушители, связки ключей,

ночник, клетку для птиц, вазы, две масляные картины, бумажный рулон с надписью “Карта Луны”, игрушечный телефон и, наконец, ящик, полный бутылок с густой жидкостью и надписью “Шампанское”. Все это была добыча, полученная не всегда честным путем и немного стоящая.

— Останься здесь, а я приведу остальных трех участников, — сказал Мараппер, собираясь выходить. — Сразу после этого уходим.

— А если они предадут, как тот стражник?

— Этого они не сделают, — коротко сказал Мараппер. — Стражника я посвятил в тайну только потому, что он видел, как я нашел вот это. — Он похлопал по книге, спрятанной на груди.

Он вышел, и Комплейн услышал щелчок магнитного ключа. Если бы из планов священника ничего не вышло, ему пришлось бы тяжело: обнаружив его в этой комнате, его, вероятно, прикончили бы на месте за убийство Зиллиака. Он напряженно ждал, нервно потирая небольшую царапину на руке. Он взглянул на нее — в ладони торчала маленькая заноза. Ножки столика Гвенни никогда не были гладкими…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
БЕЗДОРОЖЬЯ
1

В Кабинах весьма часто использовалась поговорка “Действуй не задумываясь”. Вспыльчивость считалась признаком мудрости, а ловкачи действовали всегда под влиянием импульса. Это был единственно возможный подход, ибо при постоянном отсутствии причин для какого-либо действия всегда существовала возможность, что состояние бездействия захватит все племя. Мараппер, который был специалистом по использованию всевозможных принципов для своих целей, привел этот аргумент, чтобы мобилизовать трех остальных членов своей экспедиции. Они собрали вещи, надели куртки, забрали парализаторы и понуро последовали за ним по коридорам селения. По дороге они мало кого встречали, да и те не выказывали особого любопытства. Мараппер остановился перед дверями своей квартиры и достал ключ.

— Зачем мы остановились? Если мы будем здесь крутиться, нас наверняка схватят и изрубят

в капусту. Если уж идти в глоны, то сразу.

Мараппер повернул свое лицо в сторону говорившего, но тут же вновь отвернулся, не унизив себя ответом. Вместо этого он открыл дверь и позвал:

— Выходи, Рой, и познакомься со своими товарищами!

Как и пристало хорошему охотнику, который всегда начеку, Комплейн появился в дверях с парализатором наготове. Он спокойно оглядел троицу, стоявшую возле Мараппера — он знал их всех. Вот Боб Фермур, уперший локти в два притороченных к поясу мешка. Вантадж, непрерывно вертящий в руках заостренную палку, и Эрни Роффери, оценщик, с вызывающим, неприятным выражением лица. Комплейн долго смотрел на них.

— Я не уйду из Кабин с этим сбродом, Мараппер, — сказал он наконец решительно. — Если это те лучшие, кого ты сумел найти, то не рассчитывай на меня. Я думал, что это будет порядочная экспедиция, а не фарс.

Священник издал звук, похожий на кудахтанье курицы, и двинулся в его сторону. Но Роффери оттолкнул его и встал перед Комплейном с рукой на рукояти парализатора. Усы его подрагивали в

опасной близости от подбородка Комплейна.

— Так вот как ты запел, мой предприимчивый специалист по мясу, — сказал он. — Ты что, не узнал своих начальников? Если ты думаешь…

— Да, вот так запел, — ответил Комплейн. — А ты оставь свою игрушку, или я поджарю твои пальцы. Священник сказал мне, что это должна быть экспедиция, а не выгребание сора из борделя.

— А это и есть экспедиция! — рявкнул духовник, трясясь от ярости и глядя то на одного, то на другого. — Это экспедиция, и вы отправитесь со мной в Бездорожья, даже если мне придется затащить туда ваши трупы. Вы, идиоты, плюющие в свои глупые морды, ничтожные глупцы, неужели вы не понимаете, что не стоите и ногтя кого-нибудь подобного вам, не говоря уже обо мне! Берите свои вещи и идем, или я позову стражников.

Эта угроза была настолько идиотской, что Роффери расхохотался.

— Я присоединился к тебе, чтобы не смотреть на таких дохляков, как Комплейн, — сказал он. — Ну что же, тебе видней! Веди, ты же наш вождь.

— Если ты так считаешь, то зачем тратить время на глупые сцены? — спросил Вантадж.

— Потому, что я заместитель вождя, — ответил Роффери, — и могу устраивать такие сцены, какие мне хочется.

— Никакой ты не заместитель, Эрни, — мягко объяснил Мараппер. — Я вас веду, равных перед законом.

Услышав это, Вантадж злорадно рассмеялся, а Фермур сказал:

— Если вы кончили грызню, то может, мы все-таки пойдем, пока нас не накрыли и не помирили?

— Не так быстро, — сказал Комплейн. — Я все еще не понял, что здесь делает этот оценщик? Почему он не занимается оценкой? У него было теплое местечко, так почему же он его бросил? Этого я понять не могу: на его месте я бы никуда не пошел.

— Потому что у тебя нет даже жабьего разума, — рявкнул Роффери, напирая всем телом на вытянутую руку священника. — У всех нас есть причины, чтобы покинуть это сумасшедшее селение, но мои причины тебя не касаются.

— Чего ты к нему привязался, Комплейн? — крикнул Вантадж. — А почему ты идешь с нами? Я совершенно уверен, что не желаю идти с тобой.

Внезапно между ними сверкнул короткий меч

священника. Они видели, как белеют пальцы, судорожно сжимая рукоять.

— Как святой человек, — рявкнул он, — я клянусь каждой каплей гнилой крови Кабин, что отправлю в Долгое Путешествие первого, кто скажет хоть слово.

Они стояли молча, окаменев от ненависти.

— Милые, мир приносящие острия, — прошипел Мараппер, потом снял с плеча мешок и сказал уже нормальным голосом:

— Укрепи это на спине, Рой, и возьми себя в руки. Эрни, оставь свой парализатор. Ты ведешь себя, как девчонка, получившая новую куклу. Успокойтесь и идемте, только все вместе. Мы должны преодолеть одну из баррикад, поэтому держитесь меня.

Он закрыл дверь квартиры, задумчиво посмотрел на ключ и спрятал его в карман. Не обращая внимания на остальных, пошел по коридору. Они мгновение колебались, затем последовали за ним. Мараппер с каменным спокойствием смотрел перед собой, совершенно игнорируя их присутствие, как будто они принадлежали к другому, неполноценному миру.

Дойдя до очередного перекрестка, он свернул влево, потом еще раз влево. Этот последний ко-

ридор вел в короткую слепую улочку, закрытую проволочной дверью. Перед ней стоял стражник, ибо это была одна из боковых баррикад. Стражник был спокоен, но внимателен. Он сидел на ящике, положив подбородок на руки, но когда пятеро людей показались из-за поворота, немедленно вскочил, направив на них парализатор.

— Я буду счастлив выстрелить! — выкрикнул он обычное предостережение

— А я умереть, — ответил Мараппер. — Спрячь оружие, Твеммерс, мы не Чужие. Ты очень взволнован.

— Стоять, или я стреляю! — крикнул стражник Твеммерс. — Чего вы хотите? Стойте все пятеро!

Мараппер не замедлил шагов, а остальные медленно следовали за ним. Комплейна заинтриговала эта сцена, хотя он не знал, почему.

— У тебя плохое зрение для твоей работы, приятель! — воскликнул священник. — Придется сказать Зиллиаку, чтобы тебя отозвали. Это я, Мараппер, твой священник, защитник твоей сомнительной нормальности, вместе с несколькими людьми доброй воли. Для тебя сегодня нет крови, дружище…

— Я могу застрелить любого, — воинственно пригрозил Твеммерс, размахивая оружием и

одновременно отступая в сторону проволочной двери, находившейся у него за спиной.

— Спрячь свое оружие для лучшей цели, хотя не знаю, попадется ли она тебе, — сказал священник. — У меня есть кое-что важное для тебя.

Во время этого разговора Мараппер не замедлил шага ни на секунду и оказался очень близко от стражника. Бедняга колебался; правда, другие стражники были от него на расстоянии крика, но фальшивая тревога могла означать для него порку, а ему очень важно было сохранить свою скромную должность. Эти несколько секунд колебания оказались роковыми — священник был уже рядом с ним. Он быстро извлек из-под плаща свой короткий меч, глубоко вонзил его в живот стражника, повернул, потом ловко забросил себе на плечо уже согнувшееся пополам тело. Когда руки Твеммерса бесчувственно ударили его по спине, он удовлетворенно крякнул.

— Отличная работа, отец, — восхищенно сказал Вантадж. — Я сам не сделал бы лучше.

— Мастерская! — уважительно воскликнул Роффери.

— Приятно видеть духовника, который так хорошо претворяет в жизнь содержание своих наук.

— Спасибо, — буркнул Мараппер, — но не говорите так громко, а то эти псы настигнут нас. Фермур, возьми его, хорошо?

Тело было переброшено через плечо Фермура, который, будучи почти на голову выше остальных, лучше всего подходил для этого. Мараппер вытер лезвие о куртку Комплейна, спрятал меч и осмотрел дверь. Потом из одного из бездонных карманов он вынул ножницы по металлу и перерезал ими проволоку. Взялся за ручку и потянул — дверь открылась на дюйм, но дальше не пошла. Священник подергал ее, но безрезультатно.

— Разреши мне, — сказал Комплейн.

Он рванул изо всех сил, и дверь со скрипом заржавевших петель отворилась. Показался колодец, зияющая темная дыра. Они отпрянули, пораженные.

— Этот шум должен привести сюда всех стражников с Кабин, — сказал Фермур, с интересом разглядывая надпись “Вызывай лифт”, помещенную рядом с колодцем. — Что дальше, священник?

— Прежде всего, бросай туда тело, — сказал Мараппер. — Только быстро!

Тело было брошено в темную дыру, и через несколько секунд до них донесся глухой грохот.

— Кошмар! — воскликнул Вантадж.

— Пожалуй, мы обойдемся без ритуала погребения, — сказал Мараппер, — особенно если сами хотим остаться в живых. А теперь — вперед. Не бойтесь дети мои, эта темная дыра — дело рук человека; когда-то здесь, как мне кажется, курсировало что-то вроде тележки. Мы пойдем следом за Твеммерсом, только не так быстро.

Посреди отверстия свисали кабели. Священник схватил их и осторожно спустился по ним до нижнего уровня. Повисев над темной пропастью, он встал на узкую полочку, а потом одной рукой схватился за сетку, а другой вытащил ножницы. Осторожно сделал в двери отверстие, достаточно большое, чтобы через него можно было пролезть. Все, один за другим, последовали за ним. Комплейн покинул верхний уровень последним. Он опустился вниз по кабелю, послав Кабинам лишенное доброжелательности прощание.

Люди молча стояли в холодном полумраке. Они были на чужой территории, правда, глоны везде выглядели одинаково.

Поднявшись на носки, Мараппер закрыл за ними дверь и взглянул вперед, поправляя плащ.

— Пожалуй, достаточно для одной яви и для такого старого духовника как я, — сказал он, — разве что у вас есть желание начать дискуссию

на тему о руководстве.

— Этот вопрос никогда не вызывал сомнений, — сказал Комплейн, вызывающе глядя на Роффери.

— Не пытайся меня провоцировать, — предостерег оценщик. — Я иду за нашим отцом, но проткну каждого, кто будет мутить воду.

— У нас будет достаточно возможностей, чтобы успокоить самую сильную жажду крови, — сказал Вантадж тоном предсказателя, повернув изуродованную половину лица к окружающей их стене зелени. — Нам уже пора перестать цепляться друг к другу и приберечь свои мечи для других животов.

Они неохотно согласились с ним.

Мараппер отряхнул свой короткий плащ, внимательно его разглядывая — он был в крови по краю.

— А теперь спать, — сказал он, — войдем в первое попавшееся помещение и устроим там лагерь. Там мы будем проводить сны. В коридорах оставаться нельзя, мы будем в них слишком заметны. А в комнате мы можем ставить охрану и спать спокойно.

— А не лучше ли нам перед сном удалиться от Кабин подальше? — спросил Комплейн.

— Если я что-то советую — нужно меня слушать, — сказал Мараппер. — Вы думаете, что хоть один из этих ленивых сукиных сынов рискнет своей шкурой и пойдет в незнакомый район, где легко нарваться на засаду? Я не собираюсь отвечать на ваши идиотские вопросы, а скажу коротко: вы должны делать то, что я вам говорю. Именно в этом заключается единство; без единства мы ничто. Твердо держитесь этого принципа, и мы выживем. Рой? Эрни? Вантадж? Фермур?

Священник смотрел в их лица, как бы опознавая их. Под его взглядом они щурили глаза, как четыре сонных грифа.

— Мы уже приняли эти условия, — нетерпеливо сказал Фермур. — Чего ты еще хочешь, чтобы мы целовали твои ботинки?

Несмотря на то, что он выразил их общее мнение, остальная троица начала на него порыкивать. Это было легче, чем ссориться со священником.

— Мои ботинки ты будешь целовать не раньше, чем заслужишь такую честь, — сказал Мараппер. — Но я хочу от вас большего. Я хочу не только того, чтобы вы слушались меня без вопросов, но также, чтобы вы никогда не нападали друг на друга. Я не требую ломать догмы Науки — если

суждено отправиться в Долгое Путешествие, мы сделаем это. Однако мы не можем позволить себе ругаться и ссориться, добрые времена в Кабинах ушли безвозвратно. Некоторые из поджидающих нас опасностей мы знаем; это мутанты, Чужие, другие племена и, наконец, странные люди с Носа. Однако я не сомневаюсь, что мы можем наткнуться на опасности, о которых ничего не знаем. Если вы чувствуете неприязнь к своему товарищу, оставьте ее для чего-нибудь неизвестного — пригодится.

Он изучающе посмотрел на них.

— Поклянитесь.

— Все это очень хорошо, — буркнул Вантадж. — Я, конечно, согласен, но это означает отказ от собственной индивидуальности. Если ты ждешь от нас этого, то мы взамен ждем от тебя, Мараппер, что ты кончишь наконец болтать. Просто скажи нам, чего ты добиваешься, и мы сделаем это, но без выслушивания всех этих проповедей.

— Совершенно верно, — быстро сказал Фермур, прежде чем началась новая дискуссия. — Ради бога, поклянемся и ложимся спать.

Они согласились отказаться от ссор и во главе с Мараппером двинулись между глонами. Священник вынул из кармана огромную связку

магнитных ключей. Через несколько метров они наткнулись на первые двери, остановились, и священник начал пробовать один за другим ключи. Комплейн пошел дальше, и через минуту они услышали его голос:

— Здесь есть выломанные двери! — воскликнул он. — Видимо, здесь проходило какое-то другое племя. Мы избегнем лишних хлопот, если войдем сюда.

Они подошли к нему, раздвигая шелестящие стебли. Дверь была открыта на ширину пальца. Каждая дверь была входом в неизвестность, все знали рассказы о смерти, которая таилась за закрытыми дверями, а страх сформировался в них с раннего детства.

Подняв парализатор, Роффери пнул дверь. Она открылась. Послышались тихие шаги, потом воцарилась тишина. Комната была очень большая, но темная: источник света был уничтожен — давно? Если бы комната была освещена, глоны в своей непрерывной погоне за светом взломали бы дверь, но темных закоулков они не любили еще больше, чем людей.

— Здесь есть только крысы, — сказал Комплейн, тяжело дыша. — Входи, Роффери, чего ты ждешь?

Не говоря ни слова Роффери вытащил из своего

узелка фонарь и зажег его. Потом он двинулся дальше, остальные следовали за ним. Комната была чрезвычайно велика — восемь шагов на пять — и совершенно пуста. Неровный свет фонаря Роффери показал решетку потолка, голые стены и пол, заваленный разбитыми вещами. Как кресла, так и столы, ящики которых были выдвинуты, а содержимое разбросано вокруг, носили следы рубленых ударов, нанесенных топором. Легкие металлические стеллажи были помяты и лежали в пыли. Пятеро мужчин стояли на пороге, подозрительно оглядываясь и гадая, насколько давно был совершен этот акт варварства, почти чувствуя его в воздухе, потому что злые дела, в отличие от добрых, переживают тех, кто их совершил.

— Мы можем спать здесь, — коротко сказал Мараппер. — Рой, загляни за ту дверь в глубине.

Дверь, на которую он указал, была открыта наполовину. Отодвинув сломанный стул, Комплейн толкнул ее, и показалась маленькая ванная. Фарфоровая раковина была разбита, трубы, подводящие воду, вырваны из стены. Вода уже давно не текла. Комплейн осматривал ванную, когда грязно-белая крыса выскочила из обломков, обежала комнату и, увернувшись от пинка Фермура,

скрылась в гуще глонов.

— Этого достаточно, — сказал Мараппер. — Сейчас мы поедим, а потом будем тянуть жребий, кому стоять в карауле.

Они поели, достав пищу из своих мешков, и обсудили целесообразность выставления охраны. Поскольку Фермур и Комплейн считали ее необходимой, а Роффери и Вантадж излишней, голоса разделились поровну, а священник, казалось, не собирался разрешать спора. Наконец, он вытер руки тряпкой и со все еще полным ртом сказал:

— Роффери, ты будешь караулить первым, а Вантадж вторым, чтобы у вас сразу была возможность доказать свою правоту. Во время следующего сна караулить будут Фермур и Комплейн.

— Ты говорил, что мы будем тянуть жребий, — гневно сказал Вантадж.

— Я передумал.

Он сказал это так решительно, что у Роффери пропала охота спорить.

— Я полагаю, ты, отец, никогда не будешь стоять на страже? — спросил он.

Мараппер развел руками, и на лице у него появилось выражение детской невинности.

— Мои дорогие, ваш священник охраняет вас

все время — и во время сна, и во время яви.

Затем, меняя вдруг тему разговора, он вынул из кармана какой-то округлый предмет.

— С помощью этого приспособления, которое я предусмотрительно забрал у Зиллиака, — сказал он, — мы сможем точно определить время стражи, чтобы никто из нас не имел обязанностей больше, чем другой. Видите, с одной стороны у него круг с цифрами и три стрелки. Это называется часы и отмеряет время. С этой целью его создали Гиганты, а это значит, что они тоже имели дело с мутантами и Чужими.

Комплейн, Фермур и Вантадж разглядывали часы с интересом, Роффери, который сталкивался с такими предметами в бытность оценщиком, сидел с надменным видом. Священник забрал свою собственность и начал крутить маленькую пуговку на боку инструмента.

— Я поступаю, чтобы он действовал, — объяснил он. — Из трех стрелок самая маленькая двигается очень быстро, и на нее можно не обращать внимания. Две другие с разной скоростью, но нас интересует только более медленная. Видите, сейчас она касается цифры восемь. Ты будешь караулить, Эрни, пока стрелка не коснется цифры девять, потом разбудишь Вантаджа. Вантадж,

когда стрелка дойдет до цифры десять, разбудит нас всех, и мы двинемся в путь. Ясно?

— Куда мы пойдем? — хмуро спросил Вантадж.

— Мы поговорим об этом, когда выспимся, — решительно сказал Мараппер. — Сейчас самое важное — сон. Разбудите меня, если кто-то будет двигаться за дверями, но только без ложных тревог. Я бываю очень зол, когда прерывают мой сон.

Он пошел в угол, пнул сломанный стул, который ему мешал, и начал располагаться ко сну. Не колеблясь, все последовали его примеру, за исключением Роффери, который смотрел на них с неприязнью.

Все уже лежали на полу, когда Вантадж неуверенно сказал:

— Отец Мараппер, — в его голосе прозвучала мольба, — ты не откажешься помолиться за наши шкуры?

— Я слишком устал, чтобы заниматься чьей бы то ни было шкурой, — ответил Мараппер.

— Короткую молитву, отец.

— Ну, как хочешь. Дети, пространства для вашего я, помолимся.

Лежа на грязном полу, он начал молиться. Поначалу в голосе его не было большой силы, но по

мере того, как он распалялся, молитва набирала мощь.

— О, Сознание, мы стоим перед тобой, недостойные быть твоим вместилищем, ибо знаем, что полны пороков и не стараемся уничтожить их. Мы бедны и бедна наша жизнь, но имея Тебя, мы не потеряли последней надежды. О, Сознание, будь кормчим этих пяти скромных лодок, ибо у нас надежды больше, чем у всех оставшихся, и потому в нас больше места для тебя. Мы знаем, что стоит Тебе исчезнуть, как появится Твой враг — Подсознание, поэтому позволь мыслям нашим принадлежать только Тебе. Сделай наши руки быстрыми, наши плечи сильными, наш взгляд острым, наш гнев неукротимым, чтобы мы могли победить и убить всех, кто встанет против нас. Позволь нам разогнать и поразить их! Дай нам разбросать их внутренности по всему кораблю! Позволь искре Твоей пылать в нас до тех пор, пока нас не повалит враг и для нас не начнется Долгое Путешествие.

Священник поднялся, склонился и вытянул над головой руки, что все повторили вслед за ним, затем выпрямился и, согласно ритуалу, провел пальцами по горлу.

— Ну, а теперь заткнитесь, — сказал он уже

своим нормальным голосом, вновь укладываясь спать.

Комплейн лежал опершись на стену, с головой на мешке. Обычно он спал легко, как зверь, без периодов дремы между сном и пробуждением. Однако в нынешнем своем положении он лежал с полузакрытыми глазами, стараясь думать. Мысли эти были только общими образами: пустое место Гвенни, Мараппер, с триумфом стоящий над трупом Зиллиака, Меллер и прыгающий зверь, появляющийся из-под его кисти, густая жидкость, выпаривающая жизнь из Озберта Бергаса, напрягшиеся мышцы на затылке Вантаджа, готового немедленно отвернуть лицо от любопытных взглядов, стражник Твеммерс, безвольно опускающийся на руки Мараппера. Все эти картины объединяло одно: все они касались того, что было, зато будущее не вызывало никаких образов. Он спешил сейчас за чем-то нереальным, входил в комнату, о которой говорила и которой боялась его мать.

Он не сделал никаких выводов, не тратил время на беспокойство — совсем наоборот, — он чувствовал что-то вроде надежды, согласно популярной пословице, которая говорила: “Дьявол, которого ты не знаешь, может победить того, что

тебе знаком”.

Прежде чем заснуть, он увидел комнату, слабо освещенную светом из коридора, а через внутреннюю дверь — фрагмент вечной чащи. В неизменной и безветренной жаре непрерывно шелестели глоны, время от времени был слышен тихий треск, когда семя попадало в комнату. Глоны росли так быстро, что когда Комплейн проснулся, молодые были на несколько десятков сантиметров выше, а старые возле корабельных стен. Скоро и те, и другие должна была уничтожить темнота. Видя эту непрерывную борьбу, он подумал, что она очень похожа на человеческую жизнь.

2

— Ты храпишь, священник, — вежливо сказал Роффери, когда в начале новой яви они сели перекусить.

Их взаимное отношение совершенно изменилось, как будто во время сна на них действовала какая-то волшебная сила. Чувство соперничества, вынесенное из Кабин, исчезло; конечно, они по-прежнему были соперниками, но в том смысле, в каком все мужчины соперничают меж-

ду собой, однако прежде всего они чувствовали связь, объединяющую их против всего окружающего. Охрана благоприятно подействовала на душевное состояние Роффери, который стал теперь почти кротким. Из всей пятерки, казалось, только Вантадж не изменился. Его характер, постоянно подвергаемый уничтожающему воздействию одиночества, не имел ни малейшей возможности измениться. Вантаджа можно было только сломать или убить.

— За эту явь мы должны уйти как можно дальше, — сказал Мараппер. — В следующую сон-явь, как вы знаете, будет темно, и тогда нам придется сидеть на месте, поскольку фонари выдадут наше присутствие любому. Однако, прежде чем мы двинемся дальше, я хочу познакомить вас с нашими планами, а для этого придется сказать кое-что о корабле. — Он с улыбкой осмотрелся вокруг. — Первым фактом является то, что мы на корабле. Надеюсь, все со мной согласны?

Его взгляд остановился на каждом, и каждый дал что-то вроде ответа: “Конечно” — Фермур, нетерпеливое бормотание Вантадж, как будто он счел вопрос неуместным, равнодушный неопределенный кивок головой Роффери и “Нет” Комплейна.

Мараппер живо заинтересовался этим “Нет”.

— Выслушай меня, Рой, — сказал он. — Сначала доводы. Слушай внимательно, я придаю большое значение этому делу, и проявление глупости способно вызвать у меня гнев, о котором все мы можем потом пожалеть.

Он расхаживал среди сломанной мебели, говоря приподнятым и значительным тоном:

— Итак, Рой, запомни одно, что не быть на корабле — это совершенно другое дело, чем быть на нем. Вы знаете — впрочем, знаем мы все — что значит быть на корабле, а потому считаем, что существует только корабль. Но имеется много мест, которые не являются кораблем, мест больших и многочисленных… Я знаю это из записей, оставленных Гигантами. Корабль был построен ими для каких-то известных им, но скрытых от нас, целей.

— Это я уже слышал в Кабинах, — печально сказал Комплейн. — Допустим, Мараппер, я поверю тебе. Что из того? Корабль или мир, какая разница?

— Ты не понимаешь этого? Взгляни. — Говоря это, священник наклонился, сорвал пучок глонов и начал махать им перед носом Комплейна. — Это нечто естественное, нечто, выросшее само, —

сказал он.

Затем он вошел в ванную и пнул фарфоровую раковину так, что она зазвенела.

— А это было сделано искусственно. Теперь ты понимаешь? Корабль — искусственное творение, мир не естественен. Мы с вами — естественные существа, и наш настоящий дом — не этот корабль, построенный Гигантами.

— Но даже если это так… — начал Комплейн.

— Это так. Именно так. Доказательства вокруг тебя: коридоры, стены, комнаты — все искусственное, но ты так к ним привык, что этого не замечаешь.

— То, что он этого не замечает, неважно, — сказал Фермур. — Какое это имеет значение?

— Я это вижу, — гневно сказал Комплейн, — я только не могу с этим согласиться!

— Ну хорошо, посиди пока тихо и подумай, а мы нойдем дальше, — сказал Мараппер. — Я читал много книг и знаю правду. Гиганты построили этот корабль с какой-то конкретной целью; по дороге цель была утеряна, а сами Гиганты вымерли. Остался только корабль…

Он перестал ходить и остановился у стены, прислонившись к ней лбом. Когда же продолжил рассказ, то говорил как будто для себя.

— Остался только корабль, а в нем, как в ловушке, все племена людей. Видимо, произошла какая-то катастрофа, где-то произошло что-то страшное, и нас предоставили самим себе. Это приговор, вынесенный нам за какой-то чудовищный грех, совершенный нашими праотцами.

— Вся эта говорильня не стоит и фунта дерьма, — гневно сказал Вантадж. — Попытайся забыть, что ты священник, Мараппер. Это не имеет никакого значения с точки зрения нашей дальнейшей судьбы.

— Имеет, и к тому же огромное, — сказал Мараппер, сунув руки в карманы и тут же вытаскивая одну, чтобы поковыряться в зубах. — На самом деле меня интересует только теологический аспект проблемы. Если говорить о вас, существенным становится факт, что корабль откуда-то прибыл и куда-то следует. То, куда он направляется, более важно, чем сам корабль, ибо там, собственно, мы и должны находиться. Это наше настоящее место.

— Все это никакая не тайна, разве что для идиотов, зато тайной является то, почему нас держат в неведении относительно места, в котором мы находимся. Что, собственно, происходит за нашими спинами?

— Что-то где-то испортилось, — поспешно сказал Вантадж. — Я всегда говорил: где-то что-то не вышло.

— Не говори таких вещей в моем присутствии, — сказал священник. Ему казалось, что общее согласие с его мнением ослабит его позицию и авторитет.

— Существует заговор. Против нас затеяли какую-то интригу. Пилот или капитан этого корабля где-то скрывается, а мы мчимся вперед под его руководством, не зная даже, что вообще путешествуем, как не зная и цели путешествия. Это какой-то безумец, который скрывается, а на нас пала кара за грех, совершенный нашими праотцами,

Комплейну все это казалось чудовищным и неправдоподобным, едва ли не более неправдоподобным, чем мысль, что они находятся на мчащемся корабле. Но принятие одного влекло за собой принятие другого, поэтому он молчал. Его придавило чувство неуверенности. Глядя на присутствующих, он не замечал, чтобы они с энтузиазмом приняли теорию священника. Фермур иронически улыбался, лицо Вантаджа постоянно выражало неопределенное неудовольствие, а Роффери нетерпеливо пощипывал усы.

— Мой план следующий, — продолжал священник. — К сожалению, при его реализации мне понадобится ваша помощь. Мы должны найти этого капитана, должны схватить его в том месте, где он прячется. Он наверняка хорошо спрятан, но даже самые крепкие двери не спасут его от нас. Найдя, мы убьем его и тем самым завладеем кораблем.

— А что мы сделаем с кораблем, когда завладеем им? — спросил Фермур, явно желая уменьшить непомерный энтузиазм Мараппера.

Духовник задумался только на мгновение.

— Мы найдем для него какую-нибудь цель, — сказал он. — Детали подобного рода оставьте мне.

— А где мы будем искать этого капитана? — хотел знать Роффери.

В ответ священник распахнул плащ, залез под сутану и продемонстрировал всем книгу, которую Комплейн уже видел раньше. Он махал ею у них перед глазами, но это не имело никакого значения, потому что только Роффери читал бегло. Для остальных она стояла только из слогов, которые они не могли сложить в слова. Наконец Мараппер объяснил, что книга называется “Схемы электрических цепей звездного корабля”. Объяснил он и

каким образом книга эта оказалась у него в руках. Она лежала в складе, где стражники Зиллиака нашли мешки с краской, и была брошена в кучу вещей, ожидающих приговора Совета. Мараппер увидел ее и, заранее предугадав ее ценность, спрятал в карман. При этом его видел один из стражников. Его молчание оказалось возможно купить только обещанием, что он пойдет вместе с Мараппером и разделит с ним власть.

— Это был тот стражник, которого Меллер прикончил под дверями моей комнаты? — спросил Комплейн.

— Он самый, — сказал священник, совершенно автоматически сделав знак сожаления. — Видимо, хорошенько подумав, он пришел к выводу, что сделает лучше, рассказав о наших намерениях Зиллиаку.

— Кто знает, может, он и был прав, — язвительно заметил Роффери.

Игнорируя это замечание, священник открыл книгу и развернул чертеж, прижимая его пальцем.

— Вот как выглядит ключ ко всему делу, — сказал он с глубоким убеждением. — Это план корабля.

К своему неудовольствию ему пришлось пре-

рвать только что начатую лекцию и объяснить им, что такое план, ибо понятие это было совершенно им неизвестно. На этот раз Комплейн имел преимущество перед Вантаджем, потому что быстро понял смысл плана и прежде всего понял, на чем основывается двухмерное изображение трехмерного объекта, такого большого, как корабль.

Вантаджу не помогли даже картины Миллера в натуральную величину; в конце концов было решено, что он должен примириться с фактом, которого не понимает, так же как Комплейн "принял" существование корабля, хотя не видел к тому никаких причин.

— Никто до меня не располагал таким подробным планом корабля, — поучал Мараппер. — Это счастье, что он попал в мои руки. Озберт Бергас знал о корабле очень много, но точно изучил только район Кормовой Лестницы и часть Бездорожий.

План показывал, что корабль напоминает удлиненное яйцо, в центре цилиндрическое и тупое на обоих концах. Все вместе состояло из восьмидесяти четырех палуб, которые в поперечном сечении напоминали монету. Большинство палуб (за исключением нескольких на обоих кон-

цах) слагались из трех концентрических уровней: верхнего, среднего и нижнего. В них находились коридоры, соединенные между собой лифтами или лестницами, а вдоль коридоров размещались жилые помещения, иногда небольшие, и тогда их было много, а иногда такие огромные, что занимали целый уровень. Все палубы были соединены между собой коридорами, тянувшимися вдоль длинной оси корабля — так называемым Главным Коридором. Однако существовали еще добавочные соединения между коридорами отдельных палуб.

Один конец корабля был четко обозначен как “Корма”, на другом виднелась надпись “Рубка”. В это место Мараппер ткнул пальцем.

— Вот где мы найдем капитана, — сказал он. — Тот, кто находится здесь, управляет кораблем. Туда мы и идем.

— Благодаря плану это будет нетрудно, — заявил Роффери, потирая руки. — Нам только нужно все время идти по Главному Коридору. Я начинаю думать, что общение с тобой, Мараппер, не сводится к полному идиотству.

— Это не так-то просто, — сказал Комплейн. — Ты все время проводил в Кабинах и совершенно не знаешь условий вне их. Главный Коридор

хорошо известен охотникам, но, в отличие от любого другого коридора, он не ведет никуда.

— Ты прав, Рой, хотя и выразил свою мысль очень наивно, — признался Мараппер. — В этой книге я нашел объяснение, почему он не ведет никуда. Так вот, вдоль всего Главного Коридора находились аварийные двери. Каждая палуба построена таким образом, чтобы быть более-менее независимой в случае какой-нибудь угрозы.

Он принялся листать страницы с техническими рисунками.

— Даже я не все понимаю, но, полагаю, ясно, что что-то случилось — пожар или что-то в этом роде — и с того времени двери Главного Коридора были закрыты.

— Поэтому-то, за исключением глонов, так трудно кому-либо попасть туда, — добавил Фермур. — Мы просто кружимся на месте. Нам остается только найти дополнительные соединения, которые по-прежнему открыты, и воспользоваться ими. Это значит, что нам придется все время отступать и возвращаться, вместо того, чтобы идти прямо.

— Я вижу, что все вы чертовски умны, — сказал Мараппер, — поэтому можно идти дальше. Бери этот сверток на спину, Фермур, и иди вперед.

Все послушно встали — за дверями их ждали негостеприимные Бездорожья.

— Чтобы дойти до рубки, нам придется пройти через территорию Носовиков, — сказал Комплейн.

— Испугался? — насмешливо спросил Вантадж.

— Да, испугался, Дырявая Морда.

Вантадж гневно повернулся, но был слишком возбужден, чтобы резко прореагировать на ненавистное прозвище.

Молча они продирались сквозь чащу, и продвижение их было медленно и утомительно. Одинокий охотник может проскользнуть между глонами, не вырубая их, зато держась ближе к стене. Сейчас они не могли воспользоваться этим способом, поскольку выпрямляющиеся стебли хлестали идущим сзади. Можно было избегнуть этого, увеличив интервалы, но они держались как можно ближе друг к другу. В продвижении под стеной мешало еще одно: в этом месте слой хитиновой оболочки семян был особенно велик, и каждый отметил знаменательный факт: обилие семян, являющихся любимой пищей свиней и собак, указывало на отсутствие зверей в этом районе.

Количество мух не уменьшалось: они непрерывно жужжали около ушей путешественников. Идущий впереди Роффери корчевал глоны. Каждый раз поднимая топор, он размахивал им вокруг головы, чтобы избавиться от тучи насекомых.

Первое дополнительное соединение между палубами, до которого они дошли, было обозначено достаточно ясно. Оно находилось в коротком боковом коридоре и состояло из двух отдельных металлических дверей, в эту минуту слегка приоткрытых. Они могли обеспечить проход по коридору, но теперь были совершенно заблокированы зеленью. На первой двери была надпись “Палуба “61”, на второй — “Палуба 60”. Мараппер довольно хмыкнул, но было слишком жарко для комментариев. Комплейн во время охоты неоднократно натыкался на такие же двери и видел эти надписи, но тогда они ничего для него не значили.

На Палубе 60 они встретили других людей.

Фермур как раз шел впереди, со стоическим спокойствием прокладывая дорогу, когда внезапно показались отрытые двери. Такие двери всегда означали опасность, поэтому они собирались в группу и проходили мимо них вместе. Обычно

ничего не происходило, однако на этот раз они увидели в комнате старую женщину.

Она лежала на полу, рядом с ней спала привязанная на шнурке овца. Женщина лежала, повернувшись к ним боком, благодаря чему они могли разглядеть ее левое ухо. В результате какой-то странной болезни оно чудовищно увеличилось и торчало сейчас среди редких и сальных седых волос. Оно было ярко-розового цвета и явно контрастировало с бледным лицом.

Женщина медленно повернула голову и взглянула на них, тут же, даже не изменив выражения лица, начав глухо выть. Комплейн заметил при этом, что второе ее ухо совершенно нормально.

Овца проснулась, отбежала на длину веревки и, задыхаясь от страха, заблеяла.

Прежде чем все пятеро успели удалиться, из задней комнаты выбежали двое мужчин, встревоженных криком, и встали за воющей женщиной.

— Они ничего нам не сделают, — с облегчением сказал Фермур.

Это было очевидно. Оба мужчины были стары — один согнутый пополам и очень близкий к Долгому Путешествию, другой страшно худой и без руки, потерянной в какой-то давней поножовщине.

— Мы должны их убить, — сказал Вантадж, и одна половина его лица прояснилась. — Прежде всего эту ведьму.

Услышав эти слова, женщина перестала кричать.

— Пространства для ваших личностей, — быстро сказала она. — Заразы вашим глазам, только троньте нас, и проклятие падет на вас.

— Пространства для твоего уха, — хмуро ответил Мараппер. — Идите, герои, нечего здесь стоять. Нужно уходить, пока крики этой сумасшедшей не привели сюда кого-нибудь пострашнее.

Они снова ушли в чащу. Трое обитателей комнаты следили за ними, не трогаясь с места. Они могли быть остатками какого-нибудь племени из Бездорожий, однако скорее всего — просто беглецы, с трудом цепляющиеся за жизнь в этой дикой глуши.

С этой минуты путешественники все чаще находили следы других мутантов или отшельников. Глоны часто были вытоптаны, что, правда, облегчало продвижение, но напряжение, вызванное необходимостью постоянно быть начеку, было значительно больше. Однако ни разу никто не нападал на них.

Следующее дополнительное соединение между палубами было закрыто. Стальные двери, идеально подогнанные к фрамуге, несмотря на их общие усилия даже не дрогнули.

— Должен быть какой-то способ, чтобы открыть их, — гневно сказал Роффери.

— Скажи священнику, чтобы заглянул в эту свою проклятую книгу, — сказал Вантадж. — Что касается меня, то я сяду здесь и буду есть.

Мараппер хотел сразу же двинуться дальше, но остальные поддержали Вантаджа и молча приступили к еде.

— Что будет, если мы окажемся на палубе, на которой все двери будут закрыты, как эти? — поинтересовался Комплейн.

— Это исключено, — решительно сказал Мараппер. — В этом случае мы бы ничего не слышали о Носовиках. Наверняка есть дорога — и даже не одна — ведущая на их территорию. Нужно только перейти на другой уровень и поискать.

В конце концов они нашли проход на Палубу 59, а потом очень быстро на 58. Тем временем стало поздно, приближалась темная сон-явь. Их снова охватило беспокойство.

— Вы заметили? — спросил вдруг Комплейн. В эту минуту он вел всю группу. — Вид глонов

изменился.

Это была правда. Гибкие до сих пор ветви становились более мясистыми и не такими твердыми. Меньше стало листьев, зато чаще появлялись восковые зеленоватые цветы. Изменилась и почва под ногами. Обычно она была твердой, пронизанной густой путаницей корней, высасывающих каждую каплю влаги, теперь же была мягкой и более темной.

Чем дальше они шли, тем заметнее это становилось, и скоро они уже брели по грязи. Они миновали ферму томатов, потом какие-то кусты с овощами, которых не смогли определить; среди явно слабеющих глонов появлялись все новые виды растений. Эта удивительная смена обеспокоила их. И все же, Мараппер, боясь темноты, объявил привал.

Они протиснулись в боковую комнату, в которую уже до них кто-то вламывался. Она была завалена рулонами толстой материи с очень сложным рисунком. Свет фонаря Фермура осветил огромное количество моли. С неописуемым звуком она поднялась с материи, с которой сразу же исчез рисунок, зато появилось огромное множество глубоко проеденных дыр. Моль кружилась по комнате, вылетая в коридор; люди

чувствовали себя так, будто оказались среди песчаной бури.

При виде большой моли, летящей прямо на него, Комплейн наклонился. На мгновение он испытал странное чувство, которое вспомнилось ему позднее: хотя моль пролетела мимо его лица, ему показалось, что она залетела прямо в голову. Это, конечно, была галлюцинация, но он чувствовал, что насекомое заполняет весь его мозг. Потом вдруг чувство исчезло.

— Здесь невозможно заснуть, — сказал Комплейн и повел товарищей дальше по болотистому коридору. Следующие открытые двери, какие им удалось найти, вели в помещение, оказавшееся идеальным для установки лагеря. Это была какая-то мастерская, большая комната, заставленная рабочими столами, станками и другими предметами, с их точки зрения ничего не стоящими. Из крана, который невозможно было закрутить, текла непрерывная струя воды. Она стекала в раковину, а из нее в находившуюся где-то под палубой огромную цистерну для сточных вод. Утомленные, они умылись и подкрепились своими запасами. Едва закончили, наступила темнота, естественный мрак, наступающий каждые четыре сна-яви. Никто не требовал молитв,

духовник тоже их не предлагал. Он был так же утомлен, как и все остальные, и занят теми же, что и все, мыслями. Они преодолели всего три палубы, от рубки их отделяла еще долгая дорога. Впервые Мараппер осознал, что, независимо от достоинств его плана, он не представлял истинных размеров корабля даже приблизительно.

Часы были вручены Комплейну, который должен был разбудить Фермура, когда стрелка опишет полный круг. Охотник с завистью смотрел, как остальные укладываются под столами и тут же погружаются в сон. Некоторое время он упрямо стоял, но усталость заставила его занять сидячее положение. Он настойчиво искал ответ на тысячи мучивших его вопросов, но и это вскоре утомило его. Он сидел, опершись на стол, и глядел на закрытые двери. Через круглое матовое стекло, которое в них находилось, виден был слабый контрольный свет в коридоре. Круг этот становился все больше и больше, он кружился и расплывался… и наконец Комплейн закрыл глаза…

Проснулся он внезапно, с чувством беспокойства. Дверь была открыта. В коридоре почти полностью лишенные света глоны быстро умирали. Верхушки их надламывались и падали вниз.

Эрни Роффери в комнате не было.

Комплейн встал, вынул парализатор и, прислушиваясь, направился к двери. Было малоправдоподобно, чтобы кто-то мог увести Роффери — это сопровождалось бы возней и шумом, который разбудил бы остальных. Из этого ясно следовало, что Роффери покинул комнату по собственной воле. Но почему? Может, он что-то услышал в коридоре?

Действительно, издалека доносился какой-то звук, напоминающий журчание воды. Чем дольше Комплейн слушал, тем громче казался ему этот звук. Он быстро взглянул на троих спящих и вышел в коридор поискать источник звука. Этот довольно рискованный шаг показался ему более разумным, чем желание разбудить священника и объяснить ему. что он дремал вместо того, чтобы бодрствовать.

В коридоре он осторожно зажег фонарь и сразу же нашел на грязи следы Роффери — они вели в сторону еще не исследованной части уровня, на котором они находились. Двигаться теперь было легче, потому что глоны остались только в середине коридора, а стены были свободны. Комплейн двигался осторожно, не зажигая без надобности света, с парализатором, готовым

к выстрелу. На пересечении коридоров он на мгновение задержался и снова двинулся в направлении, откуда доносилось журчание воды.

Глоны исчезли, и появилась смытая струей воды палуба. Комплейн чувствовал, как она омывает его ботинки, и шел очень медленно, стараясь не плескать. Это было что-то совершенно новое…

Перед ним появился свет. Когда он приблизился, то увидел, что горит он в большом помещении, отделенном от коридора двойными застекленными дверями. Он подошел к двери и остановился, читая надпись “Плавательный бассейн”. Он повторил эти слова, совершенно не понимая их значения. Заглянув в дверь, он увидел лестницу, ведущую в сторону колоннады, находящейся наверху, а за одной из колонн — тень человека.

Он немедленно отпрыгнул от двери. Человек не пошевелился, и Комплейн решил, что тот его не заметил. Человек стоял, повернувшись к нему спиной, и был похож на Роффери. Комплейн осторожно открыл дверь, и тут же волна залила его ноги. Вода текла по ступеням, превращая их в водопад.

— Роффери! — крикнул он, направив парализатор на стоящего за колонной человека.

Эти три слога, сказанные нормальным голосом,

многократно усиленные резонансом, зазвучали как гром, и эхо повторило их много раз, прежде чем замерло в темноте окружающей его пещеры. Исчезающее эхо затерло все другие звуки, оставив только звенящую в ушах глухую тишину.

— Кто там? — шепотом отозвался человек.

Несмотря на страх, Комплейн сумел прошептать свое имя, после чего мужчина кивнул ему. Комплейн начал медленно подниматься по лестнице и, поравнявшись со стоящим человеком, убедился, что это действительно оценщик. Роффери схватил его за руку.

— Спал, болван! — прошипел он на ухо Комплейну.

Тот согласно кивнул, боясь эха. Роффери не поддержал этой темы и без единого слова протянул руку вперед. Комплейн посмотрел в том направлении, удивленный выражением его лица.

Ни один из них не видел такого большого помещения. Освещено оно было только одной лампой, и огромное пространство тянулось без конца и тонуло в темноте. Полом служило зеркало воды с концентрически расходящимися кругами. В свете лампы вода сверкала, как металл. На другом конце помещения из гладкой поверхности поднимались трубы, поддерживающие разной

высоты помосты, а по обеим сторонам виднелись едва различимые кабины.

— Как это красиво, — вздохнул Роффери. — Скажи, разве это не красиво?

Комплейн удивленно посмотрел на него. Слово "красиво" имело исключительно эротическую окраску и применялось только в отношении чрезвычайно привлекательных женщин. Однако он должен был признать, что зрелище, открывшееся перед ними, требовало особого определения. Он снова посмотрел на воду — ничего подобного они еще не видели никогда. До сих пор вода означала для них капли, капающие из крана, тонкую струйку из резиновой трубки или же немного жидкости на дне кружки. Что может означать такое количество воды? — задумался он. Хотя мрачный и зловещий вид этот заключал в себе и нечто прекрасное.

— Я знаю, что это, — очень тихо сказал Роффери. Он смотрел на воду, как загипнотизированный, лицо его так смягчилось, что его невозможно было узнать. — Я читал об этом в книгах, попадавшихся мне для оценки, и до сих пор считал это вздором. — Он помолчал, потом процитировал: — "Мертвые не встанут, а даже самая длинная река впадает в море". Это море, Комплейн, мы

наткнулись на море. Я читал об этом много раз. По-моему, это доказывает, что Мараппер был не прав, говоря о корабле. Мы просто в подземном городе.

Слова эти не произвели никакого впечатления на Комплейна, который не придавал значения названиям. Зато его вдруг осенило, почему Роффери бросил свою хлебную должность и присоединился к рискованной экспедиции священника. Теперь он знал, что причина была та же, что и у него — тоска по чему-то, чего он никогда не знал и чего не мог коснуться пальцем.

— Зачем ты сюда пришел? — спросил он, понизив голос, чтобы снова не вызвать эха.

— Пока ты спокойно храпел, я проснулся и услышал голоса в коридоре, — сказал Роффери, — Сквозь стекло я увидел двоих людей, проходивших мимо… только они были слишком велики для людей… Это были Гиганты!

— Гиганты? Гигантов уже нет, Роффери!

— Говорю тебе, это были Гиганты! В них было полных семь футов роста. Сквозь стекло я видел их головы, — он замолчал, и в его глазах Комплейн заметил азарт.

— Ты пошел за ними? — спросил он.

— Да. Я шел за ними до этого места.

Услышав это, Комплейн осмотрелся по сторонам.

— А ты не пытаешься меня испугать? — спросил он.

— Я не просил тебя приходить сюда, а кроме того, чего нам бояться Гигантов? Парализатор укладывает человека независимо от его размеров.

— Пожалуй, нам лучше вернуться, Роффери. Нет смысла торчать здесь дольше, кроме того, я должен нести службу.

— Об этом нужно было думать раньше, — сказал Роффери. — Позднее мы приведем сюда Мараппера, чтобы узнать, что он думает о море. Прежде чем уйти отсюда, я хотел бы кое на что посмотреть. На место, где исчезли Гиганты.

Он указал рукой на место возле кабин, где над водой на несколько сантиметров поднимался квадратный бордюр. Над ним горела единственная лампа и, казалось, что Гиганты поместили ее там только для этого.

— За этим бордюром находится люк, — прошептал он. — Гиганты спустились и закрыли его за собой. Идем, подойдем поближе и разглядим повнимательнее.

Проект этот показался Комплейну совершенно

бессмысленным, однако, не желая спорить, он сказал:

— Хорошо, но держись в тени на случай, если кто-нибудь сюда войдет.

— Воды здесь всего по щиколотку, — сказал Роффери. — Надеюсь, ты не боишься промочить ноги?

Он был несколько возбужден, совсем как ребенок, но, несмотря на детское отсутствие чувства опасности, послушал совета Комплейна и держался ближе к стене. Они брели один за другим вдоль берега моря, держа оружие наготове, и вскоре дошли до люка, совершенно сухого под защитой бордюра.

Роффери понимающие подмигнул Комплейну и медленно поднял люк. В отверстии появился мягкий свет, в котором они увидели железную лестницу, ведущую в глубь колодца, полного труб и проводов. Две одетые в рабочие комбинезоны фигуры молча работали на дне шахты, что-то делая возле изолирующей задвижки. После открытия люка до них, должно быть, донесся шум воды, потому что оба Одновременно подняли головы, с удивлением глядя на Комплейна и Роффери. Это несомненно были Гиганты — огромные, крепкие, с темными лицами.

Роффери сразу же потерял голову. Он с грохотом захлопнул люк, повернулся и бросился наутек. Комплейн последовал за ним. Внезапно Роффери скрылся под водой. Комплейн резко остановился. Прямо перед собой, под самой поверхностью моря, он увидел край колодца. Из его глубины, в нескольких шагах от него, выплыл Роффери, крича и махая руками. Перегнувшись, насколько позволял барьер, Комплейн вытянул руку, чтобы ему помочь, однако Роффери не поймал ее и среди пены и пузырей воздуха погрузился снова. Плеск отразился от потолка пещеры оглушенным эхом…

Роффери появился снова. На это раз ему удалось взять себя в руки, и он встал по пояс в воде. Тяжело дыша и ругаясь, он старался продвинуться вперед и ухватиться за руку Комплейна, однако в этот момент открылся люк. Гиганты собирались выйти… Комплейн резко повернулся и увидел, как Роффери хватается за парализатор, которому влага совсем не причинила вреда. Не целясь, он выстрелил в появившуюся из отверстия голову. Промах… Гигант прыгнул к ним, и охваченный паникой Комплейн бросил оружие. Когда он наклонился, чтобы найти его в темной воде, Роффери выстрелил над его головой. Он целился

лучше, чем Комплейн — Гигант покачнулся и свалился в воду с плеском, который многократно повторило эхо. Гораздо позднее Комплейн вспомнил одну весьма существенную деталь — у Гиганта не было оружия.

Другой Гигант был вооружен. Видя, какая судьба постигла его товарища, он присел за бордюром на лестнице и выстрелил дважды. Первый выстрел попал Роффери в лицо — раненый беззвучно погрузился в воду.

Комплейн бросился ничком, поднимая ногами фонтаны брызг, но для опытного стрелка он по-прежнему представлял хорошую цель. Заряд попал ему в висок, и Комплейн безвольно, лицом вниз, упал в воду.

Гигант выбрался из колодца и с угрожающим видом направился к нему.

3

В самом центре механизма, носящего имя человека, таится огромная воля к жизни. Механизм этот настолько чуток и нежен, что какое-нибудь неприятное происшествие в детстве может породить желание совершенно противоположное воле к жизни — стремление к смерти. Обе эти

тенденции спокойно сосуществуют друг подле друга, и человек живет, ничего о них не зная. И только внезапный кризис выявляет их наличие и одновременно фатальную двойственность человеческой природы. И вот человек, прежде чем сразиться с врагами внешними, должен выдержать яростную битву с самим собой.

Так было с Комплейном: после промежутка беспамятства появилось сначала безумное желание снова уйти в него. Но беспамятство отбросило его, и тут же возникло глубокое убеждение, что он должен бежать, чтобы избежать ситуации, в которой оказался. Желание бегства через мгновение исчезло и осталось только желание покориться судьбе и погрузиться в ничто. Жизнь возвращалась к нему с трудом…

Он на мгновение открыл глаза. Он лежал в полумраке на спине, и что-то похожее на серый потолок находилось всего в нескольких дюймах от его головы. Потолок двигался назад или же он сам двигался вперед. Не в состоянии определить, что же на самом деле движется, он закрыл глаза. Все возрастающее чувство неудобства сказало ему, что у него связаны руки и ноги.

У него болела голова, а отвратительный запах заполнял легкие так, что дыхание было сильно

затруднено. Он понял, что Гигант попал в него газовым зарядом мгновенного действия, но, в сущности, видимо, безвредным.

Комплейн снова открыл глаза. Потолок по-прежнему двигался назад, но дрожь, то и дело охватывающая его, доказывала, что он находится на каком-то экипаже, который движется. Внезапно движение прекратилось, и Комплейн увидел поднимающегося над ним Гиганта, вероятно, того самого, что его подстрелил, а потом похитил. Сквозь полусомкнутые веки он смотрел, что из-за тесноты помещения Гигант может находиться в нем только на четвереньках. Гигант поднял руки, нащупал что-то на потолке, повернул какой-то выключатель, и часть потолка поднялась вверх. Сверкнул свет, и донесся звук низких голосов. Позднее Комплейн без труда узнавал этот медленный низкий голос, такой типичный для Гигантов.

Прежде чем он успел что-либо сделать, его подхватили, сняли с экипажа и без малейшего усилия вытащили через образовавшееся в потолке отверстие. Большие руки подняли его и положили под стеной.

— Приходит в себя, — заметил голос со странным акцентом, но Комплейн почти не понял, что

он сказал.

Его обеспокоило это замечание, частично потому, что он, по его мнению, не подал вида, что приходит в себя, а частично потому, что это могло привести к повторному применению Гигантами газа.

Через отверстие втянули еще какое-то тело, а за ним выбрался Гигант. Начался разговор, который вели шепотом, и из того, что подслушал Комплейн, следовало, что второе тело — это убитый Роффери Гигант. Второй Гигант описывал происшествие, и скоро стало ясно, что он говорит еще с двумя, но с места, в котором лежал Комплейн, была видна только стена.

Он снова впал в оцепенение, стараясь очистить легкие от отвратительного смрада. Из боковой комнаты вышел еще один Гигант и сказал что-то привыкшим повелевать голосом. Похититель Комплейна начал рассказывать сначала, но его перебили на полуслове.

— Наводнение остановили? — спросил новоприбывший.

— Да, господин Кюртис. Мы поставили новую изолирующую задвижку на место проржавевшей старой и выключили воду. Затем разблокировали сток и поставили несколько новых кусков труб.

Мы как раз кончали работу, когда появился этот соня. Сейчас бассейн должен быть уже пуст.

— Ну хорошо, Рэндолл, — сказал повелительный голос, — а зачем вы преследовали этих двух коротышек?

На мгновение воцарилась тишина, потом второй голос сказал извиняющимся тоном:

— Мы понятия не имели, сколько их, и боялись, что на нас нападут в контрольном колодце. Нам нужно было выйти и посмотреть, что и как. Знай мы, что их всего двое, мы оставили бы их в покое. Гиганты говорили до того медленно, что, несмотря на странный акцент, Комплейн почти без всякого труда понимал отдельные слова. Однако общего смысла разговора он не улавливал, поэтому уже начинал терять интерес к дискуссии, когда вдруг понял, что речь идет о нем. Интерес немедленно вернулся.

— Полагаю, ты знаешь, что тебя ждут неприятности, Рэндолл, — сказал суровый голос. — Ты знаешь правила, а это пахнет военным судом. Боюсь, тебе будет трудно доказать, что ты действовал защищаясь, особенно, если второй коротышка утонул.

— Он не утонул. Я выловил его из воды и положил на закрытый люк контрольного колодца,

чтобы пришел в себя.

— Ну, а что ты собираешься делать с этим экземпляром?

— Оставь я его там, он бы наверняка утонул.

— Зачем ты его сюда притащил?

— А может, просто дать ему по лбу и тем разрешить проблему, господин Кюртисс? — спросил один из молчавших до сих пор Гигантов.

— Это исключено. Преступное нарушение правил. И потом, ты мог бы хладнокровно убить человека?

— Но ведь это же только коротышка, господин Кюртисс, — защищался спрошенный.

— А может, передать его на восстановление? — предложил Рэндолл.

— Он уже слишком стар. Они принимают только детей. Что за идиотская мысль — привезти его сюда!

— Ну… я же говорю, что не мог его так оставить, а когда я выловил его приятеля… мне показалось, что я что-то слышу… Тогда… тогда я схватил его и быстро убежал в безопасное место.

— Ты явно впал в панику, Рэндолл, — сказал Кюртисс. — Во всяком случае, здесь нам коротышки не нужны. Ты должен доставить его обратно. Это все.

Он говорил коротко и решительно, и настроение Комплейна заметно поправлялось, ибо ничто не устраивало его больше, чем возвращение туда, откуда его забрали. Он не боялся Гигантов, так как уже успел заметить, что они медлительны и мягки. Позиции Кюртисса он совершенно не понимал, хотя она и была для него выгодна. Разгорелся спор относительно способа возвращения Комплейна. Друзья Рэндолла вступились за него, и наконец Кюртисс потерял терпение.

— Ну, хорошо, — рявкнул он, — идем в контору и позвоним Малому Псу. Так мы получим авторитетное решение.

— Ломаешься, Кюртисс, а? — спросил один из Гигантов, когда все они очень медленным, характерным для Гигантов шагом, вышли за Кюртиссом в другую комнату и захлопнули за собой дверь.

Первой мыслью Комплейна было, что Гиганты невероятные глупцы, раз оставляют его без охраны: ведь он мог бежать через ту самую дыру в полу, через которую прибыл. Однако надежда тут же исчезла, когда он попытался перевернуться на бок. При первом же движении он почувствовал острую боль в мускулах, смрад в легких, усилился. Он застонал и снова опустился на пол.

После ухода Гигантов одиночество Комплейна длилось не более секунды. Где-то у его колен раздалось что-то вроде скрипа. Повернув голову, он увидел, что небольшой фрагмент стены был убран в сторону, а в отверстии появились фигуры, как будто вышедшие из кошмарного сна. Они выскочили наружу, обежали Комплейна, вскочили на него и снова исчезли в отверстии. Видимо, это было что-то вроде разведки, ибо сразу же после этого показались другие фигуры, по движениям которых было ясно, что они не последние. Это были крысы…

Пятеро разведчиков, маленьких и тощих, носили на шеях колючие ошейники. Один из них был лишен глаза, в пустой глазнице, согласно движению второго, здорового, глаза, подрагивал хрящ. Из трех крыс, появившихся после них, одна была черная, как ночь, и производила впечатление вожака. Она стояла выпрямившись, шевеля маленькими розовыми лапками. Она не носила ошейника, зато верхняя часть ее туловища была покрыта различными предметами (там были перстень, пуговицы, наперсток и гвозди), создававшими что-то вроде кольчуги. У пояса висел какой-то предмет, похожий на небольшой меч. Крыса гневно запищала, и тотчас пятеро

разведчиков вновь обежали Комплейна, вскакивая ему на ноги, карабкаясь ему на голову, проскальзывая за блузу и скаля зубы в нескольких миллиметрах от его глаз. Личная охрана вожака, состоявшая из двух крыс, нервно топталась на месте, оглядываясь по сторонам. Их усы беспокойно шевелились.

Охрана стояла на четырех лапах, и одеждой им служило что-то вроде небольших и довольно убогих пелерин, наброшенных на спину.

Комплейн содрогнулся — он привык к виду крыс, но их организованные и целенаправленные действия пробудили в нем тревогу. Кроме того, он отлично понимал, что если крысы решат выесть ему глаза, шансов спастись у него нет никаких.

Однако, у крыс явно была более важная цель, чем поиски деликатесов. Из отверстия в стене показались четыре мощных самца. Они тащили за собой небольшую клетку, которую, согласно с пискливым приказом вожака, установили напротив лица Комплейна, давая ему попутно возможность разглядеть ее содержимое.

Зверь, находившийся в клетке, был больше крысы. Из шерсти на вершине яйцеобразной головы росли длинные уши, а хвост был маленьким кустиком белой шерсти. Комплейн никогда в жизни не видел подобное создание, но узнал его по рассказам, слышанным от старых охотников из Кабин. Это был кролик, зверь чрезвычайно редкий, ибо он был любимой пищей крыс. Комплейн с интересом посмотрел на кролика, который нервно разглядывал его. Когда клетка была уже

установлена, передовая охрана, состоящая из пяти крыс, заняла места вдоль внутренних дверей, чтобы предупредить о возвращении Гигантов, а вожак прыгнул в сторону кролика. Зверек резко отпрянул, что ни к чему не привело, потому что он был привязан к решетке своей тюрьмы за все четыре лапы. Вожак наклонил голову, передними зубами вытащил острый меч, похожий на маленький серп и начал размахивать над головой кролика. После этой грозной демонстрации он спрятал меч, и, жестикулируя лапами, принялся бегать между клеткой и лицом Комплейна.

Кролик явно понял, что его ждет. Комплейн с удивлением заметил, что глаза у него полезли из србит, и вдруг вздрогнул, почувствовав, что кто-то старается коснуться его мозга, ворваться в него, заполнить его. Это было невыразимо мерзкое чувство, от которого он, несмотря на все усилия, не мог избавиться. Что-то окружало его мозг, медленно, но неуклонно. Он пробовал потрясти головой, но ощущение не исчезало, а даже усиливалось, напоминая поиски чего-то на ощупь. Как будто умирающий человек в отчаянии блуждал по темным комнатам в поисках выключателя. Лоб Комплейна покрылся потом, скрипя зубами он старался прервать этот отвратительный кон-

такт, и вдруг мозг его взорвался вопросами:

ПОЧЕМУ…

КТО…

ЧТО…

КАК МОЖНО…

ТЫ МОЖЕШЬ…

ТЫ ХОЧЕШЬ…

Комплейн закричал.

Чудовищное бормотание немедленно прекратилось, бессмысленные вопросы смолкли. Разведчики покинули посты и вместе с носильщиками схватили кролика и вновь затолкнули клетку в отверстие в стене. Вождь со стражей помчался за ними. Сразу после этого подвижный фрагмент стены закрылся — и вовремя, потому что в комнату вошел привлеченный криком Гигант. Он повернул Комплейна на бок. Тот смотрел на него, безуспешно пытаясь что-нибудь сказать.

Успокоившийся Гигант вернулся в соседнюю комнату, на этот раз оставив двери приоткрытыми.

— У коротышки болит голова, — заявил он. Теперь Комплейн слышал их голоса. Ему казалось, что говорят с какой-то машиной, но он был слишком поглощен своим приключением с крысами, чтобы обращать внимание на что-либо другое.

Какое-то время в его черепе был безумец! Наука предупреждала, что мозг — это место нечистое. Святая троица — Фрейд, Юнг[3] и Бассит — проникла сквозь заслоны сна, находя за ними не нечто, как думали когда-то, а подземные гроты и лабиринт, полные призраков, обжигающих, как концентрированная кислота. Человек увидел себя обнаженным — как существо, полное комплексов и страхов. Основной целью Науки было извлечение как можно большей части нездоровых испарений на дневной свет, но, может быть, Наука никогда не забиралась достаточно глубоко?

В науке всегда использовались выражения “сознание” и “подсознание”, но только в аллегорическом смысле. А может, существует настоящее подсознание, способное захватить разум людей? Добралась ли троица до всех извилистых коридоров? Может, именно Подсознание было этим кричащим в нем безумцем?

И вдруг он нашел ответ. Он был очень прост, хотя и невероятен: между его разумом и разумом кролика был установлен контакт. Вспоминая странные вопросы, Комплейн понял теперь, что

---

[3] notes: 3

Зигмунд Фрейд (1856–1939) — основатель психоанализа, его ученик Карл Густав Юнг (1875–1961) — также выдающийся психоаналитик.

они шли от зверя, а не от какого-то чудовищного существа, проникшего в его голову. Объяснение это успокоило его — кроликов ведь можно убить.

Согласно мифологии Кабин, Комплейн игнорировал все сомнения и перестал о них думать.

Он лежал спокойно, отдыхая и стараясь одновременно очистить легкие от оставшегося в них смрада. Вскоре вернулись Гиганты. Похититель Комплейна — Рэндолл — молча поднял его и открыл люк. Вероятно, дискуссия окончилась в пользу Кюртисса.

Вместе со своим грузом Рэндолл проскользнул в низкий туннель, положил Комплейна в повозку и сел за его головой. Он тихо сказал что-то стоявшим над ним товарищам, запустил двигатель, и серый потолок снова поплыл над их головами. Время от времени на его гладкой поверхности скрещивались какие-то трубы, кабели и провода.

Наконец, они остановились. Гигант поковырялся в потолке, что-то нажал, и над ними появилось квадратное отверстие. Он вытащил Комплейна, пронес несколько ярдов и, положил на пол.

Комплейн снова был в Бездорожьях — запах не вызывал у охотника никаких сомнений. Гигант молча постоял над ним, потом исчез.

Полумрак сна-яви охватил Комплейна, словно материнские объятия. Он снова оказался дома, среди опасностей, которые были ему хорошо знакомы. Он уснул.

Легионы крыс бегали по нему, придавливая его к полу, появился кролик и забрался внутрь его головы, хозяйничая в лабиринтах мозга…

Комплейн со стоном проснулся, пораженный чудовищностью своего сна. Вокруг по-прежнему было темно. Легкие были совершенно чисты, руки и ноги не болели. Он осторожно встал.

Закрывая фонарь, чтобы он давал как можно меньше света, Комплейн подошел к двери и выглянул в коридор. Повсюду перед ним расстилалась глубокая пропасть. Он осторожно выскользнул и справа нащупал в темноте ряд дверей. Светя фонарем, он увидел, что стоит на влажных Плитах. Теперь он знал, где находится. Это подтверждала и звенящая пустота в ушах. Гигант принес его туда, где находилось то, что Роффери назвал морем. Зная уже, где находится, Комплейн осторожно зажег свет. Море исчезло. Он подошел к краю колодца, в который упал Роффери, но он был пуст и почти сух. Роффери не было и следа. Стены колодца блестели, увешанные кровавыми гирляндами ржавчины. В теплом

воздухе дно колодца быстро просыхало.

Комплейн повернулся и вышел из зала, следя, чтобы снова не вызвать эхо. Он направился к лагерю. Влажная почва прогибалась под его ногами. Он осторожно обошел остатки глонов предыдущего сезона и добрался до дверей лагеря.

Он громко засвистел, гадая, кто сейчас стоит в карауле: Мараппер? Вантадж? Фермур? Он думал о них почти с любовью и повторял в душе старую поговорку Кабин: “Лучше дьявол известный, чем неизвестный”. Сигнал его остался без ответа. Комплейн вошел в комнату, но она была пуста. Все ушли, и он остался один в Бездорожьях…

Комплейн потерял голову. Он испытал уже слишком много: Гиганты, крысы, кролики — это он еще мог вынести, но не страшное одиночество Бездорожий. Он Метался по комнате, пиная потрескавшийся пол и ругаясь, потом выбежал в коридор и, воя, начал продираться сквозь заросли.

Чье-то тело обрушилось на него сзади, и Комплейн рухнул наземь, отчаянно сопротивляясь. Чья-то рука энергично закрыла ему рот.

— Перестань орать, идиот! — рявкнул ему в ухо чей-то голос.

Он перестал вырываться — в слабом свете,

падающем на него, он увидел склоняющиеся над ним три фигуры.

— Я… я думал, что потерял вас, — сказал он и вдруг заплакал. Плечи его дрожали, а по щекам текли слезы.

Мараппер закатил ему звонкую пощечину.

4

Путешествие продолжалось. Они яростно корчевали глоны и брели вперед, осторожно преодолевая темные участки, где не горел свет и не было глонов. Они пересекали полностью разоренные районы, где двери были повыломаны, а в коридорах лежали груды разбитых предметов. Все живые существа, которых они встречали, были боязливы и по возможности избегали встреч. Впрочем, их и было-то немного — какой-то дикий козел-отшельник и жалостные группки полулюдей, которые, едва Вантадж хлопнул в ладони, в страхе убежали. Таковы были Бездорожья, и в их пустоте чувствовались столетия молчания. Совершенно забытые Кабины остались где-то далеко за ними; они забыли даже о своей туманной цели, ибо действительность, постоянно подвергая испытаниям их выносливость, требовала

полной концентрации их внимания.

Обнаружение дополнительных соединений между палубами, даже с помощью плана Мараппера, не всегда давалось легко. Колодцы лифтов часто были заблокированы, а уровни кончались тупиками. Однако они непрерывно шли вперед, миновали палубы пятидесятые, потом сороковые и, наконец, на восьмую явь после выхода из Кабин, достигли Палубы 29.

К этому времени Комплейн начал верить в теорию корабля. Смена его убеждений произошла незаметно, однако была основательна, и важную роль в этом сыграли разумные крысы. Когда Комплейн рассказывал товарищам о похищении его Гигантами, он обошел стороной инцидент с крысами. Инстинктивно он чувствовал, что элемент фантастики ослабит впечатление и вызовет недоверие как у Мараппера, так и у Вантаджа. И все же мысленно он то и дело обращался к этим пугающим созданиям. При этом он заметил огромное сходство между крысами и людьми, выражающееся в их плохом отношении к другим существам, в данном случае кролику. Крысы выжили там, где это было возможно, совершенно не задумываясь над своим окружением. До сих пор и с людьми было точно так же.

Мараппер внимательно выслушал рассказ о Гигантах, однако комментировать его не стал.

— Они знают, где находится капитан? — спросил он. Его интересовали главным образом подробности, касающиеся разговоров Гигантов, и он повторял имена “Кюртисс” и “Рэндолл” так, словно произносил проклятия.

— Кто был тот Малый Пес, к которому они отправились для разговора? — спросил он.

— Я думаю, что это было какое-то имя, а не настоящий малый пес.

— Имя чего?

— Не знаю. Я же говорил тебе, что был почти без сознания.

Чем больше он об этом думал, тем менее ясным становилось для него содержание подслушанной беседы. Даже тогда, когда он все это переживал, оно настолько выходило за рамки его опыта, что он не сумел ничего понять.

— Ты думаешь, что это было имя какого-то Гиганта или название предмета? — настаивал священник, дергая его за ухо, как будто желая таким образом вытрясти из него все факты.

— Не знаю, Мараппер, не помню. Мне кажется, они собирались разговаривать с каким-то “малым псом”.

По требованию Мараппера вся четверка осмотрела зал с надписью “Плавательный бассейн”, в котором до этого было море. Ныне оно совершенно высохло; не появился нигде и Роффери, что было довольно странно, если вспомнить замечания Гиганта, что оценщик, так же как и Комплейн, быстро придет в себя. Они кричали и искали его везде, но напрасно.

— Его усы украшают сейчас койку какого-нибудь мутанта, — сказал Вантадж. — Идем дальше.

Люка, который вел в помещение Гигантов, тоже найти не удалось. Стальная плита, закрывающая вход в контрольный колодец, в котором Комплейн и Роффери впервые увидели Гигантов, была закрыта наглухо и выглядела так, как будто никто и никогда ее не открывал. Священник скептически посмотрел на Комплейна, и на этом следствие кончилось. Следуя совету Вантаджа, они двинулись дальше.

Весь этот инцидент подорвал репутацию Комплейна, и Вантадж, воспользовавшись случаем, стал отныне бесспорным заместителем вождя. Он шел сразу за Мараппером, а Комплейн и Фермур следовали за ним.

Если за время продолжительной тишины, в

которой они шли бесконечными коридорами, Комплейн превратился в более мыслящего, чем прежде человека, то изменился и священник. Исчезла его болтливость, ибо в значительной степени ослабли жизненные силы, бывшие ее источником. Он осознал наконец размеры цели, которую поставил перед собой, а необходимость выжить заставила его полностью сконцентрировать волю.

— Очень давно здесь происходило что-то плохое, — сказал он во время одного привала. Опершись на стену, он разглядывал лежащий перед ними центральный уровень Палубы 29. Остальные тоже остановились. Заросли тянулись перед ними всего на несколько ярдов, а потом начиналась темнота, в которой ничто не могло расти.

Священник по-прежнему стоял, опершись о стену и теребя себя двумя пальцами за нос.

— Пожалуй, мы уже недалеко от Носовиков, — сказал он. — Боюсь, что фонари могут нас выдать.

— Если хочешь, можешь идти в темноте, — ответил Вантадж. Он двинулся вперед, за ним Фермур. Комплейн молча прошел мимо Мараппера и последовал за ними. Бормоча что-то себе

под нос, священник оторвался от стены. Никто не принимал оскорблений с большим достоинством, чем он.

Перед входом в темноту Вантадж зажег фонарь и осветил лежащее перед ним пространство. Там творились странные вещи. Комплейн, лучший наблюдатель среди четверых, первым заметил неестественный вид глонов. Как обычно, они плохо росли вблизи темного района, но на этот раз стебли были какие-то особенно хрупкие, как будто не в состоянии держать собственную тяжесть. И кроме того, они дальше, чем обычно, удалялись от источников света.

Внезапно пол ушел у Комплейна из-под ног.

Идущий перед ним Вантадж спотыкался безо всяких причин, а Фермур двигался каким-то странным, прыгающим шагом. Комплейн чувствовал себя совершенно беспомощным. Весь сложный механизм тела отказался повиноваться: это было так, будто он шел по воде и в то же время испытывал непонятное чувство легкости. В голове у него шумело, в ушах пульсировала кровь. До него донесся приглушенный крик Мараппера, затем священник налетел на него сзади. В следующую секунду Комплейн полетел мимо правого плеча Фермура и, согнувшись пополам,

ударился бедром о стену. Пол медленно приближался ему навстречу, поэтому он вытянул обе руки и приземлился на живот. Когда он ошеломленно взглянул в окружающую его темноту, то увидел Вантаджа, который по-прежнему сжимал фонарь, падая на пол.

Комплейн взглянул в другую сторону и увидел Мараппера, который, как большой гиппопотам, вытаращив глаза и беззвучно шевеля губами, карабкался по стене. Фермур схватил священника за плечо, ловко повернул и толкнул обратно, на безопасное место. Потом, несмотря на свою тяжесть, ловко нырнул за Вантаджем, ругательства которого доносились откуда-то с пола. Сползая по стене, Фермур схватил его, оттолкнул вытянутой ногой и попал на прежнее место. Там он с трудом поставил Вантаджа, который шатался, как пьяный.

Возбужденный этим зрелищем, Комплейн сразу понял, что здесь возникли идеальные условия для путешествия. Что бы ни случилось в коридоре (а он полагал, что каким-то образом изменился воздух), они могли двигаться вперед прыжками. Он встал, крепче сжал фонарь и прыгнул.

Его удивленный крик отразился от стен громким эхом. Только вытянутые руки спасли его

от удара головой, но жест этот заставил его так резко перевернуться, что в конце концов он приземлился впереди шагов на десять. Его товарищи остались далеко позади, слабо освещенные на фоне зеленой чащи. Внезапно Комплейн вспомнил хаотичные воспоминания Озберта Бергаса. Что он там говорил?.. Что-то, принятое тогда Комплейном за бред… “Место, в котором руки превращаются в ноги, и ты летаешь по воздуху, как насекомое”. Так, значит, старый проводник добирался сюда! Комплейн с удивлением подумал о милях гниющих туннелей, отделяющих их от Кабин.

Он слишком резко встал, и его снова закружило. Внезапно его начало рвать. Рвота разбрызгивалась вокруг него маленькими каплями, которые медленно опускались вниз, пока он неловко возвращался к своим товарищам.

— Корабль сошел с ума! — говорил в это время Мараппер.

— Почему твоя карта этого не показывает? — гневно спросил Вантадж. — Я никогда ей не верил.

— Невесомость, несомненно, наступила после изготовления карты. Поработай своими тупыми мозгами, если они вообще у тебя есть, — рявкнул

Фермур. Этот несвойственный его натуре взрыв можно было объяснить только беспокойством, сквозившим в следующих словах:

— Думаю, мы наделали достаточно шума, чтобы навести на свой след всех Носовиков. Лучше поскорее уходить обратно.

— Обратно! — воскликнул Комплейн. — Но мы не можем возвращаться. Дорога на следующую палубу где-то перед нами. Мы должны войти в одну из этих выломанных дверей и идти дальше через комнаты, держа направление параллельное коридору.

— А как, черт побери, это сделать? — спросил Вантадж. — Чем ты будешь дырявить стены?

— Мы можем попробовать и надеяться, что там есть какие-нибудь внутренние двери, — сказал Комплейн. — Боб Фермур прав, оставаться здесь было бы безумием. Идемте.

— Ну хорошо, но… — начал Мараппер.

— Ох, иди ты… — гневно сказал Комплейн. Он открыл ближайшую дверь и вошел внутрь. Фермур шел за ним. Мараппер и Вантадж переглянулись и тоже вошли.

Им повезло, они случайно попали в большую комнату. Здесь был свет и буйно росли глоны. Комплейн яростно рубил их, все время держась

как можно ближе к стене, прилегающей к коридору. По мере продвижения вперед, их снова охватила невесомость, но на этот раз эффект ее был менее силен, а кроме того, глоны облегчили сохранение равновесия.

Через некоторое время они дошли до щели в стене, и Вантадж выглянул через нее в коридор. Где-то вдали погас огонек.

— Кто-то идет за нами, — сказал он. Они беспокойно переглянулись и двинулись дальше.

Металлический буфет, на котором обильно разрослись глоны, преградил им путь, и, чтобы обойти его, они направились в глубь комнаты. Во времена Гигантов она играла роль столовой, и длинные столы, окруженные стульями из стальных трубок, занимали всю ее длину и ширину. Ныне, с той медленной, но упрямой силой, так характерной для растений, глоны оплели мебель, создавая непреодолимую стену, высотой до пояса. Чем дальше они продвигались, тем хуже были условия пути, и наконец стало ясно, что вернуться к стене не удастся.

Как в кошмарном сне они прорубали себе проходы среди огромных столов, ослепляемые комарами, которые, как туман, поднимались с листьев и садились на их лица. Заросли были

теперь более плотными, целые охапки глонов рухнули под собственной тяжестью и образовали гниющие скользкие холмы, на вершинах которых росли другие растения. Появилась липкая голубая головня, из-за которой вскоре невозможно стало пользоваться ножами. Залитый потом Комплейн, тяжело дыша, посмотрел на Вантаджа, работавшего рядом с ним. Его здоровая половина лица так опухла, что не было видно глаз. Он тихонько бормотал что-то,*а заметив взгляд Комплейна, начал монотонно ругаться.

Комплейн молчал. Его здорово донимала жара.

Теперь он продирался сквозь поднимающуюся перед ними стену гниющих растений; продолжалось это долго, но все же они добрались до конца комнаты. Но до какого конца? Они потеряли ориентацию и совершенно не знали, куда идут. Мараппер тяжело сел среди семян глонов и оперся спиной о гладкую стену.

— С меня достаточно, — прошептал он.

— Все равно мы не можем идти дальше, — резко сказал Комплейн.

— Не забывай, Рой, что это была не моя мысль.

Комплейн глубоко вздохнул. Воздух был спертым, кроме того, ему казалось, что его легкие забиты комарами.

— Нам остается только идти вдоль стены до тех пор, пока не наткнемся на двери. Около стены идти будет гораздо легче, — сказал он, но вопреки своим словам уселся рядом со священником.

Вдруг Вантадж начал чихать, каждый раз сгибаясь пополам. Искалеченная половина его лица стала такой же опухшей, как и здоровая; сейчас деформация была почти не заметна. На седьмом чихе погас свет.

Комплейн молниеносно вскочил на ноги и направил свет фонаря на Вантаджа.

— Кончай чихать! — крикнул он. — Нам нужно сидеть тихо.

— Погаси фонарь! — прошипел Фермур.

Они стояли молча, чувствуя, что сердца бьются у них в горле.

— Это могла быть случайность, — неуверенно сказал Мараппер. — Я помню, что когда-то свет тоже гас разом.

— Это Носовики, — прошептал Комплейн. — Они идут за нами.

— Нам осталось только, двигаясь вдоль стены, добраться до дверей, — сказал Фермур, почти дословно повторяя слова Комплейна.

— Они сразу же услышат нас. Лучше всего не двигаться. Держите парализаторы наготове, они,

вероятно, хотят застать нас врасплох.

Они стояли не двигаясь, обливаясь потом. Вокруг была горячая и душная ночь.

— Прочти Литанию, священник, — начал дрожащим голосом просить Вантадж.

— Ради бога, не сейчас, — простонал Фермур.

— Литанию, прочти Литанию, — повторил Вантадж.

Они услышали, как священник опустился на колени. Вантадж сделал то же самое.

— На колени, сукины дети! — рявкнул он.

Мараппер монотонно начал с Символа Веры. С чувством бессилия Комплейн подумал: мы оказались в безвыходном положении и конец близок, а он молится. Не знаю, почему когда-то я считал его человеком действия. Он погладил парализатор, прислушиваясь, и без большой охоты последовал примеру товарищей.

Голоса их то усиливались, то стихали, но под конец молитвы все почувствовали себя лучше.

— И выпуская наружу наши нездоровые инстинкты, мы можем освободиться от внутренних конфликтов, — пел священник.

— И жить в психосоматической чистоте, — подхватили они.

— И чтобы эта ненатуральная жизнь могла

закончиться Путешествием.

— И психическое здоровье расцветало.

— И корабль счастливо достиг порта, — закончил Мараппер.

Возбужденный собственными словами, священник в полной темноте подполз к каждому из них и, желая им пространства, пожал руки. Комплейн резко оттолкнул его.

— Избавь нас от этого зрелища, пока наше положение не изменится, — сказал он. — Мы должны выбираться отсюда. Если мы будем идти тихо, то сможем услышать любого, кто к нам приблизится.

— Ничего не выйдет, Рой, — сказал Мараппер, — мы застряли здесь крепко, а кроме того, я уже устал.

— Ты забыл о власти, которую хотел получить.

— Останемся здесь, — умолял священник, — глоны слишком густые.

— Что скажешь, Фермур? — спросил Комплейн.

— Послушайте!

Они прислушались. Глоны скрипели, увядая без света и готовясь к смерти. Комары зудели около ушей. Воздух, вибрирующий этим звуком, все меньше годился для дыхания: стена гниющих

растений почти полностью отрезала кислород, выделяемый здоровыми. Внезапно Вантадж впал в бешенство. Он неожиданно набросился на Фермура, повалив его на землю. Катаясь по грязи, они отчаянно боролись. Комплейн молча наклонился над ними и нащупал мускулистое тело Вантаджа, лежавшего на Фермуре.

Он схватил его за плечи и оторвал от Фермура. Вантадж ударил вслепую, промахнулся и схватился за парализатор. Ему удалось вынуть оружие, но Комплейн схватил его за руку, заставив отступить и одновременно нанеся удар в челюсть. Однако в темноте он промахнулся, и удар попал в грудь. Вантадж зарычал и, резко взмахнув руками, вырвался, но Комплейн схватил его снова. На этот раз удар был точен. Ноги у Вантаджа подкосились, и он тяжело упал в глоны.

— Спасибо, — сказал Фермур. Больше он ничего не мог выговорить. Они прислушались, но слышен был только скрип глонов — звук, который сопровождал их всю жизнь.

Комплейн вытянул руку и коснулся Фермура, дрожавшего как в лихорадке.

— Тебе нужно было использовать парализатор, — ответил Фермур, — а теперь я потерял это проклятое оружие где-то в грязи.

Он склонился, ища парализатор. Священник тоже нагнулся и зажег фонарь. Комплейн немедленно выбил его, однако священник уже нашел Вантаджа и опустился перед ним на колени.

— Я видел многих, которых это постигло, — прошептал он, — но граница между нормальным состоянием и безумием была у бедного Вантаджа неуловима. Это случай, который мы, священники, называем гиперклаустрофобией. Это было причиной многих смертей в племени Грин, хотя и не столь внезапных. Большинство больных просто гаснет, как лампа.

— Нам не нужна история болезни, Мараппер, — сказал Фермур. — Скажи лучше, что нам делать.

— Лучше всего оставить его и уходить, — предложил Комплейн.

— Вы что, не видите, как интересует меня этот случай? — с укором сказал духовник. — Я знал Вантаджа, когда он был еще маленьким мальчиком, а теперь я должен смотреть, как он умирает здесь, в комнате. Когда Вантадж появился на свет, его мать жила в зарослях Бездорожья, изгнанная из собственного племени. Она дважды нарушала верность, и один из ее мужчин ушел вместе с ней, чтобы охотиться для нее. Это была плохая женщина. Мужчина погиб во время охоты, а она,

не в силах жить в одиночестве среди глонов, нашла убежище у нас, в Кабинах. Вантадж тогда был еще сосунком, маленьким созданием с большим уродством. Его мать, как это часто бывает с незамужними женщинами, стала наложницей одного из стражников и погибла во время какой-то драки, прежде чем ее сын достиг зрелости.

— Кого, по-твоему, должен успокоить твой рассказ? — спросил Фермур.

— В страхе нет пространства; наша жизнь нам только одолжена, — сказал Мараппер. — Посмотрите на судьбу нашего бедного общества. Как это обычно бывает, конец жизни связан с ее началом. Колесо совершает полный оборот, а потом ломается…

Будучи ребенком, он не знал ничего, кроме страданий. Другие дети издевались над ним, отчасти из-за матери, которая была плохой женщиной, отчасти из-за его лица. С тех пор для Вантаджа оба эти несчастья слились воедино. Поэтому он постоянно ходил под стеной, скрывая изуродованную половину, поэтому убивал в себе любое воспоминание, касающееся матери. Но когда он оказался в чаще, воспоминания детства вернулись. В нем ожил весь стыд, источником которого была мать, и его охватил детский страх

перед завтрашним днем и темнотой.

— Ну а теперь, когда этот урок психоанализа счастливо закончился, — мрачно сказал Комплейн, — может, ты вспомнишь, что Вантадж еще не умер. Он все еще жив и представляет для нас серьезную опасность.

— Я как раз собираюсь его прикончить, — сказал Мараппер. — Зажги на минуту фонарь, только осторожно.

Комплейн наклонился и почувствовал, как кровь приливает ему к голове. Его охватило желание сделать то же, что и Вантадж — отбросить всякие сдерживающие тормоза, которые накладывает рассудок, и с криком броситься в чащу. Только позднее он задумался: почему в этот критический момент он был так послушен священнику, ведь не подлежало сомнению, что в неожиданном возвращении к своей профессии Мараппер нашел выход для своего страха. Своеобразная эксгумация детства Вантаджа была закамуфлированной попыткой к собственному спасению.

— Кажется, я сейчас снова начну чихать, — сказал вдруг Вантадж совершенно нормальным голосом.

В тонком, как карандаш, луче света от фонаря

Комплейна они едва узнали его лицо. Обычно худое и бледное, оно было сейчас опухшим и залитым кровью. Оно было бы похоже на маску вампира, если бы в глазах был холод смерти вместо огня. Когда на него упал луч света, Вантадж прыгнул…

Комплейн, застигнутый врасплох, упал, но Вантадж только оттолкнул его с дороги и, размахивая руками, бросился в чащу.

Фонарь Мараппера вспыхнул и осветил спину удаляющегося Вантаджа.

— Погаси свет, болван! — крикнул Фермер.

— Я достану его из парализатора! — ответил Мараппер.

Однако, не достал… Вантадж едва зашел в чащу, как вдруг остановился, повернулся, и Комплейн отчетливо услышал, как он издал странный свистящий звук. На секунду воцарилась тишина, потом Вантадж снова издал тот же странный звук и закачался, вновь оказавшись в свете фонаря Мараппера. Споткнувшись, он упал и попытался подползти к ним на четвереньках.

За несколько шагов до Мараппера он упал. С минуту тело его сотрясали судороги, потом он замер. Мертвые глаза с удивлением смотрели на торчащую в солнечном сплетении стрелу…

Они все еще стояли, бессмысленно глядя на тело, когда из темноты вынырнули вооруженные стражники Носовиков и окружили их плотным кольцом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НОС
1

Нос представлял собой район, подобного которому Комплейн никогда прежде не видел. Величие Кормовой Лестницы, уютная теснота Кабин, зловещая дикость Бездорожий, даже страшное море, где он попал в руки Гигантов — ничто не могло сравниться с Носом. Правда, руки у Комплейна, так же, как и у его спутников, были связаны сзади, но его внимательные глаза увидели все.

Основная черта, отличающая Нос от многочисленных селений, затерянных среди гниющего континента Бездорожий, быстро стала очевидной. Насколько племя Грин и ему подобные медленно, но непрерывно перемещались, настолько Нос имел характер решительно оседлый и постоянные неизменные границы. Комплейн никогда не имел ясной концепции Носа, тем

страшнее была картина, которую рисовало его воображение сейчас. Он заметил, что Нос превышает размерами обычное селение и представляет собой практически целый самостоятельный район. Даже граничные барьеры весьма отличались от примитивных конструкций, устанавливаемых в Кабинах. Патруль, который их захватил, продравшись сквозь глоны, добрался сначала до тяжелой завесы, увешанной колокольчиками, которые звенели, когда завесу раздвигали. За ней находился коридор, грязный и ободранный, но без глонов, заставленный партами и нарами. Далее стояли и стражники, вооруженные луками и стрелами. Последовал обмен криками и восклицаниями, после которого патруль, состоявший из четырех мужчин и двух женщин, пропустили через эту последнюю преграду. За ней находилась вторая завеса, на этот раз из тонкой сетки, предохраняющая от проклятия Бездорожий — комаров. Дальше располагался собственно Нос.

Больше всего удивило Комплейна полное отсутствие глонов. В Кабинах их вырубали или вытаптывали, но без большого энтузиазма, ибо было известно, что очищенное пространство скоро снова зарастет. Часто при вырубке оставляли корни, густо покрывающие палубу. Впрочем, вез-

де чувствовалось присутствие глонов, начиная от воздуха, насыщенного кисло-сладким запахом сока, и кончая высохшими стеблями и семенами в хитиновых оболочках.

На Носу глоны убирали так основательно, как будто их здесь никогда и не было. Ликвидировали также все, что служило им пищей. Был соскоблен даже выеденный корнями на твердой палубе узор. Лампы давали резкий свет, не затемняемый клубками спутанных листьев. Все и везде выглядело странно: твердо, голо и, прежде всего, геометрично.

Всех троих втолкнули в маленькую камеру, развязали им руки, забрали все вещи и захлопнули дверь.

— О, Сознание! — простонал Мараппер. — Что это за условия, в которых должен находиться бедный, невинный священник? О, Фрейд, сделай так, чтобы души сгнили у этих поганых слизывателей сока!

— Все же они позволили тебе помолиться над Вантаджем, — сказал Фермур, стараясь убрать с волос грязь.

Они удивленно посмотрели на него.

— А ты ждал чего-то другого? — спросил Мараппер. — Ведь, эти наглецы все-таки люди. Но

это вовсе не значит, что перед следующей явью они не намотают себе на шею ожерелье из наших внутренностей.

— Если бы они оставили нам парализаторы, — мечтал Комплейн.

Однако у них отобрали не только парализаторы, но и все, что у них было. Комплейн бессильно кружился по комнате. Как большинство комнат в Кабинах, она не имела отличительных черт. У дверей в стену были вмонтированы два циферблата, у другой стены стояла койка; решетка в потолке пропускала небольшую струю воздуха. Ничего, что можно было бы использовать как оружие. Не оставалось ничего другого, как только ждать появления стражников. Какое-то время тишину нарушало только бурчание в животе у Мараппера, потом все начали вертеться.

Мараппер старался отскоблить пятна грязи с плаща. Занимался он этим без особой охоты, и когда открылась дверь, и на пороге появились двое мужчин, он подошел к ним, протиснувшись мимо Фермура.

— Пространства для вашего я, — сказал он. — Немедленно отведите меня к вашему лейтенанту. Мне очень важно увидеться с ним как можно быстрее. Я не из тех, кого можно заставлять долго

ждать.

— Вы все пойдете с нами, — коротко сказал один из мужчин. — Такой у нас приказ.

Мараппер сразу же подчинился, однако не прервал потока негодующих протестов даже тогда, когда их вытолкнули в коридор. Когда их вели в глубь Носа, они проходили мимо заинтересованных их видом прохожих. Комплейн заметил, что люди смотрят на них с гневом, а какая-то женщина средних лет крикнула: “Паршивые собаки, вы убили моего Франка, теперь вас самих убьют!”

Присутствие опасности обострило все чувства Комплейна, и он внимательно смотрел по сторонам. Так же, как и в Бездорожьях, то, что Мараппер называл Главным Коридором, было заблокировано на уровне каждой палубы. Поэтому дорога была извилиста и шла через коридоры и межпалубные переходы. Чем дальше они продвигались, тем сильнее трасса походила на спираль, которую описывает пуля в канале ствола.

Так они миновали две палубы. С удивлением Комплейн заметил надпись “Палуба 22”, помещенную на межпалубных дверях. Это каким-то образом было связано с огромным числом палуб, которые они миновали, и указывало на то, что если по другую сторону Носа не начинаются сно-

ва Бездорожья, то он занимает двадцать четыре палубы.

Поверить в это было трудно. Комплейну пришлось вспомнить, что раньше он не верил многому из того, что теперь доказано. Но что в таком случае находилось за Палубой 1? Он мог представить себе только какие-то суперглоны, растущие в том, что его мать Мира назвала огромным простором темноты, где горят странные огни. Даже теория корабля, провозглашенная священником и подтвержденная доказательствами, не могла стереть из его памяти образа, к которому он привык с детства. Он сравнивал две эти теории даже с некоторым удовольствием. Никогда прежде он не чувствовал ничего, кроме раздражения, когда ему приходилось обдумывать что-либо, что нельзя было проверить. Он очень быстро избавлялся от старых стереотипов, которые ограничивали мышление в племени Грин.

Внутренний монолог Комплейна был прерван стражниками, втолкнувшими его вместе с Фермуром и Мараппером в большое помещение. В комнате находились еще два стражника.

Комната эта отличалась от других виденных Комплейном по многим причинам: во-первых, в вазе на столе он увидел цветы. Несомненно,

они оказались здесь с какой-то целью, но с какой целью, этого охотник представить не мог. Во-вторых, в комнате была девушка. Одетая в чистый серый мундир, она стояла и смотрела на них из-за стола. Она была молода и хороша собой, но впечатление это ослабевало после первого взгляда на линию ее подбородка. По ней читалось ненавязчивое, но безошибочное предупреждение, что слишком близкое знакомство с этой девушкой может быть опасным. Она внимательно смотрела на пленников.

Когда ее глаза остановились на нем, Комплейн почувствовал какую-то странную дрожь. Что-то в позе Фермура подсказало ему, что и — на него девушка произвела сильное впечатление. Ее прямой взгляд, нарушающий основополагающее табу Кабин, все сильнее его беспокоил.

— Так значит, это вы — бандиты Грегга, — сказала она, наконец.

Сейчас, после внимательного осмотра, было видно, что она потеряла к ним интерес.

— Наконец-то мы схватили нескольких из вас. Вы доставили нам массу неприятностей. Теперь вас подвергнут пыткам, потому что нам нужны конкретные сведения. А может, вы хотите рассказать все добровольно, прямо здесь?

Голос ее был холоден и равнодушен. Было ясно, что пытки являются обычными средствами, применяемыми к людям их сорта.

Первым заговорил Фермур.

— Ты добрая женщина, и мы просим тебя избавить нас от пыток.

— Я не хочу и не должна быть доброй, — ответила она, — а что касается моего пола, то это не должно интересовать вас. Я — инспектор Виан, и допрашиваю всех пленников, доставляемых сюда. Самых упрямых мы пропускаем через специальные шестерни. Вы, как отъявленные мерзавцы, не заслуживаете ничего лучшего. Мы должны знать, как добраться до предводителя вашей банды.

Мараппер широко развел руками.

— Поверь, мы ничего о нем не знаем, — сказал он. — Не знаем мы и о мерзавцах, которые ему служат. Мы не имеем с ним ничего общего, а наше племя живет за много палуб отсюда. Я смиренный священник и ни в коем случае не посмел бы лгать.

— А ты, я вижу, скромник, — сказала она, воинственно выдвинув вперед подбородок. — А что вы делаете так близко от Носа? Разве вы не знаете, что наш район опасен?

— Мы даже не догадывались, что находимся так близко от Носа. — ответил священник. — Глоны были очень густые, а мы пришли издалека.

— А откуда вы, собственно, прибыли?

Это был первый вопрос, который задала им инспектор Виан. Независимо от того, обращалась ли она к ним или слушала ответ, девушка в сером мундире не удосуживала их взглядом. Они были для нее никем, просто сворой согнанных вместе собак; как люди они для нее не существовали. Они лишь составляли незначительную деталь какой-то хрупкой, требующей решения проблемы.

По мере того, как продолжался допрос, она начала терять уверенность, что они члены какой-то банды. Банда эта, как следовало из ее слов, совершала налеты ка Нос с базы, расположенной далеко, и все это происходило в то время, когда имелись другие, гораздо более важные проблемы.

Разочарование Виан, вызванное тем, что они представляли для нее гораздо меньший интерес, чем она предполагала, сделало ее еще холоднее. И чем больше нарастал этот холод, тем разговорчивее становился Мараппер. Его буйное, легко возбудимое воображение, подсовывало ему бесчисленные видения, из которых неизбежно

еледовало, что эта суровая женщина одним движением пальца может отправить их в Долгое Путешествие. В конце концов, он выступил вперед и положил руку на ее стол.

— Одного вы до сих пор не поняли, — сказал он с нажимом. — А именно того, что мы не обычные пленники. Когда ваш патруль напал на нас, мы были в пути к Носу с очень важной информацией.

— Да ну? — Ее подвижные брови выражали триумф. — Ты же только что говорил, что ты всего лишь смиренный священник из маленького селения. Мне уже надоели противоречия в твоих показаниях!

— Знание! — сказал Мараппер. — Разве важно, откуда оно происходит? Я серьезно предупреждаю вас, что я человек ценный.

Виан холодно улыбнулась.

— Значит, Вас нужно оберегать, раз вы обладаете такой ценной информацией. Так, священник?

— Я сказал, что я располагаю некоторым знанием, — с нажимом подчеркнул Мараппер, надувая щеки. — Если при этом ты проявишь снисходительность и пожалеешь моих бедных, ничего не понимающих друзей, я буду очень счастлив.

— Вот как? — Она впервые за весь разговор села

за стол, и на лице ее появилась улыбка.

— А ты, — показала она на Комплейна, — если ты ничего не понимаешь, то что ты можешь предложить?

— Я охотник, — сказал Комплейн, — а мой друг Фермур фермер. Правда, мы ничего не знаем, но можем служить своей силой.

Виан, не глядя на него, положила руки на стол.

— Думаю, что ваш священник прав. Знаниями можно нас подкупить, но не силой. Силы у нас пока достаточно.

Она повернулась к Фермуру.

— А ты, дылда, — сказала она, — ты не произнес до сих пор ни слова. Что можешь предложить ты?

— Молчанием я только прикрывал свое беспокойство, госпожа, — мягко сказал он. — В нашем племени не было дам, которые в чем-либо могли бы соперничать с вами.

— Этого тоже нельзя принять в качестве взятки, — равнодушно сказала Виан. — Ну, хорошо, священник, надеюсь, твоя информация окажется интересной. Может, ты наконец скажешь, в чем дело?

Мараппер сунул руки под стол и энергично покачал головой.

— Я оставляю эту информацию для более высокого начальства, — сказал он. — Сожалею, но я не могу тебе ее передать.

Она, казалось, не обиделась. Видимо, она была весьма уверена в себе, потому что руки ее, лежавшие на столе, даже не дрогнули.

— Я немедленно вызову своего начальника, — сказала она.

Один из стражников получил приказ и исчез, чтобы вскоре вернуться с энергичным мужчиной средних лет.

Новоприбывший сразу произвел на них сильное впечатление. Глубокие морщины избороздили его лицо, как вода, текущая с гор, прорезает себе русло, и возраст подчеркивала седина в его светлых волосах. Глаза у него были широко открыты, линия рта говорила об упорстве и сильной воле. Агрессивное выражение лица смягчала улыбка, которой он одарил Виан, после чего мужчина немедленно завел с ней тихий разговор в углу комнаты. По мере того, как Виан рассказывала, он то и дело посматривал на Мараппера.

— Что ты думаешь насчет прыжка к дверям? — прошептал Фермур Комплейну.

— Не дури, — ответил Комплейн. — Нам ни за что не выбраться из этой комнаты, не говоря уже

о Стражниках на границе.

Фермур пробормотал что-то непонятное и, кажется, решил попробовать в одиночку, но в эту минуту к ним подошел мужчина, беседовавший с Виан, и сказал:

— Мы хотим подвергнуть вас испытаниям. Скоро мы снова вызовем тебя, священник. А пока, стражники, отведите пленников в третью комнату.

Приказ был выполнен немедленно. Несмотря на протесты Фермура, его вместе с Комплейном и Мараппером вывели из комнаты и, проведя по коридору, втолкнули в другую. Стражники закрыли за ними дверь. Мараппер был несколько смущен, ибо понимал, что попытка спастись за их счет может грозить потерей доверия. Поэтому он решил вернуть его, поддержав их дух.

— Ну, ну, дети мои, — сказал он, протягивая к ним руки, — Долгое Путешествие всегда имеет свое начало, как говорит Наука. Носовики более цивилизованы, чем мы, и от них можно ожидать самого худшего. Позвольте мне прочитать последние молитвы.

Комплейн отвернулся и сел в самом дальнем углу комнаты, то же самое сделал и Фермур. Мараппер последовал их примеру и уселся на свой

мощный зад, положив руки на колени.

— Держись от меня подальше, святой отец, — сказал Комплейн. — Оставь меня в покое!

— У тебя что, нет и на грош разума? — спросил священник голосом сладким, как густой сироп. — По-твоему, Наука допускает покой в последние часы жизни? В последний раз ты должен быть приведен в сознание. Что ты сидишь здесь в отчаянии? Разве твоя жалкая паршивая жизнь стоит хотя бы плевка? Что в тебе настолько ценно, что не заслуживает полного уничтожения? Рой Комплейн, ты болен и тебе нужны мои советы.

— Прими к сведению, что я уже не твой прихожанин, — сказал Комплейн слабым голосом. — Я сам собой займусь.

Священник скривился и повернулся к Фермуру.

— А ты, друг мой, что можешь сказать ты? — спросил он.

Фермур улыбнулся — он уже взял себя в руки.

— Я хотел провести хотя бы час с этой инспекторшей Виан, а потом могу с радостью отправиться в Путешествие, — сказал он. — Можешь ты мне это устроить, Мараппер?

Прежде чем Мараппер успел придумать подходящую мораль, открылась дверь, и появилось

рябое лицо, а за ним рука, энергично машущая священнику. Мараппер встал и пригладил одежду.

— Я замолвлю о вас словечко, дети мои, — сказал он и с достоинством вышел за стражником в коридор. Через минуту он стоял лицом к лицу с инспектором и ее начальником, который, опершись об угол стола, заговорил первым:

— Пространства тебе. Если я правильно понял, ты священник Генри Мараппер. Меня зовут Скойт, мастер Скойт, и в мои обязанности входит допрос всех чужаков. Каждый, кто попал сюда, на Нос, оказывается передо мной или перед инспектором Виан. Если ты тот, за кого себя выдаешь, тебе не сделают ничего плохого, но из Бездорожий выползают странные создания, от которых мы должны защищаться. Я слышал, что ты хотел что-то сообщить нам.

— Я прошел долгий путь через множество палуб, — сказал Мараппер, — и не одобряю приема, с каким здесь встретился.

Скойт покачал головой.

— Что ты хотел нам сказать? — спросил он.

— Я могу сообщить это только капитану.

— Капитану? Какому капитану? Капитану стражи? Другого здесь нет.

Мараппер оказался в неловком положении, потому что не желал употреблять слово “корабль”, пока это не станет неизбежным.

— Кто ваш начальник? — спросил он.

— Инспектор Виан и я отвечаем только перед Советом Пяти, — гневно ответил Скойт. — Встреча с Советом до подтверждения нами значимости твоей информации невозможна. Быстрее, священник, у нас есть и другие дела. Терпение — одна из старомодных добродетелей, которой у меня нет. Так что же это за сведения, о которых ты так много говорил?

Мараппер заколебался — уж больно неподходящим был момент. Скойт поднялся, как бы желая уйти. Тянуть дальше было нельзя.

— Мир, — торжественно сказал он, — то есть весь Нос и Бездорожья до самых отдаленных районов Кормовой Лестницы — это одно целое: корабль. Этот корабль — дело рук человеческих и движется в среде, называемой космическим пространством. У меня есть доказательства, — он замолчал, чтобы посмотреть, какое это произвело впечатление, но похоже было, что Скойт сомневается. Мараппер продолжал, объясняя подробности своей теории. В заключение он сказал:

— Если вы мне верите и дадите полномочия, я направлю корабль (можете не сомневаться, что это правда) к порту назначения, и тогда мы навсегда освободимся от него и связанных с ним забот.

Он замолчал. Лица их были полны горького разочарования. Они переглянулись и рассмеялись коротко, почти мрачно. Мараппер неуверенно потер щеку.

— Вы не верите мне, потому что я пришел издалека, — пробормотал он.

— Нет, священник. — Девушка подошла ближе и остановилась перед ним. — Видишь ли, мы здесь уже знаем о корабле и его путешествии в космосе.

Мараппер раскрыл рот от удивления.

— Значит… Капитан корабля… Вы его нашли? — выдавил он.

— Капитана не существует. Много поколений назад он отправился в Долгое Путешествие.

— А рубка… Вы нашли рубку?

— Рубки тоже нет, — сказала девушка. — Мы знаем только связанную с ней легенду и ничего больше.

— А в нашем племени, — произнес Мараппер, — даже легенда, забылась, вероятно, потому,

что мы жили далеко от места ее действия. Но она должна существовать. Вы искали ее?

Скойт и Виан снова переглянулись, после чего Скойт кивнул головой, как бы отвечая на какой-то немой вопрос.

— Поскольку похоже, что ты наткнулся на часть тайны, — сказала Виан, — мы можем открыть тебе остальное. Ты должен знать, что история эта известна далеко не всем даже среди Носовиков: мы, как элита, держим ее при себе, из опасения, что она могла бы вызвать волнение и даже всеобщее безумие. Пословица гласит, что истина еще никого и никогда не сделала свободным. Как ты верно заметил, мы находимся на корабле, но на нем нет никакого капитана. Корабль летит без остановки в космическом пространстве, никем не управляемый. Можно предположить, что он сбился со своего первоначального пути и будет лететь так вечно, пока все не отправятся в Долгое Путешествие. Его нельзя остановить, ибо, хотя мы и обыскали весь Нос, но не нашли Рубки!

Она замолчала, с сочувствием глядя, как принимает эту горькую правду Мараппер. Она была слишком чудовищна.

— ...какой-то страшный грех наших предков, — пробормотал Мараппер и суеверно провел

пальцем поперек горла. Потом все же взял себя в руки.

— Но Рубка существует, — сказал он. — Смотрите, у меня есть доказательства.

Из-под грязной рубашки он достал книгу с планами электрических цепей и принялся энергично ею размахивать.

— Тебя же обыскивали у баррикады, — сказал Скойт. — Как тебе удалось ее сохранить?

— Скажем… благодаря обильному волосяному покрову под мышкой… — сказал духовник, подмигивая Виан. Он положил развернутую книгу на стол инспектора и драматическим жестом указал на схему, которую до этого показывал Комплейну: небольшой кружок с надписью “Рубка” располагался на носу корабля. Когда они наклонились над книгой, он объяснил, каким образом этот ценный документ оказался у него в руках.

— Книгу изготовили Гиганты, — сказал он, — которым несомненно принадлежал корабль.

— Это и мы знаем, — сказал Скойт, — но книга эта ценна. Теперь мы знаем конкретную локализацию Рубки, которую надо проверить. Виан, дорогая, идем туда немедленно.

Девушка открыла глубокий ящик стола, вынула пояс с парализатором и надела на свою

стройную талию. Это был первый парализатор, который Мараппер увидел здесь — они явно были редкостью на Носу. Он вспомнил, что своим хорошим вооружением племя Грин было обязано отцу Бергаса, который случайно обнаружил в Бездорожьях склад парализаторов.

Они уже собрались выходить, когда дверь открылась, и на пороге появился высокий мужчина. Он был хорошо одет и носил длинные, гладко уложенные волосы. Вероятно, он был важной птицей, потому что, увидев его, Скойт и Виан вытянулись в струнку.

— Дошло до меня, что у тебя новые пленники, мастер Скойт, — медленно сказал вошедший. — Ты наконец схватил кого-то из людей Грегга?

— Боюсь, что нет, советник Дейт, — сказал Скойт. — Это всего лишь трое путешественников из Бездорожий. Вот один из них.

— А еще двое? — настаивал советник.

— Они в третьей камере, — сказал Скойт. — Мы допросим их позднее. Инспектор Виан и я занимаемся сейчас этим пленником.

Советник заколебался, но потом кивнул головой и удалился. Духовник смотрел ему вслед с уважением, а это бывало с ним очень редко.

— Это был советник Зак Дейт, — объяснил Ма-

рапперу Скойт, — один из членов Совета Пяти. Следи за своими манерами, когда будешь разговаривать с кем-нибудь из них, особенно с Дейтом.

Виан спрятала в карман книгу священника. Выйдя в коридор, они еще успели заметить, как старый советник исчезает за поворотом, и начали долгий поход в направлении самой удаленной точки Носа, где, согласно схеме, должна находиться Рубка.

Преодоление этого расстояния заняло бы у них много снов-явей, не имей они плана, и будь дорога заросшей глонами и полной сопутствующими им препятствиями. Мараппер, несмотря на то, что был поглощен мыслями о своем будущем — обнаружение Рубки укрепило его бы позицию — с интересом смотрел по сторонам. Векоре он заметил, что Носу далеко до того прекрасного образа, который рисовали себе жители в Бездорожьях, а также до того, что он ожидал увидеть сам. Им встречалось много людей, но в основном это были дети. Все были одеты скромнее, чем в Кабинах; немногочисленные части гардероба были у них чистыми и свидетельствовали о довольно высоком уровне гигиены, но все были очень худы — буквально кожа и кости. Это говорило о трудностях с пищей. Обдумывая этот вопрос, Мараппер

пришел к выводу, что меньше контактируя с глонами, Носовики имеют не только меньше охотников, но и худшего качества, чем Кабины. По мере продвижения вперед, он заметил также, что хотя весь Нос от границы на Палубе 24 до конца Палубы 1 находится во владении Носовиков, заняты только палубы с 22 по 11, да и то не полностью. Причину этого он понял, когда они миновали Палубу 11. На трех следующих палубах не действовало освещение. Мастер Скойт зажег прикрепленный к поясу фонарь, и дальше они двигались в полумраке. В Бездорожьях темнота была неприятна, но здесь это впечатление было гораздо сильнее. Шаги их звучали глухо, а вокруг не было никакого движения. Когда они наконец добрались до Палубы 7, где горел свет, зрелище почти не изменилось. Им постоянно сопутствовало эхо их шагов, а везде вокруг виднелись следы разрушения.

— Посмотрите на это! — воскликнул Скойт, указывая место, где целый кусок стены был вырван и отогнут к потолку. — На корабле было когда-то оружие, которое могло это сделать. Хотел бы я иметь нечто подобное для резки стен. Мы быстро нашли бы дорогу в космическое пространство.

— Если бы хоть где-нибудь были окна, — ска-

зала Виан, — может быть, тогда истинная цель путешествия не забылась бы.

— Согласно плану, — вставил Мараппер, — в Рубке находятся довольно большие окна.

Они замолчали. Обстановка была достаточно мрачной, чтобы отбить у них охоту разговаривать. Большинство дверей было открыто, показывая комнаты, полные поломанных, молчаливых и сгибающихся под тяжестью вековой пыли машин.

— На нашем корабле происходят странные вещи, о которых мы не имеем понятия, — хмуро сказал Скойт. — Среди нас находятся духи, враждебные нам.

— Духи? — удивился Мараппер. — Ты веришь в духов, мастер Скойт?

— Роджер считает, — сказала Виан, — что мы имеем дело с двумя проблемами: первая — корабль, куда он направляется и как его остановить; это основная проблема, которой нам не решить никогда. Вторая только зарождается — наши прадеды совершенно не были с ней знакомы. На корабле появилась какая-то таинственная раса, которой раньше не было.

Священник посмотрел на Виан. Она осторожно заглядывала во все двери, мимо которых они

проходили. Впрочем, Скойт тоже. Священник почувствовал, что волосы встают у него дыбом.

— Ты имеешь в виду Чужих?

Она кивнула.

— Сверхъестественная раса, имитирующая людской облик, — сказала она. — Ты знаешь лучше нас, что три четверти корабля покрывают джунгли. Где-то в горячих болотах каким-то таинственным образом родилась совершенно новая раса, прикидывающаяся людьми. Это не люди, это враги. Они выходят из своих укрытий, чтобы следить за нами и убивать нас.

— Мы должны быть всегда начеку, — добавил Скойт.

Окружение начало изменяться. Три концентрических коридора каждой палубы сменились вдруг двумя, а повороты стали более резкими. Палуба 2 состояла уже всего из одного коридора, вдоль которого тянулись комнаты. В центре виднелся большой люк, ведущий в Главный Коридор, но он был закрыт навсегда. Скойт тихонько постучал в него.

— Если бы открыть этот коридор, единственный здесь прямой коридор, — сказал он, — мы прошли бы до Кормовой Лестницы быстрее, чем за одну явь.

Теперь они поднимались вверх по винтовой лестнице. Мараппер с бьющимся сердцем шел впереди. Если схема говорит правду, лестница должна привести их в Рубку.

На вершине лестницы глазам их предстала маленькая округлая комнатка без мебели, с голыми стенами и полом. Мараппер бросился на стену, ища дверь. Напрасно…

От бешенства он заплакал.

— Они лгали! — крикнул он. — Лгали! Все мы жертвы чудовищного… чудовищного…

Он так и не сумел найти подходящего слова.

2

Рой Комплейн зевнул и заворочался на полу камеры. Боб Фермур сидел, привалившись спиной к стене, и крутил тяжелый перстень на пальце правой руки. Им не о чем было говорить, да и думать тоже. Почти с облегчением они встретили появление отвратительного стражника с физиономией мопса, который просунул голову в дверь и, старательно подбирая оскорбления, вызвал Комплейна.

— Встретимся в Путешествии, — сказал Фермур, когда Комплейн вставал.

Рой махнул ему рукой и последовал за стражником, чувствуя, что сердце его бьется все быстрее. Его вели не в комнату, где их допрашивала инспектор Виан, а дорогой, которой они пришли, к помещению у баррикады на Палубе 24. Стражник закрыл за ним дверь, а сам остался снаружи.

Комплейн оказался наедине с мастером Скойтом. Под влиянием нарастающих трудностей офицер выглядел еще старше, чем обычно.

Длинными пальцами он касался щек, как будто они у него болели.

— Пространства тебе, — сказал он с трудом.

— Пространства, — ответил Комплейн. Он знал, что сейчас его подвергнут какому-то испытанию, но в эту минуту внимание его было полностью занято фактом отсутствия в комнате девушки.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, — сказал Скойт. — По многим причинам я хотел бы, чтобы ты дал мне на них верные ответы. Во-первых, где ты родился?

— В Кабинах.

— Так вы называете свое селение? У тебя есть братья или сестры?

— В Кабинах мы подчиняемся Науке, — вызывающе сказал Комплейн. — Мы не узнаем наших братьев и сестер с той минуты, как доросли до

бедер своей матери.

— К черту На… — Скойт резко оборвал себя, гладя лоб, как человек, который владеет собой с огромным трудом. Не поднимая головы, он утомленно продолжал: — Сколько братьев и сестер ты мог бы узнать сейчас?

— Только троих сестер.

— И ни одного брата?

— Был один, но давно сошел с ума.

— Чем ты можешь доказать, что родился в Кабинах?

— Доказать… — повторил Комплейн. — Если тебе нужны доказательства, найди и спроси мою мать. Она жива и с удовольствием расскажет тебе все.

Скойт встал.

— Пойми одно, — сказал он, — у нас нет времени ждать, пока т, ы решишь ответить. Сейчас все мы находимся в дьявольски трудном положении. Видишь ли, этот корабль летит неизвестно куда. Старая развалина, которая уже начинает трещать, полная видений, тайн, загадок и боли. И некий сукин сын должен понять это, прежде чем будет слишком поздно: если, конечно, уже не поздно. — Он замолчал, потом продолжал уже спокойнее:

— Ты должен, наконец, понять, что незаменимых нет, и если ты не окажешься нам полезным, то отправишься в Долгое Путешествие.

— Мне очень неприятно, — сказал Комплейн, — но я был бы более склонен к сотрудничеству, если бы знал, за кого я.

— Ты сам за себя. Разве Наука не научила тебя этому? “Познай себя и познаешь человечество”. Ради себя самого отвечай на мои вопросы.

Комплейн уже готов был уступить, но потом, чувствуя себя уверенней, задал еще один вопрос:

— А Генри Мараппер ответил на твои вопросы?

— Священник обманул нас и отправился в Путешествие, — сказал Скойт. — Это обычная кара для тех, кто слишком долго испытывает наше терпение.

Когда потрясение, вызванное этим сообщением, прошло, Комплейн начал задумываться, может ли это быть правдой. Он не сомневался в безжалостности Скойта — человек, убивающий для дела, делает это не задумываясь, и все же не мог поверить, что никогда больше не увидит болтливого священника. Занятый этими мыслями, он отвечал на вопросы Скойта. Они касались в основном их путешествия через Бездорожья,

и когда Комплейн начал описывать обстоятельства, при которых попал к Гигантам, до сих пор спокойный офицер ударил кулаком по столу.

— Гиганты не существуют! — воскликнул он. — Они вымерли уже давно, а мы унаследовали от них корабль.

Несмотря на явный скептицизм, он, как и Мараппер, расспрашивал о деталях, и становилось ясно, что постепенно он начинает верить рассказу Комплейна. Он задумался, еще больше нахмурился и начал нервно постукивать длинными пальцами по столу.

— О Чужих мы знаем, что это враги, — сказал он, — но Гигантов мы всегда считали союзниками, владения которых приняли с их согласия. Однако, если они живут где-то в Бездорожьях, то почему не показываются? Нет, у нас и так уже хватает забот.

Комплейн подчеркнул, что Гиганты не убили его, хотя спокойно могли это сделать, не убили они и Роффери, хотя загадка его исчезновения по-прежнему оставалась нерешенной. Так или иначе, роль Гигантов была по крайней мере двусмысленной.

— Я склонен поверить тебе, Комплейн, — сказал Скойт, — потому что время от времени до нас

доходят слухи, что люди встречают Гигантов. Слухи, одни слухи и ничего конкретного! В конце концов, Гиганты не представляют угрозы для Носа, а самое главное — не находятся в союзе с Чужими. — Он помолчал, потом спросил: — Как далеко то место, где тебя схватили Гиганты?

— Много палуб отсюда, пожалуй, шестьдесят.

Мастер Скойт с неудовольствием поднял руки.

— Слишком далеко, — сказал он. — Я думал, что мы отправимся туда… но Носовики не любят глонов.

Дверь резко открылась, и в ней появился запыхавшийся стражник.

— Мастер Скойт, атака на баррикаду! — закричал он безо всякого вступления. — Идите туда, вы там нужны!

Скойт встал. Лицо его было сурово. На полпути к двери он остановился и повернулся к Комплейну:

— Останешься здесь, — приказал он, — я вернусь, как только освобожусь.

Дверь захлопнулась. Комплейн остался один. Не в силах еще поверить в это, он осмотрелся вокруг. На другом конце комнаты, за стулом Скойта, находилась еще одна дверь. Он осторожно нажал ручку. Дверь открылась, за ней была следующая

комната, точнее, маленькая прихожая, а в ее противоположной стене очередная дверь. На полу лежали четыре узелка. Комплейн сразу же узнал в них собственность отряда. Похоже, ничего из их мизерного состояния не было похищено, хотя следы обыска были ясно видны. Комплейн прошел через комнату и открыл дверь.

Она вела в боковой коридор. С одной стороны слышны были многочисленные голоса, с другой всего в нескольких шагах начинались глоны. Дорога к ним была свободна. С бьющимся сердцем Комплейн закрыл дверь и привалился к ней спиной. Бежать или нет?

Мараппер убит, и нет никаких причин полагать, что и с ним не. расправятся таким же способом. Пожалуй, разумнее уйти, но куда? Кабины слишком далеко, чтобы человек мог добраться до них в одиночку, но близкие племена наверное с радостью примут охотника. Комплейн вспомнил, что Виан приняла их группу за членов какого-то племени, которое устраивает нападения на Нос. Занятый самим фактом их пленения, он сначала не обратил внимания на ее слова, однако сейчас подумал, что это могло быть племя, которое в эту минуту атаковало баррикаду. Они должны с радостью принять охотника, немного

знающего Носовиков.

Он забросил свой узелок за спину и побежал в сторону глонов.

Все двери в коридоре были закрыты, кроме одной. Проходя мимо, Комплейн инстинктивно заглянул вовнутрь и остановился, как вкопанный.

Внутри, на подстилке, спокойно, как во сне, лежало тело. Оно лежало небрежно, со скрещенными ногами, лицо, полное меланхолии, напоминало морду перекормленного бульдога.

— Генри Мараппер! — воскликнул Комплейн, не в силах оторвать взгляд от знакомого профиля. Волосы и висок священника были измазаны кровью. Комплейн наклонился и коснулся руки духовника. Она была холодна, как лед.

В то же мгновение автоматически вернулась атмосфера Кабин. Наука действовала безошибочно. Он без колебания сделал первый жест отчаяния, соблюдая ритуал страха. “Страх не может проникнуть в подсознание”, — утверждала Наука, — “он должен быть немедленно удален с помощью серии ритуальных действий, выражающих ужас”. Среди поклонов и стонов Комплейн забыл о бегстве.

— Боюсь, что придется прервать это представ-

ление, — сказал за его спиной холодный женский голос. Удивленный Комплейн выпрямился и обернулся. За ним с парализатором в руке стояла Виан в обществе двух стражников. Губы ее были прекрасны, но улыбка не сулила ничего хорошего.

Так закончилось испытание Комплейна.

Теперь пришла очередь Фермура, которого тоже ввели в комнату на Палубе 24. И снова в ней сидел мастер Скойт, только он был более жесток. Начал он, как и с Комплейном, с вопроса: где Фермур родился.

— Где-то в джунглях, — сказал Фермур, как обычно медленно.

— Я никогда не знал, где точно.

— Почему ты родился не в племени?

— Мои родители были беглецами. Это было небольшое племя из Центрального Коридора, меньше, чем Кабины.

— Когда ты попал в племя Грин?

— После смерти родителей, — ответил Фермур. — У них был гнилец. В то время я был уже взрослым.

Губы Скойта превратились в узкую щель. Появилась резиновая дубинка, которую он перебрасывал из руки в руку. Он начал прохаживаться

перед Фермуром, не спуская с него глаз.

— Ты можешь чем-нибудь доказать свои слова?

Фермур был бледен и напряжен, он непрерывно крутил на пальце тяжелый перстень.

— Чем доказать? — спросил он.

— Чем-нибудь. Что-нибудь, доказывающее твое происхождение, и что мы можем проверить. Мы не какие-нибудь босяки из Бездорожий, Фермур. Если ты родился в джунглях, то мы хотим знать, кто ты или что ты… Итак?

— Священник Мараппер может подтвердить, кто я такой.

— Мараппер мертв. Кроме того, мне нужен кто-нибудь, кто знал бы тебя ребенком. — Он повернулся так, что они стояли теперь лицом к лицу. — Короче говоря, Фермур, нам нужно то, что ты, как мне кажется, не можешь нам представить — доказательство, что ты человек.

— Я больше человек, чем ты, подонок… — говоря это, Фермур поднял кулаки и прыгнул.

Скойт ловко отступил и сильно ударил Фермура дубинкой по руке. Фермур, чувствуя, что рука у него деревенеет, успокоился, и только на лице у него осталось выражение злости.

— У тебя слишком замедленная реакция, —

сурово сказал Скойт. — Ты должен был застать меня врасплох.

— В Кабинах всегда говорили, что я очень медлителен, — пробормотал Фермур. судорожно сжимая руку.

— Как долго ты находился в племени Грин? — требовательно спросил Скойт. Он снова подошел близко к Фермуру, все время помахивая дубинкой, как будто хотел его ударить.

— Я не знаю точно. Пожалуй, два раза по сто дюжин сон-явей.

— Здесь, на Носу, мы не пользуемся вашим примитивным способом измерять время, Фермур. Четыре сна-яви мы называем днем. Это значит, что ты был с племенем… шестьсот дней. Это долгий промежуток в жизни мужчины.

Он стоял, глядя на Фермура, и как будто чего-то ожидая. Дверь резко открылась, и на пороге появился запыхавшийся стражник.

— Мастер Скойт, атака на баррикаду! — закричал он. — Идите туда, вы там нужны!

На полпути к двери Скойт остановился и повернулся к Фермуру.

— Оставайся здесь, — приказал он. — Я вернусь, как только смогу.

В соседней комнате Комплейн спокойно по-

вернулся к Виан. Ее парализатор исчез в футляре на поясе.

— Значит, эта история с нападением на баррикаду всего лишь трюк, чтобы вызвать мастера Скойта из комнаты? — спросил он.

— Да, — спокойно ответила она. — Посмотри, что Фермур делает в эту минуту.

Какое-то время Комплейн стоял, глядя ей в глаза. Он был близко от нее, они были одни в комнате, которую она называла наблюдательной и которая находилась рудом с помещением, где пребывал Фермур. Наконец он взял себя в руки и, боясь, что лицо выдает его чувства, повернулся и снова посмотрел в глазок.

Сделал он это как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фермур хватает маленький столик, стоявший в углу, выносит его на середину комнаты, залазит на него и протягивает руки к решетке, которая, как и в каждом помещении, находилась на потолке. Пальцы его на несколько дюймов не доставали до нее. Он поднялся на цыпочки, потом подпрыгнул, но после нескольких неудачных проб слез со стола и оглядел комнату. Увидев дверь, за которой находился его узелок, он отбросил столик, побежал к двери и исчез из поля зрения Комплейна.

— Сбежал, как и я, — сказал Комплейн, поворачиваясь, и снова смело взглянул в глаза Виан.

— Мои люди схватят его, прежде, чем он доберется до глонов, — небрежно ответила Виан. — Я не сомневаюсь, что твой приятель Фермур — Чужой, и через несколько минут мы будем знать это точно.

— Боб Фермур? Это невозможно.

— Поговорим потом, — сказала она. — Пока ты свободен, Рой Комплейн, настолько, насколько свободен каждый из нас. У тебя есть опыт и знания, и я верю, что ты поможешь нам решить некоторые проблемы.

Она была гораздо красивее Гвенни и в то же время внушала страх.

— Я помогу тебе, если это будет в моих силах, — сказал Комплейн.

— Мастер Скойт будет благодарен, — неожиданно резко сказала Виан, отодвигаясь от него. Это вернуло его к действительности, и он так же резко спросил, почему все так боятся Чужих. В племени Грин их тоже боялись, но только потому, что они были другими, непохожими на иных людей.

— Разве этого мало? — спросила она, потом оживленно заговорила о могуществе Чужих.

Несколько из них были обнаружены при помощи различных штучек мастера Скойта, но за исключением одного, все сбежали. Их бросали в камеры со связанными руками и ногами, иногда даже без сознания, а они исчезали. Если в камере вместе с ними находились стражники, то их находили в бессознательном состоянии, без каких-либо следов на теле.

— А тот Чужой, который не сбежал? — спросил Комплейн.

— Он умер под пытками. Нам ничего не удалось у него узнать, кроме того, что он явился из глонов.

Она вывела его из комнаты. Он забросил узелок за спину и утомленно пошел за ней, глядя время от времени на ее профиль, ясный, как луч света. Она уже не была такой привлекательной, как перед этим, поэтому он решил поступать грубее, так, как поступали с женщинами в Кабинах.

На Палубе 21 Виан остановилась.

— Здесь будет твоя комната, — сказала она. — Моя расположена через три двери, а Роджера Скойта — напротив. Один из нас вскоре отведет тебя в столовую.

Комплейн открыл дверь и заглянул вовнутрь.

— Я еще никогда не видел такой комнаты, —

сказал он.

— А где бы ты мог ее увидеть? — иронически спросила она, и ушла. Комплейн посмотрел ей вслед, снял грязные ботинки и вошел в комнату. Единственным удобством здесь была раковина с краном, из которого текла слабая струйка воды, и кровать, закрытая не листьями, а каким-то жестким материалом. Самое сильное впечатление произвела на него картина, висевшая на стене. Это была какая-то многоцветная композиция, ничего определенного, и в то же время с каким-то смыслом. Было также зеркало, в котором Комплейн увидел дикаря, измазанного грязью, со слипшимися от сока волосами и в разорванной одежде.

Он решил привести себя в порядок, одновременно размышляя, что подумала Виан, увидев такого оборванца. Комплейн умылся, надел чистую одежду, вынув ее из узелка и, утомленный, бросился на кровать. Несмотря на усталость, сон не приходил. Мысли кружили в голове, как безумные.

Гвенни ушла, Роффери тоже, Вантадж, Мараппер, а теперь вот Фермур. Все ушли. Он остался один. Перед ним открывались новые возможности, и это было очень интересно. Когда он

обдумывал все это, в комнату заглянул мастер Скойт.

— Иди есть, — коротко сказал он.

Комплейн шел рядом с ним, внимательно его разглядывая. Он хотел понять, что тот о нем думает, но офицер был слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на Комплейна. Наконец, он поднял голову и заметил, что Комплейн смотрит на него.

— Ну что же, твой друг Фермур оказался Чужим, — сказал он. — Убегая в глоны, он заметил тело священника, но не задержался рядом с ним. Наши стражники без труда схватили его.

Видя удивление Комплейна, он нетерпеливо покачал головой.

— Это не обычный человек, — объяснил он, — воспитанный в обычной части корабля, иначе бы он автоматически остановился и сделал ритуальный поклон телу приятеля. Эта церемония глубоко укоренилась в сознании у каждого человека с самого рождения. Именно твое поведение убедило нас, что ты человек.

Он замолчал и не произнес больше ни слова, пока они не пришли в зал столовой, не отвечал даже на приветствия многочисленных мужчин и женщин, встречавшихся им по дороге. В столовой

они застали несколько офицеров.

Виан сидела за отдельным столиком. При виде ее Скойт просиял. Подойдя к ней, он положил руку ей на плечо.

— Дорогая Лаур, — сказал он, — видя тебя, я чувствую себя другим человеком. Я хочу выпить пива, нужно как-то отметить захват нового Чужого, который уже не сбежит от нас.

Виан улыбнулась ему.

— Надеюсь, ты что-нибудь съешь, Роджер, — сказала она.

— Ты знаешь мой глупый желудок, — ответил он, подзывая дежурного, после чего немедленно начал рассказывать о подробностях поимки Фермура. Комплейн не в лучшем настроении сел рядом с ними. Он не мог избавиться от ревности, видя как свободно Скойт разговаривает с Виан. Перед ними поставили пиво и странное белое, но необычайно сочное мясо. Приятно было есть, когда тебя не окружают комары, которые в Бездорожьях служили обычной приправой к каждому куску, и все же Комплейн ковырялся в тарелке так же неохотно, как и Скойт.

— Ты подавлен, — заметила Виан, прервав Скойта, — а должен бы радоваться. Пожалуй, здесь лучше, чем в камере с Фермуром.

— Фермур был моим другом, — сказал Комплейн первое, что пришло в голову.

— Но и Чужим, — серьезно сказал Скойт. — Он обладал всеми присущими им чертами. Он был толст, медлителен и неразговорчив… Я уже начинаю узнавать их с первого взгляда.

— Ты гениален, Роджер, — рассмеялась Виан. — Может, ты все-таки съешь немного рыбы?

Она положила ладонь на его руку, и при виде этого Комплейн взорвался. Он отшвырнул вилку.

— Проклятье на твою гениальность! — выкрикнул он. — А что с Мараппером? Он не был Чужим, и все же ты его убил! Думаешь, я забуду это? Как ты можешь после этого рассчитывать на мою помощь?

Напряженно ожидая скандала, Комплейн заметил, что несколько людей подняли головы от тарелок и смотрят на него. Скойт открыл рот и тут же его закрыл, глядя на что-то за спиной Комплейна. На плечо охотника опустилась тяжелая рука.

— Оплакивать меня не только глупо, но и преждевременно, сказал знакомый голос. — Всегда один против всего мира, а, Рой?

Комплейн удивленно повернулся. За ним, потирая руки, стоял священник. Комплейн недо-

верчиво схватил его за руку.

— Да, Рой, это я и никто другой. Подсознание покинуло меня, оставив только ощущение холода. Надеюсь, ваш план удался, мастер Скойт?

— Превосходно, священник, — сказал Скойт. — Садись, отведай этой пищи и объясни все своему другу. Может, тогда он не будет смотреть на нас так злобно.

— Ты был мертвецом! — сказал Комплейн.

— Это оказалось весьма короткое Путешествие, — сказал Мараппер; усаживаясь и протягивая руку за кувшином. — Чародей мастер Скойт придумал не слишком удобный для меня способ, чтобы подвергнуть испытанию тебя и Фермура. Он измазал мне голову кровью крысы и усыпил с помощью какого-то ужасного наркотика, чтобы я разыграл перед вами сцену смерти.

— Небольшая доза гидрата хлорала, — сказал Скойт, таинственно улыбаясь.

— Но я до тебя дотрагивался, ты был холоден, как лед, — протестовал Комплейн.

— И до сих пор холоден, — сказал Мараппер. — Это следствие действия наркотика. А что это за противоядие, которое ввели мне ваши люди?

— Это, пожалуй, стрихнин, — ответил Скойт.

— Это было очень неприятно. Я самое меньшее

— герой, Рой. Я всегда был святым, а теперь стал еще и героем. Ваши подчиненные дали мне горячего кофе, когда я пришел в себя. Никогда я не пил такого хорошего кофе… Но это пиво еще лучше.

Взгляд его встретился с полным удивления взглядом Комплейна. Он подмигнул Рою и громко рыгнул.

— Я не призрак, Рой, — сказал он. — Призраки не пьют.

Прежде чем они покончили с едой, мастера Скойта снова охватила подавленность. Что-то пробормотав, он встал и ушел.

— Он слишком много работает, — сказала Виан, глядя вслед удаляющемуся мужчине. — Все мы слишком много работаем. Прежде чем пойдем спать, нужно ввести вас в курс и познакомить с нашими планами, поскольку в следующую явь у нас будет много дел.

— О, — сказал Мараппер, отодвигая тарелку, — это я и хотел услышать. Вы понимаете, конечно, что моя заинтересованность этим делом чисто теологическая.

Она усмехнулась.

— Сначала мы уничтожим Чужих. Фермур, которого допросят по всем правилам, должен выдать тайну их укрытия. Мы отправимся туда и

перебьем их всех, а после этого займемся выяснением загадок, связанных с кораблем.

Она произнесла это единым духом, как будто хотела избежать связанных с этим вопросов, после чего быстро вывела их из столовой и повела многочисленными коридорами. Мараппер, снова обретший форму, воспользовался случаем, чтобы рассказать Комплейну о неудачной попытке найти Рубку.

— Так много изменилось, — с горечью сказала Виан. Они шли стальным мостиком, двойные двери которого, в эту минуту открытые, делали возможным переход с палубы на палубу.

— Некоторые из этих дверей открыты, а некоторые закрыты, — сказала она, указывая рукой. — Все вдоль Главного Коридора, к примеру, закрыты, и это хорошо, ибо иначе все бродяги корабля сбегались бы на Нос. Но мы не можем по желанию открывать и закрывать двери, как это наверняка могли делать Гиганты, когда корабль принадлежал им. Они закрыты уже много поколений, но где-то должен быть рычаг, который ими управляет.

Лицо ее было напряжено, и Комплейн вдруг подумал: “В ней уже сказывается профессиональная болезнь, так же, как в Скойте, ибо она

отождествляет себя со своей работой". Однако, он тут же усомнился, а когда представил себе большой корабль, мчащийся вместе с ними в путешествие без конца, то должен был признать, что фактов, вызывающих беспокойство, немало. Желая проверить ее, он спросил: — Скажи, ты и мастер — единственные, кто занимается этой проблемой?

— Боже мой, конечно, нет! — сказала она. — Мы только подчиненные. В последнее время организовано общество, которое называется Общество Сохранения, и все офицеры Носа, за исключением офицеров стражи, связаны с ним. Руководят Обществом двое членов Совета Пяти, одного из которых ты уже видел, священник — это советник Дейт. Ко второму я вас веду — это советник Трегоннин. Он библиотекарь и объяснит вам тайны мира.

Вот так Рой Комплейн и священник получили свой первый урок астрономии. Рассказывая, Трегоннин бегал по комнате от одного прибора к другому. Он был до смешного маленький и нервный. Сам он был очень аккуратен, но его владения были завалены разбросанными книгами и различными предметами. В этой комнате беспорядок был возведен в степень искусства.

Сначала Трегоннин объяснил, что до недавнего времени на Носу, так же как и в Кабинах, все его книги уничтожали — или из-за суеверий, или для укрепления власти путем содержания подданных в невежестве.

— Несомненно, именно так в самом начале было утрачено само понятие корабля, — сказал Трегоннин. — Поэтому то, что вы здесь видите, это все, что в неизменном виде сохранилось на Носу. Остальное исчезло, а то, что осталось, открывает нам только ничтожный фрагмент правды.

Когда советник начал свой рассказ, Комплейн совершенно забыл о забавной жестикуляции, которая этому сопутствовала. Он забыл обо всем, заслушавшись чудесной историей, возникавшей, как мозаика, из маленьких кусочков.

В космическом пространстве, где движется их мир, есть еще другие миры, и к тому же двух видов: один, называемый солнцем, от которого идет тепло и свет, и другой, называемый планетой. Планеты зависят от тепла и света солнц. На одной планете, связанной с солнцем, под названием Сол, жили люди. Планета называлась Земля, а люди жили на всей ее поверхности, поскольку внутренность ее была цельной и лишенной света.

— Люди не падали с поверхности, даже когда жили на самом низу, — объяснил Трегоннин, — благодаря силе, называемой тяготением. Именно тяготение позволяет нам двигаться по кривизне палуб без опасения упасть.

Люди открыли много других тайн. Они открыли способ покидать свою планету и исследовать другие планеты, связанные с их солнцем. Способ этот, должно быть, был очень сложен, потому что это заняло у них много времени. Другие планеты значительно отличались от их родной, на них было либо слишком мало тепла, либо слишком много, и поэтому люди не могли на них жить. Это очень беспокоило жителей Земли.

Наконец, они решили, что должны изучать планеты других солнц, чтобы установить царящие на них условия, потому что на Земле становилось тесно. В этом месте записи, которыми располагал Трегоннин, становились неясными. Одни утверждали, что космос совершенно пуст, другие же говорили, что в нем находятся тысячи солнц, называемых звездами.

По каким-то, ныне непонятным причинам, людям было трудно решить, к какому солнцу лететь, но все же они выбрали солнце, называемое Процион, с которым были связаны

планеты, и которое было удалено от Земли всего на одиннадцать световых лет. Победа над этим расстоянием была серьезным испытанием даже для таких изобретательных людей, потому что в космосе нет тепла и воздуха, а путешествие должно было длиться очень долго, так долго, что много поколений людей должны были умереть, прежде чем оно кончится.

Люди построили этот корабль, на котором все мы сейчас находимся, загрузили его всем, что могло им потребоваться, и дали ему ускорение, которое создавали тяжелые частицы под названием ионы.

Трегоннин замолчал и быстро пошел в угол комнаты.

— Посмотрите! — воскликнул он. — Так выглядит модель планеты, покинутой нашими предками, модель Земли!

Он поднял над головой глобус. Раскрашенный от руки, поблекший, он, тем не менее, обозначал контуры морей и континентов.

Взволнованный Комплейн взглянул на священника. По лицу Мараппера текли слезы.

— Вы мудрый человек, советник, я верю каждому вашему слову. Какими сильными были эти люди, какими невообразимо могучими. Я всего

лишь бедный старый провинциальный священник. Бог свидетель, я ничего не знаю, но…

— Перестаньте ломать трагедию! — неожиданно резко сказал Трегоннин. — Не трясись над собой, а следи за тем, что я говорю. В счет идут факты, только факты.

— Вы уже привыкли к этому, а я — нет, — по-прежнему рыдал Мараппер. — Когда я думаю об этом могуществе…

Трегоннин осторожно поставил глобус и обратился к Виан:

— Инспектор, если этот жалкий тип не перестанет ныть, вам придется увести его отсюда! Я не выношу нытья! Вы же знаете об этом!

— Когда мы доберемся до этих планет Проциона? — быстро спросил Комплейн. Он не мог снести мысли, что должен будет уйти, прежде чем все узнает.

— Разумный вопрос, молодой человек, — сказал Трегоннин, первый раз прямо взглянув на Комплейна. — Я постараюсь дать на него разумный ответ. По-моему, полет в направлении Проциона имел две основные цели. Такой большой корабль был построен не только потому, что в небольшом помещении такое долгое путешествие было бы невыносимо, а главным образом потому, что он

вез некоторое количество людей, называемых колонистами. Колонисты должны были высадиться на новую планету, жить на ней и размножаться. Для них везли большое количество машин — мы нашли списки — трактора, бетономешалки, копры и многое другое. Другим заданием был сбор информации о новой планете, а также разного рода проб, чтобы подвергнуть их исследованиям на Земле.

С обычной своей нервозностью Трегоннин подошел к шкафу и начал в нем копаться. Наконец, он вытащил металлическую полку с дюжиной круглых коробок, таких маленьких, что они помещались на ладони. Открыв одну, он высыпал из нее прозрачные пластинки, напоминающие отрезки ногтей.

— Микрофильмы, — сказал Трегоннин. — Мне доставили это с дальнего уголка Носа. Сырость уничтожила их, но даже будь они целы, мы ничего не смогли бы сделать, ибо для их прочтения нужна специальная аппаратура.

— В таком случае я не понимаю… — начал удивленный Комплейн, но советник поднял руку.

— Я прочту тебе содержание этикеток, находящихся на коробках, и ты поймешь. Сохранились только этикетки, — сказал он. — Здесь, напри-

мер, написано так: “Фильм — “Вид Новой Земли с воздуха, из стратосферы, с орбиты. Середина лета, северное полушарие”. А здесь: “Фильм — “Флора и фауна. Континент А, Новая Земля”. И так далее.

Он положил коробку и, помолчав, добавил:

— Вот, молодой человек, ответ на твой вопрос. На основании этих коробок можно утверждать, что корабль счастливо добрался до планет Процион. Сейчас мы летим назад, к Земле.

В захламленной комнате воцарилось молчание. Каждый из присутствующих думал о своем. Первой опомнилась Виан, она встала и сказала, что уже нужно идти.

— Подожди, — сказал Комплейн. — Вы сказали нам так много и в то же время так мало. Если мы действительно летим к Земле, то когда до нее доберемся? Как мы это узнаем?

— Мой мальчик, — начал Трегоннин, потом вздохнул, как будто хотел изменить содержание своего ответа. — Мой мальчик, разве ты не видишь, как много уничтожено… Ответы не всегда ясны. Исчезли даже некоторые вопросы, если ты понимаешь, что я имею в виду. Позволь мне ответить так: мы знаем расстояние от Новой Земли — так ее называли колонисты — до Земли; оно составляет, как я уже говорил, одиннадцать

световых лет. Однако, мы не можем установить, с какой скоростью движется корабль.

— Но одно мы все же знаем, — вставила Виан. — Расскажи Рою о Реестре Носа, советник.

— Да, я как раз собирался это сделать, — сказал Трегоннин. — Еще до того, как мы, то есть Совет Пяти, приняли власть над Носом, нами управляли люди, называющиеся губернаторами. Благодаря им Носовики из слабого племени превратились в могучий народ. Губернаторы имели обычай передавать один другому Реестр или Завещание, и именно этот Реестр или Завещание я получил от последнего губернатора перед его смертью. Это только перечень имен губернаторов, но под фамилией Первого губернатора написано, — он закрыл глаза и процитировал: “Я четвертый капитан корабля в его обратной дороге домой, однако титул этот звучит сейчас смешно, и я предпочитаю называться губернатором, если это не слишком претенциозно”.

Советник открыл глаза.

— Теперь ты видишь, — сказал он, — что хотя фамилии трех первых исчезли, мы знаем сколько поколений жило на корабле с момента его старта к Земле: двадцать три.

— Это очень большой отрезок времени, — ска-

зал Мараппер. — Когда мы достигнем Земли?

— Этот вопрос уже задавал твой друг, — напомнил Трегоннин. — Я могу только сказать, что знаю, как долго длится наше путешествие, но никто не знает, как долго оно будет продолжаться и когда кончится. Прежде чем появился первый губернатор, произошла какая-то катастрофа или что-то в этом роде, и с той минуты корабль мчится без остановки в космическом пространстве, без капитана, без контроля и можно даже сказать — безо всякой надежды.

Когда наступило время сна, Комплейн, несмотря на усталость, не мог заснуть. Перед его глазами мелькали вызывающие страх образы, он терялся в собственных домыслах. Снова и снова анализировал он каждую деталь рассказа советника, стараясь как-то переварить его.

Все это было очень огорчительно, но среди множества фактов одна небольшая и почти незаметная деталь их визита в библиотеку не давала ему покоя и возвращалась снова и снова, как зубная боль. Сначала она казалась совершенно незначительной, и Комплейн, единственный, кто заметил ее, не произнес об этом ни слова. Теперь же значение этого факта все возрастало, пока не затмило даже мысли о звездах.

Когда Трегоннин читал свою лекцию, Комплейн взглянул на потолок. Из-за находящейся там решетки внимательно, как будто все слыша и понимая, выглядывала крыса.

3

— Ограничения для твоего я, Рой! — взорвался Мараппер. — Перестань лезть в дела Носовиков. Я знаю, что это работа той девушки. Запомни мои слова, она тебя использует! Ты так занят мыслями о пикантных тайнах, которые скрывает ее юбка, что не можешь отличить дерева от глонов. Помни, что мы прибыли сюда с собственными целями.

Комплейн покачал головой. Утром следующей яви они со священником сидели в столовой. Зал был полон офицеров, но ни Виан, ни Скойт еще не появлялись. Мараппер снова вернулся к своей любимой теме о совместном завоевании власти.

— Ты несносен, Мараппер, — коротко сказал Комплейн, — и прошу тебя, не примешивай к этому инспектора Виан. Носовиков тревожат гораздо более важные вещи, чем жалкое стремление к власти. Кроме того, чего ты добьешься, если убьешь многих из них? Чем это поможет

кораблю?

— К черту корабль! Слушай, Рой, поверь своему старому священнику, который никогда тебя не обманывал. Эти люди используют нас в своих целях, и здравый рассудок подсказывает сделать с ними то же самое. Вспомни, что Наука наказывает всегда думать только о себе, чтобы избавиться от внутренних комплексов.

— Ты кое-что забыл, — сказал Комплейн. — Литания кончается словами: "...а корабль дойдет до порта". Это один из основных догматов Науки. Ты всегда был очень плохим священником, Мараппер.

Разговор прервался появлением Виан. Она заявила, что уже позавтракала. Мараппер извинился с большим, чем обычно, раздражением и удалился.

Что-то в поведении Виан подсказало Комплейну, что она довольна уходом Мараппера.

— Фермура уже допрашивали? — спросил он.

— Нет, просто один из членов Совета Пяти — Зак Дейт — виделся с ним. Роджер, то есть мастер Скойт, будет допрашивать его позднее, а сейчас он занят непредвиденными делами.

Он не спрашивал, что это за дела. Ее близость ошеломила его настолько, что он вообще с трудом

мог говорить. Больше всего ему хотелось сказать, что только чудом можно уложить волосы так красиво, но вместо этого он спросил, что ему делать.

— Пока отдохни, — оживленно сказала она. — Я пришла, чтобы показать тебе Нос.

Экскурсия оказалась интересной. Так же, как и в Кабинах, здесь было много пустых и открытых комнат. Виан объяснила, что их содержимое осталось на планете Проциона, Новой Земле. Другие комнаты превратили в фермы гораздо большие, чем в Кабинах. Многих животных Комплейн никогда раньше не видел, впервые увидел он и плавающих в бассейне рыб. От Виан он узнал, что они поставляли белое мясо, которое ему так нравилось. Везде видны были разнообразные формы, нередко разводимые в особом освещении. Были также специально культивируемые глоны. Одну очень длинную комнату превратили в сад — деревья росли у стен, а кусты и более мелкие растения — на середине, в специально подготовленных рвах. Здесь Комплейн впервые увидел грейпфрут. Было очень жарко, работники были обнажены до пояса, и с лица Комплейна стекал пот.

На сельскохозяйственных палубах работало много мужчин и женщин, выполнявших раз-

личные обязанности, простые и сложные. Как мирные люди, Носовики считали сельское хозяйство главным своим занятием. И тем не менее, несмотря на огромные усилия, урожаи, по словам Виан, не удавались, а животные подыхали без видимых причин. Голод постоянно угрожал Носу.

Они перешли на другие палубы, где местами было совершенно темно, а на стенах виднелись шрамы от ударов, нанесенных неизвестным и забытым оружием. Следы катастрофы были видны до сих пор. Наконец, они добрались до уровня силовой установки, которая, как утверждала Виан, была запретной территорией для всех, кроме нескольких офицеров. Здесь не жил никто, все здесь было оставлено времени. Царила полная тишина, везде лежала пыль веков.

— Иногда я представляю себе, как здесь было когда-то, — прошептала Виан, водя фонарем по стенам. — Наверняка, шумно. В этом отсеке вырабатывалась энергия движения. Здесь должно было работать множество людей.

Двери по обе стороны коридора совершенно не походили на обычные двери корабля. В них были вмонтированы тяжелые колеса. Они прошли последним коридором и оказались в огромном, высотой в несколько этажей, зале. Луч фонаря

упал на стоящие с обеих сторон огромные резервуары необыкновенных форм, между которыми находились странные тяжелые конструкции на колесах, с черпаками, крюками и металлическими захватами.

— Все это когда-то жило, — прошептала Виан, — а теперь мертво... — В зале не было эха, поскольку массы металла поглощали все звуки.

— Именно этим управляла бы Рубка, — добавила она, — если бы мы сумели ее найти.

Они повернули назад, и Виан ввела его в другой зал, напоминающий предыдущий, хотя и несколько меньше. Здесь, несмотря на то, что слой пыли был так же толст, как и везде, раздавался постоянный глубокий звук.

— Видишь, здесь сила еще не умерла, — сказала девушка, — она по-прежнему живет за этими стальными стенами. Идем, я тебе кое-что покажу!

Она завела его в боковую комнату, которую целиком занимала огромная машина. Окруженная плитами, она выглядела как три огромных колеса, соединенных ступицами. С обеих сторон машины торчала труба диаметром несколько футов, исчезавшая в потолке. По совету Виан Комплейн приложил руку к одной из труб —

оказалось, что она отчетливо вибрирует. Сбоку одного из колес находился контрольный люк. Виан открыла его. Глубокий звук тут же усилился, как будто невидимый арфист дернул струну.

Комплейн заглянул внутрь: в темноте что-то непрерывно вращалось, издавая этот глубокий звук. Из небольшой трубки в самом центре маленькими каплями капала жидкость, падая на вибрирующую ступицу.

— Это космическое пространство? — спросил Комплейн, затаив дыхание.

— Нет, — сказала Виан, закрывая люк. — Это один из трех огромных вентиляторов. Та маленькая трубка внутри смазывает его ось. Вентиляторы эти никогда не останавливаются и вызывают движение воздуха по всему кораблю.

— Откуда ты это знаешь?

— Я знаю это потому, что Роджер когда-то привел меня сюда и все объяснил.

После этих слов Комплейн немедленно перестал интересоваться окружающим и спросил:

— Кто для тебя Роджер Скойт, Виан?

— Я очень люблю его! — с чувством сказала она. — Я сирота, мои мать и отец отправились в Путешествие, когда я была еще совсем маленькой. Они оба заболели гнильцом. Роджер Скойт и

его жена, которая не могла иметь детей, удочерили меня, а когда она погибла во время одного из налетов, много явей назад, он все время опекал меня и всему учил.

Огромная волна облегчения добавила Комплейну отваги: он схватил Виан за руку. Она тут же погасила фонарь и отскочила от него. В темноте раздался ее иронический смех.

— Я привела тебя сюда не для того, чтобы крутить любовь, — сказала она. — Ты должен чем-то проявить себя, прежде чем начнешь хватать меня за руку.

Он попробовал поймать ее, но в темноте только ударился головой. Девушка зажгла фонарь. Отвернувшись от нее, Комплейн тер ушибленное место.

— Зачем же ты меня привела? — спросил он. — Почему ты добра со мной?

— Ты слишком серьезно трактуешь Науку; это хорошо для человека из какого-нибудь провинциального племени, — язвительно сказала она, а потом добавила мягче: — Успокойся и не злись. Не думай, что каждый, кто проявляет к тебе благосклонность, должен быть твоим врагом. Такие устаревшие взгляды более подходят твоему приятелю Марапперу…

Но Комплейн успокоился не скоро, тем более, что упоминание о Мараппере напомнило ему его предостережения. Он угрюмо молчал, и обратно они шли обиженные друг на друга. Раз или два Комплейн умоляюще смотрел на девушку, мечтая, чтобы она наконец заговорила. В конце концов она сделала это, не глядя на него.

— Я хотела тебя кое о чем спросить, — сказала она. — Нужно найти Чужих, нужно уничтожить это племя налетчиков. Поскольку наши люди в основном крестьяне, у нас нет охотников. Даже наши стражники не осмеливаются углубляться в глоны, и наверняка не сумели бы проделать тот путь, что прошли вы. Ты нам нужен, Рой, чтобы вести нас на врагов. Мы хотим показать тебе достаточно, чтобы убедить тебя, что это и твои враги.

Теперь она смотрела на Комплейна, улыбаясь мило и немного жалобно.

— Когда ты так смотришь на меня, я готов пойти даже на Землю! — воскликнул он.

— Этого нам от тебя не нужно, — сказала она, по-прежнему улыбаясь. — Сейчас нам нужно идти и узнать, как дела у Роджера. Я уверена, что он снова взял на свои плечи все проблемы корабля. Я говорила тебе о Чужих, а он расскажет

о банде Грегта.

У мастера Скойта на этот раз было не только много работы, но и много удачи. Впервые чувствуя, что добивается чего-то конкретного, он был в хорошем настроении и встретил Комплейна как старого приятеля.

Допрос Фермура, который по-прежнему находился под постоянным надзором, был отсрочен из-за какого-то происшествия в Бездорожьях. Патруль Носовиков, услышав какой-то шум в джунглях, рискнул пройти до Палубы 29 (это была именно та палуба, где были схвачены Комплейн и Мараппер). Палуба эта, отделенная всего лишь четырьмя другими от границы Носа, была сильно разрушена, и патруль не решился идти дальше. Разведчики вернулись с пустыми руками, доложив, что на Палубе 30 идет какая-то битва, и что слышны пронзительные крики мужчин и женщин.

На этом все дело могло бы и кончиться, если бы вскоре после этого один из бандитов Грегга не подошел к баррикаде, прося перемирия и разговора с каким-нибудь из руководителей.

— Он сидит рядом, в камере, — сказал Скойт. — Это странный человек. Зовут его Гавл. Если не считать того, что своего шефа он называет “капи-

тан", он выглядит совершенно нормально.

— Чего он хочет? — спросила Виан. — Это дезертир?

— Гораздо хуже, чем дезертир, Лаур, — сказал Скойт. — Битва, о которой докладывал патруль из Бездорожий, велась между бандой Грегга и какой-то еще. Гавл не хочет ничего больше говорить, но эта история весьма их напугала. Короче говоря, Грегг через Гавла просит мира и хочет отдать свое племя под опеку Носа.

— Это западня! — воскликнула Виан. — Они просто хотят проникнуть сюда!

— Не думаю, — сказал Скойт. — Гавл наверняка говорит правду. Дело в том, что Грегг, зная свою репутацию, требует, чтобы кто-нибудь с Носа отправился к нему для передачи условий. Это должно быть проявлением доброй воли с нашей стороны. Кто-нибудь, избранный для этой цели, должен отправиться с Гавлом в джунгли.

— Это подозрительно, — сказала Виан.

— Ну что же, сначала тебе нужно его увидеть. Только приготовься к потрясению — это не очень привлекательный экземпляр рода человеческого.

Вместе с Гавлом находились двое офицеров, которые должны были охранять его, но вместо

этого избивали связанными в узлы веревками. Скойт грубо выгнал их, но какое-то время не мог добиться от Гавла ни слова. Только обещание добавить еще заставило пленника наконец сесть. Это на самом деле был странный человек, немного отличающийся от мутанта. Мадароз совершенно лишил его волос, так что у него не было ни бороды, ни даже бровей, не было у него и зубов, а деформация привела к тому, что его лицо в верхней части было значительно больше нижней, настолько дегенерировавшей, что верхняя челюсть практически висела в воздухе, а лоб был настолько выдвинут вперед, что почти полностью закрывал глаза. Однако, главный странностью было нормальное туловище с насаженной сверху головой, размером не больше двух мужских кулаков, поставленных друг на друга.

Увидав неприязненные взгляды Виан и Комплейна, он забормотал фрагмент Святого Писания:

— Чтобы мои нервы не оскорбляли…

— Итак, Позорная Рожа, — прервал его Скойт, — какие гарантии вы можете дать нашему представителю — если мы вообще пошлем его?

— Если я вернусь к капитану, — пробормотал Гавл, — ваш человек вернется к вам. Это мы мо-

жем обещать.

— Далеко ли идти до этого бандита, которого ты называешь капитаном?

— Это узнает ваш человек, если пойдет со мной, — ответил Гавл.

— Верно. Или же мы вытянем это из тебя здесь.

— Не вытянете! — В голосе этого странного человека было нечто, вызывающее уважение.

Скойт это почувствовал. Он велел ему встать, почиститься и выпить воды. Пока Гавл проделывал все это, Скойт спросил:

— Сколько людей у Грегга?

Гавл поставил стакан на стол и сказал, вызывающе уперев руки в бедра:

— Это узнает ваш человек, когда пойдет со мной. Я уже сказал все, что должен был передать, теперь решайте сами, согласны вы или нет. Однако запомните, что если мы придем сюда, то не станем причинять неприятностей. Мы охотнее будем сражаться за вас, чем против вас. В этом мы готовы присягнуть.

Скойт и Виан переглянулись.

— Стоит попробовать, если мы найдем какого-нибудь легкомысленного охотника, — сказал Скойт.

— Я должна идти к Совету, — сказала Виан.

Комплейн, который до этого не произнес ни слова, обратился к Гавлу:

— Скажи, человек, которого ты называешь капитаном, имеет еще какое-нибудь имя, кроме имени Грегг?

— Ты можешь сам спросить его об этом, когда будешь договариваться об условиях, — повторил Гавл.

— Посмотри на меня внимательно. Не напоминаю ли я тебе капитана? Отвечай!

— Капитан носит бороду! — уклончиво ответил Гавл.

— Ему нужно поделиться ею с тобой, чтобы ты прикрыл свою челюсть! — рявкнул Комплейн. — А что ты скажешь на это: у меня был брат, который давно впал в бешенство и скрылся в Бездорожьях. Его звали Грегг, Грегг Комплейн. Это твой капитан?

— О, боже! — сказал Гавл. — Подумать только, у нашего капитана есть брат, и он сидит здесь, в этом гнезде тюремщиков!

Комплейн повернулся к мастеру Скойту, на лице которого было удивление и возбуждение, и сказал:

— Я готов идти с этим человеком к Греггу.

Это предложение явно устраивало мастера

Скойта. С присущей ему энергией он принялся добиваться, чтобы Комплейна отправили как можно быстрее. Он воспользовался всей силой своей мягкой, но несгибаемой убежденности, чтобы добиться немедленного созыва Совета Пяти. Трегоннин к своему неудовольствию был вытащен из Библиотеки, Заку Дейту пришлось прервать теологический диспут с Мараппером, Биллой, Дюпон и Рускин были оторваны от срочных занятий. После тайного совещания вызвали Комплейна, проинструктировали его об условиях, которые он должен предложить Греггу, и отослали, желая пространства. Он должен был спешить вернуться прежде, чем наступит очередная темная сон-явь.

Несмотря на то, что присутствие Грегга на Носу имело свои отрицательные стороны, Совет согласился терпеть их, ибо это означало конец набегов, и кроме того, таким образом они приобретали ценного союзника для борьбы с Чужими.

Дежурный охранник вернул Комплейну фонарь и парализатор. Он как раз был занят тем, что закреплял их на поясе, когда в комнату вошла Виан, закрыв за собой дверь. На лице ее было упрямство.

— Я иду с тобой, — сказала она безо всякого

вступления.

Комплейн подошел к ней, протестуя. Она не привыкла к глонам, в них могла таиться какая-нибудь опасность. Грегг мог оказаться предателем, а она ведь была женщиной. Она прервала его тираду.

— Нет смысла спорить, — коротко сказала она. — Это приказ Совета!

— Ты обманула их! — воскликнул он. Заметив по ее лицу, что не ошибся, он почувствовал себя счастливым. — Почему ты хочешь идти со мной? — спросил он.

Ответ не был таким лестным, какой он ожидал услышать. Виан всегда хотела поохотиться в глонах и, по ее словам, это был исключительный случай. Это напомнило Комплейну Гвенни и ее любовь к охоте. Не слишком приятное воспоминание.

— Будь внимательна, — сказал он, желая в то же время, чтобы причина, по которой она присоединилась к нему, была более интимной.

Прежде чем они отправились, появился Мараппер, чтобы сказать Комплейну несколько слов наедине. Он нашел себе новую цель в жизни — обращение жителей Носа в Науку. Со времени правления Совета Наука теряла свое влияние.

Главным ее противником был Зак Дейт, отсюда и споры между ним и Мараппером.

— Мне не нравится этот человек, — ворчал священник. — В нем есть что-то чудовищно откровенное.

— Прошу тебя, не разводи здесь диспутов, — просил Комплейн, — именно сейчас, когда эти люди решили нас принять. Мараппер, успокойся, ради бога! Перестань быть собой.

Мараппер с такой силой покачал головой, что у него затряслись щеки.

— Ты теряешь веру, Рой! — сказал он. — Я должен затевать диспуты. Беспокойство дремлет в людях, и я должен вытащить его на поверхность. В этом наше спасение, и если я при этом найду — сторонников, тем лучше. Рой, друг мой, неужели только затем мы прошли вместе такую длинную дорогу, чтобы встретиться с девушкой, которая сбила тебя с пути?

— Если ты имеешь в виду Виан, священник, — сказал Комплейн, — то лучше оставь ее в покое. Я уже предупреждал тебя, между вами нет ничего общего.

Он произнес с вызовом, но Мараппер был сладок, как мед.

— Не думай, будто я имею что-то против нее,

Рой. Хотя я и не могу простить тебя, как священник, поверь мне, что как мужчина, я завидую тебе.

Он выглядел совершенно покинутым, когда Комплейн и Виан ушли в сторону баррикады, где их ждал Гавл. Нос, где все было ему чуждым, заметно поумерил его амбиции. Для Мараппера наверняка лучше было быть крупной рыбой в маленьком пруду, чем наоборот. Там, где Комплейн находил себя, священник начинал теряться.

Гавл стоял, склонив набок свою невероятно маленькую голову. Он был более чем доволен возвращением в глоны; прием, оказанный ему Носом, был не очень-то приятен. Когда всю тройку пропустили за баррикаду, он пошел первым, Виан за ним, а Комплейн замыкал шествие. Гавл выглядел сейчас уже только капризом природы — он двигался так ловко, что Комплейн, как охотник, только диву давался: этот человек не коснулся ни единого листа. Комплейн никак не мог понять, что могло настолько испугать его, что он готов сменить свою естественную среду обитания на неизвестные ему порядки Носа.

Им нужно было пройти всего две палубы, и они недолго были среди глонов, к счастью для Виан, которая убедилась, что джунгли не ро-

мантический уголок, а место однообразное, раздражающее и полное маленьких черных комаров. Она возблагодарила судьбу, когда Гавл наконец остановился, высматривая что-то среди редеющих стеблей.

— Я узнаю это место! — воскликнул Комплейн. — Недалеко отсюда нас с Мараппером схватили.

Перед ними тянулся черный разрушенный коридор с продырявленными стенами и потолком, широко разодранным каким-то давнишним взрывом. Это было место, в котором экспедиция из Кабин впервые столкнулась с невесомостью. Гавл зажег свет и пронзительно свистнул. Из отверстия в потолке спустили веревку.

— Если вы подойдете и ухватитесь за веревку, то вас втянут наверх, — сказал он. — Подходите медленно и держитесь крепко. Это очень просто.

Виан, впервые оказавшаяся в состоянии невесомости, вскрикнула от страха. Комплейн более опытный, схватил ее за талию и удержал. Наконец, они добрались до веревки и поплыли вверх. Их протащили через перекрытия и через потолок следующего уровня — видимо, взрыв имел большой радиус действия. Гавл, отказавшись от веревки, прыгнул вверх и приземлился перед

ними.

Их встретили четыре оборванца, склонившихся над игрой “Прыгай Вверх”, в которую они играли не задумываясь, явно не придавая значения результатам. Виан и Комплейн стояли в разрушенной комнате, по-прежнему в состоянии невесомости. Вокруг отверстия, через которое они прибыли, были нагромождены кучи обломков, служившие, вероятно, защитой для тех, кто его охраняет. Комплейн ожидал, что у него отберут парализатор, но Гавл только обменялся несколькими словами со своими оборванными приятелями, после чего вывел парламентеров в коридор. Немедленно вернулась сила тяготения.

Коридор был полон раненых мужчин и женщин, лежавших на грудах сухих глонов. У большинства из них были перевязаны лица или ноги — это были, по всей видимости, жертвы последней битвы. Гавл быстро прошел мимо, сочувственно цокая языком, и вошел в комнату, полную мужчин, тоже по большей части носивших повязки. Среди них находился Грегг Комплейн.

Это, несомненно, был Грегг. Вечного выражения недовольства не изменила ни большая борода, ни шрам на виске. Когда Виан и Комплейн подо-

шли, он встал.

— Это капитан, — сказал Гавл. — Я привел вашего брата и прекрасную даму, капитан. Они будут вести переговоры.

Грегг подошел к ним, глядя так внимательно, как будто от этого зависела его жизнь. Он забыл старый обычай Кабин, и смотрел им прямо в глаза. При этом выражение его лица не изменилось: узы крови не имели для него никакого значения.

— Ты прибыл с Носа официально? — спросил он наконец младшего брата.

— Да, — ответил Комплейн.

— Быстро же ты втерся к ним в доверие, а?

— Что ты вообще об этом знаешь? — вызывающе спросил Комплейн. Упрямство и чувство независимости брата значительно возросли со времени его ухода из Кабин.

— Я многое знаю о Бездорожьях, — сказал Грегг. — Я — КАПИТАН Бездорожий. Я знаю, что вы шли в направлении Носа. Ну ладно, перейдем к делу. Зачем ты привел с собой эту женщину? Чтобы она вытирала тебе нос?

— Как ты только что заметил, перейдем к делу, — резко сказал Комплейн.

— Полагаю, она пришла, чтобы следить за тобой и за тем, как ты будешь себя вести, — буркнул

Грегг, — это типично для Носовиков. Идите за мной, здесь слишком шумно от стонов. Гавл, ты тоже иди с нами. Дэвис, останешься за меня, успокой их, если сможешь.

Следуя за несколько сутулящимся Греггом, Комплейн и Виан вошли в другую комнату, где царил неописуемый балаган. Поверх многочисленной мебели лежали окровавленные тряпки и обрывки одежды, пропитанные кровью повязки валялись на полу, похожие на растоптанные блинчики с конфитюром. В Грегге еще теплились остатки хороших манер, потому что, видя на лице Виан отвращение, он извинился за беспорядок.

— Моя женщина погибла во время битвы, — сказал он. — Ее разорвали в клочья, вы наверняка не слышали таких воплей. Я не мог к ней пробиться, просто не мог… Она бы уже давно убрала здесь. А может, это сделаете вы?

— Мы обсудим ваше предложение и немедленно уйдем, — жестко сказала Виан.

— Что произошло во время битвы, Грегг? Что тебя так испугало? — спросил Комплейн.

— Для тебя я тоже капитан, — ответил он. — Никто не обращается ко мне по имени. И пойми одно: я не боюсь, ничто и никогда не могло меня испугать. Я думаю только о своем племени. Если

мы останемся здесь, то наверняка погибнем все. Нам нужно уходить отсюда, а Нос — достаточно безопасное место. — Он сел на кровать и жестом пригласил брата садиться. — Людей можно победить, но крыс — нет.

— Крыс? — как эхо повторила Виан.

— Да, крыс, моя красавица. — Грегг оскалил зубы в усмешке. — Большие, сильные крысы, которые умеют думать и поступать как люди. Ты знаешь, о чем я говорю, Рой?

Комплейн побледнел.

— Да, — сказал он. — Они уже бегали по мне. Они переговариваются, одеваются и держат в неволе других зверей.

— Так ты о них знаешь? Удивительно… Тебе известно больше, чем я думал. Это огромная угроза — стаи крыс, самая большая опасность на корабле. Они научились действовать вместе и атакуют сообща, как например, во время последнего сна, когда они напали на нас. Мы не сможем победить их, если они появятся снова.

— Поразительно! — воскликнула Виан. — На Носу не было никаких атак.

— Может, и нет. Нос — еще не весь мир, — иронически сказал Грегг. По его гипотезе следовало, что крысы держатся Бездорожий, поскольку

именно там встречаются люди-одиночки, которых легко атаковать и уничтожить. Их последнее нападение могло быть, с одной стороны, доводом в пользу их высокой организации, а с другой — случайностью. Они не представляли себе сил банды Грегга. Тут Грегг видимо, решил, что сказал уже достаточно, и сменил тему.

Как он утверждал, его планы переселения на Нос были очень просты. Он хотел сохранить свой отряд, насчитывающий около пятидесяти человек, как независимую единицу, не смешивающуюся с другими жителями Носа. Отряд этот должен был проводить все яви в Бездорожьях и возвращаться на Нос только на время сна. Они взяли бы на себя ответственность за охрану Носа от Чужих, Гигантов, крыс и прочих напастей.

— А чего ты хочешь взамен? — спросил Комплейн.

— Взамен я хочу сохранить право наказывать своих людей. Кроме того, обращаясь ко мне, все должны говорить “капитан”.

— Не слишком ли это по-детски?

— Ты так считаешь? Ты никогда не знал, что для тебя хорошо. У меня есть старый дневник, из которого ясно, что я и ты, разумеется, тоже — потомки капитана этого корабля. Его звали

капитан Комплейн, капитан Грегори Комплейн. Ему принадлежал весь корабль. Представь это себе, если сумеешь…

Лицо Грегга, обычно грубое, сияло гордостью; где-то глубоко в нем тлела искорка человечности, желание жить в согласии с окружающим миром… Через мгновение он снова стал дикарем, сидящим на окровавленных тряпках. Когда Виан спросила о возрасте дневника, он ответил, что не знает, потому что не прочел ничего, кроме титульного листа. Комплейн подумал, что и на это ему потребовалось много времени.

— Дневник лежит в шкафу за твоей спиной, — сказал Грегг. — Если мы договоримся, я когда-нибудь покажу его тебе. Вы уже решились?

— Ты предлагаешь нам слишком мало, чтобы твое предложение было заманчивым, — ответил Комплейн. — Например, эта угроза крыс. Ты преувеличиваешь ее по одним тебе известным причинам.

— Ты так думаешь? — Грегг встал. — Пойди и посмотри сам. Останься здесь, Гавл, и приглядывай за этой дамой. То, что мы идем смотреть, не годится для ее глаз.

Он провел Комплейна запущенным коридором, объясняя по дороге, как он жалеет, что должен

покинуть свое теперешнее убежище. Давний взрыв и система закрытых межпалубных дверей создали для его банды что-то вроде крепости, попасть в которую молено было только через разрушенный потолок. Однако видно было, что несмотря ни на что общение с братом доставляет ему удовольствие. Наконец он открыл дверь в маленькую, похожую на шкаф, комнату.

— Вот твой старый приятель, — сказал он, указывая рукой.

Зрелище представшее глазам Комплейна, поразило его. На грязных нарах лежал Эрни Роффери, оценщик. Узнать его можно было с большим трудом. У него не хватало трех пальцев, половины лица, не было и одного глаза. Большая часть некогда великолепных усов была теперь отгрызена. Это было делом крыс, чего Комплейну объяснять не было нужды, — потому что он сам видел следы зубов на костях лица. Оценщик не шевелился.

— Я бы ничуть не удивился, окажись, что он уже отправился в Долгое Путешествие, — равнодушно заметил Грегг. — Бедняга, он очень страдает. У него выедена половина грудной клетки.

Он грубо потряс Роффери за плечо, поднял ему голову и опустил снова.

— Еще теплый, но без сознания, — сказал он. —

Из этого ты должен уяснить, с чем нам придется иметь дело. В последнюю явь мы нашли этого героя за много палуб отсюда. Он сказал, что это крысы его обработали. От него я и узнал о тебе. Это неплохой человек.

— Один из лучших, — сказал Комплейн. Горло у него сжалось, и он почти не мог говорить. Как загипнотизированный смотрел он на чудовищно искалеченное лицо Роффери, тогда как брат его говорил дальше. Крысы напали на Роффери в плавательном бассейне. Одурманенного газом Гигантов, они погрузили его на что-то вроде носилок и потащили в свое селение. Там, после пыток, они приступили к допросам.

Селение это находилось между двумя заваленными палубами, куда не мог проникнуть ни один человек. Они были буквально забиты крысами, которые из различных обломков построили себе жилища. Роффери видел зверей, которых крысы держали в неволе. Многие из этих беспомощных созданий были деформированы физически, а некоторые могли проникать в сознание других. Этих-то мутантов и использовали крысы для допроса Роффери. Комплейна бросило в дрожь. Он хорошо помнил отвращение, испытанное после вопросов кролика. Ощущения Роффери, навер-

ное, были гораздо сильнее. Если крысы узнали от него что-нибудь — а они уже должны были знать о людях многое — то и Роффери кое-чему научился у них. Прежде всего, крысы знали корабль, как не знал его ни один человек; по крайней мере со времен катастрофы чаща не представляла для них преграды — они передвигались узкими проходами между палубами и поэтому так редко попадались на глаза. Они путешествовали тысячами каналов и труб, которые были артериями большого корабля.

— Теперь ты знаешь, почему я не чувствую себя здесь спокойно, — сказал Грегг. — Я не хочу, чтобы моя голова была объедена. По-моему, крысы — это уже конец. Вернемся к твоей девушке, брат. Ты хорошо выбрал. Моя была не такой красивой, и ножные суставы у нее так окостенели, что она не могла согнуть колен. Впрочем, это не мешало ей в постели.

Когда они вернулись, Виан очень обрадовалась. Она сидела, попивая какой-то горячий напиток. Зато Гавл был явно обеспокоен и объяснил, что от зрелища окровавленных тряпок ей стало плохо и пришлось принести ей чего-нибудь выпить.

— Кое-что осталось и для вас, капитан, — добавил микроцефал.

Пока Грегг пил, Комплейн начал собираться в дорогу. Он все еще был потрясен видом Роффери.

Грегг твердо посмотрел на брата. Под его внешним равнодушием таилось беспокойство, ему явно очень хотелось поскорее увести банду на Нос. Ведь может, впервые за все время он осознал, что его младший брат представляет силу, с которой нужно считаться.

— У меня есть подарок для тебя, — неловко сказал он и поднял что-то с кровати. — Это нечто вроде парализатора, я забрал его две недели назад у Гиганта, которого мы сразили копьем. Он убивает с помощью тепла. Им трудно управлять и, если ты не будешь внимателен, то можешь обжечься, но он очень хорош против крыс.

“Парализатор” был тяжелым металлическим предметом. После нажатия кнопки из него выделялся почти невидимый луч тепла, но радиус действия был невелик. Комплейн принял подарок с благодарностью и очень сердечно расстался с братом.

Виан и Комплейн возвращались на Нос без эскорта. Комплейн, более чем обычно обеспокоенный, везде высматривал крыс. Они добрались до места беспрепятственно и застали Нос в смятении.

4

На Нос проник Гигант. Он не проходил ни через одну из баррикад, и тем не менее появился вдруг на Палубе 14 перед возвращавшейся с работы девушкой. Прежде чем она успела крикнуть, ее схватили, связали и сунули в рот кляп. Гигант не причинил ей вреда и, связав, исчез. Не теряя времени, девушка выплюнула кляп и начала звать на помощь.

Стражники немедленно начали поиски пришельца. Тревожное подтверждение существования Гигантов — если Нос вообще в нем нуждался, беспокоило тем сильнее, что все происшедшее не имело смысла и явно предшествовало чему-то весьма неприятному. Все решили, что Гиганты решили прервать свой долгий сон и снова овладеть кораблем. В поисках участвовали мастер Скойт и большинство его людей; в эту минуту они патрулировали все уровни поблизости от места происшествия.

Виан и Комплейн узнали об этом от возбужденного стражника у баррикады. Подходя к своим комнатам, они услышали издалека свистки; коридоры были почти пусты, вероятно, боль-

шинство людей присоединились к погоне. На Носу, так же как и в Кабинах, всякие развлечения приветствовали очень бурно.

— Это нам на руку, — сказала Виан. — Я не хочу докладывать Совету, пока не поговорю с тобой. Не знаю, что ты думаешь, но в одном я уверена: мы не можем впустить сюда банду твоего брата. Нам с ними не справиться.

Комплейн инстинктивно почувствовал, что она имеет в виду и, хотя был склонен с ней согласиться, спросил:

— По-твоему, лучше оставить их на милость крыс?

— Грегг сознательно преувеличивает опасность от крыс, чтобы под этим предлогом проникнуть сюда. Если он так боится крыс, то пусть уходит дальше от Бездорожья. Мы не можем впустить его сюда, это сломает всю вашу организацию.

Губы Виан были гневно сжаты. Она была так уверена в себе, что Комплейн вдруг взбунтовался. Видя гнев в его глазах, она усмехнулась.

— Пойдем ко мне в комнату, поговорим.

Это было помещение, похожее на комнату Комплейна, казарменное и довольно пустое, с той разницей, что на полу лежал цветной ковер. Виан закрыла за собой дверь.

— Мне придется уговорить Роджера и Совет ни в коем случае не впускать сюда Грегга. Ты, наверное, заметил, что у половины его людей есть различного рода уродства? Мне кажется, он просто вынужден принимать всех, — даже недоразвитых, охотников, которые встретятся ему в Бездорожьях, но мы ни в коем случае не можем себе этого позволить.

— Он знает о Бездорожьях больше, чем кто-либо другой, — сказал Комплейн, раздраженный ее упорством. — В случае вылазки в глоны, он был бы незаменим.

Она махнула рукой, а потом мягко положила ее ему на плечо.

— Не будем ссориться. Эту проблему решит Совет, а кроме того, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Прежде чем мы сменим тему… — прервал ее Комплейн. — Грегг сделал одно замечание, которое меня обеспокоило. Он считает, что ты пошла со мной, чтобы следить за мной. Это правда?

Она испытующе посмотрела на Комплейна. Серьезность исчезла из ее глаз.

— А может, я люблю на тебя смотреть?

Комплейн оказался в одной из ситуаций, из которых нет выхода. Кровь бурлила у него в

жилах, и он чувствовал, что произойдет через мгновение. Он швырнул на кровать тяжелое оружие, полученное от Грегга. Ничто не смогло бы удержать его от того, чтобы обнять, прижать к себе эту неприступную черноглазую девушку и целовать ее в губы. Впрочем, он не встретил никакого сопротивления с ее стороны, наоборот, она широко открыла глаза, полные желания, такого же необузданного, как и у него.

— "Дома охотник, дома с добычей…" — прошептала Виан, цитируя фрагмент стихотворения, которое учила, когда была ребенком. — Теперь ты останешься на Носу, правда, Рой?

— Зачем эти ненужные вопросы?! — воскликнул он, поднимая руки, чтобы коснуться ее волос. Они стояли обнявшись, глядя друг на друга…. Это длилось вечность.

— Нет, так нельзя, — сказала наконец Виан. — Идем, я кое-что покажу тебе, нечто потрясающее. Если повезет, мы многое узнаем о корабле.

Виан снова была на земле. У Комплейна возвращение заняло гораздо больше времени. Она села на кровать, а когда Комплейн сел рядом с ней, расстегнула платье, вытащила черную узкую книжечку, теплую от ее тела, и подала ему. Комплейн выпустил книжку и положил руку ей

на блузку, чувствуя под ладонью крепкие груди.

— Лаур, дорогая, — произнес он в первый раз ее имя, — неужели мы должны разглядывать эту проклятую книжку именно сейчас?

Виан решительно вложила книжку ему в руку.

— Да, должны, — сказала она. — Она была написана твоим предком. Я украла ее из шкафа Грегга, когда послала этого урода Гавла за питьем. Это дневник Грегори Комплейна, в свое время — капитана этого корабля.

Инстинктивное предчувствие, подтолкнувшее Виан украсть дневник, оказалось правильным и счастливым. Правда, в нем было всего несколько страниц, но содержание их оказалось необыкновенным. Виан читала быстрее, поэтому Комплейн отдал ей книгу и, положив голову ей на колени, слушал. Трудно было придумать что-либо более увлекательное, даже если бы они знали обстоятельства, благодаря которым эта маленькая книжка сохранилась столько лет.

Сначала им трудно было что-либо понять, потому что ни один из них не знал фактов, на которые ссылался автор, однако вскоре они поняли кошмарную ситуацию, в которой оказался и пишущий, и его современники. Трагедия далекого прошлого вдруг снова надвинулась на них.

Капитан Грегори, как быстро догадалась Виан, был первым капитаном корабля во время его обратного пути с Проциона к Земле.

Многозначительная запись появилась уже через несколько страниц.

28. XI.2521.

Усиливаются неприятности в Сельскохозяйственном Отделе (писал давно умерший капитан Грегори). Уоткинс, животновод 1 класса, явился ко мне после утренней инспекции. Он доложил, что бледница, появившаяся у глонов, не проходит, несмотря на непрерывные добавки железа. Сразу после него появился лейтенант Стовер, которого экипаж называет Ноем. Он — специалист 1 класса по искусственному осеменению животных. Он тоже обеспокоен состоянием низших зверей, как Уоткинс состоянием высших видов растений. Похоже, что мыши размножаются быстрее, но их плоды в основном недоразвитые; подобные тенденции проявляются и у морских свинок. Это не очень большая неприятность, потому что большая их часть, в соответствии с планом, перебралась на Новую Землю (название Проциона V). Немногие оставшиеся — это отдушина для

чувствительности Ноя, хотя его аргумент, что они могут пригодиться для лабораторных опытов, не лишен смысла.

30. XI.2521.

В последнюю ночь прошел наш ежемесячный бал. Моя дорогая жена Ивонна, которая обычно их организует, трудилась не покладая рук. Выглядела она очаровательно, но, разумеется, время наложило на нас свои следы. Просто трудно поверить, что Френку уже восемнадцать лет! К сожалению, забава не удалась. Это был наш первый бал с момента старта с Орбиты Х, и отчетливо ощущалось отсутствие колонистов. Кажется, что на борту осталось очень мало людей. Мы уже десять дней как покинули Процион, а перед нами — бездна монотонных лет, отделяющих нас от цели.

Сегодня утром был в средней части корабля, чтобы посмотреть Отдел Разведения Растений. Уоткинс и Монтгомери, специалисты по глонам, были в гораздо лучшем настроении. Правда, урожай был гораздо хуже, чем до этого, но основные растения, те пять сортов, которые снабжают нас воздухом, поправляются: увеличенные дозы железа наверняка подействовали. Хуже дела у

Ноя Стовера — многие животные больны.

2. XII.2521.

Полная скорость. Можно сказать, что наше долгое путешествие домой началось всерьез. Если бы это хоть кого-то возбуждало… Настроение плохое… Ивонна и Френк великолепны, делают все, что могут, чтобы забыть о нашей маленькой Джой, в эту минуту такой далекой. В кабинах экипажа образовался отвратительный клуб под названием "Хватит размножаться". Об этом меня известил Отдел Внутренних отношений. Думаю, в этом случае основные людские желания победят. Больше меня беспокоит бедняга Бассит… Он был птичником 2 класса, но сейчас, когда все птицы, за исключением нескольких воробьев, остались на Новой Земле, ему нечем заняться. Он создал собственную религию, которую сколотил, опираясь на старые учебники по психологии, и провозглашает ее по всему Главному Коридору. Удивительно, но люди склонны его слушать.

Это все несущественные детали. Я как раз собирался заняться серьезными делами, когда меня вдруг вызвали. Позже напишу больше.

5. XII.2521.

Нет времени писать дневник. На нас обрушилось проклятье! Почти ни одно животное на борту не стоит на ногах, многие уже сдохли. Остальные лежат с затуманенными глазами, а начинающиеся время от времени мышечные судороги, являются единственными признаками жизни. Шеф Отдела Животноводства Дистафф, ходивший когда-то вместе со мной в школу, болен, но его подчиненные и Ной делают все возможное. Похоже, что больным животным не помогают никакие лекарства. Если бы они могли говорить! Техники стараются обнаружить причину эпидемии и работают в тесном контакте с лабораториями. Божья кара… Все это, конечно, вода на мельницу Бассита.

10. XII.2521.

Среди кипы обычных рапортов я каждый день нахожу на своем столе список больных. Восьмого было девять, вчера девятнадцать, сегодня сорок один, есть также, по-моему, совершенно излишняя просьба главного врача Тойнби о встрече со мной.

Пошел прямо в госпиталь, чтобы с ним поговорить. Он утверждает, что причиной болезни является пищевое отравление непонятного происхождения. Тойнби, как обычно, был очень занят и говорил всякие умные слова, хотя и не смог сказать ничего конкретного. Как он объяснил, его пациентов постигло то же, что и животных. Они производят удручающее впечатление, большинство из них — дети. Так же, как и животные, они лежат расслабленно, и время от времени у них начинаются судороги, кроме того, у них высокая температура, и вероятно, поражены голосовые связки. В госпиталь никого не впускали.

14. XII.2521.

Все дети и вся молодежь на корабле лежат в госпитале. Болеют также и взрослые. Общее число достигло сегодня 109. Это почти четверть всего экипажа, к счастью, взрослые менее подвержены болезни. Дистафф умер вчера, но он еще раньше был болен, Пока странный паралич не дает смертельных случаев. Везде лица, полные тревог, я с трудом могу смотреть на них.

17. XII.2521.

О господи, если ты не отвернулся от нас, когда мы стартовали, взгляни на нас сейчас! Прошло девять дней от появления первых девяти больных, сегодня умерло восемь из них. Все мы думали, да и Тойнби уверял нас, что им лучше. Оцепенение длилось неделю, последние два дня пациенты были спокойны, хотя температура у них не снижалась. Трое могли говорить и утверждали, что чувствуют себя неплохо, остальные шестеро были без сознания. Смерть пришла внезапно и спокойно. Лаборатория производит вскрытие тел. Шейла Симпсон — единственная из первой группы, кто еще жив. Это тринадцатилетняя девочка. Горячка уже немного спала, может, она и не умрет. Для следующих десяти случаев завтра кончается девятидневный цикл. Сейчас больны сто восемьдесят восемь человек, многие из них лежат у себя, потому что госпиталь переполнен. Личный состав силовой установки выполняет обязанности санитаров. Бассит кажется вездесущим. После ленча ко мне пришла делегация из двадцати офицеров под руководством Уоткинса — одни серьезные люди. Требовали повернуть к Новой Земле, прежде чем будет слишком поздно.

Пришлось убеждать их в обратном — среди них несчастный Крикскенк из Бортовой Прессы, его сын был один из восьмерых, умерших сегодня утром.

18. XII.2521.

Не мог заснуть. Сегодня утром заболел Френк, бедный мальчик. Лежит совершенно неподвижно, как труп, глядя… на что? Он всего лишь один из двадцати случаев, начинают болеть и старшие. Я был вынужден изменить прежний распорядок дня на корабле, еще несколько дней, и его придется полностью забросить. Слава богу, что большинство агрегатов действуют автоматически.

Из десяти пациентов, у которых сегодня кончился девятидневный цикл, семеро умерли. Трое оставшихся по-прежнему на грани смерти. Никаких изменений у маленькой Шейлы. Никто не говорит ни о чем другом, кроме так называемой "девятидневной заразы". Приказал запереть Бассита в камере за распространение пораженческих настроений. Очень устал после долгой инспекции Отдела Земледелия. Ной говорил мне, что заразой переболели девяносто процентов животных, из которых выздоровело около сорока пяти процентов. Хотелось бы, чтобы для

людей показатели были такими же хорошими! К несчастью, хуже всего перенесли болезнь крупные животные — ее не пережили лошади, и, что хуже всего, коровы. Овцы болели тяжело, свиньи и собаки относительно легче. Мыши и крысы выздоровели совершенно, а их способность размножаться нисколько не нарушилась. Обычные, растущие из земли, растения, проявили примерно такую же сопротивляемость. Все время здесь шла убийственная работа, но поредевшая команда отлично справилась с очисткой целых акров грядок. В соседних помещениях Монтгомери с гордостью показал мне свои глоны. Полностью излеченные от хлорозы (если это была хлороза), они более активны, чем когда-либо до этого; похоже, что их версия девятидневной заразы пошла им на пользу. Сейчас разводятся пять видов кислородовыделяющих глонов: два "влажных", один "псевдовлажный" и два "сухих". Особенно быстро растет один из "сухих" видов, представляющий съедобную форму первичного образца, который несколько сотен лет назад был выведен из примитивного растения. В Отделе Разведения Растений поддерживается высокая температура, и Монтгомери считает, что именно это дает такой хороший эффект.

Звонил в Лабораторию. Ученые обещают (уже не первый раз) приготовить лекарство против заразы к завтрашнему дню. К несчастью, большинство наших научных работников болеет, и этим занимается какая-то женщина по фамилии Пэйн.

21. XII.2521.

Сегодня навсегда покинул рубку. Иллюминаторы закрыты, и больше не видно этих ужасных звезд. Корабль окутывает мрачная безнадежность. Более половины команды больны Девятидневной Заразой, а из шестидесяти шести человек, закончивших полный цикл, сорок шесть мертвы. Правда, смертность ежедневно падает, но те, кто выжил, находятся по-прежнему в состоянии спячки. Например, Шейла Симпсон почти не шевелится. Руководить чем-либо становится все более трудно, контакт с удаленными частями корабля практически не существует, потому что весь персонал связи болен. Везде видны группы мужчин и женщин, держащихся вместе и чего-то ожидающих. Царит всеобщая апатия или же наоборот — развязность. У меня перед глазами постоянно страшная картина — все мы умерли, а наша гробница мчится вперед,

чтобы через тысячи лет попасть в сферу притяжения какого-нибудь солнца. Этот пессимизм — призрак слабости, даже Ивонна не в состоянии меня развеселить. Ученые уже знают причину заразы.

Вот как выглядят результаты исследований. Прежде чем мы покинули новую планету, произошла полная замена воды. Все наши старые запасы воды были выброшены на планету, а на их место доставлены новые. Автоматический процесс, заключающийся в конденсации влаги из воздуха и сборе ее в резервуары, действовал все время великолепно, но, разумеется, вода, используемая многократно, стала, мягко говоря, тошнотворной. Новая вода, набранная в источниках Проциона V, имела хороший вкус. Разумеется, ее исследовали на присутствие микроорганизмов и фильтровали, но, видимо, не так тщательно, как следовало бы. Короче говоря, в воде имелись белки, которые в коллоидных растворах прошли сквозь наши фильтры.

Джун Пэйи из Научного Отдела, энергичная и самоуверенная молодая особа, которой гипераграфобия[4] *не позволила остаться вместе с*

---

[4] notes: 4
Агорафобия — боязнь открытых пространств.

мужем на Проционе V, объяснила мне весь процесс. Составными частями белков являются аминокислоты. Будучи основными строителями, они образуют белки, соединяясь в пептидные цепочки. Число известных аминокислот — двадцать пять, и они могут образовывать бесчисленное множество белков. К несчастью, в воде Проциона V находилась двадцать шестая аминокислота.

В резервуарах начался гидролиз белков на их составные части, как это, вероятно, бывало и на планете. Тем временем все живые организмы на борту: люди, животные, растения поглощали много галлонов воды ежедневно. В их телах аминокислоты вновь образовывали молекулы белка, которые использовались клетками как топливо и в сложном процессе метаболизма вновь распадались на аминокислоты. Так происходит в нормальных условиях, а двадцать шестая аминокислота вызывает нарушение этого процесса. Ее присутствие ведет к образованию слишком сложных молекул, свободно использовать которые живые организмы не могут. Именно этот факт является причиной паралича конечностей. Как объясняет Пэйн, более плотная пептидная цепочка, возникающая при участии новой аминокислоты, образуется частично из-за большей

силы тяжести на Новой Земле. Нужно признать, что мы очень мало знаем о том, каким образом тяготение влияет на соединение отдельных частиц. Поселки на Новой Земле должны в эту минуту находиться в той же трагической ситуации, что и мы, хотя у их жителей перед нами то преимущество, что они умирают под открытым небом.

22. XII.2521.

Вчера не было времени, чтобы закончить, зато сегодня его слишком много. Измученный Тойнби доложил утром об очередных четырнадцати смертях. Девятидневная Зараза безраздельно господствует на корабле — моя дорогая Ивонна ее последняя жертва. Я уложил ее в постель, но не могу на нее смотреть — это слишком страшно. Я совершенно перестал молиться.

Заканчиваю писать о том, что узнал от Джун Пэйн. Она высказала осторожный оптимизм в оценке шансов экипажа пережить Заразу. Организмы жертв Заразы как будто лишены всякой активности, но их внутренний защитный аппарат борется со слишком сложными молекулами белка. Организм достаточно гибкий выйдет из этой борьбы победителем и приспособится к из-

менившейся ситуации — "лишняя аминокислота не может нам слишком сильно повредить", смело утверждает мисс Пэйн. Новая аминокислота, названная пэйнином (о чем мне сообщила эта энергичная молодая особа), была выделена и, так же, как известные лейцин и лизин, значительно влияет на рост. Каким будет это влияние, покажут дальнейшие наблюдения, для которых, по-моему, уже не будет времени. Зато у нас есть уже первые результаты. Растения в большинстве своем приспособились к пэйнину и, когда это произошло, начали быстро развиваться. Животные приспособились в зависимости от видов, но только разведение свиней заметно продвинулось вперед.

По мнению Пэйн, всех, кто пережил болезнь, нужно считать мутантами (она называет это мутацией незначительной степени). Похоже, что высокая температура, царящая в Отделе Земледелия, оказалась очень полезной. Я распорядился, чтобы силовая установка подняла температуру на всем корабле на десять градусов. Это было единственное наше мероприятие, продиктованное заботой обо всех...

По всей вероятности, чем сложнее организм, тем труднее ему приспособиться к новому белку.

Это очень плохо для человека, а точнее говоря, для нас.

25. XII.2521.

Тойнби и Монтгомери заболели. Это два из пяти новых случаев. Необыкновенный белок уже выполнил большую часть своей задачи. Анализируя списки больных, присылаемых из госпиталей, я пришел к выводу, что чем старше человек, тем дольше он сопротивляется болезни, но зато у него гораздо меньше шансов выжить, если болезнь его все-таки настигнет. Спросил об этом Пэйн, когда она пришла меня навестить, но она считает, что возраст не имеет в этом случае большого значения. Молодые всегда и все переносят легче стариков.

Маленькая Шейла Симпсон выздоровела! Шестнадцать долгих дней назад она была одним из первых случаев. Пошел ее проведать; выглядит здоровой, только очень нервна и какая-то не в меру быстрая в движениях. У нее по-прежнему высокая температура, но все же она — наш первый случай выздоровления!

Это абсурд, но я оптимист. Если хотя бы сто мужчин и женщин выживут, они смогут размножаться, а их потомки доведут корабль до цели.

Есть ли какой-то нижний предел для предохранения рода человеческого от вымирания? Ответ, несомненно, таится где-то в библиотеке, среди этих мрачных томов, написанных и напечатанных предыдущими жителями корабля.

Глупая история, но сегодня вспыхнул бунт, во главе которого встали сержант Тунгсен из Бортовой Полиции и "Пиро" Мэрфи, единственный живой оружейник. Они впали в бешенство и, пользуясь ручным атомным оружием, которое не оставили на Проционе V, убили шестерых своих товарищей и нанесли изрядные повреждения кораблю. Это довольно странно, но меня они не искали. Я приказал разоружить их и посадить под арест. Наконец-то Басситу будет кому читать свои проповеди. Все оружие, за исключением невротического или так называемых парализаторов, я приказал собрать и уничтожить, чтобы не допустить дальнейшего разрушения корабля. Парализаторы действуют только на живые существа, на мертвую материю они не влияют.

25. XII.2521.

Очередная попытка бунта. Он вспыхнул, когда я находился в Отделе Земледелия. Как один из важнейших отделов корабля, он должен рабо-

тать любой ценой. Кислородовыделяющие глоны оставили в Покое, потому что они справятся сами. Упоминавшийся Мной раньше "сухой" вид растений разросся, перебравшись с грядок на пол, и, похоже, становится совершенно независимым. Я как раз разглядывал его, когда вошел Ной Стовер с парализатором в руке, окруженный группой возбужденных молодых женщин. Он выстрелил в меня. Когда я пришел в себя, меня затащили в рубку и пригрозили смертью, если я немедленно не поверну корабль в сторону Новой Земли! Мне пришлось очень долго объяснять им, что поворот на 180° при нынешней скорости около 2200000 км /час продолжался бы примерно пять лет. Под конец я продемонстрировал им цифровые данные на бумаге, и это их убедило. Однако, известие это так потрясло их, что они все равно решили меня убить.

Кто меня спас? Со стыдом вынужден признаться, что не мои офицеры, а Джун Пэйн, в одиночку! Моя маленькая героиня из Научного Отдела! Она налетела на них с такой яростью, что в конце концов они убрались во главе с Ноем. Теперь мне слышно, как они шумят на ближних палубах — добрались до запасов алкоголя.

26. XII.2521.

У нас уже шесть человек совершенно здоровы. У всех у них повышенная температура, двигаются они нервно и быстро, но утверждают, что чувствуют себя хорошо. К счастью, они совершенно не помнят страданий, которые испытали. Зараза тем временем продолжает собирать урожай. Рапорты из госпиталя больше не поступают, но мне кажется, что здоровых людей не больше пятидесяти. Пятьдесят! Предел их выносливости (и моей тоже) неотвратимо приближается. Нельзя избежать накопления чужеродного белка, но поскольку странные соединения аминокислот возникают случайно, некоторые из нас избегают фатальных результатов дольше, чем другие. Так во всяком случае утверждает Джун Пэйн. Она снова была у меня, и я ей очень благодарен за оказанную помощь. Кажется, я чувствую себя очень одиноким, потому что неожиданно для себя страстно поцеловал ее! Физически она очень привлекательна и на пятнадцать лет моложе меня. Это, конечно, была глупость с моей стороны. Она сказала мне (есть ли какой-нибудь смысл в повторении одних и тех же аргументов?), что она одинока и ей страшно, что нам осталось так

мало времени, так почему бы нам не любить друг друга? Я выгнал ее, мой внезапный гнев свидетельствует, как сильно я желаю ее. Теперь я жалею, что был так резок, но я не мог перестать думать об Ивонне, которая страдает в соседней комнате.

Я должен взять оружие и совершить завтра что-то вроде инспекции корабля.

27. XII.2521.

Нашел двух младших офицеров: Джона Галла и Маргарет Престеллан, которые сопровождали меня во время инспекции корабля. Мужчины по-прежнему работают производительно. Ной организовал специальную опеку и заботится о пропитании тех, кто пережил Девятидневную Заразу. Кто-то освободил Бассита. Он бродит по кораблю и заставляет людей слушать себя. Я мог бы почти поверить в его науку. В этом летающем морге легче поверить в психоанализ, чем в бога.

Мы пошли в Отдел Земледелия. Он выглядит отчаянно запущенным, звери свободно бродят среди глонов. А сами глоны! Сухой кислородовыделяющий вид под влиянием пэйнина подвергся мутации. Он вырвался в коридор в районе Секции Глонов, а его корневая система толкает перед

собой слой почвы. Представив себе кошмарную картину растений, захватывающих и душащих весь корабль, я пошел в рубку и включил устройство, закрывающее все межпалубные двери вдоль всего Главного Коридора. Это должно затруднить глонам дальнейшее распространение.

Френк проснулся. Паралич прошел, но меня он не узнал. Навещу его еще раз завтра утром.

Сегодня заболела Джун. Моя милая, жизнерадостная Джун! Престеллан показала мне ее: она была неподвижна и страдала, впрочем, как и предсказывала. Почему-то ее вид расстроил меня больше, чем вид Ивонны. Я хотел бы... но какое имеет значение, чего бы я хотел? ТЕПЕРЬ МОЯ ОЧЕРЕДЬ!

28. XII.2521.

Престеллан напомнила мне, что было Рождество. Я совершенно забыл о нем. Вот почему веселились эти пьяные бунтовщики.

Сегодня Френк узнал меня. Я понял это по его губам, хотя он до сих пор не может говорить. Если когда-нибудь он и станет капитаном, то совершенно другого корабля.

Двадцать выздоровлений. Это явный прогресс и надежда. Несчастье сделало нас философами.

Только теперь, когда Долгое Путешествие не означает уже ничего больше, кроме возвращения во мрак, я начинаю сомневаться, что межзвездные путешествия имеют хоть какой-либо смысл. Как много безымянных женщин и мужчин должны были думать точно так же, когда запертые в этих вековых стенах, отправлялись на Процион! В служении этой гордой идее жизнь совершенно бесплодно протекала у них между пальцами. Еще многим придется умереть, прежде чем наши потомки снова окажутся на Земле. Земля! Я молюсь, чтобы человеческие сердца смягчились, чтобы они перестали быть такими же твердыми, как металлы, которые люди любили и которым служили. Только тот огромный расцвет техники в Двадцать Четвертом веке мог обеспечить постройку этого чудесного корабля-, и все же чудо это жестоко и совершенно бесполезно. Только век технологии мог приговорить еще не рожденные поколения к заключению на корабле, как будто человек был только протоплазма, лишенная чувств и желаний. Что же мы можем сделать еще, кроме как надеяться, что эта бесконечная агония закончится, закончится раз и навсегда и на Земле, и на этом новом мире Процион V.

На этом дневник обрывался.

Виан приходилось несколько раз прерывать чтение, чтобы унять дрожь в голосе. В эту минуту она была только сидящей на кровати и едва не плачущей девушкой. Кончив чтение, она заставила себя еще раз прочесть первую фразу, на которую Комплейн не обратил внимание. Энергичным угловатым почерком капитан Грегори написал: “Мы направляемся к Земле, зная, что люди, которые увидят ее небо, родятся не раньше, чем вымрут одно за другим шесть поколений”.

Виан прочла это дрожащим голосом и разразилась рыданиями.

— Неужели ты не понимаешь?! — крикнула она. — Ох, Рой, путешествие должно было продолжаться только семь поколений, а ведь мы уже двадцать третье! ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ! Мы давно разминулись с Землей, и нас уже ничто не может спасти!

Без особой надежды Комплейн попытался ее утешить, но любовь не способна была вывести их из ловушки, в которой они оказались. Когда Виан наконец перестала рыдать, он заговорил. Он слышал свой ломающийся голос, но говорил дальше, главным образом для того, чтобы отвлечь ее внимание (а точнее, их общее внимание) от

трагедии.

— Этот дневник объясняет очень многое, Лаур. Мы должны взять себя в руки и радоваться, что уже так много знаем. Прежде всего, он объясняет причину катастрофы. Теперь это уже не жуткая легенда, но нечто осязаемое, что-то такое, с чем мы можем справиться. Мы никогда не узнаем, выжил ли капитан Грегори, но это наверняка удалось его сыну, ибо род его не прекратился. Может, удалось выжить и Джун Пэйн, в какой-то мере она напоминает мне тебя… В конце концов ясно, что погибли не все: небольшие группы уцелевших начали создавать племена… А тем временем глоны заполнили почти весь корабль.

— Кто мог предполагать, — прошептала она, — что глонов здесь вообще не должно быть. Они… они являются элементом естественного порядка. По крайней мере, так мне казалось…

— Лаур! Лаур! — воскликнул вдруг Комплейн. Он сел и схватил странное оружие, полученное от брата.

— Это оружие! Дневник говорит, что все оружие, за исключением парализаторов, было уничтожено. Это значит, что этот предмет не может быть оружием.

— Может, о нем просто забыли, — утомленно

сказала она.

— Может забыли, а может, и нет. Этот предмет выделяет тепло и должен для чего-то служить. Я попробую.

— Рой, будь осторожен! — крикнула Виан. — Ты устроишь пожар!

— Я попробую на чем-нибудь, что не горит. Говорю тебе, Лаур, мы сделаем открытие, клянусь!

Он осторожно взял оружие в руку, направляя ствол в сторону стены. На верхней гладкой поверхности оружия была риска и маленькая кнопка. Комплейн нажал ее так же, как раньше это сделал Грегг. Узкий, почти невидимый луч тепла коснулся стены, и тут же на ее металлической матовой поверхности появилась светлая линия, которая увеличивалась и расширялась. Появились как бы две вишнево-красные губы, расплывающиеся в улыбке. Комплейн торопливо нажал кнопку еще раз. Горячий луч исчез, губы потеряли цвет, потемнели, и осталось только отверстие, через которое был виден коридор.

Они стояли, как пораженные молнией, глядя друг на друга.

— Нужно сказать об этом Совету, — сказал Комплейн с уважением в голосе.

— Подожди, Рой! — сказала Виан. — Дорогой

мой, есть одно место, где я хотела бы опробовать это оружие. Ты пойдешь туда со мной, прежде чем мы расскажем о нашем открытии?

Когда они вышли в коридор, она с удивлением заметила, что охота на Гигантов продолжается до сих пор. Скоро должна была воцариться темнота, длящаяся, как обычно, всю очередную сон-явь. Все, не занятые охотой, готовились ко сну за закрытыми стенами своих комнат. Корабль выглядел совершенно покинутым, так же как тогда, когда половина экипажа умирала от Девятидневной Заразы. Виан и Комплейн шли быстро, никем не замеченные. Когда вдруг стало темно, девушка молча зажгла фонарь, прикрепленный к поясу.

Комплейн восхищался упорством, с каким она не желала признать себя побежденной. Он не мог дать себе объективной оценки, чтобы понять, что его собственный характер обладает примерно теми же свойствами. Неясное предчувствие, что по дороге они могут встретить крыс, Гигантов, Чужих или всех одновременно, захватило его настолько, что он все время держал тепловое оружие в одной руке, а парализатор в другой. Однако они беспрепятственно добрались до Палубы 1 и до крутой лестницы.

— Согласно плану твоего друга Мараппера, —

сказала Виан, — рубка должна находиться на вершине этой лестницы. На плане она производит впечатление большой, но там есть только маленькая комнатка с гладкими закругленными стенами. Разве не напрашивается предположение, что их поместили там, чтобы преградить дверь в Рубку?

— Ты думаешь, это капитан Грегори?

— Не обязательно. Скорее всего, это сделали позднее. Иди и направь на стены свое оружие.

Они поднялись по лестнице и остановились, глядя на окружающие их металлические стены. Им казалось, что они близки к открытию какой-то тайны. Виан сильно сжала плечо Комплейна.

— Попробуй здесь, — прошептала она, указывая рукой наугад. Когда он включил оружие, она погасила свет.

В темноте перед направленным на стену стволом появилось красное свечение, которое постепенно усилилось, образуя красный квадрат. Внезапно стороны квадрата провалились внутрь, а находившийся в середине металл свернулся, как кусок кожи, оставляя отверстие, сквозь которое можно было пролезть. Чувствуя какой-то резкий запах, оба терпеливо ждали, пока края остынут. Внутри, в большом слабоосвещенном

помещении, они могли видеть узкий фрагмент чего-то непонятного, что совершенно не укладывалось в пределы их представлений.

Когда края квадрата остыли настолько, что можно было коснуться их без вреда, они немедленно направились в сторону странного сооружения.

Большие жалюзи, закрывавшие весь огромный пол обсерватории, были в том же виде, в каком оставил их когда-то капитан Грегори Комплейн. Не исчез даже случайно забытый на парапете окна ключ, не давший закрыться до конца одной из жалюзи. Таким образом, осталась небольшая щель, тянувшая к себе Комплейна и девушку, как свет тянет к себе глоны.

Она начиналась почти на уровне пола и уходила высоко вверх, показывая узкую ленту космоса. Как много напрасно прожитых лет прошло с тех пор, как последний участник полета выглядывал в бесконечную пустоту… Голова к голове Комплейн и Виан смотрели сквозь щель, стараясь понять, что же они видят. Этого было немного, всего лишь маленький кусочек вселенной и ее звезд. Слишком мало, чтобы вызвать головокружение, но достаточно, чтобы наполнить сердца отвагой и надеждой.

— Какое значение имеет то, что корабль разминулся с Землей? — с облегчением вздохнула Виан. — Мы нашли рули! Когда мы научимся ими управлять, то направим корабль к ближайшей планете… Трегоннин говорил, что у большинства звезд есть планеты. Мы это сделаем! Я знаю, что мы справимся! Теперь все будет просто.

В слабом свете она увидела какой-то слабый блеск в глазах Комплейна, как будто безграничное удивление.

Он обняла его, желая помочь. Независимость, которую изо дня в день вбивали в голову Комплейну, на мгновение покинула его.

— Впервые, — сказал он, — я осознал… осознал полностью, что мы действительно находимся на корабле.

Она восприняла его слова как вызов.

— Твой предок стартовал с Новой Земли, — сказала она. — Ты высадишься на Земле Новейшей!

Она зажгла фонарь, направляя луч на длинные ряды механизмов, остававшиеся до этого в темноте. Бесчисленные шеренги циферблатов, которые в свое время сделали из этого помещения нервный центр корабля, ряды кнопок, сгруппированные в войсковом порядке индикаторы, рычаги, рукоятки и экраны — все то, что

представляло внешний образ силы, по-прежнему движущей корабль, было сплавлено в единую лавообразную массу. Не уцелело ничего. Свет, все быстрее мечущийся по стенам, не выхватывал ни одного неповрежденного контакта. Рули были полностью уничтожены.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ
1

Слабый контрольный свет освещал километры извилистых коридоров. В одном конце корабля глоны начинали неудержимо вянуть, ибо каждая сон-явь означала для них неизбежную смерть; в другом мастер Скойт со своими людьми по-прежнему искал при свете фонарей Гиганта. Отряд Скойта, продвигаясь вдоль низших уровней корабля, практически уничтожил всякую жизнь на двадцати палубах Носа.

Темнота застала священника Генри Мараппера, когда он возвращался от советника Трегоннина к себе в комнату. Мараппер осторожно втирался в доверие к библиотекарю, в ожидании момента, когда Совет Пяти превратится в Совет Шести — Мараппер, разумеется, видел себя шестым со-

ветником. Он шел в темноте осторожно, немного опасаясь, что вдруг перед ним появится какой-нибудь Гигант.

Почти так оно и вышло.

Внезапно в нескольких шагах перед ним открылась дверь, и коридор залил яркий свет. Удивленный Мараппер отступил назад. Свет мигал и передвигался, превращая тени в испуганных нетопырей, по мере того как владелец фонаря кружился по комнате. Потом в дверях появились две высокие фигуры, ведущие кого-то более маленького, причем этот маленький шатался и производил впечатление больного. Это были несомненно Гиганты — в них было шесть футов роста.

Источник яркого света был укреплен на голове у одного из них, это он отбрасывал странные тени. Они отошли на несколько шагов в глубь коридора, остановились на середине и опустились на колени. При этом свет упал на лицо маленького человека. Это был Фермур!

Обменявшись несколькими словами с Гигантами, Фермур наклонился и приложил тыльную сторону ладони к палубе, сделав при этом какой-то странный жест. Его рука с пальцами, торчащими вверх, какое-то время была осве-

щена фонарем. Под ее нажимом часть палубы поднялась вверх. Гиганты схватили ее и подняли еще выше, открывая лаз. Сначала они помогли спуститься Фермуру, потом спустились сами и закрыли люк. Слабый свет контрольной лампы остался вновь в одиночестве освещать пустынный коридор.

Мараппер, наконец, обрел голос.

— Помогите! — заорал он. — На помощь!

Он начал колотить в ближайшие двери, и не получив ответа, просто открыл их. Это были комнаты работников, в эту минуту пустые, ибо их обитатели последовали за Скойтом. В одной из комнат Мараппер наткнулся на мать, сидевшую в полумраке и кормившую ребенка. Тут же и она, и ребенок завыли от страха.

Шум, наконец, привел людей со светом. Это были, в основном, мужчины, участвовавшие в большой охоте на Гиганта, весьма возбужденные необычным событием. При известии, что здесь, в самом центре их территории, появились Гиганты, они начали орать еще громче, чем Мараппер. Толпа увеличилась, крики усиливались. Мараппер стоял, прижавшись к стене, снова и снова повторяя свой рассказ появляющимся офицерам, пока, наконец, один из капитанов стражи, Паг-

вам, энергично не протиснулся сквозь толпу и не очистил место вокруг Мараппера.

— Покажи мне то отверстие, сквозь которое, по-твоему, ушли Гиганты, — приказал он. — Покажи мне это место.

— Кого-нибудь менее отважного это могло бы испугать, — сказал все еще не пришедший в себя Мараппер. Он показал рукой на прямоугольник, обозначающий место, где исчезли Гиганты. Линия была тонка, как волос, и почти незаметна. Внутри прямоугольника, у одной из его сторон, виднелось странное восьмиугольное углубление диаметром около полудюйма. Больше не было ничего, что отличало бы этот прямоугольник от других участков пола. По приказу Пагвама двое мужчин попробовали открыть люк, но щель была такой узкой, что в нее входил всего лишь кончик ножа.

— Не хочет открываться, — сказал один из мужчин.

— Благодарите бога, что это так! — воскликнул Мараппер, сразу представивший толпу Гигантов, выскакивающих из отверстия.

Наконец, кто-то привел Скойта. Лицо его было еще более ожесточенно, чем обычно. Слушая Пагвама и Мараппера, он гладил длинными паль-

цами шрамы на щеках. Несмотря на усталость, мозг его работал безошибочно.

— Эти люки, — сказал он, — размещены через сто шагов по всей длине корабля. Мы никогда не знали, что они представляют на самом деле, ибо не могли их открыть, но, как видно, Гиганты делают это без труда. Уже нет никаких сомнений, что Гиганты существуют. По известным только им причинам они долго скрывались, а теперь появились. Зачем, если не для того, чтобы завладеть кораблем?

— Но этот люк… — начал Мараппер.

— Этот люк, — прервал его Скойт, — ключ ко всему делу. Ты помнишь, что твоего приятеля Комплейна, схваченного Гигантами, затащили через какое-то отверстие в низкий закрытый туннель, не похожий ни на одну из известных нам частей корабля? Несомненно, это было пространство между палубами, а попал он туда через такой же люк, как и этот. Все люки соединены между собой и, если Гиганты могут открыть один, то могут открыть и другие!

В коридоре послышался беспокойный ропот. Для большей безопасности люди сбились в. тесную толпу. Мараппер откашлялся и сунул мизинец в ухо, как будто это было все, что он мог

сделать.

— Это значит… О, боже, это значит, что наш мир окружен тонким слоем другого мира, в который Гиганты имеют доступ, а мы нет, — сказал он. — Так?

Скойт кивнул:

— Не слишком приятная перспектива, а, священник?

Пагвам коснулся его плеча, и Скойт нетерпеливо повернулся. За ним стояли три члена Совета Пяти: Биллой, Дюпон и Рускин. Они были обеспокоены и разгневаны.

— Ни слова больше, мастер Скойт! — сказал Биллой. — Мы слышали большую часть из того, что здесь говорилось, и нам кажется, что это не годится для публичного обсуждения. Лучше будет, если вы приведете этого… ну, этого священника, в комнату Совета, и там мы поговорим.

Скойт не колебался ни секунды.

— Совсем наоборот, советник Биллой, — решительно сказал он. — Это дело касается каждого смертного на борту. Каждый должен знать об этом как можно скорее. Боюсь, что мы вступаем в критический период.

Хотя он открыто воспротивился Совету, лицо Скойта было полно такой боли, что Биллой не

стал с ним спорить. Вместо этого он сказал:

— Почему вы говорите о критическом моменте?

Скойт развел руками.

— Подумайте сами, — сказал он. — Гиганты внезапно появляются на Палубе 14 и связывают первую попавшуюся девушку: причем делают это так, что девушке удается быстро освободиться. Зачем? Да за тем, чтобы началась тревога. Потом они снова появляются на уровне силовой установки. Тут я хотел бы добавить, что делают они все, не слишком рискуя собой, ибо они всегда могут исчезнуть в одном из этих отверстий. Далее — мы время от времени получаем донесения, что Гигантов видели, но, вероятно, эти встречи были совершенно случайными. На сей раз все происходящее — не случайность. Впервые Гигант хотел, чтобы его видели. Иного объяснения у этого поступка, на первый взгляд бессмысленного, быть не может.

— Но почему он хотел, чтобы его видели? — жалобно спросил советник Рускин.

— Я знаю почему, советник, — сказал Марапппер. — Он хотел отвлечь внимание, чтобы другие могли освободить Фермура из камеры.

— Все верно, — печально произнес Скойт. —

Это произошло, когда мы начали допрашивать Фермура… Едва мы начали обрабатывать его… Это была хитрость, чтобы убрать всех с дороги на то время, пока Гиганты помогли Фермуру бежать. Теперь, когда Гиганты знают, что нам известно об их существовании, они будут вынуждены действовать — конечно, если мы не начнем действовать первыми. Священник Мараппер, опустись на колени и покажи мне, что, по-твоему, сделал Фермур, чтобы открыть люк.

Мараппер, сопя от напряжения, сделал это. Свет всех фонарей собрался на нем. Он подполз к люку и неуверенно посмотрел вверх.

— Кажется, Фермур, находился примерно здесь, — сказал он, — потом наклонился вот так… приложил ладонь костяшками вот так… А потом… о, боже, я знаю, что он сделал! Скойт, смотри!

Мараппер шевельнул сжатой рукой. Раздался щелчок, люк поднялся, и путь к Гигантам был открыт.

Лаур Виан и Рой Комплейн медленно возвращались в населенную часть Носа. Шок, вызванный открытием полностью уничтоженных рулей, был слишком силен. Снова, но гораздо сильнее, Комплейна охватило желание умереть. Сознание

полного жизненного поражения действовало, как яд. Короткий отдых на Носу, счастье, которое дала ему Виан, все было ничем в сравнении с тем чувством крушения, которое он испытывал от рождения.

Как эхо ему вдруг послышался голос священника: “Мы сыновья трусов, и дни наши проходят в страхе… Долгое Путешествие всегда имело свое начало, мы разряжаем свой гнев, чтобы таким образом, освобождаясь от стремления к убийству, освободиться от внутренних конфликтов…” Комплейн инстинктивно сделал формальный знак гнева. Он позволил ярости вырасти в нем, черпая силы во всех несчастьях, которые пережил. Виан плакала, положив голову ему на плечо. То, что она тоже страдала, только усилило его гнев. Возбуждение все возрастало, лицо искривила гримаса, и он начал выкрикивать все, что испытал он и другие. Яростный, убийственный гнев заставлял его сердце биться сильнее.

Наконец, он почувствовал себя лучше, теперь он даже мог утешать Виан и довести ее до жилых районов.

Приближаясь к ним, они услышали какой-то странный лязгающий звук. Звук был загадочен, лишен ритма, непостоянен. Они ускорили шаги,

беспокойно переглядываясь.

Первый человек, которого они встретили, какой-то фермер, торопливо подошел к ним.

— Инспектор Виан, — сказал он. — Мастер Скойт везде ищет вас!

— Похоже, для этого он разбирает весь корабль, — сказала Виан. — Мы идем к нему, спасибо.

Они ускорили шаги и на Палубе 20, то есть там, откуда освободили Фермура, встретили Скойта. Капитан Пагвам с группой мужчин ходил по коридору, открывая все люки, один за другим. Именно их тяжелые крышки издавали тот странный звук, который слышали Виан и Комплейн. После открытия люка один из мужчин оставался у него на страже, а остальные шли дальше.

Руководящий операцией Скойт повернулся и увидел Виан. На этот раз на лице его не появилось приветливой улыбки.

— Входите сюда, — сказал он, открывая ближайшую дверь. Это была чья-то квартира, в эту минуту пустая. Скойт закрыл за ними дверь и гневно повернулся.

— Надо бы посадить вас обоих в камеру, — сказал он. — Когда вы вернулись из крепости Грегга? Почему немедленно не доложили мне или Сове-

ту, как вам было приказано? Я хотел бы знать, где вы были.

— Но Роджер, — запротестовала Виан. — Мы здесь совсем недавно! Кроме того, когда мы вернулись, ты был занят погоней. Мы не знали, что дело настолько срочно, иначе…

— Минутку, Лаур, — прервал ее Скойт. — Избавь меня от этих объяснений, ситуация критическая. Мелочи меня не интересуют, расскажи лучше о Грегге.

Видя, что Виан разгневана и обижена, Комплейн вмешался и коротко передал содержание разговора со своим братом. Когда он кончил, Скойт кивнул головой.

— Дело лучше, чем я предполагал, — сказал он. — Мы вышлем патруль, чтобы быстрее привести сюда группу Грегга. Очень важно, чтобы они прибыли сюда немедленно.

— Нет, Роджер, — быстро сказала Виан. — Они не могут сюда прийти. Я не хочу обидеть Роя, но его брат всего лишь бандит! Его люди — это обычная банда. Они и их жены — мутанты. Если они поселятся у нас, это будет означать для нас одни неприятности. Они не пригодны ни для чего, кроме сражений.

— Для этого они нам и нужны, — зловеще ска-

зал Скойт. — Думаю, ты должна знать все.

Он быстро рассказал им, что видел Мараппер, и что происходит в эту минуту.

— Фермур очень помят? — спросил Комплейн.

— Нет, он получил только предварительную порку.

— К этому его приучили еще в Кабинах. — При одном воспоминании о порке, Комплейн почувствовал покалывание в спине, и сочувственно подумал о Фермуре.

— Неужели банда Грегга нужна так срочно? — спросила Виан.

Мастер Скойт глубоко вздохнул.

— Да, — сказал он, — потому что мы в первый раз получили доказательство того, что Гиганты и Чужие в сговоре против нас!

Он твердо посмотрел на них, ожидая, пока сообщение дойдет до них.

— В хорошенькой ситуации мы оказались, а? — с иронией сказал он. — Именно поэтому я хочу открыть все люки на корабле и поставить у них людей. Может, нам удастся вспугнуть врага. Клянусь, что не успокоюсь, пока не сделаю этого.

Комплейн свистнул.

— Тогда вам действительно нужны парни Грегга. Люди в эту минуту — главное, — сказал он. — А

как Мараппер открыл этот люк?

— Просто потому, что этот толстый священник таков, какой он есть, — со смехом сказал Скойт. — Там, в вашем племени, он, наверное, вел себя, как сорока?

— Он собирал все, что попадало ему в руки, — согласился Комплейн, вспомнив хлам, заполнявший комнату Мараппера.

— Одним из его сокровищ был перстень с восьмигранным камнем, который когда-то нашли на трупе. На самом деле это вовсе не камень, а маленький механизм, идеально подходящий к чему-то вроде замочной скважины, находящейся в каждом люке. Под его нажимом люк открывается. Когда-то, еще до катастрофы, каждый, кто по роду деятельности должен был спускаться в эти люки, должен был иметь ключ-перстень. Трегоннин утверждает, что межпалубные пространства называли инспекционными каналами. Мы нашли у него упоминание об этом. И мы собираемся сделать именно это — инспекцию. Мы хотим прочесать каждый сантиметр каналов. У моих людей есть теперь перстень Мараппера, и они открывают им все люки на палубе!

— У Боба Фермура был такой перстень! — воскликнул Комплейн. — Я часто видел его у него

на пальце.

— Мы считаем, что их носят все Чужие, — сказал Скойт. — Если это верно, то это объясняет, почему они так легко ускользали от нас. Это объясняет многое, но не все. Например: каким образом они исчезали из камер, охраняемых снаружи? Предполагая, что каждый, кто носит перстень, наш враг, я направил часть стражи для проверки жителей на этот счет. Каждый, у кого мы найдем такой перстень, отправится в Долгое Путешествие! Однако, мне пора идти. Пространства!

Он снова вывел их в коридор и тут же ушел, окруженный подчиненными, ожидающими его приказа. Они еще услышали, что он посылает младшего офицера с сообщением к Греггу, потом потеряли его из виду.

— Перемирие с Греггом… — сказала Виан и вздохнула. — А что мы будем делать теперь? Похоже, что Роджер больше не собирается использовать меня.

— Сейчас ты пойдешь спать, — сказал Комплейн. — Ты очень устала.

— Ты думаешь, я смогу заснуть в таком шуме? — спросила она, слабо улыбаясь.

— Попробуй.

Он был удивлен тем, что она так покорно позволила себя увести, но когда они встретили Мараппера, тащившегося по большому коридору, Виан сразу насторожилась.

— Ты, кажется, сегодня герой дня, священник, — сказала она.

Мараппер был обижен, но лицо его выражало обычное достоинство.

— Инспектор, — с горечью сказал он, — вы меня раздражаете. Половину своей нищей жизни я носил на пальце бесценный секрет и ничего об этом не знал. А когда узнал… Представьте, в минуту столь несвойственной мне паники я отдал его в руки вашего друга Скойта — задаром!

2

— Мы должны как-то выбраться из корабля, — прошептала Виан.

Глаза ее были закрыты, а голова лежала на подушке. Комплейн тихо вышел из погруженной в темноту комнаты. Он был уверен, что, несмотря на доносившийся с других палуб шум, девушка заснет прежде, чем за ним успеет закрыться дверь. Он стоял за дверями комнаты Виан, боясь уйти и размышляя, подходящее ли сейчас время

рассказать Скойту об уничтоженных рулях. Он нерешительно поглаживал заткнутое за пояс тепловое оружие, а мысли его были заняты более личными вопросами.

Он не мог не думать, какую роль играет в окружающем его мире; не зная, чего хочет от жизни, он просто плыл по волнам событий. У ближайших к нему людей были какие-то конкретные цели. Мараппер не интересовался ничем, кроме власти. Скойту хватало непрерывного решения проблем, которые задавал ему корабль, любимая Лаур хотела любой ценой освободиться от царящих здесь ужасных условий. А он? Он желал ее, это правда, но было что-то еще, что он обещал себе, будучи еще ребенком; чего он не мог ни найти, ни описать словами, что-то слишком большое, чтобы это можно было себе представить…

— Кто там? — спросил он, слыша чьи-то шаги. Ближайшая контрольная лампа осветила высокого мужчину в белом.

— Я советник Зак Дейт, — сказал мужчина. — Не бойся. Ты — Рой Комплейн, охотник из Бездорожий, правда?

Комплейн посмотрел на печальное лицо и белые волосы советника и почувствовал, что ему нравится этот человек. Однако чувства не всегда

бывают советниками разума.

— Да, это я.

— Твой священник говорил о тебе хорошо.

— Неужели? — Мараппер иногда делал что-то хорошее, но главным образом для себя.

— Да, — сказал Зак Дейт и продолжал. — Думаю, ты знаешь что-нибудь об этой дыре.

Он указал на отверстие, которое Виан и Комплейн сделали в стене ее комнаты.

— Да, знаю. Я сделал ее с помощью этого оружия, — сказал Комплейн, показывая его старому советнику и гадая, что из этого последует.

— Ты говорил кому-нибудь, что оно у тебя есть?

— Нет. Знает только Лаур, инспектор Виан, она сейчас спит.

— Ты должен был отдать это Совету, который решил бы, что. с ним делать, — мягко сказал Дейт. — Готов ли ты пойти ко мне в комнату и все рассказать?

— Тут не о чем много говорить, — начал Комплейн.

— Думаю, ты понимаешь, каким опасным может оказаться это оружие в неподходящих руках? — В голосе старого советника было что-то повелительное, поэтому, когда он повернулся

и пошел в глубь коридора, Комплейн покорно последовал за ним. Они спустились в лифте на нижний уровень и пошли вперед через пять палуб, отделявших их от квартиры советника. Здесь было совершенно пусто, тихо и темно. Зак Дейт вынул обычный магнитный ключ, открыл какую-то дверь и встал рядом, пропуская Комплейна вперед. Едва Комплейн успел зайти, дверь за ним захлопнулась. Это была ловушка!

Он бросался на дверь с яростью дикого зверя, но все напрасно. Было слишком поздно, кроме того, тепловое оружие, с помощью которого Комплейн мог бы освободиться, было в эту минуту у Зака Дейта. Он с яростью зажег фонарь и осмотрелся. Судя по лежавшей везде пыли, это была спальня, долгое время не используемая. Как все подобные комнаты на корабле, она была совершенно лишена индивидуальности и обставлена по-спартански.

Комплейн схватил стул, разбил его о закрытую дверь, и это вернуло ему способность трезво мыслить. Переднего глазами появилась сцена, которую он видел, стоя рядом с Виан и глядя в глазок на оставленного в комнате для допросов Фермура. Фермур тогда, вскочил на стол, стараясь достать до решетки в потолке. Вероятно, он хотел

найти там путь для бегства. Поэтому…

Он вытащил кровать на середину комнаты, поставил на нее шкафчик и полез наверх, чтобы осмотреть решетку. Она была точно такой же, как и все другие на корабле — квадрат со стороной около трех футов, с тонкими прутьями, между которыми с трудом можно было просунуть палец. Фонарь осветил прутья, заросшие липкой грязью; они пропускали минимальное количество воздуха.

Комплейн сильно рванул решетку. Она даже не дрогнула. А должна! Ведь Фермур влезал на стол и вытягивал руки не потому, что внезапно почувствовал потребность в физических упражнениях. Если решетку можно было открыть, то это объясняло, каким образом схваченные Скойтом Чужие исчезали из строго охраняемых камер. Комплейн сунул палец сквозь решетку и начал ощупывать ее внутреннюю поверхность, чувствуя попеременно холодок страха и надежды.

Наконец, его указательный палец наткнулся на обычную защелку. Комплейн открыл ее. Такие же защелки находились на всех сторонах решетки. Он открыл их одну за другой. Теперь решетку можно было легко убрать. Комплейн осторожно вытащил ее и положил, на кровать. Сердце у него

стучало, как молот.

Ухватившись за край отверстия, он подтянулся.

Было очень тесно. Он ожидал, что окажется в инспекционном канале, а оказался в вентиляционной трубе. Он погасил фонарь, напряг глаза и посмотрел в глубину тесной трубы, не обращая внимания на непрерывно бьющий ему в лицо ветер.

Свет проникал сюда только через решетки, подобные той, которую он вынул. Подумав, что в эту минуту он очень похож на пробку в бутылке, Комплейн пополз вперед и выглянул через ближайшую.

Он смотрел сверху на комнату Зака Дейта. Советник был один и говорил в какой-то аппарат. Высокий шкаф, стоявший сейчас на середине комнаты, объяснял, чем было закрыто углубление, в котором обычно находился таинственный инструмент. Комплейн был настолько поражен этим зрелищем, что поначалу до него не доходило, что именно говорит Зак Дейт. И вдруг он услышал…

— …человек по фамилии Комплейн доставляет множество неприятностей, — говорил советник в аппарат. — Вы помните, как Эндрюс потерял свой

сварочный аппарат? Каким-то образом он попал в руки Комплейну. Я обнаружил его, потому что увидел отверстие в стене одного из помещений на Палубе 22, в комнате инспектора Виан. Да, Кюртисс, вы меня слышите? Связь сегодня хуже, чем обычно…

Дейт замолчал, потому что на другом конце линии послышался чей-то голос. Кюртисс! Комплейн с трудом сдержал крик — так звали Гиганта, руководившего похитившей его бандой! Глядя сверху, Комплейн заметил вдруг на пальце Зака Дейта перстень с восьмигранным камнем и поразился, в какой страшной сети интриг запутался помимо своей воли.

Дейт снова заговорил:

— У меня была возможность проскользнуть в комнату Виан, в то время как ваша диверсия на уровне силовой установки была в полном разгаре. Там я обнаружил, что в руки коротышек попало кое-что еще. Это дневник, о существовании которого мы ничего не знали, написанный первым капитаном корабля в его обратной дороге с Проциона. В нем содержится гораздо больше, чем они должны знать, и это может вызвать множество вопросов с их стороны. Случайно мне удалось достать и дневник, и сварочный аппа-

рат… Спасибо. Еще большое счастье, что кроме Комплейна и этой девушки — Виан — никто не отдает себе отчета в истинном назначении этих вещей. Конечно, мы знаем мнение Малого Пса о неприкосновенности коротышек, но они не сидят здесь и не должны решать проблемы, нарастающие с минуты на минуту. Если они хотят и дальше сохранять свою бесценную тайну, то есть только один выход. Я закрыл Комплейна в соседней комнате…

Конечно, не силой, он вошел в ловушку, как невинное дитя. Виан спит в своей комнате. Так вот, Кюртисс, я прошу вашего согласия на следующее — уничтожение Комплейна и Виан. Конечно, мне это тоже не нравится, но это единственный выход, чтобы сохранить статус-кво, и я готов сделать это немедленно, прежде чем будет слишком поздно…

Зак Дейт замолчал, и его длинное лицо выразило нетерпение.

— Нет времени соединяться с Малым Псом, — сказал он, явно прерывая своего собеседника. — Они слишком долго думают. Вы здесь руководитель, Кюртисс, и мне нужно только ваше разрешение… Вот, это уже лучше… Да, я считаю, что это необходимо. Надеюсь, вы не думаете, что мне это приятно? Я подвергну их действию газа, который впущу через вентиляционные отверстия в их комнаты, как мы делали это раньше в подобных случаях. В конце концов мы знаем, что это совершенно безболезненно.

Он выключил аппарат и поставил шкаф на место. С минуту стоял нерешительно, грызя ногти, и на лице его видно было неудовольствие. Потом открыл шкаф, вынул длинный валик и внимательно посмотрел на решетку на потолке. Заряд из парализатора Комплейна попал ему прямо в лицо. Зак Дейт побледнел, голова упала ему на грудь, и он рухнул на пол.

Целую минуту Комплейн лежал не шевелясь и обдумывая положение. К действительности его вернуло чувство, что какая-то чужая мысль мечется среди его собственных. Это было так, как будто чей-то язык облизывал его мозг. Он быстро зажег фонарь — прямо перед его лицом висела в воздухе большая моль. Размах ее крыльев был

около пяти дюймов, а сетчатые глаза отражали свет, как две вишневые головки от иголок. Комплейн с отвращением махнул рукой, но промахнулся, и моль улетела в глубину вентиляционной трубы, Комплейн в эту минуту вспомнил другую моль в Бездорожьях, которая оставила на его мозге такие же грязные отпечатки. Способности, которые имеют кролики, должны иметь и моли, хотя и s значительно меньшей степени. Похоже, что крысы их понимают… А может, моли играют роль воздушной разведки для крысиных орд?

Мысль эта поразила его больше, чем приговор, вынесенный Дейтом.

Мокрый от страха, он быстро убрал защелки, удерживающие решетку, убрал ее в сторону и спрыгнул в комнату советника. Затем подтащил стул, взобрался на него и поставил решетку на место. Только тогда Комплейн почувствовал себя в безопасности.

Зак Дейт не был мертв, парализатор Комплейна был включен только на половину мощности, однако, он получил достаточно сильный шок, чтобы некоторое время оставаться без сознания. Безо всяких угрызений совести Комплейн схватил ключи советника, отыскал тепловое оружие, открыл дверь и вышел в темный коридор. В по-

следнюю минуту он остановился, повернулся и осветил фонарем решетку. Маленькие розовые лапки держались за прутья, и дюжина длинных мордочек смотрела на него с ненавистью. Комплейн почувствовал, что волосы у него на голове встают дыбом. Он выстрелил из парализатора. Маленькие блестящие глазки немедленно поблекли, а розовые лапки выпустили решетку.

Идя коридором, он обдумывал ситуацию. В одном он был совершенно уверен: о роли, которую играл во всем этом деле советник Зак Дейт, и о том, что он говорил через странный аппарат Кюртиссу (где он мог находиться?), никто не должен знать, пока он не обсудит всего с Виан. В эту минуту они были не в состоянии решить, кто на их стороне, а кто против.

— Но если Виан... — начал он вслух, но тут же отбросил эту ужасную мысль. Что-то еще беспокоило Комплейна, хотя он и не мог точно сформулировать, что. Это было что-то, связанное с освобождением Фермура... Нет, с этим придется подождать. Прежде всего нужно отдать тепловое оружие — сварочный аппарат, как его называл Дейт — человеку, который использует его лучшим образом. Мастеру Скойту.

Границы между Носом и Бездорожьями были

открыты. Потные мужчины разбирали баррикады, возбужденные процессом уничтожения.

— Уберите их! — кричал Скойт. — Мы считали, что они защищают нас от врага, но если Гиганты везде, они не имеют никакой цены!

Сквозь открытые, границы входила армия Грегга. Оборванные и грязные мужчины, женщины и гермафродиты, здоровые и раненые, на ногах и на носилках, двигались они среди разглядывающих их Носовиков. У них были с собой свертки, постели, коробки и корзины, некоторые тащили сани, одна женщина везла все свое состояние на худой овце. Вместе с ними влетели черные комары Бездорожий. Возбуждение, охватившее Носовиков, было так велико, что все это ходячее море нужды приветствовалось сердечными улыбками и даже аплодисментами. Оборванный легион отвечал взмахами рук. Роффери оставили в Бездорожьях. Он был так близок к смерти, что не стоило перевозить его.

Одно было несомненно: изгнанники, многие из которых были ранены в битве с крысами, готовы были сражаться. Мужчины несли парализаторы, ножи и самодельные копья.

Сам Грегг в обществе своего оруженосца Гавла совещался со Скойтом, Пагвамом и советником

Рускиным за закрытыми дверями. Комплейн бесцеремонно открыл дверь и вошел в комнату. Он был уверен в себе, и уверенность была так велика, что ее не поколебали даже встретившие его гневные окрики.

— Я пришел, чтобы вам помочь, — сказал он, обращаясь к Скойту. — Я принес вам две вещи, и в первую очередь информацию. Мы обнаружили, что на каждой палубе есть люки, но это только одна из дорог, которыми могут скрываться Гиганты и Чужие. У них есть выход в каждой комнате.

Он вскочил на стол и продемонстрировал, как открывается решетка. Спускаясь, он мысленно смеялся над их удивленными лицами.

— За этим тоже придется следить, мастер Скойт, — сказал он и вдруг понял тайну бегства Фермура, и еще один фрагмент головоломки стал на свое место.

— Где-то на корабле находится штаб-квартира Гигантов, — сказал он. — Они забрали меня туда сразу после того, как поймали, но я не знаю, где она находится, потому что надышался газа. Однако она, несомненно, размещена в части палубы или уровня, отрезанной от нас случайно или сознательно. Таких мест на корабле без счета, и именно туда должны направить мы свои

поиски.

— Так мы и решили, — нетерпеливо сказал Скойт. — Но трудность заключается в том, что на большинстве палуб такой беспорядок, что мы не знаем, какая часть отрезана, а какая нет. За любой преградой может прятаться целая армия.

— Я могу указать тебе такое место очень близко отсюда, — сказал Комплейн. — Палуба 21, над камерой, в которой держали Фермура.

— Почему ты так думаешь, Комплейн? — спросил заинтересованный Скойт.

— Простая логика. Гиганты, как мы знаем, задали себе много труда, чтобы отвлечь всех из коридоров и облегчить себе приход к Фермуру. Они могли бы обойтись и без этого, если бы вытащили его через решетку ч камере. Это заняло бы не более минуты, и их бы не заметили. Почему же они этого не сделали? По-моему, просто не могли. Вероятно, на верхнем уровне что-то обвалилось, заблокировав решетку. Другими словами, наверху наверняка могут быть комнаты, в которые мы не можем попасть. Нужно обязательно посмотреть, что в них находится.

— Говорю тебе, таких мест сотни, — сказал Грегг.

— Мне кажется, их стоит проверить, — сказал

советник Рускин.

— Допустим, Комплейн, ты прав, — прервал их Скойт. — Однако, если решетка заблокирована, то как мы сможем через нее пройти?

— А вот так! — Комплейн направил тепловое оружие на ближайшую стену, ведя его горизонтально. Стена начала распадаться. Когда образовалось рваное отверстие, Комплейн выключил оружие и выжидательно посмотрел на остальных. С минуту все молчали.

— О боже! — прохрипел наконец Грегг. — Это то, что я тебе дал!

— Да. И именно так им нужно пользоваться. Это не настоящее оружие, а просто излучатель пламени.

Скойт встал. Лицо его раскраснелось.

— Идемте на Палубу 21, — сказал он. — Пагвам, пусть ваши люди открывают люки так быстро, как только сумеют передавать перстень. Отличная работа, Комплейн. Мы немедленно опробуем эту игрушку.

Все вместе со Скойтом вышли. Мастер благодарно сжал руку Комплейна.

— Если нам хватит времени, — сказал он, — этим оружием мы можем развалить-проклятый корабль на кусочки. — Смысл его слов дошел до

Комплейна только значительно позднее.

На среднем уровне Палубы 21 царил неописуемый хаос. Все люки были открыты, и возле каждого стоял стражник. Люки были свалены рядом в огромную кучу. Немногие жившие здесь люди, главным образом, охрана баррикад с семьями, как раз эвакуировались, опасаясь грядущих неприятностей. Скойт грубо расталкивал их локтями, отодвигая в сторону пищавших детей.

Когда они открыли дверь в камеру Фермура, Комплейн почувствовал на плече чью-то руку. Он повернулся и увидел Виан. Она стояла отдохнувшая, с блестящими глазами.

— Я думал, что ты спишь! — воскликнул он.

— Ты не заметил, что уже почти явь? — спросила она. — Кроме того, мне говорили, что здесь что-то готовится. Я пришла проследить, чтобы ты не оказался в неприятном положении.

Комплейн сжал ее руку.

— Я уже оказался в нем, но благополучно выбрался, пока ты спала, — сказал он.

Грегг был уже на середине камеры и, стоя на расшатанном ящике, служившем здесь стулом, разглядывал решетку, находившуюся у него над головой.

— Рой прав! По другую сторону какая-то прегра-

да. Я вижу металл. Подайте мне теплое оружие, и я попытаю счастья.

— Не стой под решеткой, — предостерег его Комплейн. — Ты же не хочешь, чтобы тебя залило расплавленным металлом.

Грегг кивнул головой, выправил оружие, поданное ему Скойтом. и нажал кнопку. Прозрачный луч тепла вгрызся в потолок, образуя красное пятно. Пятно расширилось, потолок начал проседать, и сверху потек металл, похожий на полосы прессованного мяса. В синем отверстии появился другой слой металла, который тоже начал краснеть. В комнате царил неописуемый шум, а кроме того, клубился удушливый дым, постепенно выходивший в коридор., Несмотря на шум, они вдруг услышали громкий треск, после которого погас свет.

— Этого должно хватить! — с удовлетворением воскликнул Грегг, спускаясь с ящика и глядя на зияющую над ним дыру. Подбородок у него дрожал от возбуждения.

— Я считаю, что мы должны созвать заседание Совета, прежде чем что-либо предпримем, мастер Скойт, — сказал советник Рускин, глядя на дыру в потолке.

— Мы до сих пор ничем другим и не зани-

мались, — сказал Скойт. — Сейчас мы будем действовать!

Он выбежал в коридор и быстро привел дюжину вооруженных людей с лестницей.

Комплейн, считавший себя более опытным по этой части вопроса, вошел в ближайшее помещение стражи и принес ведро воды, которое вылил на раскаленный металл. В облаке пара мастер Скойт приставил лестницу и поднялся по ней, держа парализатор наготове. Остальные один за другим последовали за ним. Виан старалась держаться поближе к Комплейну. Вскоре вся группа оказалась в комнате над камерой.

Было невероятно жарко, едва можно было дышать. Свет фонарей вскоре показал причину блокировки решетки и завала вентиляционной трубы у них под ногами. Пол комнаты обвалился от какого-то давнего взрыва. Какая-то машина, оставленная без надзора, вероятно, во время Девятидневной Заразы, взорвалась, уничтожая стены и все, находившееся в комнате. Пол был завален битым стеклом и обломками дерева, а стены иссечены осколками. И ни следа Гигантов.

— Идем! — сказал Скойт, бредя по щиколотку в обломках к одной из дверей. — Не будем терять времени.

Взрыв несколько выгнул двери. Они разрезали их и прошли. Теперь в обе стороны тянулась зловещая темнота. Тишина звенела в ушах, как нож, пролетающий в воздухе.

— Ни признака жизни… — сказал Скойт. В голосе его слышалась неуверенность.

Они стояли в боковом коридоре, отрезанные от остальной части корабля, как заживо погребенные, и нервно светили фонарями во все стороны. Было так жарко, что они с трудом могли выдержать. В конце короткого коридора находились двойные двери с какой-то надписью. Они столпились, стараясь ее прочесть. Надпись гласила:

ТОЛЬКО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА
ГРУЗОВОЙ
ЛЮК — ШЛЮЗОВАЯ КАМЕРА
ОПАСНОСТЬ!!!

У каждой двери находились большие штурвалы, а рядом с ним инструкция:

НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ПОЛУЧЕНИЯ СИГНАЛА

Они стояли, тупо глядя на надпись.

— Ну что? — язвительно спросил Гавл, — Ждете сигнала? Нужно резать эту дверь, капитан!

— Подождите! — воскликнул Скойт. — Мы должны быть осторожны. Я хотел бы знать, что такое шлюзовая камера. Мы узнали многое, но что такое шлюзовая камера?

— Неважно, режь эти двери! — повторил Гавл… — Это ваш корабль, капитан, чувствуйте себя в нем, как дома!

Грегг включил сварочный аппарат. Металл слабо порозовел, но не поддавался. Ситуация не улучшилась и после солидной дозы проклятий. Наконец, Грегг убрал оружие.

— Должно быть, это какой-то особенный сплав, — сказал он.

Один из вооружениях людей подошел ближе и повернул штурвал. Двери тут же скользнули в щели в стене. Кто-то коротко рассмеялся, напряжение спало, а Грегг даже покраснел от стыда. Они просто могли войти в грузовую шлюзовую камеру.

Однако вместо этого они стояли, прикованные к месту лучом света, ударившим им в глаза. Шлюзовая камера была помещением средней величины, но против ее двери помещалось нечто, чего ни один из них до сих пор не видел, и что пе-

ред их восторженным взором расширяло камеру до бесконечности — окно. Окно, в котором был виден космос.

Но сейчас это был не скромный кусочек космического пространства, который Виан и Комплейн видели в рубке, а гигантская панорама. Однако, подготовленные виденным ранее они прошли по полу, покрытому толстым слоем пыли, чтобы быть поближе к великолепному зрелищу. Остальные, как вкопанные, замерли на месте.

За окном, полный звезд, как царская сокровищница дорогих камней, раскинулся безбрежный космос. Это было нечто невообразимое, невероятный парадокс, в который они просто не могли поверить, потому что хотя в целом космос производил впечатление абсолютной черноты, каждый его фрагмент переливался разным цветом.

Они молча любовались открывшимся перед ними зрелищем. Хотя полное величия пространство трогало до слез, наибольшее впечатление произвело на них нечто, плавающее в нем: прекрасный полумесяц планеты, голубой, как глаза новорожденного котенка, и не больше серпа в вытянутой руке. В самом центре планета сверкала ослепительной белизной, как будто в этом месте

было солнце, затмившее своим великолепием все вокруг.

Затем из-за полумесяца вынырнуло солнце. Это чудесное зрелище перехватило им дыхание, его величие ошеломило их. Первой пришла в себя Виан.

— Ох, Рой, дорогой, — прошептала она, — в конце концов мы куда-то прилетели! Для нас есть еще надежда…

Комплейн повернулся, стараясь что-то сказать, но почувствовал, что не может. Он вдруг понял, что именно он искал всю жизнь…

В общем-то ничего особенного — лицо Лаур, освещенное солнцем.

3

В течение одной яви до каждого мужчины, женщины и ребенка на Носу дошли самые разные версии великой новости. Все разговаривали об этом, все, за исключением мастера Скойта. Для него это событие не имело большого значения, оно было даже преградой на пути к достижению главной цели, какой по его мнению, было обнаружение и уничтожение Гигантов и их союзников — Чужих. Пока он не нашел никаких Гигантов и

сейчас выдвинул новый план, который собирался претворить в жизнь.

План был прост, а то, что в результате корабль подвергся бы значительному разрушению, совершенно не волновало Скойта. Он собирался полностью разобрать Палубу 25.

Палуба 25 была первой палубой Бездорожий сразу за Носом. Убрав ее, они получили бы идеально безлюдный район, через который никто не смог бы пройти незамеченным. Когда этот гигантский “ров” будет готов и обставлен стражей, можно будет спокойно начинать охоту в инспекционных каналах, ибо Гигантам некуда будет бежать. Работу начали сразу, и тут же начали предлагать свои услуги готовые на все добровольцы. Длинные цепочки людей лихорадочно трудились, передавая из рук в руки все предметы с приготовленной к смерти палубы. В конце другие уничтожали их, а если это не удавалось, бросали в пустые комнаты. Перед цепочками взмокшие ополченцы, в том числе и люди Грегга, имеющие в этом опыт, атаковали глоны, срезая их или вырывая с корнем. Сразу за ними шли группы очистки.

Как только какая-нибудь комната освобождалась, появлялся сам мастер Скойт с тепловым

оружием и плавил им стены до тех пор, пока они не рушились. После того, как они остывали, их убирали в сторону. Тепловое оружие не расплавляло металла, который разделял палубы; вероятно, это был тот же металл, из которого были сделаны двери в шлюзовой камере.

Вскоре после начала работы было обнаружено селение крыс в большом помещении с надписью “Прачечная”. Разрушая котел, двое людей Грегга вскрыли лабиринт крысиных домиков. Внутри котла они сконструировали сложные уровни и этажи, используя в качестве строительного материала кости, обломки, банки и прочий мусор. Там же находились маленькие клетки, а в них томились истощенные зверьки: мыши, хомяки, кролики и даже птицы. Жили там и моли, которые как тучи поднялись в воздух, и, наконец, крысы. Когда Скойт включил тепловое оружие, и миниатюрный город запылал огнем, грызуны с дикой яростью бросились в атаку. Скойт отступил под защитой излучателя, но прежде чем явилась помощь с парализаторами и усмирила бестий, двое людей Грегга пали с перегрызенными горлами. Трупы по цепочке отослали назад, и разрушение продолжалось.

Все люки Палуб с 13 по 24 на всех трех уровнях

были уже полностью лишены крышек. У каждого отверстия стоял стражник.

— Корабль быстро становится совершенно непригодным для жизни, — протестовал советник Трегоннин. — Это разрушение ради разрушения!

Он председательствовал на собрании, на которое пригласили всех знатных людей. Присутствовали советники Биллой, Дюпон, Рускин, Пагвам и другие члены Общества Сохранения, а также Грегг и Гавл. В совещании, конечно же, участвовали Виан и Комплейн, и даже Мараппер ухитрился пробраться на него. Не было только Скойта и Зака Дейта.

Через посыльных, принесших ему вызов на совещание, Скойт ответил, что он “слишком занят”. Мараппер, который по просьбе Трегоннина отправился к Заку Дейту, доложил, что советника нет в комнате. При этом известии Комплейн и Виан, уже знавшая о мрачной роли, которую сыграл Дейт в последних событиях, молча переглянулись. Они с удовольствием разоблачили бы Дейта, как предателя, но боялись, что в этой комнате могут быть другие предатели, которых лучше не предупреждать.

— Корабль нужно полностью уничтожить,

прежде чем это сделают Гиганты! — кричал Гавл. — Это совершенно ясно, и я не понимаю, что здесь обсуждать!

— Ты ничего не понимаешь! Если корабль будет уничтожен, все мы погибнем! — протестовал советник Дюпон.

— Зато заодно избавимся от крыс! — заржал Гавл.

С самого начала он и Грегг были в оппозиции к членам Совета. Совещание было малоэффективно еще и потому, что никто не мог решить: обсуждать им шаги, предпринятые Скойтом, или открытие удивительной планеты.

Наконец, Трегоннин потребовал соединить обе проблемы в одну.

— Наша позиция должна быть следующей, — сказал он. — Акцию Скойта можно одобрить, если она увенчается успехом. Успехом же будет не просто поимка Гигантов, но прежде всего получение от них сведений о том, как посадить корабль на планету.

Это заявление вызвало гул одобрения.

— Несомненно, Гиганты должны знать способ, — сказал Биллой, — в конце концов, именно они построили корабль.

— Поэтому хватит разговаривать и идем на

помощь Скойту, — сказал Грегг, вставая с места.

— Есть еще кое-что, о чем я хотел бы сказать, прежде чем мы выйдем, — сообщил Трегоннин. — Наша дискуссия касалась вопросов исключительно материальных. Однако, я думаю, что есть и моральные причины, оправдывающие нашу акцию. Корабль для нас священен, и мы можем уничтожить его только с одним условием: что наше долгое путешествие будет закончено. Это условие будет счастливо выполнено. Нет сомнений, что планета, которую часть из нас видела, это Земля.

Набожный тон его слов встретил насмешки со стороны Грегга и некоторых представителей Общества Сохранения. У других он вызвал возбуждение и аплодисменты, а Мараппер закричал, что Трегоннин должен стать священником.

— Эта планета не Земля! — голос Комплейна пробился сквозь общий говор. — Мне жаль вас разочаровывать, но я знаю то, чего не знаете вы. Мы очень далеко от Земли; на корабле сменились двадцать три поколения, а Земли должны были достигнуть в течение семи!

Комплейн пришел к выводу, что каждый должен точно знать ситуацию, ибо только тогда он сможет с ней примириться. Нужно рассказать им

все: об уничтоженных рулях, о дневнике капитана Грегори Комплейна, о Заке Дейте. Они должны знать обо всем, проблема слишком разрослась, чтобы с ней мог справиться один человек. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, дверь в комнату Совета резко открылась, и в ней появились двое мужчин с лицами, искаженными страхом:

— Гиганты атакуют!

На палубах Носа дымился смрадный, удушливый дым. Горели горы мусора, убранного с Палубы 25 на Палубы 23 и 24. Никто не обращал на это внимания, каждый вдруг стал пиротехником. Автоматические устройства корабля пользовались в борьбе с огнем очень простым способом — закрывали комнату, в которой возник пожар, и удаляли оттуда воздух. К несчастью, на этот раз огонь появился в комнате, где автоматика не действовала.

Скойт с группой помощников работал непрерывно, не обращая внимания на дым. Объективный наблюдатель без труда заметил бы, что их охватила какая-то странная ярость. Всю жизнь лелеемая ненависть к кораблю, который заключал их в себе, нашла наконец выход.

Гиганты ударили очень расчетливо.

Скойт как раз вырезал стены в маленькой ванной и отдыхал, а трое его людей оттаскивали их в сторону. При этом они на минуту заслонили мастера. В то же мгновение решетка над его головой была убрана, и Гигант выстрелил в него газовым зарядом. Заряд попал мастеру в лицо, и Скойт беззвучно опустился на пол. Из решетки сбросили веревочную лестницу, один Гигант спустился по ней и вырвал оружие из безвольной руки мастера. В этот момент вырезанная стена рухнула и оглушила его. Это была чистая случайность. Трое мужчин стояли остолбенев и смотрели на Гиганта. Тем временем по лестнице спустились другие Гиганты, вывели всех троих из строя очередными выстрелами, подхватили своего товарища и тепловое оружие и бросились бежать.

Несмотря на дым, инцидент этот не остался незамеченным. Один из самых лучших бойцов Грегга, человек по имени Блек, бросился вперед. Последний Гигант, уже достигнувший решетки, свалился с ножом в спине, оружие выпало у него из рук. Блек забрал свой нож и, призывая на помощь, начал подниматься по лестнице. Он свалился, получив порцию газа прямо в лицо, но его товарищи уже спешили к нему и, перескочив

через него, бросились наверх.

В тесном пространстве инспекционных каналов разгорелась яростная битва. Гиганты попали туда по вентиляционным трубам, но теперь их отступление тормозило присутствие раненого товарища. Появилось подкрепление, прибывшее на одном из маленьких экипажей, каким в свое время везли Комплейна, однако Носовики атаковали со все возрастающей силой.

Это было странное место для схватки. Инспекционные каналы тянулись вдоль всех уровней и между всеми палубами. Они были совершенно не освещены, а фонари, неровный свет которых освещал их в эту минуту, отбрасывали на стены чудовищные тени. Для одиночного стрелка условия были идеальными, для многих одновременно — ужасные: нельзя было отличить друга от врага.

Такое положение дел застал Грегг, прибывший из комнаты Совета, чтобы принять командование. Он быстро упорядочил свои ряды. Сейчас, когда Скойт был выведен из строя, его слушали даже Носовики.

— Пусть кто-нибудь принесет мне тепловое оружие! — крикнул он. — Все за мной на Палубу 20! Если мы спустимся там вниз, то зайдем Ги-

гантам в тыл!

Это была отличная мысль. Единственной трудностью, объяснявшей, почему Гигантам, несмотря на поднятые крышки всех люков, удалось незаметно перебираться с палубы на палубу, был факт, что инспекционные каналы тянулись вдоль всего периметра корабля, внутри корпуса. Таким образом, они окружали все комнаты на верхних уровнях. Не поняв этого, нельзя было заблокировать Гигантам возможность свободного передвижения. У корабля была более сложная структура, чем предполагал Грегг, поэтому его люди не могли найти и следа своих врагов.

Грегг поступал согласно со своей дикой натурой. Он включил излучатель на полную мощность и резал все, что попадалось на пути.

Никогда прежде инспекционные каналы не были открыты для жителей корабля. Никогда прежде безумец со сварочным аппаратом не буйствовал среди его хрупких соединений.

Через три минуты после включения аппарата Грегг продырявил канализационный шлюз и повредил водопровод. Струя воды под давлением ударила из него и повалила одного из мужчин, заливая его. Затем вода рванулась вдоль канала, заливая все по дороге.

— Выключи его, идиот! — крикнул Греггу какой-то Носовик, видя грозящую опасность. В ответ Грегг направил на него ствол излучателя.

Сразу после этого пришел черед электрического кабеля. Шипя и извиваясь, как живая кобра, поврежденный кабель коснулся проводов, по которым двигались инспекционные экипажи. Двое людей погибли, не успев даже крикнуть.

Сила тяжести перестала действовать. На всей палубе воцарилась невесомость, а ничто не вызывает паники так быстро, как чувство падения. Переполох, возникший на ограниченном по необходимости пространстве, еще больше затруднил положение. Сам Грегг, несмотря на то, что уже имел дело с невесомостью, потерял голову и бросил оружие. Оно ударилось о стену и вернулось к нему. Чувствуя, что у него горит борода, он заорал и кулаком оттолкнул излучающий огонь ствол.

Во время всего этого пекла Комплейн и Виан стояли рядом с мастером Скойтом, которого как раз принесли на носилках в его комнату. Не забывший еще запах газа, Комплейн сочувствовал находящемуся без сознания мастеру. Он чувствовал и запах горелого. Посмотрев вверх, он увидел струйку дыма, идущего сквозь решетку.

— Это огонь, который эти идиоты развели в

двух палубах отсюда! Вентиляционные трубы разнесут дым по всему кораблю! — крикнул он Виан.

— Если бы мы только могли закрыть межпалубные двери… — сказала она. — Может быть, нужно вынести отсюда Роджера?

Едва она произнесла эти слова, как Скойт шевельнулся и застонал. Они были слишком заняты, приводя его в чувство, чтобы услышать крики, доносившиеся из коридора. Внезапно дверь с треском открылась, и вошел советник Трегоннин.

— Бунт! — воскликнул он. — Бунт! Этого я и боялся! О боже, что с нами будет? Я говорил с самого начала, что нельзя пускать сюда эту банду из Бездорожий. Вы можете разбудить Скойта! Уж он найдет, что делать!

Комплейн презрительно посмотрел на него. Маленький библиотекарь почти прыгал на цыпочках, а на лице его было глуповатое выражение.

— А в чем, собственно, дело? — спросил он.

Пет, пренебрежительном взглядом Комплейна Трегоннин с трудом взял себя в руки.

— Корабль последовательно уничтожается, — сказал он уже спокойнее. — Этот сумасшедший

Гавл — тот человек с маленькой головой — дорвался до теплового оружия. Твой брат ранен. Сейчас большая часть его банды и большинство наших людей рушат все, что смогут. Я велел им прекратить и отдать оружие, но меня высмеяли.

— Они послушают Скойта, — хмуро сказал Комплейн.

— Я боюсь, Рой, — сказала Виан. — Я никак не могу избавиться от чувства, что должно случиться что-то страшное.

Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять, как сильно она обеспокоена. Комплейн встал рядом, гладя ее по плечу.

— Займитесь мастером Скойтом, советник, — сказал он Трегоннину. — Скоро он придет в себя настолько, что сможет решить за вас все проблемы. Мы сейчас вернемся.

И он вытащил удивленную Виан в коридор. Тонкая струйка воды ползла вдоль палубы.

— Что теперь? — спросила она.

— Я глупец, что не подумал о. б этом раньше, — сказал он. — Мы должны рискнуть и разрушить все, чтобы добраться до Гигантов, если нет другого способа. Но другой способ есть! В комнате Зака Дейта есть аппарат, через который он разговаривал с предводителем Гигантов.

— Ты забыл слова Мараппера, что Зак Дейт исчез?

— Может, нам удастся включить аппарат без него, — ответил он. — А может, попадется еще что-нибудь полезное. Здесь мы наверняка не нужны.

В эту минуту мимо них что было сил пробежали шестеро Носовиков. Вообще, все вокруг двигались теперь бегом, разбрызгивая воду в коридорах, подгоняемые запахом паленого. Комплейн взял мягкую ладонь Виан и быстро повел девушку на Палубу 17, а оттуда вниз, на нижний уровень. Крышки люков лежали вокруг, как разбросанные надгробные плиты, а стражники, которые должны были их охранять, дезертировали в поисках более сильных впечатлений.

Оставшись перед комнатой, где он оставил пораженного советника, Комплейн открыл дверь.

Посредине, на металлическом стуле сидел Зак Дейт. Рядом с ним Комплейн увидел широкую фигуру Мараппера с парализатором в руках.

— Пространства для ваших я, дети мои, — сказал священник. — Входи, Рой, входи. И ты тоже, инспектор Виан.

4

— Что ты тут делаешь, жирный старый мерзавец? — удивленно спросил Комплейн.

Священник, игнорируя форму приветствия, которым встретил его Рой, как обычно подробно объяснил, что он здесь для того, чтобы с помощью пыток вытянуть у Зака Дейта все тайны корабля. Он только начал, ибо, хотя находится здесь довольно долго, только что привел советника в чувство.

— Но ведь на заседании Совета ты сказал, что его здесь нет, — напомнила Виан.

— Я не хотел, чтобы его разорвали за то, что он Чужой, прежде чем я с ним поговорю, — заявил Мараппер.

— С каких пор ты знаешь, что он Чужой? — подозрительно спросил Комплейн.

— С тех пор, как пришел сюда и застал его лежащим на полу с восьмиугольным перстнем на пальце, — сказал довольный собой Мараппер. — Сначала, вгоняя нож ему под ногти, я выдавил из него некую информацию. Чужие и Гиганты пришли с планеты, которую мы видим, но не могут туда вернуться, пока за ними не прилетит

корабль. Наш корабль приземлиться не может.

— Конечно, не может. Ведь он лишен рулей, — сказала Виан. — Ты только теряешь время, священник Мараппер. Я не могу позволить тебе пятнать советника, которого знаю с тех пор, как была еще маленькой девочкой.

— Не забывай, что он хотел нас убить, — напомнил Комплейн.

Она молча смотрела на него. Женская интуиция говорила ей, что она располагает аргументом более сильным, чем рассудок.

— У меня не было другого выхода, — глухо сказал Зак Дейт. — Если вы освободите меня от этого ничтожества, я сделаю все, разумеется, в пределах рассудка.

Трудно было представить более щепетильную ситуацию, чем та, в которой оказался Комплейн. Быть втянутым в спор между священником и девушкой! Он готов был позволить Марапперу вытянуть из Дейта всю возможную информацию, но не мог сделать этого в присутствии Виан. С другой стороны, он не мог объяснить священнику, откуда взялась у него эта внезапная чувствительность. Начался спор, прерванный каким-то шумом. Это был странный звук, что-то похожее на шелест или скрежет, тем более странный, что

его было трудно идентифицировать. Он нарастал постепенно и вдруг оказался прямо над их головами.

Это были крысы! Они бежали по вентиляционной трубе, тянущейся над уровнем. Сейчас они были как раз на решетке, через которую не так давно прошел Комплейн. Маленькие розовые лапки приближались и удалялись, пока все крысиное племя проносилось над головами. В комнату посыпалась пыль, а за ней дым.

— Так теперь по всему кораблю, — вновь повернулся к Заку Дейту Комплейн, когда топот удалился и стих. — Огонь выгоняет крыс из их нор. Если хватит времени, люди уничтожат здесь все. Они найдут и ваше тайное убежище, даже если для этого придется вас убить. Если хочешь остаться целым, Дейт, подойди к этому аппарату и скажи Кюртиссу, чтобы выходил с поднятыми вверх руками.

— Даже если я это сделаю, он все равно меня не послушает, — сказал Зак Дейт. Он беспокойно потирал руки, покрытые тонкой, как бумага, кожей.

— Об этом пусть у тебя голова не болит, — сказал Комплейн. — Где этот ваш Малый Пес? Внизу, на планете?

Зак Дейт кивнул. Он непрерывно кашлял, и это нервное покашливание выдавало его напряжение.

— Вставай и скажи Кюртиссу, чтобы как можно скорее соединился с Малым Псом и попросил его прислать сюда корабль, — сказал Комплейн. Он вытащил парализатор и направил его на Дейта.

— Здесь только я имею право размахивать парализатором! — крикнул Мараппер. — Дейт — мой пленник!

Он вскочил и подошел к Комплейну с занесенным оружием. Одним ударом Рой выбил парализатор у него из руки.

— Мы не можем позволить себе, священник, чтобы в дискуссии участвовали три стороны. Если хочешь оставаться здесь, веди себя спокойно. Если не хочешь, убирайся! Ну, Дейт, ты решился?

Зак Дейт встал. На лице его была неуверенность.

— Я не знаю, что делать. Вы совершенно не представляете ситуации, — сказал он. — Если бы только я мог вам помочь! Ты кажешься мне разумным человеком, Комплейн. Если бы мы оба…

— Никакой я не разумный! — крикнул Комплейн. — Все, только не это! Соединяйся с Кюртиссом! Ну, старый лис, двигайся! Вызови сюда

корабль!

— Инспектор Виан, не можете ли вы… — начал Дейт.

— Конечно, Рой, прошу тебя… — попробовала вмешаться Виан.

— Нет! — рявкнул Комплейн. Разгорелся яростный спор, каждый имел собственное мнение, в том числе и женщина. — Эти мерзавцы ответственны за все наши несчастья. Теперь они должны вытащить нас из этого, иначе…

Он резко отодвинул от стены один из шкафов. Телефон стоял в маленькой нише, готовый передать любое известие.

— На этот раз. Дейт, мой парализатор настроен на смертельную мощность, — предупредил Комплейн. — Я считаю до трех, и ты начинаешь говорить. Раз… два…

Глаза Зака Дейта были полны слез, когда он дрожащей рукой поднимал трубку.

— Дайте мне Крейна Кюртисса, хорошо? — сказал он, когда с другой стороны кто-то отозвался. Несмотря на ожесточение, Комплейн задрожал при мысли, что в эту минуту аппарат соединен с тайной крепостью на корабле.

Когда Кюртисс отозвался, четверо находящихся в комнате людей, прекрасно услышали его го-

лос. Он был сдавлен от волнения и, кроме того, Кюртисс говорил так быстро, как будто не был Гигантом. Он перешел к делу, прежде чем старый советник успел что-либо сказать.

— Дейт! Что вы там натворили?! Я всегда говорил, что вы слишком стары для этой работы! Проклятые коротышки по-прежнему владеют сварочным аппаратом, а ведь вы утверждали, что забрали его. Они совершенно обезумели, совершенно! Несколько парней пробовали забрать его у них, но безуспешно, и теперь корабль горит недалеко от нас! Это ваша работа! Вы будете за это отвечать…

Под этим потоком слов к Заку Дейту как будто вернулось его прежнее достоинство. Трубка перестала дрожать в его руке. — Кюртисс! — Его повелительный голос прервал на мгновение поток слов с той стороны. — Кюртисс, возьмите себя в руки! Сейчас не время для взаимных обвинений. Сейчас есть более важные дела. Вы должны соединиться с Малым Псом и сказать им…

— С Малым Псом! — воскликнул Кюртисс. Он снова начал говорить с большой скоростью. — Я не могу соединится с Малым Псом! Почему вы не слушаете того, что я говорю? Какой-то идиот-коротышка, орудуя автогеном, повредил

электрический кабель на среднем уровне Палубы 20, прямо под нами. Теперь все вокруг нас под напряжением. Четверо моих людей лежат в шоке. Свет и радио не работают. Мы полностью отрезаны. Мы не можем уведомить Малого Пса и не можем отсюда выйти…

Зак Дейт застонал. Он повернулся и посмотрел на Комплейна.

— Мы погибли, — сказал он. — Ты сам слышал.

Комплейн ткнул парализатором ему под ребра.

— А вы, тихо! — цыкнул он. — Кюртисс еще не кончил!

Телефон по-прежнему издавал скрипучие звуки.

— Вы слушаете, Дейт? Почему вы не отвечаете?

— Слушаю, — утомленно сказал Дейт.

— Тогда отвечайте. Вы думаете, я говорю с вами для собственного удовольствия?! — кричал Кюртисс. — Для нас есть только один выход. Наверху, в пассажирском люке на Палубе 10, находится аварийный передатчик. Понимаете? Мы тут замурованы, как омары в банке. Мы не можем отсюда выйти, а вы свободны. Вы должны добраться до этого передатчика и вызвать на помощь Малого

Пса. Вы можете это сделать?

Парализатор еще сильнее вжался в ребра Зака Дейта.

— Постараюсь, — сказал Дейт.

— Постараетесь получше! Это наш единственный шанс. И еще, Дейт…

— Да?

— Скажите им, чтобы они прибыли побыстрее и с оружием!

— Порядок.

— Идите к инспекционному каналу и возьмите экипаж.

— Хорошо, Кюртисс.

— И поспешите! Ради бога, Дейт, идите туда как можно быстрее.

Когда Зак Дейт положил трубку, воцарилась долгая тишина.

— Вы позволите мне поискать этот передатчик? — спросил наконец Дейт.

Комплейн кивнул головой.

— Я иду с тобой, — сказал он. — Мы должны овладеть кораблем. — Он повернулся к Виан. Она как раз принесла старому советнику кубок воды, который тот принял с благодарностью.

— Лаур, — обратился он к ней, — будь добра, скажи мастеру Скойту, что убежище Гигантов

находится где-то на верхнем уровне Палубы 20. Скажи ему, чтобы он ликвидировал их полностью и как можно быстрее. Но пусть будет осторожен, там опасно. Скажи ему, что там есть один Гигант по имени Кюртисс, который должен быть выслан в Долгое Путешествие очень медленно. Береги себя, Лаур. Я постараюсь вернуться поскорее.

— А не мог бы Мараппер сходить вместо… — начала Виан.

— Я хочу, чтобы это сообщение быстро дошло до цели, — решительно сказал Комплейн.

— Будь осторожен, — умоляюще сказала она.

— Ничего с ним не случится, — жестко сказал Мараппер. — Несмотря на его оскорбления, я пойду с ним.

В коридоре их встретили квадратные контрольные огни. Их редко разбросанные голубые пятна слабо освещали неприятную темноту, и Комплейн смотрел на уходящую Виан, полный дурных предчувствий. Бредя по воде, он неохотно двинулся за Мараппером и Дейтом. Советник как раз исчезал в открытом люке, а священник в нерешительности стоял над ним.

— Подожди! — воскликнул он. — А что с крысами?

— У тебя и у Комплейна есть парализаторы, —

сказал Зак Дейт.

Однако это не успокоило Мараппера до конца.

— Боюсь, что этот лаз слишком узок для меня, — сказал он. — Я же большой мужчина, Рой.

— И еще больший лжец, — ответил Комплейн. — А ну, лезь вниз. Мы должны быть готовы ко всему, особенно к встрече с крысами.

Они с трудом проникли в инспекционный канал и поползли на четвереньках по рельсам, по которым обычно передвигались низкие тележки. Однако сейчас их не было, и они ползли все дальше и дальше, с трудом протискиваясь сквозь узкий проход. Только на третьей палубе они наконец натолкнулись на тележку, забрались на нее и легли навзничь. Двигатель заработал, и экипаж двинулся, быстро набирая скорость. Межпалубные перекрытия проносились в каком-то дюйме от их голов. Мараппер стонал, стараясь втянуть свой могучий живот. Наконец, экипаж остановился. Они были на Палубе 10.

В этом удаленном месте было множество крысиных следов. Весь пол был завален мусором. Мараппер методично освещал фонарем то одну, то другую стену коридора.

Экипаж остановился в самом центре палубы, и они могли выпрямиться. Вокруг них инспекци-

онные пути шириной четыре фута образовывали что-то вроде слоеного пирога, размещенного между двумя кольцами палуб. По всей его ширине перекрещивались рычаги, рукоятки, большие и малые кабели и мощные трубы, по которым проходили коридоры корабля. Где-то в темноте над их головами исчезала стальная лестница.

— Пассажирский люк находится, конечно, на верхнем уровне, — сказал Зак Дейт, после чего, ухватившись за ступени лестницы, начал карабкаться вверх. Следующий за ним Комплейн заметил, что по обеим сторонам есть повреждения, как будто в комнатах, которые они миновали, когда-то произошел взрыв. В момент, когда он об этом подумал, раздался далекий грохот, вызвав среди многочисленных труб такой резонанс, как будто заиграл большой оркестр.

— Ваши люди продолжают уничтожать корабль, — холодно заметил советник.

— Надеюсь, при этом они уничтожают оставшихся Гигантов, — сказал Мараппер.

— Оставшихся! — воскликнул Дейт. — А сколько, по-вашему, “Гигантов” находится на корабле?

Поскольку священник молчал. Дейт сам ответил на свой вопрос.

— Этих бедняг ровно двенадцать. Тринадцатый

— Кюртисс.

Комплейну удалось взглянуть на ситуацию глазами человека которого он никогда не видел — глазами Кюртисса. Он увидел его — испуганного чиновника, сидящего в темноте где-то в разрушенной комнате, в то время как на корабле все упорно ищут место его укрытия. Не очень-то приятная картина.

Однако времени для дальнейших рассуждений не было. Они достигли верхнего уровня и снова поползли в направлении ближайшего люка. Зак Дейт сунул в замок свой восьмиугольный перстень и открыл крышку над их головами. Когда они выбрались наружу, их окружала стая бабочек, мгновение висевшая в воздухе, а потом улетевшая в глубь темного коридора. Комплейн быстро вытащил парализатор и выстрелил туда. В свете фонаря Мараппера он с удовлетворением увидел, что большинство из них упали на палубу.

— Надеюсь, ни одна не уцелела, — сказал он. — Я готов поклясться, что эти моли — разведчики крыс.

Разрушения в районе, где они сейчас находились, были еще больше. Ни одна стена не стояла прямо. Стекло и сломанные предметы толстым

слоем покрывали палубу за исключением узкой дорожки, с которой обломки были убраны. По этой тропинке они и двинулись вперед, внимательно глядя по сторонам.

— Что здесь было? — с интересом спросил Комплейн. — То есть, до разрушения.

Зак Дейт шел молча, по-прежнему мрачный и задумчивый.

— Что здесь было, Дейт? — повторил Комплейн.

— Ох… большую часть этой палубы занимал Медицинский Исследовательский Центр, — сказал Дейт. — Полагаю, какой-то оставленный без присмотра компьютер разорвался в конце концов на куски. Попасть сюда обычным путем — коридорами или лифтами — нельзя. Район этот совершенно отрезан. Гробница в гробнице.

Комплейн задрожал от возбуждения. Медицинский Исследовательский Центр! Именно здесь двадцать три поколения назад работала Джун Пэйн, открывшая пэйнин. Он старался представить ее, склоненную над столом, но видел только Лаур.

Наконец они добрались до воздушной камеры и пассажирского люка. Он выглядел как маленький грузовой люк, с такими же колесами у дверей

и предостерегающими надписями.

— Подожди! — торопливо сказал Мараппер. — Я большой знаток хитростей, Рой, и клянусь, что этот мерзавец припас нам какой-нибудь сюрприз. Он хочет нас погубить.

— Если нас там кто-нибудь ждет, Дейт, — сказал Комплейн, — и ты, и они немедленно отправитесь в Путешествие.

Дейт отвернулся. Вся его фигура выражала огромное напряжение и усталость. В другое время и в другом обществе он вызывал бы только жалость.

— Нет там никого, — сказал он, кашляя. — Вам нечего бояться.

— А та… та вещь, называемая радио, находится за этими дверями? — недоверчиво спросил Комплейн.

— Да.

Мараппер схватил Комплейна за плечо и направил свет фонаря прямо в лицо Дейту.

— Надеюсь, ты не позволишь ему разговаривать с Малым Псом? Он захочет вызвать их сюда с оружием.

— Не считай меня идиотом только потому, что я случайно родился в твоем приходе, — сказал Комплейн. — Дейт передаст им то, что прикажем

мы. Открывай, советник!

Дверь открылась, и они оказались в люке. Это было квадратное помещение со стороной не более пяти шагов. Шесть космических скафандров, напоминающих доспехи, стояли у стены. Кроме скафандров в комнате находился еще один предмет. Это было радио, небольшой переносной аппарат с лямками для ношения и телескопической антенной.

Так же, как и в грузовом люке, здесь было окно. Не считая закрытой сейчас обсерватории в рубке, четыре пассажирских и два грузовых люка были единственными помещениями, снабженными наблюдательными отверстиями. Имея другой коэффициент расширяемости, они представляли собой слабое звено корабля. Поэтому-то их и запланировали только там, где это было необходимо. Вид, открывшийся из окна, произвел на Мараппера такое же впечатление, как прежде на других. Не дыша, вглядывался он в безбрежное пространство, впервые не в силах вымолвить ни слова. В эту минуту серп планеты был гораздо больше, чем тогда, когда его разглядывал Комплейн. Видны были белизна и зелень, смешанные с ослепительной голубизной, и все это как-то странно сверкало. На некотором отдалении от

величественного серпа, гораздо меньше его, пылало солнце. Восхищенный Мараппер указал на него рукой.

— Что это? — спросил он. — Солнце?

Комплейн кивнул.

— О боже! — воскликнул потрясенный священник. — Оно круглое! А я всегда представлял его квадратным, как контрольные лампы!

Зак Дейт подошел к радио. Подняв дрожащей рукой аппарат, он повернулся к остальным.

— Будь что будет, — сказал он. — Что бы не произошло, я не буду скрывать от вас, — что эта планета — Земля.

— Что?! — воскликнул Комплейн. — Ты лжешь, советник! Ты гнусно лжешь! Это не может быть Земля! Мы знаем, что это не может быть Земля!

Старый человек вдруг заплакал. По щекам его потекли слезы, которые он даже не пытался скрыть.

— Вы должны это знать, — сказал он. — Вы страдали много… слишком много. Это Земля, но вы не можете на нее вернуться. Долгое Путешествие… Долгое Путешествие должно длиться вечно. Такова жестокость жизни.

Комплейн схватил его за тонкую шею.

— Послушай меня, Дейт, — рявкнул он. — Если

это Земля, то почему мы не на ней? Кто ты такой, кто такие Чужие, Гиганты? Кто такие вы все? Ну, кто?

— Мы… мы с Земли, — прохрипел Дейт, размахивая руками перед искаженным лицом Комплейна, который тряс советника, как вырванный из земли куст глонов. Мараппер что-то кричал Комплейну на ухо, дергал его за плечо, впрочем, сейчас кричали все, а лицо Дейта, под влиянием дюжей хватки Комплейна, стало пурпурным. Они споткнулись о стоящие скафандры, повалили два из них и упали сами. Наконец, священнику удалось оттащить Комплейна.

— Ты сошел с ума, Рой! — просипел он. — Ты же хотел его задушить!

— Ты что, не слышал его слов? — крикнул Комплейн. — Мы жертвы какого-то страшного заговора…

— Заставь его сначала поговорить с Малым Псом! Он один может включить эту штуку! Скажи ему, чтобы он поговорил с ним, Рой, а потом можешь его убить или задавать ему вопросы.

Значение этих слов медленно доходило до Комплейна. Гнев, красной пеленой закрывший его глаза, прошел. Мараппер как обычно, рассудительный, когда речь шла о его собственной

шкуре, был прав. Комплейн с трудом взял себя в руки. Он встал и грубо поставил Дейта на ноги.

— Что такое Малый Пес? — спросил он.

— Это… это кодовое название института, созданного для исследования жителей этого корабля, — сказал Зак Дейт, растирая шею.

— Для исследования… Ну, хорошо, соединись с ними и скажи, что несколько ваших людей заболели и нужно немедленно прислать за ними корабль. И не вздумай говорить ничего другого, или мы разорвем тебя на куски и отдадим на съедение крысам! Давай!

— Ах! — Мараппер с удовольствием потер руки и поправил плащ. — Ты говоришь, как образцовый прихожанин, Рой. Ты — мой любимый грешник. Когда сюда прибудет корабль, мы обезвредим экипаж и вернемся на Землю. Все вернемся! Все! Каждый мужчина, каждая женщина и каждый мутант — от Носа и до Кормовой Лестницы!

Зак Дейт взял аппарат и включил ток. Потом отважно повернулся и встал перед ними лицом к лицу.

— Позвольте мне сказать кое-что, — с достоинством произнес он. — Что бы ни случилось — а я очень боюсь окончания этой страшной истории

— я хотел бы, чтобы вы помнили мои слова. Вы были обмануты, это правда. Ваша жизнь, полная страданий, протекает в стенах этого корабля. Но где бы вы ни жили, в каком месте и времени, жизнь ваша не была бы свободна от боли. Для каждого во всей вселенной жизнь — это долгое и трудное путешествие. Если вы…

— Хватит, Дейт, — сказал Комплейн. — Мы не жаждем рая, мы хотели бы только иметь возможность выбрать место страдания. Ну, говори с Малым Псом.

Решившийся, белый, как стена, Зак Дейт повернулся и начал передавать. Вскоре в металлической коробке раздался громкий голос:

— Алло, Большой Пес. Говорит Малый Пес, мы слышим вас хорошо. Прием.

— Алло, Малый Пес, — начал Зак Дейт и замолчал. Откашлялся. По лбу его струился пот. Как только он замолчал, Комплейн поднял оружие. Советник помолчал и, с отчаянием глядя на Солнце, продолжал: — Алло, Малый Пес. Немедленно присылайте корабль. Коротышки обезумели. На помощь! На помощь! Коротышки обезумели! Прилетайте хорошо вооруженными! Коротышки… хррр…

Выстрел Комплейна поразил его в открытый

рот, а выстрел Мараппера в бедро. Он согнулся и рухнул, и вместе с ним с грохотом упало радио. Он даже не дрогнул, он был мертв еще до того как коснулся палубы. Мараппер поднял аппарат с пола.

— Хорошо же! — крикнул он в него. — Идите и берите нас, вы, вонючие трупоеды! Идите и берите нас!

Размахнувшись, он швырнул аппарат в стену, потом, с характерной для него резкой сменой настроения, упал на колени рядом с телом Зака Дейта, начиная тем самым ритуальную панихиду.

Комплейн, сжав кулаки, смотрел на планету. Он был не в состоянии присоединиться к священнику. Привычка совершать ритуальные обряды над трупами покинула его навсегда, он попросту перерос все суеверия. Больше всего его поразил один факт, которого не заметил Мараппер и который положил конец всем их надеждам.

Преодолев тысячи преград, они знали теперь, что Земля близка. Однако, по словам Зака Дейта, Земля, их родной дом, была занята Гигантами и Чужими. И именно это разожгло в нем бессильный гнев.

5

Лаур Виан стояла молча, беспомощно глядя на оживленное движение на Палубе 20. Она могла стоять только потому, что держалась за фрамугу двери, ибо в результате разрушений, совершенных штурмовыми отрядами Скойта, сила тяжести на этой палубе перестала существовать. Все понятия о верхе и низе на трех концентрических уровнях пошли прахом. Впервые Виан поняла, какие гениальные инженеры конструировали корабль. В нынешних условиях половина палубы была непригодна для жизни.

Рядом с Виан, тоже молча, стояла группа женщин с детьми, смотревшая на гибель своих домов. Скойт, одетый только в шорты и весь черный от сажи, пришел уже в себя после отравления газом и сейчас разбирал всю палубу так, как делал с Палубой 25. Получив от Комплейна информацию, переданную Виан, он принялся за работу с такой энергией, что она будила тревогу.

Его первым начинанием была немедленная казнь двух женщин и четырех мужчин, у которых Пагвам вместе с несколькими членами Общества Сохранения нашел восьмиугольные

перстни Чужих. Под его твердым руководством, как верно предвидел Комплейн, действия Гавла и его друзей были заключены в жесткие рамки и приобрели целенаправленность. Поскольку Грегг с лицом и рукой в повязках был совершенно недееспособен, Гавл охотно заменил его. Остальные члены банды Грегга охотно помогали ему, причем отсутствие силы тяжести совершенно им не мешало. Впрочем, это не значило, что они слушаются Гавла, просто они объединились с ним в его демонической воле.

То, что когда-то напоминало строгие медовые соты с коридорами и квартирами, выглядело сейчас в свете многочисленных фонарей, как отлитая в бронзе сцена из фантастического сна. На очищенной территории, где оставалось много металла, под напряжением, так что погибло пятеро людей, балки, сделанные из особого сплава и образующие скелет корабля, оставались целыми. С них свисали потеки более легких металлов, которые под воздействием высокой температуры плавились, стекали и снова застывали. Хаос дополняла вода, брызжущая из поврежденных водопроводных труб.

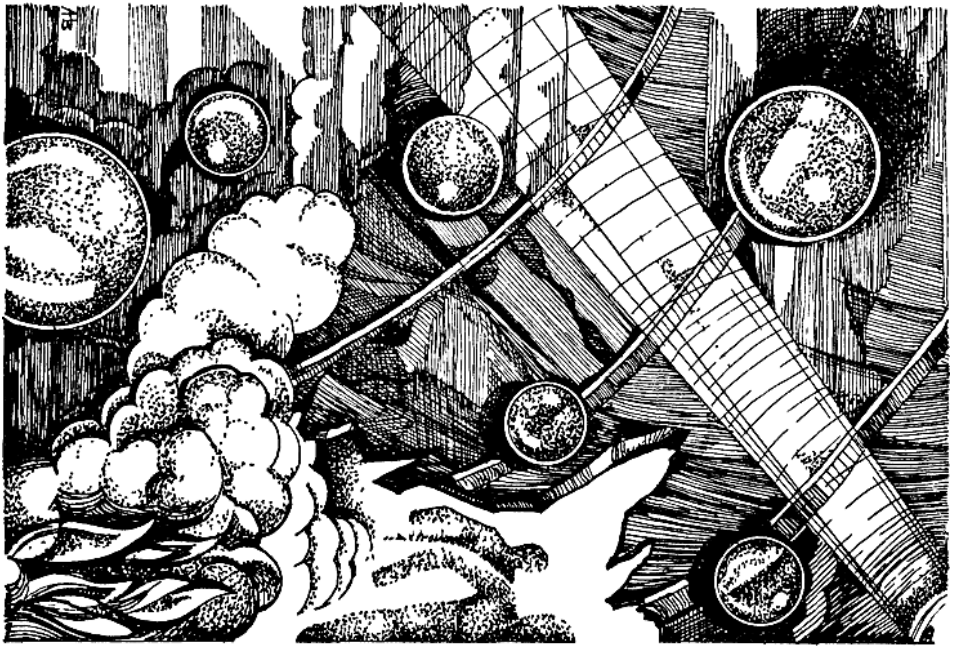
Во всей этой неразберихе самое сильное впечатление производила именно вода. Она текла

вперед, но попав в сферу невесомости, останавливалась, образуя висящие в воздухе капли. Пожар, распространяющийся на Палубах 23 и 24, превратился в настоящее пекло и вызвал сильные воздушные потоки. Под их действием капли удлинялись, напоминая фантастических стеклянных рыб.

— Я думаю, парни, что мы загнали Гигантов в тупик! — кричал Гавл. — Еще в этот сон у вас будет достаточно крови, чтобы наполнить ею свои котелки!

Он ловко рассек очередную перегородку, а окружающие его мужчины издали вопль ярости.

Виан больше не могла смотреть на Скойта. Глубокие морщины на его лице, еще более отчетливые при свете фонарей, не стерло даже отсутствие силы тяжести. Они казались глубже, чем обычно, ибо для Скойта распад мира, в котором он жил, был очень болезнен.



Опечаленная девушка отвернулась. Она поискала взглядом Трегоннина, но его не было. Вероятно, он в отчаянии бегал по своей комнате; маленький человечек, который знал правду, но никому не мог ее рассказать. Нужно было возвращаться к Рою Комплейну. В своем теперешнем состоянии она считала, что только его лицо сохранило еще человеческие черты. Среди оглушающего грохота, вызванного разрушением корабля, она поняла, почему любит Комплейна. Хотя никто из них об этом не говорил, но Комплейн изменился, а Виан была и свидетелем, и причиной этой перемены. Многие изменились, Скойт тоже. Они сбросили вековое ярмо тоски и безнадежности, как это сделал Комплейн, но если другие изменялись к худшему, то метаморфоза Роя Комплейна подняла его на более высокий уровень.

Палубы 19 и 18 были забиты людьми, ожидающими неизбежного катаклизма, который они представляли довольно неясно. Дальше, как заметила Виан, верхние уровни были полностью безлюдны. Хотя темная сон-явь уже миновала, безотказные, как восход солнца, лампы корабля не загорелись. Виан зажгла фонарь, висевший на поясе, и взяла парализатор в руки.

На Палубе 15 она вдруг остановилась.

Коридор освещал мягкий розовый свет, шедший из одного из люков. На глазах Виан из люка медленно и с трудом выкарабкалась крыса. Когда-то ей, видимо, перебили хребет, и теперь к туловищу была прикреплено что-то вроде санок, на которых лежали задние лапы. Передними она медленно подтягивалась и так двигалась вперед.

Сколько времени нужно, чтобы они изобрели колесо? — подумала Виан.

Сразу же после появления из люка крысы, усилился идущий из него свет. Из отверстия поднялся столб огня, опал и поднялся снова. Испуганная Виан ускорила шаги, догоняя крысу. Сознание общих с ней страданий ослабило отвращение, которое девушка обычно испытывала к этим созданиям. Она ускорила шаги, покусывая губы и чувствуя под ногами разогревшуюся палубу.

Искалеченная крыса, бывшая в нескольких шагах перед ней, кашлянула и замерла.

— Виан! — позвал за ее спиной знакомый голос.

Она резко повернулась.

Перед ней, пряча парализатор, стоял Грегг. Тихо идя за ней по коридору, он не удержался и убил крысу. С перевязанной головой он изменился до

неузнаваемости. Культя левой руки тоже была перевязана и прикреплена к рубашке. В краснеющей темноте вид его не вызывал доверия.

Виан не смогла сдержать дрожи стража. Если б она решила позвать на помощь, никто в этом тупике не услышал бы ее.

Он подошел ближе и коснулся ее руки.

— Я хотел бы идти с вами, инспектор, — спокойно сказал он. — Я шел за вами все время. Там я уже не нужен.

— Почему ты шел за мной? — спросила она.

Ей показалось, что под бинтами она видит улыбку.

— Что-то не в порядке, — медленно сказал он, цедя слова, а видя, что девушка не понимает его, добавил: — Я имею в виду корабль. Нам конец. Огни гаснут. Я чувствую, что… Позволь мне идти с тобой, Лаур, ты такая… Ох, идем, здесь становится жарко.

Она молча двинулась вперед. Глаза ее были полны слез.

Пока Мараппер убивался над трупом Зака Дейта, Комплейн кружил по шлюзовой камере, изучая ее оборонные возможности. Если Гиганты прибудут с Земли в большом количестве, придется защищать это место. Сейчас это было самое

главное. В стене камеры находилась идеально подогнанная дверь, ведущая в какое-то помещение. Комплейн открыл ее.

Комната была маленьким овальным помещением, из которого можно было наблюдать за происходящим в камере. В комнате на примитивных нарах лежал человек.

Это был Боб Фермур.

С ужасом смотрел он на своего бывшего товарища, ибо через открытый воздушный клапан слышал все, что происходило по ту сторону двери. Допрос, которому подверг его Скойт, лишил его почти полностью кожи на плечах, а также в значительной мере психической сопротивляемости. Он должен был ждать здесь спасательного корабля с Земли, тогда как его спасатели вернулись к Кюр-тиссу. Сейчас он был убежден, что через мгновение отправится в Долгое Путешествие.

— Рой, не делай мне зла! — умолял он. — Я скажу тебе все, что ты должен знать, выдам тебе нечто такое, о чем ты даже не догадываешься. Тогда тебе не захочется убивать меня.

— Я просто не могу этого дождаться, — грозно сказал Комплейн, — но ты пойдешь со мной прямо в Совет, чтобы рассказать все это им. Я считаю, что опасно выслушивать твои признания

в одиночку.

— Только не в глубь корабля! Рой, умоляю тебя! С меня хватит! Я больше не вынесу!

— Вставай! — резко сказал Комплейн. Он схватил Фермура за руку, стянул с нар и втолкнул в камеру. Затем несильно пнул Мараппера в обширный зад.

— Пора бы тебе вырасти из этих глупостей, священник, — сказал он. — Нам нельзя терять времени. Мы должны привести Скойта, Грегга и всех остальных на эту палубу, чтобы предпринять массированную атаку, как только прибудут Гиганты. Мне кажется, что это единственный шанс захватить их корабль, как только он появится.

Священник поднялся с колен и принялся поправлять плащ, одновременно отряхивая его от пыли. Все время он маневрировал так, чтобы Комплейн находился между ним и Фермуром.

— Думаю, ты прав, — сказал он, — хотя, как человек миролюбивый, я весьма не одобряю пролитие крови. Мы должны умолять Сознание, чтобы это была их кровь, а не наша.

Оставив старого советника там, где он упал, они вытолкнули Фермура из камеры в грязный коридор и направились к люку, через который прибыли. По дороге они услышали какой-то

шорох, усиливавшийся по мере того, как они приближались к люку. У крышки они остановились, как вкопанные. Под их ногами по инспекционному каналу мчались крысы. Маленькие и большие, коричневые и серые, некоторые с котомками за спинами, они мчались вперед, гонимые страхом.

— Мы не можем туда спуститься, — сказал Комплейн и при одной мысли, чем это могло бы кончиться, почувствовал холод в желудке.

Масса крыс двигалась с огромной целеустремленностью и ясно было, что ничто не сможет ее задержать.

— На корабле происходит что-то страшное! — воскликнул Фермур. В этой поражающей косматой реке утонул весь его страх перед теми, кто был когда-то его друзьями. Обстоятельства снова соединили их.

— В шкафу шлюзовой камеры, — говорил он дальше, — находится ящик с инструментами. Там должна быть циркульная пила.

Он побежал туда, откуда они пришли, и вскоре вернулся с мешком, в котором что-то громыхало. Быстро открыв его, он вынул ручную атомную пилу с дисковым лезвием. На их глазах инструмент с пронзительным скрежетом вырезал в стене большое, неправильной формы отверстие.

Они с трудом протиснулись в него, инстинктивно направляясь в сторону известной им части палубы. Вновь послышались звуки ударов, похожие на неправильные, нерегулярные удары сердца. Это производило такое впечатление, как будто за то время, что они провели в шлюзовой камере, корабль вдруг ожил. Разрушители Скойта продолжали действовать…

По мере продвижения вперед воздух все более густел, в темноте клубился дым. Чей-то знакомый голос позвал вдруг Комплейна.

Они повернули за угол и увидели Виан и Грегта. Девушка бросилась Комплейну на шею.

Он торопливо рассказал ей о последних событиях, а она поведала ему о разрушениях на двадцатых палубах корабля. Она еще не успела кончить, как свет ярко вспыхнул и погас. Погасли также контрольные огни, перестала действовать сила тяжести, и они беспомощно повисли в воздухе.

Из глубины корабля, как из легких огромного кита, вырвался глухой стон и прокатился по всем его металлическим внутренностям. Впервые они почувствовали, что весь корабль содрогнулся.

— Корабль обречен на гибель! — крикнул Фермур. — Эти идиоты уничтожают его! Вам нечего

больше бояться Гигантов — прибыв сюда, они сыграют роль спасательной команды, разыскивающей обугленные трупы на обломках корабля!

— Никто не заставит Роджера Скойта прервать дело, которое он начал, — угрюмо сказала Виан.

— О боже! — прошептал Комплейн. — Ситуация безвыходная.

— Нет ничего безвыходного, кроме человеческого предназначения, — сказал Мараппер. — По-моему, лучше всего нам будет в рубке. Именно туда я и направляюсь, если только удержусь на ногах.

— Хорошая мысль, священник, — сказал Грегг. — С меня хватит поджогов. Для Виан это место тоже будет самым безопасным.

— Рубка! — повторил Фермур. — Ну, конечно же…

Комплейн промолчал. Он уже отбросил план поставить Фермура перед лицом Совета, на это не оставалось времени. В этих условиях нечего было рассчитывать и на отражение атаки Гигантов.

Очень медленно вся группа преодолела расстояние в десять палуб, отделяющее их от овального помещения с уничтоженными рулями. С трудом поднявшись по крутой лестнице, они пролезли в отверстие, проделанное раньше Комплейном

и Виан.

— Это забавно, — сказал Мараппер. — Впятером вышли мы из Кабин, чтобы добраться до этого места, и вот трое из нас достигли его!

— Много мы от этого получили, — сказал Комплейн. — Я до сих пор не знаю, почему вообще пошел с тобой, священник.

— Прирожденным лидерам нет нужды отвечать на такие вопросы, — скромно ответил Мараппер.

— Ну, конечно, именно здесь нам и нужно быть, — возбужденно сказал Фермур. Он осветил фонарем все помещение, разглядывая сплавленные в общую массу приборы. — Здесь хорошо поработали. Где-то здесь находится устройство, закрывающее все межпалубные двери. Они сделаны из того же сплава, что и корпус, и пройдет немало времени, прежде чем огонь сокрушит их. Если только мне удастся найти это устройство…

Он махнул атомной пилой, подтверждая свои намерения.

— Мы должны спасти корабль! — продолжал он дальше. — Если мы прервем связь между палубами, может быть, это нам и удастся.

— К черту корабль! — сказал Мараппер. — Мы должны держаться все вместе до тех пор, пока не

выберемся отсюда.

— Отсюда вы не выберетесь, — сказал Фермур. — И лучше, если вы уясните это сейчас. Никто из вас не попадет на Землю. Ваше место на корабле, и вы должны здесь остаться. Это путешествие нон-стоп, без остановки и конца.

Комплейн резко повернулся:

— Зачем это ты говоришь? — спросил он таким напряженным голосом, что его почти не было слышно.

— Это не моя вина, — торопливо сказал Фермур, почувствовав опасность. — Положение, несомненно, ужасно для каждого из вас. Корабль находится на околоземной орбите и должен на ней остаться. Таково было решение Мирового Правительства, когда для контроля над кораблем был образован Малый Пес.

Комплейн гневно махнул рукой.

— Почему? — умоляюще спросила Виан. — Почему корабль должен здесь остаться? Это так жестоко… Мы люди с Земли. Это странное путешествие на Процион и обратно закончилось, и мы каким-то непонятным образом пережили его. Разве не должны… ох, я не знаю, что происходит на Земле, но разве люди не должны быть довольны, что мы вернулись? Счастливы? Обрадованы?

— Когда корабль, или как его шутливо называли Большой Пес, в противоположность Малому Псу, куда он был послан, был обнаружен телескопами, каждый житель Земли был, как вы только что сказали, счастлив, доволен, обрадован. — Фермур замолчал. Все это произошло еще до его рождения, но он знал факты по рассказам. — В направлении корабля послали сигнал, но он остался без ответа: корабль продолжал мчаться к Земле. Это было совершенно необъяснимо. Правда, мы уже вышли из технологической эры цивилизации, но быстро были построены фабрики, и целая флотилия малых кораблей была выслана навстречу Большому Псу. Они должны были установить, что произошло на корабле. Уравняв скорость малых кораблей со скоростью этого колосса, люди вошли внутрь. Там они обнаружили… да, обнаружили, что на корабле в результате какой-то давнишней катастрофы царит черный век.

— Девятидневная Зараза! — прошептала Виан.

Удивленный тем, что она знает, Фермур кивнул.

— Нельзя было позволить, чтобы корабль летел дальше, — сказал он, — потому что так он мог бы вечно мчаться сквозь галактическую ночь. Рули

были обнаружены в таком состоянии, в каком вы их сейчас видите — уничтоженные, вероятно, каким-то безумцем много поколений назад. Двигатели были включены, и корабль выведен на орбиту.

— Но почему нас оставили на борту? — спросил Комплейн. — Почему нас не забрали на Землю, когда корабль был уже на орбите? Лаур права, это жестоко, не по-человечески!

Фермур покачал головой.

— Нечеловеческое было как раз на корабле, — сказал он. — Его экипаж, переживший заразу, подвергся незначительной физиологической перестройке. Новый белок, проникая в каждую клетку, ускорил обмен веществ. Это ускорение, поначалу незаметное, возрастало из поколения в поколение, и сейчас вы живете в четыре раза быстрее, чем должны.

— Ты лжешь, чтобы запугать нас, — сказал Грегг, и глаза его сверкнули из-под повязок.

— Я не лгу, — сказал Фермур. — Вместо восьмидесяти лет ваша жизнь длится едва двадцать. Элемент ускорения не раскладывается равномерно на всю вашу жизнь. Вы развиваетесь гораздо быстрее, как дети, а затем, после умеренного периода зрелости вдруг приходит старость.

— Мы бы наверняка открыли этот мерзкий заговор! — завыл Мараппер.

— Нет, — ответил Фермур. — Вы не могли его открыть. Несмотря на то, что вокруг вас полно признаков этого, вы не можете их заметить. Например, вы приняли за нормальное явление, что одна сон-явь из четырех темная. Живя в четыре раза быстрее, вы не могли заметить, что четыре ваших дня или сон-яви это в действительности один настоящий день. Когда корабль был еще полностью исправен, с полуночи до шести утра свет автоматически гас. Это должно было производить впечатление ночи, а также давать возможность обслуживающему персоналу незаметно производить необходимый ремонт. Этот шестичасовой перерыв для вас целый день.

Они вдруг начали понимать. Странно, но им казалось, что понимание это не пришло извне, что оно жило в них, как заточенная в темницу правда. Фермур испытывал огромное удовольствие, что может рассказать им все самое плохое, что может сказать это тем, кто его мучил. Желая немедленно дать им почувствовать, как мало они стоят, он продолжал:

— Но это еще не все! Представьте себе этот большой корабль по-прежнему нормально функ-

ционирующим, хотя им никто не управляет. Он снабжает вас всем, за исключением того, чем снабдить не может: свежего воздуха, свежих витаминов и солнечных лучей. Каждое из ваших очередных поколений меньше предыдущего, а другие элементы, например, скрещивание внутри замкнутого общества, изменили вас так сильно, что в конце концов мы признали вас совершенно новой расой. Фактически, вы так идеально приспособились к вашей среде обитания, что вряд ли выживете, если вас перенести на Землю!

Теперь они знали все, ужасная правда дошла до них со всей ясностью. Фермур отвернулся, чтобы не видеть их окаменевших лиц. Ему было стыдно за свой триумф. Он занялся методическими поисками пульта управления, нашел его и с помощью пилы принялся убирать почерневшую обшивку.

— Значит, мы не люди! — воскликнул Комплейн. — Ты сказал нам это совершенно ясно. Наши действия, страхи, надежды, ожидания, любовь… этого вообще не было. Мы только маленькие, смешные, нервно скачущие механические игрушки. Куклы с химическим моторчиком… О, боже!

Он замолчал, и все услышали звук. Это был

тот самый звук, который они слышали в инспекционном канале: миллионы крыс неудержимо мчались по коридорам корабля.

— Они идут к нам! — завопил Фермур. — Они приближаются! Мы в ловушке! Они разорвут нас на кусочки!

Он голыми руками сорвал с пульта обшивку и отшвырнул ее назад. Под ней были восемьдесят четыре ничем не прикрытых кабеля. С помощью пилы Фермур торопливо соединил все кабели парами. Сверкнули искры, и страшный топот приближающейся армии крыс вдруг стих. Палубы были отрезаны одна от другой, и все межпалубные двери на каждом уровне захлопнулись, прерывая всякую связь.

Тяжело дыша, Фермур оперся о пульт. Удалось, но буквально в последнюю минуту. При мысли о том, как близок он был к страшной смерти, его начало рвать.

— Посмотри на него, Рой! — с иронией сказал Грегг, указывая здоровой рукой на Фермура. — Говоря о нас, ты был не прав! Мы так же хороши, как он, даже лучше. Он же совершенно зеленый от страха…

Он пошел на Фермура, сжав кулаки. Мараппер шел за ним следом, вытаскивая нож.

— Кто-то должен заплатить за все это зло, — сказал священник сквозь зубы. — И это будешь ты, Фермур. За страдания двадцати трех поколений ты отправишься в Долгое Путешествие.

Фермур безвольно выпустил из рук пилу, даже не пытаясь защищаться. Он не двигался и молчал, как бы во всем соглашаясь со священником. Мараппер и Грегг медленно приближались к нему, а за ними неподвижно стояли Комплейн и Виан.

В момент, когда Мараппер занес нож, большой купол, под которым они стояли, заполнил громкий треск. Закрытые со времен Грегори Комплейна жалюзи, необъяснимым способом раздвинулись, открыв огромные окна. Три четверти окружающего их сейчас купола занимала панорама космоса. Сквозь вольфрамовое стекло на них смотрела вселенная. С одной стороны корабля сияло Солнце, с другой — Земля и Луна, напоминающие сверкающие шары.

— Как это случилось? — спросила Виан, когда смолкло эхо открывающихся жалюзи.

Они неуверенно осмотрелись. Ничто не двигалось.

С глупым выражением на лице Мараппер спрятал нож в карман. Зрелище было слишком великолепно, чтобы пачкать его кровью, даже

Грегг отвернулся от Фермура. Солнечный свет заливал их. Наконец, Фермур обрел голос.

— Все будет в порядке, — спокойно сказал он. — Не бойтесь. Малый Пес пришлет корабль, огонь будет погашен, крысы уничтожены, и все войдет в норму. Мы снова откроем двери между палубами, и вы сможете жить так же, как и прежде.

— Никогда! — сказала Виан. — Мы посвятили всю жизнь, чтобы выбраться из этой могилы, и скорее умрем, чем останемся здесь.

— Этого я и боялся, — сказал Фермур вполголоса, как бы сам себе. — Мы предвидели, что такой день настанет. Уже другие до вас открыли много тайн, но нам всегда удавалось вовремя заставить их молчать. Ну что же, может быть, вы и адаптировались бы на Земле, как некоторые ваши дети, но мы всегда…

— "Мы"! — воскликнула Виан. — Ты всегда говоришь "мы"! Но ты же Чужой, союзник Гигантов. Что объединяет тебя с настоящими Гигантами?

Фермур рассмеялся, но это был невеселый смех.

— Чужие и Гиганты — это и есть настоящие земляне, — сказал он. — Когда Большой Пес был помещен на орбите, мы, то есть Земля, понимали всю тяжесть ложащейся на нас ответственности.

Вам прежде всего нужны были врачи и учителя. Вам нужны были священники для борьбы с жестокими догмами Науки, которая, несмотря на свою жестокость, все же помогла вам выжить. Однако возникли трудности. Врачи и другие люди не могли просто пройти через шлюзовые камеры и оказаться среди вас, хотя, благодаря инспекционным каналам и гуще глонов, это было возможно. Сначала они должны были обучаться в институте Малого Пса, где их учили двигаться и говорить так быстро, как это только возможно, спать очень мало, словом, жить, как коротышки. Кроме того, они должны были выносить страшную вонь, царящую на корабле. Конечно, это могли быть только исключительно малорослые люди, ибо ни один из вас не имеет более пяти футов роста. Многих из них вы знали и любили, например, доктора Линнея и маляра Меллера. Оба были землянами, жившими в Кабинах. Оба были Чужими и в то же время вашими друзьями.

— А ты? — спросил Комплейн. Он махнул рукой перед лицом, стараясь отогнать моль.

— Я антрополог, — ответил Фермур, — и кроме своих исследований занимался также распространением на корабле знаний. Нас здесь на корабле много. Это единственный в своем роде

шанс изучения механизма воздействия изолированного общества на личность человека. Это позволило значительно расширить наши знания о человеке и цивилизации, дало больше, чем многовековые исследования на Земле.

Зак Дейт был здесь шефом всех, как вы их называете, Чужих. Обычный период работы на корабле составляет у нас два года. Мое пребывание здесь подходит к концу, я не могу оставаться дольше, мне нужно лететь домой и писать работу, как я был Чужим. Пребывание на корабле дает много льгот, оно правда, утомительно, но не опасно, разве что попадешь в руки исключительно хитрого человека, вроде Скойта. Зак Дейт любил коротышек… любил вас… Он оставался на корабле гораздо дольше, чем был должен, чтобы бороться за улучшение условий жизни для вас, чтобы приблизить способ мышления Носовиков к нормальному. И он многого достиг, в чем вы сами можете убедиться, сравнив условия жизни на Носу с условиями, в каких жили племена Бездорожий и Кабин. Зак Дейт был великим человеком. Гуманистом, как Швейцер в двадцатом и Турнбул в двадцать третьем веке. Быть может, закончив свою работу, я напишу его биографию.

Комплейн почувствовал неловкость. Он вспом-

нил, как вместе с Мараппером хладнокровно убил старого советника.

— Значит, Гиганты — это просто высокие люди? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Не высокие, а нормального роста, — объяснил Фермур, — то есть шести футов и больше. Для этого не нужно было подбирать особенно низких людей; в противоположность Чужим их не должны были видеть. Это был технический персонал, который попал сюда, когда корабль был уже на орбите. Они закрыли рубку — на случай, если кто-нибудь ее обнаружит и попытается использовать.

Работа их имела характер главным образом консерв торский. Они исправляли водопроводы, воздухопроводы. Ты же помнишь, Рой, как встретил Джека Рэндолла и Джона Эндрюса, когда они устраняли наводнение в плавательном бассейне. Они убили множество крыс, но крысы были хитры. Множество видов весьма изменилось со времени отлета с Проциона V. Теперь, когда большинство крыс находится на Палубе 2, мы ликвидируем их одним ударом.

Перстни, которые носим мы и Гиганты, являются копиями ключей, использовавшихся у техническим персоналом еще тогда, когда

корабль находился в пути. Эти ключи и инспекционные каналы, через которые можно было спокойно выйти, где нужно, позволяли нам сосуществовать с вами. У нас на корабле был тайный центр, куда время от времени можно было выбраться, чтобы съесть что-нибудь и искупаться. Там, вероятно, умирает сейчас Кюртисс, если его не спасло закрытие палуб.

Кюртисс не из тех людей, что достигают успехов в работе, для этого он слишком нервен. Под его руководством ослабла дисциплина, и были совершены многочисленные ошибки. Тот бедняга, которого Грегг ранил копьем, и который имел при себе этот несчастный сварочный аппарат, работал в Бездорожьях один, а не с напарником, как требуют правила. Это была одна из ошибок Кюртисса, и все же я надеюсь, что он спасется.

— Так значит, вы просто опекали нас? Вы не хотели нас запугать? — спросил Грегг.

— Конечно, нет, — ответил Фермур. — Наши правила запрещают убивать коротышек. Никто из нас іе носит при себе оружия. Легенда, что Чужие возникают из гниющих остатков глонов, была вашим детским предрассудком. Мы не хотели вас беспокоить, нашей задачей было нести вам помощь.

Грегг коротко рассмеялся.

— Понимаю, — сказал он. — Прямо сборище благородных нянек для бедных идиотов, а? А вам никогда не приходило в голову, сукины дети с любящими сердцами, что пока вы нас холили и проводили на нас исследования, мы прошли сквозь ад? Посмотри на меня! Посмотри на моего товарища Гавла и на тех бедняг, которые мне подчинялись! Вспомни о тех, которые были так изуродованы, что встречая их в Бездорожьях, мы убивали их из жалости! Считаем: двадцать три поколения минус семь… Шестнадцати поколениям позволили вы жить и умирать здесь, так близко от Земли, позволили, чтобы мы испытывали всевозможные страдания, и еще считаете, что заслужили нашу благодарность? Дай мне свой нож, Мараппер, я сейчас выпущу кишки этому паршивому герою!

— Ты меня неправильно понял! — крикнул Фермур. — Скажи ему, Комплейн! Я говорил, что ваша жизнь ускорена. Время жизни одного вашего поколения так ускорено, что их прошло двадцать, прежде чем Большой Пес был обнаружен и помещен на орбиту. Я клянусь, что главная проблема непрерывно изучается в лабораториях Малого Пса. В любой момент могут найти

средство, которое прервет чужую пептидную цепочку. Тогда вы будете свободны.

Он вдруг замолчал, с удивлением глядя в какую-то точку рубки.

Все посмотрели в ту же сторону. Даже Грегг обернулся. Из отверстия в одном из разрушенных пультов вилась в ослепляющем свете струйка дыма.

— Пожар! — крикнул Фермур.

— Вздор! — оборвал его Комплейн. Он подошел поближе ко все увеличивающемуся облаку. Оно состояло из тысяч молей. Они во множестве влетали под купол, направляясь к солнцу. Тучи насекомых, летевшие перед своими крысиными союзниками, попали в рубку прежде, чем грызуны достигли палубы. Теперь они летели во все возрастающем количестве. Мараппер вынул парализатор, уничтожая их по мере того, как они появлялись.

Их охватило какое-то странное чувство, из колышущейся тучи мутантов эманировали какие-то оконченные фрагменты мыслей. Ошеломленный Мараппер перестал стрелять, и насекомые появились снова, во все большем числе. Где-то за плитами пультов управления раздался треск электрического разряда. Моли

заблокировали соединения, вызвав короткое замыкание.

— Они могут наделать что-нибудь серьезное? — спросила Виан.

Комплейн покачал головой, давая понять, что не знает. Он все время боролся с чувством, что голова у него набита ватой.

— Корабль приближается! — с облегчением воскликнул Фермур, указывая на что-то пальцем. Маленький на фоне материнской планеты огонек, казалось, не двигался.

Чувствуя сильное головокружение, Виан смотрела на корпус их собственного корабля, Большого Пса. С высоты купола были отлично видны его изогнутые фермы. Под влиянием какого-то непонятного импульса она оттолкнулась ногой и оказалось у вершины купола, откуда вид был более широкий. Комплейн плыл рядом с ней. Вскоре они ухватились за одну из свернутых в рулон загородок. Девушка вдруг поняла, что это именно моли случайно включили их механизм, когда собирались за пультом.

Виан тоскливо посмотрела наружу. Зрелище планеты действовало, как зубная боль, и она тут же отвернулась.

— Подумать только, что они прилетят сюда

с Земли, чтобы навсегда отрезать нас от Солнца… — сказала она.

— Они этого не сделают… Они не могут… — тихо сказал Комплейн. — Фермур глуп, он ничего не знает. Когда они прибудут, Луар, они поймут, что мы заслужили свободу и право жить на Земле. Они не могут быть так жестоки, иначе не делали бы для нас столько. Они поймут, что мы предпочтем умереть там, чем жить здесь.

Откуда-то снизу донесся грохот взрыва. В комнату влетели обломки металлических плит вперемешку с мертвыми насекомыми и дымом. Виан и Комплейн посмотрели вниз и увидели, что Грегг и Фермур отплывают к стене, чтобы избегнуть опасности. Священник следовал за ними очень медленно, потому что взрывная волна забросила ему плащ на голову, и он теперь сковывал его движения. Следующий взрыв выбросил очередные массы мертвых молей, среди которых трепетали еще живые. После второго взрыва где-то в глубине корабля начал нарастать грохот, слышимый даже сквозь закрытые двери, грохот, который усиливался, символизируя многовековую агонию корабля.

Виан молча вытянула руку, указывая на внешнюю оболочку корабля. Вдоль всего корпуса

появились поперечные трещины. Спустя четыреста пятьдесят лет после своего создания Большой Пес разваливался, а грохот, который они слышали, был его предсмертным криком.

— Это тормоз безопасности! — крикнул Фермур. Голос его доносился как будто издалека. — Моли включили тормоз безопасности! Корабль распадается на отдельные палубы!

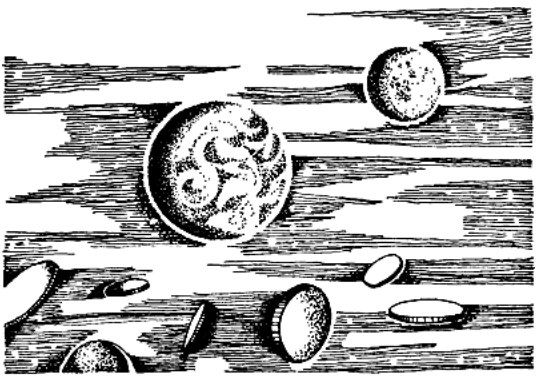
Это было ясно всем. Трещины, пересекающие благородную линию корпуса, превратились в пропасти, которые через мгновение стали частью космоса. А потом не было уже корабля, а только восемьдесят четыре сектора, как будто большие монеты, все более уменьшающиеся по мере того, как разлетались в разные стороны. Каждая монета была палубой, отдельным замкнутым миром, плывущим вокруг Земли с грузом людей, зверей и глонов.

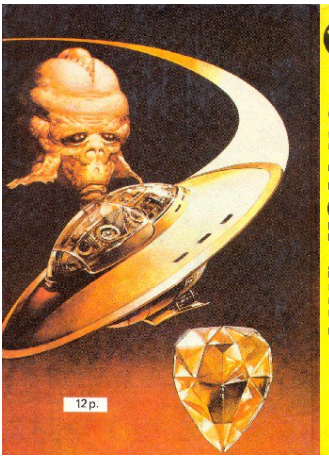
Этого уже нельзя было исправить.

— Теперь у них нет другого выхода, как забрать нас на Землю, — сказала Виан слабым голосом. Она посмотрела на Комплейна, по-женски стараясь угадать, что их ждет. Она пробовала вообразить все те трудности, что будут сопутствовать их приспособлению к совершенно чуждым им условиям Земли. “Похоже, будто каждый из

нас только должен родиться”, — подумала она, с улыбкой глядя на лицо Комплейна.

Они были слеплены из одной и той же глины. Никто из них не знал точно, чего он действительно хочет — теперь, наконец, у них будет шанс это узнать.





МИР КОЛЬЦО

